

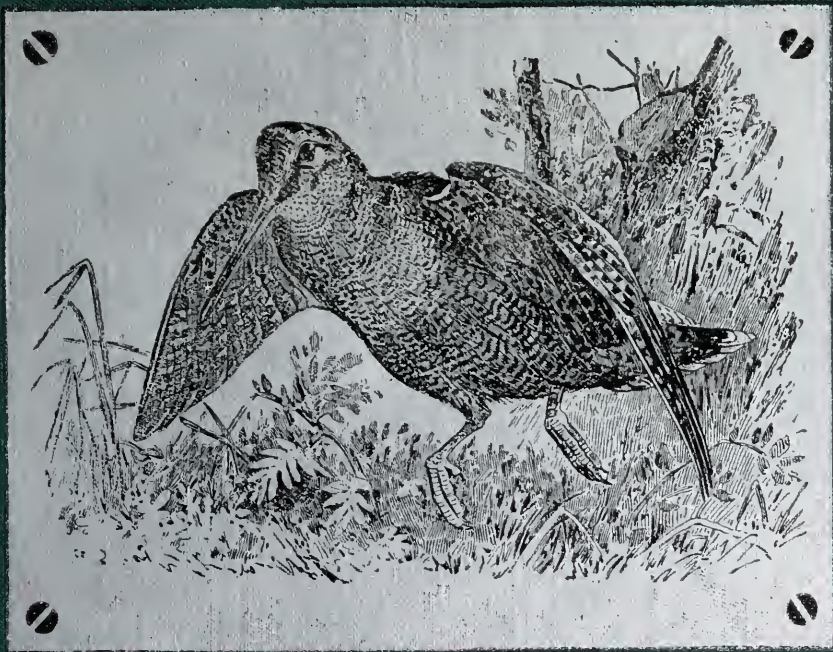

ХОТНИЧЬИ И
ПРОМЫСЛОВЫЯ
ПТИЦЫ

ЕВРОП.РОССІИ И КАВКАЗА

М.А.МЕНЗБИРА

ПРОФ. МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

FOR THE PEOPLE
FOR EDUCATION
FOR SCIENCE

LIBRARY
OF
THE AMERICAN MUSEUM
OF
NATURAL HISTORY

ОХОТНИЧЬИ
и
ПРОМЫСЛОВЫЯ ПТИЦЫ

ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ и КАВКАЗА.

2.2/31/1132

59.82(47)

okhotnich

ОХОТНИЧЬИ

Промысловыя и

ПРОМЫСЛОВЫЯ

птицы

ПТИЦЫ

Европейской России и Кавказа
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ и КАВКАЗА.

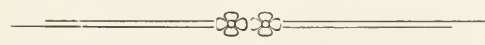
Mikhail Alexandrovich Menzbir

М. А. Мензбира,

профессора Императорскаго Московскаго Университета.

Съ атласомъ изъ 140 таблицъ.
Съ атласомъ изъ 140 таблицъ.

Томъ I
Томъ I-ый.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва—1900—12.

Same and other Birds of European Russia and Caucasus

31-119886-Feb 27

①

Отъ автора.

Настоящая книга является дополненіемъ къ ранѣе изданной мною книгѣ «Птицы Россіи». Такъ какъ описаніе способовъ охоты и промысла не могло войти въ общедоступную русскую орнитологію, чѣмъ собственно является книга «Птицы Россіи», я рѣшилъ посвятить этому предмету отдѣльное изданіе. вмѣстѣ съ тѣмъ это дало мнѣ возможность осуществить болѣе 20 лѣтъ тому назадъ задуманное мною описаніе охотничьихъ и промысловыхъ птицъ Россіи, которое даже было начато, но по разнымъ причинамъ пріостановлено въ самомъ началѣ ¹⁾.

Въ «Охотничьихъ и промысловыхъ птицахъ» упоминается свыше 130 видовъ, но, конечно, описаніе разныхъ видовъ значительно разнится по своей полнотѣ. Особенно полно, «монографически», составлены описанія собственно охотничьихъ и промысловыхъ птицъ, тогда какъ для птицъ, которыя бьются, такъ сказать, попутно, указаны только ихъ распространеніе и сроки полета въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Особенное вниманіе мною было обращено на рисунки, которые въ числѣ 140 хромолитографированныхъ таблицъ составляютъ особый атласъ. Большая часть ихъ заимствована изъ оставшагося неоконченнымъ труда покойнаго лорда Лильфорда «Coloured Figures of the Birds of the British Islands». Смѣю думать, что эти рисунки удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ и хотя отчасти пополняютъ настоятельно ощу-

¹⁾ М. А. Мензбиръ. Охотничьи и промысловыя птицы Европ. Россіи. Вып. I. Красная дичь. Москва. 1882.

щаемый недостатокъ въ такого рода изданіи ¹⁾. Каждый видъ представленъ у меня на особой таблицѣ; нѣкоторымъ видамъ, съ очень измѣнчивой окраской по поламъ, возрастамъ и временамъ года, отведено по двѣ таблицы. Точность изображеній избавила меня отъ необходимости давать описанія птицъ, которыя къ тому же можно найти въ моей другой книгѣ («Птицы Россіи»).

Москва, 15 декабря, 1899 г.

¹⁾ Уже по выходѣ первыхъ выпусковъ настоящей книги, г. Девриенъ началъ издавать сочиненіе гг. Холодковского и Силантьева „Птицы Европы“, съ атласомъ хромоли-тографированныхъ таблицъ. Къ сожалѣнію, рисунки этого атласа вообще несообразно-пестры, иногда же прямо не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью.

Оглавление.

	Стр.
I. Гагаровыя	I
1. Поганка большая. (<i>Podiceps cristatus</i> , L.)	3
2. Поганка сѣрошекая. (<i>Podiceps griseigena</i> , Bodd.)	6
3. Поганка рогатая. (<i>Podiceps auritus</i> , L.)	8
4. Поганка ушастая. (<i>Podiceps nigricollis</i> , C. L. Brehm.)	10
5. Поганка малая. (<i>Podiceps minor</i> , Briss.)	12
6. Гагара полярная бѣлоклювая. (<i>Colymbus adamsi</i> , Gray.)	13
7. Гагара полярная. <i>Colymbus glacialis</i> , L.)	14
8. Гагара полосатая или чернозобая. (<i>Colymbus arcticus</i> , L.)	15
9. Гагара краснозобая. (<i>Colymbus septentrionalis</i> , L.)	17
Добываніе гагарь и поганокъ	19
II. Кулики	21
10. Вальдшнепъ. (<i>Scolopax rusticola</i> , L.)	23
Весна, стр. 25.—Весенняя охота, стр. 46.—Лѣто и осень, стр. 56.	
11. Дупель. (<i>Scolopax major</i> , Gm.)	71
Весна, стр. 73.—Весенняя охота, стр. 88.—Лѣто и осень, стр. 94.— Лѣтняя охота, стр. 105.	
12. Бекасъ. (<i>Scolopax gallinago</i> , Briss.)	112
Весенній образъ жизни, стр. 114.—Лѣтній и осенній образъ жизни. Охота, стр. 126. <i>Медвѣдь. стр. 130</i>	
13. Гаршнепъ. (<i>Scolopax gallinula</i> , L.)	137
14. Грязовикъ. (<i>Tringa platyrhyncha</i> , Temm.)	145
15. Песочникъ. (<i>Tringa minuta</i> , Leisl.)	147
16. Куличекъ-воробей. (<i>Tringa temmincki</i> , Leisl.)	150
17. Песчанка. (<i>Tringa arenaria</i> , L.)	152
18. Песочникъ морской. (<i>Tringa maritima</i> , Brunn.)	153
19. Чернозобикъ. (<i>Tringa alpina</i> , L.)	154
20. Песочникъ исландскій. (<i>Tringa canutus</i> , L.)	158
21. Краснозобикъ. (<i>Tringa subarquata</i> , Guld.)	160
22. Камнешарка. (<i>Streptopelia interpres</i> , L.)	162
23. Болотный куликъ, веретенникъ. (<i>Limosa melanura</i> , Leisl.)	164
24. Веретенникъ малый. (<i>Limosa rufa</i> , Briss.)	170
25. Турухтанъ. (<i>Totanus pugnax</i> , Briss.)	172
26. Перевозчикъ, зукъ. (<i>Totanus hypoleucos</i> , L.)	176
27. Мородунка. (<i>Totanus terekus</i> , Lath.)	178
28. Куликъ-чернышъ. (<i>Totanus ochropus</i> , L.)	180
29. Фифи. (<i>Totanus glareola</i> , L.)	182

30. Поручейникъ. (<i>Totanus stagnatilis</i> , Bechst.)	184
31. Улитъ большой. (<i>Totanus glottis</i> , L.)	186
32. Травникъ. (<i>Totanus calidris</i> , L.)	191
33. Щеголь. (<i>Totanus fuscus</i> , L.)	192
34. Улитъ длиннохвостый. (<i>Totanus bartrami</i> , Wils.)	194
35. Плавунчикъ круглоносый. (<i>Phalaropus hyperboreus</i> , L.)	195
36. Плавунчикъ плосконосый. (<i>Phalaropus fulicarius</i> , L.)	197
37. Кроншнепъ большой. (<i>Numenius arquatus</i> , L.)	199
38. Кроншнепъ малый. (<i>Numenius tenuirostris</i> , Vieill.)	201
39. Кроншнепъ средний. (<i>Numenius phaeopus</i> , L.)	202
Образъ жизни кроншнеповъ и охота за ними	204
40. Куликъ-сорока. (<i>Haematopus ostralegus</i> , Briss.)	217
41. Шилоклювка. (<i>Himantopus avocetta</i> , Briss.)	219
42. Ходулочникъ. (<i>Himantopus melanopterus</i> , Meyer.)	220
43 и 44. Тиркушка луговая (<i>Glareola pratincola</i> , L.) и степная (<i>Glareola melanoptera</i> , Nordm.)	221
45. Бѣгунокъ. (<i>Cursorius gallicus</i> , Gm.)	228
46. Пиголица бѣлохвостая. (<i>Vanellus leucurus</i> , Licht.)	229
47. Кречетка. (<i>Vanellus gregarius</i> Pall.)	230
48. Чибисъ. (<i>Vanellus cristatus</i> , Meyer.)	235
49. Зуекъ морской. (<i>Charadrius cantianus</i> , Lath.)	242
50. Зуекъ каспійскій. (<i>Charadrius asiaticus</i> , Pall.)	243
51. Зуекъ малый. (<i>Charadrius minor</i> , Meyer et Wolf.)	244
52. Зуекъ галстунникъ. (<i>Charadrius hiaticula</i> , L.)	247
53. Сивка глухая. (<i>Charadrius morinellus</i> , L.)	250
54. Сивка морская, тулесъ. (<i>Charadrius helveticus</i> , Briss.)	253
55. Сивка, ржанка. (<i>Charadrius pluvialis</i> , L.)	255
56. Авдотка. (<i>Oedicnemus crepitans</i> , Temm.)	260
III. Пастушковые	263
57. Журавль малый, красавка. (<i>Grus virgo</i> , L.)	265
58. Журавль сѣрый. (<i>Grus cinerea</i> , Bechst.)	269
59. Стерхъ. (<i>Grus leucogeranus</i> , Pall.)	279
60. Джекъ, вихляй. (<i>Otis macqueeni</i> , Gray.)	281
61. Стрепетъ. (<i>Otis tetrah</i> , L.)	283
Распространеніе и образъ жизни стрепета, стр. 283.—Добы- ваніе стрепетовъ, стр. 290.	
Дрофа. (<i>Otis tarda</i> , L.)	299
Географическое распространеніе, стр. 299.—Образъ жизни, стр. 302.—Охота на дрофъ, стр. 311.	
63. Лысуха. (<i>Fulica atra</i> , L.)	324
64. Водяная курочка. (<i>Gallinula chloropus</i> , L.)	327
65. Султанская курица. (<i>Porphyrio poliocephalus</i> , Lath.)	330
66. Коростель. (<i>Crex pratensis</i> , Bechst.)	332
67. Курочка малая. (<i>Porzana parva</i> , Scop.)	336
68. Курочка крошка. (<i>Porzana bailloni</i> , Vieill.)	338
69. Погонышь. (<i>Porzana maruetta</i> , Leach.)	339
70. Пастушокъ. (<i>Rallus aquaticus</i> , Briss.)	341

I.

ГАГАРОВЫЯ.

1. Поганка большая.

Podiceps cristatus, L.

Табл. 1.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 5.

Болѣе распростр. названія: *нырець чомга, хохлатый нырець, хохлатая гагара.*

Мѣстныя названія: *кикаць* (Онежск оз.); *гагара* (Пермская, Оренбург., Воронежск. и др. губ.); *оклѣви* (Пермскій у.); *поганка, крохаль* (у оренбургск. казак.); *гагара хохлатая, поганка, нырокъ* (Астраханск. губ.); *большая гагара* (Казанск. губ.); *хохлатая гагара* (Петербургск. губ.); *кабра, каура* (Гдовск. у.); *гагара, норець, ньрець, хохлуша* (Харьков.).

Польск.—*nurek czubaty, rogaty; perkoz dwuczubny*.—Эстл.—*tükerd, reimtird, pütl*.—Лат.—*pakkal kahjis*.—Фин.—*silkkikuikka, valkokulkkuiikki*.

Тат.—*чомга*.—Киргиз.—*сунуръ*.—Адж, гур.—*кокона*.—Монг.-бурят.—*анату*.—Тунгуз.—*наабхага*.—Вогул.—*тагте*; Остяцк.—*тажтинъ*; на Ирг.—*лор-вой*; у Сургута—*лар-татанъ*.—Самоѣд.—*ионе*; у Нарыма—*иенна*.—Кор.—*іоваіо*; камчад.—*ашоай*.—Тангут.—*чува*.

Распространеніе большой поганки въ Европ. Россіи весьма обширно, но она вездѣ является перелетною птицей, ненадолго улетающая зимою даже изъ самыхъ южныхъ частей страны.

Особенной полнотой наши свѣдѣнія о распространеніи описываемой птицы не отличаются, такъ что мы не можемъ даже съ точностью опредѣлить ея сѣверную границу. Въ южной полосѣ Финляндіи, отъ Финскаго залива къ сѣверу до 61° с. ш., на Аландскихъ о-вахъ и въ губ. Абоской она обыкновенна, въ губ. Тавастгусской, С.-Михельской, Куопіоской и Вазаской рѣже. Найдена на Ладожскомъ озерѣ, довольно обыкновенна на Онежскомъ и, быть можетъ, окажется доходящей до Архангельска. У насъ нѣтъ свѣдѣній о распространеніи этого вида въ большей части Новгородской губ., въ губ. Костромской и Вологодской. Точно такъ же мы можемъ только предполагать, что она встрѣчается въ Вятской губ. Въ Пермской губ. большая поганка рѣдка въ сѣверныхъ ея частяхъ, по крайней мѣрѣ въблизи отъ хребта.

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ она встрѣчается только на прудахъ и озерахъ, и то въ очень небольшомъ количествѣ. Далѣе на югъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества озеръ и камышей, эта птица становится все обыкновеннѣе, пока, наконецъ, на озерахъ черноземной полосы начинается гнѣздиться большими колоніями. Таково, наприм., оз. Малый Алпакъ. Въ Уфимской и Оренбургской губ., а равно и въ Урало-казачьихъ владѣніяхъ весьма обыкновенна. Какъ особенно богатые этими птицами водоемы, надо указать оз. Аслы-куль для Уфимской, Сулюкъ-куль, Қосъ-куль и Чушкалы для Оренбургской губ. То же относится къ Астраханской губ., гдѣ большая поганка во множествѣ водится на нижней Волгѣ, на Сарпѣ и другихъ бассейнахъ. Болѣе или менѣе обыкновенна и по средней Волгѣ, къ сѣверу до Казанской губ. включительно. Здѣсь она гнѣздится по большимъ камышистымъ озерамъ въ долинѣ Волги, Камы, Вятки; рѣже встрѣчается по рр. Мешѣ, Черемшану, Сурѣ. Затѣмъ она является обычной жительницей большей части лѣсныхъ озеръ сѣверо-западной части губерніи, наприм., Таиръ, Лебяжье, Щучье, Цурканъ, Лужьяръ, Шуръ-ерь и др. Все это подтверждаетъ справедливость выше сдѣланнаго замѣчанія, что большая поганка встрѣчается въ Вятской губ., гдѣ находитъ сѣверный предѣлъ своего распространенія. Въ губ. Рязанской и Московской обыкновенна, особенно мѣстами, наприм., на Сенежскомъ озерѣ. Въ Тульской встрѣчается мѣстами и вообще не часто, въ Калужской также довольно рѣдка, въ Орловской, повидимому, еще рѣже, не можетъ назваться обыкновенной и для Воронежской губ. Къ сѣверу отъ Московской губ. большая поганка, по всей вѣроятности, гнѣздится въ Ярославской и Тверской губ., хотя прямыхъ свѣдѣній объ этомъ я не имѣю. Въ Петербургской губ. гнѣздится во многихъ мѣстахъ, наприм., въ густыхъ камышахъ по побережью, на полузатопленныхъ островахъ, покрытыхъ густымъ и высокимъ камышомъ, Чудскаго озера и т. д. Обыкновенная гнѣздящаяся птица въ области Ильменя, но, какъ выше замѣчено, о большей части Новгородской губ. свѣдѣній нѣтъ, въ Псковской же губ. описываемый видъ встрѣчается, кажется, не часто. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ гнѣздится какъ на большихъ озерахъ (наприм., Стинтское оз.), такъ и въ подходящихъ мѣстахъ морского побережья (бухта Мацаль).

Въ Польшѣ это повсемѣстно распространенная птица. Въ губерніяхъ Черниговской, Волынской, Подольской, Кіевской и Полтавской гнѣздится и мѣстами даже обыкновенна. Въ Харьковской губ. весьма обыкновенная гнѣздящаяся и пролетная птица, что надо сказать и о Новороссійскомъ краѣ, откуда эта поганка улетаетъ зимою только очень ненадолго.

До сихъ поръ вопросъ о распространеніи этого вида въ Крыму не можетъ считаться сколько-нибудь выясненнымъ. Что большая поганка встрѣчается тамъ зимою и иногда появляется уже въ августѣ, не подлежитъ сомнѣнію; но послѣднее еще не говоритъ о гнѣздованіи этой птицы въ Крыму, а замѣчаніе Калениченко относительно того,

что она обыкновенна близъ Θεодосіи, по всей вѣроятности, относится къ зимѣ. Что касается Кавказа, то тамъ большая поганка гнѣздится какъ въ бассейнахъ Терека и Кубани, такъ и въ Закавказьѣ, и во множествѣ встрѣчается на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ зимою.

Осенній отлетъ большихъ поганокъ изъ сѣверныхъ частей гнѣздовой области этой птицы начинается во второй половинѣ августа, сильнѣе происходитъ въ сентябрѣ и тянется до самаго замерзанія рѣкъ. На югѣ отлетъ начинается гораздо позднѣе: такъ, наприм., изъ Харьковской губ. большія поганки начинаютъ отлетать съ начала октября и летятъ весь октябрь, иногда запаздывая до половины ноября. При этомъ птицы, пользуясь благоприятнымъ направлениемъ рѣкъ, часто проплываютъ большія пространства, слѣдуя къ югу. Въ началѣ зимы поганки въ большомъ количествѣ собираются у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, а также, вѣроятно, и Каспійскаго. Въ это время онѣ обыкновенны какъ на Сивашѣ, такъ и у южнаго берега Крыма, но позднѣе оставляютъ эти мѣста, направляясь къ малоазійскому побережью. Около Батума время появленія большихъ поганокъ осенью колеблется между половиной сентября и октября; въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются здѣсь всю зиму; большинство же съ наступлениемъ холодовъ подвигается дальше къ югу. На Каспійскомъ морѣ поганки появляются около Баку въ концѣ октября, наибольшіи пролетъ ихъ идетъ въ декабрѣ, январѣ, а потомъ онѣ пропадаютъ, улетающая еще далѣе къ югу, къ Ленкорани и южнѣе. Сюда же сваливаются на зимніе мѣсяцы и поганки, гнѣздившіяся въ непроходимыхъ камышахъ Акуши и низовьяхъ Куры. Около Ленкорани поганки появляются недѣли на три позднѣе сравнительно съ Баку, въ серединѣ ноября, и сначала немногочисленны, а съ декабря до половины февраля число ихъ здѣсь необычайно велико. Однако, въ началѣ марта большая часть ихъ отлетаетъ отсюда, такъ что въ это время здѣсь остаются только одиночныя особи. У Батума обратное весеннее движеніе большихъ поганокъ на сѣверъ начинается со второй трети февраля и длится до половины марта, при чемъ эти птицы большими массами плывутъ вмѣстѣ съ лутками, чернетью и другими меньшими видами поганокъ, приблизительно въ верстѣ отъ берега.

Указаніемъ относительно времени возвращенія къ намъ большой поганки могутъ служить слѣдующія свѣдѣнія. Въ Оренбургскомъ краѣ валовой пролетъ происходитъ большею частию въ первыхъ двухъ третяхъ апрѣля. Около 10-го числа того же мѣсяца появляется подъ Уфой. Въ Харьковской губ. прилетъ въ одиночку наблюдается съ половины марта, валовой пролетъ бываетъ въ послѣдней трети этого мѣсяца, а послѣднія пролетныя видны въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца или даже въ первыхъ числахъ апрѣля. Вообще, большая поганка появляется весною вскорѣ послѣ того, какъ пройдутъ рѣки, рѣже незадолго передъ этимъ. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ появляется въ серединѣ апрѣля.

2. Поганка сѣрошекая.

Podiceps griseigena, Bodd.

Табл. 2.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 13.

Болѣе распростран. названія: *сѣрошекій* или *красношейный нырокъ*.

Мѣстные названія: *сѣрошекій нырокъ*, *сѣрошекая поганка*, *поганка красношея* (Астрахан. губ.); *нырець*, *поганка* (Харьков.); *ревуня* (Боровичск. у.). Польск.—*perkoz rdzawoszyjny*, *nurek wrótczuby*.—Финск.—*harmakukku-ikkku*.

Это широко, но спорадично распространенная перелетная птица нашей страны, пока весьма недостаточно изученная со стороны своего распространения. Лучше извѣстна въ западной части. Сѣверная граница распространения этого вида на Кольскомъ полуостровѣ проходитъ по р. Танелю, въ Киттиля и Пудасъярви. Восточнѣе сѣрошекая поганка была найдена г. Плеске на о. Величаиха, къ югу отъ Кандалакши, и г. Лавровымъ на Оленьемъ о-вѣ, напротивъ Кандалакши. Однако иногда встрѣчается и сѣвернѣе, наприм., въ области Энаре. Въ сѣверной и средней Финляндіи рѣдка, но въ ея южной части, отъ 61° с. ш. до Финскаго залива, на Аландскихъ о-вахъ, въ области Ладожскаго озера, на Онежскомъ озерѣ и вообще въ озерной области отъ Ладожскаго озера до Бѣлаго моря обыкновенна. О распространении сѣрошекой поганки въ обширномъ районѣ между С. Двиной, Уральскимъ хребтомъ и Волгой мы ничего не знаемъ. Г. Рузскій говоритъ, что эта птица встрѣчается въ Казанской губ. на пролетѣ, но за скудостью свѣдѣній это нельзя считать рѣшеннымъ; быть можетъ, она сюда только залетаетъ. Восточнѣе найдена подъ Екатеринбургомъ. Въ Уфимской губ. найдена подъ Уфой и въ Белебеевскомъ у., но не сѣвернѣе. Въ Оренбургской обыкновенна, но рѣже большой поганки. Распространена въ Уралоказачьихъ владѣніяхъ и обыкновенна въ Астраханской губ., особенно на нижней Волгѣ и на Сарпинскихъ озеряхъ. Вверхъ по Волгѣ прослѣжена почти до Сызрани и, кромѣ того,

наблюдалась на Иловль, Медвѣдицѣ и Хопрѣ. Въ Московской очень рѣдка, какъ и въ Тульской. О распространеніи этого вида въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской и Тверской свѣдѣній нѣтъ. Въ Петербургской губ., вообще говоря, должна быть рѣдка, но въ области Пльменя, быть можетъ, не такъ рѣдка, какъ можно думать. Въ Прибалтійскихъ губ. чаще встрѣчается на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Въ Польшѣ въ періодъ гнѣздованья рѣдка; гнѣздится отдѣльными парами и то въ немногихъ мѣстахъ, наприм., на озерахъ люблинскаго Полѣсья. Еще южнѣе гнѣздится въ губ. Черниговской, Кіевской, Подольской, Полтавской, Воронежской и Харьковской, но, за исключеніемъ послѣдней, будто бы вездѣ рѣдка. Однако, въ области бывшаго Новороссійскаго края, по свидѣтельству Нордманна, это очень обыкновенная птица.

Свѣдѣнія о распространеніи этой поганки въ Крыму весьма недостаточны. Но я не могу согласиться съ г. Никольскимъ, что она встрѣчается здѣсь только на пролетѣ. Напротивъ, я думаю, что сѣрошекая поганка и гнѣздится здѣсь (наприм., на Сивашѣ), и зимуетъ, и, конечно, бываетъ на пролетѣ.

Что касается Кавказа, то здѣсь описываемый видъ весьма обыкновененъ въ бассейнахъ Терека и Кубани, гдѣ несомнѣнно гнѣздится, а позднюю осень и зимою бываетъ въ Закавказьѣ и на Каспійскомъ морѣ.

Сѣрошекая поганка прилетаетъ весною нѣсколько позднѣе большой, а осенью улетаетъ замѣтно ранѣе.

3. Поганка рогатая.

Podiceps auritus, L.

Табл. 3.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 17.

Болѣе распростран. названія: *рогатый нырокъ, рогатая гагара.*

Мѣстныя названія: *гагара малая* или *рогатая* (Петербург.); *гагара малая* (Казанск.); *кикачъ* (Онежск.); *поганка, нырецъ, норецъ* (Харьков.).

Польск. — *nurek, perkoz rogaty; perkoz uszaty.* — Финск. — *härkälintu, mustakulku-uikku.* — Лапланд. — *njunnalak.*

Рогатая поганка въ качествѣ гнѣздящейся птицы принадлежитъ сѣверной половинѣ Россіи, тогда какъ въ южной встрѣчается только на пролетѣ, зимую въ Крыму, на Черномъ и Каспійскомъ морѣ.

Какъ гнѣздящаяся птица въ Финляндіи не идетъ сѣвернѣе Пудасъярви (65¹/₂⁰ с. ш.), но вообще распространена къ сѣверу гораздо далѣе, была найдена въ Куусамо (66° с. ш.) и области Энаре до Ледовитаго океана. Отъ этой сѣверной границы рогатая поганка гнѣздится во всей Финляндіи, но въ южной части страны рѣдка. Вѣроятно доходитъ до Архангельска, довольно обыкновенна на Онежскомъ озерѣ, но затѣмъ, что касается Вологодской, Костромской и Вятской губ., намъ ничего не извѣстно отсюда объ этой птицѣ, а между тѣмъ она, несомнѣнно, должна быть здѣсь. Что касается Пермской губерніи, то можетъ быть этотъ видъ гнѣздится еще въ Верхотурскомъ уѣздѣ и во всякомъ случаѣ многочисленъ на степныхъ озерахъ. Гнѣздится въ Уфимской губ., но рѣже другихъ поганокъ, и, повидимому, еще болѣе сокращаясь въ числѣ, распространенъ въ Оренбургской губ. Въ области средней Волги не гнѣздится южнѣе Симбирской губ., но въ Казанской еще довольно обыкновененъ. Какъ въ Астраханской губ., такъ и въ Уралоказачьихъ владѣніяхъ, повидимому, только случайно встрѣчается даже на пролетѣ, и это весьма затрудняетъ рѣшеніе вопроса, куда улетаетъ рогатая поганка на зиму изъ восточной Россіи. Въ центральныхъ губерніяхъ описываемая птица встрѣчается не часто, но въ

Московской гнѣздится опредѣленно на большихъ озерахъ, каковы Сенежское и Тростянское, а въ Тульской и Орловской пока найдена на пролетѣ, хотя въ Воронежской гнѣздится. Гнѣздится, хотя въ небольшомъ количествѣ, въ Петербургской губ., найдена въ Новгородской и Псковской, довольно обыкновенна на гнѣздовьяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ Польшѣ настолько рѣдка, что можетъ считаться случайно залетной, но въ Черниговской будто бы гнѣздится.

Свѣдѣнія о распространеніи рогатой поганки въ южной Россіи очень неполны и сбивчивы, только относительно Харьковской губ. г. Сомовъ опредѣленно говоритъ, что она здѣсь обыкновенна на осеннемъ пролетѣ и рѣдка на весеннемъ, никогда не оставаясь гнѣздиться. Можно утверждать, что только на пролетѣ бываетъ эта птица и въ губерніяхъ, лежащихъ по сѣверному побережью Чернаго моря. Что же касается Крыма, то здѣсь она, вѣроятно, бываетъ на пролетѣ и зимою, но едва ли гнѣздится. Надо думать, что то же прилагается и къ Кавказу, т.-е. что здѣсь рогатая поганка можетъ изрѣдка появляться на пролетѣ и зимою, но не гнѣздится, такъ какъ М. Н. Богдановъ, очевидно, перепуталъ рогатую и ушастую поганку. На Каспійскомъ морѣ зимуетъ, по словамъ Менетріе, Радде и др.

Свѣдѣнія о пролетѣ описываемаго вида очень скудны. Въ Харьковской губ. весною рогатая поганка встрѣчена въ концѣ марта, въ Оренбургской—во второй половинѣ апрѣля и въ первой трети мая. Во второй же половинѣ апрѣля появляется въ Уфимской губ. и на западѣ, въ Прибалтійскихъ и Петербургской. Что касается осенняго пролета, то мы знаемъ, что въ Оренбургской губ. онъ происходитъ въ концѣ августа и въ сентябрѣ, въ Харьковской же начинается въ концѣ августа и длится до конца первой трети ноября, явно указывая на зимовки этой птицы на Черномъ морѣ.

4. Поганка ушастая.

Podiceps nigricollis, C. L. Brehm.

Табл. 4.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 21.

Болѣе распростран. названія: *ушастый нырокъ, ушастая гагара.*

Мѣстныя названія: *ушастая гагара, поганка* или *нырокъ* (Астраханск. губ.); *поганка, нырецъ, порецъ*, также *чубатый порецъ* (?) (Харьковск. губ.); *поганка* (Воронежск. губ.).

Польск.—*nurek zausznik, perkoz zausznik*.—Финск.—*etelän-nikku*.

Татар. *мадаръ, чердатъ*.—Тунгуз.—*очива*.—Остяцк.—*люлье*.

Въ противоположность предыдущему виду ушастая поганка является болѣе южнымъ видомъ, который занимаетъ у насъ, говоря вообще, южную половину страны. Однако, въ средней Россіи есть мѣстности, гдѣ оба вида, и рогатая, и ушастая поганка, встрѣчаются вмѣстѣ на гнѣздовѣхъ.

Въ качествѣ гнѣздящейся птицы у насъ не поднимается сѣвернѣе Абоской губ., но, кромѣ того, въ Финляндіи найдена въ Нюландской и южной части Улеаборгской. Однако, къ удивленію, ушастая поганка, повидимому, не встрѣчается въ Петербургской губ. и также не имѣется достовѣрныхъ свѣдѣній о ея находеніи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, тогда какъ въ Псковскую изрѣдка залетаетъ. Что касается Польши, то неизвѣстно, гнѣздится ли она здѣсь, но обыкновенна на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ. Въ Черниговской и другихъ, южнѣе лежащихъ, губерніяхъ Днѣпровскаго бассейна обыкновенна. Въ Крыму, быть можетъ, отчасти живетъ осѣдло, отчасти зимуетъ, но, несомнѣнно, встрѣчается на пролетѣ.

Переходя къ центральной Россіи, мы видимъ, что ушастая поганка изрѣдка встрѣчается въ Ярославской губ. и гнѣздится какъ въ Московской, такъ и въ Тульской. Въ Поволжьѣ не поднимается сѣвернѣе Казанской губ., гдѣ можетъ гнѣздиться только въ ея южной части, но къ югу отсюда довольно обыкновенна всюду по стоячимъ водамъ. Въ

Воронежской и Харьковской обыкновенная гнѣздящаяся и пролетная птица. Въ восточной Россіи очень обыкновенна какъ въ Уфимской, такъ и въ Оренбургской губ., въ Уралоказацкихъ владѣніяхъ и по озерамъ Астраханской губ.

Безъ сомнѣнія, этотъ, а не предыдущій видъ гнѣздится на сѣверномъ Кавказѣ и появляется зимою въ Закавказьѣ.

Свѣдѣнія о времени прилета и отлета ушастой поганки очень скудны. Въ Харьковской губ. весною наблюдается съ половины послѣдней трети марта, преимущественно же въ первой половинѣ апрѣля. Въ Оренбургской первые экземпляры наблюдаются иногда уже въ среднихъ числахъ первой трети апрѣля, валовой пролетъ въ средней трети этого мѣсяца или нѣсколько позднѣе, послѣдніе пролетные наблюдаются даже въ первой трети мая. Въ Уфимскую губ. прилетаетъ во второй половинѣ апрѣля. Осенній отлетъ заканчивается здѣсь не ранѣе второй половины сентября. Въ Харьковской губ. ушастыя поганки держатся до конца второй трети октября.

5. Поганка малая.

Podiceps minor, Briss.

Табл. 5.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 24.

Болѣе распростран. названія: *поганка малая*.

Мѣстные названія: Польск. — *perkozek*, *tur* или *nurek mniejszy*, *perkoz mniejszy*.—Финск.—*riikku-uikki*.

Наши свѣдѣнія о распространеніи этого вида очень недостаточны. Въ Финляндіи рѣдкая лѣтняя птица губ. Нюландской, случайно залетающая въ южную часть Выборгской. Въ Петербургской губ. очень рѣдка, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не найдена, въ Польшѣ же повсемѣстно распространенная, обыкновенная птица, остающаяся здѣсь даже зимовать. Гнѣздится въ области Полѣсья, въ губ. Кіевской, Харьковской, быть можетъ, Полтавской и, судя по словамъ Нордманна, во всѣхъ губерніяхъ, прилегающихъ съ сѣвера къ Черному морю. Возможно, что отдѣльные пары гнѣздятся въ Крыму, гдѣ, повидимому, малая поганка нормально зимуетъ. Наконецъ, что касается восточной Россіи, то здѣсь эта птица пока найдена рѣдкой, спорадично гнѣздящейся въ Оренбургской и Астраханской губ.

Съ сѣвернаго Кавказа неизвѣстна, но надо думать, что есть здѣсь. Въ Закавказьѣ гнѣздится, наприм., въ низовьяхъ Акуши, и зимуетъ на Каспійскомъ морѣ (въ большомъ числѣ подъ Ленкоранью).

6. Гагара полярная бѣлоклювая.

Colymbus adamsi, Gray.

Табл. 6.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 30.

Болѣе распростр. названія: *полярная гагара.*

Мѣстныя названія: *морская гагара* (Туруханскій край).

Финск.—*jääkiikka*.—Лапландск.—*ave-dofta*.

Камчадал.—*дукъ, оакъ, азоай*.

Свѣдѣнія объ этой гагарѣ для Россіи продолжаютъ оставаться весьма неполными, хотя со времени выхода въ свѣтъ „Птиць Россіи“ и прибавилось кой-что новое. По свидѣтельству г. Плессе, прекрасный старый экземпляръ бѣлоклювой гагары былъ добытъ Миддендорфомъ въ началѣ сентября около о-ва Кильдина (на востокъ отъ Кольской губы). Въ 1894 г. Коллетъ сообщилъ, что этотъ видъ гагары появляется у береговъ Норвегіи обыкновенно съ октября по декабрь, заходя къ югу до фіорда Христіаніи, но преимущественно держась въ области полярнаго круга (Тромзё и проч.). Въ послѣдней области эти гагары бывають въ нѣкоторыя зимы даже многочисленнѣе полярной гагары. Иногда остаются въ Норвегіи до мая (Тронтгеймъ), а молодья особи въ видѣ исключенія встрѣчаются даже лѣтомъ (Варангеръ-фіордъ). Однако, бѣлоклювая гагара положительно нигдѣ не гнѣздится въ Норвегіи. Такъ какъ Треворъ-Батти нашелъ бѣлоклювую гагару на о-вѣ Колгуевѣ, то я болѣе рѣшительно утверждаю, что яйца, добытыя Генке черезъ самоѣдовъ канинской тундры, принадлежали этому виду. Наконецъ, по всей вѣроятности, этотъ же видъ Джиллетъ нашелъ въ Карскомъ морѣ и Гейглинъ на Вайгачѣ и въ Югорскомъ Шарѣ. Карелинъ упоминаетъ о какомъ-то видѣ полярной гагары подъ названіемъ *Col. glacialis*, прибавляя, что эта птица въ небольшомъ числѣ бываетъ поздно осенью подъ Гурьевомъ. Такъ какъ гнѣздящаяся въ Сибири полярная гагара есть бѣлоклювая, и такъ какъ Гурьевъ лежитъ на большомъ пролетномъ пути изъ сѣверо-западной Сибири къ Каспійскому морю, то едва ли можно сомнѣваться, что показаніе Карелина относится къ бѣлоклювой гагарѣ.

7. Гагара полярная. *Colymbus glacialis*, L.

Табл. 7.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 32.

Болѣе распространянія: *полярная гагара*.

Мѣстные названія: Польск. *nurek*, *nur lodowiec*. — Финск. — *jääkuikka*. — Лапландск. — *ave-dofta*.

Мое предположеніе, что въ Лапландіи встрѣчаются оба вида полярной гагары, косвенно подтверждается показаніемъ Коллета, что обыкновенная полярная гагара встрѣчается все лѣто у береговъ Норвегіи къ югу до фіорда Христіаніи, хотя нигдѣ не гнѣздится здѣсь. Но совершенно невозможно сказать, къ какому изъ двухъ видовъ полярной гагары относятся слѣдующія свѣдѣнія: по Мела, случайно залетаетъ въ финскую Лапландію. Альстонъ и Броунъ, во время своей поѣздки въ сѣверную Россію, замѣтили одинъ экземпляръ на р. Свири. По свидѣтельству Руссова, въ митавскомъ музеѣ имѣется одинъ экземпляръ этой гагары мѣстнаго происхожденія; Руссовъ думаетъ также, что видѣлъ два экземпляра полярной гагары весною 1874 г. во время переѣзда изъ Ревеля на о. Врангельсхольмъ. Нордманнъ говоритъ, что два молодыхъ экземпляра этой гагары видѣлъ на базарѣ г. Одессы, изъ чего слѣдуетъ, что эта птица залетаетъ зимою до Чернаго моря. Наконецъ, Ирби упоминаетъ эту гагару, какъ видѣнную въ декабрѣ въ Балаклавѣ.

8. Гагара полосатая или чернозобая.

Colymbus arcticus, L.

Табл. 8.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 36.

Болѣе распростран. названія: *полосатая* или *чернозобая гагара*.

Мѣстные названія: *шага* (почти повсемѣстно); *ревули* (у поморовъ); *поръ* (въ Боровничскомъ у.); *большая, еитцевая шага, пошибъ* (Пермск. губ.); *крѣгъ* (на Камѣ); *шаучъ* (въ Сибирѣ); *средняя шага* (Туруханск. кр.); *шага, шаакъ* (Харьковск. губ.).

Польск. — *nurk*, *nur czarnoszyi*, *nur popielaty*. — Эст. — *kakordaja, mere uherde, kala kaur*. — Латыш. — *garlaks, garlaka*. — Фин. — *kuikka*. — Лапланд. на Имандрѣ — *tochti*; финск. въ Муоніониска — *tochtaja*; лапланд. тамъ же — *dofta, dokta*; въ Каресуандо — *tavek*; въ Ость-Финмаркенѣ — *dofta* и *tofta*.

Татар. — *коми*. — Якутс. — *голяъ, койаъ*. — Вогул. — *maarma*. — Остяцк. — *ларевой*. — Тунгузск. — *уколъ*. — Самоѣд. — *па-ду-о-ре дей-пу-ниа* (Колгуевъ), *ионе*. — Камчадал. — *уукъ, оакчъ*.

Хотя полосатая гагара считается обыкновенно сѣвѣрною птицею, однако въ приложеніи къ Европ. Россіи это не совѣмъ вѣрно, такъ какъ у насъ она даже на гнѣздовѣхъ идетъ очень далеко къ югу, гнѣздясь, наприм., въ Новгородской губ. Начиная съ сѣвера, мы видимъ, что она очень обыкновенна на Кольскомъ полуостровѣ, какъ на морскихъ берегахъ, такъ и по озерамъ. Такъ, наприм., наблюдалась на Мурманскомъ берегу, въ Поноѣ, на Медвѣжьихъ о-вахъ (противъ Терскаго берега), въ Кандалакшѣ и т. д. въ береговой зонѣ, на Пинозерѣ, на Имандрѣ, на Колозерѣ, на Пулозерѣ, Мурдозерѣ и пр. внутри страны. Найдена на о-вѣ Колгуевѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, гнѣздится, и всюду на Бѣломъ морѣ. Какъ въ финской Лапландіи, такъ и въ Финляндіи это повсемѣстно распространенная гнѣздящаяся птица. Также обыкновенна на Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ, особенно въ сѣвѣрной части послѣдняго. Подъ Архангельскомъ обыкновенна и вѣроятно принадлежитъ всей области Сѣвѣрной Двины, о чемъ, однако, мы имѣемъ только отрывочныя свѣдѣнія. Въ восточной Россіи полосатая

гагара обыкновенна на нижней Печорѣ, какъ въ тундрѣ, такъ и на близлежащихъ островахъ. Что же касается Вайгача и Новой Земли, то свѣдѣнія о распространеніи здѣсь описываемаго вида противорѣчивы, но, вѣроятно, эта гагара встрѣчается здѣсь изрѣдка. Переходя въ Пермскую губ., мы видимъ, что полосатая гагара относительно рѣдка въ Богословскомъ округѣ, многочисленнѣе въ Екатеринбургскомъ у. и очень многочисленна на озерахъ юго-восточнаго склона. Широко распространенная и, безъ сомнѣнія, гнѣздящаяся птица Уфимской губ. Въ Оренбургской губ. гнѣздится кое-гдѣ на сѣверѣ отъ средняго теченія р. Урала, наприм., на озерахъ около Темясовой. Въ области Волги полосатая гагара гнѣздится изрѣдка въ Казанской губ. и, вѣроятно, нерѣдко въ Вятской. Въ Рязанской губ. пока найдена только осенью, во время пролета, но въ Московской весною найдена такъ поздно, что въ небольшомъ числѣ вѣроятно остается гнѣздиться здѣсь, какъ и въ Ярославской губ. Гнѣздится въ Вышневолоцкомъ и, вѣроятно, другихъ уѣздахъ Тверской губ. (Пудоро и др. оз.). Въ Петербургской гнѣздится на Янѣ, Плюсѣ, на нѣкоторыхъ озерахъ Гдовскаго у., на Порзоловскомъ оз. въ Петергофскомъ у. и, какъ выше упомянуто, на Ладожскомъ. Повидимому, не часто встрѣчается въ области Ильменя, но гнѣздуетъ въ большомъ количествѣ на озерахъ Кобожскомъ, Сухомъ и Старскомъ, и единичными парами на малыхъ озерахъ, зарастающихъ мохомъ. Далѣе, гнѣздится въ губ. Псковской, вѣроятно гнѣздится въ подходящихъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губ., несомнѣнно гнѣздится въ Литвѣ и, быть можетъ, кое-гдѣ въ Польшѣ. Къ югу отъ указанной гнѣздовой области полосатая гагара встрѣчается на пролетѣ во всей Европ. Россіи, долетая до Чернаго и Каспійскаго моря, гдѣ держится всю зиму, на Черномъ преимущественно у сѣвернаго побережья, на Каспійскомъ—у западнаго и юго-западнаго берега. Отдѣльные экземпляры остаются зимовать и внутри страны, наприм., въ Оренбургскомъ краѣ, Харьковской губ. и проч.

Внѣ области гнѣздовья полосатая гагара встрѣчается на осеннемъ пролетѣ гораздо чаще, чѣмъ на весеннемъ. Въ центральныхъ губерніяхъ осенью пролетаетъ въ концѣ сентября и въ октябрѣ, въ южныхъ встрѣчается до конца первой трети ноября. Одиночныя особи вездѣ встрѣчаются до замерзанія водъ. Весною въ южной Россіи пролетъ на родину происходитъ съ первыхъ чиселъ до конца второй трети марта, тогда какъ запоздавшія особи наблюдаются даже до половины апрѣля. Въ Уфимской губ. пролетъ происходитъ только въ концѣ апрѣля, что приблизительно относится и къ центральнымъ губерніямъ (здѣсь гагара прилетаетъ нѣсколько раньше). Въ Прибалтійскихъ, по словамъ Руссова, пролетаетъ будто бы только въ началѣ мая, но этотъ срокъ мнѣ кажется слишкомъ позднимъ.

9. Гагара краснозобая.

Colymbus septentrionalis, L.

Табл. 9.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 43.

Болѣе распростран. названія: *краснозобая гагара*.

Мѣстные названія: *шара* (почти повсемѣстно); *краснозобія шара* (Пермская губ.); *поръ* (Боровичск. у.); *малая шара* (Турухан. край).

Польск. — *nurek czerwonoszyi*, *nur rdzawogardlisty*. — Латыш. — *jurās gails*. — Финск. — *haakkuri*. — Лопари на Имандрѣ — *tochi*; лапланд. — *gakkur*, *kakkur*, *gakkor*, *gakatte*; въ Каресуандо — *kakur* или *kurte*.

Татар. — *чолма*, *шаачъ*. — Самоѣд. — *на-оу-о-рѣ* *пей-о-рѣ*. — Тунгуз. — *укашъ*. — Остяцк. — *бытъ*. — Камчад. — *уастъ*; на Авачѣ — *аматашъ*.

Подобно предыдущему виду, и эта гагара имѣеть у насъ очень широкое распространеніе, но на гнѣздовѣхъ не идетъ такъ далеко къ югу. На Кольскомъ полуостровѣ это очень обыкновенная птица, какъ по морскимъ берегамъ, такъ и по озерамъ лѣсной области. Также повсемѣстно распространенная гнѣздящаяся птица Финляндіи. Обыкновенна на Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ, на Двинскихъ островахъ подъ Архангельскомъ и, вѣроятно, по всему теченію Сѣверной Двины, очень обыкновенна по берегу Бѣлаго моря. На Колгуевѣ, Новой Землѣ, на нижней Печорѣ и въ прилегающей тундрѣ обыкновенная гнѣздящаяся птица. Въ Пермской губ. распространена такъ же, какъ поло-сатая, но по крайней мѣрѣ въ десять разъ малочисленнѣе, становясь вообще болѣе обьякновенной только на озерахъ юго-восточной части. На западъ отъ Пермской еще, вѣроятно, гнѣздится въ Вятской и Вологодской губ., но положительно не гнѣздится въ Казанской, далеко не доходя такимъ образомъ до Волги. Кромѣ уже упомянутаго нахождения этой гагары на Ладожскомъ озерѣ, по всей вѣроятности гнѣздится и въ другихъ мѣстахъ Петербургской губ., несомнѣнно гнѣздится въ области Ильмена и въ Боровичскомъ у. Новгородской губ., но едва ли спускается южнѣе. Какъ въ средней, такъ и въ южной

Россіи бываетъ только на пролетѣ. Въ восточной Россіи краснозобая гагара пролетаетъ въ небольшомъ количествѣ долиною рѣки Урала, отправляясь зимовать на Каспійское море. На Волгѣ встрѣчается правильно на пролетѣ въ Казанской губ., вѣроятно сворачивая гдѣ-нибудь съ Волги на Донъ, такъ какъ въ Астраханской губ. бываетъ исключительно рѣдко и, повидимому, случайно, быть можетъ даже изъ Зауралья. Изрѣдка встрѣчается на пролетѣ въ центральныхъ губерніяхъ и болѣе правильно наблюдается въ Харьковской. Такъ какъ въ Польшѣ краснозобая гагара является рѣдкой залетной птицей, то очевидно, черезъ центральную Россію пролетаютъ гагары изъ сѣверной и преимущественно сѣверо-восточной части страны, направляясь далѣе по Донцу и Днѣпру къ Черному морю. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ краснозобая гагара бываетъ правильно на осеннемъ и весеннемъ пролетѣ, направляясь изъ сѣверо-западной Россіи на Балтійское море и далѣе на юго-западъ, или обратно. По словамъ Нордманна, зимуетъ на Черномъ морѣ, гдѣ держится съ ноября до апрѣля. Зимуетъ, какъ упомянуто, и на Каспійскомъ, но, судя по малому пролету въ юго-восточной Россіи, только въ небольшомъ числѣ.

Что касается времени полета краснозобой гагары, то и весной и осенью она появляется нѣсколько позднѣе полосатой.

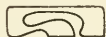
Добываніе гагаръ и поганокъ.

Какъ поганки, такъ и гагары не имѣютъ значенія для охотника, какъ птицы, не употребляемыя въ пищу, вслѣдствіе сильнаго рыбьяго запаха своего мяса, хотя татары и ѣдятъ ихъ. Но, конечно, большинство охотниковъ не откажется стрѣлять тѣхъ и другихъ, чтобы попробовать быстроту прицѣла и умѣнье опредѣлять разстояніе. Какъ поганки, такъ и гагары, ныряютъ превосходно, остаются подъ водою сплошь-да-рядомъ дольше, чѣмъ надъ нею, и потому даже очень хорошій стрѣлокъ непремѣнно сдѣлаетъ нѣсколько промаховъ на одинъ удачный выстрѣлъ. Само собою разумѣется, что при стрѣльбѣ гагаръ и поганокъ надо цѣлиться, какъ это указано еще С. Т. Аксаковымъ, точно такъ же, какъ въ стоящую неглубоко въ водѣ рыбу. „Надобно принять въ соображеніе уголъ паденія дроби, и мѣтить не въ самую рыбу, а нѣсколько выше или ниже. Уголъ отраженія дроби, всегда равный углу паденія, будетъ зависѣть отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ, и какъ далека отъ него цѣль. Если берегъ совершенно плоскъ и разстояніе не близко, однимъ словомъ, если уголъ паденія будетъ очень остръ, то дробь рикошетомъ взмоетъ вверхъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ надобно брать на цѣль ниже или ближе стоящей рыбы; если же берегъ высокъ, и уголъ паденія дроби будетъ выходить тупой, то дробь пойдетъ въ водѣ подъ тѣмъ же угломъ внизъ, слѣдовательно, брать на цѣль надобно нѣсколько выше, или дальше“.

Однако, промысловое значеніе поганки и гагары имѣютъ, такъ какъ ихъ шкурки съ густымъ, шелковистымъ опереніемъ постоянно употребляются на шапочки, муфты и т. д., и охотно приобрѣтаются за границу. Прежде, когда такія вещи были въ модѣ, иностранныя торговыя фирмы присылали своихъ спеціальныхъ агентовъ для скупки шкурокъ описываемыхъ птицъ, и на Кавказскомъ побережьѣ Каспійскаго моря, отъ Петровска до Ленкорани, въ большомъ количествѣ добывали зимующихъ здѣсь поганокъ и гагаръ. Потомъ, какъ говорятъ, этотъ промыселъ ослабѣлъ съ одной стороны потому, что прошла извѣстная мода, съ другой—повысилась цѣна на птицъ. Но и

теперь у скупщиковъ можно всегда найти то или другое количество шкурокъ этихъ птицъ, почти исключительно попадающихъ за границу. Сколько ежегодно добывается поганокъ и гагарь, не только невозможно учесть, но и опредѣлить: это все-таки болѣе случайный промыселъ и постоянной средней годовой цифры добываемыхъ птицъ не существуетъ. Цѣна за шкурку колеблется отъ 25 к. за мелкую до 1 р. за крупную.

Хотя кромѣ Каспійскаго моря большая часть поганокъ и гагарь привозится изъ восточной Россіи, однако, сколько мнѣ извѣстно, правильного добыванія этихъ птицъ ни въ Уфимской, ни въ Оренбургской, ни въ Пермской губ. не производится, несмотря на крайнюю многочисленность здѣсь нѣкоторыхъ видовъ.

II.

КУЛИКИ.

10. Вальдшнепъ.

Scolopax rusticola, L.

Табл. 10.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 205.

Болѣе распростран. названія: *вальдшнепъ*.

Мѣстные названія: *боровой*, *березовый куликъ* (по Далю, гдѣ?); *ратай*, *долоносый виклюкъ* (Олонецк. губ.); *ольшнякъ*, *вальшня* (Петербургск. губ.); *слука*, *вальшняй* (Гдовск. у.); *курнистъ* (Ямбург. у.); *льсной куликъ* (Борович. у.); *шабашка* (Тагильск. и Богосл. Ур.); *арся-улевозъ* (Павда); *шгарь*, *шгарекъ* (Екатеринбур. и Пермск. уу.); *горюша*, *хурюнь* (тамъ же); *хурюнь*, *хуркунъ* (Полев. зав.); *слопка*, *слонка* (Кіевск. и Волын. губ.); *вѣлешникъ*, *еловка*, *заква* (Харьковск. губ.); *кряктунь* (въ Сибири).

Польск.—*staka*, *stotka*, *stonka*.—Жмудск.—*stonkas*.—Молдав.—*сытартъ*.—Эст.—*korpils*.—Латыш.—*slohka*.—Фин.—*lehtokurppa*.

Татарск.—*чульди*.—Кавк.-тат.—*эвлэ*.—Башк.—*хуръшасыкъ*.—Черем.—*вителе*, *изи-вителе*, *вителе-ишже*.—Вотяцк.—*тиллитуитъ*.—Остяцк. (р. Кеть)—*кави*.

Принадлежитъ къ числу чисто охотничьихъ птицъ и не играя никакой роли, какъ предметъ промысла, вальдшнепъ пріобрѣлъ себѣ такую громкую извѣстность въ кругу охотниковъ и не-охотниковъ, что только немногія птицы могутъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Причина этого съ одной стороны лежитъ въ томъ, что самая охота за нимъ, являясь дѣйствительно охотою, а не добываніемъ, не промысломъ, представляетъ лучшую мѣрку для испытанія всякаго, кто имѣетъ притязаніе считаться стрѣлкомъ, съ другой—вальдшнепъ имѣетъ чрезвычайно широкое распространеніе и въ то или другое время года встрѣчается въ большей части страны.

По существу, вальдшнепъ—одинъ изъ лучшихъ представителей фауны лѣса, и если въ извѣстное время года онъ и не придерживается лѣсной чащи и тѣмъ самымъ какъ бы измѣняетъ своимъ нравамъ, то это объясняется, какъ увидимъ ниже, вліяніемъ вѣшнихъ условій. Во время же брачной жизни, вывода дѣтей и линьки, вальдшнепъ исклю-

чительно держится если не въ глухомъ, то во всякомъ случаѣ въ болышомъ, старомъ лѣсѣ. Ему нуженъ въ это время чистый или смѣшанный боръ, изрѣзанный широкими просѣками, поросшими побѣгами ольхи, съ болотными низами, на которыхъ разросся лозникъ, ольха, береза и осина, и только спустя долгое время онъ покидаетъ это убѣжище и переселяется въ меньшую чащу.

Сѣверная граница распространенія вальдшнепа идетъ приблизительно по 65° с. ш. въ Финляндіи и доходитъ, не понижаясь, до Архангельска, гдѣ вальдшнепъ обыкновененъ. Далѣе на востокъ граница распространенія этой птицы направляется къ Уралу, постепенно спускаясь, вѣроятно, къ 62° с. ш., такъ какъ подъ 60° на Уралѣ вальдшнепъ еще многочисленъ. Къ югу отъ этой границы вальдшнепъ гнѣздится во всей сѣверной и средней Россіи и такъ далеко къ югу, какъ это ему позволяетъ распространеніе лѣсовъ. Нѣкоторыя подробности относительно распространенія вальдшнепа въ южной половинѣ Россіи здѣсь будутъ не лишними.

Въ Уфимской губ. вальдшнепъ обыкновененъ на гнѣздовьяхъ во всѣхъ лѣсахъ, какъ въ равнинахъ, такъ и на горахъ. Но въ Оренбургской онъ уже не спускается на гнѣздовья до р. Урала, и ближайшія къ Оренбургу гнѣздовья мѣста этой птицы находятся въ лѣсахъ по Ику и верхней Сакмарѣ, затѣмъ въ лѣсахъ за Общимъ Сыртомъ около верхняго теченія Самары. Въ лѣсахъ Симбирской губ. вальдшнепъ еще нрѣдокъ, на югъ же отсюда, по долини Волги не переходитъ за широту Вольска по лѣсамъ переваловъ Волги и Терешки, Терешки и Медвѣдицы. Гнѣздится ли вальдшнепъ въ западной части Саратовской и южной Тамбовской губ., неизвѣстно, но въ Воронежской несомнѣнно гнѣздится, по крайней мѣрѣ, въ сѣверныхъ уѣздахъ. Въ западной части Харьковской губ. вальдшнепъ гнѣздится, и даже не особенно рѣдокъ. Далѣе на западъ это гнѣздящаяся птица какъ Черниговской, такъ Кіевской, Вольнской, Подольской (?) и Бессарабской губ. Къ югу отъ этой широко намѣченной границы, въ степной и полупустынной полосѣ, вальдшнепъ является исключительно пролетной птицей, опять появляясь на гнѣздовьяхъ въ Крыму и на Кавказѣ.

Относительно гнѣздованья вальдшнепа въ Крыму въ настоящее время почти нѣтъ сомнѣній. К. О. Кесслеръ слышалъ, что вальдшнепъ былъ убитъ 6 іюля 1880 г. въ Дубкахъ близъ Симферополя, и что гнѣздо этой птицы однажды было найдено въ Саблахъ на р. Альмѣ. По словамъ Шатилова, гнѣздится въ Крымскихъ горахъ, и Видгальмъ, въ свою очередь, называетъ вальдшнепа осѣдлой птицей лѣсистыхъ горъ полуострова. Однако, безъ сомнѣнія, вальдшнепъ гораздо многочисленнѣе въ Крыму на пролетѣ и зимою (на южномъ берегу).

Гнѣздованье вальдшнепа на Кавказѣ въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію. Въ свое время еще Нордманъ сообщилъ, что вальдшнепъ гнѣздится на восточномъ берегу Чернаго моря, въ Мингрелии и Абхазіи. Виноградовъ нашелъ вальдшнепа гнѣздящимся въ чернолѣсѣ нагорной полосы сѣверо-западнаго Кавказа. Позднѣе Радде ука-

залъ, что вальдшнепъ гнѣздится на высотѣ отъ 3.000' до 4.000' н. у. м. въ лѣсахъ Боржома и Бѣлаго ключа и, въ меньшемъ количествѣ, въ Талышскихъ лѣсахъ. Вильконскій называетъ вальдшнепа осѣдлой птицей Аджаріи и Гуріи, гдѣ онъ гнѣздится въ полостѣ ели, спускаясь отсюда съ наступленіемъ холодовъ въ низменности. Наконецъ, что касается сѣвернаго Кавказа, то за послѣднее время уже многіе изслѣдователи сообщили весьма опредѣленныя свѣдѣнія о гнѣздованіи здѣсь вальдшнепа не только въ горахъ на высотѣ отъ 3.000' до 6.000' н. у. м., но даже въ низменности, наприм., въ казенномъ лѣсу въ трехъ верстахъ отъ Ставрополя. Зимую на Кавказѣ вальдшнепъ встрѣчается во множествѣ, по преимуществу, въ низменностяхъ.

В Е С Н А.

Пролетъ и прилетъ.—Весеннія высыпки.—Тяга.

Итакъ, какъ выше сказано, вальдшнепъ—чисто лѣсная птица, не отличающаяся прихотливостью въ выборѣ мѣстности, но, во всякомъ случаѣ, нуждающаяся въ тѣнѣ, старомъ лѣсѣ. Лѣсъ составляетъ ея коренное мѣстопробываніе; здѣсь она размножается, линяетъ и живетъ до того времени, когда пониженіе температуры вмѣстѣ съ недостаткомъ пищи заставитъ ее переселиться на югъ, и только во время такихъ переселеній, т.-е. весенняго и осенняго пролета, вальдшнепъ занимаетъ мѣста, нѣсколько отличающіяся по своему характеру отъ его обыкновеннаго обиталища. Дальше мы подробнѣе разберемъ, какія это мѣста и чѣмъ обуславливается пребываніе въ нихъ пролетныхъ вальдшнеповъ, теперь же замѣтимъ, что въ нихъ останавливаются именно пролетныя, а не мѣстныя птицы. Послѣднія, прибывши на родину, прямо занимаютъ мѣста своего гнѣздовья, чуть не съ первой минуты своего возвращенія начиная заботиться о скоромъ времени гнѣздовитія и вывода дѣтей; пролетныя напротивъ: имъ нужно такое мѣсто, гдѣ были бы наиболѣе подходящія условія температуры и пищи, гдѣ бы онѣ могли отдохнуть съ дороги и скорѣе летѣть далѣе на свою родину. Позднѣе, когда весна окончательно установится, пролетные вальдшнепы, также какъ и мѣстные, забираются въ темныя, старыя лѣса, нормальное ихъ мѣстопробываніе, но виною этому пробудившееся половое стремленіе, не удовлетворить которому не въ волѣ птицы. Этимъ и объясняется, что пролетные вальдшнепы, при благопріятномъ состояніи температуры и зависящихъ отъ нея условій, *тянутъ*, другими словами—токують, всюду, гдѣ позволяетъ мѣстность. Этимъ же объясняется и то, что продолжительность тяги различна въ разныхъ мѣстностяхъ, но зависитъ это не отъ того, что тяга прекращается въ одномъ мѣстѣ раньше, въ другомъ—позднѣе, а только отъ времени прибытія птицы.

Послѣднее въ сѣверныхъ и южныхъ губерніяхъ весьма различно, и приблизительно время появленія вальдшнеповъ на югѣ и таковое въ

среднерусскихъ губерніяхъ отстоятъ другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ, недѣли на двѣ. Такъ, подъ Вятку вальдшнепы прилетаютъ большею частью въ первой половинѣ апрѣля; подъ Москвою появляются въ началѣ этого мѣсяца *); въ Харьковской губ. въ небольшомъ количествѣ пролетаютъ около середины марта, валовой пролетъ бываетъ около начала или середины послѣдней трети марта и рѣже въ первыхъ числахъ апрѣля. Однако, не должно думать, что тѣ вальдшнепы, которые появляются на прилетѣ большими массами, нерѣдко въ нѣсколько десятковъ штукъ, суть первыя прилетѣвшія къ намъ особи. Передовые, какъ бы авангардъ, появляются гораздо раньше, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что только страстный охотникъ можетъ замѣтить ихъ прилетъ, таскаясь по тающему снѣгу, гдѣ поминутно нога опускается въ рыхлую массу выше колѣна. Обыкновенно это бываетъ въ то время, когда весна окончательно вступаетъ въ свои права, засинѣетъ небо, польются на застывшую землю лучи яркаго весенняго солнца и по откосамъ и пригоркамъ покажутся черныя проталины. Въ среднихъ губерніяхъ это случается около 25 марта, иногда раньше, сейчасъ послѣ 20, иногда, наоборотъ, прилетъ замедляется и вальдшнепы прилетаютъ только около 1 апрѣля, на югѣ—около середины первой трети марта, на сѣверѣ—въ первой половинѣ апрѣля.

Но вообще это время появленія первыхъ вальдшнеповъ не можетъ быть опредѣлено съ большою точностью. Съ одной стороны, какъ сказано, первыя прилетѣвшія птицы очень немногочисленны и ихъ трудно услѣдить, съ другой—колебанія температуры весною настолько рѣзки, что время прилета первыхъ или передовыхъ вальдшнеповъ въ одной и той же мѣстности подвержено большимъ измѣненіямъ. Но вообще можно сказать, что первыя особи ихъ начинаютъ появляться еще въ то время, когда земля только что начала оголяться и сбрасывать тяжелую пелену занастѣвшаго снѣга. И то это бываетъ только на склонахъ овраговъ, обращенныхъ къ югу, по пригоркамъ, откосамъ и тому подобнымъ мѣстамъ; въ лѣсу же въ это время снѣга, какъ говорится, непочатый край. Поля уже давно покрылись черными пятнами, высоко въ воздухѣ разсыпался надъ ними трелями жаворонокъ, а въ лѣсу, особенно смѣшанномъ или хвойномъ, лежитъ еще сплошная масса отвердѣвшаго снѣга и только около деревьевъ снѣгъ началъ осаживаться сильнѣе, образуя кругомъ пней ямы **). Но, несмотря на подобное состояніе мѣстности, первые вальдшнепы прилетаютъ именно въ это время. Прибываютъ они къ намъ, какъ и обыкновенно, ночью, съ тою только разницею, что первыя ихъ особи появляются поодиночкѣ, въ разбивку, и рѣдко парами, какъ то бываетъ позднѣе.

Но этимъ и ограничивается разница въ прилетѣ передовыхъ и остальныхъ вальдшнеповъ. Что касается ихъ мѣстопробыванія, само

*) Самый ранній прилетъ 23 марта, самый поздній—10 апрѣля.

***) Однако, надо замѣтить, что въ лѣсахъ съ большимъ подсыдомъ, гдѣ теплота тоже развивается очень рано, первые вальдшнепы встрѣчаются нерѣдко.

собою разумѣется, оно тождественно какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ; только у прилетѣвшихъ позднѣе такихъ мѣстъ больше, такъ какъ прилетъ передовыхъ удаленъ отъ такъ называемаго валового на 5, а иногда и на 8 дней, а за недѣлю весною „много воды утечетъ“.

Какъ бы то ни было, любимое мѣстопробываніе передовыхъ всегда у окраинъ полей, на проталинахъ, которыя только что зачернѣли на бѣлой пеленѣ снѣга. Тамъ, гдѣ есть ольховыя заросли, первое одиночное появленіе вальдшнеповъ бываетъ по такъ называемымъ коблямъ *). Но въ большомъ лѣсу ихъ встрѣтишь рѣдко. Древесные сучья, переплетаясь между собою, заслоняютъ здѣсь лучи солнца, снѣгъ таетъ гораздо медленнѣе и, помимо недостатка корма, вальдшнепъ не можетъ держаться въ такомъ лѣсу уже оттого, что ему негдѣ спрятаться. Обыкновенно, попавъ сюда, онъ выбираетъ себѣ оттаявшее мѣстечко на опушкѣ, обращенной къ солнцу, у пня или кустарника, и сидитъ здѣсь, плотно прилегши къ землѣ, мѣшаясь своими пестринами съ прошлогоднею листвою. Но взять ему тутъ нечего, кругомъ и холодно, и голодно, а потому въ такихъ мѣстахъ птица только днюетъ. Ночью же или вѣрнѣе вечеромъ, вмѣстѣ съ вечернею зарею, вальдшнепъ покидаетъ свое убѣжище и переселяется въ другое мѣсто. Это бываетъ обыкновенно незамерзающій родничъ или просто размокшее мѣстечко на полѣ—*мочежинка*, гдѣ отъ тающаго снѣга образовался ручей, куда и прилетаетъ кормиться почти вся пролетная и прилетная болотная птица. Здѣсь корму всегда вдоволь, къ тому же всѣ прилетныя птицы, а въ томъ числѣ и вальдшнепъ, бываютъ довольно сыты, такъ что имъ нужно немного. Отчего это происходитъ—сказать трудно. Нѣкоторые придерживаются того мнѣнія, что болотная птица, доставая себѣ въ пищу корешки травъ и злаковъ, которые въ это время очень сочны,—*сыта*, т. е. жирна отъ нихъ, но, какъ кажется, это не совсѣмъ вѣрно, и обуславливается, наоборотъ, переменною пищей во время теченій **). Извѣстно, что въ эти моменты своей жизни всѣ зерноядныя птицы становятся насѣкомоядными, т. е. происходитъ смѣна растительной пищи на животную, какъ болѣе питательную. Благодаря этому обстоятельству, всѣ птицы на прилетѣ гораздо сытѣе, чѣмъ въ послѣдующіе сроки, когда одно за другимъ присоединяются два столь ослабляющія организмъ явленія въ ихъ жизни, какъ половое стремленіе и слѣдующій затѣмъ процессъ линьки. Но если уже такъ бываетъ съ зерноядными, то нѣтъ ничего удивительнаго, что сыты прилетные вальдшнепы, птицы почти исключительно насѣкомоядныя, успѣвшія разжирѣть за зиму на мѣстѣ зимовья. Во время же полета на родину они успѣваютъ исхудать, потому что дорога для нихъ далеко не удо-

*) Вслѣдствіе рыхлой болотной почвы, на которой растетъ сльха, это дерево вырывается полою водою съ корнями, съ землею въ корняхъ, и образуетъ небольшой островъ—*кобель*.

**) Конечно, это вѣрно по отношенію къ птицамъ, находящимъ на своемъ пути насѣкомыхъ, что стоитъ въ прямой зависимости отъ времени прилета. Но въ тѣхъ мѣстахъ, откуда начинается теченіе, сказанное о смѣнѣ пищи не имѣетъ исключеній.

нительна, какъ благодаря частымъ и продолжительнымъ остановкамъ, такъ и обильному корму на пути, хотя раннею весною это кормъ растительный, что вызывается полнымъ отсутствіемъ насѣкомыхъ.

Больше о жизни первыхъ пролетныхъ вальдшнеповъ говорить нечего: ночью кормятся на полѣ, днемъ прячутся на проталинахъ въ кустахъ или лѣсѣ, вотъ и все. Прячутся они мастерски, никогда не опускаясь на голый снѣгъ, а выбирая такія мѣста, гдѣ изъ-подъ снѣга торчатъ пеньки мелкаго срубленнаго лѣса. Но такое однообразіе въ ихъ жизни царствуетъ не долго. Въ это время на югѣ, у тѣхъ особей, которыя летятъ парами, быстро слѣдующими другъ за другомъ, мало-помалу пробуждается половое стремленіе, внѣшнимъ образомъ выражающееся въ такъ называемой тягѣ: говорятъ, что вальдшнепы тянутъ. И въ то время, какъ передовые быстро летятъ дальше на сѣверъ, слѣдующіе за ними подвигаются впередъ медленнѣе, долѣе оставаясь на мѣстахъ пролета.

Съ каждымъ днемъ число такихъ первыхъ прилетныхъ вальдшнеповъ, предвѣстниковъ валового пролета, становится больше. Вначалѣ поднимешь одного, потомъ другого, на другой день зачастую случается, что и одного не встрѣтишь, но вотъ проходитъ день, два, и уже въ тѣхъ же кустахъ, гдѣ вчера ничего не было, вспорхнули иной разъ два, иной и три, хотя за каждымъ приходится исходить не одну версту по тающему снѣгу. Послѣ этого уже съ каждымъ днемъ надо ожидать, что начнется настоящій, валовой прилетъ; по кустамъ, опушкамъ, вырубкамъ, оврагамъ начнутся давно ожидаемыя охотниками *высыпки* *).

Дальше идетъ въ то же время весна въ своемъ ходѣ. Выше забралось солнце по синему небосклону и быстро побѣжали ручьи съ почернѣвшихъ полей. Снѣгъ остался только мѣстами, какъ бѣлыя пятна, а кругомъ стелется оголившееся пространство, раскисшее въ полужидкую грязь, темные лѣса, давно покидавшіе зимній покровъ, и овраги съ залежами грязнаго снѣга на сѣверной сторонѣ. Весна стала... Въ это время и начинается дружный, валовой прилетъ вальдшнеповъ. Они прибываютъ съ каждою ночью, летятъ парами, но послѣднія слѣдуютъ буквально одна за другой; направленіе ихъ пролета, равно какъ и мѣста остановокъ, одни и тѣ же, и потому тамъ, гдѣ они останавливаются на день, кажется, будто нападаешь на стоянку стада. Въ южныхъ губерніяхъ высыпки обыкновенно бываютъ въ половинѣ марта, въ среднихъ—въ первыхъ числахъ апрѣля; на сѣверѣ вальдшнепы прилетаютъ прямо въ мѣста ихъ гнѣздовья, и высыпокъ встрѣтить тамъ невозможно **). Въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ онѣ бы-

*) Высыпкою называется появленіе вальдшнеповъ въ большомъ числѣ, часто въ нѣсколько десятковъ птицъ, въ какомъ-нибудь кустарникѣ или какихъ другихъ мѣстахъ, о которыхъ ниже, что бываетъ исключительно на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ.

***) То же самое наблюдается во многихъ мѣстахъ Западнаго края. Такое явленіе имѣетъ свою причину прямо условія мѣстности, вполнѣ лѣсной, съ малымъ развитіемъ кустарниковъ. То же самое обстоятельство обуславливаетъ въ Западномъ краѣ и на сѣверѣ однообразіе, господствующее въ охотѣ на вальдшнеповъ: тамъ только одно время для охоты—весна, и только одна охота—на тягѣ.

вають, ихъ наблюдають обыкновенно по лѣснымъ склонамъ, обращеннымъ къ югу, по опушкамъ, порубамъ, оврагамъ, особенно гдѣ есть можжевельникъ, нерѣдко и просто въ садахъ. Помимо можжевельника, вальдшнепъ особенно охотно выбираетъ для высыпокъ дубовый кустарникъ близъ озимаго поля, чистый или перемѣшанный съ березнякомъ, гдѣ нѣтъ дуба, высыпаетъ и въ чистомъ березнякѣ. Въ садахъ высыпки бывають чаще въ томъ случаѣ, если они перекопаны, особенно въ садахъ ягодныхъ, засаженныхъ малинникомъ и барбарисомъ, иногда вишневыми. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, какъ, напр., въ мѣстностяхъ, почти сплошь занятыхъ большимъ лѣсомъ, что мы встрѣчаемъ въ губ. Новгородской, Псковской и др.,—вальдшнепы высыпають вблизи такихъ лѣсовъ, гдѣ по опушкамъ находятся ручьи, съ берегами, поросшими различнымъ кустарникомъ, преимущественно орѣшникомъ. Этими мѣстами и ограничиваются въ средней полосѣ тѣ участки, гдѣ бывають высыпки. Такимъ образомъ мѣста эти далеко не разнообразны и, сводя ихъ къ типу, т. е. къ такому мѣсту, гдѣ бываетъ большинство высыпокъ, это—лиственный кустарникъ, обращенный лицевою стороною къ югу, и ничего больше. Подвигаясь къ сѣверу, уклоненіе въ выборѣ мѣста выражается въ томъ, что по мѣрѣ вытѣсненія мелкаго лѣса крупнымъ, большимъ, высыпки бывають уже не по кустарникамъ, а по зарослямъ, по опушкамъ лѣсовъ, носятъ такимъ образомъ характеръ болѣе случайный, приближаясь уже къ тому случаю, когда, какъ на сѣверѣ, вальдшнепы прямо занимають мѣста гнѣздовья, тотчасъ же послѣ прилета разбиваясь по лѣсному участку.— На югѣ, сообразно съ измѣненіемъ характера мѣстности, и измѣненіе мѣста высыпокъ идетъ инымъ путемъ. Открытыя степныя пространства, какими представляются наши южныя губерніи, не дозволяя высыпкамъ бывать по кустарникамъ, тѣмъ не менѣе представляютъ много такихъ мѣстъ, гдѣ могутъ быть вальдшнепы. Такъ, въ Астраханской губ. они останавливаются въ виноградныхъ садахъ, лѣсныхъ и ежевичныхъ заросляхъ волжскихъ острововъ, при чемъ, какъ говоритъ Н. Явленскій, „вальдшнепъ, кочуя по городскимъ садамъ, бываетъ иногда столь безстрашенъ, что подходитъ иногда къ самому жилью и кормится съ домашнею птицею“ (!). Въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Бессарабіи, эти птицы высыпають по камышамъ и гораздо рѣже по кустарникамъ. Замѣтимъ здѣсь же, что высыпки рѣдко бывають годъ изъ году на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, но причиною этому служить простой случай и ничего больше.

Уже изъ описанія мѣстонахожденія высыпокъ само собою слѣдуетъ, что высыпки—не что иное какъ стоянка вальдшнеповъ, всегда пролетныхъ. Мѣстные мало-по-малу прямо занимають свои уголья, разбиваясь сначала по лѣснымъ опушкамъ; пролетные же только останавливаются на нѣсколько дней и потомъ, отдохнувши, пускаются въ дальнѣйшій путь. Такіе отдыхи для нихъ необходимы, какъ и для всякой перелетной птицы, и отличіе отъ большинства вальдшнеповъ представляетъ только въ томъ, что стоянки его продолжительнѣе, чѣмъ у

другихъ. Кромѣ того, какъ птица ночная, онъ летитъ отъ вечерней зари до утренней, останавливаясь днемъ для отдыха, зорями на кор-межку, и, слѣдовательно, ночные перелеты его не представляютъ никакого уклоненія отъ его обычнаго образа жизни. Не боязнь хищниковъ, какъ думаютъ нѣкоторые зоологи и охотники, заставляетъ вальдшнепа совершать его перелеты ночью,—это имѣетъ мѣсто по отношенію къ птицамъ, ведущимъ дневной образъ жизни, вальдшнепъ же, какъ птица ночная, не требуетъ для себя такого объясненія, и про него достаточно сказать, что даже въ такое время, какъ весенній и осенній пролетъ, онъ не измѣняетъ себѣ и остается птицею вполне nocturnoю.

Сказаннаго о высыпкахъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, что въ выборѣ для нихъ мѣста птица руководится главнымъ образомъ условіями добыванія пищи. Въ кустарникахъ и мелколѣсѣ земля отходитъ скорѣе, чѣмъ въ большомъ лѣсу, оставшихся отъ снѣга пространства здѣсь больше,—все это должно повліять на выборъ мѣста. Можетъ быть къ этому присоединяется и другое,—конечно, второстепенное,—условіе, что вальдшнепу легче спастись отъ преслѣдованія въ кустарникѣ, чѣмъ въ старомъ лѣсѣ, гдѣ деревья стоятъ другъ отъ друга дальше и снизу на значительномъ разстояніи лишены сучьевъ.

Что касается продолжительности каждой высыпки, то она подвержена значительнымъ измѣненіямъ и стоитъ въ прямой зависимости отъ состоянія погоды. Самый краткій срокъ для нея—день; въ противномъ случаѣ, т.-е. если дни стоятъ теплые и ясные, и если притомъ весна стала дружно, не запоздавши, пролетные вальдшнепы остаются на стоянкѣ долѣе, такъ что иногда высыпка держится до 3-хъ и 4-хъ дней. вмѣстѣ съ тѣмъ они уже не придерживаются исключительно однихъ кустовъ, гдѣ стали на отдыхъ, а начинаютъ мало-по-малу выбираться въ крѣпъ, т.-е. въ большіе лѣса, такіе же, какъ мѣста ихъ гнѣздовья дальше къ сѣверу, гдѣ и начинаютъ тянуть зорями вмѣстѣ съ мѣстными. Но если въ началѣ весны были холода, или вообще погода надолго задержала прилетъ всѣхъ птицъ, такъ что теплая дружная весна стала поздно, высыпки никогда не бываютъ продолжительны. Въ такихъ случаяхъ вальдшнепъ летитъ на сѣверъ очень быстро, останавливается не болѣе какъ на день и въ слѣдующую же ночь отправляется дальше.

Въ недѣлю или двѣ высыпки кончаются, другими словами—кончился пролетъ, птицы позаняли свои угодыя, остались, слѣдовательно, только мѣстныя. Впрочемъ, около двухъ недѣль пролетъ тянется очень рѣдко: обыкновенно высыпки не сходятъ дней десять, а потомъ если и бываютъ, то это уже вальдшнепы запоздалые, задержанные чѣмъ-нибудь долѣе обыкновеннаго въ своемъ пролетѣ.—Но очевидно, что средняя продолжительность пролета не даетъ о немъ точнаго, яснаго представленія. И вообще среднія числа далеко не даютъ опредѣленнаго понятія о дѣйствительномъ ходѣ того или другаго явленія, а въ

этомъ случаѣ это справедливѣе, чѣмъ когда-либо. Въ самомъ дѣлѣ, само собою ясно, что продолжительность пролета различна для мѣстъ, лежащихъ подъ разную широту, такъ какъ это зависитъ прямо отъ числа пролетныхъ особей. Такимъ образомъ, только среднія числа для нѣсколькихъ полосъ, подвигаясь постепенно отъ юга къ сѣверу, или, еще лучше, среднія, вмѣстѣ съ указаніемъ крайнихъ сроковъ начала и конца пролета, могли бы дать намъ дѣйствительно ясное представленіе о времени, продолжительности, а также и обуславливающихъ ихъ обстоятельствахъ пролета; но такихъ свѣдѣній въ настоящее время не имѣется, и мы по необходимости должны довольствоваться среднимъ для всей Европ. Россіи.

Этимъ и кончается первый періодъ весенней жизни вальдшнепа: прилетъ на родину и занятіе мѣстъ гнѣздовья. Въ общихъ чертахъ мы уже знаемъ, какія это мѣста, но теперь не лишнимъ будетъ разобрать нѣсколько подробнѣе, что должна представлять собою мѣстность, гдѣ происходитъ гнѣздованіе этой птицы.

Сосновый или еловый боръ съ близлежащими кустарниками по берегамъ рѣкъ и ручьевъ и болотинами вблизи, ольховыя заросли близъ лѣсовъ, разросшіяся на болотистой почвѣ, чернолѣсье или смѣшанный боръ съ мокрыми низами, поросшими ольхою, березою, лозникомъ и осиною,—однимъ словомъ, лѣса съ *подсыдомъ*, изрѣзанные просѣками и дорогами, не однообразные, а напротивъ—изъ различныхъ породъ, но съ однимъ характеромъ—темные и сырые—вотъ любимое мѣстопробываніе вальдшнепа. Сюда же принадлежатъ и потныя мѣста съ ольхою и орѣшникомъ, но уже здѣсь вальдшнепъ держится далеко не такъ постоянно, какъ въ выше указанныхъ, и скорѣе можно сказать, что сюда онъ летаетъ кормиться, а не живетъ здѣсь постоянно. Величина лѣса и связанная съ нею близость человѣка имѣютъ для него небольшое значеніе. Это не глухарь, уничтожающійся годъ отъ году вслѣдствіе его прихотливости въ выборѣ мѣста, и если уже проводить параллель, то ближе всего она между вальдшнепомъ и рябчикомъ. И тотъ и другой—птицы чисто лѣсныя, ни одинъ изъ нихъ не отличается приверженностію къ черному или красному лѣсу, слѣдовательно оба они имѣютъ гораздо болѣе шансовъ на дальнѣйшее существованіе, чѣмъ глухарь и жители степи—дрофа и стрепетъ. Но, спрашивается, чѣмъ вызывается помянутый выборъ мѣста, откуда идетъ неприхотливость птицы?—Чтобъ отвѣтить на заданные вопросы, намъ нужно познакомиться съ ея родомъ пищи и способами ея добыванія.

По времени года пищевой матеріалъ вальдшнепа не подверженъ большимъ измѣненіямъ. Обыкновенно это птица насѣкомоядная, питающаяся какъ взрослыми насѣкомыми, такъ и ихъ личинками, послѣдними даже чаще, не пренебрегающая и небольшими улитками, но только въ рѣдкихъ случаяхъ мѣняющая животную пищу на растительную. Эта смѣна происходитъ обыкновенно на раннемъ весеннемъ и позднемъ осеннемъ пролетѣ; иногда вальдшнепъ питается корешками

злаковъ и въ другое время, въ началѣ осени, когда поднимутся молодые, но этимъ и ограничиваются сроки, въ которые онъ является зерноядною птицей. И то это выраженіе не совѣмъ къ нему идетъ, такъ какъ онъ гораздо чаще питается корнями, чѣмъ плодами растеній. Впрочемъ, добываніе растительной пищи раннею весною обуславливается не предпочтеніемъ ея другой, а просто недостаткомъ, а вначалѣ и полнымъ отсутствіемъ послѣдней. Какъ бы то ни было, въ первое время своего появленія вальдшнепъ питается корешками растеній, старыми можжевельными ягодами и другой растительною пищею; позднѣе не отказывается отъ голубики, и, какъ говорятъ, осенью вытаскиваетъ даже изъ сѣлокъ рябину. Когда молодые вальдшнепы подрастутъ и свалятъ въ опушки, заросли и т. п. мѣста, они нерѣдко питаются корешками ржаныхъ всходовъ или какихъ-либо лѣсныхъ травъ, какъ сейчасъ было сказано, но это далеко не исключительная и не любимая ихъ пища, какъ думалъ С. Т. Аксаковъ.

Остановливаясь теперь на мѣстныхъ вальдшнепахъ, мы должны сказать, что днемъ, вскорѣ послѣ прилета, они всегда держатся въ чащѣ смѣшаннаго или чернаго лѣса и бора, какіе описаны выше, къ вечеру же начинаютъ мало-по-малу сдавать въ опушки, ольховыя заросли, а иногда, гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, перелетаютъ кормиться на поле или прилегающее къ лѣсу болото. Особенно любятъ они лѣса съ полянами, на которыхъ пасется скотъ, или лѣсныя дороги, и по мѣрѣ того, какъ солнце спускается ниже и становится темнѣе, вальдшнепы оставляютъ свое дневное убѣжище и перелетаютъ на такія поляны *). Но перелеты эти совершаются молча, птицы садятся съ налета и замѣтить ихъ трудно. Объ ихъ присутствіи въ томъ или другомъ мѣстѣ можно судить только на другой день—по тѣмъ ямамъ, которыя они понадѣлали своими носами въ землѣ или пометѣ **), или нечаянно спугнувъ птицу вечеромъ, но мало найдется охотниковъ таскаться въ такую пору по лѣсу. Позднѣе, когда снѣга окончательно сойдутъ и установится ровная, теплая погода, и вальдшнепами совершенно овладѣетъ половое стремленіе, они нѣсколько измѣняютъ своему обычному образу жизни и кормятся уже не ночами, а днемъ. То же бываетъ и на пролетѣ, хотя далеко не всегда, п. ч. чаще случается, что вальдшнепы летятъ отъ зари до зари, такъ какъ зорями еще свѣтло и въ это-то время они и хватаютъ наскоро пищу. Но, повторяемъ, на пролетѣ они нерѣдко кормятся днемъ, и какъ тогда, такъ

*) Это относится собственно къ болѣе позднему времени, когда въ среднихъ губ. лѣсныя поляны, да кстати и лѣсъ, сдаются на лѣто гуртовщикамъ, которые начинаютъ пасти здѣсь скотъ рѣдко ранѣе двадцатыхъ чиселъ мая. Первое же время вальдшнепы мало посѣщаютъ эти поляны, а именно, лишь вскорѣ послѣ того, какъ сойдутъ снѣга и земля не успѣетъ затвердѣть, да послѣ дождей. Если же эти поляны болотистыя, положеніе дѣль, конечно, измѣняется. Послѣднее относится и къ тѣмъ случаямъ, когда мѣстность представляетъ еловые лѣса въ перемежку съ болотами.

**) Впрочемъ, такъ бываетъ только съ пометомъ не очень старымъ; тотъ же, который успѣлъ сверху крѣпко загустѣть, остается неприкосновеннымъ.

и въ настоящую весну самый способъ добыванія ими пищи нѣсколько измѣняется. Тамъ, гдѣ земля рыхла или гдѣ ходилъ скотъ и послѣ него остался пометъ, вальдшнепъ просто погружаетъ свой клювъ въ то или другое и уже посредствомъ осязанія узнаетъ, есть у него что-либо подъ клювомъ или нѣтъ. Если есть, птица начинаетъ двигать головою такимъ образомъ, чтобы около конца клюва образовалось нѣкоторое пространство, благодаря чему она можетъ схватить добычу, и потомъ быстро вытаскиваетъ клювъ назадъ, всегда въ два приѣма, и съ такою силой, что не въ состояннн удержаться, и опускается на гузку *). Земляные черви, обыкновенно доставаемые такимъ образомъ, никогда не поѣдаются сразу, а разрываются вальдшнепомъ на нѣсколько частей.—Хотя весьма распространенное мнѣнне, что, въ случаѣ значительной твердости земли, вальдшнепъ не въ состояннн прямо воткнуть въ нее клювъ, и потому, уставивъ его немного въ почву, начинаетъ ходить кругомъ, сверля какъ буравомъ, и подтверждается г. Ушковымъ, тѣмъ не менѣе надо допустить, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ вальдшнепъ добываетъ себѣ кормъ такъ же, какъ весною или обыкновенно днемъ, когда, какъ въ послѣднемъ случаѣ, ему приходится не покидать своего убѣжища, а твердая лѣсная почва не позволяетъ погружать въ нее клювъ. Въ такомъ случаѣ вальдшнепъ просто поднимаетъ носомъ большую плитку прошлогодней листвы, переворачиваетъ ее нижнею стороною вверхъ и обираетъ всѣхъ личинокъ, насѣкомыхъ и т. п., которыя въ ней прятались. При этомъ характерною особенностью для вальдшнепа и отличнемъ отъ прочихъ насѣкомоядныхъ птицъ, какъ дроздовъ и другихъ, добывающихъ пищу тѣмъ же путемъ, служитъ то, что онъ никогда не разбиваетъ, никогда не раскидываетъ отвороченной плитки, всѣ же остальные всегда разбиваютъ ее на мелкія части. Тамъ, гдѣ въ лѣсахъ есть роднички или мочелкннкі, вальдшнепъ охотно перебирается на кормежку именнн въ такія мѣста. Въ погоду сырую, послѣ или во время дождя, когда дождевые черви во множествѣ показываются на поляхъ, настищахъ, лѣсныхъ дорогахъ и по опушкамъ, вальдшнепу доставать ихъ легко; въ другое время онъ преимущественно разыскиваетъ сырыя мѣста, такъ какъ въ нихъ черви всегда держатся близъ поверхности, и при этомъ засовываетъ свой клювъ въ землю часто по самымъ ноздри.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ птицею и способами добыванія ея вальдшнепомъ, легко видѣть, что она нисколько не заставляетъ птицу придерживаться лѣса исключительно какого-либо одного характера, т.-е. хвойнаго или лиственнаго, и позволяетъ, напротивъ, селиться всюду. Отсюда само собою слѣдуетъ, что ошибаются тѣ лица, которыя говорятъ, что вальдшнепъ избѣгаетъ чистаго сосноваго бора, потому будто, что песчаная почва, на которой растетъ послѣдннй, не

*) Во время остановки при вытаскиваннн клюва птица, вѣроятно, ловчѣе перехватываетъ добычу. Замѣтимъ здѣсь же, что эти наблюденія были сдѣланы надъ вальдшнепами въ неволѣ.

можетъ дать вальдшнепу никакой пищи. Она найдется всюду, п. ч. не одними червями и не одними насѣкомыми питается вальдшнепъ; для него достаточно, если то и другое попадаетъ въ перемежку съ растительною пищею, что всегда возможно тамъ, гдѣ есть вода; но гдѣ ея нѣтъ, нѣтъ и вальдшнепа. Этотъ смѣшанный характеръ пищи объясняетъ также возможность существованія вальдшнепа далеко на сѣверѣ, а потому не исключительно „тѣнистыя, сырыя мѣста стараго чернолѣся, смѣшаннаго сосноваго и еловаго бора“, какъ думаетъ М. Н. Богдановъ, составляютъ область гнѣздовья описываемой птицы, но также и чистое краснолѣсье, какъ нами было добавлено еще раньше.

Переходимъ теперь къ описанію половой жизни вальдшнепа, къ такъ наз. *тягь* или *цугу*.

Вскорѣ послѣ начала высыпокъ, иногда уже одновременно съ нимъ, что бываетъ при позднемъ пролетѣ, вечеромъ начинается тяга вальдшнеповъ. Слѣдовательно, точно такъ же, какъ и начало высыпокъ, начало тяги съ точностью опредѣлить невозможно; замѣчено только, что при пролетѣ раннемъ, если погода неблагоприятная, пасмурная и вѣтреная, тяги не бываетъ отъ первыхъ высыпокъ дней 5 или 8, при обыкновенномъ пролетѣ,—дня 2 или 3. Въ южныхъ губерніяхъ, такимъ образомъ, тяга начинается около 20-го марта, въ среднихъ около 5-го апрѣля, сѣвернѣе—еще позднѣе, иногда только въ концѣ мѣсяца; но, повторяемъ, состояніе погоды вполне обуславливаетъ собою время тяги и начало ея въ различные годы отстоитъ другъ отъ друга иногда весьма надолго.

Въ чемъ состоитъ тяга, извѣстно всѣмъ: вечеромъ, вскорѣ послѣ захода солнца, вальдшнепы начинаютъ летать, *тянутъ* надъ лѣсомъ, издавая особые крики, при чемъ обыкновенно тянутъ надъ тѣми частями лѣса, гдѣ деревья ниже или гдѣ ихъ совѣмъ нѣтъ (последнее чаще), т. е. надъ лѣсными просѣками, дорогами, полянами, оврагами и т. д. Но опредѣлить точно мѣсто тяги нѣтъ никакой возможности. Это то же, что и опредѣленіе мѣста тока тетеревей: „большую роль играетъ здѣсь совершенно безсознательное сопоставленіе и однородность мельчайшихъ признаковъ уже извѣстныхъ мѣстностей. Вы видѣли подобное мѣсто, то же самое расположеніе деревьевъ, ту же траву и вамъ невольно приходитъ въ голову, что аналогія мѣстности вызываетъ аналогію и во всемъ другомъ, касающемся животной жизни въ этой мѣстности“ *). Однако нельзя не сознаться, что опредѣлить мѣсто тяги легче, чѣмъ таковое тетеревиного тока. Это зависитъ отъ большого разнообразія мѣстъ тяги, отъ меньшей прихотливости птицы, но главнымъ образомъ оттого, что тяга, будучи вполне аналогичною току обыкновеннаго тетерева-косача, разнится отъ него тѣмъ, что въ то время какъ тетерева токують на одномъ мѣстѣ, вальдшнепы тянутъ, конечно, надъ извѣстнымъ участкомъ, но послѣдній далеко превосходитъ величиною площадь тетеревиного тока. Съ этой стороны

*) Л. П. Сабанѣевъ. „Глухой тетеревъ“, стр. 19.

тяга еще ближе стоитъ къ току глухаря, у котораго какъ извѣстно, площадь тока занимаетъ громадное пространство. Но помимо того, что вальдшнепы тянутъ, а тетеревъ токуетъ на одномъ мѣстѣ, различія между тягой и токомъ нѣтъ никакой. Подобно току, тяга или вѣрнѣе мѣсто тяги есть сборный пунктъ для состязанія самцовъ, на голосъ которыхъ прилетаютъ самки. То же самое явленіе замѣчается и у другихъ бекасиныхъ, къ которымъ принадлежитъ вальдшнепъ, напр., у дунеля, и стоитъ въ прямой зависимости отъ полигаміи, свойственной этимъ птицамъ.

Лѣсная поляна, поросшая кустиками или съ разбросанными по ней отдѣльными группами деревьевъ, просѣка съ возвышающимися по ея сторонамъ большими деревьями, лѣсная дорога, болотина, наконецъ лѣсная опушка, не прямая, но волнистая, съ далеко выбѣгающими косяками лѣса,—все это такія мѣста, гдѣ обыкновенно бываетъ тяга. Возрастъ деревьевъ, ихъ порода—большого значенія не имѣютъ. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вальдшнепъ гнѣздится, онъ одинаково тянетъ какъ въ большомъ лѣсу, такъ и въ мелколѣсѣ, а про пролетныхъ нечего и говорить: они тянутъ или вмѣстѣ съ мѣстными, или, гдѣ такихъ нѣтъ, всюду, гдѣ найдутъ лѣсъ, лишь бы онъ не былъ настолько малъ, чтобы не приближался къ кустамъ. Въ сплошныхъ лѣсахъ вальдшнепы тянутъ часто опушками, описывая кругъ, или же по всѣмъ направленьямъ, зря, куда пришлось. Тамъ, гдѣ лѣса сплошные, съ рѣдко встрѣчающимися полянами и просѣками, но расположенные такъ, что одинъ лѣсъ недалеко отъ другого, вальдшнепы тянутъ, направляя свой полетъ изъ одного лѣса въ другой и поворачивая надъ послѣднимъ. Но лучше, охотнѣе всего тянутъ въ такихъ мѣстностяхъ вдоль небольшихъ овражковъ, гдѣ вершины деревьевъ узкою полосой протянулись ниже остальныхъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что въ такихъ лѣсныхъ мѣстахъ вальдшнепы тянутъ даже надъ садами, но по всей вѣроятности, если наблюденіе вѣрно, это относится только къ пролетнымъ *). Изъ сказаннаго о мѣстѣ тяги можно сдѣлать, какъ кажется, такой общій выводъ, что лучшее мѣсто для нея—лѣсъ съ вершинами не въ одной плоскости, а понижающимися или повышающимися,—однимъ словомъ, съ вершинами, расположенными волнисто, съ разбросанными тамъ и сямъ чистыми или поросшими кустиками полянками. Такимъ образомъ, выборъ мѣста для тяги не представляетъ собою ничего исключительнаго, и если глухарь годъ изъ году токуетъ на одной и той же соснѣ, какъ наиболѣе удобной по расположенію и направленію своихъ сучьевъ,—тяга вальдшнеповъ, если и бываетъ каждый годъ въ одномъ и томъ же лѣсѣ, то это зависитъ только отъ того, что они тянутъ надъ тѣми лѣсами, гдѣ самки сидятъ

*) Повидимому, вальдшнепъ избѣгаетъ только очень большихъ, совершенно обнаженныхъ лѣсныхъ полянъ, когда онъ уже и на поляну-то не ходитъ; но, если онъ покрытъ кустарникомъ и отдѣльно стоящими деревьями, въ такомъ случаѣ служить для тяги такъ же, какъ и меньшія.

на яйцахъ, и ни отъ чего больше. Последнія же ежегодно занимаютъ одно и то же мѣсто, что и понятно, если принять во вниманіе, что вальдшнепъ въ настоящее время довольно многочисленъ и, мало вытѣсняемый человѣкомъ, не принужденъ еще уходить далеко на сѣверъ.

Что касается высоты полета вальдшнеповъ во время тяги, то она стоитъ въ полной зависимости отъ высоты деревьевъ, надъ которыми птица тянетъ. А именно: приблизительно вальдшнепъ летитъ аршинахъ въ 3-хъ или 4-хъ надъ вершинами лѣса, иногда еще ниже; въ лѣсахъ хвойныхъ, глухихъ летитъ, напротивъ, гораздо выше, точно какъ будто для того, чтобъ его было виднѣе. Но замѣтимъ, что высота полета птицы во время тяги подвержена значительнымъ измѣненіямъ. Прежде всего, не всегда вальдшнепъ летитъ на одинаковой высотѣ надъ лѣсомъ даже въ то время, когда, повидимому, ему ничто не мѣшаетъ. Вѣроятно всѣмъ охотникамъ извѣстно, что иногда, подлетѣвъ къ полянѣ, онъ внезапно спускается гораздо ниже, приблизительно въ полдерева, пролетаетъ стрѣлою поляну, вилля между кустами, если такіе найдутся, и либо исчезаетъ въ лѣсу, не поднимаясь выше, либо взмываетъ кверху и уже затѣмъ продолжаетъ тянуть дальше, хрипло покаркивая. Чѣмъ объяснить подобное поведеніе птицы—рѣшить трудно, но надо замѣтить, что подобные случаи относительно довольно рѣдки.

Направленіе полета, строго говоря, никогда не бываетъ определенно. На небольшомъ пространствѣ, какъ при перелетахъ черезъ поляны, просѣки и т. п., вальдшнепъ всегда летитъ прямо, часто большинство птицъ тянуть въ одномъ и томъ же направленіи, но за то, перебравшись черезъ нихъ, очутившись надъ деревьями, онъ нерѣдко заворачиваетъ такимъ образомъ, что на полетѣ описываетъ около поляны полкруга, улетая обратно въ прямо противоположномъ направленіи, иногда въ томъ же мѣстѣ, откуда и вылетѣлъ. Заворота надъ полянами нормально, при исполнѣ спокойной тягѣ, наблюдать не приходится, и можно сказать, что это бываетъ только въ томъ случаѣ, если тянуцій вальдшнепъ увидитъ внезапно охотника или испугается какой-либо хищной птицы. Что касается овраговъ, поросшихъ тѣми же деревьями, изъ какихъ состоитъ и лѣсъ, и по возрасту и по породамъ, тяга всегда бываетъ вдоль ихъ. Измѣняется ли высота полета въ зависимости отъ момента тяги, т. е. раньше или позднѣе вечеромъ, сказать трудно, но скорѣе можно думать, что это не бываетъ. Только позднюю весною, когда тяга начинаетъ ослабѣвать, въ рѣдколѣсьи или хвойномъ лѣсу, по свидѣтельству Г. В.—скаго, „когда уже совсѣмъ стемнѣетъ, слонка любитъ медленно протянуть въ полдерева“.

Но, въ противоположность только что сказанному о вліяніи на полетъ вальдшнепа часа дня, тяга находится въ полной зависимости отъ состоянія погоды. Вѣтеръ или безвѣтріе, дождь, пониженіе или повышеніе температуры—все это оказываетъ громадное вліяніе на тягу, а потому мы и остановимся на этомъ нѣсколько долѣе, чтобъ ознакомиться со всѣми условіями, управляющими ходомъ тяги.

Въ холодный свѣтлый вечеръ, когда небо не загромождено облаками и солнце сѣло чисто, не за тучу, вальдшнепы тянутъ всегда очень высоко, полетомъ ровнымъ, прямымъ, не поднимаясь и не опускаясь параллельно вершинамъ лѣса, а держась постоянно на одной высотѣ. Въ такой вечеръ птица чрезвычайно какъ точно держится одного и того же направленія и нѣсколько разъ пролетаетъ тою же самую дорогой, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Отсюда можно заключить, что для охоты такіе вечера очень удобны: стоить только встать на хорошее мѣсто, и стрѣльба выйдетъ превосходная, одинъ и тотъ же вальдшнепъ будетъ налетать нѣсколько разъ; но при этомъ существуетъ одно неудобство, къ сожалѣнію, весьма важное и заключающееся въ томъ, что въ погоду холодную вальдшнепы тянутъ недолго, а кромѣ того стрѣльбѣ мѣшаетъ и высота ихъ полета. Въ холодъ вальдшнепъ летитъ очень быстро, торопливо хлопаетъ крыльями, хрипло покоркиваетъ, и, смотря на него въ эту минуту, никакъ нельзя предположить, что у птицы „любовь на умѣ“... Совсѣмъ иное дѣло въ теплый, пасмурный вечеръ, когда небо застелется облачками и начнетъ моросить мелкій дождикъ. Въ такую погоду вальдшнепъ летитъ лѣниво и плавно, протянетъ надъ однимъ и тѣмъ же мѣстомъ въ вечеръ нѣсколько разъ, и притомъ почти надъ самыми древесными верхушками. Въ такіе-то вечера онъ вполне предается своей страсти и медленнымъ, ровнымъ полетомъ, поднявъ всѣ перья, отчего кажется гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, какъ бы напрашивается на выстрѣлъ... Почти такъ же хороша тяга бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда днемъ шелъ дождь, а къ вечеру разгуляется, лишь бы на слѣдующій день не было ненастья. Но стоить только подуть вѣтру—и правильность тяги нарушается. Впрочемъ, направленіе вѣтра играетъ весьма важную роль. Вообще замѣчено, что при сѣверномъ и восточномъ вѣтрѣ вальдшнепы не тянутъ; при холодной и вмѣстѣ съ тѣмъ пасмурной погодѣ съ западнымъ или сѣверо-западнымъ вѣтромъ тяга также плоха, что наблюдается даже въ сырую погоду, но если при заходѣ солнца дуетъ сильный вѣтеръ. Въ тѣ же вечера, когда въ воздухѣ душно, какъ передъ грозой, напротивъ, тяга иногда бываетъ превосходна, и совершенно обратное замѣчается въ теплый, сухой вечеръ, когда подуетъ восточный вѣтеръ, а небо чисто, что говорится,—ни облачка *). Отсюда очевидно, что тяга находится въ полномъ соотвѣтствіи съ большею или меньшею влажностью воздуха и температурой. Но было бы ошибочно предположить, что то или другое въ одинъ только вечеръ обуславливаетъ собою лучшую или худшую тягу: состояніе погоды слѣдующаго дня имѣетъ чуть ли даже не большее значеніе. Случается, что вечеръ очень хорошъ, все заставляетъ раз-

*) По свидѣтельству Гофманна, прекрасная, хотя и непродолжительная тяга бываетъ даже въ то время, когда идетъ снѣгъ, и при сильномъ дождѣ; но если къ этому присоединится порывистый вѣтеръ, такъ что дождь, какъ у насъ говорится, „стегаетъ“ вальдшнепы хотя и тянутъ, но летятъ очень быстро.

считывать на прекрасную тягу, а вмѣсто того тяги нѣтъ; въ такомъ случаѣ на слѣдующій день навѣрное будетъ несчастье.—Такимъ образомъ, и эта черта въ жизни вальдшнепа имѣетъ себѣ вполне аналогичное явленіе въ жизни другого полигама, на котораго мы уже указывали,—глухого тетерева.

Переходимъ теперь къ продолжительности тяги.—Какъ выше было сказано, дня черезъ 2 или 3 при пролетѣ обыкновенномъ, черезъ 5 или 8 при раннемъ и въ первый же вечеръ послѣ начала высинокъ, т.-е. первой высики, на пролетѣ позднемъ мѣстные и пролетные вальдшнепы начинаютъ тянуть *). Впрочемъ, относительно послѣднихъ это нѣтъ имѣсто только въ томъ случаѣ, если они останавливаются на отдыхъ дня на 2 или на 3, въ противномъ же случаѣ для нихъ тяги нѣтъ. Но, конечно, не въ одной, такъ въ другой мѣстности, а стоянки бываютъ, такъ что можно просто принять, что пролетные тянутъ вмѣстѣ съ мѣстными. Поэтому уже а priori можно предположить, что время начала тяги приблизительно у всѣхъ одинаково. И дѣйствительно, тяга, какъ внѣшнее выраженіе разыгравшагося въ птицѣ полового стремленія, появляется у вальдшнеповъ одновременно, сейчасъ же какъ только состояніе погоды и условія мѣстности на ихъ пролетѣ позволяютъ ей выказаться. А отсюда очевидно, что и конецъ тяги въ мѣстностяхъ сходныхъ, хотя въ извѣстное время года, по климатическимъ и другимъ условіямъ, приблизительно же долженъ быть въ одно и то же время.

Такимъ образомъ, продолжительность тяги, взятая сама по себѣ, всегда строго опредѣлена, но для птицъ, гнѣздящихся подъ различною широтой, всегда различна, что прямо обуславливается сроками ихъ прибытія на родину. Нельзя, однако, не замѣтить, что большинство охотниковъ до сихъ поръ путается въ опредѣленіи продолжительности тяги или, говоря точнѣе, въ опредѣленіи срока ея окончанія. Въ этомъ ошибались даже лучшіе охотники, какъ Н. Основскій, М. Вавиловъ и др., и только С. Т. Аксаковъ не впалъ въ ошибку и въ этомъ отношеніи, благодаря тому, что былъ не простой охотникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ страстный и точный наблюдатель природы. Дѣйствительно, тяга въ то время, когда весна уже перешла въ лѣто, не можетъ привлекать къ себѣ охотника,—и зачѣмъ онъ поидетъ въ лѣсъ вечеромъ въ началѣ іюля, когда протянетъ одинъ, много два вальдшнепа, и къ тому

*) Западно-европейскіе зоологи опредѣляютъ время прибытія вальдшнеповъ такимъ образомъ: когда прилетаютъ вяхири, юы, бѣлый аистъ и пѣвчій дроздъ, начинается прилетъ и вальдшнеповъ; черногрулка (*Ruticilla tithys*, Scop.) прилетаетъ обыкновенно одновременно съ ними. Изъ растеній къ этому времени пробиваются обыкновенно печеночница (*Anemone hepatica*) и лютикъ (*Ranunculus ficaria*). И напротивъ, когда начнетъ свою пѣсню черноголовка (*S. atricapilla*, Briss.), услышатъ вертишейку (*Junco torquilla*, L.), одѣнется листовою боярышникъ (*Crataegus oxyacantha*, L.) и распустятся на лугу золотые цвѣты одуванчика (*Taraxacum officinale*, Wig.),—пролетъ приходитъ къ концу.—У насъ на югѣ, по Норманнѣ („Faune pontique“, стр. 232), время прибытія вальдшнеповъ совпадаетъ съ началомъ цвѣтенія *Leontice odessana*. Подъ Москвою прилетъ вальдшнеповъ узлется промышленниками по прибытію черныхъ коршуновъ (*Milvus ater*, L.).

же въ лѣсу тихо и скучно? А къ этому времени лѣсные пѣвцы почти все умолкаютъ. Давно притихъ соловей, одна за одной притихли пѣночки, уже не слышно трескотни полуночника, настало лѣто, время выхаживанія молодыхъ и лишки старыхъ птицъ... И только охотникъ-натуралистъ, знающій не одни правила стрѣльбы и находенія дичи, а обладающій желаніемъ всегда наблюдать и изучать природу, пойдетъ въ лѣсъ даже въ это время, не возьметъ съ собою ружья, но простоитъ цѣлый вечеръ, можетъ быть, только для того, чтобъ убѣдиться, что вальдшнепы еще не перестали тянуть...

Итакъ, продолжительность тяги нѣсколько болѣе трехъ мѣсяцевъ, считая съ ея начала вскорѣ послѣ начала прилета (въ послѣдней трети марта) и кончая началомъ линьки (нач. іюля). Понятно, что въ такой громадный срокъ тяга совершается не всегда съ одною и тою же горячностью. Первое время, въ теченіе нѣсколькихъ дней, особенно при неблагоприятной погодѣ, вальдшнепы тянутъ слабо, но какъ только чаще начнетъ дуть юго-западный вѣтеръ, въ воздухѣ станетъ теплѣе, валовой пролетъ въ самомъ разгарѣ, — тяга принимаетъ опредѣленный, постоянный характеръ. Въ это время тянетъ наибольшее число вальдшнеповъ, потому что одинаково тянутъ какъ пролетные, такъ и мѣстные, но вскорѣ подобныя тяги кончаются и уже тянутъ продолжаютъ только мѣстные. Изъ послѣднихъ первое время въ тягѣ участвуютъ только самцы, потомъ къ нимъ присоединяются и самки, но въ половинѣ мая (въ мѣстахъ гнѣздовья) послѣднія уже насиживаютъ яйца и потому участія въ тягѣ не принимаютъ. Однако, если охотнику придется убить самку вальдшнепа на тягѣ именно въ это время, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и объясняется просто тѣмъ, что первыя яйца были потеряны и птица приступила ко вторичной кладкѣ. Но даже въ то время, когда самки уже сѣли на яйца, тяга продолжается въ теченіе 2 или 3 недѣль по-прежнему, и только въ началѣ іюня, къ десятому этого мѣсяца, число тянущихъ вальдшнеповъ постепенно уменьшается, и въ концѣ этого мѣсяца тяга нормально оканчивается; но иногда, по замѣчанію В. Сперанскаго, даже въ іюль можно видѣть вальдшнепа на тягѣ.

Такимъ образомъ, продолжительность тяги обнимаетъ собою періодъ отъ конца марта и до начала іюля; но самая горячая, страстная пора тяги въ мѣстностяхъ, гдѣ она продолжается наиболѣе долго, т. е. въ нашихъ среднихъ губ., бываетъ въ теченіе второй половины апрѣля, всего мая и иногда начала іюня. Въ это время вальдшнепы тянутъ почти не переставая въ теченіе всей ночи *), но ежедневное начало тяги, какъ въ это время, такъ и раньше, подвержено различнымъ измѣненіямъ. Раннею весною, когда лѣсъ еще не одѣлся зеленью и деревья

*) Впрочемъ, съ охотничьей точки зрѣнія тяга вплоть до утра не имѣетъ большого значенія, потому что въ это время, т. е. передъ разсвѣтомъ, такъ темно, что стрѣлять невозможно. Но въ Германіи, по Гофманну, утреннее тягою пользуются, чтобы опредѣлить количество тянущихъ вальдшнеповъ и тѣмъ самымъ узнать, стоитъ ли на нихъ охотиться на слѣдующій день съ собакою или приберечь для охоты съ загонщиками.

только надули почки, тяга начинается уже позднимъ вечеромъ, послѣ захода солнца, когда стемнѣетъ; но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ распускаются деревья, вальдшнепы начинаютъ тянуть раньше и раньше, обыкновенно сейчасъ же послѣ заката солнца и рѣдко запаздывая на нѣсколько минутъ. Во второй половинѣ мая тяга начинается иногда въ то время, когда солнце еще не сѣло. Чѣмъ объяснить подобное явленіе, до сихъ поръ не рѣшено окончательно, но во всякомъ случаѣ ходячее объясненіе, что вальдшнепы начинаютъ тянуть раньше поздней весной оттого, что лѣсъ въ это время одѣлся и густъ, представляется мало вѣроятнымъ. Скорѣе всего можно думать, что это обуславливается сильно разыгравшимся половымъ стремленіемъ птицы. Въ хвойномъ лѣсу, по замѣчанію г. В—скаго, тяга обыкновенно начинается раньше, чѣмъ въ лиственномъ, но врядъ ли это происходитъ оттого, какъ думаетъ упомянутый авторъ, что въ хвойномъ лѣсу сумерки ложатся раньше. Подобное объясненіе имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы вальдшнепы тянули не надъ лѣсомъ, а въ полдерева, какъ это иногда бываетъ поздней весной; но разъ онъ тянетъ обыкновенно, — трудно допустить подобное объясненіе.

Какъ извѣстно, самую характерною, самую выдающеюся особенностью тянущаго вальдшнепа служатъ издаваемые имъ въ это время крики. Обыкновенно молчаливая, птица тянетъ, не переставая издавать два различныхъ звука, которые или слѣдуютъ одинъ за другимъ совершенно правильно, т.-е. сначала повторяется извѣстное число разъ одинъ, затѣмъ другой, или же правильность нарушается и одинъ, а то и оба звука слышатся не въ очередь. Изъ этого легко видѣть, что пѣснейю подобные крики никакъ не могутъ быть названы. Это не болѣе, какъ призывный крикъ самцовъ къ самкамъ, на который послѣднія въ извѣстное время и являются на тягу.—Одинъ изъ этихъ звуковъ называется у охотниковъ *корканьемъ*, другой *циканьемъ*, но какъ то, такъ и другое названіе не даютъ точнаго понятія о самыхъ звукахъ.

Обыкновенно корканье передаютъ такъ: „корръ, корръ“ или „крръ, крръ“; нѣкоторые, какъ Левшинъ, а за нимъ и С. Романовъ, думаютъ, что они ближе къ истинѣ, передавая корканье словами: „куарр, куарр“, но, какъ кажется, это самое неудачное подражаніе изъ всѣхъ существующихъ. Дѣло въ томъ, что корканье не представляетъ собою особенныхъ, рѣзко разграниченныхъ звуковъ: это, напротивъ, звукъ однообразный, глухой, и уже отсюда ясно, что передать его точно такъ же невозможно, какъ невозможно передать, наприм., бормотанье тетерева. Но, конечно, говоря относительно, этотъ звукъ можетъ быть переданъ болѣе или менѣе точно, и что касается моего личнаго мнѣнія, которое раздѣляютъ и многіе охотники, самое точное, самое мѣткое названіе, а отсюда и звукоподражаніе такъ назыв. корканью должно видѣть въ мало распространенномъ другомъ названіи этой части пѣсни: въ началѣ этой статьи нами указано, что мѣстами вальдшнепа зовутъ „кряхтуномъ“, мѣстами „храпуномъ“, — названія, которыя онъ заслужилъ именно за издаваемые имъ крики. И

дѣйствительно, корканье скорѣе всего походитъ на кряхтѣнье или оханье, рѣзкаго звука „р“, играющаго такую видную роль во всѣхъ звукоподражаніяхъ крику вальдшнепа, нѣтъ и слѣда. И потому вѣрнѣе всего можно передать этотъ крикъ словомъ „квогъ“...

Что касается остальной половины пѣсни, то въ противоположность только что разобранный, она состоитъ изъ рѣзкаго, какъ бы стального, крика, которыя наши охотники передаютъ обыкновенно словомъ „цсу“. Но надо произнести этотъ слогъ слишкомъ рѣзко, чтобы вышло хоть что-нибудь похожее на истину. То же нужно сказать и о звукоподражаніи циканью, данномъ западно-европейскими натуралистами,—„псіенъ“. Повторяемъ—слогъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы поддаться изображенію буквами нашихъ азбукъ.

Другое обстоятельство, относительно котораго также существуетъ полное разногласіе въ средѣ охотниковъ, заключается въ томъ, можно ли отличить самца вальдшнепа отъ самки по крику, и если можно, то какое же въ этомъ существуетъ различіе. Господствовавшее прежде мнѣніе состояло въ томъ, что самецъ только коркаетъ, самка только цикаетъ, но противъ такого опредѣленія уже давно начали появляться возраженія, и теперь окончательно рѣшено, что самецъ и коркаетъ, и цикаетъ, самка же дѣйствительно только цикаетъ. Замѣтимъ, однако, что намъ не разъ приходилось видѣть тянущаго вальдшнепа, который только коркалъ, и всѣ убитыя особи, не издававшія циканья, оказались самцами. Первые звуки, издаваемые тянущимъ вальдшнепомъ,—рѣзкое циканье.

Въ теплый, нѣсколько пасмурный вечеръ, однимъ словомъ, такой вечеръ, который мы опредѣлили какъ лучший для тяги, и если притомъ вальдшнепъ летитъ спокойно и не бываетъ ничѣмъ испуганъ, крики его обыкновенно слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: „квог-квог-квоогъ-цси, квогъ-квогъ-квоогъ-цси“ и т. д.; но если погода хоть немного вѣтреная или вообще изъ такихъ, которыя не совѣмъ благопріятны для тяги, чаще можно слышать, что корканье повторяется только два раза и затѣмъ слѣдуетъ циканье. Въ корканьи послѣдній слогъ при нормальной тягѣ какъ бы нѣсколько продолженъ и разбивается на двѣ половины, что я и думалъ передать слогами „квоогъ“.—Что касается силы, съ которой издаются корканье и циканье, то она весьма незначительна, и если принять, что корканье слышно шаговъ за 150 или немногимъ болѣе, ошибки большой не будетъ; циканье же, какъ звукъ болѣе высокій и рѣзкій, слышится нѣсколько далѣе. Поэтому, слыша одно корканье безъ циканья, никакъ нельзя допустить, что циканья не слышно за дальностію разстоянія, а просто надо принять, что иногда самцы тянутъ, только коркая. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я замѣчалъ тѣ вершины деревьевъ, тѣ лѣсные овраги, вдоль которыхъ тянетъ вальдшнепъ съ корканьемъ безъ циканья, ждалъ, не протянетъ ли тою же дорогою другой, и дѣйствительно мои ожиданія неоднократно были вполне успѣшны и я не безъ основанія утверждаю, что самецъ способенъ иногда только коркать.

Переходя къ самкамъ, должно замѣтить, что хотя онѣ и тянутъ въ продолженіе нѣкотораго времени вмѣстѣ съ самцами, однако число ихъ никогда не бываетъ значительно. Часто случается, что въ томъ мѣстѣ лѣса, надъ которымъ тянутъ самцы, низко и молча пролетаетъ самка: если самецъ ее замѣтитъ, онъ какъ стрѣла бросается за нею въ догонку и послѣ этого уже оба вмѣстѣ опускаются гдѣ-нибудь въ кусты *). Иногда самка тянетъ надъ лѣсомъ, но или молча, или только цикая, и во всякомъ случаѣ тяга ея долго не продолжается, и она скоро улетаетъ, преслѣдуемая самцомъ... Еще чаще случается по вечерамъ видѣть самокъ, если приходится стоять на тягѣ у лѣсной опушки. Обыкновенно послѣ захода солнца, когда уже сдѣлается темно и въ лѣсу смолкнетъ, самки вальдшнеповъ перебираются изъ чащи, гдѣ онѣ держались днемъ, на прилегающія болота или пастбища, обычное мѣсто ихъ кормленія. Но что такіе перелеты—не тяга, слѣдуетъ уже изъ того, что въ такихъ случаяхъ самки всегда летятъ молча, безъ циканья.

Замѣтимъ здѣсь же, что иногда и самцы въ свою очередь издають только звуки циканья безъ корканья. Обыкновенно это бываетъ въ тѣ время, когда два самца преслѣдуютъ другъ друга. При этомъ они быстро носятся надъ лѣсными вершинами, низко опускаются на просѣкахъ и полянахъ, и затѣмъ опять взмываютъ кверху, пока одинъ окончательно не скроется отъ своего гонителя **). Такія преслѣдованія приходится наблюдать чаще всего до начала тяги, хотя случается, что въ самый разгаръ ея вдругъ палетятъ два такихъ противника, вилля между группами деревьевъ. По всей вѣроятности, подобныя преслѣдованія—не что иное, какъ результатъ драки самцовъ, при чемъ побѣдитель и гонится за побѣжденнымъ. Иногда драки вальдшнеповъ бываютъ очень ожесточенны и нисколько не уступаютъ боямъ другихъ полигамовъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ оканчиваются тѣмъ, что птицы повыщиплютъ другъ у друга перья—и только; но иногда противники сбиваются съ такимъ ожесточеніемъ, что не могутъ уже удержаться въ воздухѣ и, сбившись въ комокъ, падаютъ въ кусты. Число такихъ драчуновъ никогда не бываетъ значительно: два, три рѣдко больше; хотя и бываютъ случаи, что въ дракѣ принимаютъ участіе болѣе 5 самцовъ, но при этомъ около, такъ сказать на виду у противниковъ, всегда находится самка, за которую происходитъ побоище. Что въ это время птицы сильно увлекаются взаимнымъ преслѣдованіемъ и обращаютъ мало вниманія на окружающее, подтвер-

*) Точно такъ же тянущій самецъ бросается въ чащу, если замѣтитъ притаившуюся на землѣ самку. Обыкновенно при этомъ онъ складываетъ крылья, хвостъ выпускаетъ вѣромъ и бросается стремительно внизъ, при чемъ, какъ утверждаетъ Гадамеръ (Sabani's, Journal für Ornithologie, 1861, S. 217), слышится звукъ изъ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ двухъ слоговъ, то повышющихся, то понижающихся.

**) Однако надо замѣтить, что часто самецъ гонится такимъ образомъ за самкой, и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, оба только цикаютъ. Передняя птица при этомъ всегда самка, что не бесполезно было бы принять нашимъ охотникамъ къ свѣдѣнію.

ждается большинством охотников, которымъ удавалось стрѣлять въ такихъ раззадоренныхъ дракою вальдшнеповъ. Въ это время птицы постоянно издають крики, но цканья не слышно, а безпрестанно раздается только „квогъ-квогъ-квогъ...“ въ разныхъ тонахъ. Но гораздо интереснѣе то обстоятельство, что подобно нѣкоторымъ другимъ птицамъ и звѣрямъ, вальдшнепъ во время яра приходитъ иногда въ такое возбужденное состояніе, что налетаетъ на охотника и даже садится на него. Разказы объ этомъ, перешедшіе къ намъ сначала отъ иностранныхъ зоологовъ, позднѣе нашли себѣ подтвержденіе и въ средѣ русскихъ охотниковъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, именно къ числу подобныхъ случаевъ относится описанная А. М. Бутлеровымъ продѣлка вальдшнепа, который сѣлъ во время тяги къ нему на шляпу.

Если выше было сказано, что вообще въ тягѣ можно различить три періода: первый—начальный, когда тянутъ только самцы, второй—тяга въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ ней принимаютъ участіе оба пола и въ это же время происходитъ оплодотвореніе самокъ, и третій—конечный, когда опять тянутъ только самцы, то, какъ бы въ параллель этому, можно и ежедневную тягу подраздѣлить на три періода, характеризующіеся тѣмъ же, чѣмъ и вышеупомянутые. Разница только въ томъ, что параллельнымъ такое дѣленіе является исключительно для ежедневныхъ тягъ второго главнаго періода, т. е. при участіи самцовъ и самокъ. Обыкновенно же, хотя большинству охотниковъ извѣстно, что существуютъ вечеромъ два момента, когда тяга на нѣсколько минутъ прекращается, но кто же станетъ на это обращать вниманіе? Однако не должно думать, что эти періоды совершенно рѣзко обособлены одинъ отъ другого, и никакъ нельзя сказать, что въ такой-то изъ нихъ самки никогда не являются на тягу. Начинаютъ тянуть однако всегда самцы, обыкновенно за нѣсколько минутъ до захода солнца...

Вечерѣтъ. Медленно спускается солнце по небосклону, и чѣмъ ниже, тѣмъ ярче его лучи обдаютъ своимъ пылкимъ лѣснымъ окрестности. Вотъ оно зашло за деревья и, какъ огненный шаръ, смотритъ межъ ихъ стволовъ. По вершинамъ лѣса прошли пурпуровыя волны и тѣ же лучи пролились на пушистое облачко, неизвѣстно откуда плывущее въ высотѣ неба... Море свѣта льется все дальше и дальше и, точно гигантскій пожаръ, охватилъ закатъ лѣса и все небо. Только въ лѣсной чапѣ царятъ мракъ и сырость, да въ глубокомъ оврагѣ, куда не доходятъ лучи солнца, легли мягкія синеватыя тѣни. Въ лѣсу все тише. Уже не слышать зябликовъ, примолкли и остальные пичужки. Вотъ гаснетъ и закатъ. Медленно ползетъ издали мгла и такъ же медленно спускается на землю завѣса весенней ночи. Въ свѣжемъ воздухѣ сильнѣе запахло черемухой... Въ кустѣ затрещалъ полуночникъ. А вотъ вдаль надъ заснувшими вершинами лѣсныхъ деревьевъ раздалось мѣрное корканье и цканье вальдшнепа. Вы схватываете ружье, глазами виваетесь въ птицу, но она быстро пронесется стороною, не переставая хрипло покоркивать... Еще рано...

Совѣзмъ скрылось дневное свѣтило. Примолкъ и лѣсъ. Утомонились, заснули дневные пѣвцы и только какая-то бойкая тростянка не прекратила своей пѣсни въ ближней уремѣ. Въ лѣсной глуши уже прокричала сова. Одинъ за другимъ съ шумомъ срываются съ березы майскіе жуки... Все тише, крики вальдшнеповъ громче, но вотъ въ кустахъ шелкнулъ соловей—разъ, другой—и полились трели его чуднаго голоса. И лѣсъ точно ожилъ. Чарующіе звуки какъ будто обдали его своимъ потокомъ и далеко пронеслись среди заснувшей чащи, утопая въ ея мракѣ. Гдѣ-то вдали затянулъ другой, и еще мягче, еще гармоничнѣе слышится его пѣсня... И вдругъ надъ поляною вылетаетъ вальдшнепъ. Отъ приподнятыхъ перьевъ вся его фигура кажется больше, онъ еле движется... Его крылья плавно и мѣрно разсѣкаютъ воздухъ. Съ особенною отчетливостью слышатся корканье и циканье. Вотъ онъ протянулъ надъ поляною, по-прежнему раздался его хриплый крикъ и точно эхо повторился гдѣ-то сбоку... Тамъ, надъ берегами, тянетъ другой. Быстро бросаются птицы другъ на друга, крики ихъ раздаются чаще... Уже близко..., мгновенье и два носатые противника вступаютъ въ бой. То и дѣло взмываютъ они кверху, бросаются внизъ, колютъ другъ друга клювами, носятся туда и сюда... То вдругъ падаютъ, кувыркаясь въ воздухѣ, то опять поднимаются,— и долго продолжается такая битва, пока одинъ не уступитъ и не нырнетъ въ лѣсную чащу, а за нимъ въ догонку кинется и побѣдитель.

Степнѣло. На небѣ загорѣлись звѣзды, сквозь вѣтви мелькнулъ тонкій серпъ мѣсяца; тяга на нѣкоторое время кончилась... На западѣ протянулась свѣтлая полоса вечерней зари, и тихо кругомъ. Только издали слышится соловьиная пѣсня, да гдѣ-то до насада кукуетъ кукушка. Поля и лѣсъ слышлись въ одинъ общій тонъ, по вершинамъ задымлены бѣлыя испаренія. Въ непроходимой чащѣ, въ оврагѣ, ухнулъ филинъ и, успокоенный окружающей его тишиною и мракомъ, однообразно началъ повторять тяжелые, глухіе звуки... Совѣзмъ пала на землю завѣса весенней ночи и опять началась тяга. Самыхъ птицъ уже не видно, но хрипкое корканье ихъ слышнѣе, чѣмъ прежде, и будетъ слышаться до разсвѣта.

Таковъ общій видъ тяги въ то время, когда она въ самомъ разгарѣ, т.-е. когда къ тянущимъ самцамъ прилетаютъ самки и отчасти тянутъ вмѣстѣ съ ними. Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ то же, что и у тетеревей. Какъ тамъ, такъ и здѣсь самки принимаютъ участіе въ токахъ, только онѣ никогда не остаются на нихъ долго и являются за тѣмъ, чтобы увести съ собою самцовъ. Но если тетерья выбѣгаетъ на токъ и тамъ ластится къ самцу, чтобы плѣнить его своими прелестями, самка вальдшнепа только ограничивается появленіемъ на тягѣ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что ея циканье имѣетъ своимъ назначеніемъ обратить на себя вниманіе летающихъ самцовъ. Кому принадлежитъ выборъ, самцу или самкѣ, я положительо не беру съ рѣшить, однако нельзя не согласиться, что нѣкоторыя обстоятельства какъ бы указываютъ на то, что выбираетъ самка. Изъ нихъ особен-

наго вниманія заслуживаютъ преслѣдованія самокъ самцами. Иногда тянущій самецъ вдругъ бросится къ летящей молча и низко самкѣ и оба тутъ же падутъ среди деревьевъ, иногда, напротивъ, самецъ горитъ, какъ бы силится заставить самку опуститься на землю и ему никакъ это не удается. Съ другой стороны, нѣкоторые данныя, собранныя охотниками, заставляютъ предполагать иное. Такъ, наприм., г. В—скій рассказываетъ, что онъ видѣлъ однажды, какъ одинъ вальдшнепъ порывался спуститься на землю, а другой упорно этому противился, подъ ними же молча, прижавшись къ землѣ и немного согнувшись на ножкахъ, сидѣла самка. Такимъ образомъ, самка здѣсь была совершенно безучастною зрительницей, и за это еще болѣе говоритъ то, что она, какъ прибавляетъ далѣе рассказчикъ, лишь только самцы близко подносились къ ней, совсѣмъ притаивалась и распущенныя крылья ея дрожали. Здѣсь, очевидно, надъ всѣмъ брало верхъ половое стремленіе, хотя, конечно, могло быть, что счастливый самецъ уже наслаждался съ своею пестрою красавицей, когда другой помѣшалъ имъ, изъ-за чего и произошла видѣнная упомянутымъ авторомъ сцена...

Замѣтимъ, что вальдшнепы тянутъ гораздо горячѣе, т.-е. съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ, наприм., токуетъ косачъ. Можетъ быть съ перваго раза и покажется, что дѣло происходитъ не такъ; но если принять во вниманіе, что выстрѣлъ заставляеть тянущаго вальдшнепа только измѣнить направленіе полета, а далѣе птица летитъ по прежнему, издавая свое корканье и щиканье, что, испугавшись хищной птицы, онъ нырнетъ въ кусты и потомъ все-таки продолжаетъ тянуть, хотя и другимъ мѣстомъ,—легко согласиться, что наше замѣчаніе справедливо. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ косачи перестаютъ токовать и одинъ за другимъ улетаютъ съ тока.

Итакъ, вечеромъ, обыкновенно еще въ то время, когда не совсѣмъ стемнѣло, на тягу начинаютъ прилетать самки. Последнее стоитъ въ настоящее время окончательно внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ рѣдкому охотнику не приходилось убивать на своемъ вѣку тянущихъ вальдшнепиныхъ самокъ. Конечно, ихъ бываетъ немного, онѣ появляются въ разбивку, но важенъ самый фактъ ихъ участія въ тягѣ и дѣло не въ числѣ. Но, какъ было замѣчено выше, самкамъ не приходится тянуть долго, и скоро онѣ улетаютъ съ тяги, сопровождаемые самцами. Такимъ образомъ, спариваніе происходитъ всегда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ встрѣтился самецъ и самка. Иногда это разстояніе весьма незначительно и птицы отлетаютъ едва на нѣсколько десятковъ шаговъ, иногда, напротивъ, онѣ уходятъ гораздо дальше. Но вообще можно замѣтить, что мѣстопробываніе такихъ паръ никогда не бываетъ очень удалено отъ опушки или лѣсной поляны, однимъ словомъ, отъ мѣста добыванія пищи. Слѣдовательно, можно съ полнымъ правомъ предположить, что такія пары держатся вмѣстѣ по крайней мѣрѣ цѣлую ночь и вмѣстѣ кормятся зорями. Очень многимъ охотникамъ приходилось поднимать такія пары, воз-

вращаясь съ тяги, и, прибавимъ, самецъ и самка въ этихъ случаяхъ всегда разлетаются въ разныя стороны, безразлично—были ли они подняты вмѣстѣ или одинъ за другимъ.

Съ разсвѣтомъ пары расходятся. Самка удаляется къ своему гнѣзду, самецъ забирается въ чашу, чтобъ отдохнуть, а передъ вечеромъ наскоро опять похватать корму.

Когда кладутся яйца, прямымъ наблюдениемъ не прослѣжено, но вѣроятно до полдня, хотя и не раннимъ утромъ, судя по времени спариванія. Снесши яйцо, самка не сходитъ съ гнѣзда до вечера, т. е. до того времени, когда летитъ для нагуливанія слѣдующаго. Въ средней полосѣ это бываетъ обыкновенно около половины мая, но, конечно, время кладки подвержено значительнымъ измѣненіямъ, сообразно съ географическою широтою мѣста, климатомъ и другими условіями.

Самцы же вальдшнепы по-прежнему продолжаютъ тянуть и только въ іюнѣ число ихъ постепенно уменьшается, пока въ концѣ этого мѣсяца или въ началѣ іюля тяга не прекратится совсѣмъ; послѣ этого самцы перебираются въ чашу, которую уже и не оставляютъ въ продолженіе всего періода линьки.

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА.

Стрѣльба на въспахъ.—Стрѣльба на тягѣ.

«Сквозить на заревѣ рѣдѣющихъ небесъ
И мелкимъ предо мной рисуется узоромъ
Въ весенніе листы едва одѣтый лѣсъ,
На дугъ болотистый спускаясь косогоромъ.
И глушь, и тишина. Лишь сонные дрозды
Прерывисто свое оканчиваютъ пѣнье;
Отъ луга всходитъ парь... Мерцающей звѣзды
У ногъ моихъ въ водѣ явилось отраженіе;
Прохладой дунуло, и прошлогодній листъ
Въ дубахъ зашелестилъ. Внезапно легкій свистъ
Послышался; за нимъ отчетливо и внятно
Стрѣлку знакомый хрипъ раздался троекратно
И вальдшнепъ протянулъ...»

Гр. А. Толстой.

Познакомившись съ весеннимъ образомъ жизни описываемой птицы, въ заключеніе этой главы намъ остается только рассмотреть способы охоты за нею, существующіе въ это время года. Способы эти, однако, далеко не многочисленны, ихъ всего-то два, но оба они совершенно отличны одинъ отъ другого и, какъ вѣроятно извѣстно читателю, принадлежатъ къ однимъ изъ лучшихъ весеннихъ охотъ. Первый изъ нихъ составляетъ такъ наз. стрѣльба на высыпкахъ, второй—на тягѣ. Отдавать предпочтеніе той или другой изъ этихъ охотъ, само собою разумѣется, дѣло вкуса, но это зависить въ весьма значительной степени отъ взгляда охотника на ружейную охоту вообще.

Полагаетъ онъ свое высшее удовольствіе слѣдить за собакою, — конечно, для него дороже стрѣльба на высыпкахъ; если онъ особенно дорожить своимъ выстрѣломъ, — нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ отдаетъ предпочтеніе тягѣ. За послѣднюю будутъ и тѣ, которые, не впадая въ одностороннюю крайность, любятъ въ охотѣ всю совокупность составляющихъ ее факторовъ. Какъ бы то ни было, и тотъ и другой способъ охоты весьма трудные и требуютъ со стороны охотника большого спокойствія и умѣнья владѣть ружьемъ.

Познакомимся же насколько возможно подробнѣе съ обоими этими способами, при чемъ будемъ придерживаться въ своемъ описаніи той послѣдовательности, въ которой эти охоты идутъ одна за другой по времени, не проходя молчаніемъ и прочіе способы стрѣльбы вальдшнеповъ, способы случайные и не заслуживающіе названія правильной охоты. Самая ранняя охота за вальдшнепами начинается еще въ то время, когда только что показываются ихъ отдѣльныя особи. Выше мною уже было указано какъ мѣсто, такъ и время появленія такихъ раниковъ, а также и высыпокъ, и потому теперь я займусь описаніемъ только самой охоты. Понятно, что нѣсколько дней со времени появленія перваго вальдшнепа охота не представляетъ никакой правильности, носитъ вполне случайный характеръ и можетъ доставить удовольствіе развѣ тѣмъ, что вскорѣ обѣщаетъ богатую жатву. Къ тому же въ это время она иногда бываетъ до крайности утомительна. Хорошо, если мѣстность представляетъ смѣшанный характеръ, т. е. въ ней находится и мелколѣсъ или кустарникъ, и большой лѣсъ, но если ея характеръ вполне лѣсной, какъ, наприм., въ нашихъ сѣверныхъ и западныхъ губерніяхъ, и притомъ лѣса съ подеѣдомъ, — добываніе вальдшнепа дѣлается ужасно труднымъ. А, между прочимъ, избѣгнуть этихъ лѣсовъ нѣтъ никакой возможности. Гдѣ только они есть, первые вальдшнепы попадаютъ одновременно и въ крайне ограниченномъ числѣ какъ по оттаивающимъ проталинамъ мелколѣся, такъ и около иней большихъ старыхъ лѣсовъ, поросшихъ кустарниками, — слѣдовательно, кто хочетъ завладѣть первыми вальдшнепами, волей-неволей, а иди всюду. Конечно, въ мѣстности богатой кустарниками можно поудержаться и не идти въ такія уголья, въ надеждѣ на скорыя высыпки, но тамъ, гдѣ мѣстность исключительно лѣсного характера, высыпокъ не бываетъ и, слѣдовательно, въ ожиданіи тяги остается только мѣрять лѣса. А что при этомъ приходится выносить — и представить трудно. Болотная почва, на которой вырастаютъ хвойные лѣса, размокаетъ къ этому времени до крайности, вода стоитъ сверху и къ тому же все завалено упавшими сучьями, сломанными деревьями, такъ что какъ разъ можно споткнуться. Мѣстами только остаются относительно сухія пространства, и сюда-то забирается обыкновенно вальдшнепъ. Днемъ онъ положительно не выходитъ изъ этихъ мѣстъ, и если принять во вниманіе, что, проштатавшись съ утра до вечера, встрѣтишь только двухъ, много трехъ, пожалуй и согласишься, что игра не стоитъ свѣчь... Нѣсколько легче охотиться въ такихъ

мѣстахъ къ вечеру: тогда вальдшнепъ выбирается на опушки и просѣки, или въ ненастную погоду, когда образуется такъ наз. капель*), отъ которой вальдшнепъ спасается сюда же. Обыкновенно здѣсь ель и сосна растутъ въ перемѣшку съ можжевельниковъ и ольхою, но нерѣдко все это настолько густо, что и собакѣ трудно пробраться, и стрѣлять не легче. Къ тому же вспугнутые здѣсь вальдшнепы всегда слетаютъ въ лѣсную чащу.

Совсѣмъ иное дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ останавливаются вальдшнепы пролетные. Мелколѣсье или высокій кустарникъ, конечно, иногда мѣшаютъ стрѣльбѣ, но при достаточномъ навыкѣ это неудобство не имѣетъ большого значенія и охота все-таки бываетъ добычлива. Стрѣльба на высыпкахъ начинается одновременно съ валовымъ пролетомъ. Стоитъ только найти недалеко одинъ отъ другого двухъ или трехъ вальдшнеповъ, навѣрное можно сказать, что здѣсь цѣлая высыпка. Собака на этой охотѣ можетъ оказать значительную помощь, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что нужна собака вѣжливая, не гонящаяся за взлетающей дичью, въ противномъ же случаѣ, т.-е. собака горячая, гонящаяся за птицею, только помѣшаетъ. Въ этомъ случаѣ, какъ только она найдетъ высыпку, лучше привязать ее и уже далѣе обходиться безъ ея помощи. Высыпки иногда бываютъ очень многочисленны и потому на результатъ охоты имѣетъ также громадное вліяніе горячность самого стрѣлка. Нападая на высыпку, и если притомъ имѣешь добрую, вѣжливую собаку, слѣдуетъ осторожно подвигаться впередъ, тихимъ, ровнымъ шагомъ и заставляя собаку обыскивать всѣ мѣста, всѣ кусты справа и слѣва. Особенно помогаетъ при этомъ собака съ дальнимъ чутьемъ. Вальдшнепъ съ прилета строгъ, собаку близко не подпускаетъ, стойку не выдерживаетъ, и потому, если собака потянетъ еще издали и тѣмъ самымъ покажетъ, гдѣ сидитъ птица, охотникъ всегда можетъ выбрать для выстрѣла болѣе или менѣе удачное положеніе, чтобы не мѣшали кусты или древесные сучья. Не напуганные вальдшнепы никогда не пересаживаются далеко: описавъ дугу, они нерѣдко опускаются на виду у охотника и при этомъ вначалѣ сидятъ неподвижно и только потомъ, обсиѣвшись, начинаютъ уже перебѣгать съ одного мѣста на другое. Къ такимъ пересѣвшимъ особямъ никогда не слѣдуетъ подходить; разъ напуганная, онѣ не скоро подустыятъ на выстрѣлъ и, гоняясь за ними, только будешь распугивать остальныхъ. Поэтому, оставивъ въ покоѣ пересѣвшихъ, слѣдуетъ не спѣша подвигаться впередъ, внимательно слѣдя за собакою и не позволяя ей пропускать кусты. То же самое надо сказать и о томъ случаѣ, если приходится охотиться одному, безъ собаки. Только понятно, что при этомъ обыскивать кусты надо еще тщательнѣе, а то какъ разъ пропустишь вальдшнеповъ, сидящихъ крѣпко и

*) Весенняя капель, т.-е. паденіе воды каплями съ деревьевъ, нѣсколько разнится отъ осенней по происхожденію. Въ то время какъ осенью капель образуется вслѣдствіе дождей, весной она нерѣдко вызывается выпаденіемъ сильнаго, притомъ мокраго, снѣга, который, оставаясь на деревьяхъ и потомъ тая, падаетъ каплями.

близко, и они уже будутъ взлетать послѣ того, какъ пройдешь мимо нихъ, т.-е. сзади охотника. Кромѣ того, при такой охотѣ, гдѣ собака уже не указываетъ мѣста, гдѣ притаилась птица, надо по возможности всегда быть готовымъ къ выстрѣлу, всегда занимать болѣе или менѣе выгодное положеніе, чтобы взлетѣвшій вальдшнепъ отнюдь не засталъ врасплохъ, что очень легко можетъ случиться, такъ какъ эта птица всегда старается вылетѣть изъ-за куста. Поэтому въ мелколѣсѣ, гдѣ сучья закрываютъ птицу, выстрѣлъ посылается иногда совершенно на удачу.—Не лишнимъ замѣтить, что вообще въ лѣсу вальдшнепъ рѣдко летитъ наискось. Послѣднее обыкновенно бываетъ въ томъ случаѣ, если онъ не поднимается выше вершинъ лѣса и садится невдалекѣ, но это случай крайне рѣдкій. Гораздо чаще случается, что онъ взмываетъ кверху между древесными стволами, производя значительный шумъ, залопотавъ крыльями, какъ говорятъ нѣкоторые охотники, и уже выбравшись на чистоту, описываетъ дугу и падаетъ опять среди деревьевъ. Въ такомъ случаѣ стрѣлять его слѣдуетъ именно въ то мгновеніе, когда онъ, поднимаясь кверху, не добрался еще до сучьевъ древесныхъ вершинъ; если же онъ летитъ наискось, надо ловить тѣ моменты, когда приходится видѣть его мелькающимъ между стволами. Послѣдній выстрѣлъ самый трудный, требующій громадной быстроты во вскидкѣ ружья, и опытный глазъ, чтобы не ошибиться въ разстояніи. Понятно, что при стрѣльбѣ на высыпкахъ такихъ затрудненій нѣтъ, хотя, конечно, въ мелколѣсѣ сучья все-таки мѣшаютъ. Но всѣ затрудненія исчезаютъ, если приходится стрѣлять въ низкоросломъ кустарникѣ, такъ въ полроста человѣка. Къ сожалѣнію, это приходится не часто, обыкновенно по ягоднымъ садамъ, и какъ исключительный случай нападеши на высыпку въ такомъ кустарникѣ, помимо садовъ; но за то, попавши сюда, стрѣлять удобно и съ собакою, и безъ собаки, хотя, конечно, добрая собака все-таки значительно облегчаетъ дѣло. Вспугнутый въ такихъ мѣстахъ вальдшнепъ, взлетѣвъ надъ кустарниками, летитъ плавно и прямо, сучья не мѣшаютъ его взять на цѣль, и потому стрѣлять его можно не торопясь—однимъ словомъ, стрѣляешь какъ на болотѣ. На высыпкѣ можно также охотиться нѣсколькимъ человѣкамъ вмѣстѣ и, если нѣтъ хорошихъ собакъ, пожалуй, можно даже допустить, что такая стрѣльба и веселѣе, и добычливѣе, чѣмъ одному. Но при этомъ, конечно, надо соблюдать то условіе, чтобы идти охотникамъ цѣпью, цѣпь должна быть довольно часта, чтобы вальдшнепы не могли проскальзывать между охотниками назадъ, и съ другой стороны настолько рѣдка, чтобы охотники не мѣшали другъ другу. Подвигаться впередъ слѣдуетъ, не опереживая и не отставая отъ товарищей, старательно осматривать всѣ рытвины, всѣ ямы, каждый кустъ,—однимъ словомъ, надо производить охоту такъ, какъ бы охотился одинъ. Понятно, что съ собаками такая охота еще занятнѣе, но въ этомъ случаѣ цѣпь должна быть порѣже. Однако нельзя не замѣтить, что стрѣльба на высыпкѣ въ нѣсколько ружей только тогда и хороша, когда высыпка велика. Въ противномъ случаѣ,

какъ и на большинствѣ охотѣ, гораздо лучше охотиться одному. Особенно это можно посоветывать молодому, горячему охотнику, который не приобрѣлъ еще достаточной опытности въ управленіи ружьемъ, а между прочимъ самолюбіе будетъ заставлять его взять дичи не менѣе другихъ. Тутъ можно навѣрное сказать, что каждый выстрѣлъ его будетъ промахъ, особенно если не повезло на первомъ. Когда же онъ охотится одинъ—дѣло совсѣмъ другое. Тутъ онъ дѣйствуетъ гораздо самостоятельнѣе и съ большею осмотрительностію, и въ концѣ-концовъ все-таки насладится. Поэтому, отправляясь на высылку компаніей, надо собираться такимъ охотникамъ, которые хорошо знаютъ другъ друга, знаютъ, что и отъ кого можно ждать. Въ противномъ случаѣ одинъ можетъ испортить все поле нѣсколькимъ...

Это и все, что можно было сказать о стрѣльбѣ на высылкахъ. Такимъ образомъ, читатель легко могъ видѣть, что въ этой охотѣ, какъ и во всякой другой настоящей егерской охотѣ, существуетъ весьма немного правилъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ хитростей, развѣ только за хитрость считать поставить птицу такъ, чтобы выстрѣлу въ нее не мѣшали сучья. Но давать въ этомъ отношеніи наставленія, конечно, не имѣетъ смысла по причинѣ тысячи непредусмотримыхъ случайностей. Во всякомъ случаѣ, если стрѣлокъ не очень горячъ и къ тому же съ нимъ есть добрая собака съ дальнимъ чутьемъ и тихимъ поискомъ, можно всегда предвидѣть болѣе или менѣе удачный результатъ охоты. На хорошей высылкѣ, при удачѣ, можно взять паръ десятъ, рѣдко больше, но и это недурно.

Совсѣмъ другое представляетъ собою стрѣльба на тягѣ. Здѣсь иногда, какъ говорятъ охотники, бываетъ такая „незадача“, что, простоявши цѣлый вечеръ, не удается и ружья разрядить. Но все-таки это лучшая охота, хотя до крайности истребительная, къ чему мы еще вернемся.

Въ главѣ о весеннемъ образѣ жизни вальдшнепа я уже описалъ довольно подробно тягу, и потому при описаніи охоты на тягѣ мнѣ придется быть довольно краткимъ во избѣжаніе повтореній.

Приходитъ на мѣсто слѣдуетъ всегда за полчаса или даже за три четверти до захода солнца, такъ какъ нерѣдко вальдшнепы начинаютъ тянуть еще въ то время, когда солнце не скрылось. Къ тому же, придя заблаговременно, всегда можно лучше осмотрѣться, лучше сообразиться съ мѣстностію, что имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ при навыкѣ лучшее мѣсто тяги можно опредѣлить даже въ незнакомой мѣстности. Самое лучшее становится на полянѣ, близъ опушки, при чемъ не слѣдуетъ выбирать поляны большой: черезъ нихъ вальдшнепы тянутъ неохотно. Къ тому же, допустивъ даже, что этого не бываетъ, на большой полянѣ всегда менѣе шансовъ на то, чтобы птица налетѣла въ мѣру, такъ какъ на большомъ открытомъ пространствѣ она всегда скорѣе замѣтитъ охотника, чѣмъ на маломъ, и, слѣдовательно, можетъ измѣнить направленіе своего полета заблаговременно. На маломъ же пространствѣ, если это и случится, все-таки

рѣдко дальше разстоянія ружейнаго выстрѣла. Впрочемъ, если большая поляна поросла отдѣльными группами деревьевъ и кустиками, вальдшнепы нерѣдко направляютъ свой летъ черезъ такія мѣста, но, повторяю, здѣсь охота подвержена большимъ случайностямъ и потому, если можно, такихъ мѣстъ слѣдуетъ избѣгать.

Что касается высоты лѣса, въ которомъ производится охота, то въ большинствѣ случаевъ въ этомъ отношеніи охотнику выбора не бываетъ. Рѣдко мѣстность представляетъ такія удобства, чтобы можно было раздумывать—идти въ мѣлколѣсье или старый лѣсъ; но если это представится, что мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ уѣздахъ центральныхъ губерній, то лучше выбрать лѣсъ средняго возраста. Въ крупномъ, старомъ, притомъ сплошномъ лѣсѣ вальдшнепъ тянетъ очень высоко и попасть въ него изъ такой дали невозможно; напротивъ, въ лѣсѣ средней величины высота его полета нормально всегда такова, что стрѣлять какъ разъ въ мѣру. Я скажалъ: нормально, п. ч. если читатель вспомнитъ, высота полета вальдшнепа, равно какъ и его направленіе и быстрота—стоятъ въ тѣсной зависимости отъ состоянія температуры или, говоря точнѣе, отъ цѣлой комбинаціи метеорологическихъ данныхъ, которую мы называемъ погодою. Переходя къ мелколѣсью, можно посоветовать избѣгать его насколько возможно, и причиною этого слѣдуетъ считать не то обстоятельство, что въ мелколѣсѣ трудно найтти убитую птицу,—это неудобство устраняется съ помощію собаки,—а то, что высота полета вальдшнепа въ такомъ лѣсѣ чрезвычайно затрудняетъ стрѣльбу. Вѣроятно все охотники согласятся, что стрѣлять птицу гораздо ловчѣе, если она летитъ въ нѣсколькихъ аршинахъ надъ вами, чѣмъ въ томъ случаѣ, если она летитъ невысоко, такъ что конецъ ружейнаго дула приходится только немного поднимать надъ уровнемъ плеча. Встрѣчные выстрѣлы, а также и выстрѣлы въ догонку при такомъ полетѣ птицы очень трудны, хотя въ случаѣ, если она летитъ стороною, стрѣлять весьма удобно. Поэтому гораздо лучше выбирать для тяги лѣсъ изъ деревьевъ средней величины; стрѣлять здѣсь почти всегда удобно, къ тому же и продолжительность стрѣльбы въ такомъ лѣсу можетъ быть болѣе, чѣмъ въ мелколѣсѣ, такъ какъ на глазахъ охотника вальдшнепъ пролетаетъ большее свободное отъ деревьевъ пространство.

Относительно выбора мѣста на самой полянѣ слѣдуетъ замѣтить, что лучше становиться на клину, т. е. гдѣ лѣсныя деревья нѣсколько выбѣгаютъ на поляну или гдѣ сходятся двѣ или болѣе лѣсныхъ дорогъ. Гдѣ же этого нѣтъ, надобно становиться просто около дерева, но притомъ такъ, чтобы съ одной стороны быть по возможности скрытымъ, съ другой—имѣть возможность стрѣлять во все стороны. Эти два условія, повидимому, противорѣчатъ одно другому, но на самомъ дѣлѣ такое мѣсто въ большинствѣ случаевъ можно найтти. Обыкновенно не очень развѣсистое дерево съ сучьями, нагибающимися не слишкомъ низко, и окруженное кустами, представляетъ все удобства для стоянки на тягѣ. Хорошо, если на выбранной полянѣ такихъ де-

ревьювъ нѣсколько: главный летъ вальдшнеповъ при благоприятныхъ условіяхъ совершается всегда болѣе или менѣе по одному направленію, но въ различныя дни это направленіе мѣняется, и потому недурно имѣть знакомое мѣстечко на случай ошибки. Впрочемъ, если тяга идетъ безпорядочно, никакъ не слѣдуетъ перебѣгать съ мѣста на мѣсто, какъ это дѣлаютъ многіе горячіе охотники. Тутъ, какъ говорится, нужно покориться своей участи и ждать...

Изъ того, что вѣмъ охотникамъ извѣстно о трудности встрѣчныхъ выстрѣловъ, само собою разумѣется, что становиться на мѣсто слѣдуетъ такъ, чтобы вальдшнепы вылетали нѣсколько сбоку и сзади охотника, что имѣетъ весьма важное значеніе: во-первыхъ, вылетая сзади, птица по большей части не видитъ стрѣлка и потому продолжаетъ летѣть спокойно, не бросаясь въ сторону; во-вторыхъ, стрѣлять почти всегда приходится нѣсколько сбоку и въ догонку, что представляетъ чуть ли не самое выгодное положеніе при выстрѣлѣ. Большую помощь при стрѣльбѣ на тягѣ оказываютъ выпускаемые въ это время вальдшнепами крики. Привычное ухо можетъ безошибочно указать по нимъ не только направленіе, по которому птица тянется, но даже то дерево, ту вершину, откуда она появится. Впрочемъ, такой навыкъ вырабатывается не очень скоро и неопытный охотникъ постоянно будетъ ошибаться въ опредѣленіи мѣста, откуда, по его мнѣнію, должна вылетѣть птица. Древесныя вершины, возвышающіяся болѣе или менѣе значительными кущами, слабое дуновеніе вѣтра, наконецъ, поворотъ птицею головы въ ту или другую сторону, — все это заставляеть звукъ пере мѣнять направленіе и вводить въ заблужденіе ухо охотника. Со временемъ нужная для опредѣленія мѣста появленія птицы опытность придетъ сама собою, но пока это будетъ, значительное число промаховъ стоитъ въ зависимости отъ того, что ждешь птицу иногда совсѣмъ не съ той стороны, откуда она появится. Это, да еще постоянныя ошибки въ опредѣленіи разстоянія при вечернемъ освѣщеніи—вотъ двѣ главныя причины, обуславливающія своимъ существованіемъ трудность стрѣльбы на тягѣ. Притомъ послѣдняя изъ нихъ, т.е. невѣрное опредѣленіе разстоянія, никогда не можетъ быть удалена окончательно, и самый опытный охотникъ будетъ въ этомъ отношеніи дѣлать промахи. Сказать же здѣсь что-нибудь общее объ опредѣленіи разстоянія, на которомъ слѣдуетъ бить птицу, нѣтъ никакой возможности, п. ч. это обуславливается чисто-индивидуальною силой или слабостью зрѣнія. Одно можно посовѣтовать—знать по крайней мѣрѣ точное измѣреніе поляны, на которой стоишь, въ возможно большемъ числѣ направленій. Этимъ устранится хотя небольшое число промаховъ, а остальное все зависитъ отъ самого охотника, его большей или меньшей горячности, опытности и пр.

Впрочемъ, здѣсь не лишнимъ будетъ упомянуть о тѣхъ пріемахъ, которыми пользуются стрѣлки-промышленники для подманиванія тянущихъ вальдшнеповъ. Способы эти служатъ, между прочимъ, превосходнымъ доказательствомъ тому, что тяга есть токъ. Первый и самый

распространенный изъ нихъ состоитъ въ томъ, что замѣтивъ вальдшнепа, тянущаго не въ мѣру, охотникъ подбрасываетъ вверхъ какой-нибудь предметъ, довольно замѣтный, хоть шапку, который и падаетъ тутъ же обратно на землю. Замѣтивъ подброшенную вещь, птица всегда измѣняетъ направленіе и иногда налетаетъ очень близко. Однако, обманутый такимъ образомъ, вальдшнепъ вторично, при обратномъ пролетѣ, на такую хитрость не поддается и продолжаетъ летѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. Эта особенность птицы, воишь аналогичная замѣченному у самцовъ перенеловъ обыкновенію бросаться въ періодъ яра на подброшенную вещь, которую и та, и другая птица въ пылу страсти принимаетъ за самку, очень хорошо извѣстна всѣмъ охотникамъ, и потому я никакъ не могу сказать, почему это опровергается В. Сперанскимъ. Конечно, настоящій охотникъ не станетъ пользоваться обманомъ, чтобы подманить птицу на выстрѣлъ, но для курьеза это дѣлается почти каждымъ, дѣлалось и мною, и, если предметъ былъ подброшенъ такъ, что тянущій вальдшнепъ его видѣлъ, онъ всегда измѣняетъ направленіе своего полета въ сторону замѣченнаго предмета.

Другой способъ манки состоитъ въ подражаніи голосу вальдшнепиной самки. Выше мною было сказано, что самки тянутъ вмѣстѣ съ самцами, иногда низомъ, иногда въ уровень съ послѣдними, но всегда или молча, или только цикая. На этой-то способности издавать циканье безъ корканья и основанъ другой способъ, посредствомъ котораго удается подманить самца на болѣе близкое разстояніе. Для этого охотникъ, скрывшись въ кустахъ, долженъ только свиснуть, подражая крику самки, коротко и пронзительно: самецъ, услышавъ крикъ, который онъ принимаетъ за зовъ, почти всегда сворачиваетъ съ прежней дороги и налетаетъ на то мѣсто, откуда крикъ послышался. Нѣкоторые совѣтуютъ, стоя на тягѣ, разводитъ костеръ, говоря, что вальдшнепы ночью летятъ на его дымъ, но хотя фактъ этотъ самъ по себѣ и вѣренъ, объясненіе его несправедливо, и вальдшнепъ летитъ не на дымъ, а на огонь, какъ летитъ на него всякая другая ночная птица. Впрочемъ, костеръ можетъ оказать и другую услугу: хоть немного защититъ отъ комаровъ, которые на тягѣ буквально покрываютъ собою охотника.

Выше не разъ было говорено о томъ, что въ [такой-то вечеръ вальдшнепы тянутъ лучше, въ такой-то хуже: изъ этого никакъ не слѣдуетъ выводить такого заключенія, что въ разные вечера тянетъ различное число особей. Напротивъ, все заставляетъ насъ предположить, что съ окончаніемъ полета, когда вальдшнепы позаняли свои угодья, надъ извѣстнымъ участкомъ лѣса ежедневно тянетъ только определенное число самцовъ и самокъ, именно тѣ, которые живутъ тутъ же. Только въ благоприятный для тяги вечеръ одна и та же птица пролетитъ взадъ и впередъ нѣсколько разъ, въ противномъ случаѣ одинъ, два,—отсюда и наблюдаемая разность въ числѣ тянущихъ особей. При удачной охотѣ можно даже прослѣдить постепен-

ное ослабѣваніе тяги по мѣрѣ уничтоженія участвующихъ въ ней птицъ, что особенно замѣчается тамъ, гдѣ вальдшнеповъ мало. Иногда случается, что во весь вечеръ протянетъ три-четыре, стрѣляешь и ничего не убьешь; на другой день то же, но удачный выстрѣлъ — и тяга прекращается въ этомъ мѣстѣ на все лѣто, что ясно доказываетъ, что тянулъ одинъ и тотъ же вальдшнепъ.

Вотъ все, что, по моему мнѣнію, слѣдовало сказать о тягѣ. Прибавлю только, что хотя охота на тягѣ можетъ происходить безъ собаки, чѣмъ она собственно и различается отъ стрѣльбы на высыпкахъ, гдѣ безъ собаки, какъ говорится, охота не въ охоту, но если возможно, лучше имѣть при себѣ собаку, какую бы то ни было, лишь бы только умѣла находить и подавать убитую дичь. Безъ собаки же неубитый сразу навалъ вальдшнепъ навѣрно не будетъ найденъ. Стрѣлять крупною дробью не приходится, большинство выстрѣловъ не въ мѣру, все это ведетъ къ тому, что вальдшнепъ рѣдко падаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ него попала дробь. Обыкновенно онъ летитъ впередъ до тѣхъ поръ, пока у него хватается силъ, но особенно плохо при этомъ то, что по мѣрѣ своего движенія впередъ онъ спускается все ниже и ниже, летитъ среди деревьевъ и отыскать его тутъ безъ собаки не только вечеромъ, но и днемъ невозможно, такъ какъ рѣдко удается услѣдить его полетъ до конца.

Вообще охота на тягѣ одна изъ труднѣйшихъ. Помимо умѣнья владѣть ружьемъ, надо привыкнуть къ особенностямъ этой охоты, опредѣленію мѣста тяги, мѣста вылета птицы, разстоянія и пр., а потому весьма трудно согласиться съ тѣми лицами, по мнѣнію которыхъ охота на тягѣ хороша только тѣмъ, что спокойна. Какимъ образомъ вообще можно говорить о спокойствіи на охотѣ? Возьмите какую хотите охоту, на хищныхъ звѣрей, псовую, ружейную, — онѣ все влекутъ къ себѣ именно потому, что каждая изъ нихъ заставляетъ охотника нѣсколько волноваться, сбрасывать съ себя обычную апатію. Я не понимаю, какъ говорить это А. Селастенниковъ и другіе, знающіе охоту и знающіе, что такое охота. Конечно, на тягѣ, какъ и на всякой другой охотѣ, можетъ быть скучно, — расположится летъ вальдшнеповъ такимъ образомъ, что ни одинъ не налетитъ въ мѣру, и будешь раскаиваться, зачѣмъ пошелъ; но это раскаяніе вызовется усталостью, въ свою очередь идущей вслѣдъ за напряженіемъ, съ которымъ ждешь вылета птицы. Потомъ, возвратясь домой, можетъ быть и скажешь, что хорошо, что не пришлось ходить, но неужели ходьба такъ страшна для охотника, что можетъ оттолкнуть отъ охоты? Кто, по колѣно вязнувъ въ болотѣ, думалъ въ это время о трудности ходьбы? Кто, оставаясь на охотѣ въ продолженіе суроваго дождливаго дня, какіе бываютъ только осенью, жаловался на погоду? Все это приходитъ потомъ, когда увлеченіе прошло, какъ и при всякомъ занятіи, гдѣ усталость не сказывается, пока занятіе не кончено или не надоѣло.

Поэтому скорѣе можно допустить, что на все вышеприведенныя помѣхи будетъ жаловаться промышленникъ, который дѣйствуетъ безъ

увлеченія, не ради удовольствія, а ради насущной потребности, чѣмъ охотникъ, видящій впереди не одно убійство, а чувствующій потребность „очутиться лицомъ къ лицу съ освѣжающею душевно природою“. Къ тому же, чтобы не скучать, на тягу можно ходить и не одному: по справедливому замѣчанію С. Т. Аксакова, это единственная охота, гдѣ чѣмъ больше стрѣлковъ, тѣмъ лучше. Не убитый однимъ—вальдшнепъ налетитъ на другого, на третьяго и все-таки будетъ убитъ, выстрѣлы будутъ слышаться постоянно, хотя въ результатѣ навѣрно окажется убитыхъ немного. Взять въ вечеръ 5—6 штукъ, сколько я знаю, считается большою удачей, и не могу не подивиться г. Г—ву, который утверждаетъ, что онъ бралъ по 6 и даже 10 паръ въ вечеръ *). Говорить, сколько въ вечеръ бываетъ сдѣлано выстрѣловъ—напрасно, и хорошій охотникъ на тягѣ даетъ 3—4 промаха на одинъ вѣрній...

Но сколько бы промаховъ ни было, а тянущихъ вальдшнеповъ бьютъ—и не однихъ самцовъ, а и самокъ, и потому настоящій охотникъ можетъ допустить стрѣльбу на тягѣ только въ первый ея періодъ, когда тянутъ и мѣстные, и пролетные—исключительно самцы, что продолжается съ первой тяги 7, много 10 дней. Только въ это время охота и можетъ считаться безвредною; далѣе она дѣлается настолько же истребительною, какъ истребительна, наприм., охота на тетеревей съ лодки. „Выводки вальдшнеповъ въ Петровки,—говоритъ К. Петровъ,—столько же терпятъ отъ мужичковъ-охотниковъ, сколько и выводки мѣстной дичи; стрѣльба на тягахъ истребительна на вальдшнеповъ въ большей мѣрѣ, нежели на токахъ для тетеревей, ибо на тягѣ, даже при желаніи, нѣтъ возможности отличить самки отъ самца. Первая очень часто попадаетъ подъ зарядъ съ яйцомъ, а можетъ быть еще чаще и тогда, когда слетаетъ съ гнѣзда для нагула послѣдняго, четвертаго яйца, чтобы закончить имъ несеніе и вполне предаться наснаживанію. Въ особенности истребительна стрѣльба на тягахъ въ *лѣсахъ большихъ*, выводныхъ: тамъ тяга продолжается до Петрова дня, и въ такомъ случаѣ смерть самки навѣрно сопряжена съ гибелью цѣлаго выводка“. Но эти слова прошли незамѣченными и стрѣльба на тягѣ процвѣтаетъ до сихъ поръ, хотя наши охотники изъ знающихъ дѣло уже не разъ обращали на это вниманіе, подкрѣпляя свои слова ссылками на иностранные, преимущественно шведскіе, авторитеты.

Охоту на тягѣ считаютъ вредною и по другимъ причинамъ: баронъ Нольде, наприм., говоритъ, что, стрѣляя тянущихъ вальдшнеповъ, отпугиваешь ихъ отъ мѣста, но это выраженіе относится рѣшительно ко всѣмъ охотамъ, и потому остается одна главная, если не единственная причина недопущенія охоты на тягѣ—стрѣльба самокъ и связанная съ нею гибель потомства.

*) П. Г—въ. «Годъ охотника». Ж. О. и К. 1870 г., стр. 60.

ЛѢТО И ОСЕНЬ.

Выводъ молодыхъ.—Лѣтній образъ жизни вальдшнепныхъ выводковъ.—Линька.—
Осенній образъ жизни вальдшнеповъ.—Осенняя охота.—Отлетъ.

Итакъ, съ окончаніемъ времени яра въ жизни вальдшнепа происходитъ переломъ, для птицы настаетъ коренное измѣненіе въ ея образъ жизни, на долю обоихъ половъ выпадаютъ трудные періоды: для самокъ—выводъ дѣтей, для самцовъ—линька. Такимъ образомъ, уже изъ сказаннаго въ предыдущей главѣ видно, что лѣтнимъ періодомъ это время называть не совсѣмъ правильно, такъ какъ линька самцовъ удалена отъ кладки яицъ на мѣсяць и даже на полтора. Слѣдовательно, удобнѣе было бы отнести описаніе устройства гнѣзда и всего времени до вытупленія молодыхъ въ главу о весеннемъ образѣ жизни, но, чтобы не разбиваться, мы сдѣлаемъ это теперь.

Въ половинѣ мая вальдшнепныя самки въ среднихъ губерніяхъ садятся на гнѣзда и перестаютъ посѣщать тягу. Иногда случается находить яйца вальдшнеповъ раньше этого срока, но это—явленія исключительныя и весьма рѣдкія. Впрочемъ, само собою разумѣется, что общее состояніе погоды весною, во время кладки, а также и возрастъ птицы, не говоря уже о большей или меньшей высотѣ мѣстности надъ уровнемъ моря, имѣютъ громадное вліяніе на наступленіе этого срока *). Къ тому же продолжительность тяги дѣлаетъ возможнымъ оплодотвореніе самокъ далеко послѣ нормального срока, и все это вмѣстѣ взятое ведетъ къ тому, что вальдшнепята выводятся очень недружно. Такимъ образомъ, молодыхъ разныхъ возрастовъ находили въ продолженіе всего лѣта и даже въ началѣ осени, что и послужило поводомъ къ предположенію, что вальдшнепъ выводитъ дѣтей два раза въ лѣто. Но, какъ увидимъ далѣе, это лишено всякаго основанія, и всѣ тѣ факты, по которымъ дѣлались подобные выводы, никакъ не требуютъ для себя такого объясненія. Продолжительность періода вывода вальдшнепчатъ зависитъ отъ потери птицею первыхъ яицъ, возможности нагулять вторыя и ни отъ чего больше.

Однако замѣтимъ, что значительное число вальдшнепчатъ выведятся все-таки въ началѣ іюня, приблизительно въ одно время, и уже дальше начинается разновременный выводъ тѣхъ, которымъ помѣшали различныя неблагоприятныя условія. Послѣднее же очень возможно, такъ какъ вальдшнепъ гнѣздится въ лѣсу не глухомъ, а старомъ, тѣнистомъ, недалеко отъ полянъ, куда летаетъ кормиться, и на что вначалѣ его вынуждала необходимость быть вблизи мѣста тяги. Слѣдовательно, гнѣздо этой птицы легко можетъ подвергнуться многимъ случайностямъ—и множество гнѣздъ, а тѣмъ болѣе яицъ, гибнетъ какъ отъ руки человѣка, такъ и отъ лѣсныхъ животныхъ.

*) Въ гористой мѣстности кладка замедляется на 6 дней и даже до 3 недѣль сравнительно съ низменностями.

Нѣсколько южнѣе, наприм., въ губ. Тульской, вальдшнепъ принужденъ гнѣздиться въ чернолѣсѣхъ, почти исключительно въ березовыхъ лѣсахъ, и можно сказать, что большая часть позднихъ выводковъ, т.-е. такихъ, у которыхъ яйца кладутся въ июнѣ или послѣднихъ числахъ мая, гибнутъ изъ-за грибовъ. Особенно, если начнутся дожди и пойдутъ бѣлые грибы, за ними съ такою охотою ходятъ по лѣсу, что не оставятъ въ покоѣ ни одной полянки, исколесятъ лѣсъ вдоль и поперекъ, и мальчишки при этомъ всегда вснугнутъ нѣсколькихъ вальдшнепныхъ самокъ съ гнѣздъ, а послѣднія уже, конечно, не жди пощады... Кромѣ того, близость лѣсовъ къ жилищу позволяетъ таскаться по нимъ собакамъ, наложить свою руку сороки и въ концѣ-концовъ вальдшнеповъ гибнетъ пропасть. Послѣдніе два врага преимущественно вредятъ яйцамъ ранней кладки. Кромѣ того, нерѣдки примѣры гибели вмѣстѣ съ яйцами самки, которая сидитъ такъ крѣпко, что позволяетъ себя схватить руками. Чаше всего попадаетъ она такимъ образомъ въ зубы къ лисѣ, но это случается въ большинствѣ случаевъ уже въ то время, когда всѣ яйца положены и самка рѣдко сходитъ съ гнѣзда, что, разумѣется, еще хуже. Что касается хищныхъ птицъ, то вредъ, приносимый ими въ это время, весьма незначителенъ, такъ какъ онѣ не усмотрятъ вальдшнепнаго гнѣзда, да и потомъ, когда выйдутъ молодые, пернатые хищники ничего не въ состояніи съ ними подѣлать, съ причиною чего мы познакомимся ниже. Только подвигаясь къ сѣверу, тамъ, гдѣ чернолѣсье смѣняется смѣшанными борами, и еще далѣе—въ чистыхъ борахъ, гдѣ лиственные деревья растутъ только по берегамъ рѣкъ, самки вальдшнеповъ находятся въ большей безопасности, но крайней мѣрѣ, со стороны человѣка. Слѣдовательно, тамъ и выводъ вальдшнепчатъ идетъ дружнѣе, но зато время вывода наступаетъ гораздо позднѣе, что стоитъ въ тѣсной зависимости отъ климатическихъ условій.

Но, помимо сказаннаго, нѣтъ никакого сомнѣнія, что время кладки стоитъ въ нѣкоторой зависимости и отъ возраста птицы. Вальдшнепныя самки постарше всегда оплодотворяются самцами первыя, а уже затѣмъ, когда онѣ сядутъ на гнѣзда, а у самцовъ время яра еще не миновало, очередь доходить и до молодыхъ. Однако не должно думать, что послѣднія оплодотворяются всѣ, огуломъ, подобно старкамъ. Несмотря на *кажущуюся* преобладающую численность самцовъ, однолѣтнія самки зачастую остаются холостыми, что прямо слѣдуетъ изъ того, что гораздо рѣже приходится наблюдать гнѣзда съ меньшимъ числомъ яицъ противъ нормальнаго. Повидимому, также небольшое участіе въ половой жизни принимаютъ годовалые самцы, такъ какъ въ среднихъ губерніяхъ не приходилось убивать ихъ на тягѣ, а относительно сѣвера извѣстно такъ мало, что рѣшительно ничего нельзя сказать, что наблюдается тамъ.

Какъ бы то ни было, число яицъ у вальдшнепа весьма постоянно и подтверждено лишь самымъ незначительнымъ колебаніемъ. Впрочемъ, отчасти это объясняется уже тѣмъ, что число ихъ слишкомъ незначи-

тельно, нормально четыре, такъ что было бы странно встрѣтить здѣсь большое приращеніе или уменьшеніе численности. И дѣйствительно, колебаніе это никогда не превышаетъ единицы и, если наибольшее число яицъ равняется 5, minimum никогда не спускается ниже 3. За мѣтимъ, однако, что первое, т.е. превышеніе нормального числа, наблюдается чрезвычайно рѣдко, есть случаи вполне исключительный; по три же яйца въ гнѣздахъ приходится наблюдать далеко не такъ рѣдко, и, какъ мы видѣли, это объясняется участіемъ въ выводѣ молодыхъ птицъ.

Возвращаемся къ гнѣзду. Въ сѣверной и средней Россіи оно всегда располагается въ большомъ старомъ лѣсѣ, независимо отъ того, будетъ ли онъ состоять изъ хвойныхъ или лиственныхъ деревьевъ, и помѣщается всегда въ такомъ мѣстѣ лѣса, надъ которымъ бываетъ тяга. Въ южныхъ губерніяхъ, наприм., Харьковской, гнѣзда помѣщаются обыкновенно по склонамъ въ довольно большомъ разстояніи отъ выхода лѣсной балки, на землѣ, подъ небольшими кустиками лѣсной поросли, все равно густой ли подсѣдъ лѣса или очень рѣдкій. Сказать, что самка предпочитаетъ для устройства гнѣзда чащу—невозможно, но во всякомъ случаѣ оно всегда отлично скрыто, хотя и въ старомъ лѣсѣ никогда не бываетъ на значительномъ разстояніи отъ лѣсныхъ полянъ и вообще такихъ мѣстъ, гдѣ самка кормится. Само гнѣздо не представляетъ собою рѣшительно ничего особеннаго и устраивается, по словамъ Н. Н. Сомова, слѣдующимъ образомъ. Воспользовавшись наметеннымъ осенью къ основанію кустика небольшимъ буторкомъ сухой крупнои листвы или искусственно увеличивъ толщину лиственного слоя, самка на зарѣ начинаетъ лапками утапывать мѣстечко, предназначенное для лоточка, и клювомъ выправляетъ сухіе листья: утопавъ его достаточно, она садится и переднюю частью тѣла начинаетъ выдавливать ямку; поворачиваясь изъ стороны въ сторону, она придаетъ лотку правильную, больше чѣмъ полушарообразную форму. Внѣшнихъ очертаній гнѣзда опредѣлить нельзя, такъ какъ сухая листва постепенно переходитъ отъ краевъ лотка въ листовою покровъ почвы.

По формѣ яйца то удлиненно-грушевидныя, то болѣе или менѣ шаровидныя. Тонкая, плотная мелкопористая скорлупа съ небольшимъ блескомъ и измѣняется въ окраскѣ въ разныхъ кладкахъ отъ сѣровато-бѣлаго до розовато-песочнаго и даже до темно-ржавчато-розоваго цвѣта. По этому фону разбросаны глубокія фіолетово-сѣроватыя пятна и поверхностныя свѣтло-ржавчато-бурыя, скопляющіяся предпочтительно у тупого конца. Длина яицъ варьируетъ отъ 1,8 до 1,6 д., перечникъ отъ 1,4 до 1,3 д.

Самка сидитъ на яйцахъ около двухъ съ половиною недѣль, и хотя нѣкоторые утверждаютъ, что этотъ срокъ продолжительнѣе и что она высидываетъ до 3 недѣль и даже до 23 дней, но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ большинство заграничныхъ и нашихъ охотниковъ и зоологовъ приводятъ первый срокъ. Нести яйца вальдшнепъ

начинаетъ дней десять спустя послѣ начала тяги, слѣдовательно, первую недѣлю въ тягѣ участвуютъ только самцы. Потомъ, вмѣстѣ съ кладкою яицъ, самка появляется на тягѣ и посѣщаетъ ее аккуратно до отложенія послѣдняго яйца, и только послѣ этого уже начинаетъ собственно высиживать, сходя съ гнѣзда очень не надолго. До того же времени, по необходимости принужденная отлучаться на тягу по ночамъ и оставаясь съ самцомъ до утра, самка, слетая съ гнѣзда, всегда закрываетъ яйца травой, чтобы предохранить ихъ отъ дѣйствія холода. Въ этомъ помогаетъ ей и самое время кладки (половина мая), и не будь этого обстоятельства, яйцамъ пришлось бы плохо. Однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой образъ жизни имѣетъ немаловажное вліяніе на выводъ дѣтей, и почти всегда одно яйцо оказывается болтуномъ. Зато послѣ того, какъ яйца отложены, птица высиживаетъ ихъ съ такимъ усердіемъ и вообще такъ горячо къ нимъ привязана, что ее можно снять съ нихъ руками. Какъ и у всѣхъ птицъ, такая горячность въ высшей степени выказывается уже къ тому времени, когда должны вылупиться птенцы. Гинцъ, напр., приводитъ случаи *), когда самка вальдшнепа не слетѣла съ гнѣзда въ то время, какъ около него рубили березу, и продолжала сидѣть даже послѣ того какъ дерево упало, хотя его сучья были отъ гнѣзда не далѣе полутора аршина. По другимъ рассказамъ, нѣкоторыя самки продолжаютъ сидѣть даже въ тѣхъ случаяхъ, когда до ихъ головы дотрогиваются руками, а другія такъ дозволяютъ даже перевернуть себя на гнѣздѣ и все-таки не улетаютъ. Понятно, сколько гибнетъ такимъ образомъ вальдшнеповъ отъ лисицъ и другихъ ночныхъ хищниковъ, которые рыскаютъ въ это время по лѣсу.

Итакъ, черезъ 17 дней послѣ снесенія послѣдняго яйца вылупляются вальдшнепята. Обыкновенно они начинаютъ бѣгать сейчасъ же, какъ только мало-мальски обсохнутъ, такъ что многимъ удавалось находить ихъ съ приставшею скорлупою; слѣдовательно, здѣсь мы видимъ тоже, что наблюдается у косача и глухаря. Что касается ихъ наружности, то они ничѣмъ особенно не выдаются и походятъ на всѣхъ птенцовъ бекасиныхъ. Первоначально они покрыты частымъ, длиннымъ пухомъ, основной цвѣтъ котораго красновато-желтый, съ болѣе темною, каштановой спиной и такими же пятнышками на крыльяхъ, перемежанными съ желтоватымъ и даже бѣловатымъ пухомъ. Середина головы чернубурая и почти такого же цвѣта полоса тянется черезъ глазъ; надъ глазомъ, а также между нимъ и ухомъ лежитъ по пятну изъ красноватаго и буроватаго пуха. Такія же темныя полосы тянутся отъ затылка по сторонамъ головы къ крыльямъ. Подбородокъ бѣлый, исподъ тѣла такого же цвѣта, какъ и основной фонъ всѣхъ частей, только на горлѣ лежитъ круглое краснубурое пятно. Клювъ и ноги мясного цвѣта; послѣднія выдаются своими толстыми суставами.

Вскорѣ послѣ своего выхода изъ яицъ вальдшнепята уже начи-

*) Cabanis und Baldamus, Journal für Ornithologie, 1864, S. 109.

нають бойко бѣгать и превосходно умѣють прятаться. Этому помогаетъ и то, что самое мѣсто, куда они выбираются съ маткою, представляетъ много такихъ уголковъ, гдѣ не разыщешь и большую птицу, не то что такую мелкоту. Ямы подъ корнями деревьевъ, сваленное дерево, нѣсколько сложенныхъ вмѣстѣ или просто упавшихъ другъ на друга сучьевъ—все это доставляетъ превосходное убѣжище какъ маткѣ, такъ и дѣтямъ. Впрочемъ, мать привязана къ нимъ крайне горячо и употребляетъ всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы отклонить опасность. Но, конечно, средства эти не отличаются отъ большинства подобныхъ хитростей, свойственныхъ всѣмъ горячимъ къ дѣтямъ маткамъ. Обыкновенно онѣ притворяются хворыми, неумѣющими летать, еле-еле движутся, какъ будто не могутъ держаться на ногахъ, но лишь только имъ удалось отвести врага далеко отъ дѣтей и мало вѣроятности на то, чтобы онъ къ нимъ опять воротился, онѣ быстро взлетаютъ и скрываются изъ глазъ. Всѣ эти продѣлки совершаетъ и самка вальдшнепа. Отведя хоть бы и охотника на такое разстояніе отъ молодыхъ, что ему уже не захочется идти назадъ, она быстро бросается въ чащу и то перелетывая низомъ, то пробѣгая среди поросли, возвращается обратно къ дѣтямъ. Но обыкновенно всѣ ея старанія совершенно излишни, п. ч. даже съ собакою нерѣдко пройденъ мимо молодыхъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ собакѣ приходится въ этомъ случаѣ почти всегда искать верхнимъ чутьемъ, т.-е. не по слѣду, а какъ извѣстно, верхнимъ чутьемъ она можетъ слышать только по вѣтру. Поэтому я окончательно не вижу никакой необходимости выводить изъ того обстоятельства, что собака не нашла вальдшнепята, такого заключенія, что они издають слабый запахъ, какъ это дѣлаетъ Гофманнъ.

Но самымъ выдающимся доказательствомъ любви къ дѣтямъ у самки вальдшнепа является ея обыкновеніе въ крайней опасности переносить дѣтей изъ одного мѣста въ другое. При этомъ рассказы о томъ, какимъ способомъ ей удается взять дѣтей, крайне разнообразны и, пожалуй, самымъ вѣрнымъ будетъ признать, что разныя самки продѣлываютъ это различно. Позвидимому, чаще всего вальдшнепъ совершаетъ это, схвативъ дѣтей когтями, наподобіе хищной птицы. Именно это передаетъ Гросбауръ и кромѣ того уже давно одинъ изъ охотниковъ-промышленниковъ Подольскаго у. Московской губ. сообщать Л. П. Сабанѣву, что онъ какъ-то въ іюнѣ мѣсяцѣ поднялъ изъ-подъ собаки вальдшнепа, державшаго что-то въ лапахъ; убивъ его, онъ увидалъ, что вальдшнепъ держалъ уже оперившагося дѣтеныша. Наконецъ, подтверждаютъ это гг. Юрасовъ и Ушковъ, изъ которыхъ послѣдній пишетъ: „мнѣ лично приходилось видѣть нѣсколько разъ, какъ самка вальдшнепа, поднявшись изъ-подъ стойки собаки, уносила въ когтяхъ своего дѣтеныша. Ноги свои она при этомъ держитъ такъ же, какъ держитъ во время полета коростель“. Но недавно Дэвидсонъ сообщилъ, что вальдшнепъ переноситъ птенца, зажавъ его между ногами, а нѣкоторые утверждаютъ, что онъ съ этой цѣлью прижимаетъ птенца клювомъ къ груди. Впрочемъ, послѣднее мало вѣроятно.

Вальдшнепята растутъ и оперяются очень быстро. Первые перья у нихъ появляются уже на второй недѣлѣ послѣ вылупленія, дней черезъ 20 они уже перепархиваютъ, а на четвертой недѣлѣ уже начинаютъ перелетывать. Такимъ образомъ первые летающіе молодые вальдшнепы начинаютъ появляться съ конца іюня. Однако изъ того, что было сказано о времени кладки яицъ, легко видѣть, что нѣтъ ничего удивительнаго найтти вальдшнепята и позднѣе. Такъ, по Сперанскому, вальдшнепята въ пуху попадались ему даже въ началѣ сентября, но, конечно, такіе поздныши въ большинствѣ случаевъ гибнутъ при наступленіи зимы, не имѣя силъ улетѣть на югъ. На первое время своей жизни молодые переселяются съ самкою въ наиболѣе густые уголки лѣса, преимущественно въ лиственные участки, на поруби, въ мѣста влажныя и травянистыя, доставляющія всей семьѣ съ одной стороны безопасное убѣжище отъ враговъ, съ другой—обильную животную пищу, состоящую изъ взрослыхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ. Поэтому гнѣзда вальдшнеповъ не находятся въ самоіи глуши лѣса, а всегда болѣе или менѣе близко отъ полянъ, или еще лучше—порубовъ. Впрочемъ, днемъ они себя ведутъ очень скрытно, прячутся въ хворостъ и частомъ лѣсѣ, и только вечеромъ, на закатѣ солнца, перебираются мало-по-малу къ родничкамъ и паточинамъ и еще охотнѣе въ густыя порѣчныя уремы. Въ лѣсахъ съ болотнымъ низомъ, по которымъ разбросаны тамъ и сямъ большія открытыя болотины, если притомъ на послѣднихъ находятся болѣе сухія мѣстечки, поросшія деревьями, какъ бы островки, вальдшнепы охотно перебираются сюда, едва только въ состояніи будутъ перелетывать. И дѣйствительно безопаснѣе этого убѣжища имъ трудно найтти. Сюда не проберется ни хищный звѣрь, ни человѣкъ, только одно—такихъ островковъ слишкомъ немного сравнительно съ числомъ выводковъ.— Въ іюнѣ вальдшнепята окончательно оперяются и въ то же время начинается линька самокъ. Однако, несмотря на это, выводки рѣдко разбѣгаются на большое разстояніе: обыкновенно же молодые держатся постоянно другъ возлѣ друга и только въ исключительныхъ случаяхъ отбѣгають далеко отъ матки; но лишь только послѣдняя замѣтитъ это или будетъ чѣмъ-нибудь потревожена, сейчасъ же спѣшитъ ихъ собрать. Въ случаѣ опасности, угрожающей дѣтямъ, matka выражаетъ свое безпокойство криками „дакъ-дакъ-дакъ“.

Все это относится, конечно, къ выводкамъ нормальнымъ, т.-е. такимъ, которые вывелись въ наибольшемъ числѣ приблизительно въ одно и то же время. Что касается позднѣйшихъ, то для нихъ вся разница заключается въ томъ, что болѣе поздніе сроки ихъ вывода заставляють иногда выбирать нѣсколько иныхъ мѣста для своего пребыванія; но въ среднихъ губерніяхъ эта разница никогда не бываетъ значительна и, сколько мнѣ удалось замѣтить, обусловливается главнымъ образомъ лѣсными покосами. Около Петрова дня, т.-е. когда ранніе выводки уже летаютъ, у насъ обыкновенно выкашиваютъ какъ лѣсныя поляны, такъ и порубы, хотя послѣднее и имѣетъ исключеніе, и такимъ обра-

зомъ запоздавшимъ вальдшнепнымъ выводкамъ уже не приходится проводить на сѣчахъ день и ночь, а остается перебираться сюда только съ зарею. Къ тому же по порубамъ, не очень удаленнымъ отъ жилья, днемъ беспокоятъ и ранніе выводки. Какъ извѣстно, въ такихъ мѣстахъ у пней вырастаетъ множество ягодъ, въ двадцатыхъ числахъ іюня онѣ созрѣваютъ и за ними таскаются по нѣскольку человѣкъ въ день, при чемъ уничтожается и распугивается все живое, что только встрѣтится.

Однако, нахожденіе позднихъ выводковъ никакъ еще не позволяетъ намъ предположить, что вальдшнепы нормально выводятъ дѣтей два раза въ годъ. Общій ходъ жизни этой птицы и наблюденія надъ ея различными моментами положительно опровергаютъ такое заключеніе, но западно-европейскіе, преимущественно нѣмецкіе, орнитологи первые выдумали это и теперь разыскиваютъ различныя доказательства въ пользу справедливости своего воззрѣнія. Одни изъ нихъ, какъ Гофманнъ, выводятъ это изъ изъ продолжительности тяги, другіе, какъ баронъ Нольде, изъ нахожденія вальдшнепятъ разныхъ возрастовъ съ одною и тою же маткою. Первое доказательство стоитъ ниже критики и о немъ не стоитъ говорить, второе легко опровергается извѣстнымъ фактомъ, что вальдшнепиная самка, потерявъ одно или два яйца, откладываетъ ихъ вновь, и такимъ образомъ весьма возможно встрѣтить молодыхъ различнаго возраста въ одномъ выводкѣ. За справедливость такого объясненія говоритъ и то, что число такихъ разновозрастныхъ вальдшнеповъ не превышаетъ 4, т.-е. именно того числа особей, которое можетъ быть въ одномъ выводкѣ. Правда, чаще случается находить матку съ тремя молодыми, но и четыре — случай не рѣдкій. — Упомянемъ кстати о томъ, что, потерявъ все яйца, самка вторично кладетъ только три, но показаніе Науманна, будто въ этомъ случаѣ она всегдѣмъ не кладетъ, лишено всякаго основанія.

Однако, оставимъ молодыхъ съ ихъ матками и посмотримъ, какимъ образомъ ведутъ себя въ это время самцы. Последніе нормально не принимаютъ никакого участія ни въ выводѣ, ни въ выхаживаніи молодыхъ, забираются въ это время въ чащу и перебираются оттуда уже только съ окончаніемъ линьки. Тѣмъ не менѣе, существуютъ показанія, что иногда самцы помогаютъ самкамъ выхаживать молодыхъ, и хотя самому мнѣ никогда не удавалось найти самца при выводкѣ, сомнѣваться въ справедливости этихъ показаній имѣтъ основанія. Такъ какъ, по всей вѣроятности, въ семейныхъ заботахъ участвуютъ только старые или, быть можетъ, нездоровые самцы, то я буду говорить о нихъ, принимая, что они ведутъ лѣтомъ вполне уединенный образъ жизни.

Съ начала, рѣже съ 10-го числа іюня тяга начинаетъ постепенно ослабѣвать, большинство самокъ уже сильно насидѣли яйца и даже вывели дѣтей, самцы, удовлетворившіе свое половое стремленіе, также перестаютъ тянуть и мало-по-малу переселяются въ крѣпи, въ глушь хвойнаго лѣса, а гдѣ его нѣтъ, въ наиболѣе тѣнистыя, наиболѣе скрытныя мѣста стараго чернолѣся. Такимъ образомъ въ это время

тянуть продолжаютъ только самцы, не успѣвшіе удовлетворить свое половое стремленіе, обыкновенно болѣе слабые, чѣмъ кончившіе тянуть старики; изъ самокъ на тягу изрѣдка поднимаются болѣе молодья или тѣ изъ старыхъ, которыя почему-либо лишились ящѣ первой кладки. Однако, не должно думать, что самцы прошлогодняго вылета принимаютъ участіе въ оплодотвореніи самокъ. До сихъ поръ этого замѣчено не было и потому, какъ кажется, можно съ увѣренностью сказать, что участіе въ тягѣ принимаютъ самцы не моложе двухлѣтняго возраста. Несмотря на то, что на тягахъ, говоря относительно, дракъ бываетъ гораздо меньше, чѣмъ на току собственно, и что молодые самцы, слѣдовательно, имѣютъ гораздо больше возможности спариться съ самками, чѣмъ, напримѣръ, молодые глухаря,—все-таки нѣтъ никакого сомнѣнія, что на ихъ долю выпадаетъ большинство неудачъ и главная масса тянущихъ въ теченіе іюня особей состоитъ именно изъ нихъ.

Само собою слѣдуетъ, что съ продолжительностію тяги въ тѣсной зависимости стоитъ періодъ линьки. Вальдшнепы линяютъ, какъ извѣстно, два раза. Первая линька начинается смотря по окончанію особью тяги, т.-е. или въ началѣ іюня, или въ іюлѣ. Поэтому линяющіе вальдшнепы встрѣчаются до самаго начала августа, но найти ихъ приходится не часто. Обыкновенно они такъ крѣпко забираются въ свои тѣнистыя уголья, что только позднимъ вечеромъ рѣшаются вылетѣть на болѣе открытыя мѣста и вскорѣ уже возвращаются назадъ. Позднѣе, когда линька подходитъ къ концу, вальдшнепы-самцы все менѣе и менѣе придерживаются лѣсной чащи и сваливаютъ въ тѣ же мѣста, гдѣ держатся съ самками молодые. Обыкновенно это бываетъ въ началѣ или въ половинѣ августа. Впрочемъ, мѣстопребываніе ихъ въ это время довольно сходно съ тѣмъ, которое они занимаютъ во второй половинѣ іюля. Тогда имъ, главное, надо скрыться отъ различныхъ враговъ, потому что неокрѣпшія перья не позволяютъ имъ слишкомъ надѣяться на свои крылья, и они плотно забираются въ густую чащу мелколѣся, покидая глушь стараго лѣса.

Во все продолженіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, т.-е. іюня и іюля, охоты за вальдшнепами почти не существуетъ. Ходить за молодыми, которыхъ стоитъ только найти, а то можно перебрать руками,—до того крѣпко они сидятъ,—вовсе не привлекательно, идти въ іюнѣ на тягу—тоже найдется не много охотниковъ, и потому большинство ждетъ осени, когда молодые поднимутся настолько, что ихъ трудно будетъ отличить отъ взрослыхъ, того времени, когда начнется осенній пролетъ, мѣстный вальдшнепъ высыпетъ въ мелколѣсѣ, по оврагамъ, опушкамъ, пролетные начнутъ появляться вывалками, какъ появлялись на весеннемъ пролетѣ. Однако нельзя не замѣтить, что это относится только къ настоящимъ охотникамъ. Но многіе изъ начинающихъ или изъ простонародья нерѣдко ходятъ за вальдшнепами, едва послѣдніе поднимутся настолько, что могутъ летать. Въ такомъ случаѣ охота становится крайне истребительною, а удовольствія, конечно, никакого доставить не можетъ.

Но существуетъ одна лѣтняя и осенняя охота—охота „на грязи“ или „на водѣ“. Состоитъ она въ томъ, что охотники подстерегаютъ вальдшнеповъ въ извѣстныхъ мѣстахъ на лѣсныхъ дорогахъ съ глубокими колеями, или на паровыхъ унавоженныхъ поляхъ, куда птицы прилетаютъ ночью на кормежку, и бьютъ ихъ сидячихъ.

Вотъ какъ описываетъ охоту „на водѣ“ г. Хитровъ (Ж. О. и К. 1872 г., стр. 307):

„Охота за вальдшнепами „на водѣ“ начинается отъ начала линянiя ихъ и продолжается вплоть до конца пролета. Сначала охота эта мало добычлива, потому что тогда на воду летаютъ только мѣстовые вальдшнепы; въ самый развалъ пролета она всего добычливѣе; постепенно бѣднѣетъ къ концу его и вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, и оканчивается. По моимъ личнымъ наблюдениямъ и по замѣчанiю другихъ охотниковъ, „на воду“ летаютъ только вальдшнепы невылнявшiе. Въ этой особенноти легче всего убѣдиться осенью, во время развала пролета, когда вальдшнеповъ много и поэтому сравненiе легко; ибо въ это время перелинявшихъ вальдшнеповъ, по вечернимъ зарямъ, можно встрѣтить преимущественно только на зеленяхъ, а невылнявшихъ— „на водѣ“. Сколько разъ повѣрялъ я это замѣчанiе—и всегда убѣждался въ его справедливости. Какая причина заставляетъ невылнявшихъ вальдшнеповъ летать на воду, рѣшить не берусь, но полагаю то, что купанья эти облегчаютъ процессъ линянiя. „На воду“ ходятъ иногда и нарочно, какъ „на тягу“, но по большей части,—возвращаясь съ охоты; притомъ, замѣчу мимоходомъ, стрѣльба „на водѣ“ гораздо добычливѣе, чѣмъ „на тягѣ“.

„На водѣ“ приходится стрѣлять въ летъ и сидячую птицу. Въ летъ стрѣляютъ, конечно, засвѣтло и притомъ, когда вальдшнепы летятъ въ сторону отъ бочага, если же къ бочагу, то тутъ стрѣлять не всегда выгодно, какъ это увидимъ ниже. По большей же части приходится стрѣлять сидячую птицу, потому что, во-1-хъ, вальдшнепъ летитъ тутъ такъ быстро, что едва успѣешь повести за нимъ стволами, что значительно затрудняетъ стрѣльбу, особенно во время сумерекъ; а выстрѣлъ здѣсь дорогъ—каждый, особенно неудачный, ибо можетъ только отогнать другихъ вальдшнеповъ. Не говорю уже о тѣхъ случаяхъ, когда, за темнотой, птицы на лету не видно; на водѣ же дѣло другое—рябь и круги, которые пойдутъ по ней, когда вальдшнепъ начнетъ купаться, видны хорошо и ясно укажутъ, гдѣ онъ сидитъ, такъ что промахнуться трудно; во-2-хъ, вальдшнепъ, купаясь, время отъ времени каркаетъ, или, правильнѣе, „уркаетъ“ (крикъ особенный, на тягѣ его не услышишь) и этимъ подкликаетъ къ себѣ другихъ вальдшнеповъ, что даетъ возможность убить нѣсколько штукъ однимъ выстрѣломъ. По этой же причинѣ хладнокровный охотникъ не бьетъ вальдшнепа, летяшаго къ бочагу, а также перваго, который сядетъ „на воду“, гдѣ и положится. Кромѣ того въ сидячку приходится стрѣлять иной разъ потому, что вальдшнепы иногда безъ церемонiй „пѣшкомъ“ являютъ къ самому бочагу.

„Послѣ выстрѣла охотникъ не выходитъ изъ засады, чтобы своимъ появленіемъ не отогнать другихъ вальдшнеповъ (убитой же птицы вальдшнепъ не боится); такъ поступаютъ до конца охоты, т.-е. до тѣхъ поръ, пока стемнѣетъ совершенно.

„Относительно времени дня, или, правильнѣе, вечера, въ которое вальдшнепы вылетаютъ „на воду“, надо замѣтить, что хотя они вылетаютъ и засвѣтло, но больше всего и охотнѣе на зорькѣ, и перестаютъ вылетать, когда стемнѣетъ совершенно.

„Бочажокъ обыкновенно выбирается открытый, такъ, чтобы вода была ясно видна летящей птицѣ, и кромѣ того не заросшій осокой; если же онъ поросъ хотя немного, то вальдшнепъ не сядетъ на него ни за что. Особенно онъ любитъ бочажки, на которые гоняютъ на водопой скотъ и берега которыхъ, слѣдовательно, примяты и натоптаны, и покрыты пометомъ, особенно коровьимъ.

„Охотникъ становится шагахъ въ 15—20 отъ бочага, гдѣ-нибудь за кустъ, но такъ, чтобы удобно было обстрѣливать весь бочагъ; если же берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ, представляетъ неровности около воды, за которыми вальдшнепъ можетъ укрыться, то ихъ заваливаютъ хворостомъ. Охота будетъ, конечно, тѣмъ удачнѣе, чѣмъ меньше въ окрестностяхъ бочажковъ. Тихій, теплый и туманный вечеръ благоприятствуетъ удачѣ.

„Вальдшнеповъ „на водѣ“ кроютъ также сѣтью, устраивая для этого искусственные приводы; но эта охота мнѣ мало извѣстна“.

Въ концѣ, рѣже въ половинѣ августа поднявшіеся молодые начинаютъ перебираться съ своими матками изъ середины большихъ лѣсовъ къ ихъ опушкамъ, въблизи которыхъ лежатъ озимыя поля, вообще въ мѣста болѣе открытыя, одновременно съ чѣмъ и ихъ кормъ, до того времени исключительно животный, дѣлается смѣшаннымъ. Корешки озимыхъ всходовъ, поднимающихся нормально не позднѣе половины мѣсяца, въ значительной степени входятъ въ составъ пищевого матеріала вальдшнепа, и этотъ сочный кормъ вмѣстѣ съ остатками животной пищи ведетъ къ тому, что птицы вскорѣ начинаютъ жирѣть. Въ это же время, т.-е. въ послѣднихъ числахъ августа, начинается вторичная линька старыхъ птицъ, при чемъ, однако, смѣняются только покровныя перья. Впрочемъ, большинство птицъ улетаетъ на югъ до начала линьки. Вскорѣ же послѣ этого, т.-е. въ началѣ сентября, вальдшнепы окончательно покидаютъ чащу большого старого лѣса и главное ихъ мѣстопробываніе въ это время составляютъ ольховыя заросли на болотныхъ низахъ, а гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, они перебираются въ болѣе открытыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно сырыя участки старого лѣса. Иногда случается, что днемъ они таятъ въ самыхъ лѣсахъ и только вечеромъ перебираются въ мѣста болѣе открытыя—на огороды, коноплянники, иногда къ мельничнымъ плотинамъ, въ сады,—однимъ словомъ, всюду поблизости человѣческихъ жилищъ.

Одновременно съ этими, такъ наз., ранними высылками начинается и настоящая охота за вальдшнепами. Начинающія жирѣть птицы сп-

дять крѣпко, плотно притаившись у корней дерева или кустарника, иногда просто въ травѣ, и безъ собаки обойтись на этой охотѣ невозможно. Иногда птица выдерживаетъ стойку такъ крѣпко, что ее удается замѣтить прежде вылета, когда она лежитъ въ своемъ убѣжищѣ, но и поднятая летитъ не далеко и опять подпускаетъ собаку чуть не въ упоръ. Въ лѣсныхъ овражкахъ, поросшихъ кустиками, съ бѣгущимъ среди нихъ ручьемъ, гдѣ есть рытвины и водоемныя, охоты выходятъ превосходныя, особенно если охотиться вдвоемъ, при чемъ, конечно, охотники идутъ по обѣимъ сторонамъ овражка, а собака обыскиваетъ кусты. Тогда вылетающій вальдшнепъ непременно попадаетъ къ тому или другому изъ охотниковъ и будетъ убитъ. Но, ходя по опушкамъ, два стрѣлка только будутъ мѣшать другъ другу и въ такихъ мѣстахъ лучше охотиться одному.

Около того же времени, именно, какъ принимаютъ охотники, около 8-го сентября, охота за вальдшнепами принимаетъ нѣсколько иной характеръ. Причина этого заключается въ томъ, что у вальдшнепа существуетъ, какъ ее называютъ, осенняя тяга. Прежде, основываясь на аналогіи съ другими полигамами, я считалъ осеннюю тягу вальдшнепа какъ бы репетиціей весенней, но теперь я вижу, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ осеннюю тягу надо признать просто за перелеты на кормежку. Вотъ какъ совершаются эти перелеты. Незадолго до наступленія темноты вальдшнепъ поднимается съ мѣста, гдѣ онъ провелъ день, и молча, и быстро пролетаетъ на высотѣ въ полдерева на прилежащее паровое поле. Вслѣдъ за первымъ поднимается второй и т. д. Всѣ они летятъ приблизительно по одному направленію, но всегда молча. Позднею ночью, иногда передъ самымъ разсвѣтомъ, вальдшнепы возвращаются съ кормежки въ свои дневныя убѣжища. Определить продолжительность и время окончанія осенней тяги невозможно: все зависитъ отъ состоянія осенней погоды, но начало осенней тяги по крайней мѣрѣ въ центральныхъ губерніяхъ всегда лежитъ около 1-го сентября. Такимъ образомъ, строго говоря, „осенняя тяга“—названіе совершенно неправильное и сбивчивое, но, какъ распространенный охотничій терминъ, его все-таки приходится сохранить. Что касается стрѣльбы на осенней тягѣ, то надо сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, наприм., губ. Тульской, охотники съ большимъ удовольствіемъ посѣщаютъ осеннюю тягу. По неудобству стрѣльбы въ птицу, летящую низко и притомъ молча, такъ что легко можетъ статься, что ее замѣтишь уже не во время, эта охота мало добычлива, но, разнообразя стрѣльбу на высыпкахъ, она, понятно, уже тѣмъ самымъ является въ извѣстной мѣрѣ привлекательною.

Однако, надо сказать, что въ видѣ исключенія вальдшнепы дѣйствительно тянутъ осенью, съ тѣми же характерными криками и преслѣдованіемъ другъ друга, какъ весной. Вѣроятно, въ этомъ участвуютъ молодые раннихъ выводковъ, подобно тому, какъ иногда осенью зашѣваютъ молодые самцы разныхъ птичекъ.

Къ половинѣ сентября всѣ мѣстные вальдшнепы уже всегда

позаѣмутъ болѣе открытыя, болѣе кормныя мѣста, описанныя выше. Въ осень сухую они здѣсь и остаются до самаго отлета, но въ осень мочливую, сырую, когда дожди размягчатъ лѣсную почву, вальдшнепы нерѣдко сдаютъ изъ ольховыхъ зарослей и т. п. мѣсть обратно въ лѣса. Впрочемъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ольховыхъ зарослей нѣтъ и гдѣ значительная масса описываемыхъ птицъ не идетъ за предѣлы лѣса, т.-е. держится осенью по опушкамъ и лѣснымъ оврагамъ, такія переселенія почти незамѣтны. Какъ бы то ни было, можно сказать что кустарникъ, лѣсныя опушки, овраги, заросли ольхи и урема составляютъ любимое, почти исключительное осеннее мѣстопребываніе вальдшнепа—и здѣсь онъ держится до того времени, когда пониженіе температуры вмѣстѣ съ выпаденіемъ снѣга заставитъ его переселиться на югъ. Такое же переселеніе въ болѣе сырыя, низменныя мѣста замѣчается въ гористыхъ областяхъ. Въ это же время, т.-е. около половины сентября, начинается пролетъ особой, гнѣздовавшихъ сѣвернѣе. Точно такъ же, какъ и весной, онѣ появляются высыпками, характеръ мѣсть, занимаемыхъ ими, тотъ же и потому описывать подробно осенній пролетъ и осеннія высыпки значило бы повторять уже сказанное. Поэтому я ограничусь только замѣчаніемъ, что, останавливаясь на отдыхъ, осенніе вальдшнепы выбираютъ мѣста близъ озимыхъ полей со всходами, мѣста сырыя, иногда, какъ на югѣ, гдѣ мало кустарниковъ, высыпаютъ по камышамъ, въ Бессарабіи, напр., даже по полямъ кукурузы и т. п. Эти пролетныя особи всегда улетають отъ насъ ранѣе мѣстныхъ: такъ, наприм., въ Бессарабіи первыя особи на осеннемъ пролетѣ появляются около 14-го сентября, т.-е. въ то время, когда мѣстный вальдшнепъ еще крѣпко держится своей родины.

Чтобы покончить съ описаніемъ образа жизни вальдшнепа и охоты за нимъ осенью, намъ остается только сказать нѣсколько словъ о той охотѣ, которая производится за этою птицею въ мокрую, дождливую осень, когда въ лѣсу образуется капель; но охота эта такъ полно и хорошо описана С. Т. Аксаковымъ, что я позволю себѣ привести здѣсь выдержку изъ его книги: „Иногда осенняя охота за вальдшнепами получаетъ особенный характеръ. Хотя они постоянно держатся въ это время въ частыхъ лѣсныхъ опушкахъ и кустахъ уремы, кромѣ исключительныхъ и почти всегда ночныхъ походовъ или отлетовъ для добыванія корма, но въ одномъ только случаѣ вальдшнепы выходятъ въ чистыя мѣста: это въ осеннее ненастье, когда кругомъ обложится небо сѣрыми, низкими облаками, когда мелкій непримѣтный дождь сѣетъ, какъ ситомъ, и день и ночь; когда отдаленные предметы кажутся въ туманѣ, и все какъ будто свѣтаетъ или смеркается; когда начнется *капель*, т.-е. когда крупныя водяныя капли мѣрно, звонко и часто начнутъ падать съ обвисшихъ и потемнѣвшихъ древесныхъ вѣтвей. Эти-то капли, которыхъ паденія не любятъ и боятся всякая птица и звѣрь, выгоняють вальдшнеповъ не только изъ лѣса, но даже изъ лѣсныхъ опушекъ и кустовъ. Въ самомъ дѣлѣ, однообразное, немолкаемое паденіе капель въ лѣсу имѣетъ въ себѣ что-то печаль-

ное и пугающее. Сколько раз случалось мнѣ вслушиваться въ этотъ странный шумъ, невольно задумываться и вздрагивать, когда крупная капля холодно и больно попадала мнѣ въ лицо... Итакъ, кромѣ пугающаго шума, капель вѣшнимъ образомъ беспокоитъ птицу и заставляетъ ее безпрестанно переходить съ мѣста на мѣсто. Зато какая чудесная выходитъ стрѣльба вальдшнеповъ, когда они выбѣгутъ въ чистыя луговины около лѣса или болотистыя мѣста около уремы. Впрочемъ, подь словомъ *чистыя* не должно разумѣть такихъ гладкихъ мѣстъ, на которыхъ негдѣ было бы спрятаться и притаиться. Вальдшнепъ не маленькая птица; ему нужны кочки, некошенная трава, межи, обросшія бобовникомъ и чилизникомъ, или глубокія борозды рослыхъ озимей, гдѣ бы можно было укрыться, и все это въ самомъ близкомъ разстояніи отъ лѣса или кустовъ. Какъ скоро, хотя на время, уймется дождь и перемежится капель, вальдшнепы перемѣщаются въ лѣсъ, отъ котораго отдаляются рѣдко далѣе нѣсколькихъ саженъ и куда сейчасъ возвращаются, несмотря на дождь и капель, если будутъ спугнуты. Въ это время вальдшнепы очень смиренны, сидятъ крѣпко, подпускаютъ охотника близко и долго выдерживаютъ стойку собаки; очевидно, что тутъ бить ихъ весьма нетрудно, особенно потому, что вальдшнепы въ мокрую погоду, сами мокрые отъ дождя, на открытомъ мѣстѣ летаютъ тихо, какъ вороны; только очень плохой или слишкомъ горячій охотникъ станетъ давать въ нихъ промахи. Можно подумать, что такая простая, легкая стрѣльба не доставитъ удовольствія настоящему, опытному и, разумѣется, искусному стрѣлку; но такая охота рѣдка, кратковременна, вообще мало добычлива, имѣетъ особенный характеръ, и притомъ вальдшнепъ—такая завидная, дорогая добыча, что никогда не теряетъ своего высокаго достоинства. Въ этой охотѣ еще приятно то, что можно видѣть хорошую собаку во всей ея красотѣ и вполне ею любоваться. Въ лѣсу, въ кустахъ, въ камышѣ, высокой травѣ и осокахъ, охотникъ почти не видитъ собаки, но здѣсь она вся на виду. Вальдшнепъ издаетъ сильный запахъ, и все собаки очень горячо по немъ ищутъ. Только истинные охотники могутъ оцѣнить всю прелесть этой картины, когда собака, безпрестанно останавливаясь, подойдетъ наконецъ вплотъ къ самому вальдшнепу, подниметъ ногу и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, устремивъ страстные, очарованные, какъ будто позеленѣвшіе глаза, на то мѣсто, гдѣ сидитъ птица, станетъ изсѣченнымъ изъ камня истуканомъ, „умретъ на мѣсть“, какъ выражаются охотники“.

Стрѣляютъ иногда осенью вальдшнеповъ, хотя съ загонщиками, но эта охота, производящаяся какъ слѣдуетъ въ Германіи, у насъ носить совершенно случайный, исключительный характеръ и потому не заслуживаетъ описанія. То же можно сказать и о промысловыхъ способахъ добыванія этой птицы: ловля силками, самый грубый, первобытный способъ *добыванія* дичи, такъ мало примѣняется къ вальдшнепу, что скорѣе можетъ почестся забавою, чѣмъ дѣйствительнымъ промысломъ.

Въ концѣ сентября въ среднихъ губ. поднимается мало-по-малу въ отлетъ и мѣстный вальдшнепъ. Начинающіеся въ это время морозы, которые захватываютъ сырую почву такъ, что птицѣ не всунуть въ нее носа, иногда выпаденіе снѣга, конечно временное,—все это вмѣстѣ взятое вынуждаетъ этихъ птицъ улетать далѣе къ югу. Впрочемъ, можно сказать, что отлетъ ихъ продолжается до 10-го октября, а какъ исключеніе отдѣльныя особи попадаютъ и позднѣе. Такъ, въ 1865 г. въ Тульской засѣлкѣ были подняты 5 вальдшнеповъ отъ 21 до 24 октября; въ Московской губ. одиночные вальдшнепы добывались даже въ началѣ второй половины ноября, послѣ двадцатиградусныхъ морозовъ. Такъ какъ въ желудкѣ такихъ запоздалыхъ особей всегда находятъ остатки насѣкомыхъ, то очевидно, что онѣ кормятся на болотистой почвѣ. При позднемъ отлетѣ вальдшнепъ, конечно, нерѣдко становится добычею воронъ и другихъ хищниковъ, особенно если пойдетъ снѣгъ и поднимется сильный вѣтеръ, что сильно изнуряетъ птицу. Въ такую погоду вальдшнепы нерѣдко гибнутъ во множествѣ—и какъ весною, такъ и осенью. Даже можно сказать, что весною такое состояніе погоды для нихъ бываетъ гибельнѣе, чѣмъ осенью; такъ, въ 1875 г., по свидѣтельству достовѣрныхъ охотниковъ, вальдшнепы прилетѣли въ Тульскую губ. 16 марта; 17-го къ вечеру поднялась метель и множество вальдшнеповъ погибло отъ холода. Да это и понятно, если принять во вниманіе, что птица, прилетая на родину съ наступленіемъ тепла, рѣдко отодвигается опять къ югу даже въ случаѣ рѣзкой и продолжительной переменъ погоды; она все выжидаетъ, не измѣнится ли погода къ лучшему, не нахнетъ ли тепломъ, чтобы летѣть далѣе на родину; осенью не то: стоитъ только холодамъ постоять нѣсколько дней—и пролетная и отлетная птица вся исчезаетъ. При временномъ выпаденіи снѣга, временномъ холодѣ—она свалитъ къ ручьямъ, въ тѣ мѣста, гдѣ земля не такъ скоро замерзаетъ, и ждетъ тамъ, не пройдетъ ли эта невзгода. И если этого нѣтъ, по-прежнему держатъ холода и снѣгъ не сходитъ, она наконецъ улетаетъ. Въ такихъ-то неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, не имѣя достаточно корма и ослабѣвъ отъ вліянія холода и вѣтра, птица уже не остается такою бодрою какъ прежде, и попадаетъ въ когти различныхъ хищниковъ. Какъ кажется, самыми опасными для вальдшнепа врагами въ сѣверной половинѣ Россіи являются большія совы (лапландская, уральская), охотящіяся за нимъ въ свою очередь на тягѣ.

Въ заключеніе нашего очерка остается сказать только о значеніи охоты за вальдшнепомъ, какъ промыслѣ. Но съ этой стороны ошибочно было бы придавать этой птицѣ какое-нибудь особенное значеніе. Вальдшнепъ—птица чисто охотничья; промысловыхъ, добычливыхъ способовъ ея ловли у насъ не существуетъ и потому, несмотря на превосходство ея мяса, въ продажу вальдшнеповъ идетъ не много. Такъ, въ Москвѣ ежегодно осенью продается, по свидѣтельству Лоренца, около 3.000 вальдшнеповъ, по цѣнѣ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. за пару.

Гораздо больше потребляется ихъ самими охотниками, промышленникъ же мало цѣнить эту дичь, которую не всегда убьешь съ одного выстрѣла, и предпочитаетъ ей птицъ болѣе крупныхъ, болѣе грузныхъ, какъ тетерева, или такихъ, которыхъ онъ можетъ сотнями, тысячами наловить въ свои снасти. Этимъ и объясняется съ одной стороны малоизвѣстность вальдшнепа на сѣверѣ, гдѣ есть промышленникъ и нѣтъ охотника, съ другой—небольшой запасъ свѣдѣній, касающихся образа жизни этой драгоценной для стрѣлка птицы.

11. Дупель.

Scolopax major, Gm.

Табл. 11.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 212.

Болѣе распротр. названіе: *дупель*.

Мѣстныя названія: *лежанка*, *молчанка*, *бѣлокуриць* (по Далю); *пят-пачъ* (Олонецк. губ.); *лежень* (Харьков. губ.).

Польск.—*bekas większy*, *szredni*; *bekas własciwy*; *bekas dubelt*; *dubelt*, *bekas funtowy*.

Эстл.—*Torol* пер. — Латыш.—*kūiga*, *kikkuts*. — Фин.—*heinäkurppa*. — Жмуд.—*цекудисъ*, *озелисъ*; *тышисъ* (гдѣ?).

Кавк.-тат.—*кишитъ*, *таллетунтъ*. — Тунгуз.—*джиннекунь*. — Юкагир.—*кульдрикъ*. — Ост.—*бии* (?), *леме*; ост. самоѣд.—*барра* (?).

Среди представителей красной дичи дупель—единственный видъ, имѣющій хоть какое-нибудь значеніе для нашихъ промышленниковъ. Полнаго представленія о такомъ значеніи птицы мы не можемъ себѣ составить за недостаткомъ относящихся сюда данныхъ, но уже отдѣльныя показанія, несмотря на ихъ отрывочность, обращаютъ наше вниманіе на эту роль дупеля въ экономіи человѣка и заставляютъ желать возможно полнаго ея выясненія. Чѣмъ же объясняется такая разница въ значеніи птицъ одного и того же рода, населяющихъ приблизительно однѣ и тѣ же мѣстности, сходныхъ по образу жизни? Играетъ ли тутъ роль слѣпой случай, или какая другая причина виною тому, что въ то время какъ вальдшнепъ, бекасъ и гаршнепъ—только забава для лицъ высшихъ слоевъ общества, дупель—матеріаль для заработка хлѣба цѣлымъ сотнямъ лицъ, окрещеннымъ названіемъ „*промышленника*“, „*шкурятника*“? Въ дальнѣйшемъ изложеніи эти вопросы рѣшаются сами собою, теперь же мы прибавимъ, что есть и другая причина, по которой мы должны изучать возможно тщательно географическое распространеніе и образъ жизни дупеля. Это одна изъ птицъ, наиболѣе подвергнувшихся истребленію, одинъ изъ тѣхъ видовъ, которые шагъ за шагомъ должны покидать свою родную область, и кто

знаеть, много ли десятковъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того времени, когда *дупель, дупелиная охота* останутся только какъ преданіе въ средней полосѣ Европейской Россіи и прилежащихъ къ ней мѣстахъ. Одни виды истребляются человекомъ, въ исчезновеніи другихъ человекъ играетъ только посредственную роль, измѣняя характеръ мѣстности, населенной видомъ,—въ дѣлѣ исчезновенія дупеля принимаютъ участіе оба фактора.

Тысячи, десятки тысячъ этихъ птицъ губить весной промышленникъ сѣтями и поножами, столько же гибнетъ ихъ отъ внезапныхъ измѣненій весенней температуры, высокаго поднятія водъ,—остается только удивляться, какъ сохранилась эта птица до нашихъ дней и притомъ все-таки въ далеко не незначительномъ количествѣ. Уменьшеніе, а мѣстами и совершенное исчезновеніе дупеля идетъ совершенно не такъ, какъ наблюдаются тѣ же явленія относительно другихъ птицъ. Сказать, что южная граница его распространенія отступила далѣе на сѣверъ, или сѣверная далѣе къ югу—невозможно; птица встрѣчается и на югѣ, и на сѣверѣ, тамъ же, гдѣ встрѣчалась и прежде, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, но зато между этими предѣлами съ каждымъ годомъ становится все больше и больше такихъ клочковъ, гдѣ дупель гнѣзвился прежде и куда теперь онъ залетаетъ только на пролетѣ.

Однако далеко не все въ распространеніи дупеля объясняется преслѣдованіемъ этой птицы со стороны человека. Даже только въ Европ. Россіи распространеніе дупеля представляетъ много страннаго. Въ Финляндіи его сѣверная граница не поднимается выше $61^{\circ}40'$, но обыкновеннымъ дупель можетъ считаться только въ широкой береговой полосѣ Финскаго залива съ Аландскими о-вами, т. е. до 61° . Однако въ области Ладожскаго и Онежскаго озеръ сѣверная граница распространенія дупеля постепенно поднимается уже до 63° с. ш. Подъ Архангельскомъ онъ и гнѣздится по низменнымъ приморскимъ островамъ, и бываетъ на пролетѣ, слѣдуя на гнѣздовье въ Канинскую тундру. Вѣроятно отсюда залетаетъ въ видѣ исключенія подъ Колу. На Печорѣ гнѣздится къ сѣверу до $67\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. Подвигаясь къ югу отъ этой сѣверной границы, дупель встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ въ весьма разномъ количествѣ, но во всякомъ случаѣ можно сказать, что наиболѣе многочисленнымъ онъ является въ средней полосѣ, на границѣ черноземной и сѣверной глинистой полосы, а также нѣсколько сѣвернѣе, въ губ. Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и др. На югъ граница области, населенной дупелемъ, спускается очень далеко. Именно, на западѣ, проходя черезъ Бессарабскую губ., она идетъ по губ. Кіевской, Полтавской, Харьковской и Воронежской къ Волгѣ, пересѣкаетъ послѣднюю, между Камышинымъ и Саратовымъ, и идетъ далѣе нѣсколько южнѣе средняго теченія р. Урала (между Оренбургомъ и Уральскомъ).

Къ югу отъ указанной южной границы области гнѣздовья дупеля онъ бываетъ только во время пролета. На пролетѣ же онъ встрѣ-

чается и въ Крыму, притомъ въ незначительномъ количествѣ. Но относительно Кавказа существуютъ показанія, что здѣсь эта птица гнѣздится мѣстами, наприм., подъ Владикавказомъ, въ нижне-альпійской луговой области такъ называемыхъ „Мокрыхъ горъ“, въ Триалетскомъ хребтѣ, къ востоку отъ Табидкурскаго озера, въ такъ называемыхъ Циціановскихъ болотахъ, отдѣльными парами у Гокчайскаго озера. Ранѣе гнѣздили въ большомъ количествѣ по Цалкѣ, у истоковъ р. Храма, гдѣ на высотѣ болѣе чѣмъ 6,000' н. у. м. находятся обширныя болота. Однако, зимовать дупель на Кавказѣ не остается, лишь пролетая въ большомъ количествѣ по западному берегу Каспійскаго моря и въ небольшомъ по восточному Чернаго.

В Е С Н А.

I.

Весенній образъ жизни дупеля.—Прилетъ и пролетъ.—Токъ.

Только въ половинѣ апрѣля, когда начнутъ спадать выступившія изъ береговъ рѣки и выставятся изъ-подъ ихъ водъ гривы и хотъ мѣстами поемныя луга съ пробивающеюся молодою травкою, сильнѣе пригрѣетъ солнце и теплый юго-западный вѣтеръ обдуетъ верхній слой топкой полевой почвы,—одною изъ послѣднихъ перелетныхъ птицъ является на свою родину дупель. Даже на югѣ, въ устьѣ Дона, первые пролетные дупеля появляются только лишь въ 20-хъ числахъ марта, т.-е. въ то время, когда уже много, много сѣверныхъ птицъ протянуло далѣе на свою родину.

Въ устьѣ Дона пролетные дупеля останавливаются обыкновенно на болѣе или менѣе обширныхъ, плоскихъ, низменныхъ островахъ, заросшихъ отчасти камышомъ, чаганомъ и кугою; въ среднихъ губерніяхъ въ большинствѣ случаевъ дупеля уже съ прилета приходится встрѣчать въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составляютъ его обыкновенное мѣстопробываніе, т.-е. въ не слишкомъ мокрыхъ, кочковатыхъ и поросшихъ кустиками болотахъ, иногда по заливнымъ лугамъ, сопровождающимъ теченіе небольшихъ рѣкъ, и никогда въ настоящемъ мокромъ болотѣ, такъ называемомъ бекасиномъ. Впрочемъ, и въ долинахъ мелкихъ рѣкъ дупеля, по крайней мѣрѣ значительное большинство ихъ, никогда не остаются долго. Позднѣе, когда луга по теченію большихъ рѣкъ выйдутъ изъ-подъ воды, провѣтрѣютъ, пробьется молодая травка, и покажутся желтые цвѣты курослѣпа (*Caltha palustris*), что въ среднихъ губерніяхъ бываетъ обыкновенно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, прилетаетъ и остальная масса дупелей. Въ то же время та часть ихъ, которая прибыла раньше и заняла луговья долины мелкихъ рѣкъ, сваливаетъ изъ нихъ къ большимъ, т.-е. въ мѣста

своего будущего гнѣздовья, и только дупеля, первоначально занявше свои любимыя кочковатыя болота, не переселяются изъ нихъ никуда; развѣ только выпадетъ сильный дождь и ихъ прогонитъ оттуда излишняя влага.

Проходитъ еще нѣсколько теплыхъ дней. Сильнѣе нагрѣваетъ солнце землю, меньше и меньше остается на темномъ фонѣ полей бѣлыхъ пятенъ—залежей грязнаго снѣга, уже давно въ дикомъ экстазѣ выводитъ свою чудную пѣсню восхищенный косачъ,—дупеля обсились, ихъ особи, первоначально державшіяся другъ около друга, начинаютъ разбѣгаться все по большому участку, становятся оживленнѣе, для нихъ тоже наступаетъ время тока. Сначала тока эти продолжаютъ недолго, птицы относятся къ нимъ вяло, но день, другой, и разгоряченные самцы все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ нападаютъ другъ на друга, и скоро, наконецъ, сколько ни есть въ окрестности дупелей-самцовъ, всѣмъ имъ овладѣваетъ половое стремленіе, и отъ вечерней до утренней зари разгоряченные противники не перестаютъ колотъ другъ друга клювами. Въ то же время и самки, первоначально державшіяся въ сторонѣ отъ токовъ, начинаютъ мало-по-малу подходить къ нимъ ближе и ближе, и, наконецъ, выбѣгаютъ на самую арену.

Проходитъ еще нѣсколько дней; самки уже всѣ оплодотворены и хлопочутъ у гнѣздъ, а разгоряченные самцы, не совершенно удовлетворивши своему половому стремленію, все еще по-прежнему собираются на турниры и не скоро настанетъ то время, когда изнуренные и измученные уйдутъ они въ крѣпъ на поправку.

Такова въ общихъ чертахъ весенняя жизнь дупеля, съ момента прилета птицы на родину и до начала лѣтняго періода, т.-е. линьки и выхаживанія молодыхъ. Намѣтивъ такимъ образомъ путь, по которому мы должны слѣдовать въ своемъ описаніи, перейдемъ теперь къ частностямъ, посмотримъ, какъ ведетъ себя дупель въ первые дни своей жизни на родинѣ, какъ видоизмѣняются тока отъ измѣненія внѣшнихъ условій, познакомимся, наконецъ, съ большею подробностью съ самымъ процессомъ токованія.

Дупель, говоря, вообще, тихая, вялая птица. Въ быстротѣ и живости движеній онъ совершенно отличается отъ своего родича бекаса и по общему выраженію своей фигуры скорѣе напоминаетъ вальдшнепа, что, какъ кажется, съ полнымъ правомъ позволяетъ предположить, что это сходство идетъ изъ одинаковаго ночного образа жизни обѣихъ птицъ. Въ самомъ дѣлѣ, днемъ дупель далеко не отличается дѣятельностью. Въ жару онъ обыкновенно забирается въ какое-нибудь укромное мѣстечко, поджимаетъ подъ себя ножки, прилегаетъ брюшкомъ къ землѣ и, втянувъ шею и наклонивъ къ землѣ длинный клювъ, дремлетъ или спитъ въ такомъ положеніи въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. И только вечеромъ, когда солнечные лучи станутъ падать совершенно вкось, протянутся длинные тѣни, дупель вскакиваетъ съ своего мѣста, вытягивается на ножкахъ, встряхивается всѣмъ тѣломъ, расправляетъ

крылья и отправляется на кормежку. Сколько разъ приходилось мнѣ наблюдать, какъ дупель сначала лѣниво начинаетъ глотать червяковъ и насѣкомыхъ, медленно похаживая по берегу залива поемнаго луга, потомъ движенія его становятся быстрѣе, онъ уже начинаетъ перебѣгать, какъ будто гоняться за насѣкомыми, и вмѣстѣ съ первыми тонами ночи становится совершеннымъ куликомъ, живымъ и бодрымъ въ своихъ движеніяхъ. Съ окончаніемъ ночи онъ опять дѣлается вялѣе, но утреннею зарею еще похватываетъ кормъ, и только съ восходомъ солнца совершенно притихаетъ и вскорѣ же прячется въ траву, на свободѣ предаваясь пищеваренію.

Но, въ противоположность только что сказанному, дупеля весною далеко не такъ смиренны. Съ одной стороны виною этому служитъ то обстоятельство, что окружающая ихъ обстановка не совершенно нормальна, и не совсѣмъ спавшая полая вода, а также и обусловливаемый ею недостатокъ мѣстъ не позволяютъ птицамъ вести свой обыкновенный образъ жизни; съ другой—пробуждающееся половое стремленіе нечувствительно, мало-по-малу начинаетъ входить въ свои права и выводитъ дупеля изъ его характернаго меланхолическаго настроенія духа, какимъ по крайней мѣрѣ онъ отличается днемъ.

Однако, я долженъ оговориться: такой ненормальный образъ жизни дупелю приходится вести въ продолженіе гораздо меньшаго періода, чѣмъ громадному большинству остальныхъ прилетныхъ птицъ. Дупель, какъ было сказано въ первыхъ строкахъ этой главы, прилетаетъ поздно. Его весенній прилетъ совершается въ то время, когда уже большинство птицъ на мѣстѣ, когда многія изъ нихъ уже приступили къ брачной жизни. Чѣмъ объяснить такое позднее прибытіе дупелей—рѣшить не берусь. Быть можетъ, тѣмъ, что раннею весною мѣста жительства этой птицы отчасти находятся подъ водою, отчасти не оттаяли, не могутъ, слѣдовательно, доставить нужной пищи, быть можетъ, чѣмъ-нибудь другимъ—оставимъ вопросъ открытымъ.

Какъ уже сказано, дупель съ самаго начала является довольно прихотливою птицей. Онъ никогда не займетъ тѣхъ болотъ, которыя населены бекасомъ, и если селится въ первые дни прилета въ поемныхъ лугахъ мелкихъ рѣкъ, то только потому, что они отличаются отъ его обыкновеннаго мѣстопробыванія размѣрами и ничѣмъ больше; къ тому же здѣсь онъ не остается долго, такъ какъ главная масса дупелей гнѣздуется обыкновенно въ кочковатыхъ болотахъ или долинахъ большихъ рѣкъ, и по меньшимъ остается только незначительное число. Впрочемъ, за послѣднее время во многихъ мѣстностяхъ гнѣздованіе дупелей въ небольшихъ долинахъ начало совершенно выводиться. Поздній заказъ луговъ, близость и преслѣдованіе человека, годами неблагоприятныя климатическія данныя—все это не могло не повліять на мѣстопробываніе такой птицы, какъ дупель, который по крайней мѣрѣ весною нуждается въ полномъ покоѣ, полной безопасности, и только при такихъ условіяхъ и можетъ гнѣздиться въ извѣстной мѣстности. Конечно, выселеніе дупелей изъ такихъ мѣстъ произошло не

сразу; сначала ему подверглись немногія особи, потомъ, такъ сказать пропорціонально возрастанію неблагопріятныхъ условій, число такихъ переселенцевъ стало болѣе значительнымъ и черезъ нѣсколько лѣтъ мѣстность окончательно пустѣетъ, развѣ залетитъ какой шальной дупель и напомнитъ о прежнемъ богатствѣ, просторѣ и привольѣ.

Въ добавленіе къ сказанному о прилетѣ, остановимся нѣсколько болѣе на времени прилета, на тѣхъ уклоненіяхъ и видоизмѣненіяхъ его, которыя совершаются въ различныхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій или болѣе общихъ причинъ, какъ состояніе весенней температуры и т. п.

Первое появленіе дупелей въ Россіи, какъ и большинства перелетныхъ птицъ, выпадаетъ на долю сѣвернаго побережья Чернаго моря и на устья Волги. Громадныя массы птицъ, скопляющіяся здѣсь на весеннемъ пролетѣ, появляются въ этихъ углахъ очень рано. Еще снѣжная пелена ровною скатертью покрываетъ поля средней Россіи, крѣпко держать утренники и только кое-гдѣ съ глухимъ шумомъ осѣдаетъ снѣжная громада, а на югѣ уже давно пахнуло тепломъ и давно съ первымъ вѣяніемъ весны пробудилась животная жизнь. Даже дупеля прилетаютъ тамъ чуть не за цѣлый мѣсяць раньше, чѣмъ въ среднихъ губерніяхъ, хотя въ общемъ дупель все-таки вездѣ одна изъ самыхъ позднихъ перелетныхъ птицъ.

Вотъ какъ описываетъ прилетъ дупеля въ низовьяхъ Дона г. Алфераки.

„Давно уже нескончаемыми табунами летятъ всѣ утиныя породы; давно уже въ воздухѣ „стонъ стоитъ“ отъ разнообразнѣйшихъ пролетныхъ голенастыхъ гостей; уже много и гаршнепа: много уже подалось его къ сѣверу, а все не видать дупелей. Передовые дупеля появляются лишь въ 20-хъ числахъ марта. Вѣсть объ этомъ прилетѣ быстро разносится и таганрогскіе охотники отправляются на станцію Синявку, расположенную какъ разъ у устьевъ Дона, въ казачьей станицѣ того имени. Въ первое время, однако, даже самые ярые пстрелители дичи бьютъ не больше одного дупеля или одной пары. Такъ продолжается дней 6—10, а затѣмъ уже начинается валовой прилетъ, когда охотники перестаютъ жаловаться на неудачныя охоты. Съ этого времени количество дупелей съ каждымъ днемъ увеличивается, въ особенности если погода теплая и дуетъ не сильный юго-западный вѣтеръ.

„Съ начала валового прилета высылки у насъ имѣютъ такой же характеръ, какъ и въ средней полосѣ Россіи, но затѣмъ дупеля начинаютъ прилетать стаями или *табунами*. Стаи эти состоятъ обыкновенно изъ 15—30 штукъ; видя такую стаю впервые, трудно повѣрить, чтобъ она состояла изъ дупелей,—до такой степени не похожи привычки ихъ въ это время на тѣ, которыя обыкновенно наблюдаются за ними въ Россіи. Во-первыхъ, дупелиныя *стаи*, даже нѣкѣмъ не потревоженные, летаютъ съ мѣста на мѣсто *днемъ*, издавая при полетѣ особое, довольно громкое покрякиваніе (или, скорѣе, особое карканье), разнящееся значительно отъ звуковъ, издаваемыхъ дупелемъ при оди-

ночномъ полетѣ. Человѣка такіе табуны рѣдко подпускаютъ ближе 50—60 шаговъ. При полетѣ птицы летятъ очень быстро и кучно, такъ что, если налетятъ въ мѣру, немудрено убить нѣсколько штукъ однимъ выстрѣломъ. Такія стайки держатся вмѣстѣ обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ дней, видимо выбирая себѣ сообща удобныя для кормежки мѣста, гдѣ уже мало-по-малу разбиваются на болѣе мелкія партіи и, наконецъ, совершенно разъединяются. Разбившись, дупеля дѣлаются болѣе смѣрными, и дневная жизнь ихъ прекращается, т.-е. днемъ они уже не летаютъ. Изъ-за моря, въ устья Дона, такіе табуны дупелей прилетаютъ и днемъ, чему я былъ два раза свидѣтелемъ. Подобный стайный пролетъ продолжается съ недѣлю или болѣе и обыкновенно бываетъ около половины апрѣля. Но лишь только перемѣнился вѣтеръ и вообще погода, летъ внезапно прекращается на неопредѣленное время. Налетѣвшіе и отдохнувшіе дупеля подаются далѣе къ сѣверу и недавнее изобиліе ихъ замѣняется вдругъ крайнею скудостью. Съ трудомъ за цѣлый день можно отыскать на лучшихъ, излюбленныхъ ими мѣстахъ, двѣ-три пары.

„Повидимому перемѣна вѣтра и общее измѣненіе погоды имѣютъ прямое вліяніе на эту остановку въ летѣ дупелей. Вѣроятнѣе всего, мнѣ кажется, предположить, что, при перемѣнѣ погоды, дупеля задерживаются на южномъ берегу Азовскаго моря, гдѣ они (а съ ними большое количество и другихъ птицъ) находятъ себѣ привольныя болота съ обиліемъ корма, какъ, наприм., подъ старымъ Ейскомъ и въ другихъ мѣстахъ.

„Проходятъ нѣсколько дней, недѣля, двѣ или даже болѣе, и вотъ снова задулъ юго-западный вѣтеръ, и снова повалили дупеля. Бываетъ это уже въ маѣ, когда бекасы, гаршнепы и большинство пролетной дичи (кромѣ турухтановъ, которые, впрочемъ, летятъ здѣсь въ большемъ числѣ далеко не каждый годъ) уже отлетѣли и только дупель еще отсталъ и продолжаетъ къ намъ прибывать въ большемъ числѣ. Тутъ летятъ дупеля обыкновенно жирные. Но въ этотъ второй періодъ пролета дупелиныя стаи встрѣчаются рѣже и высыпки имѣютъ болѣе характеръ высыпокъ средней части Россіи. Не объясняется ли это тѣмъ, что стаи могли разбиться еще во время стоянки своей на южномъ берегу Азовскаго моря?

„Иногда летъ дупелей продолжается очень долго, но въ общей сложности можно принять, что въ половинѣ мая число ихъ у насъ начинаетъ уменьшаться, хотя довольно много ихъ остается здѣсь и до самаго конца мая“.

Дупель подвигается на сѣверъ довольно медленно. Причина этого лежитъ въ томъ, что эти птицы часто останавливаются, пользуются каждымъ удобнымъ мѣстомъ для стоянки и потому, хотя рѣдко остаются на отдыхъ болѣе двухъ сутокъ на каждой стоянкѣ, но все-таки прилетъ ихъ въ среднюю и сѣверную полосу совершается довольно поздно. Однако, надо замѣтить, что подобно тому, какъ мы это видѣли у вальдшнепа, состояніе весенней температуры имѣетъ громадное вліяніе на

прилетъ дупеля. Иногда случается, что первыя высыпки ихъ попадаютъ очень рано, едва только какъ будто установилась теплая погода, но вдругъ выпадетъ снѣгъ, приударятъ морозы, и прилетъ на время кончается. Неприлетѣвшіе дупеля пережидаютъ это время въ мѣстахъ своихъ стоянокъ, прилетѣвшіе сваливаютъ въ наиболѣе удобныя мѣста, къ родничкамъ, паточинамъ, но никогда не было замѣчено, чтобъ они отступали опять къ югу. Проходитъ еще нѣсколько дней, холода прекращаются, весна стала, и опять начинается пролетъ, иногда сильный, валовой, иногда, въ случаѣ продолжительнаго ненастья,—только жалкій намекъ на настоящій пролетъ. Такъ, наприм., было наблюдаемо въ 1857 г. въ Ярославской губ.; относительно Вольскаго уѣзда г. В—въ говоритъ, что весенній пролетъ дупеля нормально раздѣляется на двѣ половины, но здѣсь очевидна ошибка. Дѣло въ томъ, что въ началѣ прилета мѣстные и пролетные дупеля держатся вмѣстѣ. Мѣсть нѣтъ, всюду вода, по необходимости высыпки долго не разбиваются и проходятъ двѣ, иногда даже три недѣли прежде, чѣмъ мѣстные дупеля переселятся въ свои коренныя угодья. Такое-то переселеніе и возможно принять за вторичный пролетъ. Гдѣ птицы много, она появляется массами въ разныхъ мѣстахъ,—все это легко можетъ ввести въ заблужденіе, но повторяю—нормально пролетъ совершается безъ перерыва. Вся разница между началомъ и концомъ пролета и прилета заключается въ числѣ особей.

Что касается выбора мѣста, это прямо зависитъ отъ рода пищи употребляемой птицею. Дупель—птица почти исключительно насѣкомоядная. Весною съ прилета, онъ обыкновенно питается червями, личинками, но въ послѣдствіи уничтожаетъ въ громадномъ количествѣ живущихъ у воды насѣкомыхъ и, можетъ быть, иногда заглатываетъ даже мелкихъ улитокъ. Во всѣ времена года къ этой пищѣ примѣшивается небольшое количество растительнаго корма, т.-е. корешки растеній, преимущественно болотныхъ, но во всякомъ случаѣ не это главный кормъ, не онъ обуславливаетъ собою прилетъ дупеля и его лѣтнія переселенія.

Итакъ, первое появленіе дупелей происходитъ по луговымъ долинамъ небольшихъ рѣкъ, по кочковатымъ болотамъ, иногда—„на залежахъ, поросшихъ высокимъ бастыльникомъ или полынью, и даже на загонахъ съ высокой прошлогодней жнивной“.

Свернѣе, наприм., въ Олонецкой губ., дупеля прямо забираются въ обширныя осочныя болота,—мѣсто ихъ будущаго гнѣздовья, откуда они уже и не выходятъ до конца лѣта, представляя такимъ образомъ значительное измѣненіе въ образѣ жизни, обуславливаемое характеромъ мѣстности. Въ Пермской губ., по свидѣтельству Л. П. Сабанѣва, исключительное мѣстопребываніе дупеля составляютъ торфяныя и моховыя болота. Оставляя, однако, въ сторонѣ эти частности, познанимся подробнѣе съ весеннимъ образомъ жизни дупеля, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что большинство свѣдѣній относится до средней полосы Россіи.

Въ первыхъ числахъ мая, когда оттаеетъ земля, войдутъ въ берега рѣки и начнетъ развиваться растительность, всѣ мѣстовые дупеля занимаютъ луговые долины большихъ рѣкъ или кочковатая крѣпкія болота съ зарослью лозы, раkitника и березы. Въ послѣднихъ угодыяхъ топкія, едва проходимыя мѣста обыкновенно чередуются съ чистыми потными полянами, слѣдовательно, здѣсь и безопасно, и условія жизни совершенно подходящія для дупеля. И дѣйствительно, не проходитъ и нѣсколькихъ дней, какъ обсиdѣвшія птицы уже совершенно привыкаютъ къ своему урочищу, и, если не завернетъ опять холодъ, не пойдутъ дожди и не выгонять дупелей изъ занятыхъ ими болотинъ, въ первыхъ же числахъ мая открываются въ этихъ крѣпкахъ дупелиныя тока.

Въ большинствѣ случаевъ мѣстомъ тока служитъ поляна среди кочковатого болота, поросшая чемерикою и окруженная кустами раkitника, иногда небольшими, иногда довольно значительными, или оголившіяся отъ воды и покрытыя тощею растительностью гривы, что обыкновенно наблюдается во всѣхъ прирѣчныхъ мѣстностяхъ. Случается также, что дупеля выбираютъ своимъ токовищемъ поляну недалеко отъ лѣса*), полянку, заросшую болотными травами; въ исключительныхъ случаяхъ токовищемъ выбирается кочка, со всѣхъ сторонъ окруженная глубокою весеннею водою, что обыкновенно выпадаетъ на долю тѣхъ мѣстностей, гдѣ дупеля сильно уничтожаются промышленниками.

Такимъ образомъ, мѣста, выбираемыя дупелемъ подъ токовище, далеко не разнообразны, и близъ городовъ, по крайней мѣрѣ, выборъ ихъ обусловливается исключительно безопасностью птицъ. Чѣмъ дальше лежитъ мѣсто отъ города, чѣмъ менѣе преслѣдуются дупеля, тѣмъ открытѣе мѣсто ихъ тока. На сѣверѣ, гдѣ дупеля гнѣздяся по низменнымъ прибрежнымъ морскимъ островамъ, тока устраиваются на послѣднихъ; въ юго-западномъ краѣ они исключительно выбираютъ поляны среди кочковатыхъ болотъ, въ центральной полосѣ Россіи—въ мѣстностяхъ, лежащихъ по теченію большихъ рѣкъ,—рѣчныя гривы или полянки среди, а также и у окраинъ болотъ.

Вообще надо сказать, что непремѣннымъ условіемъ, которое ставится птицею при выборѣ мѣста подъ токовище, это то, что тока собираются исключительно на некоси. Это явленіе, замѣченное еще П. Кирѣвскимъ, который, однако, упоминаетъ о немъ вскользь, положительно такъ же справедливо для дупеля, какъ и для тетерева, въ

*) Кирѣвскій въ своихъ «Разказахъ лѣснаго охотника», описывая ночь въ *льсномъ болотѣ*, упоминаетъ и о токахъ дупелей (стр. 62), которые яко бы бывають въ такомъ мѣстѣ. Здѣсь у почтеннаго автора вкралась неточность. Дѣло въ томъ, что выше, на стр. 60, авторъ совершенно точно опредѣляетъ это мѣсто: огромное болото, поросшее некою и рѣдкимъ тростникомъ, всегда вдали отъ сплошнаго лѣса. Даже слова «въ мелкихъ боряхъ по вереску» врядъ ли могутъ относиться къ такому болоту, которое описывается далѣе, какъ мѣсто дупелиныхъ токовъ. Это вѣрно для тетерева, но дупель—птица никакъ не лѣсная и положительно избѣгаетъ лѣса, поэтому и лѣсное болото Кирѣвскаго, въ сущности, болото около лѣса и не болѣе.

чемъ я убѣдился во всей средней Россіи. Откуда идетъ такая разборчивость птицы—очень трудно рѣшить: можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что въ некои дупеля легко могутъ спрятаться, когда прилетаютъ къ токовищу за нѣкоторое время до открытія тока; можетъ быть, въ некошенной травѣ, въ неизмѣнномъ рукою человѣка клочкѣ они видятъ залогъ большей для себя безопасности,—какъ бы то ни было, фактъ исключительнаго выбора некои не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Обыкновенно разъ выбранное мѣсто подъ токовище не покидается дупелями въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, и годъ изъ году собираются на немъ птицы для токованія до тѣхъ поръ, пока преслѣдованія со стороны человѣка, стрѣльба и силки не отобьютъ у нихъ всякую охоту къ облюбованному мѣсту тока. Въ такихъ случаяхъ дупеля обыкновенно навсегда покидаютъ прежнее токовище и выбираютъ другое, иногда на довольно большомъ разстояніи отъ перваго, но, сколько я знаю, не приходилось наблюдать, чтобы, въ случаѣ потери первоначальнаго, главнаго токовища, устраивались побочные тока, какъ это, напр., замѣчается у косача. Напротивъ, дупеля на токахъ собираются въ огромной численности и обыкновенно въ извѣстномъ участкѣ, по крайней мѣрѣ, раннею весною, существуетъ только очень немного токовищъ. Разгонятъ одно, птицы перебираются въ другое мѣсто, часть ихъ пристаётъ къ другимъ токамъ, но взамѣнъ этихъ отставшихъ особей присоединяются особи другихъ токовищъ *).

Такимъ образомъ, дупелинныя тока по своему числу въ каждой мѣстности весьма опредѣленны, но отъ чего это зависитъ, при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ рѣшить трудно. Если у косача, какъ кажется, число токовищъ соотвѣтствуетъ числу зимнихъ стай, это совершенно понятно и стоитъ въ очевидной связи съ образомъ жизни птицы, но у дупеля мы этого не видимъ. Положимъ, передъ началомъ токовъ дупеля въ продолженіе нѣсколькихъ дней ведутъ жизнь какъ бы стаиную **), если считать за стадо высыпку, но это только кажущееся

*) Впрочемъ, такъ бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, если токованіе нарушается въ самомъ своемъ началѣ. Если же это произошло послѣ того, какъ самки оплодотворены, токъ разстраивается окончательно и только нѣкоторыя птицы, по большей части, вѣроятно, годовалые самцы, токуютъ въ разной, гдѣ придется, собираясь штуки по двѣ, по три.

**) Собственно говоря, образованіе зимнихъ стай и высыпокъ одно и то же. Въ самомъ дѣлѣ, осеннее стаденіе обуславливается тѣмъ, что пищевой матеріалъ сократился, такъ сказать, сконцентрировался къ извѣстнымъ участкамъ, на которые прилетаютъ кормиться особи извѣстнаго вида,—особи, по необходимости собранныя въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ. Весною—то же самое, только здѣсь концентрація пищевого матеріала не конечное явленіе, а начальное, и потому прямымъ слѣдствіемъ его является то, что стада черезъ нѣсколько времени, т.е. когда концентрація пищевого матеріала уничтожится, разобьются, особи начнутъ вести одиночную жизнь. Нельзя, конечно, не замѣтить, что извѣстныя особи, сошедшіяся первоначально вслѣдствіе недостатка корма, въ теченіе зимы привыкаютъ другъ къ другу и потому вообще ведутъ жизнь обществомъ, вмѣстѣ отдыхая и пр. На высыпкахъ же этого нѣтъ, и потому, какъ только условія добыванія пищи измѣнятся къ лучшему, птицы разбиваются и, слѣдо-

сходство, тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ установившейся теплой погоды, т.-е. незадолго до открытія токовъ, дупелиныя высыпки разбиваются и птицы живутъ отдѣльными особями. Поэтому я скорѣе придерживаюсь того мнѣнія, что число дупелиныхъ токовищъ соответствуетъ первоначальному числу годныхъ для этого мѣсть, т.-е. когда еще не всѣ дупелиныя уголья примутъ свой нормальный видъ и только нѣкоторые ихъ клочки настолько обсохнутъ, что будутъ совершенно подходить подъ условія токовища, что прямо зависить отъ высоты извѣстнаго мѣста и, слѣдовательно, данные участки каждаго годно будутъ обсыхать первыми. Но какъ ни интересно рѣшеніе подобнаго вопроса, повторяю, теперь мы его должны отложить до будущаго.

Итакъ, какъ только откроется тока, въ извѣстномъ участкѣ всегда находится опредѣленное число токовищъ. Иногда нѣсколько по виду совершенно схожихъ мѣсть лежатъ совершенно другъ возлѣ друга, но въ то время, какъ одно изъ нихъ служитъ токовищемъ, другія всегда пусты. Что касается величины токовища, опредѣленнаго ничего нельзя сказать. Иногда оно очень мало, иногда, напротивъ, очень велико, сажень до 100—125 въ поперечникѣ, и обыкновенно во время тока на немъ бываетъ столько дупелей, сколько можетъ умѣститься. Отсюда понятно, что число дупелей и величина токовища находятся между собою въ постоянномъ соотношеніи, но никакъ нельзя сказать, чтобы число дупелей, участвующихъ въ токѣ, опредѣляло величину токовища; скорѣе наоборотъ, т.-е. чѣмъ больше токовище, тѣмъ больше на немъ бываетъ и дупелей *). Токовище или, по крайней мѣрѣ, его центральное мѣсто, гдѣ особенно много бываетъ птицъ и гдѣ происходятъ самыя ожесточенныя драки, можно всегда узнать съ перваго раза. Обыкновенно трава на немъ прижата, валяются перья; чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ меньше слѣдовъ тока и тѣмъ, слѣдовательно, труднѣе опредѣлить его границы. Надо, однако, замѣтить, что дупеля рѣдко убѣгаютъ далеко отъ центра тока. Обыкновенно они держатся очень кучно, толкуются все больше къ серединѣ токовища, и если какой и отбѣжить, то сейчасъ же спѣшатъ воротиться.

Къ сказанному о числѣ дупелей на токовищѣ слѣдуетъ прибавить, что громадное вліяніе на него имѣетъ мѣстность, въ которой устроенъ токъ, т.-е. безопасны ли на немъ птицы отъ преслѣдованія

вательно, высыпку въ смыслѣ *стада* нельзя приравнивать постоянному зимнему стаду или стаѣ. Никакого противорѣчія между сказаннымъ здѣсь и наблюденіемъ г. Алфераки нѣтъ, такъ какъ прилетныя стайки дупелей, сложившіяся вѣроятно на зимовкѣ, разбиваются уже на своихъ первыхъ стоянкахъ, а слѣдовательно, приравниваться высыпкамъ не могутъ.

*) Тутъ опять сказывается различіе между зимнею стаей и высыпкой. Зимнія стаи, наприм., тетеревиныя, выбираютъ себѣ мѣсто тока такое, чтобы на немъ могли умѣститься всѣ особи стаи, что по отношенію къ высыпкамъ не имѣетъ мѣста, п. ч. высыпки разбиваются и на тока сходятся уже отдѣльныя особи. Слѣдовательно, чѣмъ больше подходящее мѣсто токовища, тѣмъ больше на немъ сойдется дупелей, а чѣмъ меньше, тѣмъ меньше и число токовищъ, что и было сказано.

человѣка или нѣтъ. Нормально число токующихъ дупелей доходить до нѣсколькихъ сотенъ, но вблизи городовъ, гдѣ распространена стрѣльба на токахъ, гдѣ громадное количество птицъ истребляется, а остальные распутиваются, тока совершенно теряютъ свой обычный характеръ и представляютъ собою скорѣе жалкую пародію на токъ, чѣмъ токъ дѣйствительный. Подъ Ярославлемъ, говоритъ Н. Гладковъ, тока весьма незначительны: токутъ иногда два или три дупеля. Въстѣ съ тѣмъ эти птицы уже не придерживаются открытыхъ мѣстъ, а, напротивъ, выбираютъ наиболѣе глухія, наиболѣе непроходимыя мѣста, т.-е., напр., окруженныя со всѣхъ сторонъ водою кочки, относительно сухое мѣсто среди топи и т. п.

Начало тока, какъ сказано, всегда отдѣлено нѣкоторымъ промежуткомъ времени отъ прилета. Отъ первыхъ высыпокъ обыкновенно оно удалено недѣли на двѣ, иногда даже на три, отъ послѣднихъ только на нѣсколько дней. Такимъ образомъ, въ средней полосѣ начало дупелиныхъ токовъ выпадаетъ обыкновенно на начало мая. Подвигаясь къ сѣверу, тока начинаются, конечно, позднѣе, но уже не замѣчается такого большого промежутка между началомъ прилета и началомъ токовъ. Это зависитъ отъ болѣе дружнаго, хотя и болѣе поздняго прилета, отъ меньшаго протяженія времени, которое остается птицѣ на выводъ и выхаживаніе молодыхъ. Перехожу теперь къ описанію самаго тока.

Какъ выше сказано, дупеля начинаютъ токовать спустя нѣсколько дней послѣ прилета. Первое время, т.-е. когда тока только что начнутся, что въ средней полосѣ бываетъ въ началѣ мая, дупеля токутъ слабо, собирается ихъ на тока немного, и послѣдніе обыкновенно не долговременны, начинаясь уже поздно вечеромъ и кончаясь вскорѣ послѣ полуночи; но чѣмъ дальше идетъ весна, чѣмъ сильнѣе разыгрывается половое стремленіе въ птицахъ, тѣмъ продолжительнѣе время токованія ежедневно. Въстѣ съ тѣмъ и число птицъ, собирающихся на токовище, достигаетъ значительной цифры, и не проходитъ недѣли отъ начала тока, какъ всѣ окрестныя дупеля-самцы уже принимаютъ въ немъ участіе. Въ то же время и ежедневная продолжительность токованія все увеличивается, и, наконецъ, дѣло доходитъ до того, что дупеля начинаютъ токовать вмѣстѣ съ заходомъ солнца и кончаютъ только съ его восходомъ. Такая общая картина тока измѣняется или, выражаясь точнѣе, общій ходъ тока временно нарушается только въ томъ случаѣ, если внезапно выпадетъ снѣгъ или завернетъ холодъ. Въ такихъ случаяхъ, изъ которыхъ однако первый, т.-е. выпаденіе снѣга, даже при нашемъ климатѣ въ маѣ случается не часто, тока обыкновенно прекращаются. Но какъ только солнце или тепло сгонитъ выпавшій снѣгъ, пройдетъ холодъ, тока начинаются съ прежней силой. Въ исходѣ мая они уже начинаютъ ослабѣвать, что обуславливается тѣмъ, что въ это время самки уже садятся на гнѣзда и, слѣдовательно, большинство старыхъ самцовъ-дупелей, т.-е. тѣ, которые токутъ наиболѣе горячо, покидаютъ тока, и остаются только молодые, т.-е.

прошлогодняго вывода. Тока такихъ молодыхъ дупелей продолжаются обыкновенно и въ іюнѣ, но ихъ токованіе слабо, п. ч. на ихъ долю очень рѣдко выпадаетъ оплодотвореніе самокъ,—именно только въ томъ случаѣ, если послѣднія почему-либо лишатся яицъ первой кладки, и, слѣдовательно, при отсутствіи на току самокъ дупелямъ нѣтъ причины токовать зарко. Такимъ образомъ, продолжительность токованія 4—5 недѣль, въ холодную весну только до трехъ, но никогда меньше. Это же время—единственный періодъ въ жизни дупеля, когда образъ жизни этой птицы дозволяетъ производить на нее добычливую, промысловую охоту, но объ этомъ подробнѣе будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самомъ токованіи. Говорить, что такое токъ и токованіе, было бы совершенно излишне, п. ч. это уже сдѣлано въ описаніи образа жизни вальдшнепа. Поэтому здѣсь я ограничусь только замѣчаніемъ, что у дупеля токованіе выражается гораздо рѣзче, чѣмъ у его родичей. Токованіе вальдшнепа, напр., представляетъ собою такое уклоненіе отъ обычнаго вида токованія другихъ полигамовъ, что подало даже поводъ къ серьезнымъ сомнѣніямъ относительно его дѣйствительнаго значенія. Токованіе бекаса тоже весьма отлично отъ обычнаго токованія и было причиною господствовавшаго въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣнія, что бекасы разбиваются на пары и самецъ токуетъ около или, вѣрнѣе, надъ своей самою.

Не то мы видимъ у дупеля. Дупель токуетъ совершенно такъ, какъ токуетъ тетеревъ: то же мѣсто тока, тѣ же драки, то же кратковременное спариваніе самца съ самою послѣ каждодневнаго токованія; тѣ же, наконецъ, звуки,—наиболѣе характерная черта всѣхъ токующихъ птицъ, хотя не знаю почему М. П. Вавиловъ такъ рѣшительно говоритъ, что между дупелиными и тетеревиными токами та и разница, что дупель не издаетъ звуковъ, не бормочетъ, какъ тетеревъ. Конечно, голосъ дупеля въ зависимости отъ величины птицы не силенъ и въ этомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемъ съ токованіемъ косача, но это различіе, такъ сказать, чисто количественное и не играетъ никакой роли. Оно даже не обуславливаетъ собою никакого рѣзкаго измѣненія въ образѣ жизни птицы, такъ что дупелиный токъ—явленіе совершенно параллельное току тетеревиному, и почти нѣтъ черты, въ которой бы они не сходились другъ съ другомъ. А это сходство, даже тождество явленій весьма важно и имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ объясненія всѣхъ періодическихъ явленій животной жизни.

Звуки, издаваемые на токахъ дупелями, весьма трудно передать. Это какое-то щебетанье или шипѣнье, само по себѣ весьма негромкое, кончающееся обыкновенно весьма страннымъ звукомъ, который происходитъ отъ того, что птицы вдругъ, всѣ вмѣстѣ, съ силою закрываютъ клювы, такъ что происходитъ щелканье, потомъ распускаютъ перья, встряхиваютъ крыльями и уже затѣмъ начинается драка. При встряхиваніи или маханіи крыльями раздается особый звукъ, имѣющій

отдаленное сходство съ *блеяніемъ* бекаса. Въ общемъ эти звуки, однако, довольно громки, если принять во вниманіе незначительную величину птицъ, и при окружающей ихъ тишинѣ послѣднюю часть пѣсни можно слышать шаговъ за сто и болѣе. Но эта конечная часть, шелканье клювомъ и ударъ крыльями, есть собственно финалъ токованія. Основной мотивъ пѣсни — щебетанье, тѣ односложные звуки, которые я никакъ не берусь передать словами, какъ это пытались было нѣкоторые англійскіе зоологи, звуки, раздающіеся сначала медленно, потомъ все быстрѣе, громче и, наконецъ, сливающиміеся въ одинъ общій концертъ, въ которомъ выражается весь экстазъ птицы.

Сначала на току слышатся странные звуки, въ родѣ лягушечьяго кваканья: это ближайшія къ токовищу самки перекликаются съ самцами и, въ отвѣтъ на это, первыми, едва только весеннее солнце начнетъ скрываться за горизонтомъ, прилетаютъ на токовище, вѣроятно, старые, бывалые самцы и сначала притаиваются въ старой или пробивающейся травкѣ, залегая между ея стеблями. За ними слѣдомъ начинаютъ собираться и болѣе молодые, но эти не вылетаютъ еще на самое токовище, а залегаютъ только вблизи отъ него или, если токовище обширно, на его окраинѣ. Въ то же время и вся остальная масса дупелей, проводившая день въ окрестностяхъ, начинаетъ постепенно приближаться къ токовищу и раннюю весною держится до начала тока по его окраинамъ, а потомъ дупеля уже прямо слетаютъ въ самый центръ его, гдѣ за нѣсколько минутъ до открытія тока и находятся обыкновенно всѣ будущіе бойцы. Проходитъ еще четверть или полчаса, солнце скрылось, весенняя ночь на все набросила свой таинственный покровъ, нѣсколько дупелей приподнимаются, встаютъ изъ своихъ убѣжищъ и начинаютъ токовать. Поза, принимаемая ими при этомъ, крайне комична: они откидываютъ шею далеко назадъ, голову опускаютъ почти прямо внизъ, прижимая клювъ къ груди, крылья опускаютъ, а вѣрообразно распущенный хвостъ до того поднимаютъ и наклоняютъ впередъ, что почти касаются его вершиной затылка. Только послѣ этого дупеля начинаютъ свою пѣсню. Звуки, испускаемые ими, сначала раздаются тихо и нечасто, потомъ все громче и громче, причемъ промежутки между ними становятся все меньше и меньше, и, наконецъ, сливаются въ одинъ хоръ, къ которому пристають постепенно и остальные птицы. Задорнѣе и задорнѣе токують старики, больше и больше присоединяется къ нимъ молодыхъ; и скоро всѣ дупеля, таившіеся около и на токовищѣ, увлечены однимъ общимъ стремленіемъ и не видятъ передъ собою ничего, кромѣ своихъ соперниковъ.

Между тѣмъ незамѣтно, точно подкравшись, окутала ночь въ свое покрывало заснувшую землю. Давно уже скрылось за горизонтомъ солнце, давно всплылъ по небу мѣсяцъ и какъ бы поспѣшилъ скорѣе скрыться по другую сторону земного шара. На свѣтломъ, голубовато-сѣромъ небосклонѣ чуть землячки звѣзды, въ ближней уремѣ разсыпался своими трелями соловей, одинъ, другой, и ихъ силь-

ныя трели какъ бы заглушки, потопили въ морѣ своихъ звуковъ всѣ другіе звуки, другія пѣсни. Настала новая жизнь, жизнь ночная, полная поэзіи и прелести... И сильнѣе, и сильнѣе выводятъ въ свою очередь свою пѣсню токующіе дупеля; отдѣльныхъ слоговъ пѣсни уже не разобрать,—это какое-то хоровое щебетанье, поднимающееся все выше и выше, потомъ вдругъ слѣдуетъ болѣе низкій звукъ, нѣсколько секундъ тишины и спокойствія, и затѣмъ общая свалка. Разгоряченныя, разъяренныя птицы, растопыривъ крылья и распустивъ хвосты, гоняются другъ за другомъ, схватываются клювами; тамъ побѣжденный спѣшитъ скрыться отъ гордаго, не знающаго пощады побѣдителя, тамъ сдѣлались два равносильные бойца и такъ и летятъ во всѣ стороны перья. Иной избитый, исцѣпаный бѣжитъ въ сторону, но не прошло и мгновенья, а онъ ужъ опять лѣзетъ въ самую свалку, пока его не прогоняютъ опять. Дупеля растоковались... Проходитъ нѣсколько минутъ, уставшія птицы дерутся все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, перестаютъ совсѣмъ, и, спустя немного, опять начинаютъ свою пѣсню, чтобы по ея окончаніи начать снова драку.

Полночь. Примолкла, поутихла шумная жизнь весенней ночи. Настала относительная тишина, чтобы вскорѣ, съ первыми лучами свѣта, раздался новые звуки, началось новое движеніе. Поутикли и дупеля. Усталые, изнуренные, они какъ бы собираются съ силами, не рѣшаясь покинуть токовища. Но вотъ старыя, здоровыя самцы поотдохнули, встряхнулись разъ, другой всѣмъ тѣломъ и снова затянули свою пѣсню. Какъ бы по сигналу присоединяются къ нимъ остальные; прошло нѣсколько минутъ—и на темномъ фонѣ токовища уже забѣгали маленькія фигурки, мелькая бѣлымъ подбоемъ своихъ хвостиковъ... Тогда и дупелиныя самки, одна за другою,—первоначально опять-таки, вѣроятно, болѣе старыя и развитыя, за ними и молодыя,—выбѣгаютъ на самый токъ, гдѣ состязаются между собою ихъ кавалеры, и быстро вмѣшиваются въ ряды дерущихся. При этомъ драки самцовъ въ большинствѣ случаевъ прекращаются. Большинство токовищковъ оставляютъ своихъ противниковъ и, только распустивъ хвостъ, какъ павлинь, и принимая самыя разнообразныя позы, расхаживаютъ передъ выбѣжавшими самками, но и это удается видѣть очень рѣдко. Вѣроятно, такое ослабленіе дракъ происходитъ ненадолго, такъ какъ потомъ токъ продолжается до разсвѣта, какъ и прежде, съ тою только разницею, что съ каждою минутою, если можно такъ выразиться, онъ становится все слабѣе и слабѣе.

...Вотъ и разсвѣтъ. Еще солнце не появилось надъ горизонтомъ, но ореоль его лучей уже охватилъ половину небосклона и причудливо окрасилъ утреннія облака, рядами, точно грядки, лежащія на востокѣ. И взбираясь все выше и выше, золотыя лучи, теряясь и разсыпаясь по облакамъ, дѣлаются все блѣднѣе и блѣднѣе, и тамъ уже только золотая оторочка на облакѣ, тамъ свѣтлое пятно, тамъ, наконецъ, цѣлая масса фіолетоваго цвѣта, переходящая постепенно въ сѣрый цвѣтъ запада. Точно гигантскіи занавѣсъ стаскиваютъ со сцены и одна

часть ея уже освѣщена, а другая по-прежнему темна и однообразна... Уже окрасился въ золото далекій лѣсъ на пригоркѣ, побѣжали длинныя синеватыя тѣни... Токъ кончился. Одинъ за другимъ улетѣли съ него самцы, вслѣдъ за красавицами, и теперь дневной свѣтъ застанеть ихъ уже парами вдаль отъ токовища, гдѣ они и пробудутъ до вечера, чтобы тогда опять начать свою игру.

Таковъ общій видъ дупелинаго тока въ самый разгаръ его, т.-е. въ половинѣ мая для центральныхъ губерній Евр. Россіи. Такимъ образомъ сходство съ тетеревиными токами очевидно и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Разница заключается только въ нѣкоторой большей правильности, относящейся къ смѣнѣ періодовъ пѣсни и драки, но это — частность, частность не безынтересная, но и не важная. Далѣе разница заключается въ томъ, что днемъ дупеля держатся далеко отъ токовъ; такимъ образомъ, если въ окрестности нѣсколько токовищъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что на нихъ собираются бойцы случайно, смотря по тому, къ какому изъ токовищъ они болѣе приблизились днемъ. То же надо сказать и о самкахъ, но, конечно, я выставляю это какъ предположеніе, которому, вѣроятно, и суждено оставаться предположеніемъ, т. к. прослѣдить его на фактахъ почти невозможно. Вѣроятность же его обуславливается во 1) тѣмъ, что дупелиныя токовища часто не слишкомъ удалены другъ отъ друга, а во 2) трудно предположить, чтобы на каждое токовище собирались только извѣстныя особи, т. к. особи эти совершенно чужды другъ другу, вслѣдствіе того, что зимнія стаи разбиваются уже съ прилетомъ на южныя окраины Россіи.

Драки дупелей представляютъ собою то же, что драки косачей, и, судя по всему, ожесточеніе дерущихся птицъ бываетъ весьма велико, такъ какъ на дупелиныхъ токахъ нерѣдко приходится находить въ большомъ количествѣ выщипанныя перья. При слабости дупелинаго клюва, о серьезныхъ ранахъ, конечно, не можетъ быть рѣчи, но рядъ наблюденій доказываетъ, что токующіе дупеля увлекаются до огромныхъ размѣровъ. Такъ, напр., г. Лоренцъ говоритъ, что онъ сѣлся на кочку среди большого токовища, чтобы наблюдать токъ, и это нѣсколько не мѣшало дупелямъ токовать совсѣмъ рядомъ съ нимъ. Другіе рассказываютъ, что, притаившись въ травѣ около тока и оставаясь по возможности спокойнымъ, можно осторожнымъ движеніемъ отталкивать приближающихся дупелей руками и они даже на это не обращаютъ никакого вниманія. Наконецъ, всѣмъ извѣстный фактъ, какъ мало вниманія обращаютъ токующіе дупеля на выстрѣлъ, въ свою очередь служитъ подтвержденіемъ того взгляда, по которому токованіе дупелей принимается очень заркимъ.

Что касается собственно самокъ, то, какъ было сказано выше, черезъ нѣсколько дней послѣ начала токовъ онѣ прилетаютъ на нихъ и понимаются съ самцами, что повторяется въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что врядъ ли это всегда происходитъ на самомъ току. Судя по дневному образу жизни дупелей въ

это время, весьма вѣроятно, что самцы понимаются съ самками въ нѣкоторомъ разстояніи отъ тока, можетъ быть даже и очень дальнемъ, хотя нѣкоторые промышленники положительно утверждаютъ, что они наблюдали самый актъ на окраинѣ токовища. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ только одно, что самокъ гораздо меньше самцовъ, по крайней мѣрѣ въ средней полосѣ. Не говоря уже о томъ, что самки, какъ насиживающія яйца и заботящіяся о дѣтяхъ, во всякомъ случаѣ имѣютъ гораздо больше шансовъ попасть на зубы къ какому-нибудь хищнику, чѣмъ самцы, нельзя не замѣтить, что чуть ли не большинство ихъ гибнетъ отъ стрѣльбы на токахъ. При ловлѣ сѣтями, силками—другое дѣло: тамъ бѣгающіе и дерущіеся самцы имѣютъ гораздо болѣе шансовъ попасть и запутаться въ снасти, чѣмъ болѣе тихія самки; но при стрѣльбѣ, именно потому, что онѣ тихи, т.-е. потому, что болѣе шансовъ попасть въ нихъ, онѣ и выбираются промышленниками. Къ тому же онѣ жирнѣе.

Съ разсвѣтомъ, какъ сказано, дупеля одинъ за другимъ покидаютъ токъ и отдаляются отъ него иногда на весьма значительное разстояніе. Можно даже сказать, что такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, и около, недалеко отъ тока, остается только самое незначительное число особей. Судя по тому, что эти особи обыкновенно одиночныя, а не парныя, можно предположить, что это молодые самцы, на долю которыхъ не выпало спариванье съ самкой. Къ тому же молодые токуютъ долѣе старыхъ и весьма вѣроятно, что они лежатъ недалеко отъ токовища только въ виду того, что наступившій день не далъ имъ времени уйти дальше, т. к. днемъ дупеля въ такихъ случаяхъ перемѣщаются неохотно.

Какъ бы то ни было, самка, выбравши самца, удаляется вмѣстѣ съ нимъ съ тока. Какъ долго не расходятся пары, сказать трудно. Днемъ ихъ можно находить съ собакой, но слѣдуетъ замѣтить, что во всякомъ случаѣ онѣ забираются въ крѣпь и всегда вдали отъ токовъ. Вѣроятно, такія пары держатся вмѣстѣ до вечера, когда самцы опять приближаются къ токамъ, а самки остаются однѣ и можетъ, быть, уходить къ гнѣздамъ. Но что касается времени кладки яицъ, я окончательно не могу точно опредѣлить его.

Дѣло въ томъ, что на тока самки прилетаютъ довольно рано, иногда еще задолго до разсвѣта. Такимъ образомъ, остается предположить, что яйца откладываются около полуночи, но съ этимъ весьма трудно согласиться, и пока не будетъ сдѣлано прямыхъ наблюденій, лично я думаю, что дупель кладетъ яйца черезъ день.

Такъ или иначе, а въ половинѣ мая самки начинаютъ класть яйца и вмѣстѣ съ окончаніемъ кладки перестаютъ посѣщать тока. Такимъ образомъ, нормально появленіе самокъ на токахъ прекращается около 20-го мая. Въ то же время и болѣе сильныя, т.-е. болѣе старыя, самцы начинаютъ удаляться отъ токовъ и токовать продолжаютъ только молодые, которыхъ игра затягивается иногда далеко въ іюнь. Самки же въ это время почти не сходятъ съ гнѣздъ, и если какая

изъ нихъ появится на току, — то только та, которая потеряла яйца первой кладки. Да и то бываетъ рѣдко: вторичная кладка у дупелей—явленіе далеко не обыкновенное.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ мая замѣчается и сильная убыль дупелей. Самцы забились въ крѣпъ, самки заняты высидиваніемъ, осталась одна молодь, годовалки, но и тѣ скоро уйдутъ поправляться послѣ своихъ любовныхъ походовъ, и дупелей какъ не бывало.

Нельзя не замѣтить, однако, громадной разницы во вліяніи токовъ на самцовъ и самокъ. Въ то время какъ первые во время токованія истощаются ужаснымъ образомъ, вторыя отличаются особою полнотою, сытостью. Это явленіе, общее для всѣхъ полигамическихъ птицъ, само собою понятно и не требуетъ объясненія. Но проходитъ недѣля, другая,—и помы сравниваются. Самки худѣютъ во время насидиванія до того, что не уступаютъ въ худобѣ самцамъ, послѣдніе забились на линьку въ крѣпъ,—этимъ и оканчивается весенній періодъ жизни дупелей: для самцовъ съ окончаніемъ токовъ, для самокъ — съ выводомъ молодыхъ.

II.

Весенняя охота.

Такимъ образомъ, мы познакомились съ весеннимъ образомъ жизни дупеля и, чтобы закончить эту главу, мнѣ остается только описать всѣ извѣстные способы весенней охоты за дупелями. Впрочемъ, въ этомъ отдѣлѣ я ограничусь описаніемъ только промысловой охоты за дупелями, потому что егерская, хотя и производится весной, носитъ, однако, скорѣе случайный характеръ, и потому правильнѣе отнести ее въ главу о лѣтнемъ образѣ жизни дупеля.

Самая распространенная, самая истребительная охота—охота на токахъ вообще, т.-е. безразлично, будетъ ли это стрѣльба, ловля сѣтями, силъями или поножами. Строго говоря, это даже не охота,—это промыселъ, грубый, первобытный способъ ловли дичи, одинъ изъ тѣхъ способовъ, которые какъ бы исключительно направлены на истребленіе дичи,—промыселъ, сильно распространенный во всей средней полосѣ Россіи. Вѣроятно, большая часть дупелей добывается на токахъ, а сколько уходитъ подранковъ, изуродованной дичи, сколько пропадаетъ ея безъ пользы для человѣка, попадаетъ въ когти хищниковъ,—объ этомъ нечего и говорить.

Охота на токахъ начинается весной не ранѣе десятыхъ чиселъ мая, т.-е. когда тока начались уже нѣсколько дней и разгоряченныя птицы, совершенно предавшись половому стремленію, ничего передъ собою не видятъ, не слышатъ, и токують почти безъ перерыва съ заката солнца до его восхода.

Въ это время во многихъ губерніяхъ, напримѣръ, Ярославской, Костромской, Вологодской и др., дупелей уничтожаютъ въ громадномъ количествѣ. Промышленники обыкновенно еще до начала токовъ

знаютъ, гдѣ они будутъ происходить, и если ошибутся, то только незначительно. Этому помогаетъ обыкновеніе птицы каждагодно собираться на однихъ и тѣхъ же токовищахъ, упорное предпочтеніе, отдаваемое одному мѣсту, несмотря на сильное преслѣдованіе, и, наконецъ, со стороны промышленника—знаніе мѣстныхъ условій. Въ области Шексны, напримѣръ, по словамъ Арсеньева, дупеля токують на гривахъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть росчисти, не затопленные водою.

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, что вообще относится до всѣхъ прирѣчныхъ мѣстностей, иногда весьма удобно удастся высмотрѣть токовище съ лодки. Въ противномъ случаѣ, если это и не удастся, токовище легко найтти по тѣмъ признакамъ, которыми оно характеризуется: сильно помятая некое, валяющіяся перья,—все это безошибочно указываетъ на мѣсто дупелинаго тока и ошибиться очень трудно. Наконецъ, просто можно выслушать токъ на вечерней зарѣ. Какъ бы то ни было, узнавъ мѣсто токовища, охотникъ прежде всего заботится найтти себѣ поблизости какое-нибудь прикрытіе.

Мѣсто дупелинаго тока вообще таково, что прикрытіе найтти не трудно, и потому для постановки сѣти всякое токовище болѣе или менѣе удобно и, во всякомъ случаѣ, пригодно. То же надо сказать и о стрѣльбѣ на токахъ, но объ этомъ дальше.—Удобнѣе всего выбирать такой токъ, который лежитъ на полянѣ среди кустарниковъ или среди высокой прошлогодней некоси, которой стебли торчатъ высоко и, перепутываясь между собою, представляютъ обыкновенно совершенно надежное убѣжище. Въ такомъ случаѣ, спрятавшись за кусты или въ некоси, даже не совѣмъ, промышленникъ на своемъ мѣстѣ. Только на очень открытыхъ токахъ приходится прибѣгать къ искусственному скрытію своей фигуры и по необходимости надо устраивать шалашъ или, вѣрнѣе, подобіе шалаша. Дѣло въ томъ, что ночная охота далеко не требуетъ искусной отдѣлки шалаша. Достаточно забрать его такъ, какъ забирается шалашъ при стрѣльбѣ на току косацей: чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше, тѣмъ больше будетъ онъ походить на окружающую его обстановку, тѣмъ меньше вниманія будутъ обращать на него птицы. Такимъ образомъ, устроить шалашъ дѣло не хитрое, не надо только слишкомъ мудрить, и брать тотъ матеріаль, который будетъ подъ руками: кусты—такъ хворостъ; некое, камышь, тростникъ—брать ихъ и совершенно довольно. Дупель—не тетеревъ. Онъ токуеть съ такимъ азартомъ, такъ мало обращаетъ вниманія на окружающее, что убить его далеко не мудрено. Можно только посоветовать дѣлать шалашъ какъ можно ниже: если придется лежать,—что же дѣлать,—подостлать что-нибудь подъ себя и дѣло съ концомъ. Низкій шалашъ, менѣе обращая на себя вниманіе, особенно удобенъ на открытомъ токѣ и исключительно при долгѣ сѣтью. Если приходится стрѣлять, нечего и говорить, что низкій шалашъ никуда не годится. Да въ такомъ случаѣ лучше и совѣмъ его не дѣлать, а найтти токъ, окруженный кустиками,—конечно, если позволятъ мѣстныя усло-

вія. Какъ бы то ни было, шалашъ при охотѣ на дупелиныхъ токахъ — совершенно второстепенная вещь и никакъ не составляетъ главнаго условія добычливой охоты.

Гораздо важнѣе второе условіе: заблаговременно придти на токъ. Хотя дупель и лежитъ очень крѣпко и надо подойти очень близко, чтобы заставить его взлетѣть, но если, подходя къ току, распутаешь нѣсколько дупелей, дѣло далеко не пріятное: токъ, конечно, состоится, но начнется позднѣе. Такимъ образомъ, слѣдуетъ приходиться на мѣсто за нѣсколько времени до заката солнца, когда дупеля еще только подвигаются къ токовищу и лежатъ отъ него въ нѣкоторомъ отдаленіи. Надо замѣтить, однако, что на основаніи сказаннаго никакъ не слѣдуетъ предполагать, что дупель приближается къ токовищу медленно. Скорѣе наоборотъ: перебѣгая или перелетая, онъ добирается до токовища въ небольшой промежутокъ времени, иногда съ довольно большаго разстоянія.

Вотъ все, что можно было сказать о приготовленіи къ охотѣ на дупелиномъ токѣ. Переходимъ теперъ къ снастямъ.

Весьма распространенный способъ ловли составляетъ — крытіе дупелей сѣтью.

Послѣдняя вяжется изъ крѣпкихъ, но по возможности тонкихъ нитокъ, съ довольно большими ячеями, но бываетъ различной величины. Именно, величина сѣти стоитъ въ зависимости отъ величины токовища, и потому на большомъ токовищѣ можно употреблять и большую сѣть, хотя, конечно, она никакъ не должна превышать извѣстныхъ размѣровъ, потому что съ слишкомъ большою сѣтью много возни, не скоро ее уставишь, а это имѣетъ громадное неудобство при томъ условіи, что въ ночь сѣть падаетъ нѣсколько разъ. Обыкновенно величину ея соображаютъ такъ, чтобы она прикрыла пространство нѣсколько большее, чѣмъ центръ тока, гдѣ происходятъ наиболѣе ожесточенныя схватки и гдѣ собирается наибольшее число дупелей. Такой-то центръ, такое-то мѣсто и носитъ обыкновенно на себѣ всѣ слѣды дупелиныхъ любовныхъ походовъ.

Запасшись такою сѣтью, охотникъ приходитъ на токовище еще до заката солнца, настороживаетъ сѣть и забирается въ шалашъ, если таковой есть, или въ некое, гдѣ погуще, наконецъ просто за кустъ, и держитъ въ рукахъ веревку отъ сѣти. Какъ скоро солнце зайдетъ, дупеля выбѣгутъ на токовище, охотникъ или, вѣрнѣе, промышленникъ ждетъ, пока ихъ наберется побольше, и когда по его расчету птицъ довольно, дергаетъ за веревку, сѣть падаетъ и покрываетъ большую часть дупелей, бывшихъ подъ нею. Обыкновенно ихъ тутъ же прикалываютъ, сѣть снова настороживаютъ и такъ до разсвѣта, потому что дупеля не обращаютъ большого вниманія на паденіе сѣти и, какъ только все утихнетъ, всѣ уцѣлѣвшіе опять выбѣгаютъ на токъ. Такимъ образомъ въ ночь удается добыть паръ десять, иногда больше.

Но какъ ни зарки дупеля, а такое уменьшеніе ихъ числа, а тѣмъ болѣе многократное паденіе сѣти въ теченіе ночи, мѣшающее ихъ

токованію, отваживають ихъ, наконецъ, отъ облюбованнаго токовища; особенно если покроютъ сѣтью самокъ, т.-е. если охота производится въ самый разгаръ тока. Поэтому, въ видахъ собственной выгоды, промышленникъ обыкновенно устраиваетъ дѣло такимъ образомъ, что замѣчаетъ нѣсколько токовищъ и одну ночь кроетъ на одномъ, другую на другомъ и возвращается на первое, когда обойдетъ всѣ остальные. При такомъ практичномъ, хотя и до крайности истребительномъ способѣ охоты дупеля не скоро покидаютъ токовища и обыкновенно проходятъ нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ они совершенно отвѣются собираться на извѣстныхъ мѣстахъ.

Особенно истребительна такая охота въ тѣхъ случаяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. Гладковъ, когда она производится „на обливныхъ островахъ, особенно, если вода велика. Дупеля не разбиваются тогда на множество токовъ, по недостатку мѣстъ, и сборища ихъ бываютъ очень многочисленны: промышленникъ же переберетъ ихъ всѣхъ, или почти всѣхъ. Такимъ образомъ случается, что одинъ охотникъ налавливаетъ въ одну весну паръ до 600 дупелей и болѣе“.

Слѣдующій способъ добыванія дупелей—ловля сильями и поножами. Послѣднія снасти употребляются въ Костромской, Оренбургской губ. и многихъ мѣстностяхъ Юго-Западнаго края. Описывать силья нечего, какъ всѣмъ извѣстны. Что же касается поножь, то это тѣ же силья, только вплетенные въ длинную тонкую веревку на разстояніи полуаршина другъ отъ друга,—веревку, которая привязывается къ нѣсколькимъ колышкамъ, въ свою очередь плотно вбитымъ въ землю на тѣхъ мѣстахъ тока, гдѣ ихъ нужно разставить. Обыкновенно, едва только одинъ дупель попадетъ въ силюкъ и станетъ биться, другіе, какъ замѣтилъ это еще С. Т. Аксаковъ, бросаются его бить и въ свою очередь попадаютъ въ силья. Но это уже дичь давленная, теряющая часть своей стоимости.

Наконецъ, на токахъ стрѣляютъ дупелей, что хоть немного походитъ на настоящую охоту, но эта стрѣльба, хотя недобычлива, до крайности вредна по своимъ послѣдствіямъ. Дѣло въ томъ, что стрѣляя дробью въ кучу, всегда пропасть переранишь, а убьешь далеко не многихъ. Раненые же обыкновенно уходятъ отъ тока очень далеко, забіраются въ глушь и, хотя спасаются отъ рукъ охотника, но все-таки гибнутъ или отъ тяжелой раны, или, если этого нѣтъ, отъ разныхъ хищниковъ.

Стрѣльба на току производится такимъ образомъ.—Вмѣстѣ съ заходомъ солнца или немного ранѣе, охотникъ приходитъ на токовище и выбираетъ такое мѣсто, откуда удобно стрѣлять и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ совершенно скрытъ отъ дупелей. Такъ какъ охота производится ночью,—понятно, что убѣжище выбрать не трудно: кустъ или кустикъ, наконецъ искусственно натыканныя вѣтки,—этого совершенно достаточно, чтобы дупеля не замѣтили охотника. При этомъ надо соблюдать только одно условіе, и то до начала тока,—это оставаться спокойнымъ и не шевелиться до тѣхъ поръ, пока дупеля растокуются

какъ слѣдуетъ. Конечно, разстояніе мѣста засады отъ центра тока не должно превышать того разстоянія, на которомъ хорошо бьетъ ружье половиннымъ зарядомъ. Въ противномъ случаѣ большинство дупелей будетъ только ранено и достанется кому-нибудь, только не охотнику. Можно засаживаться на дупелиныхъ токахъ и въ шалаши, но такая роскошь совершенно излишня. Отъ дождя беречься нечего, въ это время онъ бываетъ рѣдко, а что касается удобства при стрѣльбѣ, то само собою ясно, что чѣмъ меньше охотникъ стѣсненъ въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ меньше кругомъ разнаго хвороста да палокъ, тѣмъ лучше.—Итакъ, на заходѣ солнца охотникъ уже притаился около токовища и ждетъ начала тока. Въстѣ съ вечернею зарей начинаютъ слетать на токъ дупеля, сначала токують вяло, безъ увлеченія, но проходитъ полчаса, много часъ, и токъ принимаетъ самые обширные размѣры. Въ это время и должна начинаться стрѣльба. Ночью, конечно, стрѣлять неудобно, но въ это время, какъ говорится, заря сходится съ зарею и слабый свѣтъ не прекращается во всю ночь. Поэтому, какъ ни неудобны ночныя охоты вообще, но стрѣльба дупелей на току все-таки, говоря относительно, одна изъ легчайшихъ. Дѣло въ томъ, что при слабомъ свѣтѣ хотя и не разберешь какъ слѣдуетъ дупелей, но во всякомъ случаѣ видишь ихъ бѣлыя подхвостья и, такимъ образомъ, цѣль есть. Конечно, при свѣтѣ даже майской ночи цѣлика на ружье почти никогда не видишь, но если охотникъ привыкъ къ ружью, привыкъ стрѣлять въ накидку,—это неудобство отчасти устраняется. Да вся и заманчивость охоты на дупелиныхъ токахъ состоитъ въ томъ, что безъ ловкости и проворства всегда останешься съ пустыми руками. Съ другой стороны, острое зрѣніе тоже необходимо. Безъ этихъ качествъ лучше не ходить на токъ: можно поручиться, что если и убьешь, то развѣ такъ: „дуромъ“, какъ говорятъ охотники.—Сказать кстати, что иногда стрѣляющіе на дупелиномъ токѣ охотники берутъ пищикъ, на который и подкликають самцовъ, но это полезно только послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, когда дупеля распутаны, и, вообще говоря, безъ этого обойтись можно.

Что касается числа выстрѣловъ, которое можетъ быть сдѣлано на току, то оно весьма различно и зависитъ отъ столь многочисленныхъ и столь разнообразныхъ причинъ, что предусмотрѣть ихъ всѣ нѣтъ возможности. Количество птицъ, время, большая или меньшая осторожность дупелей—все это оказываетъ громадное вліяніе на охоту на токахъ. Вообще токующей дупель обращаетъ мало вниманія на выстрѣлъ. Правда, сейчасъ же послѣ выстрѣла токованіе обыкновенно прекращается, но зато въ скоромъ времени всѣ уцѣлѣвшіе и нераненые дупеля слетаются опять на токъ и такъ до новаго выстрѣла. Поэтому весьма вѣроятно, что у дупеля нѣтъ т. наз. „заводатая“, токовица, какъ это мы видимъ у косача. У дупелей начинаютъ токовать, по всей вѣроятности, старые самцы, но трудно допустить, чтобы исключительно одному изъ нихъ была присвоена честь открывать токъ, и потому-то дупелиные тока гораздо прочнѣе тетеревиныхъ: на

последних со смертію токовика токъ разстраивается,—у дупеля этого нѣтъ. Дупелиный токъ разстраивается только отъ чрезмѣрнаго уничтоженія всѣхъ участниковъ тока, главнымъ образомъ отъ уничтоженія самокъ. Отсюда само собою понятно, что наиболѣе гибельна для дупелей стрѣльба на токахъ съ десятихъ по двадцатя числа мая: въ это время на токъ прилетаютъ самки, прилетаетъ наибольшее количество самцовъ, — какъ нарочно, все такія условія, которыя особенно влекутъ промышленника и служатъ причиною гибели птицъ. Къ тому же, что ни говори, а эта охота очень заманчива. Въ результатѣ всегда оказывается небольшое количество убитыхъ птицъ и потому является какое-то своего рода состязаніе, въ которомъ охотникъ всѣ силы употребляетъ на то, чтобы добыть дупеля.

Баронъ Нольде говоритъ, что стрѣльба на токахъ невозможна, по причинѣ, будто бы, темноты. Это сущій вздоръ. Положимъ, могутъ выдаться такія ночи, что и передъ носомъ ничего не увидишь, но обычная майская ночь съ ея сѣровато-голубымъ небомъ, теплымъ, чистымъ воздухомъ, дѣлаетъ охоту положительно возможною.—Еще одно изъ правилъ, которыя слѣдуетъ наблюдать при стрѣльбѣ на токахъ, — не выходить изъ засады до конца стрѣльбы: испуганные выстрѣлами, дупеля далеко не улетаютъ. Обыкновенно они запрятываются тутъ же около токовища, и потому всегда слѣдуетъ переждать время переполоха, произведеннаго между влюбленными самцами выстрѣломъ, и подбирать убитыхъ только съ разсвѣтомъ, когда токъ кончится.

Такимъ образомъ, легко видѣть, что стрѣльба на току все-таки далеко не такъ добычлива, какъ это кажется съ перваго раза. Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ сказано, большинство птицъ только ранено, подстрѣлено. Слѣдовательно, всѣ подранки, которые только имѣютъ силу, уйдутъ далеко отъ тока и, положимъ, упадутъ, но уже совершенно непроезжимо, такъ что въ концѣ-концовъ добытыхъ-то далеко не много. Недобычливость этой стрѣльбы тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что стрѣлять въ большинствѣ случаевъ приходится въ кучу, въ нѣсколько штукъ. Но неровный свѣтъ, незначительная величина предмета, быстрая смѣна положенія и мѣста, занятаго птицею, — все это ведетъ къ безчисленнымъ промахамъ. Однако напрасно бы стали говорить защитники весенней стрѣльбы на токахъ, что при множествѣ промаховъ, при невѣрности выстрѣловъ вообще стрѣльба эта не истребительна. Это не тетеревиный токъ. Если на последнемъ тетерки попадаютъ какъ исключеніе, на дупелиномъ токъ наблюдается совершенно обратное: съ полуночи на токахъ множество самокъ и весьма вѣроятно, что онѣ прибѣгаютъ и раньше. Такимъ образомъ, часа за два до разсвѣта, когда въ токъ принимаютъ участіе оба пола, происходитъ самая добычливая стрѣльба. Сколько же гибнетъ при этомъ самокъ, сколько гибнетъ яицъ отъ убитой насѣдки?

Чтобы покончить съ дупелиною охотою на токахъ, мнѣ остается сказать немногое. Въ видахъ пользы самого охотника, не слѣдуетъ

стрѣлять двѣ ночи подрядъ на одномъ и томъ же току: лучше знать нѣсколько и обходить ихъ поочереди, описывая кругъ. Кромѣ того, имѣя въ виду, что много дупелей уходятъ ранеными, слѣдуетъ утромъ обходить окрестности тока съ собакою, чтобы подобрать такихъ подранковъ, а то все равно пропадутъ, и пропадутъ совершенно непроизводительно.

Вотъ всѣ извѣстные способы весеней охоты за дупелями. Правда, еще ходятъ за ними съ собакою, но, какъ выше сказано, объ этомъ поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

Такимъ образомъ, говоря по правдѣ, нельзя не сознаться, что всѣхъ этихъ способовъ охоты не слѣдовало описывать. Всѣ они исключительно промысловые и страшно истребительны. Но главный недостатокъ ихъ состоитъ въ томъ, что значительная, если не большая, часть ловимой такимъ образомъ дичи теряется совершенно попустому. При ловлѣ силами много гибнетъ отъ хищниковъ, при стрѣльбѣ уходитъ много подранковъ, только крытіе сѣтью даетъ промышленнику всю добычу, но зато, какъ охота, продолжающаяся во всю ночь, она уничтожаетъ множество самокъ.

ЛѢТО и ОСЕНЬ.

I.

Лѣтній и осенній образъ жизни дупеля.—Выводъ молодыхъ.—Линька.—
Лѣтніе перелеты.—Отлетъ.

Въ половинѣ мая, иногда позднѣе, но вообще въ то время, когда подрастетъ болотная трава и прикроетъ зеленью желтую прошлогоднюю некое, дупелиныя самки садятся на гнѣзда. Какъ и у всѣхъ полигамовъ, гнѣздо дупеля никогда не бываетъ очень удалено отъ тока; обыкновенно, если токовище расположено въ болотной крѣпи, если оно мало тревожимо человекомъ, самка устраиваетъ гнѣздо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ тока, т. к. послѣдній помѣщается въ такомъ случаѣ на довольно открытомъ, хотя и безопасномъ мѣстѣ; если же токовище разбито и дупеля токують вразбродъ, гдѣ пришлось, что бываетъ невдалекѣ отъ городовъ, говорить о положеніи гнѣзда относительно токовища вовсе не приходится, т. к. послѣдняго не существуетъ. При такихъ условіяхъ дупеля токують иногда по двое, по трое, собираясь на кочкахъ; легко можетъ статься, что иногда совѣмъ вблизи гнѣзда, но это не болѣе какъ случайность. Какъ бы то ни было, гнѣздо дупеля всегда скрыто, всегда въ крѣпи.

Понятно, что чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ раньше прилетаютъ дупеля на родину и тѣмъ раньше садятся они на гнѣзда. Въ юго-западныхъ губерніяхъ, по свидѣтельству С. Ф. Д—вича, дупелята вы-

водятся обыкновенно въ половинѣ мая или въ концѣ этого мѣсяца, слѣдовательно дней на десять раньше, чѣмъ въ средней полосѣ, другими словами устройство гнѣзда и кладка яицъ совершается на столько же дней раньше. Но и тамъ, въ видѣ исключенія, случается находить дупелятъ гораздо позднѣе, въ теченіе іюня.— Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что выводъ дупелятъ находится въ полной зависимости отъ состоянія весенней температуры. При дружной, теплой веснѣ, когда снѣгъ стаиваетъ скоро и потомъ уже не наступаетъ ненастья, дупелята конечно выводятся и раньше, и дружнѣе. Въ противномъ же случаѣ, т. е. при веснѣ сырой и холодной, выводъ дупелятъ уже не бываетъ такъ друженъ и большинство птицъ гибнетъ отъ холода. Такимъ образомъ, выпаденіе весною дождей, внезапное наступленіе холодовъ—все это обыкновенно оказываетъ громадное вліяніе на большую или меньшую численность дупелей лѣтомъ. Особенно это замѣтно на сѣверѣ, на крайнемъ предѣлѣ распространенія дупеля, гдѣ онъ населяетъ прибрежные морскіе острова. „Въ иной годъ,— говоритъ г. Михайловъ,— съ наступленіемъ ранней теплой весны, большой прилетъ дупелей обѣщаетъ, повидимому, на осень отличную охоту; но вотъ подходитъ эта желанная пора, а птицы нѣтъ, какъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что дупель и бекасъ, по прилетѣ весною, тысячами разсыпавшись для прилота по низменнымъ приморскимъ островамъ Архангельскаго уѣзда, вскорѣ затѣмъ встрѣчаютъ здѣсь такія неблагоприятныя для себя условія, отъ которыхъ за одинъ день погибаетъ все пмѣющее народиться отъ нихъ новое поколѣніе. Сильные холода, продолжающіеся по нѣскольку дней кряду, убиваютъ насыщенные уже яйца, а сильные сѣверные вѣтры, высоко поднимающіе воду, дѣйствуютъ еще губельнѣе. Затопить тогда низменные острова, на которыхъ гнѣздятся обыкновенно дупель и бекасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и ихъ гнѣзда, и случится ли это въ пору выпариванія, или въ то время, когда народилось новое поколѣніе, гибель его неизбѣжна: дупель и бекасъ, еще не оперившіеся, тонуть въ такомъ случаѣ неизнуемо. Мнѣ не разъ случалось весною охотиться на взморьѣ, по низменнымъ, понимаемымъ водою, островамъ. Неумолкаемый крикъ тысячей дупелей и бекасовъ несется, бывало, по зарямъ изъ густыхъ пняковъ и ольшанниковъ, которыми порастаютъ такіе острова. Тысячи эти, казалось, должны бы упятериться къ лѣту, но вотъ поднимается вѣтеръ съ моря, и къ вечеру, смотришь, застигнутая наводненіемъ птица уже оставляетъ островъ, сбившись въ большія стаи. Высоко поднимаются онѣ надъ нимъ, покидая свои затонувшія гнѣзда, и, покружившись, улетаютъ“. — И не на одномъ только сѣверѣ случается такое уничтоженіе птицы. Даже въ нашихъ среднихъ и западныхъ губерніяхъ нерѣдко приходится находить гнѣзда дупелей съ брошенными яйцами: разлившаяся вода или сильные холода согнали самку съ гнѣзда, и молодежь гибнетъ. Но вообще можно сказать, что при нормальной веснѣ большинство дупелятъ выводятся въ средней полосѣ въ первыхъ числахъ іюня и кромѣ того выводъ

совершается довольно дружно. Это зависит от того, что у дупелей не много таких причинъ, которыя могли бы произвести гибель яицъ только у нѣсколькихъ самокъ. Въ большинствѣ случаевъ существуютъ причины, влияющія сразу на всѣхъ дупелей известной мѣстности, такъ что опоздаетъ или не опоздаетъ время вывода молодыхъ, но оно всегда болѣе или менѣе одинаково для всѣхъ. И потому встрѣтить дупелей поздняго вывода при нормальной весенней температурѣ, т.-е. когда дупелята выводятся въ определенное выше время, случается весьма рѣдко, хотя, несмотря на рѣдкость такихъ случаевъ, отклоненія отъ нормального времени вывода бываютъ иногда весьма значительныя, такъ что случается находить дупелятъ въ концѣ юня и даже позднѣе. Въ этомъ случаѣ очевидно, что самка потеряла яйца первой кладки и снесла вторыя, что весьма возможно при той продолжительности, которая выпадаетъ на долю дупелиныхъ токовъ. Однако надо замѣтить, что въ этомъ случаѣ оплодотвореніе вѣроятно совершается молодыми самцами. Какъ было сказано выше, старые должны улетать съ токовъ раньше, слѣдовательно, запоздавшія самки уже не могутъ спариваться съ ними, и по необходимости должны отдаваться болѣе молодымъ. На это указываетъ и то обстоятельство, что въ такихъ позднихъ выводахъ рѣдко удается найти даже трехъ дупелятъ,—чаще ихъ бываетъ два; а что касается нормального числа—четырехъ, нечего и говорить: въ позднемъ выводкѣ, сколько я знаю, четырехъ дупелятъ никогда не находили.

Такимъ образомъ, относительная безопасность дупелиныхъ яицъ, безопасность, обуславливаемая мѣстомъ гнѣздовья, — имѣетъ себѣ сильнаго противника въ температурѣ, въ общемъ ходѣ весны. Всѣ рѣзкія измѣненія температуры, внезапное паденіе дождя—все оказываетъ на дупелей самое гибельное влияніе и, въ связи съ весеннею охотою, иногда приводитъ къ тому, что мѣстность, изобиловавшая дупелями, бѣдитъ вдругъ, въ какия-нибудь два-три года. Къ неблагопріятнымъ условіямъ, мѣшающимъ выводу молодыхъ, должно присоединиться также обыкновеніе поздно заказывать луга. Въ такомъ случаѣ, при ранней дружной веснѣ, когда дупелиные тока начнутся рано и самки будутъ рано оплодотворены, имъ положительно иногда негдѣ сѣсть на яйца. Скотъ вытаптываетъ прошлогоднюю ветошь, объѣдая стебли молодой травки, собаки, мальчишки уничтожаютъ всѣ яйца, разорятъ всѣ гнѣзда, которыя только найдутъ общими силами, и если въ окрестностяхъ нѣтъ подходящаго болота, т.-е. болота кочковатаго, поросшаго кустарникомъ, дупелямъ некуда дѣваться и только самая незначительная часть ихъ можетъ вывести дѣтей. Слѣдовательно, въ долинахъ рѣкъ, гдѣ дупеля токують по гривамъ, островамъ и т. п., и гдѣ самки по необходимости, будучи принуждены гнѣздиться не-вдалекѣ отъ токовъ, должны гнѣздиться въ поемномъ лугу, къ неблагопріятнымъ природнымъ условіямъ присоединяется еще человѣкъ. Правда, въ мѣстностяхъ болотныхъ, гдѣ дупелиные тока, а слѣдовательно и гнѣзда, устраиваются [въ крѣпи, влияніе человѣка уничто-

жается, зато во многихъ мѣстахъ оно влечетъ за собою самыя гибельныя послѣдствія. Оттого и уничтожились безвозвратно дупеля въ большинствѣ мѣстностей нашей средней полосы, что встрѣтили самага ожесточеннаго врага въ лицѣ человѣка. Страшное уничтоженіе самоцвѣ и самокъ на токахъ, гибель гнѣздъ, наконецъ всегдашнее повсемѣстное преслѣдованіе, можно ли при такихъ условіяхъ оставаться птицѣ на ея первоначальномъ мѣстѣ гнѣздовья? Борьба ея была не подъ силу и она по необходимости должна была выселиться изъ своихъ родныхъ мѣстъ.

Итакъ, дупель устраниваетъ свое гнѣздо невдалекѣ отъ тока, и такъ какъ послѣдніе бывають въ различныхъ мѣстахъ, слѣдовательно и гнѣздо дупеля помѣщается иногда въ болѣе уединенномъ, иногда въ болѣе открытомъ. Вообще можно сказать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дупеля мало преслѣдуютъ, и гнѣздо устранивается въ болѣе открытомъ мѣстѣ; тамъ же, гдѣ съ весны дупеля сильно уничтожаются, и гдѣ такимъ образомъ тока передвинулись въ глубь болота или даже совсѣмъ разстроились, тамъ и гнѣздо устранивается всегда въ болѣе укромномъ, болѣе скрытомъ мѣстѣ. Однако у самыхъ окраинъ болотъ никогда не удается найти гнѣзда. Можетъ быть это имѣетъ мѣсто по отношенію къ сѣверу, гдѣ дупеля меньше преслѣдуютъ, но относительно тѣхъ мѣстностей я не имѣю свѣдѣній.

Одно изъ главныхъ условій мѣстности, въ которой помѣщается гнѣздо,—отсутствіе большой мокроты. Влажность, сырость нужна, но нужна только до извѣстныхъ предѣловъ, и, перейдя черезъ нихъ, она уже становится для птицы гибельною. Такимъ образомъ, дупель не всегда сохраняетъ характеръ болотной птицы: въ образѣ жизни его есть черты, по которымъ онъ приближается къ своему лѣсному родичу, вальдшнепу, и принимая во вниманіе, что другой, азіатскій, видъ дупеля приближается къ вальдшнепу и по окраскѣ, и по величинѣ, весьма вѣроятно, что эти виды произошли отъ одного общаго прародителя относительно недавно. Какъ бы то ни было, повторяю, дупель во многомъ сходенъ съ вальдшнепомъ. Такимъ образомъ, для гнѣзда всегда выбирается относительно сухое пространство, обыкновенно кочка въ болотной крѣпи, поросшей кустиками и деревьями, иногда и просто сухая площадка, но во всякомъ случаѣ мѣсто возвышенное, представляющее хоть нѣкоторое убѣжище при выпаденіи дождя и повышеніи уровня воды. Слѣдовательно, уже по мѣсту дупелиное гнѣздо въ болотѣ всегда болѣе или менѣе защищено отъ человѣка; даже больше: защищено отъ хищныхъ птицъ, которымъ не высмотрѣть самку на гнѣздѣ, и только развѣ лисица или ласка схватитъ птицу съ гнѣзда и то, конечно, въ томъ случаѣ, если болото лежитъ вблизи лѣса. Но какъ бы взамѣнъ безопасности дупеля отъ обычныхъ враговъ птичьихъ гнѣздъ, чѣмъ и обуславливается одновременность вывода дупелятъ, этимъ птицамъ нерѣдко приходится страдать отъ совершенно другихъ причинъ: въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ осушка болотъ или, выражаясь точнѣе, просто высыханіе болотъ,

т. к. не вездѣ болота сохнуть исключительно отъ рукъ человѣка. Въ такомъ случаѣ уничтоженіе мѣстъ гнѣздовья прямо ведетъ за собою выселеніе дупелей изъ данной мѣстности. Особенно рѣзкіе примѣры, относящіеся къ сказанному, находимъ мы въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ. „Въ Ковенской губ.,—говоритъ Д. А. Вилинскій,—особенно въ послѣдніе года, замѣчается повсемѣстное изсяканіе воды: рѣчки и озера мелѣютъ; топкія болота стягиваются и пересыхаютъ, ключистыя родниковыя мѣста потухаютъ и отвердѣваютъ. Переработка эта всюду ощутительна и есть наглядныя доказательства того, что процессъ совершается издавна, послѣдовательно и безостановочно, т.-е. съ каждымъ годомъ почва теряетъ влагу и становится суше. Старые охотники указываютъ много совершенно пересохшихъ болотъ, на которыхъ лѣтъ двадцать тому назадъ держалась во множествѣ болотная дичь; даже на моей памяти (въ три-четыре года), такія болота, гдѣ нога уходила по колѣно въ вязкую грязь,—уснули окончательно, такъ что не только негдѣ замочить ноги, а нѣтъ даже влаги, и почва высохла и потрескалась, какъ черепокъ. Тирули съ каждымъ годомъ становятся суше: тамъ, гдѣ прежде едва могъ пробраться, да и то съ оглядкой, отчаянный охотникъ, — теперь свободно пасется рогатый скотъ.

„Явленіе это не есть послѣдствіе стараній человѣка,—онъ не осушаетъ искусственнымъ образомъ болотъ,—и, можетъ быть, со временемъ придется пожалѣть о водѣ, также какъ о лѣсѣ. Мокрое болото если не всегда даетъ хорошее сѣно, то все-таки представляетъ удобное пастбище для рогатаго скота, а разъ оно пересохло, выбьетъ его скотъ, и растительность совершенно пропадаетъ навсегда: разбитыя кочки покрываются никуда не годнымъ лишайникомъ и воцаряется на немъ полное, наводящее тоску запустѣніе...“

Понятно, что при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ уничтоженіе дичи идетъ быстрѣе, чѣмъ если бъ ее ловили вороны, лисицы и сороки вмѣстѣ.

Но, какъ бы то ни было, тамъ, гдѣ можно, въ половинѣ или въ исходѣ мая въ среднихъ губерніяхъ, нѣсколько раньше на югѣ и позднѣе на сѣверѣ, дупелиная самка садится на гнѣздо. Послѣднее не представляетъ собою ничего особеннаго: самка обыкновенно выдавливаетъ небольшую ямку, преимущественно среди пробивающейся травки, такъ чтобы, когда послѣдняя подрастетъ, ей прямо быть въ надежномъ убѣжищѣ, набрасываетъ туда стебельковъ и листочковъ, и дѣло кончено. Иногда и этого не бываетъ: птица пользуется естественнымъ углубленіемъ въ кочкѣ или на бугоркѣ, но во всякомъ случаѣ подстилку гнѣзда составляютъ стебли и листья травы. Въ такомъ гнѣздѣ дупель, благодаря своей окраскѣ, совершенно скрытъ отъ чьего бы то ни было взора и вообще найти гнѣздо очень трудно, такъ какъ самка сидитъ на яйцахъ удивительно крѣпко. Для того, чтобы согнать ее съ гнѣзда, надо идти слишкомъ неосторожно и почти наступить на гнѣздо; но не очень шумя и вообще придерживаясь нѣ-

которой осторожности, можно легко поймать птицу на гнѣздѣ руками. Что касается числа яицъ,—болѣе четырехъ ихъ никогда не бываетъ. По цвѣту и формѣ они совершенно напоминаютъ бекасиныя, только нѣсколько больше, пропорціонально величинѣ птицы; основной ихъ фонъ варьируетъ отъ блѣднаго сѣровато-охристаго до блѣднаго буровато-охристаго и по немъ густо разбросаны темно- и свѣтло-бурья поверхностныя пестрины и фіолетово-бурья и сѣрыя глубокія. На тупомъ концѣ, сильно отличающемся отъ остраго, что свойственно вообще яйцамъ всѣхъ бекасиныхъ, пятна гораздо гуще и чаще, такъ что часто даже сливаются между собою. Иногда пятна замѣняются черточками, чаще же черточки въ небольшомъ числѣ разбросаны среди пятенъ. Скорлупа чуть зерниста, почти гладкая, но совершенно не имѣетъ глянца. Иногда случается находить одно яйцо, отличающееся отъ остальныхъ крайне малыми размѣрами, такъ что и имѣющій выйти изъ него птенецъ никогда не сравнится въ ростѣ съ дупелями нормальной величины, но по справедливому замѣчанію Науманна, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго при тѣхъ колебаніяхъ въ ростѣ, какія мы видимъ у дупелей.

Дупель сидитъ на яйцахъ недѣли двѣ съ половиною (17—18 дней), причемъ, конечно, время насиживания считается съ кладки послѣдняго яйца. До того времени самка остается въ гнѣздѣ почти только для того, чтобы положить яйцо. Затѣмъ снесши, какъ было сказано въ предыдущей главѣ, она отправляется на токъ, а послѣ того, вѣроятно, кормится вмѣстѣ съ самцомъ до вечера, когда опять приходитъ на гнѣздо. Такимъ образомъ, въ самое сырое время, вечернею зарею и ночью, самка не сходитъ съ яицъ; но зато утреннюю зарю и весь день гнѣздо пустоетъ. Отсюда уже само собою является предположеніе, что самка, сходя съ гнѣзда, прикрываетъ яйца травой; и дѣйствительно, только спугнутая съ гнѣзда она оставляетъ его такъ, не закрывши. Что касается поведенія птицы во время насиживания, то особеннаго оно ничего не представляетъ. Слетаетъ съ гнѣзда только ненадолго, кормится тутъ же поблизости, слѣдовательно вообще ведетъ себя такъ, какъ большинство птицъ, насиживающихъ яйца. О томъ, какъ крѣпко сидитъ насѣдка, я говорилъ. Прибавлю только, что она не бросаетъ гнѣзда даже въ томъ случаѣ, если изъ него взято одно яйцо. Такая усидчивость на гнѣздѣ, понятно, можетъ служить иногда причиною гибели самки, такъ какъ, при слабости птицы, ей конечно не вырваться ни у какого хищника, но все-таки эти случаи рѣдкіе, что обуславливается мѣстомъ гнѣздовья. О самцахъ я пока ничего не говорю, п. ч. они не принимаютъ никакого участія въ насиживаніи и держатся всегда въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гнѣзда.

Черезъ 17 или 18 дней вылупляются изъ яицъ дупелята и въ первый же день покидаютъ гнѣздо, такъ что иногда ихъ находятъ съ приставшими еще на спинѣ яичными скорлупками. Въ это время болотныя травы или луговья, если самка гнѣздовала въ долинѣ рѣки, поднимаются настолько, что молодые скрываются въ нихъ совершенно

легко, человекъ въ такихъ мѣстахъ въ это время не ходитъ, все это служитъ причиною того, что дупелята съ маткою первое время держатся недалеко отъ гнѣзда. Больше четырехъ въ выводкѣ никогда не бываетъ, но съ меньшимъ числомъ—тремя, даже двумя—встрѣчаешься не рѣдко. Дупелята въ пуху совершенно похожи на бекасятъ, такъ что нужно имѣть очень опытный глазъ, чтобы различить этихъ двухъ птицъ въ молодомъ возрастѣ. Обыкновенно, наиболѣе рѣзкое отличіе заключается въ относительно меньшей длинѣ клюва у дупелятъ, чѣмъ у бекасовъ, но понятно, что этотъ признакъ бросается въ глаза только при сравненіи птенцовъ того и другого вида. Первоначально дупелята одѣты мягкимъ пухомъ и весьма пестры. Поводки у нихъ черныя; подъ глазомъ красноватое пятно; широкая темная полоса съ красноватыми, черными, сѣрыми и бѣлыми пятнами тянется черезъ всю голову отъ клюва до конца затылка. Щеки темно-желтаго цвѣта, перемѣшаннаго съ бѣлымъ и сѣрымъ; отъ угла рта къ уху тянется черная полоска, а сверху и снизу ушного отверстія лежатъ черныя и красно-бурыя пятна. Горло ровнаго, темнаго, желтовато-краснаго цвѣта, также какъ и верхняя сторона шеи, только на послѣдней лежатъ черныя и буроватыя полосы. Такого же пестраго цвѣта, какъ верхъ головы, и спина, и бока, и крылья; только съ каждой стороны тянутся болѣе правильныя полосы чернаго цвѣта, въ перемежку съ красноватымъ и бѣлымъ. Исполъ тѣла чисто бѣлый; глаза буровато-сѣрые, клювъ грязномясного цвѣта, ноги красновато-бѣлыя.

Итакъ, въ средней полосѣ въ началѣ іюня, въ юго-западномъ краѣ въ концѣ мая выводится главная масса дупелей. Конечно, неблагоприятныя условія задерживаютъ иногда время оплодотворенія самокъ, а слѣдовательно и время вывода, но при нормальныхъ условіяхъ выводъ производится въ назначенные сроки. Рѣдко удается встрѣтить дупелей болѣе поздняго вывода. Это происходитъ, однако, въ тѣхъ случаяхъ, если самка потеряла яйца первой кладки, если тока еще не кончился и она могла нагулять вторыя. Повидимому, въ такихъ исключительныхъ, такъ сказать, экстренныхъ случаяхъ самки иногда оплодотворяются и не на токахъ. Такимъ образомъ С. Ф. Д.—вичъ нашелъ, повидимому, только что вылупившихся дупелятъ въ концѣ іюля; Альтумъ говоритъ даже, что одну самку нашли сидящей на трехъ яйцахъ 6-го августа (1841). Само собою понятно, что такіе случаи до крайности рѣдки, но невѣроятнаго въ нихъ ничего нѣтъ. Дѣло въ томъ, что самки въ обоихъ случаяхъ вѣроятно были старыя и потеряли яйца очень поздно. Судя же по неполному числу яицъ и той и другой кладки, особенно первой, оплодотворяли самокъ вѣроятно молодые самцы. Какъ извѣстно, послѣдніе на токахъ далеко не всегда имѣютъ возможность удовлетворить своему половому стремленію, и, хотя кончаютъ токовать гораздо позднѣе стариковъ, не должно думать, что время яра у нихъ проходитъ одновременно съ окончаніемъ тока.

Первое время по выводѣ молодые держатся всегда вблизи матки и никогда не отходятъ далеко отъ гнѣзда. Подростая трава дозво-

ляетъ имъ отлично прятаться, здѣсь ихъ не схватитъ хищная птица, не заѣстъ хорь; такимъ образомъ все сводится къ тому, чтобы самка первоначально не уводила молодыхъ изъ крѣпи. И дѣйствительно, только позднѣе, когда у нихъ подрастутъ махи и они начнутъ перелетать хоть на нѣсколько шаговъ, весь выводокъ выбирается изъ крѣпи и переходитъ въ болѣе открытыя луговыя болота или на порѣчные голые покосы. Нерѣдко, въ томъ случаѣ, если дупель гнѣзвился на островахъ, держится онъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока молодые окрѣпнутъ, но здѣсь очевидно, что на это вынуждаютъ птицу окружающія условия: matka ждетъ, пока дупелята подрастутъ настолько, что въ состояніи будутъ перелетѣть отдѣляющее ихъ отъ берега водное пространство, такъ какъ не было замѣчено, чтобы дупелиная самка, подобно вальдшнепу, переносила своихъ дѣтей въ когтяхъ. Впрочемъ, иногда случается, что и подросшіе молодые не выходятъ изъ крѣпи, что бываетъ обыкновенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ луга, но и въ такомъ случаѣ дупелята съ маткою всегда перебираются въ болѣе открытыя кочковатыя, травянистыя мѣста и никогда не остаются въ крѣпяхъ. Впрочемъ, большое вліяніе на перелеты дупелей оказываетъ время покоса. Покосъ и засуха нерѣдко выгоняютъ дупелей изъ луговъ очень скоро, но во всякомъ случаѣ первое переселеніе дупелятъ—въ луга. Такимъ образомъ, вообще можно сказать, что молодые начинаютъ летать послѣ вывода недѣли черезъ 2—3, а черезъ четыре летаютъ уже довольно порядочно. Въ то же время, конечно, пухъ ихъ мало-помалу замѣняется перьями и къ концу іюля молодые подрастаютъ настолько, что по оперенію и величинѣ почти сравниваются со взрослыми птицами. Наиболѣе отличительные признаки ихъ въ это время заключаются только въ большей блѣдности всѣхъ цвѣтовъ и еще въ большей толщинѣ ножныхъ суставовъ.

Что касается дальнѣйшей жизни дупеля, мнѣ остается сказать немного. Итакъ, первыя переселенія ихъ выпадаютъ на конецъ іюня или, что чаще, на начало іюля. Д. Виллинскій совершенно справедливо констатируетъ интересный фактъ, что дупеля лѣтомъ особенно любятъ мѣста, гдѣ стояли стога прошлогодняго сѣна. „Подонки эти,—говоритъ онъ,—издали кажутся желтотемными пятнами, а болотная почва, удобренная остатками перегнившего сѣна, сплошь состоитъ изъ желтоватыхъ мягкихъ стебельковъ растеній. На такихъ мѣстахъ, въ 4—5 сажень длины и въ полторы сажени ширины, мнѣ случалось поднимать по 8 паръ дупелей. Перебьешь, на другой день являются новые“. Сюда ихъ влечетъ обиліе въ такихъ мѣстахъ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ, это въ миниатюрѣ—повтореніе высыпокъ. Но если, какъ сказано, покосъ и засуха выгоняютъ дупелей изъ луговъ, они все-таки никогда не возвращаются въ крѣпь. Они только перекочевываютъ въ болота или потныя мѣста вблизи хлѣбныхъ полей, и обыкновенно даже цѣлый день проводятъ въ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ преслѣдуетъ человекъ. Только вечеромъ выходятъ они отсюда на всю ночь къ родникамъ, въ болота, если этого нѣтъ, просто

на потный лугъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣло не всегда происходитъ такъ: иногда переселенія дупелей въ хлѣбныя поля не наблюдаются, но это бываетъ только тамъ, гдѣ много свободныхъ, не подверженныхъ влиянію человека угодій, которыя могъ бы занять дупель. Въ такихъ случаяхъ, а также, если пойдутъ дожди и поднимутъ въ болотѣ уровень воды, дупеля нерѣдко переселяются въ паровое поле, некошенныя луговины, поросшія чилизникомъ и бобовникомъ, и т. п. мѣста. Впрочемъ, сюда же перебираются дупеля, или вѣрнѣе—держатся въ нихъ, и позднѣе, въ концѣ іюля или въ началѣ августа.

Но, возвращаясь къ обычному образу жизни дупелей, не долго остается имъ пожить въ хлѣбныхъ поляхъ. Въ августѣ, вмѣстѣ съ уборкою хлѣба, по мѣрѣ того, какъ меньше и меньше остается его на корню, дупеля окончательно перебираются въ болота, сначала, конечно, тѣ, которыя лежатъ около хлѣбныхъ полей, а потомъ разбиваются, уходятъ дальше и вмѣстѣ съ тѣмъ открытыя луговые болота уже мѣняются ими на болѣе крѣпкія, кочковатыя. Впрочемъ, опять скажу, излишней сырости дупеля не любятъ: потныя, съ родниками и грязями, по мѣстамъ кочковатыя, поросшія кустами болота опять-таки составляютъ ихъ любимое мѣстопробываніе. Особенно нравятся имъ такія болота въ тѣхъ случаяхъ, если поблизости есть некошенныя мѣста. Но само собою разумѣется, что огромное влияніе на переселенія дупелей оказываетъ большая или меньшая сухость лѣта: въ годы сырые, дождливые дупеля даже живутъ въ лѣсныхъ болотцахъ или на некошенныхъ полянкахъ въ лѣсу. Сюда ихъ, конечно, загнала нелюбовь излишней влаги, и, такимъ образомъ, предпочтеніе относительно сухихъ мѣстъ пересиливаетъ на нѣкоторое время болотный характеръ птицы.

Отсюда легко видѣть, что всѣ переселенія дупелей въ концѣ лѣта обуславливаются съ одной стороны отыскиваніемъ корма, съ другой—безопасностью птицы. Главной пищевой матеріаль, какъ было сказано раньше, составляютъ все-таки насѣкомыя, но это далеко не исключительная и не единственная пища. Въ іюнѣ и іюлѣ, когда дупель легко можетъ запустить носъ во влажную болотную почву, къ животной пищѣ, состоящей изъ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ, червей и отчасти слизней, примѣшивается весьма значительная доля растительной. Послѣдняя исключительно состоитъ изъ корешковъ растений и изъ самыхъ молодыхъ, сочныхъ стеблей. Слѣдовательно, само собою понятно, что въ хлѣбномъ полѣ взять дупелю почти нечего. Днемъ онъ вообще заботится гораздо больше о своей безопасности, чѣмъ о кормѣ, а на ночь на кормежку, какъ мы видѣли, переселяется въ болота. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что въ томительно знойные дни и даже просто жаркіе, но если только простоятъ такихъ дней нѣсколько подъ-рядъ, такъ что земля въ полѣ потрескается, дупель не вылетаетъ изъ болота и днемъ. Въ такомъ случаѣ онъ только перебирается въ болѣе крѣпкія болота, но на ночь нерѣдко прилетаетъ въ луговья, иногда просто въ поемныя луга, если только въ нихъ

сохранились озерки или если они изрѣзаны большими заливами. Впрочемъ, можно сказать вообще, что полдень дупель нерѣдко проводитъ на болотѣ. Это уже, очевидно, обуславливается жакдою, такъ какъ при полномъ отсутствіи воды и въ то время какъ совершается пищевареніе, дупель, какъ и всякая болотная птица, чувствуетъ себя гораздо тяжелѣе. Въ такіе дни нерѣдко случается видѣть, какъ эта птица сидитъ гдѣ-нибудь подъ кочкой, раскрывъ клювъ и тяжело дыша, и поднимается только въ то время, когда на нее бросится собака. Иногда же случается, что дупель до того разсолодѣетъ, что не скоро поворачивается даже въ такомъ случаѣ и собака ловитъ его живымъ. Но, поднявшись, онъ производитъ крыльями довольно сильный шумъ и летитъ, иногда слабо покрякивая, похоже на слоги „геть, геть...“ Впрочемъ, далеко онъ никогда не улетаетъ. Въ дни же холодные и, главное, дождливые дупель никогда не остается въ центрѣ болота. Сначала, когда дождевой воды прибудетъ немного и почва только сильнѣе размокнетъ, дупель перебирается на окраины болотъ, въ крайнія береговые кочки; но чуть вода выступитъ сильнѣе, онъ покидаетъ уже и это убѣжище и перемѣщается, по справедливому замѣчанію П. П. Данилевскаго, на высокія и даже бугристыя пастбищныя, вблизи лежащія мѣста, и тутъ уже дѣлается гораздо осторожнѣе.

Что касается безопасности птицы, то главнымъ врагомъ ея лѣтомъ, какъ и весной, является все-таки человекъ. Не лисица, не хорь, не ласка губитъ дупелей. Конечно, какой-нибудь изъ этихъ звѣрей стащитъ съ гнѣзда высидывающую самку, схватитъ молодого или жирнаго старика, но убыль дупелей не зависитъ ни отъ этихъ, ни отъ пернатыхъ хищниковъ. Всѣ причины заключаетъ въ себѣ человекъ. Прямое уменьшеніе самцовъ и самокъ отъ весенней охоты, осушка болотъ, т.-е. уничтоженіе мѣстъ гнѣздовья,—вотъ двѣ главныя, если не единственныя причины уменьшенія дупелей, и не стоить говорить, что до тѣхъ поръ, пока эти обстоятельства не измѣнятся, нечего ждать какихъ-нибудь иныхъ послѣдствій, чѣмъ тѣ, которыя мы видимъ теперь.

Однако, оставимъ въ покоѣ самокъ съ молодыми, и скажемъ лучше нѣсколько словъ о дупеляхъ-самцахъ, о томъ, что подѣлываютъ они въ то время, какъ самки выхаживаютъ молодыхъ, посмотримъ, наконецъ, на осеннія высылки дупелей и на отлетъ этой птицы, какъ послѣднее періодическое явленіе, заканчивающее собою пребываніе дупелей на ихъ родинѣ.

Вмѣстѣ съ окончаніемъ тока, самцы покидаютъ токовища и одинъ за другимъ забираются въ крѣпъ. Такимъ образомъ, въ началѣ іюня тока уже почти кончаются, а въ половинѣ этого мѣсяца, можно сказать, большинство птицъ уже линяетъ *). Впрочемъ, время линьки, въ зависимости отъ окончанія тока, не для всѣхъ дупелей одинаково. Вообще можно сказать, чѣмъ старше птица, чѣмъ раньше она удовлетворила своему половому стремленію,—другими словами, чѣмъ раньше

*) Вторая линька начинается на мѣстѣ зимовья и птицы прилетаютъ къ намъ уже линючими.

она оставила токъ,—тѣмъ раньше она и перелиняетъ. Говоря вообще, линька самцовъ не продолжается дальше начала іюля. Напротивъ, самки начинаютъ линять позднѣе самцовъ, и ихъ линька кончается только къ тому времени, когда дупеля уже начинаютъ свои перекочевки, предвѣстники скорого отлета. На это время самцы обыкновенно забираются въ наиболѣе крѣпкія, мало тревожимыя мѣста болотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—въ луговые кусты, въ степяхъ—въ заросли дикой вишни, въ хлѣбныя поля, даже на лѣсныя поляны. Изъ этого, а также изъ описанія переселеній дупелиныхъ семей, очевидно, что какъ matka съ выводками, такъ и самцы все время держатся вблизи другъ друга. Потомъ, къ августу, когда старики перелиняють, молодые окрѣпнутъ, а начавшаяся уборка хлѣба повыгонитъ ихъ изъ хлѣбныхъ полей въ болота, дупеля, какъ выше было сказано, переселяются опять въ болѣе крѣпкія мѣста, чѣмъ тѣ, которыя они занимали въ іюлѣ, и въ то же время начинается ихъ стаденіе,—являются первыя осеннія высыпки. Одновременно съ ними показываются и пролетные дупеля. Сначала ихъ летитъ немного, только пары, потомъ все больше и больше, и наконецъ съ половины августа до 1 сентября происходитъ настоящій валовой пролетъ.

Пролетные дупеля обыкновенно держатся по тѣмъ же мѣстамъ, какъ и гнѣздовые, но иногда ихъ находишь тамъ, гдѣ можно ждать меньше всего. Они вываливаются по картофельникамъ, капустникамъ, по коноплѣ, „даже по совершенно сухимъ зарослямъ, говоритъ Д. Виллинскій, а на Жмуди я нерѣдко нахаживалъ дупелей по сухимъ рас-трескавшимся торфянымъ болотамъ и по можжевельнымъ мелкимъ кустамъ“. Нерѣдко останавливаются они даже на совершенно голыхъ мѣстахъ, гдѣ бродилъ скотъ. Говоря вообще, въ сухіе годы мѣста дупелиныхъ высыпокъ разнообразнѣе, вѣроятно, за недостаткомъ влажныхъ пригодныхъ мѣстъ. Иногда дупелиныя высыпки встрѣчаются даже на листьяхъ водяныхъ лопуховъ. Последнее обстоятельство сильно говоритъ за то, что осенній отлетъ дупеля совершается стадами. Въ то время, какъ весной дупель подвигается на сѣверъ постепенно, отдѣльными особями или парами, по мѣрѣ оттаиванія почвы, когда недостатокъ мѣстъ и корма вызывалъ временное стаденіе птицы—весеннія высыпки, осенью стаденіе начинается передъ отлетомъ, и первымъ шагомъ къ нему служитъ жизнь семьями.

Какъ бы то ни было, въ началѣ сентября количество дупелей уже значительно уменьшается, а къ половинѣ этого мѣсяца пролетъ и отлетъ кончается совершенно (въ среднихъ губ.), хотя отдѣльныя особи дупелей встрѣчаются гораздо позднѣе, до конца сентября.

Но вотъ и октябрь. Давно дрогнулъ листь на деревьяхъ и, при усиливающихся утренникахъ, теряя свою зелень и свѣжесть, началъ мало-по-малу оголяться лѣсъ... И шумная чарующая жизнь весны и лѣта незамѣтно перешла къ однообразнымъ краскамъ осени, нескончаемымъ дождямъ и вою вѣтра...

Въ это время дупеля найдешь только на югѣ, въ Бессарабіи и т. п.

II.

Лѣтняя охота на дупелей.—Замѣтки о значеніи дупелинаго промысла.

„Либо дупеля въ лѣтъ,
Либо охотника въ лобъ“.

Охот. поговорка.

Въ заключеніе этого очерка мнѣ остается сказать только о ружейной охотѣ за дупелемъ и о значеніи дупелинаго промысла, какъ статья дохода. Но о дупелиной охотѣ мы имѣемъ такую превосходную статью П. П. Данилевскаго, что я не считаю себя въ правѣ писать объ этомъ снова, такъ какъ это было бы пустою передѣлкой, и просто приведу здѣсь помянутую статью почти цѣликомъ, сдѣлавши только нѣкоторыя сокращенія въ однихъ мѣстахъ и необходимыя дополненія въ другихъ.

„Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ,—говоритъ П. Данилевскій,—въ жаркѣй полдень, дупель лежитъ туго, выдерживаетъ стойку собаки довольно долго, допускаетъ и самого охотника очень близко и поднимается лѣниво. Пролетѣвъ незначительное пространство, онъ садится вновь и вообще неохотно оставляетъ болото, когда тамъ остаются другіе дупеля; если же дупелей на томъ болотѣ сидитъ очень мало или ихъ вовсе нѣтъ, то онъ по первой же взгонкѣ или выстрѣлу совсѣмъ улетаетъ съ болота *)“.

„При небольшомъ количествѣ дупелей, охотникъ, желающій отыскать ихъ болѣе, долженъ, какъ только взгонитъ и убьетъ перваго, систематически приняться за отысканіе прочихъ дупелей, стараясь по возможности не пропустить ни одного кустика, ни кочки, и обойти приблизительно все вокругъ этого мѣста лежація болотинки и луговинки, не очень надѣясь на свою, быть можетъ и очень хорошую, собаку. Въ горячности или по другимъ случайнымъ причинамъ, собака и съ хорошимъ чутьемъ проходитъ не одного дупеля. Обходя болото, ни на одну минуту не должно терять собаки, и если она отошла отъ охотника, то безъ нея онъ самъ не долженъ искать дупелей, но, позвавъ ее ближе, всегда долженъ отыскивать вмѣстѣ“.

„Только при охотѣ на дупелей, при отыскиваніи и стрѣльбѣ ихъ, обнаруживается охотникъ, весь какъ онъ есть; здѣсь можно видѣть все его достоинства и недостатки: выдержку или горячность, ловкость и проворство прицѣла. Это также проба вѣжливости, чутья собаки или лѣни, съ которою она ищетъ. Въ это время вполне высказывается красивая и дѣльная собака, когда она прихватитъ, потянетъ къ дупелю и остановится съ дрожащими мускулами, едва переводя дыханіе; глаза ея нальются кровью, и она, еле переступая, замретъ,

*) Это не совсѣмъ вѣрно: дупель тогда только неохотно летитъ съ болота, если попадешь на выводокъ; въ такомъ случаѣ взогнанный дупель дѣйствительно перемѣщается недалеко. Если же попадешь на одиночнаго, онъ почти всегда улетаетъ съ болота по первому выстрѣлу, конечно, только не въ августѣ.

ожида́я позволе́нiя подвину́ться и взогна́ть птицу. Вотъ она подвинулась, вылетѣлъ и зафурчалъ сѣрый, сытый дупель, слегка переваливаясь съ боку на бокъ и, побрякивая, вытягиваетъ свой полетъ, выравниваетъ его, не подозрѣвая, что въ это время, съ каждымъ новымъ взмахомъ крыльевъ, выдерживаемый на цѣли, правильнѣе подходитъ подъ роковой зарядъ охотника. Отлетѣвъ около 30—40 шаговъ, по спуску курка неторопливаго охотника, дупель падаетъ замертво. Собака, тихо подойдя къ нему, дѣлаетъ вторичную стойку.

„Въ это время охотникъ, заряжая ружье, любитъ стойкой собаки, и потомъ, тихо подойдя, не крича, не торопя собаку, беретъ своими руками изъ-подъ стойки непомятаго поноскою дупеля. Если ружье охотника не заряжено, онъ заставляетъ собаку сѣсть или лечь, чтобы она въ это время, пользуясь невниманiемъ охотника, не привыкла дѣлать, что ей угодно.

„Собака съ быстрымъ поискомъ и притомъ съ поноскою на сухомъ, на охоту по дупелямъ, бекасамъ и вальдшнепамъ вовсе негодна, да и не нужна; она этимъ непрошеннымъ и лишнимъ достоинствомъ всегда сдѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы, кромѣ того, что, подавая, можетъ взогна́ть птицу, когда ружье охотника не готово, еще и потому, что очень мало такихъ собакъ, которыя, исправно подавая, а стало быть и ловя молодыхъ птицъ, не гоняли бы по выстрѣлу или даже по только что взлетѣвшей птицѣ, хотя бы лишь изъ желанiя, поймавъ, подать ее охотнику, а зачастую только бы поиграть; а такая собака совсѣмъ не даетъ стрѣлять, или рискуетъ получить себѣ зарядъ въ уши или затылокъ.

„На дупелинную охоту требуется главнымъ образомъ хорошая собака, съ добрымъ и правильнымъ чутьемъ. Если собака тяжела и ходитъ недалеко, то стойка въ ней лишняя и даже несносна, если она долгая, „мертвая“, какъ говорятъ. Послушная, легкая собака, со стойкою, еще болѣе хороша, если имѣетъ при этомъ размашистый искъ или искъ на вольтахъ. Съ подобною собакою на хорошемъ полѣ охотникъ долженъ „держатъ ухо остро“, не зѣвать, въ противномъ случаѣ, разгорячась, собака лишитъ охотника удовольствiя взять съ болота то, чѣмъ бы онъ могъ воспользоваться, во-время обративъ вниманiе на свою собаку, которая, разогнавъ два-три раза подрядъ дупелей, можетъ сдѣлаться вовсе негодною ни для какой охоты.

„За лѣнливою собакой, тяжелою и безъ стойки, охотникъ долженъ ходить по пятамъ. При гонящей, горячей, хотя бы и со стойкою, собакѣ, охотникъ, горячась, будь онъ и изрядный стрѣлокъ, все-таки будетъ давать промахи, особенно по дупелямъ, потому что упустить изъ-подъ выстрѣла дупеля считается охотниками дѣломъ крайне неприятнымъ и непростительнымъ зѣвкомъ. Въ такомъ случаѣ лучше было бы взять собаку на свору, да и самому прилечь и отдохнуть немного.

„Чтобы поменьше дѣлать промаховъ по дупелямъ, нужно, во-первыхъ, всегда стрѣлять пригодною для того дробью №№ 8 и 9-мъ;

второе—не гоняться за 10—15 аршинами увеличивающагося разстоянія по мѣрѣ удаленія,—улетѣ дупеля, а проворнѣе вскинуть ружье на цѣль, получше проводить и выдерживать птицу до 30—40 шаговъ; третье—стараться, чтобы собака шла всегда съ лѣвой стороны и впереди, но никогда съ правой стороны или сзади охотника; четвертое,—если дупель, взлетѣль не въ мѣру или неудобно и охотникъ не успѣлъ хорошенько выдержать его на цѣли, то лучше не стрѣлять по немъ на этотъ разъ, потому что нестрѣленный дупель улетаетъ недалеко и садится почти всегда на виду у охотника; далѣе,—ходить какъ можно тише и къ убитому подходить не спѣша и всегда съ заряженнымъ ружьемъ и собакою.

„Хотя дупель очень чувствителенъ къ заряду и одна попавшая въ него дробина не даетъ ему летѣть далѣе, но бываютъ, однако же, случаи, что и послѣ 5—6 зарядовъ дупель, весь израненный, со взъерошенными, роняемыми по пути перьями, съ висящими, т.-е. перебитыми ногами улетаетъ въ крѣпъ довольно далеко и большею частью всегда низко.

„Непуганный дупель, будучи поднятъ вѣжливой собакой, только перемѣщается съ кочки на кочку и какъ бы играетъ съ нею. Перемѣстившійся же послѣ выстрѣла дупель, описавъ небольшую дугу, садится въ близкомъ разстояннн и, должно замѣтить, всегда носомъ къ охотнику, и никогда не остается на томъ же самомъ мѣстѣ (если, разумѣется, имѣеть цѣлыя ноги и вообще не тяжело раненъ), но отходитъ нѣсколько въ сторону, почти всегда вправо; послѣ второго подъема подпускаетъ не такъ близко, а по третьему, четвертому разу почти не даетъ стрѣлять и вовсе улетаетъ съ болота. Раненый дупель, упавъ въ воду, можетъ плавать довольно долго, при чемъ онъ распускаетъ крылья по водѣ, почему и не можетъ взлетѣть съ нея снова.

„Не имѣя хорошей, вѣжливой собаки, гораздо удобнѣе, подыскавъ себѣ товарища, пройти болото съ бечевою, что дѣлается такъ: бечеву толщиною въ ружейный шомполь, длиною около 10—12 саженей привязываютъ къ поясу или ногѣ охотника, и веревка, не туго натянутая, свободно волочится сзади по травѣ, образуя собою дугу; не натянутая, свободно опущенная веревка легко цѣдетъ, скользитъ по травѣ и не такъ часто цѣпляетъ за кочки и мелкіе кустики, какъ натянутая. Медленно подвигаясь и волоча за собою по травѣ веревку, вслугиваютъ не только всѣхъ дупелей, но и все, что есть въ ней живого: перепеловъ, коростелей, даже сверчковъ и кузнечиковъ. Такого рода охота нѣсколько утомительна, тѣмъ болѣе что она производится именно въ самое жаркое время дня, такъ какъ дупель тогда лежитъ особенно крѣпко, и собака скоро устааетъ, томится, почему обыкновенно ее и удаляютъ съ болота, а ходятъ съ веревкою.

„Добытая такимъ образомъ дичь называется „вытоптанною“ или „выскребками“. Иногда заставляють волочить веревку двухъ человѣкъ безъ ружей, а охотники идутъ за дугою веревки, но этотъ способъ

неудобенъ тѣмъ, что идя сзади, а стало быть имѣя передъ собою подъ выстрѣломъ двухъ человѣкъ, охотникъ не можетъ свободно располагать взлетѣвшею птицею, да и опасно, если охотникъ случится горячій и пустить зарядъ вмѣсто дупеля въ одного изъ идущихъ впереди его людей *).

„Охотникъ съ здоровыми ногами не долженъ лѣниться ходить; а если притомъ имѣетъ еще дѣльную собаку, то всегда добудетъ больше дупелей. Часто случается такому охотнику войти въ болото и снять нѣсколько паръ дупелей въ виду впереди прошедшихъ охотниковъ, ничего на этомъ мѣстѣ не взогнавшихъ, а потому ничего и не убившихъ, хотя съ ними и были собаки; этотъ случай ясно показываетъ, что собака, какой бы прекрасной породы она ни была и при хорошемъ чутьѣ, безъ управленія охотникомъ всегда сдѣлаетъ меньше, чѣмъ можетъ. Неопытный, слишкомъ надѣясь на свою, быть можетъ и способную, собаку, или лѣнивый охотникъ, старающійся сдѣлать какъ можно менѣе шаговъ, идя по прямой линіи, какъ бы желая только поскорѣе раздѣлаться съ болотомъ, какъ лѣнивый школьникъ съ заданнымъ ему урокомъ, собирая вершки, пропускаетъ мѣста съ боковъ. Особенно же легко пропускать дупелей, потому что они сидятъ въ извѣстное время дня, въ удобномъ для нихъ мѣстѣ, очень туго, крѣпко; дѣльный охотникъ,—охотникъ, какимъ онъ долженъ быть, а не любитель только „пойти на охоту“ или „сходить на охоту“, испишетъ все болото вдоль и поперекъ, не броситъ кочкарей и кустовъ, гдѣ можно было бы предположить затаившагося или перебѣжавшаго дупеля, и управляя искомъ собаки и ходомъ ея по своему, всегда болѣе богатому, соображенію, очень мало оставитъ дупелей, если не заберетъ всѣхъ.

„Подобный родъ ходьбы, само собою разумѣется, болѣе пригоденъ въ мѣстахъ, не изобилующихъ дупелями, но всегда чрезвычайно удобенъ и даже необходимъ при натаскиваніи молодой собаки. Походивъ нѣсколько дней съ такимъ охотникомъ, даже и не молодая легавая собака перемѣнитъ къ лучшему свой собственный методъ прямого иска на размашистый, если не имѣла до того иска на кругахъ или вольтахъ. Послѣдній искъ хорошъ при охотѣ на дупелей, сравнительно съ прочими методами, тѣмъ, что значительно сохраняетъ время; но собака при такомъ искѣ всегда ранѣе перестаетъ искать, скорѣе морится; при такомъ искѣ охотникъ долженъ болѣе всего наблюдать за тѣмъ, чтобы собака не пропускала мѣстъ, лежащихъ по вѣтру, и потому стараться вести собаку противъ вѣтра, держась самъ всегда нѣсколько впереди и сбоку собаки съ подвѣтренной стороны; дупель, какъ и бекасъ, почти всегда взлетаетъ противъ вѣтра; по-

*) Такая охота во всякомъ случаѣ опасна. Если веревку будутъ тащить и сами охотники, но если хоть одинъ изъ нихъ человѣкъ горячій, тогда бѣда: того и гляди вмѣсто дупеля влѣпится зарядъ въ своего товарища, и я съ своей стороны совершенно вѣрю разсказу С. Ф. Д-вича о подобномъ случаѣ, которому онъ былъ свидѣтелемъ (Ж. О. 1876 г., май, стр. 41).

чему, если дупеля слишком напуганы, т.-е. строги, и, не допуская собаку или охотника близко, порываются не въ мѣру выстрѣла, то слѣдуетъ сойти съ болота и войти на него съ другой стороны, такъ, чтобы идти самому за вѣтромъ. Тогда дупель, хотя и ранѣе замѣтитъ присутствіе охотника, но не рѣшается взлетѣть за вѣтромъ по причинѣ нѣжныхъ и довольно длинныхъ спинныхъ и шейныхъ перьевъ, которыя, подымаясь за вѣтромъ, мѣшаютъ его полету, сидитъ долѣе и зачастую взлетаетъ прямо на охотника, который и имѣетъ возможность тогда уже располагать его полетомъ болѣе долгое время, а потому и стрѣлять удачнѣе..

„Что касается высыпокъ, то огромная, разогнанная охотникомъ высыпка разсыпается въ окружности на довольно большое разстояніе и въ другой разъ не соединяется болѣе, какъ по 2—5 паръ, а зачастую и меньше. Избранныя дупелями изъ разлетѣвшей высыпки мѣста неохотно покидаются ими въ продолженіе всего лѣта, такъ какъ подобныя мѣста всегда окружены крѣпкими, проросшими лозникомъ и камышами болотами. Охотникъ, удачно нашедшій въ такихъ мѣстахъ разогнанную или разъединенную высыпку, можетъ навѣрное снимать ежедневно съ одного и того же мѣста (если оно изъ удобнѣйшихъ, въ сравненіи съ остальными, въ той крѣпи находящимися) приблизительно одинаковое количество дупелей; дѣлается это обыкновенно съ самаго ранняго утра; беспокоить же къ вечеру такихъ дупелей не слѣдуетъ, потому что въ это время они обыкновенно перелетываютъ или отыскиваютъ болѣе удобныя мѣста.

„Незаогнанная высыпка держится всегда вмѣстѣ, иногда до послѣднихъ чиселъ августа. Дѣльный охотникъ, найдя такой кладъ, также нарушитъ его спокойствіе, какъ и всякій ремонтъ, но распорядится сравнительно практичнѣе: разгонитъ немного дупелей, если не заберетъ ихъ всѣхъ; да и ушедшій дупель долго не покажется на глаза ни одному охотнику, а не то залетитъ въ крѣпь навсегда“.

Къ этому описанію дупелиной охоты мнѣ остается прибавить не много. Надо вообще замѣтить, что дупель сидитъ крѣпко, ходитъ мало и лѣтомъ, не говоря объ осени, часто подпускаетъ собаку въ упоръ. Только весною онъ очень строгъ, какъ и всякая птица съ прилета, но весенняя ружейная охота не процвѣтаетъ. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что чѣмъ размахистѣе пекъ собаки, тѣмъ лучше, но говорить, что для дупелиной охоты нужна собака съ верхнимъ чутьемъ, какъ это дѣлають многіе охотники, совершенно напрасно. Я не стану пускаться здѣсь въ подробныя и пространныя разсужденія о собакахъ вообще, объ ихъ поискѣ и пр., скажу только, что верхнее чутье, какъ это было замѣчено Л. П. Сабанѣвымъ, не представляетъ собою чего-либо особеннаго, а обуславливается чисто внѣшними причинами: направленіемъ вѣтра и пахучестью дичи. Конечно, чутье собаки при этомъ имѣетъ громадное значеніе, но оно, т.-е. большая или меньшая тонкость чутья, обуславливаетъ только разстояніе, на которомъ собака можетъ услышать дичь противъ вѣтра, и ничего больше. По вѣтру

никакая собака верхнимъ чутьемъ искать не станетъ и поведетъ по слѣду,—въ этомъ убѣдятся всякій, кто обратитъ на это вниманіе.

Если выше было сказано, что дупель лежитъ крѣпко, не мѣшаетъ прибавить, что особенно лѣнивъ онъ въ полдень. Въ это время нерѣдко можно замѣтить его, когда онъ сидитъ, прижавшись, подъ стойкою собаки; нерѣдко случается, что невѣжливая собака не выдерживаетъ долгой стойки, бросится и схватитъ птицу живою. И въ противность только-что сказанному, иная собака на стойкѣ по дупелю ложится и замираетъ, такъ что насилу стронешь ее съ мѣста.

Понятно, при такой лѣни дупеля, при такомъ упорномъ нежеланіи взлетать даже подъ рыломъ у собаки, дупеля, какъ и перепела, можно крыть наволочною сѣтью, покрывая его вмѣстѣ съ собакою; но при этомъ частенько бываетъ, что собака дѣлаетъ стойку далеко, покроешь ее, а дупель и остался внѣ сѣти. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ убирается по-добру, по-здорову. Еще нѣсколько словъ остается сказать о т. наз. бѣгункѣ.

Послѣднимъ именемъ называютъ обыкновенно нѣкоторыхъ дупелей, которые, будучи подняты собакою, не улетаютъ, а спасаются бѣгствомъ. „Обыкновенно дупель, — говоритъ Д. Виллинскій, — лежитъ плотно, вспугнутый поднимается аршина на два отъ земли и летитъ прямо; бѣгунчикъ же до послѣдней крайности идетъ, бѣжитъ пѣшкомъ, вскакиваетъ всегда далеко безъ шума и летитъ у самой земли, такъ что часто и не увидишь его. Если я замѣчаю, что подъ поискомъ бѣгунчикъ, то обыкновенно отвожу собаку и пускаю ее съ противоположной стороны. Бѣгунъ всегда такъ растеряется отъ этого маневра, что поднимается у самыхъ ногъ совершенно вертикально кверху, взмываетъ нерѣдко сажени на четыре-пять, такъ что чаще всего разобьешь его“.

Вотъ все, что можно было сказать о дупелиной охотѣ *). Въ заключеніе остановимся на промысловомъ значеніи птицы. Къ сожалѣнію, какъ было сказано еще въ первой главѣ, свѣдѣнія, относящіяся сюда, далеко не обширны. Дѣло въ томъ, что дупель, какъ и вообще вся красная дичь, не можетъ быть предметомъ правильно организованной торговли, какъ по времени года, въ которое за нимъ производится охота, такъ и по чрезвычайно измѣнчивому числу особей ихъ въ разные годы, смотря по состоянію весенней погоды. Поэтому, если тетерева, рябчики и куропатки, какъ птицы осѣдлыя и по образу жизни подходящія къ условіямъ зимней промысловой охоты, могутъ быть долго и удобно сохраняемы и перевозимы (замороженныя),—само собою понятно, что это невозможно по отношенію къ дупелямъ, за которыми охотятся весною или въ началѣ осени. Отсюда очевидно, что продажа дупелей носитъ характеръ скорѣе случайной, чѣмъ правильно орга-

*) По Левшину («Книга для охотниковъ», ч. 3-я стр. 318), ловятъ дупелей пересами, но мнѣ не приходилось слышать, чтобъ у насъ гдѣ-нибудь производилась подобная охота.

низованной торговли, зависить отъ множества мѣстныхъ причинъ и собрать относящіяся сюда свѣдѣнія очень трудно. Тѣмъ не менѣе, несмотря на недостатокъ правильного сбыта, дупелиная охота представляетъ собою промыселъ весьма важный по своему распространению. Стоитъ только принять во вниманіе, что, по Гладкову, въ Ярославской губ., весною на каждаго (?) промышленника приходится до 600 паръ дупелей. Уменьшивши значительно это число, общая сумма добычи все-таки будетъ громадна при большомъ числѣ охотниковъ. Въ Москвѣ число паръ, продаваемыхъ каждою осенью въ Охотномъ ряду, колеблется отъ 600 до 800, при средней цѣнѣ за пару по 85 коп. Но въ прежнее время, когда охотничьи законы соблюдались менѣе строго, и весною охота производилась безвозбранно, дупелей продавали ежегодно свыше 5000 паръ. Въ другихъ мѣстностяхъ, конечно, цѣна различна: такъ, въ Ковенской губерніи дупеля продаются копеекъ по 30 за пару; на Волгѣ, на пароходахъ, платять по 50—60 коп. за пару. Кстати здѣсь же замѣтить, что пароходство, желѣзныя дороги и вообще улучшенныя средства перемѣщенія оказали громадное вліяніе на уменьшеніе дичи. Не говоря уже о косвенномъ вліяніи, заключающемся въ уничтоженіи лѣса, какъ топлива, и т. п., существуетъ и прямое вліяніе, именно—скорость въ перевозкѣ позволяетъ доставлять дичь въ теплое время изъ такихъ мѣстъ, откуда прежде нечего было и думать. Такъ, въ Москву по Рязанской жел. дорогѣ весною 75 года было привезено,—разумѣется, тайнымъ образомъ,—до 3000 паръ дупелей *). Подъ Тулою, на прилежащихъ болотахъ, ежегодно добывается нѣсколько сотъ паръ дупелей, на одномъ Поповомъ болотѣ болѣе 400 паръ и всегда они въ цѣнѣ, т. к. если ихъ не возьмутъ мѣстные торговцы, легко отправить въ Москву. — Къ сказанному о цѣнѣ дупелей прибавлю, что иногда, въ случаѣ значительнаго осенняго пролета, что вызывается благоприятными климатическими условіями, цѣна на дупелей спадаетъ до 10 коп. за пару, какъ то было въ Юго-Западномъ краѣ въ 75 году. Но такое пониженіе цѣны, конечно, не имѣетъ мѣста въ такихъ центрахъ торговли дичью, какъ Москва, гдѣ всегда существуетъ спросъ на всякую дичь и гдѣ красная дичь всегда въ цѣнѣ: пара дупелей не бываетъ здѣсь дешевле 60 коп., да и это случается очень рѣдко,—обыкновенная ея цѣна около 80 к., а въ годы бѣдныя дичью—до 1 р. 30 к. за пару.

*) Вслѣдствіе этого, конечно, цѣна понизилась (до 60 к.), но все-таки торговцы имѣли хорошій барышъ, т. к. на мѣстѣ за пару платилось, по слухамъ, копеекъ по 10.

12. Бекасѣ.

Scolopax gallinago, Briss.

Табл. 12.

Мензбирѣ, Птицы Россіи, т. I, стр. 217.

Болѣе распростран. названія: *бекасѣ, барашекѣ.*

Мѣстныя названія: *бекасѣ, барашекѣ, чикѣ; дикій или льеной барашекѣ. Грехтунѣ, барашекѣ* (Харьков.).

Польск.—*bekas, kozietek, baranek, bekas kszyk, kszyk.*—Эст.—*mets kits, tikkutaja, taiwa sik.*—Латыш.—*pehrkona kasa, kikku kasa, meh kasa.*—Фин.—*isompi taivaanvuohi taihvanvuohi* (Муonio), *taivaan mäkärä, ukon viinas* (русск. Лапл.).—Лапланд. *mieekastak* (Каресуандо), *mäkastak* (Лапл.), *maekkastak* (Ость - Финмарк.), *makkastak.*—Жмуд.—*кжикѣ, цыкулицѣ.*—Молдав.—*бекацѣ.*

Татар.—*чэтиртеннѣ;* киргиз.—*кырѣ-текѣ.*—Ост.-самоѣд.—*хамме.*—Денг.-ост.—*койшидѣ.*—Вил. тунг.—*циница.*

Благодаря своей меньшей прихотливости въ выборѣ мѣста жительства, бекасѣ распространенѣ гораздо шире дупеля и упорнѣе послѣдняго сопротивляется прямому и косвенному вытѣсненію человекомѣ. Съ другой стороны, удивительный полетѣ бекаса, дѣлая эту птицу высоко цѣнимою охотниками, устраняетѣ всякую возможность для промышленника выбрать ее предметомѣ своего добыванія, и потому, внѣ всякаго сомнѣнія, бекасѣ находится въ гораздо болѣе выгодныхъ условійхъ существованія, нежели вальдшнепѣ и дупель.

Распространеніе у насѣ бекаса можетѣ быть названо повсемѣстнымѣ, хотя сѣверная граница его распространенія не совпадаетѣ съ сѣверной границей его гнѣздовой области и на крайнемѣ югѣ страны бекасѣ нигдѣ не гнѣздится. Вообще говоря, эта птица доходитѣ къ сѣверу до 70° с. ш. Въ русской Лапландіи бекасѣ очень рѣдокѣ и, быть можетѣ, не гнѣздится, но въ финской Лапландіи уже несомнѣнно гнѣздится. У Бѣлаго моря обыкновенная гнѣздящаяся птица какѣ Онежской бухты, такѣ и въ устьѣ Сѣверной Двины. Гнѣздится подѣ Мезенью и въ устьѣ Печоры, но здѣсь рѣже дупеля. На югѣ страны не гнѣздится въ Астраханской и Ставропольской губ. и Крыму, хотя

очень обыкновененъ здѣсь на пролетѣ. На всемъ остальномъ протяженіи Европ. Россіи бекасъ болѣе или менѣе обыкновененъ во всѣхъ подходящихъ для гнѣздовья мѣстахъ и еще обыкновеннѣе на обоихъ пролетахъ.

Что касается Кавказа, то въ небольшомъ количествѣ бекасъ гнѣздится на Маломъ Кавказѣ, на высотѣ болѣе 6000' н. у. м., въ болотахъ по окраинамъ альпійскихъ озеръ — у Табищура, у Топоровани и на юго-восточномъ углу Гокчайскаго озера. На пролетѣ всюду обыкновененъ. Въ Закавказьѣ въ небольшомъ количествѣ зимуетъ.

Точнѣе область гнѣздовья бекаса можно указать, прибавивъ, что она болѣе или менѣе совпадаетъ съ лѣсной областью страны. Только Бессарабія съ обиліемъ болотъ по теченію рѣкъ во множествѣ населена бекасами, несмотря на свое безлѣсіе, вообще же въ степи бекасъ не гнѣздится. Любимое мѣстопробываніе его составляютъ торфяныя, водянистыя, кочковатыя болота, поросшія ивой и березнякомъ, мшарники, болотистыя кусты, камыши, крѣпкія болотистыя заросли, какъ лозовыя, такъ и ольховыя, и вообще труднодоступныя мѣста. Отсюда ясно, что бекасъ и дупель мало соприкасаются другъ съ другомъ, и потому не удивительно, что роль человѣка въ исторіи той и другой птицы весьма различна: дупель болѣе подверженъ вымиранію отъ измѣненія человѣкомъ коренного вида страны, тогда какъ бекасъ, сокращаясь въ числѣ, упорно держится тѣхъ мѣстъ, откуда его вытѣсняетъ культура.

Кромѣ обыкновеннаго бекаса и дупеля, въ предѣлы Европ. Россіи могутъ попадать случайно восточно-азіатскіе виды бекасовъ. Изъ нихъ лѣсной дупель (*Sc. megala* или *heterocerca*) легко узнается по хвосту, въ которомъ 20 перьевъ, изъ коихъ 12 очень узкіи. Этотъ видъ гнѣздится въ юго-восточной Сибири отъ Байкальскаго озера до Японіи, на пролетѣ посѣщаетъ Китай и зимуетъ на островахъ Малайскаго архипелага.

Горный дупель (*Sc. solitaria*) легко узнается по общему сѣро-бурому тону съ бѣлыми продольными полосами плечевыхъ перьевъ и по хвосту изъ 22 перьевъ. Эта птица гнѣздится въ центральной Азій, юго-восточной Сибири и сѣверной Японіи. Въ горной странѣ центральной Азій гнѣздится на высотѣ 10.000—15.000' н. у. м. отъ Туркестана до Алтая и Гималая. На зиму спускается въ горныя долины средняго и отчасти нижняго пояса горъ и отчасти улетаетъ въ Китай.

Наконецъ, собственно азіатскій бекасъ (*Sc. stenura*) имѣетъ въ хвостѣ 26 рулевыхъ, изъ которыхъ 16 очень узкіи. Этотъ видъ гнѣздится отъ Енисея до Тихаго океана, но къ югу едва ли спускается до Амура. Зимуетъ въ Индіи, на Цейлонѣ, Андаманскихъ о-вахъ, въ Бирманѣ, Китаѣ и на островахъ Малайскаго архипелага.

I.

Весенній образъ жизни.—Привычки бекаса. — Суточные явленія.— Прилетъ и пролетъ.—Токъ.

Чтобы не путаться въ мелочахъ и дать хотя краткую, но цѣльную картину образа жизни описываемой птицы, я начинаю съ общаго обзора весенняго и лѣтняго образа жизни и уже потомъ перехожу къ болѣе интереснымъ частностямъ.

Вообще говоря, бекасъ всюду прилетаетъ очень рано. Еще сплошною пеленою лежатъ снѣга; не поднялись, не тронулись озера и рѣки, а одиночные бекасы уже появляются, вскорѣ вслѣдъ за чибисомъ, гдѣ-либо у родничка, едва-едва оттаявшихъ лѣсныхъ болотъ, закрапнѣ поемныхъ болотъ и т. п. Слѣдовательно, какъ дупель, какъ вальдшнепъ, бекасъ прилетаетъ въ два пріема: сначала двигаются на сѣверъ одиночныя, передовыя особи, а уже послѣ нихъ слѣдуетъ и вся масса перелетныхъ птицъ, слѣдуетъ такъ наз. валовой пролетъ и прилетъ. Строгаго раздѣленія прилета на эти два періода не существуетъ: увеличеніе числа особей до извѣстной степени идетъ постепенно, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, но въ общихъ чертахъ это раздѣленіе удержать можно.

Въ Бакинской губ. пролетные бекасы показываются иногда уже въ концѣ февраля, но обыкновенно нѣсколько поздне—въ началѣ марта и длится весь пролетъ мѣсяца полтора или немного больше, немного меньше. Затѣмъ въ южной Россіи, наприм. въ губ. Харьковской, прилетъ бекасовъ въ-одиночку или небольшими группами замѣчается въ концѣ первой трети марта, высыпки появляются съ 20-хъ чиселъ марта; далѣе къ сѣверу, въ центральной Россіи, прилетъ бекасовъ начинается въ теченіе первой трети апрѣля и въ видѣ исключеній одиночные появляются даже въ концѣ марта; еще далѣе, наприм. въ губ. Вятской, въ половинѣ или около двадцатыхъ чиселъ того же мѣсяца. Появленіе первыхъ бекасовъ бываетъ обыкновенно довольно неожиданно, но валовой пролетъ совершается уже въ то время, когда перелетныя птицы вообще двигаются на сѣверъ и весна успѣетъ заявить свои права. Потеплѣетъ въ воздухѣ, отойдутъ болота, и бекасы, встрѣчавшіеся до тѣхъ поръ по-одиночкѣ, начинаютъ показываться по нѣскольку штукъ вмѣстѣ. Проидетъ еще день-другой и, наконецъ, начинаются высыпки.

Я уже говорилъ, что высыпка не есть стоянка стада, а сборище большого числа особей, летѣвшихъ парами или въ-разнобой по одному направленію и остановившихся на кормежку въ извѣстномъ участкѣ. Бекасъ представляетъ этому превосходный примѣръ. Иногда ночью, иногда на зарѣ, высоко въ воздухѣ раздается знакомый крикъ бекасовъ,—если услышите, можете безошибочно сказать, что это летитъ дорогой долгоносикъ. Но не ошибитесь, если крики будутъ повторяться и очень часто,—не думайте, что это летитъ стадо. Трудно

найти менѣе общественную птицу, чѣмъ бекасъ. Онъ летитъ всегда въ-разнобой, въ томъ смыслѣ, что если даже нѣсколько штукъ и летятъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе, онѣ нисколько не держатся другъ друга, это—случайное путешествіе вмѣстѣ. Лучше всего это доказывается тѣмъ, что вечеромъ, когда бекасъ, отдохнувши днемъ, пускается въ дальнѣйшій путь, воображаемое стадо поднимается не вмѣстѣ, а сначала вспорхнетъ одинъ, потомъ другой и т. д. На дорогѣ нѣсколько бекасовъ соберутся вмѣстѣ и полетятъ какъ бы стадомъ, но это только потому, что путешествіе вмѣстѣ для птицы легче: нѣсколькимъ вмѣстѣ легче расцѣпать воздухъ, чѣмъ одной. Но приближается утро, пора остановиться на отдыхъ, и вотъ одинъ за другимъ отбиваются бекасы отъ стада и спускаются на землю. Весьма возможно, что вслѣдъ за однимъ спустятся и другіе, но это объясняется не общественностью, не взаимною связью, существующею между членами стада, а просто утомленіемъ, болѣе или менѣе одновременнымъ у всѣхъ членовъ стада: одна и та же причина ведетъ за собою одно и то же слѣдствіе, отсюда—и сходство въ поведеніи отдѣльныхъ особей, и кажущаяся соподчиненность ихъ дѣйствій.

Сказать что-либо опредѣленное о мѣстѣ стоянки пролетныхъ и прилетныхъ бекасовъ очень трудно. Бекасъ прилетаетъ въ самую ростопель: снѣга таютъ, почва не пропускаетъ воды, вездѣ мокро, вездѣ стоятъ лужи. Понятно, что при такихъ условіяхъ бекасъ не можетъ быть такимъ разборчивымъ въ выборѣ мѣста, какъ дупель, и волей-неволей долженъ останавливаться тамъ, гдѣ можно. Позднѣе, когда высыпки пролетныхъ бекасовъ перемѣстятся дальше на сѣверъ, а прилетныхъ—разобьются, разсыплются по большому участку, бекасъ перебирается постепенно въ мѣста своего гнѣздовья: въ мокрѣя лѣсныя опушки, болота съ зарослью и т. д. Но до этого времени его можно встрѣтить всюду: по низинамъ луговъ и сѣнокосовъ, на мокрѣхъ луговинахъ рѣдкаго мелколѣся, по краямъ моховыхъ болотъ, на болотистыхъ мѣстахъ, на вырубкахъ между полями, на островахъ среди разлива. Такимъ образомъ бекасъ мокроты не боится и не занимаетъ перечисленныхъ мѣстъ только тогда, когда вода покрываетъ ихъ настолько высоко, что ему уже трудно становится по нимъ ходить. Иногда выгоняетъ его отсюда и случайно завернувшій морозъ, но это бываетъ рѣдко, и въ такихъ исключительныхъ случаяхъ бекасъ бросается къ мельничнымъ плотинамъ, незамерзающимъ родникамъ и вообще всюду, гдѣ можетъ запустить въ землю свой длинный носъ.

Проходитъ еще недѣля, пролетные прошли дальше, мѣстовые разбились, самцы начали токовать. Сначала токованье идетъ недружно, надъ болотами носятся только нѣсколько бекасовъ-самцовъ, но чѣмъ теплѣе становится въ воздухѣ, чѣмъ больше грѣетъ солнце, тѣмъ большее число бекасовъ поддается половому влеченію, тѣмъ оживленнѣе становится бекасиное болото. Съ конца апрѣля и до половины мая въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ токъ бекасовъ бываетъ въ

самомъ разгарѣ. Въ это время самцы токують не только утромъ и вечеромъ, но даже днемъ и ночью, токують съ увлеченіемъ, страстью, большей чѣмъ у косача. Позднѣе, когда самки обзаведутся яйцами и начнется выводъ раннихъ молодыхъ, токованье самцовъ становится слабѣе, но все же зорями они токують еще горячо, и только въ послѣднихъ числахъ мая токованье, постепенно ослабѣвая, сводится почти на-нѣтъ; но одиночныхъ токующихъ бекасовъ можно встрѣтить даже во второй половинѣ іюня. Молодые къ этому времени уже успѣють достаточно подняться, а самцы ослабѣвають и забиваются въ крѣпи на поправку и линьку.

Дракъ, схватокъ между токующими бекасами нормально не бываетъ, какъ и между токующими вальдшнепами. Столкнутся случайно два противника—затѣется минутная драка, но вообще все обходится тихо и смирно. Никакого участія въ токованіи самки не принимаютъ: онѣ сидятъ и слушаютъ точно такъ же, какъ тетерьки, и смотрятъ на своихъ токующихъ кавалеровъ; пришло время, разыгралось половое стремленіе, самка издаетъ призывный звукъ, самецъ спускается къ ней... Но о выборѣ, какъ кажется, нѣтъ и рѣчи. Тамъ, гдѣ бекасовъ много, провѣрить выборъ или отсутствіе его у нихъ трудно; несомнѣнно только одно, что одинъ и тотъ же самецъ сходится съ разными самками; тамъ, гдѣ ихъ мало, гдѣ одинъ самецъ токуеть надъ одной самкой, тамъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ признанію такого выбора.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о весенней жизни бекасовъ перейдемъ къ частностямъ, при чемъ введемъ въ свое описаніе также и азиатскихъ бекасовъ, относительно образа жизни которыхъ пока извѣстно еще очень мало.

Въ спокойномъ положеніи бекасъ нѣсколько поджимаетъ ножки подъ себя и потому кажется гораздо ниже, чѣмъ на ходу; при этомъ тѣло его идетъ почти въ горизонтальномъ положеніи, а шея такъ вытянута и голова такъ нагнута, что клювъ направленъ къ землѣ. Напротивъ, на ходу и вообще въ то время, когда бекасъ оживляется, что обыкновенно бываетъ зорями и въ лунныя ночи, онъ нѣсколько вытягивается, какъ бы вырастаетъ. Тогда онъ начинаетъ быстро перебѣгать съ одного мѣста на другое, перелетаетъ большія разстоянія и суетится такъ въ продолженіе всей ночи, добывая кормъ. Только передъ утромъ, наѣвшись, птица становится вялѣе и съ наступленіемъ дня окончательно прячется въ укромное мѣстечко, пока опять наступитъ мракъ.

Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, бекасъ гораздо живѣе своихъ родичей даже на землѣ. Съ этой стороны меланхолики—дупель и гаршнепъ—совершенно не могутъ гоняться за своимъ собратомъ. Но еще рѣзче, въ еще болѣе поразительной степени выступаетъ это различіе между столь близкими птицами на полетѣ. Летящій бекасъ сразу узнается по своей фигурѣ: онъ весь гораздо круглѣе, короче;

шея вытянута; крылья нѣсколько прижаты. Прибавьте къ этому вертикальный полетъ—и смѣшеніе бекаса на полетѣ съ его родственниками станетъ невозможнымъ. Бекасъ никогда не лежитъ такъ крѣпко, какъ дупель. Вспугнутый, онъ взлетаетъ съ своимъ рѣзкимъ крикомъ какъ стрѣла, бросается въ ту или другую сторону, поворачивается нѣсколько брюшкомъ вправо и влѣво, и только улетѣвши за предѣлы выстрѣла, летитъ прямо. Вспугнутый бекасъ никогда не перемѣстится на небольшое разстояніе. По большей части, прыгая, мечась въ воздухѣ, онъ взлетаетъ высоко надъ землею, затѣмъ проносится прямо и только тогда, сложивши крылья, падаетъ вновь на землю. Чѣмъ выше забирается бекасъ первоначально, тѣмъ быстрѣе его паденіе. Съ большой высоты бекасъ падаетъ, положительно, какъ камень. Только въ періодъ брачной жизни на мѣстѣ гнѣздовья можно видѣть иногда, какъ бекасъ летитъ прямо, нѣсколько поворачиваясь съ боку на бокъ, наподобіе летучей мыши, но и это бываетъ исключительно по вечерамъ. Чтобъ охарактеризовать дневной образъ жизни бекаса въ разное время года, много словъ не нужно: исключая періода брачной жизни, и самцы и самки—птицы ночныя, и добровольно днемъ бекасъ своего убѣжища не покинетъ; добровольно бекасъ летаетъ только зорями и ночью; напротивъ, въ періодъ брачной жизни бекасъ-самецъ летаетъ чуть что не цѣлыя сутки; токуетъ и днемъ, и вечеромъ, и ночью, и только около полуночи спускается на землю похватать наскоро корму; но, въ противоположность самцамъ, самки и въ это время мало отклоняются отъ своего обычнаго образа жизни и, становясь нѣсколько оживленнѣе, только перебѣгаютъ по болоту. Время дня и состояніе погоды также вліяютъ на бекаса; въ погоду вѣтреную стрѣлять бекаса положительно немислимо; при вѣтрѣ онъ буквально „мечется“ въ воздухѣ и, отлетѣвши довольно далеко, поворачивается головою противъ вѣтра и бросается на землю; въ погоду тихую бекасъ смиреннѣе, летитъ правильнѣе и не такъ далеко; равнымъ образомъ и въ полдень эта птица смиреннѣе, чѣмъ въ другое время дня. На прилетѣ бекасъ также дѣятеленъ ночью; днемъ онъ отдыхаетъ и по необходимости въ это же время кормится, тыкая носомъ тамъ же, гдѣ остановился; ночью летитъ далѣе, пока, наконецъ, не достигнетъ мѣста своего гнѣздовья.

Исключая брачнаго времени, когда описываемая птица кормится когда придется, бекасъ добываетъ себѣ кормъ предпочтительно вечеромъ, ночью и раннимъ утромъ. Днемъ бекасъ лежитъ, притаившись около кочки, между травами, въ ямкѣ и, какъ кажется, лежитъ совершенно безъ движенія. По крайней мѣрѣ весьма продолжительныя наблюденія надъ болотомъ, во множествѣ населенномъ бекасами, приводятъ къ заключенію, что если не пугать бекасовъ, не выгонять ихъ собакой, то замѣтить ихъ можно только вечеромъ и раннимъ утромъ. А отсюда само собою слѣдуетъ и то, что днемъ бекасъ, если и съѣстъ что-нибудь, то только изъ того, что, такъ сказать, у него подъ руками. Напротивъ, вечеромъ, едва расправившись отъ дневной лежки, бекасъ отправляется на кормежку.

Я уже говорилъ, что бекасъ въ выборѣ мѣста не разборчивъ. Его можно найтн и тамъ, гдѣ мало воды и много грязи, и тамъ, гдѣ много воды и мало грязи, и, наконецъ, тамъ, гдѣ много или мало того и другого (Дмитрій В—скій), а отсюда, бекаса можно поднять не только въ кочковатой крѣпи, въ луговыхъ и лѣсныхъ болотахъ съ зарослью, но и по травянистымъ берегамъ рѣкъ, озеръ, прудовъ, ручьевъ, по едва потнымъ сѣнокоснымъ дугамъ, по потнымъ лѣснымъ опушкамъ и т. д. Само собой разумѣется, что въ такихъ разнообразныхъ мѣстахъ обиліе корма далеко не одно и то же, и потому измѣненія въ образѣ жизни бекаса, то отыскиваніе корма на мѣстѣ дневной лежки, то ночныя кочевки. Говоря вообще, бекасъ охотнѣе всего добываетъ себѣ кормъ изъ очень мягкой, сырой земли, даже грязи. Поэтому, если болото, на которомъ пріютился долгоносый днень, представляетъ указанное преимущество, бекасъ не покидаетъ его ночью, а только перебѣгаетъ или перелетываетъ съ мѣста на мѣсто; нѣтъ этого—сухо болото или даже не очень сухо, но поблизости есть мѣста болѣе привлекательныя,—бекасъ перебирается вечеромъ на нихъ. Отсюда и происходитъ то, что вечеромъ нерѣдко можно встрѣтить бекасовъ у береговъ грязныхъ прудовъ и озеръ, у рѣчекъ, ручьевъ и даже просто лужъ. Иногда, конечно, въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ, бекасъ летитъ на такія угоды даже довольно далеко. Такъ Дмитрій В—скій говоритъ, что, подкарауливая по ночамъ утокъ, прилетающихъ погулять на чистую воду съ полей, онъ не разъ пускалъ заряды въ налетавшія съ извѣстнымъ крикомъ станички бекасовъ и выбивалъ однимъ зарядомъ по нѣсколько штукъ.

Другой интересный случай приводитъ г. Крымскій. „Мнѣ случилось видѣть не разъ,—говоритъ онъ,—стаи больше сотни на совершенно открытой мѣстности, именно—на грязной ложбинѣ, покрытой нечистотами, вытекающими изъ бычачьяго стойла... видѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ и всегда въ одно время, около 3 часовъ утра, а когда приходилось бывать часа въ 4 или позднѣе,—бекасовъ не находилъ“. Очевидно, что бекасы прилетали кормиться въ указанное мѣсто, привлеченные обиліемъ корма. Не менѣе интересный случай о перелетахъ бекасовъ на кормежку сообщаетъ также г. Д—вичъ:

„Изъ каждаго сахарнаго завода,—говоритъ онъ,—посредствомъ особаго желоба, выводятся негодные остатки сахарнаго производства, такъ наз. „мелись“. Этотъ мелись—густая, тягучая масса, сладковатаго вкуса и противнаго запаха,—изъ года въ годъ скопляется на одномъ мѣстѣ и, наконецъ, образуетъ нѣчто въ родѣ топкаго болота, лишеннаго растительности и крайне неудобнаго для ходьбы. Вблизи завода, гдѣ слой мелиса слишкомъ толстъ, ходить и вовсе невозможно, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мелись разливается на широкомъ пространствѣ, слой его тоньше и по немъ можно кое-какъ пробираться, но только босикомъ или въ лаптяхъ. На такихъ болотахъ кишмя кишатъ бекасы. Если ихъ часто беспокоятъ, то днень они скрываются въ окрестныхъ посѣвахъ свекловицы, а вечеромъ переселяются на бо-

лото, гдѣ ихъ привлекаетъ масса червей и насѣкомыхъ, кишачихъ въ вонищемъ мелисѣ“. Этотъ случай переселенія бекасовъ на кормежку совершенно аналогиченъ приведеннымъ нѣсколько раньше; разница только въ томъ, что бекасы, находя себя на мелисѣ безопасными, остаются тамъ и на день; но если вмѣсто безопасности они убѣждаются въ противномъ, перелеты на кормежку возобновляются.

Главную пищу бекаса составляютъ черви, личинки насѣкомыхъ, сами насѣкомыя, отчасти нѣжные корешки растений и только. Кромѣ остатковъ пищи, въ желудкѣ бекасовъ всегда находятся болѣе или менѣе крупныя песчинки, которыя птица несомнѣнно заглатываетъ довольно часто, такъ какъ песчинки эти выбрасываются чрезъ извѣстные періоды вмѣстѣ съ погадкой (непереваренная пища). Иногда приходится даже убивать бекаса, изо рта у котораго торчитъ еще не вполне проглоченный червь.

Что касается способа добыванія бекасомъ пищи, то онъ очень простъ: бекасъ запускаетъ свой носъ въ мягкую, размокшую землю или грязь, и вытаскиваетъ оттуда добычу, о присутствіи которой узнаетъ при помощи многочисленныхъ нервовъ, оканчивающихся въ клювѣ подъ его тонкой мягкой кожицей. Слѣдовательно, въ общихъ чертахъ, здѣсь повторяется то же, что мною было описано въ монографіи вальдшнепа. И слѣды, остающіеся послѣ искавшихъ кормъ бекасовъ, тѣ же, что и послѣ вальдшнепа, т.-е. небольшія рядомъ лежащія отверстія въ землѣ.

Въ общемъ очеркѣ весенняго образа жизни бекаса я уже указалъ приблизительныя числа прилета этой птицы въ разныя мѣстности Европейской Россіи. Поэтому, не останавливаясь на этомъ еще разъ, я прямо перехожу къ тому, какъ совершается прилетъ и пролетъ, т.-е. къ частностямъ образа жизни прилетныхъ бекасовъ и къ току.

Нѣсколькими страницами выше было сказано, что хотя бекасы и являются въ извѣстное время высыпками, тѣмъ не менѣе собственно стадами они не летятъ. Указываю на это еще разъ, потому что въ статьяхъ нашихъ охотниковъ не разъ высказывалось мнѣніе, что бекасы прилетаютъ и отлетаютъ стадами *). Что скопища бываютъ—это такъ, что бекасы зачастую во время валового прилета летятъ по нѣсколько штукъ вмѣстѣ—и это вѣрно, но все это не стадо, а случайныя скопища, изъ которыхъ и осеннія, и весеннія образовались потому, что, съ одной стороны, сократился кормъ и птицы по необходимости должны свалить въ извѣстные участки, съ другой—потому, что пти-

*) Такъ, объ этомъ говоритъ Ярославецъ въ „Ж. О. Мина“ за 1858 г. (іюнь): „однажды на утренней зарѣ, при тихой, съ небольшимъ туманомъ погодѣ, въ половинѣ апрѣля, мнѣ случилось видѣть пролетъ ихъ; я стоялъ въ кустахъ и прислушивался къ току тетеревей, какъ вдругъ надъ моей головой раздался знакомый крикъ бекасовъ; взглянувъ, я замѣтилъ быстро пролетѣвшее стадечко, штукъ въ двадцать“. Г. Бѣловъ также говоритъ: „къ намъ бекасы прилетаютъ не по-одиночкѣ, но небольшими стайками, штукъ по восьми, девяти, не болѣе, и проносятся очень высоко...“ („Природа и Охота“ 1879, I, стр. 11, отд. III и др.).

цамъ по нѣсколько штукъ летѣть легче, чѣмъ по-одиночкѣ. Стадомъ называютъ такое собраніе большаго или меньшаго числа особей животныхъ, гдѣ члены сборища находятся въ извѣстномъ соподчиненіи, слѣдуютъ другъ за другомъ, не разбиваются добровольно. Пролетныя стада большинства птицъ совѣмъ не то: они образовались случайно; члены ихъ отстаютъ и пристають къ другимъ стадамъ; наконецъ, меньшія стада соединяются въ большія совершенно легко. Отсюда гораздо правильнѣе было бы называть пролетныя стада просто сборищами, но къ слову „стадо“ привыкли, его можно поэтому оставить, не забывая приведеннаго разъясненія.

На югѣ, гдѣ бекасы появляются впервые еще въ концѣ февраля, напр., въ Бакинской губ., бекасъ на пролетѣ держится тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ показавшеюся зеленью есть прошлогодняя травка и гдѣ мѣсто сырѣе, грязнѣе. Поднимаясь далѣе на сѣверъ, бекасъ, такъ сказать, опережаетъ развитіе растительности, а потому, напр., къ намъ, въ центральныя губерніи, попадаетъ въ самую ростопель, когда покрытыхъ и непокрытыхъ снѣгомъ мѣстъ почти поровну. Но это не смущаетъ птицу. Мѣстами ранній прилетъ бекаса не позволяетъ ему воспользоваться тѣмъ или другимъ мѣстомъ гнѣздовья, мѣстами ему плохо приходится отъ неожиданно завернувшихъ холодовъ, но все это помѣхи отчасти временныя, отчасти второстепенныя, а потому и въ весеннемъ образѣ жизни бекаса никакихъ особенныхъ періодовъ не наблюдается; можно сказать, что бекасъ прилетѣлъ, обидѣлся и заточивалъ, и въ общемъ весь періодъ половой жизни описываемой птицы характеризуется этимъ прекрасно. Но токованье бекаса само по себѣ настолько интересно и въ немъ такъ много особенностей, не встрѣчающихся у другихъ полигамовъ, что мы остановимся на немъ довольно подробно.

Въ чемъ состоитъ токъ бекасовъ, можно сказать въ двухъ словахъ. Вскорѣ послѣ прилета, едва черезъ нѣсколько дней, въ то время, когда бекасинныя самки, обидѣвшись съ прилета, начинаютъ чувствовать половое возбужденіе, самцы-бекасы пускаются въ воздушныя игры, имѣющія своей цѣлью, вѣроятно, обратить на нихъ вниманіе самокъ. Для этого самецъ взлетаетъ надъ болотомъ, дѣлаетъ различныя воздушныя эволюціи и, наконецъ, услышавши призывный звукъ самки, стрѣлою спускается къ ней... Послѣ этого онъ опять принимается играть или токовать. Сначала игры бывають только по вечернимъ и утреннимъ зорямъ; потомъ, когда весна установится и въ птицахъ сильно разыграется половое стремленье, игры бывають и утромъ, и вечеромъ, и не токуетъ бекасъ только за полночь; къ концу тока, т.-е. въ среднихъ губ. во второй половинѣ мая, игры начинаютъ ослабѣвать и бекасы токують опять только зорями; наконецъ, въ іюнѣ, обыкновенно во второй половинѣ, игры прекращаються совѣмъ.

Среди охотниковъ и до сихъ поръ отчасти распространено мнѣніе, будто бекасы и токують, и разбиваются на пары. Очевидно, что

лица, защищающія это мѣстѣ, имѣютъ весьма смутное представленіе о томъ, что такое токъ: самцы спаривающихся птицъ не токують, токують только самцы такъ называемыхъ полигамовъ, не раздѣляющіе съ самками заботу о выводѣ дѣтей. Сюда же принадлежитъ и бекасъ. Первый высказалъ у насъ это мѣстѣ М. Н. Богдановъ: „На основаніи тщательныхъ наблюденій,—говоритъ онъ,—я съ полнымъ правомъ могу утверждать, что бекасы *вовсе не разбиваются на пары*, какъ это предполагали Аксаковъ и др.; витье гнѣзда, высиживание яицъ и воспитаніе молодыхъ лежитъ на одной самкѣ. Следовательно, весеннее летанье бекасовъ надъ болотами (*игра*, какъ ее называютъ охотники) есть тотъ же токъ, какъ у дупелей, вальдшнеповъ и пр.“ *). Годомъ позднѣе, но совершенно самостоятельно высказался въ томъ же духѣ г. Дмитрій В—скій **). Своими собственными наблюденіями я могу только подтвердить сказанное.

Особенность бекаснаго тока стоитъ въ связи съ малою общественностью этой птицы. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на дупелиный токъ: каждая птица токуетъ особнякомъ и одному самцу нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до другихъ, токующихъ тутъ же. Онъ видитъ притаившуюся самку и ждетъ только извѣстнаго звука, который покажетъ ему, что его ухаживанье не останется невознагражденнымъ. Отбилъ самецъ какимъ-либо образомъ отъ извѣстнаго участка,—токовать не перестанетъ, а только переимѣнитъ одну самку на другую. Какъ я уже сказалъ, нормально ошибокъ у бекасовъ не бываетъ. Иногда, невзначай налетѣвши другъ на друга, самцы вступаютъ въ битву, которая кончается бѣгствомъ одного изъ нихъ, но это явленіе рѣдкое и даже случайное. Иногда самецъ, увидѣвши поднявшуюся самку, бросается влѣдъ за ней и обыкновенно оба падаютъ вмѣстѣ, но и это наблюдается не часто. Общая картина тока весьма и весьма однообразна и, выбравши любой день, можно ознакомиться съ бекаснымъ токомъ со всѣхъ сторонъ. Конечно, день надо выбирать не изъ ранняго и не изъ поздняго періода тока, а изъ середины, когда токъ въ самомъ разгарѣ, напр., въ концѣ апрѣля.

Весна стала... Прилетѣвшіе бекасы уже давно обсеидѣлись; въ мѣстахъ неугодныхъ ихъ не встрѣтитъ: они перебрались туда, гдѣ будутъ гнѣздиться ихъ самки, гдѣ первое время по выводѣ будутъ держаться ихъ молодые, т. е. по преимуществу въ болота около лѣсовъ и большіхъ кустовъ.

*) Птицы и звѣри Поволжья, стр. 139.

**) „Есть предположеніе, что бекасы разбиваются на пары... Я противъ него. Едва ли можно сомнѣваться, что они, какъ и дупеля, токують и не принимаютъ никакого участія въ высиживаніи дѣтей. Вообще, птицы спариваются далеко раньше кладки яицъ, и это первое; а во-вторыхъ, спарившійся самецъ держится неотступно самки и не поидетъ отъ нея на манку. Если всѣ виды тетеревей не спариваются, виды утокъ и куликовъ разбиваются на пары, то едва ли можно допустить, чтобы птицы одного характера, образа жизни, нрава и даже наружнаго вида—и токовали, и спаривались“ („Ж. О. и К.“ 1872, 147).

Въ теплый весенній вечеръ, передъ заходомъ солнца, самецъ-бекасъ забирается высоко надъ землею и вслѣдъ затѣмъ до вась долетаетъ изъ голубой выси его громкое, гармоничное бляенье. Сначала раздается одно, другое, потомъ къ нимъ присоединяется еще и еще,— и чѣмъ ниже спускается солнце, чѣмъ темнѣе становится синева неба, тѣмъ чаще и чаще слышатся эти звуки. Передъ тѣмъ, какъ солнцу скрыться, надъ болотомъ кружится цѣлый роіі долгоносыхъ и бляенье барашковъ раздается отовсюду...

Въ послѣдній разъ заходящее солнце метнуло своими лучами по небосклону и вспыхнуль западъ, загорѣлись далекіе пригорки, заалѣли вершины лѣса. На нѣсколько минутъ все погружено въ волны розоваго свѣта, но вотъ поблекнуль небосклонъ, потемнѣли лѣса и медленно, точно подкрадываясь, начала всползать ночь надъ землею. Потонули въ голубоватомъ сумракѣ далекія окрестности, за клубился туманъ по лѣсной вершинѣ, но весенняя ночь сказывается съ первыхъ же шаговъ ея и прозрачный теплый воздухъ, полусумракъ—все превращаетъ ночь въ вечеръ, вечеръ дышащій жизнью, полный движенія и звуковъ. Дневного шума нѣтъ. Ужъ не стоитъ надъ землею тотъ неопредѣленный, таинственный шепотъ, который называется „весеннимъ шумомъ“. Уже не несутся надъ ней неизвѣстные, откуда-то изъ недосыгаемой выси идущіе звуки... Они улеглись. Изъ общаго хора выдѣлились только звуки земли: голоса птицъ, журчанье ручьевъ, да неопредѣленные звуки, издаваемые отходящею почвою... Никогда токованье бекасовъ не бываетъ такъ сильно, какъ въ это время. Вотъ срывается одинъ съ кочки и винтомъ поднимается выше и выше; далеко отъ земли раздалось его бляенье; прошло мгновенье и вы видите: бекасъ уже несется надъ болотомъ, выкрикивая свое обычное „такъ-такъ-такъ-такъ“. Другой окончательно увлекся играми и его бляенье слышится поминутно; то забирается онъ въ высь, исчезая изъ глазъ въ ночномъ сумракѣ, то стрѣлой разсѣкаетъ воздухъ, какъ бы падаетъ изъ-подъ облаковъ, опять поднимается, то раздается его „такъ-такъ-такъ“, то бляенье... и только. Дракъ, столкновеній нѣтъ. Каждая птица токуеть особнякомъ, но это—токъ, это—игры самцовъ, ожидающихъ призывного крика самокъ. Представьте себѣ вмѣсто вечера и ночи утреннюю зорю, полдень,—картина будетъ все та же, но съ тою разницею, что число токующихъ бекасовъ будетъ меньше.

У бекасовъ есть одна общая съ дупелями черта по отношенію къ токованью. Это то, что пролетные бекасы не токують, а токують только прилетные, гнѣздовые. Очевидно, что бекасъ, какъ птица прилетающая очень рано и притомъ токующая такимъ оригинальнымъ образомъ, какой описанъ, въ силу весьма многихъ условій не можетъ токовать на пролетѣ: высыпки пролетныхъ бываютъ весьма непродолжительны (каждая сама по себѣ), мѣста остановокъ разнообразны, но неудобны, неудобны для стоянокъ и пр. Отсюда самъ собою встаетъ передъ охотникомъ крайній вредъ отъ охоты за бекасами на весеннихъ высыпкахъ: пролетныхъ бекасовъ почти никогда не

удается захватить, т. к. они если и продержатся гдѣ-либо нѣкоторое время, то по преимуществу въ мѣстахъ неудобныхъ, куда и не добраться; въ мѣстахъ же болѣе удобныхъ держатся высыпки мѣстовыхъ бекасовъ, которые ждутъ здѣсь, пока вода спадетъ настолько, что можно будетъ перебраться въ свои родныя уголья, гдѣ начнется токъ и гдѣ будутъ выводить дѣтей самки. Такимъ образомъ, распугивая высыпки, прямо лишаешь себя лѣтней охоты.

Возвращаюсь къ токованью бекаса.

Полетъ токующаго бекаса весьма смѣль и разнообразенъ по обладанію тѣхъ или другихъ движеній, но, выражая схематично, его можно представить въ такомъ видѣ. Съ быстротою молніи срывается бекасъ съ своего мѣста и нѣсколько мгновеній несется вверхъ, слегка вкось; затѣмъ онъ винтомъ поднимается кверху и въ теплую, тихую погоду забирается такъ высоко, что даже въ полдень невооруженнымъ глазомъ замѣтить его нѣтъ никакой возможности. На такой высотѣ бекасъ начинаетъ описывать круги, но потомъ, расширивъ крылья и не шевеля ими, съ страшною силою бросается внизъ, описывая дугу, волнами. Проідетъ секунда и опять птица ввинчивается въ небо и опять стремительно бросается книзу, продолжая подобныя игры до тѣхъ поръ, пока не услышишь нѣжнаго „ссть-ссть“ притаившейся на землѣ самки. Тогда самецъ камнемъ падаетъ къ ней. Иногда, наигравшись, но не слыша зова самки, бекасъ-самецъ бросается внизъ и на нѣсколько секундъ присаживается гдѣ случится: на кочкѣ, на сучкѣ дерева, на голой землѣ; потомъ опять срывается и т. д.

Что токованіе бекаса сопровождается извѣстными звуками, это всѣ знаютъ; но что многіе до сихъ поръ незнакомы съ истиннымъ происхожденіемъ этихъ звуковъ, это тоже не менѣе извѣстно. Слѣдя за токующимъ бекасомъ, наблюдатель слышитъ два совершенно ясно различимые звука: первый изъ нихъ рѣзкій, сильный, наподобіе слоговъ „такъ-такъ-такъ-такъ“. Эти звуки птица издаетъ гортанью, проносясь надъ поляной или забираясь кверху; издаетъ ихъ и до начала настоящаго токованья, сидя гдѣ-либо на землѣ. Другіе звуки передать слогами очень трудно: это т. назыв. блянье, звуки дѣйствительно напоминающіе блянье молодого барашка, откуда и бекаса въ простонародьи зовутъ дикимъ, лѣснымъ или просто барашкомъ. Чтобы дать понятіе о слѣѣ, съ которой они раздаются, достаточно сказать, что совершенно ясно ихъ можно слышать шаговъ за 1000. Слогами можно нѣсколько (впрочемъ, съ извѣстной долей воображенія) подражать блянью бекаса, произнося очень быстро „бге-е-г-е-е“ *).

Въ Германіи набралась даже маленькая литература по предмету „блянья“ бекаса. Объяснить происхожденіе блянья пытались орнитологи, начиная съ Науманна, и среди нихъ находятся такія имена, какъ Альтумъ, Борггреве, Гомейеръ, Пекель и др. Намъ, конечно, нѣтъ на-

* Нѣмецкіе орнитологи думаютъ передать блянье бекаса, повторяя очень часто слоги «дудуду...» По-моему, это подражаніе очень неудачно.

добности останавливаться на разборѣ всѣхъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній въ хронологическомъ порядкѣ. Совершенно достаточно сказать, что всѣ орнитологи издавна признали, что происхожденіе бляенья надо искать не въ голосовыхъ звукахъ, а въ колебаніи перьевъ,— но какихъ? Здѣсь-то и разошлись мнѣнія: въ то время какъ одни признавали, что бляенье происходитъ отъ колебанія кончиковъ маховыхъ, другіе приписывали его рулевымъ. Въ настоящее время извѣстнымъ шведскимъ орнитологомъ Мевесомъ вопросъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что бляенье барашка обуславливается колебаніемъ рулевыхъ.

Мевесъ поставилъ вопросъ совершенно вѣрно и разрѣшилъ его строго научно. Онъ прикрѣплялъ одно изъ крайнихъ рулевыхъ перьевъ бекаса къ тонкому пруту и приводя его въ движеніе, подобное тому, какое можетъ быть произведено токующимъ бекасомъ (рѣзкое волнообразное), получилъ звукъ, весьма близкій къ бляенью бекаса. Тотъ же опытъ съ однимъ изъ маховыхъ перьевъ не далъ никакого результата. Кроме того, Мевесъ произвелъ опытъ съ рулевымъ перомъ одной изъ азіатскихъ формъ, именно лѣснаго дупеля, о которомъ рѣчь ниже. Опытъ вполне удался: звукъ, происшедшій отъ колебанія рулевого пера лѣснаго дупеля, приближался къ тому, о которомъ говоритъ Дыбовскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сильно отличался отъ бляенія барашка.

На этомъ можно кончить съ весеннимъ образомъ жизни нашего бекаса, т. е. съ его прилетомъ и токомъ. По времени кончается этотъ періодъ далеко неопредѣленно въ разныхъ мѣстахъ и въ разные годы: на югѣ, напр. въ губ. Подольской, бекасинья самки садятся на гнѣзда при ранней веснѣ уже въ концѣ марта, а нормально въ первыхъ числахъ апрѣля; въ среднихъ губ. — въ концѣ апрѣля; далѣе на сѣверѣ въ началѣ мая и даже въ половинѣ этого мѣсяца. Поэтому гораздо правильнѣе смотрѣть какъ на конецъ весенняго періода — просто на время кладки яицъ безъ всякаго отношенія ея къ числамъ.

Что касается самцовъ, то у нихъ періодъ половой жизни затягивается далеко за тотъ же періодъ у самокъ: одиночные бекасы въ средней полосѣ токутъ весь іюнь и, такъ сказать, сходятъ со сцены въ то время, когда самки съ молодыми начинаютъ уже выходить изъ крѣпей, по крайней мѣрѣ, на ночь, куда самцы уходятъ для линьки.

Теперь нѣсколько словъ объ азіатскихъ бекасахъ. Свѣдѣнія о нихъ очень скудны и кромѣ извѣстныхъ статей П. Шведова, нѣсколькихъ замѣтокъ Дыбовскаго въ Кабанисовомъ орнитологическомъ журналѣ и мелочныхъ замѣтокъ въ путешествіяхъ Радде, Пржевальскаго, Гендерсона и Юма, и немногихъ другихъ, — объ азіатскихъ бекасахъ нигдѣ ничего нельзя найти.

Что касается лѣснаго дупеля, то выше уже было сказано, какъ неприхотлива эта птица. Появляется она въ окрестностяхъ Иркутска всегда нѣсколько позднѣе барашка—въ концѣ апрѣля—и съ прилета почти незамѣтна. Но наступаетъ май—и лѣсной дупель начинаетъ токовать. Его игры совершенно непохожи на игры обыкновеннаго бе-

каса и чтобы насмотрѣться на нихъ (слова Шведова) *) и составить себѣ о нихъ понятіе, нужно выбрать ясный, хотя и свѣжій майскій вечеръ и отправиться въ лѣсъ или въ окруженное лѣсомъ болото. Часу въ пятомъ вы увидите нѣсколько штукъ бекасовъ, описывающихъ въ воздухѣ круги и почти непрерывно производящихъ учащенные звуки на манеръ „чви, чви, чви“. Не думайте, что это начало воздушныхъ игръ,—ничуть не бывало, это просто какія-то, словно предварительныя, эволюціи; пройдетъ полчаса—и все смолкнетъ, бекасы спустятся внизъ, и въ лѣсу воцарится мертвая тишина, развѣ нарушаемая подчасъ какимъ-нибудь задорнымъ чириканьемъ пичужки, да отрывистымъ крикомъ козла за противоположною горою. Но вотъ солнце сравнялось съ верхушками деревьевъ,—часть седьмой въ исходѣ, до вашего слуха долетѣли какіе-то особенные звуки; вы взглянули въ ту сторону и видите высоко въ небѣ движущуюся точку: это игривый долгоносикъ забрался въ высь. Вотъ онъ, поджавъ нѣсколько крылья и какъ бы остановивъ ихъ движеніе, стремительно пошелъ наискось къ низу—и полились въ воздухѣ дрожащіе звуки, наподобіе льющей въдали воды, постепенно все возвышающіеся и рѣзче долетающіе до вашего слуха. Бекасъ стрѣлою несется на вась; но вотъ, не долетѣвъ нѣсколько сажень до верхушекъ деревьевъ, онъ какъ бы остановился въ воздухѣ и въ тотъ же моментъ, прокричавъ свое „чи-ка-чи“ (съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ), полетѣлъ въ сторону. Пролетѣвъ нѣкоторое пространство и описавъ въ воздухѣ нѣсколько круговъ, онъ вновь, молча, забирается въ высь и опять производитъ свой музыкальный фокусъ. Едва появился одинъ играющій бекасъ, какъ тотчасъ ему начинаетъ вторить другой, третій и черезъ какіе-нибудь четверть часа весь лѣсъ оглашается ихъ переливчатыми трелями. Послѣ нѣсколькихъ воздушныхъ эволюцій, бекасъ спускается въ чащу или на какую-нибудь лужайку, садится на землю и начинаетъ безъ умолку кричать, какъ бы настойчиво призывая самку; трескучіе рѣзкіе крики эти трудно передать словами, но приблизительно они подходятъ къ слогамъ „трли-ти-ту“. Иногда прилетаетъ на то же мѣсто другой бекасъ и тогда слышится особаго рода сердитое чириканье. Драки соперниковъ мнѣ видѣть не доводилось, но спаривающихся разъ видѣлъ, стоя на лѣсной дорожкѣ, на тягѣ вальдшнеповъ. Накричавшись вдоволь, бекасъ снова порывается кверху и принимается за прерванныя воздушныя игры. Часу въ девятомъ они почти всѣ вдругъ, словно по какой-нибудь командѣ, сразу прекращаютъ игры и умолкаютъ до сумерекъ,—тутъ вновь начинаютъ ихъ, еще съ большимъ азартомъ, и кончаютъ лишь съ наступленіемъ глубокой ночи. Въ темнотѣ они поднимаются не такъ высоко, смѣло снуютъ надъ самой вашей головой и безпрестанно спускаются на землю. Утромъ тоже играютъ, но не такъ ярко, какъ вечеромъ. Выдаются такіе періоды, что они начинаютъ играть съ полдень и играютъ до второго часа. Во время игры бекасы

*) «Записки сибирскаго Немврода», стр. 347.

изрѣдка садятся на верхушки сухихъ деревьевъ, на телеграфные столбы, сидятъ молча или, растопыривъ крылышки, отчеканиваютъ свое обычное „трли-ти-ту“. Въ хорошую погоду играютъ сильнѣе. Усиленно играютъ бекасы до конца іюня, понемножку же, поздно вечеромъ, играютъ въ іюль и даже въ августъ“.

Что касается азіатскаго бекаса (*Sc. stenuga*), то не только его игры, но и вообще его образъ жизни въ точности неизвѣстны, такъ какъ большинство наблюдателей до послѣдняго времени путали *Sc. stenuga* и *mejala*. Извѣстно только то, что азіатскій бекасъ держится тамъ же, гдѣ и лѣсной дупель, и только изрѣдка забирается въ болѣе мокрая мѣста.

II.

Лѣтній и осенній образъ жизни бекаса.—Выводъ молодыхъ.—Линька.—Бекасъ въ неволѣ.— Охота на бекаса.

Итакъ, въ разной широтѣ, въ разное время, но вообще задолго до прекращенія токованья самцовъ, бекасиная самка устраиваетъ свое гнѣздо и принимается за высиживаніе. Черезъ три недѣли изъ яицъ выводятся бекасята, къ тому же времени токъ въ тѣсномъ значеніи этого слова прекращается и какъ самки съ молодыми, такъ и самцы первое время остаются вмѣстѣ въ крѣпяхъ гнѣздовыхъ мѣстъ. Позднѣе, какъ только птенцы получаютъ способность перелетывать, выводки перебираются на жировку въ болѣе открытыя мѣста; проходитъ еще нѣкоторое время и взматеревшія молодья и перелинявшія старья птицы разлетаются по всѣмъ угоднымъ мѣстамъ и держатся тамъ до отлета.

Мѣста гнѣздовья бекаса весьма разнообразны. Любимѣйшее изъ нихъ составляетъ кочковатая крѣпь, луговое или лѣсное болото съ зарослью, иногда торфяное болото, но никогда не гнѣздится бекасъ на открытыхъ мѣстахъ. Говоря короче, бекасъ гнѣздится тамъ, гдѣ токуетъ, и, слѣдовательно, съ этой стороны никакого отличія въ нравахъ этой птицы отъ другихъ полигамовъ не замѣчается. Время устройства гнѣзда, вывода молодыхъ стоитъ въ такой тѣсной связи съ прилетомъ бекаса, что говорить объ одномъ, не вспомнивъ въ главныхъ чертахъ другого, немислимо. Вообще можно сказать, что самка садится на гнѣздо недѣли черезъ три послѣ прилета, но въ иные годы бывають уклоненія отъ этого срока и, либо отъ погоды, либо отъ другихъ причинъ, начало гнѣздовитія начинается иногда гораздо позднѣе, запаздываетъ на недѣлю, на полторы. Бываетъ и такъ, что съ начала весны держитъ хорошая погода, бекасы выведутъ птенцовъ или только обзаведутся яйцами, а въ маѣ завернутъ морозы, и ранніе выводки и яйца гибнутъ. Вообще, періодъ вывода бекасиныхъ птенцовъ весьма продолжителенъ, что можетъ быть объяснено только тѣмъ, что одиночные самцы токують въ продолженіе всего іюня. Подъ Москвою ранніе бекасята выводятся около 5-го мая и въ началѣ іюня

уже начинают жить самостоятельно, тогда какъ поздніе выклевываются только во второй половинѣ іюня и въ видѣ исключенія даже въ іюлѣ и въ августѣ. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ 28 іюня 1867 г. М. Н. Богдановъ нашелъ на одномъ и томъ же болотѣ совершенно оперившихся и выросшихъ молодыхъ и выводки бекасятъ въ пуху. Въ 1868 г. на болотѣ Конь выводокъ бекасятъ былъ найденъ тѣмъ же наблюдателемъ 12 іюля. Не менѣе интересны свѣдѣнія, сообщенныя изъ Елецкаго уѣзда: нормально бекасята выводятся тамъ въ концѣ мая и въ началѣ іюня, слѣдовательно перелетывающіе бекасы встрѣчаются уже въ концѣ іюня; но въ 1875 г. молодые, плохо летавшіе бекасы попадались 19—21 августа, а въ 1874 г. три бекасенка съ неоперившимися головами были убиты 16 августа. Въ Харьковской губ. въ 1887 г. г. Глушковъ наблюдалъ въ Валковскомъ у. еще совсѣмъ маленькихъ бекасовъ въ пушку въ 20-хъ числахъ августа. Подобное запаздываніе выводомъ, конечно, можетъ быть объяснено только гибелью первыхъ яицъ и насиживаніемъ вторыхъ. Но, отрѣшившись отъ подобныхъ исключительныхъ случаевъ, можно сказать, что нормально въ южной полосѣ гнѣздовья бекасята выводятся въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, въ средней—въ концѣ мая и отчасти въ началѣ іюня и въ сѣверной—въ первой половинѣ іюня.

Въ связи со второй кладкой стоитъ и уменьшеніе числа яицъ бекаса. Нормально бекасиная самка въ первую кладку несетъ четыре яйца; при вторичной кладкѣ обыкновенно откладывается только три яйца и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ четыре. Что касается формы и величины яицъ, то о нихъ можно сказать только то, что примѣнимо ко всѣмъ бекасинымъ (въ родовомъ значеніи этого слова) яйцамъ: сравнительно съ величиной птицы они очень велики, цвѣта зеленоватаго или желтоватаго съ сѣрыми или болѣе темными зеленоватыми, либо буроватыми пятнами. По формѣ яйца нѣсколько грушевидны, но далеко не такъ, какъ, наприм., у дупеля.

Гнѣздо бекаса весьма и весьма незатѣйливо. Обыкновенно на кочкѣ, или около корня кустика самка выбираетъ углубленіе, уминаетъ его, натаскиваетъ туда ветоши и на это-то незатѣйливое ложе и кладетъ свои яйца. Первое время гнѣздо почти совсѣмъ не защищено отъ взора враговъ, но къ концу насиживания травка кругомъ гнѣзда подрастаетъ и потому сейчасъ же по выходѣ молодые уже находятъ достаточно защиты въ мѣстахъ гнѣздовья. Къ тому же и мѣста-то эти сами по себѣ трудно доступны, такъ что бекасамъ въ первое время по выводѣ нѣтъ никакой надобности перебираться въ другія угодья.

Высиживаетъ самка одна, безъ всякой помощи самца. Рѣдко сходитъ она съ гнѣзда, чтобы покормиться поблизости, и то всегда въ полдень, а если и случится встрѣтить самца недалеко отъ гнѣзда, не должно думать, что онъ помогаетъ самкѣ въ высиживаньи и заботится о выводкѣ: самцы по окончаніи токовъ забираются въ тѣ же крѣпи, гдѣ гнѣзятся и держатся первое время по выводѣ молодыхъ самки, и тутъ линяютъ. Позднѣе, когда молодые поднимутся настолько, что въ

состояніи будутъ перепархивать, и самки въ свою очередь начнутъ линять, самцы днемъ остаются въ крѣпяхъ съ самками и молодыми, а ночью остаются тамъ же одни, такъ какъ бекасята съ самками перебираются на кормежку на болѣе открытыя, болѣе кормныя мѣста.

Насиживанье продолжается около трехъ недѣль, не болѣе; напротивъ, иногда этотъ срокъ сокращается и, какъ кажется, сходитъ до 17—18 дней. Особой горячности къ дѣтямъ matka не обнаруживаетъ: испугнутая, она съ особымъ крикомъ перемѣщается недалеко отъ вывода; если молодые еще не летаютъ, и если ее не преслѣдовать дальше, то вскорѣ возвращается назадъ, но отводитъ въ сторону никогда не пытается,—слѣдовательно, не хитритъ, не обманываетъ такъ, какъ это дѣлаетъ, напр., чибисъ. Впрочемъ, и особой надобности въ этомъ не имѣется: бекасята въ пуху чрезвычайно вороваты: гдѣ, повидимому, и спрятаться-то негдѣ, бекасенокъ умѣетъ пріютиться между травой и подъ стеблями съ такимъ искусствомъ, что становится положительно невидимымъ. Но если нельзя найти бекасенка безъ собаки, зато собака нерѣдко удается схватить спрятавшагося крошку,—до того крѣпко лежитъ онъ. Пользуются этимъ и дикіе хищники: лисицы, ласки, хищныя птицы,—но вообще, надо сказать, у бекаса враговъ немного: его спасаетъ отъ нихъ его удивительный полетъ и трудно доступныя мѣста гнѣздовья.

По виду бекасята такъ же уродливы, какъ и всѣ куличата, что особенно зависигъ отъ ихъ толстыхъ, неуклюжихъ ногъ и вообще несоразмѣрности членовъ. Все тѣло ихъ покрыто желтоватымъ пухомъ и только на головѣ и на спинѣ идутъ темныя полосы, да крылья нѣсколько темнѣе остальныхъ частей тѣла. Черезъ недѣлю или десять дней у нихъ пробиваются махи и рулевые, и въ то же время до той поры короткій клювъ значительно увеличивается въ своихъ размѣрахъ. Недѣли черезъ двѣ или немного болѣе перья покрываютъ уже все тѣло, кромѣ шеи и головы, и бекасята начинаютъ перепархивать. Слѣдовательно, приходится это недѣли на три позднѣе вывода и въ это время и начинаютъ выводки перебираться изъ мѣстъ своего гнѣздовья въ болѣе открытыя мѣста, гдѣ болѣе жиру. Въ среднихъ губерніяхъ это бываетъ въ половинѣ іюня или нѣсколько позднѣе, на югѣ и на сѣверѣ раньше или позднѣе, смотря по времени прилета. Въ это же время и послѣдніе одиночные самцы перестаютъ токовать, и самки начинаютъ линять и поднявшіеся бекасята держатся вмѣстѣ со стариками днемъ и только на ночь остаются въ крѣпи одни самцы. Проходитъ еще одинъ мѣсяцъ, т.-е. наступаетъ конецъ іюля, и молодые бекасы сравниваются со стариками, старики болѣе или менѣе перелиниваютъ, и тѣ и другіе сваливаютъ на открытыя мѣста, на обкошенныя болота, на болота луговые, на окраины торфяныхъ болотъ, если гнѣздили въ послѣднихъ, и т. д. Иногда это появленіе бекасовъ запаздываетъ въ средней полосѣ отъ разныхъ причинъ (предпочтительно отъ погоды) до половины августа, но это крайній срокъ вылета или, вѣрнѣе, слета бекасовъ въ угодныя мѣста, и съ этого-то

времени и начинается настоящая охота за долгоносими. Около Петрова дня мѣстами, гдѣ бекасовъ много, выводки ихъ появляются въ такомъ большомъ количествѣ, что, можно сказать, на каждомъ ручьѣ, на каждомъ болотицѣ, особенно около нескошенныхъ луговъ, можно всегда найти нѣсколько бекасиныхъ выводковъ. Нормально они перебираются сюда только на ночь, но если ихъ не беспокоятъ и если есть гдѣ укрыться, въ такомъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ не удаляются утромъ назадъ въ крѣпи, а остаются днемъ лежать тамъ же, гдѣ жировали ночью. Но такъ бываетъ, конечно, въ такое лѣто, когда болота не пересыхаютъ, или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ болота очень глубокія, топкія; напротивъ, въ лѣто сухое, жаркое, когда болота пересыхаютъ, бекасы исчезаютъ совершенно; въ это время они вѣроятно забираются въ камыши, топи и другія трудно доступныя мѣста.

Это время, т.-е. конецъ іюня и іюль, единственное время, когда бекасъ является птицей общественной: каждый выводокъ держится вмѣстѣ, всѣ члены выводка слѣдуютъ за самкой. Позднѣе, когда старые и молодые бекасы свалютъ вмѣстѣ въ удобныя мѣста, бекасъ опять перестаетъ быть общественной птицей и выводки разбиваются. Въ концѣ же іюня и въ іюлѣ бекасиныя выводки иногда соединяются по нѣскольку вмѣстѣ и въ такомъ случаѣ на большомъ болотѣ можно видѣть довольно большія станицы бекасовъ, которые съ особымъ чирканьемъ носятся туда и сюда зорями.

Разбившись по всѣмъ удобнымъ мѣстамъ, бекасы остаются у насъ еще мѣсяца на два, т. к. отлетаютъ только въ концѣ сентября или въ началѣ октября, но около двенадцатаго августа къ мѣстовымъ присоединяются уже пролетные съ сѣвера, которые и держатся нѣкоторое время вмѣстѣ съ нашими.

На югѣ старые бекасы послѣ линьки и поднявшіеся молодые разбиваются на весьма большомъ пространствѣ, и этимъ-то, кажется, и можно объяснить то обстоятельство, что, напр., въ Астрахани такъ наз. пролетные бекасы появляются уже въ іюлѣ. Строго говоря, это не пролетные, а кочующіе, которые отлетятъ далѣе на югъ гораздо позднѣе, когда ихъ заманятъ за собою тянущіе съ сѣвера.

Осенью, особенно въ осень, богатую дождями, когда вода стоитъ высоко и относительно сухихъ мѣстъ остается немного, бекасы собираются иногда въ огромныя стаи. Излишне прибавлять, что эти высьпки бекасовъ имѣютъ то же значеніе, что и весеннія.

Мѣстовые бекасы остаются на своей родинѣ очень долго: иногда бекасъ остается до заморозковъ; г. Селастенниковъ говоритъ, что въ Харьковской губерніи ему приходилось убивать бекасовъ въ замерзшихъ болотахъ: „слѣдишь, бывало, по порошѣ зайца, вдругъ около родника поднимается бекасъ“; Н. Н. Сомовъ приводитъ для той же губ. нѣсколько случаевъ находженія бекаса въ ноябрѣ и одинъ даже 15 дек. (86 г.), изъ чего слѣдуетъ, что бекасъ случайно можетъ зимовать здѣсь; но за правило можно принять, что въ сѣверной полосѣ бекасъ отлетаетъ постепенно въ сентябрѣ и не запаздываетъ далѣе

половины октября, въ средней—въ концѣ сентября, въ южной—въ началѣ октября. Ничего особеннаго осенній пролетъ бекасовъ собой не представляетъ и о немъ можно сказать только то, что приложимо ко всѣмъ отлетающимъ на зиму птицамъ. Первыми поднимаются наиболѣе сѣверныя особи. Въ то время, когда онѣ прилетаютъ, напр., къ намъ въ среднюю полосу, наши мѣстовыя еще не помышляютъ объ отлетѣ и даже пролетныя присаживаются къ нимъ на нѣкоторое время. Но вотъ останавливавшіеся пролетные бекасы прошли дальше, съ сѣвера потянули новые, завернулъ холодъ и, наконецъ, поднимаются и наши мѣстовыя. Такимъ образомъ бекасы, какъ и всѣ отлетныя птицы, тянутъ на югъ, заворачивая холстомъ. На нѣкоторое время они останавливаются на югѣ, въ устьяхъ большихъ нашихъ рѣкъ, собираясь съ силами для болѣе продолжительнаго перелета, но къ концу октября и самое позднее къ половинѣ ноября и эти стоянки прекращаются и бекасъ улетаетъ отъ насъ до слѣдующей весны. Многіе изъ нихъ улетаютъ, начавши вторично линять, но нормально большинство бекасовъ линяютъ вторично на зимовкѣ (Пельцамъ).

На югѣ пролетные бекасы останавливаются въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ: возлѣ прудовъ и рѣкъ, тамъ, гдѣ была капуста, на кукурузныхъ поляхъ и т. д.

Теперь переходжу къ азіатскимъ бекасамъ.

„Выводитъ дѣтей *Sc. heterocerca*,—говоритъ П. Шведовъ *),—по лѣснымъ низменностямъ, дужайкамъ, а иногда на чистыхъ болотахъ. Молодые (чаще въ числѣ четырехъ) сидятъ цѣлымъ выводкомъ не вдалекѣ другъ отъ друга, а вмѣстѣ съ ними находятся и старики. Послѣдніе при взлетѣ почти всегда вскрикиваютъ на манеръ „чіекъ“; молодые же вспархиваютъ молча.

„Лѣтомъ *Sc. heterocerca*, точно такъ же какъ и весной, не любить топкихъ ржавыхъ трясины и болотъ водянистыхъ, но тѣмъ не менѣе держится и въ совершенно сухихъ болотахъ. Братскіе утюги съ едва влажною почвою весьма уважаются *Sc. heterocerca*, самыя же завѣтныя ихъ болота—это тѣ, которыя перемѣшаны съ высокими кочкарниками, заросшими кустами, и изобилующія небольшими мочежинками. Тутъ они вѣчно снуютъ какъ угорѣлые, то живутъ на открытомъ мѣстѣ, то забиваются въ трущобу съ тѣмъ, чтобы, посидѣвъ немного, вновь выбраться на болото, такъ что, охотившись въ подобныхъ мѣстахъ, вы будете постоянно встрѣчать ихъ и тамъ, и сямъ, и какъ бы вы безопадно ихъ не истребляли, никогда „до тла“ не выбьете, потому что каждый вспугнутый и не подвернувшийся подъ выстрѣлъ бекасъ безусловно тотчасъ удираетъ въ кусты и ужъ тамъ, конечно, по милости непролазной трущобы, дѣлается застрахованнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Сохраненію количества бекасовъ въ особенности благоприятствуютъ такіе періоды, когда они, отъ частыхъ посѣщеній болотъ охотниками, становятся напуганными и взры-

*) „Записки сибирскаго Неврода“, стр. 348.

ваются чуть не десятками, далеко не подпуская къ себѣ ни охотника, ни собаку.

„Не брезгаютъ *Sc. heterocerca* и такими мѣстностями, гдѣ вовсе нѣтъ чистыхъ болотъ, и увлажняется почва лишь протекающими въ высокихъ кочкахъ ключиками, между сплошною зарослью густыхъ таловыхъ кустарниковъ; тутъ они временно держатся у этихъ ключей, а затѣмъ цѣлыми партіями забираются въ хребты и дѣлаются совершенно лѣсными обитателями. Словомъ, есть такія мѣста, гдѣ бекасовъ водится бездна, а охоты на нихъ нѣтъ никакой.

„Съ конца іюля *Sc. heterocerca* начинаютъ совершать по вечернимъ зорямъ, вплоть до глубокой ночи, какіе-то условные, порывистые перелеты по опушкамъ лѣсовъ, гдѣ есть близко вода. Въ нѣкоторой степени я замѣчалъ эту процедуру повсемѣстно, но нигдѣ не видалъ, чтобы она принимала такой оригинальный характеръ, какъ вблизи Пркутска, въ мѣстности, называемой „Каштанъ“.

„Мѣстность тамъ гористая, покрытая сплошными смѣшанными чащами, вездѣ протекають ключики... Вообще мѣстность именно такого рода, гдѣ, какъ я упоминалъ раньше, бекасовъ бездна, а охоты никакой. Какъ только смеркнется, около пруда поднимается истинная кутерьма. Бекасы, мѣстами до десятка и болѣе, появляются вдругъ на берегу у воды и затѣмъ, съ крикомъ, съ страшною быстротою, начинаютъ сновать черезъ прудъ по разнымъ направлениямъ, садятся на озими, снова къ водѣ, или, вспомнивъ весну, заберутся въ высь и примутся за свои воздушныя игры.

„Въ августѣ мѣсяцѣ, какъ только окосятъ болота, численность *Sc. heterocerca* значительно уменьшается, а затѣмъ, въ самыхъ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца или въ первыхъ сентября, они и совсѣмъ улетаютъ отсюда.

„Полетъ этого азіатскаго долгоносика далеко не такой вертлявый, какъ европейскаго бекаса; вспугнутой, онъ часто взлетаетъ столбомъ вверхъ и летитъ хотя и быстро, но довольно ровно.

„Передъ августомъ мѣсяцемъ *Sc. heterocerca* дѣлаются очень жирными и представляютъ собою гастрономамъ самое пикантное блюдо, вообще же мясо ихъ совершенно одинаково съ мясомъ европейскаго барашка. Не знаю, питаются ли они тѣми большими корешками, о которыхъ упоминаетъ г. Аксаковъ, но что они глотають дождевиковъ, я это видѣлъ не разъ въ клювѣ застрѣленныхъ *Sc. heterocerca*“.

Что касается прирученія бекаса, то имъ мало кто занимался, но и случайно произведенныя наблюденія приводятъ къ несомнѣнному заключенію, что приручить бекаса дѣло вовсе нетрудное. „Въ іюлѣ 75 г.—говоритъ г. Кобяковъ,—мнѣ пришлось на болотѣ слегка ранить, или, по выраженію нашихъ охотниковъ, *заширить* бекаса. Вырывъ изъ болота кочку съ тиною и кустомъ осоки, я помѣстилъ ее въ глиняный тазъ и помѣстилъ туда птицу; поливая время отъ времени это миниатюрное болотце, я клалъ туда дождевыхъ червей и долгоносикъ выбирать ихъ изъ тины сперва ночью и когда меня не было въ

комнатѣ, а, наконецъ, и днемъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Рано поутру и передъ сумерками бекасъ издавалъ тотъ крикъ, отъ котораго у охотника замираетъ сердце при взлетѣ этой дичи; часто онъ будилъ меня этимъ крикомъ, давая знать, что голоденъ, и когда я ему сыпалъ червей,—онъ хваталъ ихъ изъ-подъ рукъ; если же я исполнялъ это, съ намѣреніемъ, медленно, то клевалъ мою руку своимъ носомъ и билъ ее крыломъ; удовлетворивъ свой аппетитъ, онъ очень важно взбирался на свою кочку и затаивался такъ, что его можно было согнать не иначе, какъ прикоснувшись прутикомъ; тогда только онъ вскакивалъ и издавалъ извѣстный крикъ. Эта птица прожила у меня 27 дней, т.-е. до 22 августа; мнѣ пришлось въ это время отлучиться на нѣсколько дней на охоту и безъ меня, вѣроятно, кормили птицу не во время, или даже совершенно не кормили, такъ, что, возвратясь, я нашелъ бекаса мертвымъ*).

Въ заключеніе этой главы мнѣ остается сказать объ охотѣ на бекасовъ, но и въ этомъ случаѣ я буду кратокъ, такъ какъ въ прежде составленныхъ монографіяхъ мнѣ уже приходилось говорить объ охотѣ и на болотную, и на лѣсную дичь, и потому въ настоящемъ случаѣ можно воздержаться отъ многихъ бесполезныхъ повтореній.

Строго говоря, охота за бекасами распадается на два періода: весенній и осенній. Весною за бекасомъ ходятъ съ прилета птицы до конца разгара тока, осенью—съ начала августа или съ конца іюля до отлета. Я уже говорилъ, что охотиться весною на току не слѣдуетъ, такъ какъ этимъ только распугиваешь птицу, а охота на весеннихъ высыпкахъ во время прилета, когда одинаково преслѣдуются какъ пролетные, такъ и мѣстовые бекасы, такъ мало добычлива, что сама по себѣ большого вреда не приноситъ. Бекасъ съ прилета очень строгъ и пока трава не поднялась и спрятаться птицѣ негдѣ, она не выдерживаетъ стойки и срывается очень далеко, пугая охотника своимъ извѣстнымъ отрывистымъ „кшикъ“. Лучше всего (съ охотничьей точки зрѣнія) охотиться за бекасомъ въ дождливые дни, когда птица вообще смириѣе и ближе подпускаетъ собаку. Но позднѣе, когда травка подрастетъ и бекасы обсидаются настолько, что подпускаютъ собаку на двадцать или на тридцать шаговъ, охота становится болѣе добычливой, хотя все-таки большинство выстрѣловъ бываютъ промахами. Впрочемъ, плохой тотъ охотникъ, который весною идетъ за бекасомъ, надѣясь убить больше двухъ-трехъ птицъ. Весенняя охота за бекасомъ дорога просто потому, что уже при очень хорошей обстановкѣ она совершается, и поэтому, мнѣ кажется, всѣ совѣты, имѣющіе своею цѣлью остановить весеннюю охоту за бекасомъ, не приведутъ ровно ни къ чему. Самая большая угроза охотнику въ этомъ случаѣ—лишиться лѣтней охоты, но что дѣлать: теорія почти всегда идетъ въ разрѣзъ съ практикой.—Въ погоду вѣтреную идти стрѣлять токующего бекаса немислимо: онъ носится на страшной высотѣ и бро-

*) Журн. Охоты, 1877 г., № 6, стр. 64.

сается въ разныя стороны съ невѣроятною быстротою; но въ тихій и теплый весенній вечеръ добыть хоть одного токующаго долгоносика—это можетъ замѣнить даже тягу! Очеркъ подобной охоты въ такой прекрасной формѣ переданъ намъ г. Марковымъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь нѣсколько строкъ изъ статьи „Замѣтки охотника“ *):

„... Чѣмъ дальше идешь по болоту, тѣмъ больше поднимается со всѣхъ сторонъ бекасовъ, тѣмъ чаще приходится заряжать ружье. Къ вечеру всѣ бекасы, гаршнепы, курочки и проч., появившіеся днемъ въ кустахъ, высыпали на чистыя мѣста и потому весьма нерѣдко приходится ихъ вспугивать“. Выстрѣлы гремятъ поминутно, заряжать едва успѣваешь. „Выстрѣлишь, напр., по вырвавшемуся изъ-подъ ногъ бекасу или гаршнепу, станешь заряжать ружье, а тутъ слышишь: бе-е-г-е-е-е... и долгоносый виртуозъ падаетъ изъ-подъ облаковъ тебѣ на голову, быстро разсѣкая воздухъ по сферической линіи своимъ несравненнымъ полетомъ. Отойдешь куда-нибудь въ сторону, станешь подъ большой ольхой, закуришь папиросу и думаешь отдохнуть и немножко поуспокоиться,—такъ нѣтъ тебѣ и тутъ покоя: смотришь — который-нибудь изъ цѣлаго роя кружащихся надъ болотомъ и лупить прямо на тебя, точно посланъ нарочно смутить покой! Все ближе и ближе слышится его бляенье, все отчетливѣе виднѣется на голубомъ фонѣ неба бѣлое брюшко, и вотъ онъ, наконецъ, въ разстояніи выстрѣла. Давно уже какъ-то незамѣтно выскользнула изъ задрожавшихъ рукъ папироска, давно въ рукахъ ружье со взведенными курками и палецъ лежитъ у спуска на скобѣ; еще секунда—и заколыхался воздухъ, засвистѣла мелкая дробь и облачко дыма скрыло дорожную птичку. Смотришь, наконецъ, и видишь играющаго бекаса, но только далеко. „Нѣтъ, это видно другой бекасъ, а тотъ навѣрно свалился“, утѣшаешь себя, и идешь на мѣсто, куда бы онъ долженъ свалиться. Скоро, однако, приходится разстаться съ пріятною надеждой и произведенный выстрѣлъ безъ церемоніи занести въ списокъ чистѣйшихъ пуделей. „И чортъ же нанесъ его!—съ досадою подумаетъ себѣ;—покурить помѣшалъ только, каналья!“

Само собою понятно, что такимъ образомъ убьешь немного.

Весна—единственное время, когда существуетъ промысловая охота за бекасомъ. По своему полету и по незначительной величинѣ бекасъ такъ трудно поддается подъ выстрѣлъ, что промышленникъ, который прежде всего въ охотѣ видитъ деньги, въ громадномъ большинствѣ случаевъ оставляетъ эту птицу въ покоѣ. Но весной, благодаря существованію бекасинныхъ токовъ, и осенью, благодаря остановкамъ бекасовъ на лиманахъ громадными скопищами, промышленнику удается добыть бекаса, не ставя на карту своего умѣнья стрѣлять въ летъ. Въ первомъ случаѣ промышленникъ прячется на болотѣ, гдѣ токують бекасы, и подманиваетъ ихъ, подражая съ помощью тоненькой дудочки

*) Журн. Охоты, 1877 г., № 4, стр. 11.

голосу самки. Налетавшись вдоволь и услышавши знакомый крикъ, но не видя самки, бекасъ камнемъ падаетъ внизъ и присаживается на коль, на кочку, на вѣтку и т. п. Въ это-то время его и бьютъ сидячимъ.

Осенью на лиманахъ бекасы собираются такими громадными стаями, что, спрятавшись заранѣе, можно съ одного выстрѣла добыть нѣсколько десятковъ. Г. Недолину передавалъ одинъ охотникъ, что онъ убилъ такимъ образомъ на Днѣстровскихъ лиманахъ восемь выстрѣлами 175 штукъ.

Но лучшая охота за бекасами, конечно, „охота въ тихіи теплой сентябрьскій день, въ хорошемъ, не очень вязкомъ болотѣ, гдѣ много бекасовъ“. Это „самая пріятная изъ всѣхъ охотъ съ легавой собакой (Селастенниковъ) *), въ особенности, если болото широкое, есть гдѣ разойтись, и охотниковъ не болѣе трехъ-четырехъ человекъ, притомъ охотниковъ не горячихъ, а дѣльныхъ, да еще съ выносливыми, выдержанными собаками. При такихъ условіяхъ охота выходитъ царская,—однимъ словомъ, есть гдѣ отвести душу. Нигдѣ такъ часто не достаются, на зависть другихъ, такіе ловкіе дублеты и промахи, какъ на бекаспной охотѣ, гдѣ иногда, даже и дѣльный охотникъ, погорячившись (особенно, если долго не стрѣлялъ), начнетъ мазать и пуделять, что твоя юный птенецъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько и мнѣ доводилось пуделять—и не по строгимъ, не подпускающимъ на 70 шаговъ. А иной разъ бьешь ихъ какъ перепелокъ, т. е. спустя рукава, навѣрняка, и потомъ самъ удивляешься, какъ это почти безъ промаха убьешь десятка два и болѣе бекасовъ. Люблю я очень бекаспную охоту, люблю ее еще болѣе за то, что тутъ-то и видна дѣльная, а главная выносливая собака, которая постоянно на виду, видно, какъ потянетъ, остановится и почти замретъ.

„Хороша эта минута ожиданія... и она чаще всего достается охотникамъ на бекаспной охотѣ.

„Для успѣшной и хорошей охоты на бекасовъ нужна очень выносливая и не *очень горячая* собака, которая бы не носилась карьеромъ по болоту, распугивая птицу. Бекасъ—не дупель, гаршнепъ или перепелка, которые позволяютъ дѣлать стойку чуть не въ упоръ; иногда еще и самъ вспугивай ихъ,—такъ крѣпко они лежатъ; бекасъ же, да еще немолодой, не выдерживаетъ крѣпкой стойки, а какъ только собака потянетъ, такъ и взрывается.

„Лучшее время охоты за бекасами, начиная съ 1 августа по 1 октября, а если теплая, хорошая осень, то и до половины октября. Въ это время бекасъ уже дѣлается жирнымъ, въ особенности старые матерые бекасы. Жирный старый бекасъ поздней осенью подымается даже безъ крику, какъ дупель, да онъ будетъ и немногимъ меньше молодого дупеля. Всего лучше охотиться въ тихіи теплой (тѣмъ болѣе жаркій день, хотя въ жару утомительно ходить) день. Въ вѣтрную и холодную погоду бекасъ начеку и близко не подпускаетъ, особенно

*) «Журналъ Охоты», 1877 г., октябрь, стр. 52.

противъ вѣтра, да и собакѣ трудно его учуять. Стрѣлять бекасовъ лучше дробью № 10, которая и въ продажѣ называется бекасинникомъ. На охотѣ по бекасамъ не разъ я благодарилъ *изобрѣтателя центрального ружья*: спокойно и скоро заряжаешь его, нѣтъ той возни и пачкотни, какъ съ шомпольнымъ, а главное, что центральное ружье не такъ скоро загрязняется и нагараеть внутри отъ частой стрѣльбы, да и промыть и протереть его—минутное дѣло“.

Мѣстами, гдѣ такихъ болотъ нѣтъ или когда осень мокра, охота за бекасами уже не совершается съ такими удобствами, какъ описываетъ это г. Селастенниковъ. Такъ, наприм., на торфяныхъ болотахъ добываніе бекасовъ требуетъ со стороны охотника гораздо больше трудовъ: въ такихъ болотахъ вода не высыхаетъ даже въ самое жаркое лѣто. „Сверху вода эта покрыта какой-то желтой, волокнистой, какъ несученый шелкъ, тканью, а подъ этой тканью ноздреватая грязь. Когда ступаешь ногой, грязь эта, какъ-то особенно шурша и бутясь, расплескивается кругомъ, но ходьба не тяжела, потому что нога на четверть аршина глубины встрѣчаетъ твердую, какъ каменный пластъ, почву. Вода, однако, не сплошь покрываетъ горѣлыя мѣста: между плесами много болѣе возвышенныхъ рыхлыхъ грязей, поросшихъ чернымъ тростникомъ и кустиками и кое-гдѣ завалы вывороченныхъ съ корнями хилыхъ сосенъ и елей. Сюда утки сводятъ свои выводки, сюда собираются бекасы со всѣхъ окрестностей, и бить ихъ можно тутъ много, необходимо только держать у ноги собаку, такъ какъ, шлепая по грязи, она пугаетъ птицу и заставляетъ ее взлетать не въ мѣру. Вообще для охотника за бекасами необходима добрая собака, иначе пусть лучше ея вовсе не будетъ“ (Дмитрій В—скій).

Въ позднюю осень бекасъ до того отъѣдается и такъ неохотно взлетаетъ, что иногда не летитъ, а бѣжитъ отъ собаки и водить ее такъ, что охотникъ можетъ подумать, что собака ищетъ по курочкѣ.

Резюмируя все сказанное объ охотѣ за бекасомъ въ двухъ словахъ, приходишь къ тому заключенію, что во 1) на этой охотѣ болѣе, чѣмъ на какой-либо другой, нужна добрая, выносливая собака, и во 2) охотникъ самъ долженъ быть выдержанный, не горячій. До чего можно дойти даже съ хорошей, но горячей собакой на охотѣ за бекасами, примѣромъ можетъ служить охота за бекасами въ концѣ лѣта на большомъ моховомъ болотѣ. Если бекасовъ много, то отъ выстрѣла они вскакиваютъ со всѣхъ сторонъ, собака не знаетъ, куда ей идти, начиняетъ горячиться, мечется въ разныя стороны и портитъ все поле. Если же собака очень вынослива и гонять птицы не станетъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ она все-таки по меньшей мѣрѣ бесполезна. Подобный случай описываетъ намъ Псковичъ въ „Ж. О.“ за 76 г. (сент., стр. 20). Описывая охоту на островахъ при впаденіи р. Великой въ Талабское озеро, Псковичъ говоритъ слѣдующее: „благодаря хрустящей подъ ногами травѣ, а отчасти, быть можетъ, и вслѣдствіе крайней напуганности, бекасъ здѣсь не только не выдерживаетъ стойки, но даже и близко не подпускаетъ къ себѣ собаку, и всегда срывается

отъ охотника не ближе какъ въ пятидесяти или шестидесяти шагахъ, большею же частью внѣ выстрѣла. Въ очень позднюю осень онъ, правда, дѣлается нѣсколько смирнѣе, но и въ это время отъ собаки пользы немного. Вообще на островахъ собака работать не можетъ. На какое бы мѣсто вы ни вступили, оно такъ сильно заложено всевозможнаго рода дичью, слѣды такъ запутаны, такъ перемѣшаны между собою, что собака положительно теряется. Умное животное ясно понимаетъ всѣ невыгоды своего положенія, чувствуетъ свою беспомощность и, очевидно, падаетъ духомъ и робѣетъ. Одинъ неосторожный шагъ—и бекасъ справа, бекасъ слѣва, сзади и впереди—съ трескомъ взвивается на воздухъ, прежде чѣмъ была малѣйшая возможность ориентироваться. Озадаченный, такъ сказать скомпрометтированный песь какъ-то растерянно смотритъ вамъ въ глаза и, сразу понявъ въ чемъ дѣло, не отходитъ отъ васъ болѣе ни на шагъ. У самыхъ вашихъ ногъ вытягивается онъ въ струну и тихо, чуть ступая, плыветъ онъ передъ вами, осторожно забирая то вправо, то влево“. Но такихъ собакъ немного, большинству охотниковъ приходится довольствоваться худшими, которыя и на богатомъ болотѣ портятъ все дѣло. Въ продажѣ въ Москвѣ бекасъ идетъ отъ 40 до 60 коп. за пару.

13. Гаршнепъ.

Scolopax gallinula, L.

Табл. 13.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 225.

Болѣе распростран. названіе: *гаршнепъ*.

Мѣстные названія: *стучикъ* (по Палласу, гдѣ?)

Польск.—*bekas kurka, bekas maty, bekas ficlauz, ficlauz gm.*—Эстл.—*sant wanker, lagund rattas.*—Лат.—*wistilbe.*—Фин.—*rienenpi taivaanvuohi.*—Фин. въ Муоніо—*taihvansaara*; лапланд. тамъ же—*mäkastak*; также—*исса-мäkastak, almie-vierca.*

Башкир.—*саралджинъ*.—Якут.—*барáхъ*.—Остяц. (Нарымъ)—*сапри*.

Далеко не достаточно изученное вообще, распространеніе гаршнепа представляетъ у насъ много страннаго. Какъ гнѣздящаяся птица, онъ принадлежитъ сѣверной и отчасти даже центральной Россіи, на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ посѣщаетъ южную и Кавказъ и въ очень небольшомъ количествѣ зимуетъ въ Закавказьѣ. Начиная нашъ обзоръ съ сѣвера, мы видимъ, что гаршнепъ очень рѣдокъ въ русской Лапландіи, гдѣ найденъ на Терскомъ берегу и около Кандалакской губы. Въ финской Лапландіи въ небольшомъ количествѣ распространень во всей странѣ. Въ Финляндіи собственно не гнѣздитъ южнѣе 64° с. ш., а внутри страны даже и сѣвернѣе 64° бываетъ только на пролетѣ. Вопросъ о гнѣздованіи гаршнепа подъ Архангельскомъ является спорнымъ. Точно такъ же неизвѣстно, гнѣздится ли онъ въ Канинской тундрѣ, но ни на Колгуевѣ, ни въ Печорской тундрѣ онъ не найденъ. Въ Пермской губ. гнѣздится у истоковъ Печоры и очень часто встрѣчается на берегахъ Койвы и другихъ притокахъ Чусовой, но на сѣверо-восточномъ склонѣ Пермскаго Урала или совсѣмъ не встрѣчается, или составляетъ здѣсь большую рѣдкость. Въ Вятской губ. гнѣздится къ югу по крайней мѣрѣ до 58° с. ш., въ Вологодской пока найденъ гнѣздящимся въ западной половинѣ. Къ югу отсюда найденъ лѣтомъ въ моховыхъ болотахъ Романовскаго и Ярославскаго уу. Ярославской губ., гнѣздится во Владимірской и изрѣдка и непостоянно въ Московской, Тульской, Калужской и Орловской. Что касается показанія

г. Павлова о появленіи гаршнеповъ подѣ Рязанью въ концѣ іюля, то первоначально я былъ склоненъ объяснить это гнѣздованіемъ птички во Владимірской губ., однако послѣ того, какъ гг. Малышевъ и Хомяковъ доказали гнѣздованіе въ Рязанской губ. мородунки, нельзя сомнѣваться въ возможности гнѣздованія здѣсь и гаршнепа. Идя къ западу отъ центральной Россіи, мы видимъ, что гаршнепъ гнѣздится въ губ. Тверской (на болотѣ около Черной Грязи и на оз. Пудоро), Новгородской (область Пльменя и вѣроятно Боровическій у.), Петербургской, Эстляндской и Лифляндской. Изрѣдка гнѣздится въ губ. Ковенской и случайно даже въ Польшѣ. Хотя пока мы не можемъ связать въ одно цѣлое всѣхъ перечисленныхъ мѣстъ гнѣздовья гаршнепа, однако границы его гнѣздовой области теперь уже значительно болѣе выяснены, нежели это было еще немного лѣтъ тому назадъ.

Что касается зимовокъ у насъ гаршнепа, то, судя по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, онъ зимуетъ вообще въ Закавказьѣ, такъ какъ съ одной стороны найденъ близъ Ленкорани, съ другой—подѣ Батумомъ. Кромѣ того, случайно зимуетъ, повидимому, въ Крыму.

Любимое мѣстопребываніе гаршнепа—совершенно чистыя, малотравныя и грязныя топкі, ржавыя плесы, берега озеръ съ наноснымъ иломъ или, наконецъ, топкі, поросшія хвощомъ, камышомъ, либо осокой. Особенно любитъ онъ растущіе на водѣ погорѣлыя хвощевники, поломанные, почернѣвшіе, съ грязными плѣщинами и высунувшимися корнями болотныхъ растений. Въ такихъ угодыяхъ гаршнепъ чувствуетъ себя совершенно дома и ищетъ ихъ вездѣ даже во время своего пролета. „Однажды весною, — рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, — когда вся птица уже прилетѣла и вездѣ по удобнымъ мѣстамъ появились гаршнепы, ушелъ у меня въ деревнѣ огромный прудъ, заросшій почти весь сплошнымъ камышомъ, который зимою былъ гладко скошенъ на разныя деревенскія потребности. Гаршнепы пропали не только на болотахъ около самаго пруда, но и на мѣстахъ довольно отдаленныхъ: дупели и бекасы остались, гаршнепа—ни одного. Я, ничего не подозревая, продолжаю охотиться, удивляясь только, отчего такъ внезапно пропали гаршнепы. Вдругъ узнаю, что крестьяне, ловившіе рыбу, оставшуюся въ лужахъ, по обмелѣвшимъ камышамъ пруда, поднимали тамъ много гаршнеповъ. Я сей часъ туда отправился, и что же нашель? Гаршнепы со всего околотка слетѣлись на грязное, топкое дно сбѣжавшаго пруда, покрытое густыми корнями камыша. Грязь была такъ жидка, что гаршнепы могли только сидѣть на оголѣвшихъ камышевыхъ корняхъ. Ходьба была адская: ноги вязли по колѣна, даже выше; собака вязла по брюхо и далеко отставала отъ меня, да въ ней и не было надобности: гаршнепы вскакивали сами“.

Гаршнепъ обыкновенно чрезвычайно смиренъ и лѣнивъ; лежитъ твердо, собаку подпускаетъ близко. Часто взлетаетъ онъ совсѣмъ изъ-подъ ногъ охотника и изъ-подъ носа у собаки. Въ хвощѣ или камышахъ вспугнутый, онъ поднимается прямо вверхъ, „коломъ“, приблизительно до высоты въ ростъ человѣка; въ травѣ, напротивъ, взлетаетъ по

діагонали, летить низко, тихо, полетомъ ровнымъ, и, отлетѣвъ нѣскольکو сажень, падаетъ на кочку. Случается, что гаршнепъ лежитъ такъ твердо, что охотникъ можетъ замѣтить его, „сгорбленнаго и распластаннаго на кочкѣ въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ замирающей на стойкѣ собаки“. Благодаря полету гаршнепа, стрѣлять его въ тихую погоду очень легко, но въ погоду вѣтреную трудность стрѣльбы значительно увеличивается: при вѣтрѣ полетъ птички становится „както невѣренъ, неровенъ, похожъ на порханье бабочки. Гаршнепъ, взлетѣвъ, сейчасъ бросается противъ вѣтра, но, не имѣя силъ долго бороться съ нимъ, вдругъ сдаетъ направо или налево, т.-е. дѣлаетъ боковое движеніе, и опять устремляется противъ вѣтра. Въ это время безъ сноровки бить его очень трудно. Вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобы уловить гаршнепа въ ту минуту, когда онъ, сдѣлавъ уступку вѣтру и будучи отнесенъ имъ въ сторону, начнетъ опять летѣть прямо; тутъ выходятъ такія мгновенія отъ противоборства вѣтра и усилій птицы, что она стоитъ въ воздухѣ неподвижно; опытные стрѣлки знаютъ это, и рѣдко даютъ промахи по гаршнепамъ. Когда вѣтеръ сноситъ ихъ въ сторону, особенно если какъ-нибудь захватить сзади, то длинныя шейныя и спинныя перья заворачиваются, и гаршнепъ представляетъ странную фигуру, непохожую на птицу: точно летитъ хлопокъ льна или клочекъ шерсти“.

Гаршнепъ, какъ и всѣ остальные наши бекасы, птица ночная. Днемъ онъ лежитъ, плотно прижавшись къ почвѣ въ какомъ-либо уголкѣ своихъ угодій, но лишь только наступитъ вечерняя заря, птичка оживаетъ и отправляется на кормежку. Только въ это время и можно видѣть гаршнепа въ большемъ или меньшемъ оживленіи. Перебѣгаетъ онъ, впрочемъ, неохотно: какъ бы ни коротко было разстояніе, отдѣляющее его отъ того мѣста, куда онъ намѣренъ отправиться на поиски за пищей, онъ его въ громадномъ большинствѣ случаевъ перелетаетъ. Въ спокойномъ положеніи гаршнепъ принимаетъ ту же позу, что и обыкновенный бекасъ: втягиваетъ шею и опускаетъ носъ концомъ книзу. Изъ всѣхъ бекасовъ это, безъ сомнѣнія, самый лѣнливый и спокойный; если его спугнуть съ одного мѣста, можно быть увѣреннымъ, что найдется онъ какъ разъ тамъ, гдѣ видѣли его спустившимся на землю. Иногда, спугнутый, онъ опять возвращается на то же мѣсто, и такъ нѣскольکو разъ. Въ погоду вѣтреную онъ еще плотнѣе забивается между корнями, въ ямочку и тому подобныя мѣста.—Къ обществу себѣ подобныхъ гаршнепъ относится совершенно безразлично; если гдѣ-нибудь и удастся найти нѣскольکو гаршнеповъ въ самомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе легко видѣть, что каждый изъ нихъ живетъ самъ по себѣ. Это птица одиночная, не стадная.

Очень рѣдко удается услышать крикъ гаршнепа. Вечеромъ, при взлетѣ, эта птичка издаетъ какъ бы пискъ, похожій, по словамъ Науманна, на пискъ нѣкоторыхъ летучихъ мышей, и который можно передать звукоподражательно такъ: „кщц“ или „кюцъ“. Днемъ голосъ

гаршнепа раздается еще рѣже и на двадцать поднятыхъ можно принять развѣ только одного вылетѣвшаго съ крикомъ. Въ такомъ случаѣ этотъ крикъ напоминаетъ нѣсколько крикъ бекаса „йечь“, но раздается съ гораздо меньшей силой и бываетъ едва слышенъ. О любовной пѣснѣ гаршнепа мы скажемъ ниже.

При слабости и нѣжности клюва, свойственныхъ всѣмъ бекасамъ, само собою разумѣется, что гаршнепъ можетъ добывать пищу либо на поверхности земли, либо воды, или изъ очень мягкой почвы. Обыкновенную его пищу составляютъ мелкія насѣкомыя, ихъ личинки, дождевые черви и т. п.; растительныхъ остатковъ въ желудкѣ гаршнепа находить не удавалось, но, быть можетъ, это объясняется просто тѣмъ, что они скорѣе перевариваются и, слѣдовательно, ихъ нельзя уже найти тамъ, гдѣ еще остаются твердые покровы насѣкомыхъ. Какъ бы то ни было, если не исключительно, то преимущественно гаршнепъ птица насѣкомоядная.

Переходя къ описанію годовичныхъ періодическихъ явленій въ жизни гаршнепа, мы будемъ очень кратки, такъ какъ недостатокъ свѣдѣній по этому предмету такъ великъ, что только сравнительно недавно сдѣлалось хоть что-нибудь извѣстно о выводѣ гаршнепомъ дѣтей.

Гаршнепъ весною показывается у насъ обыкновенно вмѣстѣ съ дупелями, въ очень незначительномъ количествѣ и обыкновенно по луговымъ болотамъ, которыхъ избѣгаетъ въ другое время года. Отдѣльныхъ, исключительно гаршнепныхъ высыпокъ у насъ неизвѣстно. Съ прилета эти птички попадаютъ либо парами, либо поодиночкѣ, прилетаютъ ночью, днемъ отдыхаютъ, и вечеромъ же, если не помѣшаетъ погода, летятъ дальше. Весь пролетъ продолжается около мѣсяца и никакаго отклоненія въ образѣ жизни или привычкахъ пролетныхъ гаршнеповъ замѣтить нельзя. И весною, и лѣтомъ, и осенью гаршнепъ одинаково лѣнивъ и все, что о немъ было сказано выше, приложимо къ нему во всякое время года, при всѣхъ обстоятельствахъ его жизни.

Что касается времени весенняго пролета, то изъ-подъ Батума гаршнепъ исчезаетъ въ 20-хъ числахъ марта. Въ Крыму время пролета гаршнепа падаетъ, по имѣющимся наблюденіямъ, на апрѣль, начиная съ 5-го числа этого мѣсяца, но мнѣ этотъ срокъ кажется слишкомъ позднимъ. По крайней мѣрѣ въ Харьковской губ. весенній пролетъ замѣченъ съ начала марта, а во второй половинѣ этого мѣсяца онъ достигаетъ уже наибольшей силы. Послѣдніе пролетные исчезаютъ въ началѣ второй трети апрѣля, а иногда уже и въ первыхъ числахъ этого мѣсяца. Подъ Оренбургомъ первые экземпляры появляются въ разныя числа послѣдней трети марта. Валовой пролетъ происходитъ въ первой половинѣ апрѣля, рѣдко только во второй трети этого мѣсяца. Въ Уфимской губ. гаршнепы появляются весною въ концѣ первой трети апрѣля и, по словамъ П. П. Сушкина, тогда гаршнепъ встрѣчается повсемѣстно, не исключая и гористой части, хотя здѣсь рѣдокъ. Пе-

реходя къ центральной Россіи, мы видимъ, что въ Московскои губ. гаршнепъ прилетаетъ въ первой половинѣ апрѣля, но количество его по годамъ чрезвычайно варьируетъ. Въ Казанскои губ. прилетаетъ во второй половинѣ апрѣля и въ началѣ мая. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ прилетъ происходитъ въ апрѣлѣ и маѣ, но въ очень небольшомъ количествѣ.

Вскорѣ послѣ прилета въ свои родныя мѣста гаршнепъ, подобно своимъ собратьямъ, начинаетъ токовать. Ближе всего токъ его подходитъ къ току бекаса. Гаршнепы не сходятся въ большомъ количествѣ на какое-нибудь одно мѣсто, а токують поодиночкѣ, каждый самъ по себѣ. При этомъ самецъ высоко поднимается дугою въ воздухъ и оттуда быстро бросается внизъ, спускаясь вкось на нѣсколько сотъ шаговъ. Въ это время онъ производитъ шумъ, напоминающій дребезжанье колеса, который можно передать слогами „локъ-логги, локъ-тогги, локъ-тогги“ и т. д. Призывный крикъ самки походить на призывный крикъ самки бекаса, только онъ слабѣе и выше. Токованье гаршнепа бываетъ только по вечерамъ и на короткое время при первомъ утреннемъ свѣтѣ. Ночью гаршнепъ не токуеть и, вѣроятно, въ это время происходитъ оплодотвореніе самокъ.

Гнѣздо гаршнепа представляетъ небольшое углубленіе въ болотистой почвѣ, скудно устланное завядшими листиками и стебельками. Сюда откладываются четыре яйца, которыя только нѣсколько меньше яицъ бекаса (длина отъ 1,56 до 1,45 д., поперечникъ отъ 1,1 до 1,02 д.) и представляютъ тѣ же измѣненія основного фона, но покрыты болѣе бурными пестринами. Въ финской Лапландіи яйца гаршнепа были найдены около 20 іюня, птенцы въ пуху въ іюлѣ и полуоперившіеся въ августѣ. Въ Вятскои губ. въ 1877 г. два молодыхъ гаршнепа были убиты наканунѣ Петрова дня, а дня черезъ два тамъ найденъ былъ полный выводокъ изъ 4 молодыхъ съ маткой; молодые были уже съ мать ростомъ, но сквозь перья пробивался еще пухъ. Въ Петергофскомъ уѣздѣ г. Холодовскій убилъ около 15 мая 1880 г. самку съ вполне сформированнымъ яйцомъ въ яйцеводѣ. Въ области Ильменя два молодыхъ гаршнепа еще съ пухомъ на головѣ и горлѣ были добыты 26 и 28 іюня 1882 г. Во Владимірскои губ. молодыхъ, но уже летныхъ гаршнеповъ находили въ послѣднихъ числахъ іюня. Въ Московскои губ. въ 1865 г. два еще нелетающіе птенца съ головками, покрытыми пухомъ, были найдены 29 іюня. Въ Орловскои губ. выводокъ гаршнеповъ изъ матки, съ 4 едва летающими молодыми, былъ найденъ 27 іюня. Изъ этихъ данныхъ, конечно, нельзя составить полную картину жизни гаршнепа въ брачный періодъ, но можно съ увѣренностью сказать, что самка выхаживаетъ дѣтей безъ участія самца и, что дѣти остаются при маткѣ до тѣхъ поръ, пока не вырастутъ совершенно. Позднѣе выводки постепенно разбиваются и гаршнепы начинаютъ кочевать.

Осенній пролетъ гаршнепа въ средней Россіи происходитъ въ теченіе сентября, но запоздалые встрѣчаются еще не только въ октябрѣ,

но даже и въ ноябрѣ. Въ Прибалтійскомъ краѣ гаршнепъ еще вовсе нерѣдокъ въ началѣ ноября, а запоздавшіе встрѣчаются и въ началѣ декабря. Въ Польшѣ, въ безснѣжныя зимы, гаршнепъ остается до половины декабря, но обыкновенно только до конца ноября. Въ Оренбургскомъ краѣ гаршнепъ появляется на осеннемъ пролетѣ въ началѣ сентября и держится до замерзанія стоячихъ водъ, хотя большинство пролетаетъ въ серединѣ сентября. Въ Харьковской губ. гаршнепы появляются осенью не ранѣе половины августа и то въ небольшомъ числѣ. Собственно пролетъ начинается съ конца первой трети сентября, достигаетъ наибольшей силы въ концѣ сентября и тянется до середины октября. Послѣдніе пропадаютъ въ первыхъ числахъ ноября, но въ видѣ исключенія одиночки встрѣчаются еще въ декабрѣ. Въ Крыму на осеннемъ пролетѣ бываетъ съ конца августа по октябрь; въ видѣ исключенія былъ добытъ подъ Симферополемъ въ февралѣ (зимующій?). Подъ Ленкоранью гаршнепъ встрѣчается въ небольшомъ числѣ съ октября, но во множествѣ только въ концѣ ноября и въ началѣ декабря; въ серединѣ декабря опять становится рѣже и къ Новому году большинство ихъ исчезаетъ. Подъ Батумомъ появляется въ концѣ сентября.

Къ осени гаршнепъ становится все жирнѣе и жирнѣе и, наконецъ, совсѣмъ заплываетъ жиромъ. Г. Давидовичъ рассказываетъ, что при этомъ гаршнепъ такъ облѣнивается, что позволяетъ себя брать живьемъ; „мнѣ самому,—прибавляетъ онъ,—нѣсколько разъ приходилось собственноручно брать изъ-подъ стойки совершенно живого и здороваго гаршнепа“.—„Чѣмъ глубже становится осень,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—тѣмъ болѣе жирѣетъ гаршнепъ... Вотъ уже пропадаютъ дупеля—гаршнепъ держится... Погода становится суровѣе: стынуть болота; тонкимъ, какъ стекло, льдомъ покрывается между кочками вода, съ бѣлыми пузырями запертаго подъ ней воздуха; некуда пріютиться гаршнепу, какъ онъ ни малъ, нѣтъ нигдѣ куска талой грязи,—гаршнепъ и тутъ еще держится, но уже бросается къ родничкамъ и къ паточинамъ. Здѣсь находитъ онъ себѣ убѣжище и не разстается съ нимъ до послѣдней крайности, до сильныхъ морозовъ, которые закупаютъ все безъ исключенія. Даже во время заморозковъ, когда земля начинаетъ покрываться первымъ пушистымъ снѣгомъ, вовсе неожиданно случалось мнѣ находить, въ самой головѣ родника, гаршнепа, пританцвагося на мерзлой землѣ; изумляла меня крѣпкая стойка собаки на такомъ голомъ мѣстѣ, гдѣ, казалось, ничто спрятаться не могло. Послѣ многихъ и, наконецъ, грозно сказанныхъ: „пиль!“; собака бросалась, и—вспархивалъ гаршнепъ“.

Въ заключеніе этого по необходимости краткаго очерка образа жизни гаршнепа приведемъ очеркъ весенней охоты за этой птичкой, составленный г. Марковымъ. „Итакъ, говоритъ г. Марковъ, отправляешься на болото. Воды въ болотѣ въ это время много, а дичи мало. Шагаешь, бывало, съ кочки на кочку, собака шлепаетъ по водѣ и далеко поднимаетъ очень осторожнаго въ это время бекаса. Шляешься

часть, другої, а стрѣлять еще не приходилось: становится скучно. — Не лучше ли будетъ пойти по надъ краемъ болота? Бекасы вѣдь прилетѣли недавно и еще не оглядѣлись хорошенько... — Закинувъ ружье на плечи, махнешь рукою собакѣ по направленію къ берегу и равнодушно тащишься за нею. Вдругъ — стойка! Посиѣшно взводишь курки и съ замирающимъ сердцемъ подходишь къ остановившейся въ первый разъ собакѣ. — „Пиль“ — и съ небольшою кочки вспорхнулъ, какъ бабочка, гаршнепъ... — Загрѣмѣли одинъ за другимъ два выстрѣла; смотришь — гаршнепъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжаетъ порхать и, не придавая, повидимому, никакого значенія грому выстрѣловъ, черезъ минуту усаживается опять на кочку въ разстояніи какихъ-нибудь тридцати сажень, а иногда и еще ближе.

„Торопливо заряжаешь ружье, часто просыпая дробь и порохъ (дробь для гаршнепа должна быть № 10 и даже № 11), помпнотно кричишь на собаку, а самъ все смотришь на то мѣсто, гдѣ сѣлъ гаршнепъ, не спуская его съ глазъ. Зарядивши, наконецъ, отправляешься прямо на то мѣсто и, приблизившись уже шаговъ на 15, пускаешь впередъ собаку, не менѣе охотника заинтересованную. Она тоже видѣла, какъ садился гаршнепъ и успѣла хорошо замѣтить мѣсто, а потому чуть опередила охотника — начинаетъ тянуть, осторожно подвигаясь впередъ. Съ небольшою осторожностью слѣдуешь за нею, держа впереди ружье со взведенными курками, безпокойно посматривая впередъ и трясясь какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, собака уже на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ опустился гаршнепъ, кажется, уже минула его и, сама замѣтивъ это, поворотила назадъ и путается на одномъ мѣстѣ, поворачивая голову въ разныя стороны и перебираясь съ одной кочки на другую, — нѣтъ, да и только! Что за чудеса? Отъ нетерпѣнья начинаешь самъ помогать собакѣ и топтаться по кочкамъ. Тутъ, вотъ на этой самой кочкѣ сѣлъ, — увѣренъ въ этомъ, топчешь ногами кочку и все нѣтъ!.. Сзади въ это время послышался невдалекѣ едва уловимый для тонкаго слуха шумъ; собака подняла голову и поворотила въ ту сторону. Смотришь: гаршнепъ, мѣрно помахивая крылышками и опустивши книзу головку, летитъ надъ кочками. Мгновенно посылаешь въ погоню за нимъ цѣлый дождь мелкой дроби — и какъ же радуешься, если эта милостивая птичка не ускользнетъ отъ этого дождя и попадетъ въ сѣтку сумки! Зачастую же случается поднимать его два, даже три раза и пропуделять, послѣ чего гаршнепъ летитъ такъ далеко, что скрывается съ глазъ, а иногда даже совѣмъ оставляетъ болото. Вообще, гаршнепъ, сколько я успѣлъ замѣтить, крайній флегматикъ, да и причудъ у него разныхъ не мало. Такъ, напримѣръ, будучи иногда обезпокоенъ въ первый разъ, поднимается и летитъ ровно и низко какимъ-то вороньимъ полетомъ, но вяло и какъ будто съ просонья, а вспугнутый вторично, выскакиваетъ кверху съ чрезвычайною быстротой, такъ что не успѣешь накиннуть стволомъ, какъ онъ, описавъ въ воздухѣ большую дугу, вертясь, несется уже надъ землею на такомъ разстояніи, что стрѣлять не приходится, и затѣмъ сейчасъ

же замедляетъ полетъ и летитъ прямо, точно сознаетъ, что опасность уже миновала. Иногда же совершенно наоборотъ: первый разъ только съ такою быстротою, а второй и даже третій поднимается и летитъ очень тихо. Въ одномъ только онъ, какъ кажется, постоянно вѣренъ себѣ: никогда ни передъ чѣмъ не труситъ и не любитъ безъ крайней необходимости беспокоить свою особу. Часто собака или охотникъ проходятъ мимо его въ разстояніи одной сажени, безъ всякой осторожности шлепая по водѣ, а онъ сидитъ, притаившись на кочкѣ, несомнѣнно слышитъ и, быть можетъ, даже видитъ ихъ, но подниматься не считаетъ нужнымъ, и только когда собачья морда уставится прямо на него въ разстояніи аршина и охотникъ, приблизившись къ собацѣ, станетъ понуждать ее двинуться впередъ, — тогда только взлетаетъ гаршнепъ, убѣдившись, вѣроятно, въ неизбѣжности такого подвига“.

14. Грязовикъ.

Tringa platyrhyncha, Temm.

Табл. 14.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 231.

Болѣе распротр. названіе: *гязовикъ*.

Мѣстныя названія: *куликъ-гязничекъ*, *гязовикъ* (Петерб.).

Польск. — *biegus płaskodzióby*. — Фин. — *leveänoikkainen tiivi*. — Фин. въ Муоніо — *pikkujänkälintu*. — Лапл. — *issajäggiloddi*.

Несмотря на огромные успѣхи, сдѣланные у насъ орнитологіей за послѣдніе годы, свѣдѣнія о распространеніи и образѣ жизни гязовика продолжаютъ быть весьма неполными. Въ качествѣ гнѣздящейся птицы гязовикъ найденъ въ сѣверо-западномъ углу страны и однажды въ Приуральскомъ краѣ, лѣтомъ бродячія особи попадаютъ въ области средней Волги, наконецъ на пролетѣ эта птичка встрѣчается въ сѣверной, средней и южной Россіи.

На Кольскомъ полуостровѣ гязовикъ гнѣздится въ южной части русской и въ финской Лапландіи, но только на пролетѣ найденъ къ югу отсюда: въ губ. Улеабургской, Тавастгусской, по побережью Финскаго залива (въ Петербургской губ.) и на побережьѣ Прибалтійскихъ губ. Въ Польшѣ бываетъ крайне рѣдко и, повидимому, даже случайно. Что касается Архангельской губ., то кромѣ экземпляра гязовика, полученнаго Мевесомъ и добытаго въ маѣ подъ Архангельскомъ, другихъ свѣдѣній о распространеніи здѣсь этого вида не имѣется, какъ ничего не знаемъ мы о немъ для остальной сѣверной и сѣверо-восточной Россіи. Бродячія особи встрѣчены поздною весною и лѣтомъ еще Эверсманномъ и позднѣе М. Н. Богдановымъ въ Казанской и Симбирской губ., но, по свидѣтельству М. Д. Рузскаго, это очень рѣдкая пролетная птица первой изъ названныхъ губ. По Зарудному — бываетъ подъ Оренбургомъ на пролетѣ; кромѣ того лѣтомъ встрѣчался около Илека, на Бишь-Копѣ, на Менись-Кулѣ, на Чушкалы и, наконецъ, на Банномъ оз. подъ самымъ Оренбургомъ. Въ концѣ іюня 1888 г. тотъ же наблюдатель поймалъ нѣсколько уже опе-

рившихся, но еще очень плохо летавшихъ птенцовъ по камышистымъ сорамъ около Акъ-Куля и Тузь-Куля. Карелинъ нашелъ грязовика подъ Гурьевомъ, Генке — въ киргизскихъ степяхъ, но никто не наблюдалъ его на нижней Камѣ. Какъ величайшая рѣдкость, встрѣчается грязовикъ на осеннемъ пролетѣ въ центральной Россіи (губ. Московская) и въ южной (губ. Кіевская). Однако, по словамъ Нордманна, грязовика почти ежегодно убиваютъ весною въ окрестностяхъ Одессы, гдѣ онъ будто бы часто попадаетъ, вмѣстѣ съ другими маленькими птицами, на рынокъ. Рѣдкая пролетная птица Крыма.

М. Н. Богдановъ говоритъ, по неизвѣстнымъ мнѣ источникамъ, что грязовикъ встрѣчается случайно на пролетѣ на Кавказѣ.

15. Песочникъ.

Tringa minuta, Leisl.

Табл. 15.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 234.

Болѣе распростран. названія: *песочникъ, куличекъ-воробей.*

Мѣстныя названія: *куличекъ-воробей, бекасикъ* (Московск., Ярославск.); *жуличекъ-воробей, песочникъ* (Петербург.); *зукъ* (въ Павлѣ).

Польск.—*biegus zdrobniaty, biegus matutku.*—Фин.—*pikku sirriäinen.*
Перм.—*исъ-талъ.*—Тунгуз.—*токолллы.*

Песочникъ и его родственники представляютъ весьма большой интересъ по своему географическому распространенію. Издавна вкоренившееся мнѣніе, что это — сѣверныя птицы, далеко не оправдывается фактами, и потому мы приведемъ ихъ болѣе или менѣе полно.

Начиная съ сѣверо-запада, мы видимъ, что песочникъ внѣ сомнѣнія гнѣздящаяся птица Русской Лапландіи, но на Мурманскомъ берегу найдена пока на пролетѣ. Только пролетной отмѣчается для Финляндіи (обл. Куопіосская, губ. Абоская, Тавастгусская, Юландская). Подъ Архангельскомъ гнѣздится, но въ небольшомъ количествѣ, видимо уступая въ численности куличку-воробью. Очень обыкновененъ на Колгуевѣ, гнѣздится на Новой Землѣ, Вайгачѣ и въ Нижне-Печорской тундрѣ. Затѣмъ Л. П. Сабанѣевъ указалъ, что песочникъ гнѣздится даже на восточномъ склонѣ Урала, въ Богословской и Павдинской дачѣ и даже въ ближайшихъ окрестностяхъ Екатеринбургa (на р. Мельковкѣ). Лѣтомъ же встрѣчается и въ черноземной полосѣ Пермской губ., хотя не гнѣздится здѣсь. Еще Эверсманнъ указалъ, что молодые, даже не совершенно оперившіеся песочники описываемаго вида встрѣчаются въ Поволжѣ въ концѣ іюня и въ іюлѣ, что, конечно, указываетъ на гнѣздованье этого куличка гдѣ-нибудь поблизости. Судя по тому, что въ Печорской тундрѣ песочники выводятъ дѣтей только въ половинѣ іюля, нельзя думать, что въ Поволжѣе попадаютъ печорскіе выводки, и такимъ образомъ надо

искать гнѣздованье песочника гдѣ-нибудь ближе и южнѣе *). Позднѣйшій изслѣдователь Поволжья М. Н. Богдановъ назвалъ песочника только пролетной птицей этой области. Дѣйствительно, и въ Уфимской губ., и въ Оренбургскомъ краѣ, и въ Урало-казачьихъ владѣнiяхъ, и по Камѣ масса песочниковъ бываетъ только на пролетѣ, но Н. А. Зарудный говоритъ, что этотъ видъ довольно постоянно гнѣздится у Соръ-Куля, и возможно, что не совсѣмъ оперившіеся молодые залетаютъ въ Поволжье какъ изъ Пермской губ., такъ и изъ Оренбургскаго края. Подымаясь отъ средняго Поволжья на западъ, мы видимъ, что песочникъ уже со второй половины iюля появляется въ большомъ количествѣ подъ Рязанью. Э. К. Лоренцъ говоритъ, что песочникъ гнѣздится въ Московской губ. (по Москвѣ-рѣкѣ), Л. П. Сабанѣевъ говоритъ тоже о Ярославской. Хотя я не сомнѣваюсь въ вѣрности этихъ показанiй, однако не могу считать песочника иначе, какъ спорадично и рѣдко гнѣздящеюся птицей сѣверныхъ частей центральной Россiи. На пролетѣ песочникъ наблюдался въ Тульской, Тверской, Новгородской и Петербургской губ. и, какъ мы теперь знаемъ, осенній пролетъ вездѣ начинается по крайней мѣрѣ съ послѣдней трети iюля. Принимая во вниманiе, что песочники, наблюдаемые въ центральныхъ губернiяхъ на весеннемъ пролетѣ, крайне довѣрчивы и безобоязненно подпускаютъ къ себѣ человѣка на самое близкое разстоянiе, нельзя не признать въ нихъ сѣверныхъ особей изъ мало населенныхъ мѣстъ; но, какъ выше упомянуто, въ центральныхъ губернiяхъ, а тѣмъ болѣе въ южныхъ, во второй половинѣ iюля не могутъ появляться печорскiе выводки. Въ виду этого особенно желательно получить свѣдѣнiя о распространенiи песочниковъ въ области Камы, по Волгѣ, отъ устья Камы до Ярославской губ., и къ сѣверу отсюда, въ предѣлахъ Вологодской, Вятской и Архангельской губ. Въ Прибалтiйскомъ краѣ песочникъ встрѣчается только на пролетѣ, при чемъ иногда большими стаями; взрослые слѣдуютъ берегомъ моря, молодые бываютъ и внутри страны. Въ Польшѣ, губ. Кіевской, Харьковской и другихъ южныхъ наблюдался по преимуществу на осеннемъ пролетѣ. Въ Крыму встрѣчается весной, лѣтомъ и осенью, но едва ли гнѣздится тамъ.

На Кавказѣ песочникъ попадаетъ на пролетѣ по берегамъ озеръ Ставропольской губ. и Кубанской области, небольшими стайками. Осенью во множествѣ пролетаетъ по Тереку, Кубани и побережью какъ Каспійскаго, такъ и Чернаго моря. На западномъ и южномъ берегу Каспiя остается въ большомъ числѣ на зиму. Чтобы судить о времени пролета песочника, можно привести слѣдующiя данныя. Подъ Батумомъ весенній пролетъ начинается со второй трети марта и

*) Къ тому же, судя по направленiю весенняго пролета, песочники, гнѣздящіеся на о-вахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана и въ Печорской тундрѣ, прилетаютъ сюда весной береговой линiей океана, отъ Норвегiи, т.-е. съ запада, и вѣроятно осенью улетаютъ въ соответствующемъ же направленiи, т.-е. на западъ.

длится до первых чисел апрѣля. Въ Харьковской губ. наблюдается съ начала апрѣля до конца второй трети этого мѣсяца. Въ центральныхъ губерніяхъ пролетаетъ въ разныхъ числахъ мая. На обратномъ пролетѣ первыя пролетныя появляются въ средней Россіи во второй половинѣ іюля, но собственно пролетъ происходитъ въ августѣ и сентябрѣ. Въ южной Россіи наиболѣе сильный пролетъ происходитъ въ сентябрѣ, отдѣльныя особи встрѣчаются въ половинѣ октября. Въ восточной Россіи (губ. Уфимская, Оренбургская) осенній пролетъ оканчивается раньше, такъ какъ происходитъ преимущественно въ августѣ. Въ Закавказьѣ песочникъ осенью появляется во второй трети августа и летитъ до конца октября.

16. Куличекъ-воробей. *Tringa temmincki, Leisl.*

Табл. 16.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 239.

Болѣе распротр. названіе: *куличекъ-воробей*.

Мѣстныя названія: *зукъ* (у поморовъ); *куличекъ-воробей*, *бекасикъ* (Москов. и Ярослав.).

Польск.—*biegus najmniejszy*.—Фин.—*pikku-sipi, sirriäinen* (Муonio).—Лапл.—*vigas-dalle, cirhi*.

Куличекъ-воробей распространень на сѣверѣ, въ области тундры, но не только не идетъ такъ далеко къ сѣверу, какъ предыдущій видъ, но и спускается на гнѣздовья къ югу гораздо далѣе. На Кольскомъ полуостровѣ это очень обыкновенная птица, гнѣздящаяся на лужахъ подъ ивовыми кустиками по сосѣдству морского побережья, на альпійскихъ озерахъ и даже въ области хвойныхъ лѣсовъ (по всей вѣроятности, по тундрамъ этой области). Къ югу гнѣздится въ небольшомъ количествѣ въ области Торнео и въ южныхъ частяхъ Улеаборгской губ. На востокъ отъ Лапландіи гнѣздится на р. Онегѣ и въ большомъ количествѣ на островахъ въ устьѣ Сѣв. Двины и въ области нижней Печоры. На Колгуевѣ только залетаетъ, на Новой Землѣ не найденъ. На пролетѣ встрѣчается въ большомъ количествѣ въ Финляндіи и далѣе на востокъ въ области Онежскаго оз. На нижнюю Печору весною прилетаетъ черезъ Усть-Цыльму, куда попадаетъ, вѣроятно, долиной Камы, но въ восточной части Пермской губ. очень рѣдокъ, попадаясь по большей части въ стайкахъ *Tr. minuta*, а въ Уфимской даже совсѣмъ не найденъ. На средней и нижней Камѣ, въ Оренбургскомъ краѣ, по р. Уралу и по р. Эмбѣ пролетаетъ вмѣстѣ съ песочникомъ, вѣроятно направляясь съ зимовокъ или на зимовки въ Индіи черезъ Арало-Каспійскую низину, такъ какъ по западному берегу Каспійскаго моря пролета куличка-воробья не бываетъ. Въ средней и южной Россіи изрѣдка наблюдается на пролетѣ въ губ. Ярославской, Тверской, Московской, Тульской, Кіевской и Харьков-

ской, почти исключительно на осеннемъ пролетѣ, что указываетъ на неправильный пролетъ. Подъ Одессой и вообще на сѣверномъ берегу Чернаго моря рѣдокъ, но въ Крыму встрѣчается цѣлое лѣто, и Нордманнъ высказалъ предположеніе, что эта птичка даже гнѣздится здѣсь. Болѣе обыкновенной пролетной птицей, на пути къ Лапландіи и Бѣлому морю или обратно, куличекъ-воробей является въ области Балтійскаго моря, т.е. въ губерніяхъ Петербургской, Прибалтійскихъ и въ Польшѣ. На Кавказѣ куличекъ-воробей совсѣмъ не встрѣчается.

По своимъ періодическимъ явленіямъ не отличается отъ предыдущаго вида.

17. Песчанка.

Tringa (Calidris) arenaria, L.

Табл. 17.

Мензбирь, Птицы Россіи, т. 1, стр. 242.

Болѣе распротр. названіе: *песчанка*.

Мѣстные названія: Польск. — *biegus piasecznik, piaskowiec, zmienny*. — Финск. — *hietasirriäinen*.

Эта птица крайняго сѣвера, по словамъ Н. А. Заруднаго, хотя и рѣдко, но нормально гнѣздится въ Оренбургскомъ краѣ на Бишъ-Копинскихъ сорахъ, на Сулюкъ-кулѣ, Чушкалы, и, быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ. Всѣ остальные свѣдѣнія о распространеніи песчанки въ Европ. Россіи относятся большею частью или ко времени пролета, или зимовья. Такъ, на осеннемъ пролетѣ песчанка посѣщаетъ Мурманскій берегъ, осенью же случайно бываетъ подъ Архангельскомъ; лѣтомъ найдена на Колгуевѣ, Вайгачѣ и въ устьѣ Печоры, но гнѣздится ли здѣсь — неизвѣстно. Въ области средняго Поволжья рѣдкая пролетная птица, на р. Уралѣ и Эмбѣ — обыкновенная. На Каспійскомъ морѣ въ качествѣ пролетной извѣстна какъ съ западнаго, такъ и съ восточнаго побережья. Въ центральной и южной Россіи очень рѣдкая неправильно пролетная птица въ губ. Ярославской, Тверской, Харьковской, Кіевской и др., иногда попадающаяся небольшими стайками, штукъ до 15, чаще въ обществѣ чернозобиковъ и другихъ песочниковъ. На осеннемъ же пролетѣ встрѣчается въ ничтожномъ количествѣ по побережью въ Петербургской губ. и Прибалтійскомъ краѣ, но только случайно бываетъ въ Польшѣ. Весною и осенью бываетъ подъ Одессой и въ Крыму, гдѣ, по словамъ Шатилова, въ большомъ количествѣ пролетаетъ по Арабатской стрѣлкѣ вдоль берега Азовскаго моря. Съ середины по конецъ сентября въ небольшомъ числѣ наблюдается по галечнику на морскомъ берегу у Батума.

По времени весенняго и осенняго пролета песчанка не разнится отъ куличковъ-воробьевъ, съ которыми ее у насъ обыкновенно встрѣчаютъ.

18. Песочникъ морской. *Tringa maritima*, Brünn.

Табл. 18.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 245.

Мѣстные названія: Лапл.—*gaddevierruseh*, *tsivlaseh* и *gaddebirusch*. —
Фин.—*merisirriäinen*.

Морской песочникъ принадлежитъ крайнему сѣверу нашей страны, Кольскому полуострову, острову Вайгачу и Новой Землѣ. На Кольскомъ полуостровѣ вѣ въ время гнѣздованья онъ постоянно живетъ по берегамъ Ледовитаго океана, отъ норвежской границы на западѣ до Пооя на востокѣ; для гнѣздованья же покидаетъ морское побережье и устраиваетъ свое гнѣздо на сосѣднихъ тундряныхъ пространствахъ. Зимю встрѣчается въ меньшемъ числѣ, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что часть особей отлетаетъ къ югу и, можетъ быть, даже къ западу. Случайно залетаетъ въ область Куопіо и губ. Нюландскую. На Новой Землѣ и на Вайгачѣ лѣтомъ это самый обыкновенный видъ *Tringa*, который гнѣздится тамъ рѣшительно повсемѣстно. Однако, на Колгуевѣ не найденъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ гнѣздованья.

Если Палласовскіи *Tringa arquatella*—этотъ видъ, а не осенній *Tr. subarquata*, то морской песочникъ залетаетъ въ губ. Петербургскую и на Волгу. Эверсманнъ упоминаетъ его для Оренбургскаго края, но не говоритъ, для какой части именно.

19. Чернозобикъ. *Tringa alpina*, L.

Табл. 19.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 247.

Болѣе распростран. названія: *чернозобикъ, пестрозобикъ.*

Мѣстныя названія: *чернозобъ, чернозобикъ* (Петербург., Казанск.); *куличекъ* (Харьков.). По Палласу—у охотник. будто бы *кулимъ.*

Польск.—*biegus ziemny.*—Финск.—*suosirriäinen.*—Гурійск., аджар.—*мевани.*

Распространеніе чернозобика у насъ очень широко, даже какъ гнѣздящейся птицы, такъ какъ онъ гнѣздится не только въ сѣверной, но и въ центральной, и спорадично въ южной Россіи. На Кольскомъ полуостровѣ чернозобикъ гнѣздится на озерахъ альпійской области, встрѣчаясь, кромѣ того, на пролетѣ, а иногда и на гнѣздовѣ, по морскимъ берегамъ. Изрѣдка лѣтомъ встрѣчается въ южной части финской Лапландіи и въ губ. Нюландской, на пролетѣ найденъ въ губ. Тавастгусской и ладожской Карелии, случайно залетаетъ въ область Куопіо и въ сѣверную часть губ. Абоской. На пролетѣ посѣщаетъ Онежское озеро. Лѣтомъ обыкновененъ подъ Архангельскомъ и на Колгуевѣ, но довольно рѣдокъ на Вайгачѣ и Новой Землѣ. Въ Печорской тундрѣ лѣтомъ мѣстами очень обыкновененъ, но гнѣздится спорадично, такъ, напр., по всей вѣроятности, гнѣздится на песчаномъ Тиманскомъ берегу, откуда летаетъ кормиться на Гуляевскія Кошки, къ Двойнику и проч.

Въ Пермской губ. чернозобикъ, по словамъ Л. П. Сабанѣва, гнѣздится въ Богословскомъ Уралѣ, въ долину Сосьвы, далѣе на югъ—въ окрестностяхъ Тагила и Екатеринбурга—по р. Тагилу и Исети, и всюду въ значительномъ отдаленіи отъ хребта. Любитъ берега большихъ иловатыхъ рѣкъ, и на небольшихъ рѣчкахъ, въ ближайшихъ предгоріяхъ Урала, вовсе не встрѣчается. На озерахъ Екатеринбургскаго и Шадринскаго уу. гнѣздится рѣдко, но зато на пролетѣ придерживается почти исключительно озеръ. Въ Уфимской губ.

чернозобикъ, какъ говоритъ П. П. Сушкинъ, отнюдь не составляетъ правильнаго явленія. Изрѣдка встрѣчается въ окрестностяхъ Уфы все лѣто, по одиночкѣ или парочками, и, можетъ быть, иногда здѣсь гнѣздится; но чаще появляется въ июлѣ и затѣмъ встрѣчается до конца осенняго пролета. Въ Оренбургскомъ краѣ лѣтомъ встрѣчается рѣдко и гнѣздящимся найденъ только около Новолецкаго поселка, въ долинѣ Илека, на пролетѣ же обыкновененъ. Во всей области средней и нижней Волги на пролетѣ обыкновененъ, но наблюдатели послѣднихъ десятилѣтій (Богдановъ, Рузскій) не подтверждаютъ гнѣздованья здѣсь чернозобика, что предполагалъ Эверсманнъ. Что касается центральной Россіи, то Л. П. Сабанѣевъ называетъ чернозобика гнѣздящеюся птицей Ярославской и Московской губ.; въ послѣдней гнѣздится также по словамъ Э. К. Лоренца. Однако, если это и вѣрно, во всякомъ случаѣ чернозобикъ въ центральной Россіи—преимущественно пролетная птица. На пролетѣ во множествѣ встрѣчается по побережью въ Петербургской губ. Въ Прибалтійскомъ краѣ бываетъ на пролетѣ и гнѣздится (единственный гнѣздящійся здѣсь видъ р. *Tringa*). Въ Польшѣ обыкновененъ на пролетѣ и въ небольшомъ числѣ встрѣчается лѣтомъ, но не гнѣздится. Во всей юго-западной и южной Россіи, въ губ. Волынской, Черниговской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Харьковской и др. чернозобикъ обыкновененъ на пролетѣ, особенно на осеннемъ, когда держится на песчаныхъ рѣчныхъ берегахъ и отмеляхъ, или по большимъ озерамъ съ топкими илисто-песчаными или просто песчаными берегами. Весною и осенью встрѣчается въ большомъ количествѣ по всему побережью Чернаго моря и впадающимъ въ него рѣкамъ. Въ Крыму чернозобикъ остается до ноября и въ меньшемъ количествѣ, нежели на пролетѣ, встрѣчается все лѣто; Шатиловъ считаетъ его даже гнѣздящимся въ Крыму, и я съ своей стороны не считаю это невѣроятнымъ, если вспомнить спорадичное гнѣздованье этой птицы въ Испаніи.

Что касается Кавказа, то здѣсь чернозобикъ обыкновененъ на пролетѣ. Громадная стая этого куличка, отъ 600 до 800 экземпляровъ, зимуютъ на южномъ берегу Каспія и держатся на Гокчайскомъ озерѣ. Подъ Батумомъ появляется въ срединѣ іюля и держится до послѣдней трети декабря. Въ январѣ и февралѣ здѣсь не встрѣчается, но со второй четверти марта начинается весенній пролетъ. Въ концѣ августа, началѣ сентября и концѣ ноября чернозобикъ встрѣчается подъ Батумомъ въ огромномъ количествѣ, со второй же трети сентября до конца октября постепенно уменьшается въ числѣ, такъ что осенній пролетъ ясно распадается на два періода.

Въ Крымъ чернозобикъ прилетаетъ весною въ началѣ апрѣля. Въ Харьковской губ. весною наблюдается съ начала апрѣля до начала послѣдней трети этого мѣсяца, но, благодаря рѣдкости птицы, нельзя говорить о настоящемъ весеннемъ пролетѣ. Подъ Оренбургомъ первые показываюся въ разныя числа первой трети апрѣля, но тогда рѣдки; собственно пролетъ въ маѣ. Въ Прибалтійскомъ краѣ чернозобикъ

появляется въ концѣ апрѣля. Въ Петербургской губ. весною— съ мая до начала іюня.

На Кольскомъ полуостровѣ чернозобикъ несется въ теченіе второй и послѣдней трети іюня, глядя по положенію мѣста. На Колгуевѣ Треворъ-Батти нашель этого куличка спарившимся уже $\frac{4}{16}$ іюня, но къ гнѣздованью въ это время птички еще не приступали и у одной добытой въ это время самочки въ яйцеводѣ было полуготовое яйцо. 24 іюня (6-го іюля н. с.) была добыта кладка изъ 4 сильно наспѣженныхъ яицъ, а 27-го найдены птенцы. Съ конца іюля чернозобики въ огромномъ количествѣ держались на илистыхъ берегахъ восточной стороны острова. Съ $\frac{19}{31}$ августа начался отлетъ. Зибомъ и Броунъ нашли чернозобика во множествѣ въ Печорской тундрѣ, гдѣ, однако, этотъ куличекъ не гнѣздится. Въ продолженіе почти мѣсяца, до $\frac{8}{20}$ іюля, попадались исключительно взрослые особи, и только $\frac{8}{20}$ іюля былъ добытъ первый молодой экземпляръ. Судя по этимъ даннымъ, можно думать, что большинство чернозобиковъ, встрѣчающихся съ іюля въ восточной, центральной и южной Россіи, — бродячіе холостые самцы или самцы, оставившіе самокъ послѣ вывода молодыхъ. Впрочемъ, въ исторіи чернозобика все-таки остается много загадочнаго, напр., откуда ихъ берется такое множество во второй половинѣ лѣта даже въ средней Россіи. На такъ наз. осеннемъ пролетѣ чернозобикъ появляется, какъ упомянуто, съ разныхъ чиселъ іюля не только въ средней, но и въ южной Россіи. Въ Петербургской губ. пролетъ длится съ конца іюля до сентября. Въ Казанской губ. пролетъ начинается въ концѣ іюля, валовой пролетъ происходитъ въ началѣ августа, заканчивается осеннее теченіе въ началѣ сентября. Въ Уфимской губ. не наблюдается такого правильнаго пролета. Въ Оренбургскомъ краѣ чернозобикъ начинаетъ летѣть въ послѣдней трети іюля, въ наибольшемъ числѣ пролетаетъ въ концѣ этого мѣсяца и въ первой половинѣ августа. Н. Н. Сомовъ сообщаетъ слѣдующія интересныя наблюденія надъ осеннимъ пролетомъ этихъ песочниковъ въ Харьковской губ. „Осенній налетъ,—говоритъ онъ,—начинается иногда очень рано, а именно съ первой трети іюля, но попадаютъ они тогда въ одиночку, и пролетъ тянется до конца этого мѣсяца. Въ указанное время попадаютъ у насъ только старыя птицы во вполне еще лѣтнемъ и сильно изношенномъ опереніи съ истрепанными маховыми. Держатся пестрозобіе песочники въ это время по большимъ озерамъ съ топкими илисто-песчаными или песчаными берегами. Такъ какъ къ этому времени вода успѣваетъ сильно испариться и на далекое разстояніе обнажить очень топкіе плоскіе берега, по которымъ почти невозможно добраться до самой воды, то тутъ именно и надерживаются эти птицы. Съ половины августа замѣчается налетъ и пролетъ молодыхъ. Отлетъ стариковъ происходитъ до конца августа или начала сентября; молодыя же птицы попадаютъ до конца этого мѣсяца и до начала второй трети октября; но въ это время замѣчаются рѣдко и въ очень небольшомъ числѣ.

„Осенью молодыя птицы держатся стайками отъ 10 до 50 штукъ

или присоединяются къ стайкамъ другихъ песочниковъ (*Tringa minuta*, *Tringa subarquata*) и улитовъ (*Totanus fuscus*, *Totanus calidris*). Держатся они по песчанымъ или илисто-песчанымъ берегамъ всякихъ водъ; на размокшихъ лугахъ и около соленыхъ озеръ они въ осеннее время весьма обыкновенны. Здѣсь они питаются мелкими червячками, жучками, личинками и самыми мелкими ракушками. На пролетахъ большую часть держатся густой стаей и летяютъ почти надъ водою. Песочники эти на пролетахъ строго придерживаются воды и поэтому всегда слѣдуютъ направленію рѣчныхъ долинъ; въ степяхъ на пролетѣ ихъ не замѣчалъ. Насколько птица эта пуглива весною и вообще осторожна, когда встрѣчается въ одиночку или маленькимъ обществомъ, настолько осенью и при большей численности она дѣлается довѣрчивою; стайки песочниковъ, бѣгающихъ по песку около воды, подпускаютъ стрѣлка довольно близко, при чемъ нѣкоторые постоянно отбѣгаютъ впередъ, другіе не спѣша уходятъ въ воду, такъ что она достигаетъ имъ до половины голени, и почти беззаботно ищутъ себѣ добычу. Будучи спугнуты, они перелетаютъ на другой берегъ или, облетѣвъ надъ самою водою все озеро кругомъ, возвращаются на то же мѣсто. Испытавъ преслѣдованіе, они становятся также осторожны, какъ и другія голенастыя птицы“.

Наконецъ, что касается пребыванія чернозобика въ зимніе мѣсяцы въ Закавказьѣ, то, по наблюденіямъ Вильконскаго подъ Батумомъ, этотъ куличекъ держится обыкновенно на мелкихъ дождевыхъ лужахъ, по берегамъ оз. Нуріе-Гель, въ дельтѣ Чороха и на морскомъ берегу. Въ предгоріяхъ и горахъ нигдѣ не найденъ. При этомъ г. Вильконскій замѣчаетъ, что эти кулички и въ одиночку, и въ стаѣ совершенно безбоязненно подпускаютъ человѣка на самое близкое разстояніе.

Относительно линьки намъ извѣстно, что старики начинаютъ линять въ іюлѣ. Въ концѣ этого мѣсяца часть маховыхъ второго порядка и мелкія кроющія перья крыла уже замѣнены, на спинѣ же нигдѣ еще нѣтъ сѣрыхъ зимнихъ перьевъ. Смѣна маховыхъ заканчивается у стариковъ къ половинѣ августа; въ началѣ послѣдней трети августа у нихъ на верхней сторонѣ тѣла уже много зимнихъ перьевъ. Позже всего оканчивается линька чернаго пятна на брюхѣ, и старыхъ птицъ въ полномъ зимнемъ опереніи у насъ не наблюдается. Птенцы начинаютъ линять, т.-е. получаютъ понемногу сѣр्या зимнія перья на спинѣ, съ половины августа; къ концу этого мѣсяца или въ началѣ слѣдующаго у нихъ на спинѣ смѣсь птенцоваго и зимняго наряда и зимнія перышки пробиваются также на зобѣ; въ концѣ первой трети октября на спинѣ почти незамѣтно птенцовыхъ перьевъ, но полное зимнее опереніе пріобрѣтается еще позднѣе.

У добытыхъ подъ Батумомъ въ концѣ марта уже началась весенняя линька. Птицы, добываемыя въ первой трети мая, имѣютъ полный брачный нарядъ.

20. Песочникъ исландскій.

Tringa canutus, L.

Табл. 20, 21.

Мензбирь, Птицы Россіи, т. I, стр. 251.

Болѣе распротр. названіе: *песочникъ исландскій*.

Мѣстныя названія: *эстляндскій турухтанъ* (Петербург. губ.); *керкунъ* (въ Павдѣ).

Польск.—*biegus kanutek*, *biegus rdzawy*.—Финск.—*rantasirriäinen*.—Эст.—*rima ridgi*.

До сихъ поръ ничьи наблюденія не доказали несомнѣнно гнѣздованья исландскаго песочника даже на крайнемъ сѣверѣ Европ. Россіи. Обыкновенно принимаютъ, что онъ только на пролетѣ бываетъ на Мурманскомъ берегу, однако г. Плеске получилъ въ Колѣ съ Нѣмецкаго острова яйцо, которое онъ склоненъ былъ признать принадлежащимъ этому виду; въ такомъ случаѣ можно думать, что исландскій песочникъ гнѣздится на островахъ близъ Мурмана. На пролетѣ и даже лѣтомъ найденъ въ устьѣ Сѣвер. Двины, но гнѣздовье его здѣсь не открыто. Никакихъ свѣдѣній о распространеніи и даже просто о нахожденіи этого вида на Колгуевѣ, Вайгачѣ, Новой Землѣ и въ дельтѣ Печоры мы не имѣемъ. Однако Л. П. Сабанѣевъ говоритъ относительно Пермской губ., что встрѣчалъ здѣсь исландскаго песочника въ окрестностяхъ Павдинскаго завода въ концѣ юля и началѣ августа, т. е. на пролетѣ; павдинцы же, которымъ, будто бы, этотъ куличекъ очень хорошо извѣстенъ подъ названіемъ „керкуна“, считаютъ его въ числѣ несомнѣнно гнѣздящихся птицъ. На пролетѣ изрѣдка залетаетъ въ Оренбургскую губ. и столь же рѣдко, совершенно случайно наблюдается во время осенняго пролета въ Московской, Тульской и Харьковской. Въ западной части страны, какъ залетная птица, отмѣчается въ Финляндіи для области Куопіо и губ. Абоской, и какъ пролетная,—для губ. Нюландской. Рѣдкая пролетная птица по побережью въ Петербургской губ. Въ Прибалтійскомъ краѣ болѣе обыкновененъ

на обѣихъ пролетахъ, также вдоль морскаго берега; весною встрѣчается въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, на обратномъ пролетѣ въ теченіе послѣдней трети іюля. Однако бывають годы, когда этотъ куличекъ пролетаетъ здѣсь въ большомъ количествѣ. Въ Польшѣ чрезвычайно рѣдокъ. На пролетѣ правильно посѣщаетъ берега Чернаго моря, стайками отъ 6 до 10 штукъ въ каждой; подъ Одессой появляется обыкновенно въ октябрѣ, въ Крыму—въ первой половинѣ ноября.

21. Краснозобикъ.

Tringa subarquata, Guld.

Табл. 22.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 255.

Болѣе распростран. названія: *кривоносый песочникъ, краснозобикъ.*

Мѣстные названія: *краснозобъ* (Петерб.).

Польск. — *biegus krzywodzioby, biegus kuliczek.* — Фин. — *pittkänokka-sirriäinen.* — Эст. — *weike rüna rügi.*

Мѣста гнѣздовья краснозобика продолжаютъ оставаться неизвѣстными, если не считать исключительнаго случая нахождения этого куличка гнѣздящимся на Бишъ-Копинскихъ сорахъ и на Соръ-Кулѣ (въ Оренбургскомъ краѣ) г. Заруднымъ. Поэтому въ высшей степени странно, что названный наблюдатель не сообщилъ никакихъ подробностей о своей находкѣ. Такимъ образомъ, мы можемъ быть увѣрены, что краснозобикъ гнѣздится въ полярныхъ странахъ Стараго Свѣта, но точныхъ мѣстонахожденій его, какъ гнѣздящейся птицы, намъ неизвѣстно.

Какъ пролетный, краснозобикъ найденъ на Мурманскомъ берегу, въ южной части русской Лапландіи, въ губ. Тавастгусской, южной части Абоской, въ Нюландской и на Аландскихъ о-вахъ; случайно залетаетъ въ область Куопіо и сѣверную часть Абоской губ. Подъ Архангельскомъ не разъ добывался лѣтомъ. Южнѣе, на р. Сухонѣ, между Вологодой и Тотьмой, найденъ на пролетѣ. Лѣтомъ найденъ въ области нижней Печоры. Въ іюлѣ замѣченъ въ окрестностяхъ Бого-словска. Весною и осенью (въ апрѣлѣ и въ августѣ) замѣченъ на пролетѣ на Камѣ и Волгѣ. Въ Уфимской губ. на пролетѣ не бываетъ, по крайней мѣрѣ правильно, но залетаетъ сюда лѣтомъ, вѣроятно, изъ Киргизскихъ степей, гдѣ встрѣчается и на гдѣздовѣ, и въ качествѣ бродячей птицы въ теченіе всего лѣта. Подъ Оренбургомъ на пролетахъ въ нѣкоторые годы бываетъ очень обыкновененъ. Въ 1888 году въ первой трети іюля въ громадномъ числѣ найденъ на берегахъ

Аще-Куля и Акъ-Куля, гдѣ встрѣчался стаями, штукъ до 70 въ каждой. Почти всѣ убитые здѣсь экземпляры оказались взрослыми самцами. Пролетъ происходитъ по Сакмарѣ, Уралу и Эмбѣ. О гнѣздованьѣ краснозобика въ Оренбургскомъ краѣ упомянуто выше. Въ средней Россіи бываетъ изрѣдка на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ. На западѣ это довольно обыкновенная пролетная птица въ Петербургской губ., Прибалтійскомъ краѣ и Польшѣ, въ послѣдней только на осеннемъ пролетѣ. Въ южной Россіи встрѣчается изрѣдка на весеннемъ и, какъ всюду, чаще на осеннемъ пролетѣ. Въ Харьковской губ. весной замѣченъ только однажды въ числѣ 3 экземпляровъ 12 апрѣля 1887 г. Затѣмъ старики показываются съ середины и начала іюля, собственно же осенній пролетъ наблюдается съ половины августа. Въ наибольшемъ количествѣ попадаютъ здѣсь краснозобики во второй половинѣ августа и въ началѣ сентября; къ концу сентября ихъ попадаетъ уже очень немного, въ рѣдкихъ случаяхъ они замѣчаются до конца первой трети октября. Осенью песочники эти смѣшиваются со стаями чернозобиковъ и куличковъ-воробьевъ, но держатся и отдѣльными стайками до 20 штукъ. Держатся по песчанымъ и илисто-песчанымъ берегамъ озеръ, по сырымъ лугамъ и около мелкихъ рѣчекъ по отмелямъ. Здѣсь они или кормятся на берегу, или заходятъ въ воду, бѣгаютъ по соленнымъ болотамъ между солянками и подбираютъ различныхъ мелкихъ насѣкомыхъ, червей и слизняковъ. На пролетѣ краснозобикъ часто встрѣчается вмѣстѣ съ чернозобикомъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, гдѣ держится по берегамъ соленыхъ озеръ. Въ Крыму также бываетъ на пролетѣ и притомъ осенью въ большемъ количествѣ, нежели весной. На Кавказѣ бываетъ, повидному, только случайно.

Въ дополненіе къ сказанному о времени полета прибавимъ, что въ средней Россіи на весеннемъ пролетѣ онъ бываетъ въ концѣ апрѣля и въ маѣ, на осеннемъ—съ конца іюля по октябрь; въ сѣверной Россіи наибольшее число находокъ было сдѣлано (Кольскій полуостровъ, Архангельскъ, Печора) въ іюлѣ и началѣ августа; въ Крыму осенній пролетъ длится съ конца іюля до октября.

22. Камнешарка. *Strepsilas interpres*, L.

Табл. 23.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 258.

Болѣе распротр. названіе: *камнешарка*.

Мѣстныя названія: *тытушокъ* (у поморовъ); *былошейка* (?) (въ Павдѣ).
Польск.—*kamuszniak, biegius tlomacz, kamuscznik, ziwrotek*.—Финск.—*luotolainen*.—Лапланд.—*goattkollas*.

Эта широко распространенная птица гнѣздится у насъ въ разныхъ частяхъ страны, до извѣстной степени какъ бы отдѣльными колоніями. На сѣверѣ она гнѣздится по всему побережью Кольскаго полуо-ва, т.-е. отъ Рыбачьяго полуострова по Мурманскому берегу, Терскому и, въ особенности, въ Кандалакской Губѣ. Въ небольшомъ количествѣ встрѣчается на островахъ Бѣлаго моря около Сумскаго посада, Соловокъ и подѣ Архангельскомъ. Во внутреннихъ частяхъ Кольскаго полуострова встрѣчается очень рѣдко. Относительно побережья Ледовитаго океана отъ Бѣлаго моря до Карскаго наши свѣдѣнія очень неполны. По свидѣтельству Треворъ-Батти, камнешарка довольно многочисленна на Колгуевѣ, гдѣ несомнѣнно гнѣздится. Теель встрѣтилъ нѣсколько парочекъ этихъ птицъ на Новой Землѣ (Гусиный Носъ) и предполагаетъ, что камнешарка не особенно рѣдка здѣсь. Однако на нижней Печорѣ камнешарка не найдена. На западѣ камнешарка мѣстами обыкновенна лѣтомъ и вообще распространена по всему побережью Финляндіи съ Аландскими островами и спорадически гнѣздится въ береговой полосѣ Прибалтійскаго края, именно на островкахъ Кивви-саарѣ и Руи подѣ Пиварономъ и на Уду-саарѣ подѣ Вердеромъ. Затѣмъ, еще одну гнѣздовую область камнешарки мы находимъ уже въ бассейнѣ Каспійскаго моря, гдѣ эта птица гнѣздится въ Киргизскихъ степяхъ Астраханской губ., въ Урало-казачьихъ владѣніяхъ и Оренбургскомъ краѣ, но только по большимъ соленнымъ озерамъ, каково, напр., Сорь-Куль. Сообщенныя Л. П. Сабанѣву павдинскими охотниками свѣдѣнія, будто камнешарка гнѣздится въ Пермской губ.

на Павдинскомъ пруду, во всякомъ случаѣ нуждаются въ провѣркѣ, такъ какъ названный наблюдатель замѣчалъ ее здѣсь только въ концѣ іюля, по всей вѣроятности, уже бродячихъ сѣверныхъ, и кромѣ того на пролетѣ въ окрестностяхъ Екатеринбургa и Тибука. Наконецъ, послѣдняя у насъ гнѣздовая колонія камнешарки принадлежитъ Черному морю, берегамъ Крыма и его соленымъ озерамъ.

Въ качествѣ пролетной птицы, камнешарка извѣстна для побережья Петербургской губ., гдѣ рѣдка. Изрѣдка и случайно бываетъ на пролетѣ въ Польшѣ и, повидному, также случайно въ губ. Ярославской, Московской, Казанской и Воронежской. Въ Харьковской губ. это неправильно пролетная птица, встрѣчающаяся съ конца іюля по октябрь. На западномъ побережьи Чернаго моря бываетъ въ апрѣлѣ и октябрѣ, подъ Батумомъ наблюдалась только на осеннемъ пролетѣ, и то въ незначительномъ количествѣ, со второй трети августа по послѣднюю четверть этого мѣсяца. Въ Оренбургскій край камнешарка прилетаетъ, по всей вѣроятности, въ концѣ апрѣля или началѣ мая. Съ іюля бродячія стайки встрѣчаются по всей юго-восточной Россіи. Сѣверцовъ наблюдалъ камнешарокъ въ концѣ іюля у сѣвернаго побережья Каспійскаго моря, на обоихъ Пѣшныхъ островахъ, и наблюдалъ несомнѣнно пролетныхъ въ августѣ и сентябрѣ на рр. Уралѣ и Эмбѣ. Однако Каспійскимъ побережьемъ Кавказа камнешарки пролетаютъ въ столь же незначительномъ количествѣ, какъ Черноморскимъ, или же въ нѣсколько большемъ.

Изъ всего этого можно нарисовать себѣ такую картину осенняго пролета камнешарокъ. Изъ береговой полосы Сѣвернаго Ледовитаго океана и съ прилежащихъ острововъ камнешарка, по всей вѣроятности, летитъ на западъ, слѣдуя береговой линіей къ Норвегіи и затѣмъ берегомъ Норвегіи. Въ береговой области Финляндіи съ Балтійскимъ побережьемъ осенній пролетъ происходитъ сначала въ юго-западномъ направленіи, а потомъ, вѣроятно, идетъ прямо на западъ, черезъ Данію. Но отдѣльныя особи, изъ числа живущихъ по сѣверному и западному побережью, могутъ залетать болѣе или менѣе далеко въ глубь страны, до центральной и даже южной Россіи включительно. Затѣмъ, камнешарки юго-восточной Россіи осенью, вѣроятно, разсѣиваются въ разныхъ направленіяхъ: отчасти на западъ (и тогда залетаютъ въ Харьковскую губ.), въ большемъ количествѣ на югъ (вдоль береговъ Каспійскаго моря), и предпочтительно къ юго-востоку, черезъ степныя озера юго-западной Сибири и Туркестана. Наконецъ, изъ Крыма камнешарки улетають, безъ сомнѣнія, вдоль берега Чернаго моря, мимо Одессы, къ Босфору и, отчасти, прямо черезъ море къ Батуму. Эта схема удовлетворительно объясняетъ незначительный, но правильный пролетъ камнешарки Балтійскимъ побережьемъ, вдоль Чернаго моря и Каспійской береговой полосой, и лишь случайное и рѣдкое появленіе птички внутри страны.

23. Болотный куликъ, веретенникъ.

Limosa melanura, Leisl.

Табл. 24.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 263.

Болѣе распростр. названія: *болотный куликъ, сукалень, неттигель, веретенникъ.*

Мѣстныя названія: *авдотья, авдотка, неттицель* (Оренбург.); *веретенникъ, куликъ-собака* (Астрахан.); *неюль, веретенникъ* (Воронеж.); *свдошка* (Екатеринб. у.); *большая куведрига* (Богослов. Уралъ).

Польск.—*rycyk, brycaj gm.*, также *bekas kozogłow, nablotnik rdzawoszyjny, szlamnik czarnosterny.*—Финск.—*mustapirstö-kuovi.*

Несмотря на свое широкое распространеніе, веретенникъ производитъ впечатлѣніе птицы степныхъ болотъ и даже болѣе опредѣленно: широкихъ луговыхъ долинъ степныхъ рѣкъ, гдѣ онъ встрѣчается въ очень большомъ количествѣ. Болота рѣчныхъ долинъ, обязательно травянистыя, стоятъ уже на второмъ мѣстѣ въ числѣ его станцій и этимъ опредѣляется и вообще область его распространенія, и его многочисленность въ ея разныхъ частяхъ.

Приблизительная сѣверная граница области гнѣздовья веретенника идетъ у насъ съ востока на западъ отъ 60° къ 58°—59° с. ш.; но чтобы ознакомиться съ распространеніемъ этой птицы какъ слѣдуетъ, надо перебрать отдѣльныя мѣстности, лежація къ югу отъ указанной границы. Въ Пермской губ. веретенники еще гнѣздятся на заливныхъ лугахъ р. Сосьвы, въ Богословской дачѣ, подъ 60° с. ш., но въ большомъ количествѣ появляются только южнѣе Екатеринбурга, именно съ границъ чернозема, при чемъ въ самомъ Уралѣ очень рѣдки и гнѣздятся здѣсь большею частію одиночными парами и всегда на наиболѣе обширныхъ болотистыхъ покосахъ, какъ, наприм., въ окрестностяхъ Иткуля, на Бѣлыхъ Степяхъ и т. д. Въ Уфимской губ. эта птица гнѣздится повсемѣстно и даже въ горахъ, наприм. на Семибратскомъ озерѣ. Въ Оренбургскомъ краѣ веретенникъ принадлежитъ къ обыкновеннымъ птицамъ по всѣмъ степнымъ болотамъ и озерамъ съ

болотистыми окраинами, по вѣсѣмъ болѣе или менѣе широкимъ рѣчнымъ долинамъ. Въ области нижняго теченія р. Урала и въ дельтѣ Волги бываетъ только на пролетѣ, слѣдовательно южная граница чернозема является и южною границей области гнѣздовья веретенника въ восточной Россіи. По всему среднему Поволжью веретенникъ довольно обыкновененъ, но въ Казанской не переходитъ къ сѣверу за Каму, которая является сѣверной границей его области гнѣздовья. Въ Тульской и Московской губ. гнѣздится, но рѣдокъ; въ Ярославскую только залетаетъ во время пролета, но едва ли гнѣздится здѣсь, по крайней мѣрѣ правильно. Въ Петербургской губ. былъ найденъ на большихъ озерахъ около Ладожскаго канала и на границѣ Олонекской губ., около Сермакса, но неизвѣстно, гнѣздится ли. Въ лѣсной области Новгородской и Псковской губ. бываетъ только случайно. Въ Прибалтійскомъ краѣ самое сѣверное мѣсто гнѣздовья веретенника представляютъ обширныя травянистыя низменности Мацаль-Вика и окрестности Нѣхачскаго озера, лежащія между 58° и 59° с. ш. Что касается Польши, то описываемая птица гнѣздится въ довольно значительномъ количествѣ въ обширныхъ болотахъ Люблинской губ., почти въ такомъ же количествѣ по Августовскому каналу, въ меньшемъ числѣ по р. Бишѣ, въ губ. Плоцкой и Сѣдлецкой. Въ губерніяхъ, лежащихъ по Днѣпру, въ Бессарабіи, Херсонской, веретенникъ гнѣздится во многихъ мѣстахъ и въ довольно большомъ количествѣ. Въ центральной Россіи, къ югу отъ Тульской и Рязанской, гнѣздится спорадично и вообще не часто. По мѣрѣ приближенія къ Ставропольской губ. рѣдѣетъ и въ послѣдней бываетъ только на пролетѣ. Однако въ степной части Крыма гнѣздится въ значительномъ количествѣ. Относительно Кавказа мы знаемъ, что веретенникъ гнѣздится на Каспійскомъ побережьи Закавказья. На пролетѣ эта птица обыкновенна во всей средней и южной Россіи и въ береговой полосѣ Кавказа. Зимой многія особи встрѣчаются въ Ленкоранской низменности. Къ сѣверу отъ выше приведенной сѣверной границы области распространенія веретенника этотъ куликъ залетаетъ въ Печорскую тундру и изъ Скандинавіи въ энарскую Лапландію.

Веретенникъ прилетаетъ къ намъ весьма дружно и оттого ли, что мѣста его зимовокъ лежатъ недалеко отъ мѣстъ гнѣздовья, или оттого, что его пролетные пути коротки, онъ появляется приблизительно въ началѣ второй трети апрѣля во всей полосѣ, пересекающей Россію отъ Черниговской губ. на западѣ до Оренбургской на востокѣ. Ранѣе этого срока наблюдаются только отдѣльныя особи, которыя въ Харьковской губ. замѣчены даже съ конца марта. На пролетѣ эти кулики держатся или небольшими стайками отъ 9 до 18 штукъ въ каждой, или парами и одиночными особями, или же, напротивъ, сотенными стаями. Врозь, парами и небольшими стайками веретенники встрѣчаются по лужамъ, прудамъ и болотамъ, громадными стаями—по долинамъ рѣкъ. Первое время они очень строги и не подпускаютъ къ себѣ близко, но мѣстовые уже скоро послѣ прилета становятся смирны. Съ

прилета веретенники держатся всюду по лугамъ и степямъ около лужъ, образовавшихся отъ таянія снѣга. Но по мѣрѣ того, какъ сходитъ снѣгъ и просыхаетъ земля, веретенники мало-по-малу сбиваются къ мѣстамъ своего гнѣздовья, годъ отъ году селясь въ однихъ и тѣхъ же, пока этому не помѣшаетъ какое-либо исключительное обстоятельство, въ родѣ осушки болота, сильнаго преслѣдованія со стороны чело-вѣка и т. д. Хотя описываемая птица не особенно прихотлива въ выборѣ мѣста для жительства и селится какъ по разнымъ болотамъ, такъ и въ сырыхъ, окруженныхъ кустиками, мѣстахъ даже ковыльной степи, все-таки можно сказать, что особенно любитъ она широкія луговья долины степныхъ рѣкъ, предпочитаая такія мѣста, гдѣ болота чередуются съ сухими, мало травянистыми площадями, по которымъ разбросаны лужи. Переселившись въ мѣста гнѣздовья, веретенники разбиваются на пары и приступаютъ къ гнѣздовитію. Гнѣздо, которое самка устраиваетъ при помощи самца, располагается большею частью среди рѣдкой травы или, что рѣже, на верхушкѣ кочки около воды. Само гнѣздо представляетъ собою плоскую ямочку, устланную стебельками, и сюда въ началѣ мая самка и несетъ свои яйца. Число яицъ полной кладки обыкновенно четыре, рѣдко три. Длина ихъ колеблется отъ 2,2 до 2,05 дюйма, поперечникъ отъ 1,52 до 1,45. Основной цвѣтъ ихъ оливково-бурый или блѣдно-оливково-зеленый; по немъ разбросаны неясныя поверхностныя оливково-бурья и глубокія сѣровато-бурья и сѣроватыя пестрины. Самка сидитъ на яйцахъ три недѣли и самецъ въ это время ревностно старается охранить ее отъ опасности, летая кругомъ и подмѣчая, не появится ли что-нибудь подозрительное. Такъ какъ веретенники гнѣздятся обыкновенно въ довольно значительномъ количествѣ на одномъ и томъ же болотѣ, то тревога, поднятая однимъ, передается и другимъ, и въ короткое время все куличье населеніе болота принимаетъ участіе въ нападеніи на непріяеля. Если нападеніе не удастся, какъ, наприм., въ случаѣ приближенія чело-вѣка, веретенникъ начинаетъ хитрить и прибѣгаетъ ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобъ отвести охотника отъ гнѣзда. Самецъ и самка или одинъ изъ нихъ, не сидящій на яйцахъ, такъ какъ веретенники высиживаютъ поочередно, съ жалобнымъ пискомъ подлетаетъ почти въ упоръ къ охотнику, останавливается въ воздухѣ, вытянувъ ноги впередъ и быстро махая крыльями, поминутно садится и отбѣгаетъ прочь, и всячески старается приманить непріяеля за собою. Отгоняя непріяеля, веретенникъ постоянно кричитъ, но крикъ этотъ весьма различенъ, смотря по тому, съ кѣмъ куликъ имѣетъ дѣло; при преслѣдованіи хищной птицы крикъ кулика короткій и живой, при приближеніи къ гнѣзду чело-вѣка походитъ на хриплый стонъ. Передавая эти крики звукоподражательно, можно отмѣтить, что одинъ походитъ на слоги *таугодреть*, откуда и киргизское названіе птицы, другой на слоги *вдотья*, превращающіеся при частомъ повтореніи въ *явдотья* или *авдотья*, откуда одно изъ русскихъ названій, третій что-то въ родѣ *видь... видь... видь...* и т. д. Когда куликъ летитъ болѣе

или менѣе спокойно, крикъ его похожъ на слова *веретёнъ*, давшее начало болѣе распространенному названію этой птицы. Дѣти выводятся въ концѣ мая, а въ началѣ іюня встрѣчаются куличата, которые могутъ уже перепархивать. Родители уводятъ дѣтей отъ гнѣзда на другой же день по выводѣ и сначала держатся съ ними въ болотѣ, а потомъ переселяются съ ними въ чистыя мѣста, дуга, степи и хлѣбныя поля, гдѣ молодые и вырастаютъ. Пищу и взрослыхъ и молодыхъ птицъ составляютъ черви, насѣкомыя, а также и тина; кромѣ того, въ желудкахъ веретенниковъ всегда находится нѣкоторое количество относительно крупныхъ камешковъ. Въ срединѣ іюня, когда молодые куличата подрастутъ, веретенники начинаютъ стадиться и кочевать; въ іюлѣ кочевки ихъ становятся уже очень длинными и птицы далеко уходятъ отъ мѣстъ своего гнѣздовья, а въ теченіе августа веретенники отлетаютъ. Въ это время ихъ стайки охотно держатся даже по соленымъ водамъ, на берегахъ которыхъ веретенники отдыхаютъ, жируютъ и держатся на водопойѣ. Веретенникъ отлично ходитъ и летаетъ, на полетѣ вытягивая шею и ноги и опуская голову внизъ, но плавать и нырять только когда раненъ, и бѣгаетъ рѣдко.

Что касается охоты за веретенниками, то единственное, но зато превосходное описаніе ея дано С. Т. Аксаковымъ, и намъ не остается ничего больше, какъ почти дословно привести это описаніе, тѣмъ болѣе, что оно дополняетъ въ подробностяхъ сдѣланное нами описаніе образа жизни названной птицы. „Грустно мнѣ вспомнить, — говоритъ Аксаковъ, — какое истребленіе производилъ я, какъ и всѣ охотники, въ оренбургскихъ обширныхъ болотахъ, биткомъ набитыхъ всякою дичью и преимущественно болотными куликами, отличающимися отъ многихъ куличьихъ породъ необыкновенною горячностью къ дѣтямъ. Это опустошеніе еще гибельнѣе, если производится въ то время, когда кулики сидятъ на яйцахъ: тутъ пропадаютъ вдругъ цѣлыя поколѣнія; если же куличата вывелись хотя за нѣсколько дней, то они вырастутъ и выкормятся безъ помощи отца и матери.— Едва только приближается охотникъ или проходитъ мимо мѣста, занимаемаго болотными куликами, какъ одинъ или двое изъ нихъ вылетаютъ навстрѣчу опасности, иногда за полверсты и болѣе. Мы называли ихъ въ шутку ' посланниками '. Вылетѣвъ навстрѣчу человѣку или собакамъ, даже лошади, коровѣ и всякому животному, болотный куликъ бросается прямо на охотника, подлетаетъ вплотъ, трясется надъ его головой, вытянувъ ноги впередъ, какъ будто упираясь ими въ воздухъ, безпрестанно садится и бѣжитъ прочь, все стараясь отвести въ противоположную сторону отъ гнѣзда. Съ собакой ему иногда удается эта хитрость; но охотникъ видѣлъ, откуда прилетѣлъ онъ, убиваетъ посланника и прямо идетъ къ его жилищу. Чѣмъ ближе подходитъ онъ къ болоту, тѣмъ чаще вылетаютъ встрѣчные кулики. Когда же у самаго ихъ жилища раздается выстрѣлъ, то поднимается все летучее населеніе болота и окружаетъ охотника, наполняя воздухъ криками и пискомъ своихъ голосовъ и шумомъ своихъ полетовъ; только

однѣ самки или самцы, сидящіе на яйцахъ, не слетаютъ съ нихъ до тѣхъ поръ, пока опасность не дойдетъ до крайности. Это летучее населеніе преимущественно состоитъ изъ болотныхъ куликовъ и частью только изъ чибисовъ или пшголицъ, травниковъ и поручейниковъ. Охотникъ вступаетъ въ болото, и по мѣрѣ того, какъ онъ нечаянно приближается къ какому-нибудь гнѣзду или пританвшимся въ травѣ дѣтямъ, отецъ и мать съ жалобнымъ крикомъ бросаются къ нему, ближе и ближе вертятся надъ головой, какъ будто падаютъ на него и едва не задѣваютъ за дуло ружья... Но не долго тянется дѣло у охотника опытнаго и хорошаго стрѣлка: только новичокъ, недавно взявшійся за ружье, можетъ до того разгорячиться, что задрожать у него руки и ноги, и будетъ онъ давать безпрестанные промахи, чему способствуетъ близость разстоянія, ибо дробь летитъ сначала кучей. Стрѣлять болотныхъ куликовъ въ летъ въ это время, при нѣкоторой сноровкѣ и хладнокровіи, ловчѣе, чѣмъ сидячихъ: надо выпускать ихъ въ мѣру и не стрѣлять во время быстрыхъ поворотовъ. По большей части исторія оканчивается тѣмъ, что, черезъ нѣсколько часовъ, шумное, звучное, весело-населенное болото превращается въ безмолвное и опустѣлое мѣсто... Только легко раненные или прежде пуганные кулики, отлетѣвъ на нѣкоторое разстояніе, молча сидятъ и дожидаются ухода истребителя, чтобы заглянуть въ свое родное гнѣздо... Но не входятъ такія мысли въ голову охотника: онъ весело собираетъ и пересчитываетъ свою добычу и отправляется въ другое болото...

„Но не всегда и не все болота, посѣщаемыя охотниками, подвергаются такому опустошенію: это случается только съ мѣстами новыми, нетронутыми, никогда не стрѣленными. Если болотные кулики не будутъ истреблены въ первый разъ, или по неумѣнью стрѣлять, или по излишней горячности охотника, то въ другой разъ сдѣлаются гораздо осторожнѣе: налетаютъ близко только сначала, а потомъ возьмутъ такой верхъ, что ихъ не достанешь и утиною дробью; да и летаютъ надъ охотникомъ лишь нѣсколько куликовъ, а остальные все посядутъ кругомъ въ безопасномъ разстояніи. Отъ времени до времени, летающіе и сидящіе кулики мѣняются между собою своими должностями. Такихъ *ученыхъ* куликовъ (въ смыслѣ проученныхъ), какъ выражаются охотники, бить уже очень трудно, и нужно употреблять дробь покрупнѣе, даже 6-го нумера; обыкновенно же употребляютъ 7-го и 8-го нумера.

„Въ то время, когда старые кулики держатся съ молодыми выводками въ большой травѣ или хлѣбѣ, молодыхъ можно стрѣлять изъ-подъ собаки, точно какъ дупельшнеповъ, ибо они не поднимаются высоко и не улетятъ очень далеко, а, пересѣвъ, сидятъ смирно, спрятавшись въ травѣ, и подпускаютъ собаку близко, даже выдерживаютъ стойку. Это бываетъ въ послѣднихъ числахъ іюня и въ самомъ началѣ іюля. Въ половинѣ этого мѣсяца, они появляются уже отдѣльными выводками по отлогимъ берегамъ прудовъ и озеръ; потомъ собираются къ отлету большими стаями по большимъ рѣкамъ и огромнымъ

стешнымъ озерамъ, и въ началѣ августа совершенно пропадаютъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургскаго края, гдѣ я жилъ и охотился: вѣроятно, гдѣ-нибудь поужнѣе они держатся долѣе.

„Болотные кулики, несчастныя жертвы всякаго стрѣлка, такъ безпощадно истребляемые, мало уважаются охотниками, безъ сомнѣнія, потому, что ихъ вездѣ много, и что во время сидѣнья на яйцахъ и вывода дѣтей только лѣнивый не бьетъ ихъ, ибо неумѣющій стрѣлять въ летъ можетъ стрѣлять ихъ сидячихъ; но съ прилета или на отлетѣ никакой охотникъ ими не пренебрегаетъ. Мясо болотныхъ куликовъ совершенно сходно вкусомъ съ мясомъ всѣхъ куличьихъ породъ: оно сухо и черство, когда они тощи и худы, и очень мягко, сочно и вкусно, когда они жирны; молодые же болотные кулики, хотя нѣсколько разжирѣвшіе, имѣютъ вкусъ превосходный. Въ Оренбургской губерніи они такъ рано пропадаютъ, что не успѣваютъ вполне разжирѣть, но изрѣдка и мнѣ случалось убивать стараго, запоздалаго, вѣроятно пролетнаго, болотнаго кулика, облитаго жиромъ“.

24. Веретенникъ малый.

Limosa rufa, Briss.

Табл. 25.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 269.

Болѣе распростран. названія: *неттиель малый* или *красный*.

Мѣстныя названія: *песаръ морской* (лапландск.); *неттиель малый* (Петербург. губ.); *малая, рыжая евошка* (Пермск. у.).

Польск.—*szlamiak rdzawy, nablotnik podgorzaly*.—Фин. *puna-uovi*.—Лапландск. (на Имандрѣ) *potscherk*, также *kydi*.—Эст. *sur-puna-pugu*.

Область распространенія малаго веретенника или малаго неттигеля въ Европ. Россіи еще недостаточно изслѣдована. Эта красивая птица гнѣздится на Кольскомъ полуостровѣ къ югу до 67° с. ш. и, быть можетъ, на Бѣломъ морѣ, но не найдена ни на Новой Землѣ, ни въ Печорской тундрѣ, хотя, повидимому, гнѣздится въ тундрѣ Западной Сибири и спорадически черезъ Тобольскую губ. до Пермской включительно. Соответственно этому, пролетные пути малаго веретенника съ одной стороны принадлежатъ побережью Ботническаго и Финскаго залива и Балтійскаго моря, съ другою—рѣкѣ Уралу и побережью Каспійскаго моря. Въ центральной Россіи бываетъ крайне рѣдко и только случайно.

Что касается подробностей распространенія малаго веретенника, то можно сообщить слѣдующее. На Кольскомъ полуостровѣ онъ найденъ на Рыбачьемъ полуостровѣ, между озеромъ Энаре, Туломою и Мотовскою Губою, на рѣкѣ Колѣ, около станціи Зашеекъ, на южной оконечности оз. Имандры, большой стаей на берегу Колозера вблизи зимняго погоста Массельга и въ большомъ числѣ по берегамъ р. Туломы, около Колы. Въ области Энаре гнѣздится въ изобиліи; по Торнео эта птица не особенно многочисленна, но гнѣздится здѣсь регулярно. Встрѣчается на островахъ Бѣлаго моря, быть можетъ на Колгуевѣ, а подъ Архангельскомъ были добыты яйца, вѣроятно принадлежащія этому виду. Въ Финляндіи пролетъ этой птицы наблюдался въ губ. Абоской, Тавастгусской и Нюландской; въ Петербург-

ской губ. малый веретенникъ постоянно посѣщаетъ побережье какъ на весеннемъ, такъ и на осеннемъ пролетахъ; въ Прибалтійскомъ краѣ правильно посѣщаетъ Эстляндское побережье. Съ этой системы пролетныхъ путей описываемый видъ случайно залетаетъ въ губ. Новгородскую, Ярославскую, Польшу и быть можетъ отсюда, быть можетъ изъ восточной Россіи попадаетъ на сѣверный берегъ Чернаго моря и въ Крымъ. Что касается восточной области гнѣздовья малаго веретенника, то пара этихъ птицъ (самецъ и самка) была добыта 19 мая 1891 г. въ 22 верстахъ отъ Тюмени, близъ дер. Багандинки, гдѣ, быть можетъ, эти кулики гнѣздятся. Л. П. Сабанѣвъ говоритъ относительно Пермской губ., что встрѣчалъ *L. rufa* всего нѣсколько разъ, но прибавляетъ, что его наблюденія вполне подтверждаютъ полное убѣжденіе мѣстныхъ охотниковъ, что этотъ куликъ положительно гнѣздится какъ въ Павдинской дачѣ и въ окрестностяхъ Богословска и Сосьвы, гдѣ Сабанѣвъ наблюдалъ ихъ въ іюнѣ, такъ и въ черноземной полосѣ, гдѣ 27 мая у озера Карагуза былъ добытъ рыжіи сукалень, видимо отводившій отъ гнѣзда. Последнюю мѣстность Сабанѣву еще ранѣе указывали какъ мѣсто гнѣздовья „малой породы евдошки“. Однако въ Оренбургскомъ краѣ малый веретенникъ нигдѣ не гнѣздится и бываетъ только изрѣдка на пролетѣ. На Волгѣ даже во время пролета очень рѣдокъ и бываетъ только случайно, при чемъ наблюдается лишь въ губ. Казанской и Астраханской. Н. Н. Сомовъ считаетъ этотъ видъ крайне рѣдкимъ залетнымъ для Харьковской губ. Но по р. Уралу и по Кавказскому побережью Каспійскаго моря малый веретенникъ пролетаетъ правильно, хотя и встрѣчается здѣсь гораздо рѣже своего большого собрата.

Наблюденія надъ образомъ жизни малаго веретенника вообще очень скудны; что же касается восточной части Евр. Россіи, то совершенно ничтожны, и потому мы едва можемъ намѣтить сроки пролета этой птицы въ разныхъ частяхъ страны. Въ Прибалтійскомъ краѣ этотъ куликъ весною очень рѣдокъ, осенью же старые самцы пролетаютъ съ конца іюля по 10 августа, а молодая птицы и немногочисленные старые самки во второй половинѣ сентября. Въ Петербургской губерніи весною пролетаетъ во второй половинѣ апрѣля и въ теченіе первыхъ двухъ третей мая. Осенью пролетъ начинается уже съ конца іюля, продолжается весь августъ и даже въ сентябрѣ еще нерѣдко попадаютъ молодая особи. На Варангеръ-фіордѣ малый веретенникъ появляется въ концѣ мая и вскорѣ же послѣ прилета откладываетъ яйца, т. к. остается на мѣстѣ гнѣздовья очень недолго. Воллей нашель яйца малаго веретенника въ сѣверной Финляндіи уже 17 мая.

Время весенняго пролета малаго веретенника въ восточной Россіи не прослѣжено какъ слѣдуетъ; осенью Сѣверцовъ наблюдалъ пролетъ этого вида подъ Гурьевомъ во второй половинѣ августа. Въ Казанской губ. наблюдался г. Рузскимъ въ первыхъ числахъ мая и въ августѣ.

25. Турухтань.

Totanus pugnax, Briss.

Табл. 26, 27.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 275.

Болѣе распростран. названія: *турухтань, курухтань, курахтань.*

Мѣстныя названія: *просяникъ, драчунъ* (Астрахан. губ., Урало-каз. влад.); *брыжачъ* (Херсон. губ.); *таратайка* (Харьковск. губ.); *турухтанчикъ* (Воронеж. губ.); *тыуецъ* (Ярослав. губ., самецъ весной); *тыушоко* Пермск. губ., отч. въ Поволжьѣ); *морской тыушоко* (въ Сибири).

Польск. — *ptak bitny, biegus klotnik, b. bojownik, b. zmienny, bojownik batalion, batalion, kartonek.*

Финск. — *suokulainen, tokkimus.* — Лапланд. — *ravgusch, rauko, parfa.* — Эстск. — *krusald, nõgi kikkas, sora kuk.* — Лат. — *gugatnis.* — Вогул. и остяц. — *тулохъ, коосъ-соце.* — Самоѣд. — *нои-титта.* — Тунгуз. — *покаки:* ламут. — *тиешикъ.* — Кор. — *тиешейя.* — Камч. — *тиешуставачъ.*

Турухтань распространень въ качествѣ гнѣздящейся птицы спорадично почти во всей Россіи; исключеніе составляетъ только южная окраина, гдѣ онъ бываетъ во время пролетовъ, но не гнѣздится.

Переходя затѣмъ къ необходимымъ подробностямъ относительно распространенія этой птицы, мы прежде всего отмѣтимъ, что она въ большомъ количествѣ гнѣздится въ Русской Лапландіи, однако въ разные годы далеко не въ одинаковомъ числѣ. Въ Финской Лапландіи турухтань также широко распространень на гнѣздовьяхъ и въ большомъ числѣ водится въ области Торнео. Какъ рѣдкая гнѣздящаяся птица, спускается въ Финляндіи къ югу до 64° с. ш. и какъ очень рѣдкая даже до 62° с. ш. Въ небольшомъ числѣ гнѣздится въ прибрежной зонѣ Финскаго залива, но въ губ. Абоской, С.-Михельской, въ Ладожской Карелии и на Аландскихъ о-вахъ бываетъ только на пролетѣ. Идя отсюда на востокъ, мы видимъ, что турухтань гнѣздится въ области Бѣлаго моря, встрѣчаясь въ очень большомъ количествѣ на о-вахъ, лежащихъ въ устьѣ Двины, и въ Нижне-Печорской тундрѣ, гдѣ опять-таки во множествѣ населяетъ печорскіе острова. Гнѣздится и на Колгуевѣ, но на Новой Землѣ, повидимому, не встрѣчается. Въ

Пермской губ. турухтанъ не встрѣчается въ самомъ Уралѣ и рѣдокъ въ полосѣ сплошныхъ хвойныхъ лѣсовъ, но становится многочисленъ къ сѣверу и къ югу отсюда, въ безлѣсной тундрѣ и въ обширныхъ болотахъ черноземной полосы Зауралья, гдѣ гнѣздится сотнями. Въ Уфимской губ. гнѣздится мѣстами, напримѣръ, по краямъ громаднаго болота Беркаданъ-камышъ, но не въ самомъ Уралѣ. Въ Оренбургскомъ краѣ гнѣздится къ югу до области р. Илека и р. Хобды включительно, гнѣздится на Сарпинскихъ озерахъ, но въ остальной части Астраханской губ., въ Воронежской, Саратовской и Симбирской бываетъ, повидимому, только на пролетѣ. Въ губ. Казанской, Рязанской, Московской, Тульской и вѣроятно во многихъ другихъ губерніяхъ центральной Россіи гнѣздится мѣстами даже въ большомъ количествѣ. Въ Петербургской обыкновененъ на пролетѣ, но гнѣздится только на о-вѣ Котлинѣ. Мѣстами гнѣздится въ Новгородской и Псковской, по большимъ озерамъ и въ береговой полосѣ Прибалтійскаго края, и во многихъ мѣстахъ Польши, напримѣръ въ обширныхъ болотахъ Люблинской губ., въ восточной части Сѣдлецкой, въ губ. Сувалкской, Ломжинской, Плоцкой и кое-гдѣ на лѣвомъ берегу Вислы. Что касается южной Россіи, то здѣсь турухтанъ встрѣчается преимущественно на пролетѣ, но въ небольшомъ числѣ мѣстами остается гнѣздиться, какъ, наприм., въ губ. Кіевской, Харьковской. Исключеніе составляетъ Бессарабія, гдѣ турухтанъ гнѣздится во множествѣ. Въ Крыму, а также на обоихъ побережьяхъ Кавказа бываетъ на пролетѣ; въ Крыму же отдѣльныя бродячія особи встрѣчаются и лѣтомъ.

Точное опредѣленіе мѣсть гнѣздовья турухтана затрудняется бродячей жизнью птицы. Благодаря полигамизму, самцы оказываются предоставленными сами себѣ, когда самки садятся на яйца; кромѣ того къ нимъ присоединяются холостыя самки и все эти особи, не будучи ничѣмъ привязаны къ опредѣленному мѣсту, начинаютъ кочевать, удаляясь иногда на огромныя разстоянія отъ тѣхъ мѣсть, гдѣ происходили ихъ турниры и гдѣ находятся гнѣзда ихъ самокъ. Такія бродячія особи показываются въ разныхъ мѣстахъ лѣтомъ чрезвычайно рано и могутъ ввести въ заблужденіе, что турухтаны гнѣздятся тамъ, гдѣ въ дѣйствительности не гнѣздятся. Приведемъ нѣкоторые изъ относящихся сюда данныхъ, чтобы дать болѣе точное представленіе объ этомъ интересномъ явленіи.

Въ Оренбургскомъ краѣ кочевые турухтаны начинаютъ появляться съ различныхъ чиселъ первой трети іюня и къ концу этого мѣсяца или къ началу слѣдующаго собираются въ огромныя стада, иногда штукъ до 400. Въ среднемъ Поволжьѣ бродячіе турухтаны наблюдаются съ начала второй трети іюня, но здѣсь они, повидимому, не собираются не только въ такія большія стада, какія наблюдаются въ Оренбургскомъ краѣ, но даже и въ меньшія, ведя преимущественно одиночную жизнь. Въ Рязанской губ. бродячихъ птицъ этого вида наблюдали пока въ теченіе іюля, съ чѣмъ сходятся данныя относительно Харьковской губ. Конечно, этихъ наблюденій пока еще недостаточно,

чтобы на основаніи ихъ строить опредѣленные выводы, но если бѣ они подтвердились въ будущемъ болѣе многочисленными наблюденіями, то мы могли бы прійти къ заключенію, что въ области, охватывающей широкимъ поясомъ южные отроги Уральскаго хребта, турухтаны появляются ранѣе и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Поволжѣ, тогда какъ въ восточной половинѣ центральной Россіи они появляются еще позднѣе и въ еще меньшемъ количествѣ. Объяснить особенности этихъ кочевокъ можно бы только путемъ изученія сроковъ прекращенія токованія турухтановъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ области гнѣздовья.

Сроки прилета и отлета турухтановъ для разныхъ мѣстъ Европ. Россіи извѣстны довольно хорошо. Въ Крымъ они прилетаютъ въ первой трети марта, пѣтушки еще безъ брачнаго оперенія, и въ мартѣ же наблюдается пролетъ этихъ птицъ на Черноморскомъ побережѣ Кавказа. Однако, въ видѣ исключенія, отдѣльныя особи появляются на Черноморскомъ берегу во второй половинѣ февраля. Турухтаны остаются здѣсь недѣли три и долѣе, почти до конца апрѣля, а затѣмъ пролетаютъ къ сѣверу. На Каспійскомъ побережѣ, подъ Ленкоранью, появленіе отдѣльныхъ особей турухтановъ происходитъ уже въ началѣ февраля, валовой же пролетъ начинается съ половины этого мѣсяца. И здѣсь турухтаны остаются на нѣсколько недѣль, до конца марта и даже апрѣля, и только потомъ летятъ далѣе, попадая на сѣверный берегъ Каспійскаго моря лишь въ концѣ апрѣля и иногда даже къ началу мая. Подъ Оренбургомъ первыя особи (изъ рано покинувшихъ мѣста отдыха подъ Ленкоранью) попадаютъ въ различныя числа второй трети апрѣля, преимущественно въ послѣднія. Валовой пролетъ въ послѣдней трети этого мѣсяца и въ началѣ мая. Самыя позднія пролетныя стайки наблюдались удивительно поздно—даже въ первыхъ числахъ іюня. Въ Уфимской губ. валовой пролетъ происходитъ въ первой половинѣ мая и въ это время воротники птицъ еще продолжаютъ расти. Наконецъ на нижней Печорѣ турухтанъ впервые наблюдался 18 мая,—слѣдовательно, собственно прилетъ происходитъ здѣсь только во второй половинѣ этого мѣсяца и даже позднѣе.

Что касается южной и средней Россіи, то въ Харьковской губ. первые турухтаны замѣчены съ половины апрѣля, въ наибольшемъ же числѣ попадаютъ въ послѣдней трети апрѣля и держатся до конца первой трети мая. Въ Московскую губ. турухтаны прилетаютъ во второй половинѣ апрѣля и то же относится ко всей области нижняго теченія Оки и средней Волги, до нижней Камы включительно. Оканчивается здѣсь пролетъ около половины мая. Переходя къ западной половинѣ Россіи, мы видимъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ турухтаны прилетаютъ во второй половинѣ апрѣля или въ началѣ мая, и оканчивается здѣсь пролетъ болѣе сѣверныхъ особей къ половинѣ мая. Въ сѣверо-западную Россію турухтаны прилетаютъ въ теченіе мая. Въ области Варангеръ-фіорда они появляются только въ началѣ іюня.

Отлетъ турухтановъ изъ Петербургской губ. начинается съ конца іюля и длится весь августъ, когда къ мѣстнымъ присоединяются про-

летныя особи изъ болѣе сѣверныхъ странъ; пролетъ послѣднихъ заканчивается въ теченіе первой трети сентября. Въ центральной Россіи отлетъ турухтановъ происходитъ во второй половинѣ августа, а въ началѣ сентября исчезаютъ и послѣднія особи этого вида. Въ Черниговской губ. валовой осенній пролетъ совпадаетъ съ концомъ августа. Въ Кіевской губ. отлетъ мѣстныхъ турухтановъ начинается въ началѣ августа; вообще пролетъ длится до конца сентября. Въ Харьковской губ. пролетные турухтаны появляются въ первой трети августа; пролетъ этотъ усиливается во второй половинѣ этого мѣсяца и, уменьшаясь, тянется до половины сентября; одиночные въ нѣкоторые годы задерживаются до половины октября. Въ Херсонской губ. турухтаны на осеннемъ пролетѣ появляются уже въ концѣ іюля и никакъ не позднѣе начала августа и держатся до половины октября. На Кавказскомъ берегу Чернаго моря осенній пролетъ турухтановъ тянется во второй трети августа по конецъ октября.

Относительно восточной Россіи свѣдѣнія особенно полны. Изъ Печорской тундры турухтанъ отлетаетъ въ концѣ августа и никакъ не позднѣе начала сентября. Въ концѣ же августа улетаютъ нормально послѣдніе турухтаны изъ Пермской и Уфимской губ., иногда, какъ и изъ Казанской губ., послѣдніе улетаютъ въ началѣ сентября. Подъ Оренбургомъ осенній пролетъ турухтановъ начинается въ среднихъ числахъ іюля и оканчивается въ среднихъ числахъ сентября; самый сильный пролетъ происходитъ въ августѣ, но иногда въ первой половинѣ, иногда во второй. Съ конца же іюля турухтаны появляются по нижнему теченію Урала и Эмбы, гдѣ остаются до второй половины сентября. По Каспійскому побережью Кавказа пролетъ турухтановъ длится не только весь сентябрь, но и октябрь.

26. Перевозчикъ, зукъ.

Totanus hypoleucos, L.

Табл. 28.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 282.

Болѣе распростр. названія: *зукъ, перевозчикъ.*

Мѣстныя названія: *тукунъ* (Павда); *песочникъ* (на Сарпѣ и въ друг. мѣстахъ ошибочно); *набережникъ, куличокъ* (Харьков.); *береговикъ* (Казанск.); *зукъ* (у поморовъ).

Польск.—*brodziec piskliwy, biegus piaskowiec, b. kulizek, truchtan swiost.*— Финск.—*tshipi, tshivi; rautasipi, koskisipi.*— Лапланд.—*libik, käddivirusch, gaddebirrusch, skillili.*

За исключеніемъ крайняго сѣвера и немногихъ мѣстъ на югѣ страны, зукъ распространень даже въ качествѣ гнѣздящейся птицы во всей Европ. Россіи, почему достаточно указать сѣверную границу его распространенія.

Въ области Энаре доходитъ до береговъ Ледовитаго океана, въ Русской Лапландіи весьма обыкновенень и въ вертикальномъ направленіи доходитъ до границы вѣчныхъ снѣговъ. Подъ Архангельскомъ обыкновенень, но на Колгуевѣ не встрѣчается, а въ области нижней Печоры сѣв. границей распространенія зуйка служитъ полярный кругъ. На югѣ не гнѣздится въ низовьяхъ рр. Урала и Волги, очевидно вслѣдствіе какихъ-то мѣстныхъ причинъ, тогда какъ въ Крыму гнѣздится не только на горныхъ рѣчкахъ, но и въ степи, близости артезианскихъ колодезевъ. На Кавказѣ въ вертикальномъ распространеніи доходитъ до 7.000' н. у. м.

Зукъ прилетаетъ къ намъ очень рано: на Черноморскомъ побережьи уже въ мартѣ, на Каспійскомъ—въ началѣ апрѣля. Отдѣльными особями или въ небольшомъ числѣ появляется съ половины марта уже въ Харьковской губ., но въ наибольшемъ числѣ наблюдается здѣсь въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля. Можно сказать вообще, что въ теченіе первой трети апрѣля зукъ занимаетъ южную Россію, во второй половинѣ того же мѣсяца—среднюю полосу страны,

но только во второй половинѣ мая и даже въ началѣ іюня достигаетъ своихъ самыхъ сѣверныхъ гнѣздовій.

Отлетъ происходитъ также рано. Въ Петербургской губ. отлетъ начинается въ концѣ іюля и оканчивается во второй половинѣ августа. Въ Польшѣ пролетъ оканчивается въ половинѣ сентября. Какъ долго остаются зуйки на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря—неизвѣстно, но въ Харьковской губ. отлетъ кончается въ половинѣ сентября. Изъ восточной Россіи зуйки начинаютъ отлетать съ первыхъ чиселъ августа, какъ въ области средняго Поволжья, такъ и въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ исчезаютъ уже въ концѣ этого мѣсяца.

Въ Закавказьѣ отдѣльныя особи зимуютъ.

27. Мородунка.

Totanus terekus, Lath.

Табл. 29.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 286.

Болѣе распротр. названіе: *мородунка*.

Мѣстныя названія: *кувитри* (Арханг.); *сивожельзия семенуха* (Павда); *куведриха?* (Богослов. Уралъ).

Самоѣд.—*мородунка*.—Д.-остяцк.—*баа*.—Тунгуз.—*нокъли*.

Чѣмъ болѣе расширяются наши свѣдѣнія о распространеніи мородунки, тѣмъ болѣе они возбуждаютъ къ себѣ интересъ. Мы уже давно отказались отъ ошибочнаго взгляда считать мородунку за полярный видъ, теперь же можемъ болѣе опредѣленно сказать, что эта птица принадлежитъ всей Сибири и восточной половинѣ Европ. Россіи, при чемъ въ Приуральскомъ краѣ спускается на гнѣздовыя къ югу до 51⁰—52⁰ с. ш. (теченіе средняго Урала).

Въ сѣверной Россіи самое западное изъ извѣстныхъ гнѣздовій мородунки — Биричевская волость на р. Онегѣ. Въ устьѣ Сѣверной Двины этотъ куличокъ очень обыкновененъ, но ни на Колгуевѣ, ни на Новой Землѣ не найденъ, хотя въ области нижней Печоры протѣженъ отъ устья рѣки до Усть-Цыльмы. Къ югу отъ Архангельской губ. мородунка гнѣздится въ западной части Вологодской губ. и, далѣе на востокъ, въ Пермской губ., не только въ ея западной половинѣ, на Обвѣ и Камѣ, но и въ восточной, по Сосьвѣ, тогда какъ въ южной части той же губ. не только не гнѣздится, но даже рѣдка на пролетѣ. Еще южнѣе мородунка найдена лѣтомъ, и притомъ почти навѣрное гнѣздящеюся, въ Боровичскомъ у. Новгородской губ. Однако въ Петербургской губ. и въ Прибалтійскомъ краѣ она можетъ считаться только случайно залетною на пролетѣ. Пока лишь на пролетѣ добыта около Твери на Волгѣ. Одинъ экземпляръ самки съ хорошо развитымъ яичникомъ былъ добытъ подлѣ Москвою (въ началѣ юля 1884 г.), но вѣроятно это былъ бродячій экземпляръ. Зато въ Рязанской губ. мородунка несомнѣнно гнѣздится въ Касимовскомъ у., какъ

это доказалъ г. Хомяковъ, добывшій тамъ какъ взрослыхъ птицъ, такъ птенцовъ и яйца. Вмѣстѣ съ тѣмъ это пока единственное гнѣздовое мѣсто мородунки въ долинѣ одного изъ правыхъ притоковъ Волги. Кромѣ того мородунка добыта лѣтомъ въ Данковскомъ у. той же губерніи, но несомнѣнныхъ доказательствъ ея гнѣздованья здѣсь у насъ не имѣется. Къ югу отсюда описываемый видъ найденъ рѣдкимъ и неправильно пролетнымъ для Воронежской и Харьковской губ. Направляясь далѣе къ востоку, мы видимъ мородунку распространенной по Волгѣ по крайней мѣрѣ отъ границъ Нижегородской губ. до Самарской луки и по нижней Камѣ. Хотя послѣднему изслѣдователю Казанской губ., М. Д. Рузскому, не посчастливилось найти гнѣздовья мѣста мородунки, однако у насъ нѣтъ основанія сомнѣваться въ болѣе раннихъ показаніяхъ М. Н. Богданова. Гнѣздится мородунка, — хотя можетъ быть въ очень небольшомъ числѣ и къ тому же спорадично, — въ Уфимской губ., гдѣ найдена также на пролетѣ, и, наконецъ, въ Оренбургской губ., въ долинѣ р. Урала, отъ Верхнеуральска книзу до Кизильской станицы. Въ Уфимской губ., гнѣздовье мородунки указано пока только для окрестностей дер. Благовѣщенскій Заводъ. По Плеку этотъ видъ даже на пролетѣ рѣдокъ, но подъ Оренбургомъ чаще, хотя гнѣздящимся въ послѣднемъ мѣстѣ найденъ только разъ. На пролетѣ найденъ также подъ Гурьевомъ, въ устьѣ Терека, у Энзели и подъ Чикшиляромъ, на пути къ зимовкамъ на южно-азиатскомъ побережьи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что мородунка гнѣздится въ сѣверной Россіи на западъ до 38° — 39° в. д. отъ Гринвича, спорадично гнѣздится по всей вѣроятности даже подъ 34° в. д. (Боровичскій у.) и спускается на гнѣздовьи къ югу въ восточной Россіи до 51° — 52° с. ш. (теченіе средняго Урала).

Хотя вмѣстѣ съ мелкими куличками мородунка не составляетъ для охотника завидной добычи, однако, въ виду интереса, представляемаго этой птицей для зоологовъ, охотники оказали бы намъ большую услугу сообщеніемъ свѣдѣній о нахожденіи и образѣ жизни мородунки въ Вятской, Казанской и Нижегородской губерніяхъ.

28. Куликъ-чернышъ.

Totanus ochropus, L.

Табл. 30.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 291.

Болѣе распростр. названіе: *куликъ-чернышъ*.

Мѣстные названія: *чернышъ* (болѣе или менѣе повсем.); *льсной куликъ* (Пермск.); *блѣхвостикъ* (Екатеринб.); *рычуха* (въ Павдѣ); *куликъ-свистунъ* (Сарпа); *куликъ-чернокрыль* (Рязанск. губ.); *блѣхвостикъ* (Симбир. и Казан.); *черный куликъ*, *льсной черныи куликъ* (Ярослав. губ.); *чернокрыль* (С.-Петербур. губ.); *льсной куликъ*, *травникъ* (Казанск. губ.).

Польск.—*brodziec samotny*, *biegus zielonek*, *b. kulik*.—Финск.—*harmajaalka-vikla*.—Эстс.—*tillutaja*, *tuda korpitz*.

Куликъ-чернышъ имѣетъ весьма обширное распространіе. Въ Финляндіи его сѣверная граница проходитъ около 63°10' с. ш., но въ южной части этой области птичка или распространена спорадично, или мѣстами ускользнула отъ наблюденій. Такъ, она обыкновенна въ южной половинѣ губ. Куопіоской, въ восточной части Вазаской, въ большей части Абоской; въ Тавастгусской, прилежащей части С.-Михельской и въ Нюландской рѣдка; совсѣмъ не найдена въ с.-в. углу Куопіоской, въ восточной части С.-Михельской, въ Выборгской и на Аландскихъ о-вахъ. Подъ Архангельскомъ лѣтомъ чернышъ обыкновененъ. Какъ далеко поднимается на сѣверъ въ области Печоры,—неизвѣстно, но по наблюденіямъ въ Пермской губ. можно думать, что 61°—60° с. ш. составляетъ сѣверную границу описываемаго вида въ восточной Россіи. Къ югу отсюда чернышъ распространенъ по всей странѣ, исключая области нижняго теченія р. Урала и р. Эмбы. На Кавказѣ гнѣздится, поднимаясь до 8.000' н. у. м.; отдѣльныя особи встрѣчаются здѣсь и зимою, но осѣдлыхъ нѣтъ.

Что касается сроковъ прилета и отлета, то объ этомъ можно сообщить слѣдующія данныя. Въ южныхъ частяхъ Херсонской губ. чернышъ прилетаетъ въ первой трети или въ половинѣ марта, въ сѣверной же полосѣ ея, въ среднемъ, въ третьей четверти этого мѣсяца. Въ послѣднихъ числахъ марта или въ самомъ началѣ апрѣля

онъ появляется уже въ верхнемъ теченіи Днѣпра и въ началѣ апрѣля нормально прилетаетъ въ среднюю Россію. Въ Польшѣ прилетѣть черныша наблюдается обыкновенно одновременно съ таяніемъ снѣга, въ Прибалтійскомъ краѣ въ концѣ марта или началѣ апрѣля, въ Петербургской губ. около половины апрѣля. Въ Харьковской губ. первые черныши въ одиночку или по нѣсколько показываются съ начала второй трети марта; въ наибольшемъ числѣ пролетные попадаютъ въ послѣдней трети этого мѣсяца, заканчивается пролетъ въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Время появленія черныша въ устьяхъ р. Урала неизвѣстно, но подъ Оренбургомъ черныши появляются обыкновенно въ первыхъ числахъ апрѣля и очень рѣдко въ концѣ марта, и въ наибольшемъ количествѣ пролетаютъ въ послѣднихъ числахъ первой трети и первыхъ второй—апрѣля. Въ Уфимской губ. черныши показываются въ концѣ первой трети апрѣля, какъ и въ Казанской.

Осенній пролетъ чернышей въ средней Россіи происходитъ въ теченіе августа и рѣдко захватываетъ часть сентября; но въ Польшѣ этотъ куличокъ нормально встрѣчается до половины октября. Въ Харьковской губ. отлетъ и пролетъ наблюдаются въ концѣ августа и въ первыхъ числахъ сентября. Въ Крыму чернышъ держится до конца ноября. Въ Уфимской губ. отлетъ заканчивается къ началу сентября. Въ Оренбургской послѣднія птицы наблюдаются въ очень небольшомъ числѣ и не ежегодно еще въ первой половинѣ сентября. На Черноморскомъ побережьѣ Кавказа, именно въ окрестностяхъ Батума, осенній пролетъ чернышей происходитъ въ юль, августъ и началѣ сентября; затѣмъ временно прекращается и съ середины октября по конецъ ноября идетъ снова.

29. Ф и ф и.

Totanus glareola, L.

Табл. 31.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 295.

Болѣе распротр. названіе: *фифи*.

Мѣстныя названія: *травничокъ* (Казанск., Симбирск. губ.); *куликъ стърокрыль* (Рязанск. губ.); *стърый куликъ* (Пермск. губ.); *куведриха* (у поморовъ); *фифи*, *фифишка* (Петерб. губ.).

Польск. *brodziec lesny*, *biegus szary*. — Финск. — *liro*; лапланд. *tiäktjö*, *utseb tshoavtscho*, *ucca tshavtschu*. У лопарей на Имандрѣ всѣ кулики *tüwik*. — Латыш. — *knibgas*.

Распространеніе фифи, какъ гнѣздящейся птицы, охватываетъ всю Европ. Россію; кромѣ того онъ, по крайней мѣрѣ, спорадично, гнѣздится на Кавказѣ, поднимаясь выше 7.000' н. ур. м. Время прилета и отлета въ значительной мѣрѣ сходно съ соотвѣтствующими сроками для черныша.

Въ окрестностяхъ Одессы фифи появляется весною въ концѣ марта или, что чаще, въ началѣ апрѣля, и летитъ далѣе, не дѣлая большихъ остановокъ, такъ что въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта или въ теченіе первой трети апрѣля уже пролетаетъ подъ Черниговомъ. Ко второй половинѣ марта, — слѣдовательно, не съ днѣпровскаго пролетнаго пути, а съ запада, — фифи прилетаетъ въ Польшу, съ конца марта до половины апрѣля пролетаетъ Прибалтійскій край и затѣмъ является въ Петербургской губ. Въ Лапландію этотъ куличокъ прибываетъ не ранѣе второй половины мая. Подвигаясь на востокъ, въ область Дона, мы видимъ, что въ Харьковской губ. прилетъ происходитъ въ одиночку или въ небольшомъ числѣ въ послѣдней трети марта, главный же пролетъ бываетъ въ первыхъ числахъ апрѣля и до половины этого мѣсяца. Въ центральной Россіи фифи появляется въ началѣ апрѣля. Въ восточной Россіи время прилета фифи хорошо извѣстно для Оренбургской губ. и для мѣстъ, лежащихъ къ сѣверу отсюда. Подъ Оренбургомъ этотъ куличекъ при-

летаетъ нѣсколькими днями позднѣе черныша: первая особн около середины послѣдней трети марта, главная масса въ разныхъ числахъ первой и второй трети апрѣля. Запоздавшія стаѣнки встрѣчаются еще и въ началѣ мая. Въ Уфимской губ. фиѣи встрѣчается на пролетѣ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая. Въ Казанской губ. пролетъ этого куличка длится съ 10—15 апрѣля до второй трети мая. На Печорѣ подъ 66° с. ш. въ первый разъ этотъ куличокъ былъ замѣченъ 14-го мая.

Такимъ образомъ, фиѣи въ общемъ прилетаетъ нѣсколько позднѣе черныша. Что же касается отлета, то, наоборотъ, онъ происходитъ ранѣе отлета предыдущаго вида. Въ Петербургской и Прибалтійскихъ губерніяхъ старыя птицы улетають уже къ половинѣ іюля; затѣмъ появляются молодыя, прилетъ которыхъ оканчивается въ половинѣ августа, и въ концѣ этого мѣсяца въ названной области фиѣи можно встрѣтить только въ видѣ исключенія. Въ Польшѣ прилетъ оканчивается къ началу октября, но въ сентябрѣ куличокъ уже рѣдокъ. Въ области верхняго теченія Днѣпра, какъ и въ центральной Россіи, фиѣи прилетаетъ во второй половинѣ августа. Въ Харьковской губ. отлетъ происходитъ постепенно съ конца первой трети августа; наибольшей степени пролетъ достигаетъ въ концѣ августа, послѣдніе попадаютъ въ первыхъ числахъ сентября. Въ Бессарабіи эти кулички остаются надолго, собиравъ въ огромныя стаи, которыя до отлета кочуютъ по болотамъ. Въ восточной Россіи пролетъ и отлетъ фиѣи начинается съ конца іюля, самый сильный пролетъ въ концѣ іюля и началѣ августа; въ небольшомъ числѣ эти кулички встрѣчаются до конца августа, въ видѣ исключенія даже въ началѣ сентября.

30. Поручейникъ. *Totanus stagnatilis*, Bechst.

Табл. 32.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 298.

Болѣе распротр. названія: *поручейникъ*, *прудовой улитъ*.

Мѣстныя названія: *большой сырый куликъ* (Оренбург.); *блѣоброушка* (въ Павдѣ); *болотный куликъ* (Казанск. губ.).

Польск. — *brodziec pławny*, *londzik pładzielaly*.

Поручейникъ принадлежитъ южной и даже юго-восточной половинѣ Россіи. Онъ чрезвычайно обыкновененъ въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ на удобныхъ мѣстахъ гнѣздится сотнями паръ. Распространяясь по всѣмъ рѣчнымъ долинамъ съ болѣе и менѣе обширными луговыми пространствами, съ лиманами, болотами и камышистыми, по берегамъ болотистыми озерами, онъ въ то же время является одною изъ самыхъ обыкновенныхъ голенастыхъ птицъ по степнымъ кочковатымъ болотамъ, прѣснымъ лиманамъ и озерамъ, каковы: Джирень-копа (послѣ снѣжныхъ зимъ), Сулюкъ-куль, Косъ-куль и т. п. Въ наибольшемъ количествѣ найденъ въ долинѣ нижняго теченія Илека. Въ Астраханской, Саратовской, Харьковской, Воронежской и по всѣмъ рѣчнымъ долинамъ средняго Поволжья нерѣдокъ. Гнѣздится въ Уфимской губ. и мѣстами по Бѣлой даже въ довольно большомъ количествѣ. Въ Пермской губ. поднимается до Павды, всего обыкновеннѣе на юго-восточномъ склонѣ Пермскаго Урала, въ болотахъ береговъ озеръ черноземной равнины. Гнѣздится въ Казанской, не переходя къ сѣверу Волги и Камы, и только изрѣдка залетаетъ въ Вятскую губ. Въ Рязанской губ. встрѣчается еще довольно часто; въ Тульской встрѣчается всюду, но довольно рѣдокъ; въ Московскую залетаетъ изрѣдка во время весенняго пролета; еще рѣже, вѣроятно случайно, попадаетъ на Волгу въ Тверской губ. Быть можетъ, встрѣчается въ Боровичскомъ у. Новгородской губ. Въ Польшѣ это самый рѣдкій изъ всѣхъ улитовъ, хотя въ видѣ исключенія, быть можетъ, и гнѣздится. Въ губерніяхъ, расположенныхъ по

Дифпру, рѣдокъ, по гнѣздится. На весеннемъ пролетѣ во множествѣ появляется въ Новороссійскомъ краѣ; безъ сомнѣнія, гнѣздится въ Бессарабін и Херсонской губ. Гнѣздится также въ Крыму. На Кавказѣ весьма обыкновененъ и гнѣздится въ губ. Ставропольской и въ бассейнахъ Терека и Кубани. Въ Ленкоранскихъ низменностяхъ, подъ Тифлисомъ и Батумомъ бываетъ только на пролетѣ.

Подъ Батумомъ весенній пролетъ происходитъ въ концѣ марта и въ теченіе апрѣля. Въ началѣ апрѣля поручейникъ прилетаетъ на сѣверный берегъ Чернаго моря, въ концѣ марта или даже въ началѣ апрѣля—въ Оренбургскій край. Въ Харьковской губ. пролетъ поручейника наблюдается съ конца марта, чаще въ началѣ апрѣля и до послѣдней трети этого мѣсяца. Въ Саратовской, повидимому, эта птичка появляется въ первыхъ числахъ апрѣля и лишь нѣсколькими днями позднѣе начинается прилетъ въ Казанской; наибольшій пролетъ въ первой губ. во второй трети апрѣля, въ Казанской—во второй половинѣ этого мѣсяца. Въ Уфимскую губ. поручейникъ прилетаетъ только въ концѣ апрѣля.

Отлетъ поручейниковъ начинается въ концѣ іюля, въ началѣ августа достигаетъ наибольшей силы и заканчивается въ концѣ этого мѣсяца. Въ началѣ декабря поручейникъ встрѣчается еще подъ Ленкоранью, гдѣ весною появляется уже въ первой половинѣ марта. Возможно, что на южномъ берегу Каспійскаго моря этотъ видъ даже живетъ осѣдло.

Зато, что касается западнаго Закавказья, то здѣсь пролетъ поручейниковъ тянется только со второй трети іюля по конецъ августа.

31. Улитъ большой.

Totanus glottis, L.

Табл. 33.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 301.

Болѣе распротр. названія: *большой улитъ, рѣчной куликъ.*

Мѣстныя названія: *боровый куликъ, боровая евошка* (Каслин. Ур.); *семенуха* (въ Павдѣ); *травникъ* (Петербург. и Новгород. губ.); *свѣтлый куликъ* (Рязанск. губ.).

Польск. — *kwokacz, bekas dzdzowiec, londzik szary, brodziec kwokacz.* — Финск. — *walkea vikla*; лапланд. на Имандрѣ — *twik*; въ Муоніо — *tshavtscho*, въ Каресуандо — *klivi*, въ Остѣ-Финмаркенѣ — *viklatschoavtscho*, вообще въ Лапландіи — *stuuratschavtschu.* — Эст. — *tiu-tiu.*

За исключеніемъ болотнаго кулика, едва ли у насъ существуетъ правильная охота за какимъ-либо другимъ видомъ настоящихъ куликовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ всѣхъ мелкихъ и крупныхъ куликовъ наибольшимъ вниманіемъ пользуется большой улитъ. Можетъ быть даже на него не охотятся специально исключительно вслѣдствіе его крайней строгости, благодаря которой онъ не только не допускаетъ на выстрѣлъ къ себѣ, но предостерегаетъ другихъ птицъ относительно приближенія общаго врага. Если же принять во вниманіе быстроту полета и вкусъ мяса большого улита, въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы считаться въ числѣ наибольшихъ приманокъ для охотника.

Распространеніе большого улита у насъ весьма обширно, такъ какъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы онъ принадлежитъ сѣверной половинѣ страны и въ качествѣ пролетной посѣщаетъ всю южную половину. Начиная съ крайняго сѣвера, мы видимъ, что большой улитъ не рѣдокъ на гнѣздовьяхъ какъ въ Русской и Финской Лапландіи, такъ и во всей Финляндіи, за исключеніемъ Аландскихъ о-въ и Нюландской губ., гдѣ бываетъ только на пролетѣ. Въ области сѣверной Двины гнѣздится къ сѣверу до Архангельска, гдѣ еще обыкновененъ. Въ области нижней Печоры также гнѣздится, но здѣсь его сѣверная граница не опредѣлена съ точностью. На Уралѣ прослѣ-

жень до 60° с. ш., но несомнѣнно идетъ и сѣвернѣе, особенно въ отдаленіи отъ хребта. Начиная съ Тагила къ югу встрѣчаются значительно чаще, избирая главнымъ своимъ мѣстопробываніемъ лѣсныя болота въ хвойныхъ лѣсахъ какъ самаго Урала, такъ и его предгорій. На юго-западномъ склонѣ и по берегамъ Камы обыкновененъ, но въ черноземной равнинѣ, по утверженію Л. П. Сабанѣва, не гнѣздится, хотя послѣднія наблюденія П. П. Сушкина опровергаютъ это, такъ какъ онъ встрѣчалъ большого улита лѣтомъ въ Уфимской губ. по Бѣлой и Дѣмѣ, и высказываетъ убѣжденіе, что птица здѣсь гнѣздится. Мѣстами гнѣздится и въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ въ видѣ исключенія одна парочка была найдена гнѣздящеюся даже къ югу отъ средняго теченія р. Урала (на Сары-Хобдѣ). Что касается Поволжья, то мы навѣрное знаемъ, что большой улитъ гнѣздится по Камѣ и Волгѣ въ Казанской губ., но какъ далеко идетъ на югъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы — опредѣлить крайне трудно вслѣдствіе его бродячей жизни. Мы можемъ только утверждать, что большой улитъ не гнѣздится въ губ. Саратовской, Воронежской, Харьковской, Кіевской, въ Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ, но гнѣздится въ губ. Рязанской, Тульской, Новгородской, Петербургской и къ сѣверу отсюда.

Такъ какъ большой улитъ предпочитаетъ для своего гнѣздованія лѣсныя болота, онъ очевидно не можетъ быть широко распространенъ въ безлѣсной полосѣ центральной Россіи. Во всей южной Россіи съ Крымомъ и на Кавказѣ большой улитъ бываетъ на пролетѣ и бродячія особи лѣтомъ. Но въ Закавказьѣ это отчасти уже зимующая птица.

Зимовки большого улита лежатъ такъ близко отъ южной Россіи, что насъ вовсе не должно удивлять раннее возвращеніе этой птицы на сѣверное побережье Чернаго и Каспійскаго моря: здѣсь описываемую птицу можно видѣть уже въ мартѣ. Затѣмъ, что касается западной половины страны, то въ половинѣ апрѣля начинается пролетъ большого улита въ Кіевской губ., во второй половинѣ этого мѣсяца онъ уже прилетаетъ въ Петербургскую губ., вѣроятно въ разныя числа мая — въ Финляндію. Но въ Лапландію эта птица прилетаетъ только во второй половинѣ мая и иногда даже въ самыхъ первыхъ числахъ іюня, прямо ко времени гнѣздованія. Въ Харьковской губ. небольшой пролетъ улита замѣчается съ начала апрѣля, въ наибольшемъ числѣ попадаютъ они весною и въ концѣ первой и въ началѣ второй трети того же мѣсяца. Въ Московскую губ. большой улитъ прилетаетъ около половины апрѣля, въ Казанской появляется съ начала апрѣля, оканчивается же здѣсь пролетъ въ первой трети мая. Въ области нижней Печоры, подъ Усть-Цыльмой, большой улитъ наблюдался на пролетѣ 7 мая, когда снѣгъ еще большими массами лежалъ въ лѣсу, но уже началъ становить съ открытыхъ пригорковъ по теченію рѣкъ. Наконецъ, въ восточной Россіи большой улитъ появляется большею частью въ началѣ апрѣля, рѣже въ послѣдней трети марта;

валовой пролетъ большею частью уже оканчивается къ серединѣ апрѣля. Въ Уфимскую губернію прилетаетъ поздно, къ концу апрѣля.

Описываемая птица вовсе не общественна и держится парами, которыя въ гнѣздовыхъ мѣстахъ селятся на большомъ разстояніи другъ отъ друга; но весной и осенью она также часто встрѣчается небольшими стайками штукъ до восьми въ каждой, какъ и парочками. Летятъ улиты повидимому въ разное время, какъ утромъ и ночью, такъ и днемъ, но обыкновенно на большой высотѣ, придерживаясь болѣе или менѣе рѣчныхъ долинъ, и охотно останавливаются на отдыхъ въ мѣстахъ изобилующихъ кормомъ. Съ начала прилета для остановокъ выбираютъ болота и затопленные дуга около озеръ и рѣкъ; поздніе прилетные охотно посѣщаютъ песчаные берега и отмели рѣкъ. Большой улить чрезвычайно остороженъ и потому стайки этой птицы зачастую отправляются на мѣста своихъ кормежекъ, вылавъ предварительно развѣдчиковъ, на обязанности которыхъ лежитъ убѣдиться въ безопасности. Лишь узнавъ отъ посланныхъ, что ничто не угрожаетъ ихъ спокойствію, и остальные улиты рѣшаются спуститься на избранное мѣсто. Иногда развѣдчики предупреждаютъ своихъ собратьевъ крикомъ, иногда возвращаются къ своимъ компаньонамъ и уводятъ ихъ съ собою. Степень общности улитовъ весной прямо зависитъ отъ продолжительности ихъ остановокъ, но вообще можно сказать, что на осеннемъ пролетѣ эти птицы гораздо общественнѣе, чѣмъ весной.

Какъ выше сказано, улить гнѣздится въ лѣсныхъ болотахъ, куда и забирается вскорѣ послѣ своего возвращенія на родину. По характеру это чрезвычайно осторожная птица, особенно самецъ, и потому найти мѣсто гнѣздовья улита крайне трудно, тѣмъ болѣе, что самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко. Но всѣ наблюдатели, которымъ посчастливилось добратъся до гнѣздовыхъ мѣстъ описываемой птицы, единогласно утверждаютъ, что въ брачный періодъ самецъ по вечерамъ играетъ въ воздухѣ, послѣ чего садится на верхушку ели или другого дерева и распѣваетъ тамъ свою любовную пѣсенку. Гнѣздо улита далеко не всегда помѣщается около воды: иногда оно удалено отъ нея на цѣлые десятки сажень, и есть основаніе думать, что не тревожимые улиты годъ изъ году гнѣздятся въ старомъ мѣстѣ. Устройство гнѣзда очень несложно: это — просто неглубокая ямка среди невысокой травы, высланная небольшимъ количествомъ сухихъ растительныхъ веществъ. Рѣже гнѣздо помѣщается въ кустикѣ болѣе густой травы или на кочкѣ; въ видѣ исключенія, удается находить гнѣзда между двумя камнями. Полная кладка всегда состоитъ изъ четырехъ яицъ, сравнительно очень крупныхъ и грушевидныхъ. Длина яицъ колеблется между 2,02 и 2,05 д., ширина между 1,3 и 1,4 д. Основной цвѣтъ варьируетъ отъ нѣжно-палеваго до охристаго или же бываетъ очень блѣдный глинисто-зеленоватый. По этому фону разбросаны поверхностныя черно-бурыя и глубокія лиловато-бурыя и сѣрыя пятна и точки. Большія пятна обыкновенно собраны въ большомъ количествѣ

на тупомъ концѣ яйца и часто даже сливаются здѣсь, образуя поясъ. Въ средней Россіи птенцы улитовъ выводятся въ началѣ юня, а мѣсяцемъ позднѣе улиты уже появляются выводками и тогда-то становятся особенно многочисленны. Въ сѣверной Россіи птенцы улитовъ могутъ быть найдены только мѣсяцемъ позднѣе. Родители очень привязаны къ дѣтямъ и, противно поведенію другихъ куликовъ, не стараются отвести неприятеля отъ гнѣзда, притворяясь больными или ранеными, а просто гонятъ его; смѣло, забывая всякую осторожность, устремляются на него своимъ быстрымъ какъ стрѣла полетомъ и затѣмъ взмываютъ надъ самую голову кверху. Какъ только молодые поднимутся на ножки, старыя птицы уводятъ ихъ на ближайшія, поросшія травой, болотистыя луговины, и здѣсь часто по 3, по 4 семьи живутъ вмѣстѣ, пока не подрастутъ птенцы. При малѣйшей опасности старыя птицы съ громкимъ крикомъ взлетаютъ надъ поляной, чтобы защитить дѣтей, и никогда крикъ улитовъ не раздается такъ часто, какъ въ это время.

Голосъ улита громкій и звучный, похожій на слоги *тью ..тью*, которые слѣдуютъ другъ за другомъ съ чрезвычайно различными интервалами. Когда улитъ спокойно летитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, его крики раздаются черезъ большіе промежутки, отрывисто, какъ бы въ тактъ взмахамъ крыльевъ. Если же улитъ взлетаетъ напуганный чѣмъ-либо, отдѣльные крики его сливаются въ одну сплошную трель. Полетъ улита чрезвычайно быстръ и птица въ нѣсколько мгновеній улетаетъ изъ-подъ выстрѣла, но она рѣдко машетъ крыльями и легко можетъ быть узнана на лету по бѣлому надхвостью. Питается улитъ насѣкомыми, слизняками, червями и осенью въ большомъ количествѣ истребляетъ мелкую рыбешку. Этимъ и объясняется, почему онъ такъ любитъ усыхающія озерки рѣчныхъ долинъ,—озерки, соединяющіяся съ рѣкой только во время половодья и потомъ, по мѣрѣ уменьшенія въ нихъ воды, все болѣе и болѣе изобилующія рыбой.

Птицы, не гнѣздящіяся почему-либо все лѣто, кочуютъ за предѣлами гнѣздовой области вида, а съ начала или съ половины юля къ нимъ начинаютъ присоединяться и гнѣздившіяся птицы. Такія бродячія особи или держатся уединенно по большимъ болотамъ, или присоединяются къ другимъ улитамъ, оказывая имъ драгоценныя услуги своей бдительностью. Осенній пролетъ молодыхъ наблюдается въ средней и южной Россіи съ послѣдней трети юля; въ наибольшемъ числѣ встрѣчаются они около половины августа; затѣмъ, до конца августа, число пролетныхъ постепенно уменьшается и въ началѣ сентября падаются только запоздавшія одиночныя особи.

Какъ выше упомянуто, осенью улиты чаще чѣмъ въ другое время года держатся стайками, по 8—10 штукъ, и такія стайки особенно осторожны, такъ что приблизиться къ нимъ на выстрѣлъ можно только изъ засады. Н. А. Зарудный слѣдующимъ образомъ описываетъ свои наблюденія надъ улитами изъ такой засады, на маленькомъ озеркѣ въ долинѣ р. Сакмары: „Это было,—говоритъ онъ,—маленькое озеро шаговъ 50 въ поперечникѣ, очень мелкое, съ плоскими илстыми бере-

гами. Весенній разливъ снабдилъ его множествомъ мелкихъ рыбешекъ (большею частью сазанята), кишѣвшихъ въ немъ, какъ головастики. Улиты и щеголи, которыхъ я нашелъ здѣсь, далеко не подпустили меня на разстояніе ружейнаго выстрѣла и я устроилъ на берегу засадку, благо что матеріалъ для нея былъ тутъ же подъ рукой въ видѣ массы кустиковъ, пригнанныхъ сюда вѣтромъ. Охотиться приходилось утромъ, вечеромъ и ночью. Днемъ, безпрестанно пугаемые людьми, улиты большею частью улетали на уединенныя отмели Сакмары, гдѣ и проводили нѣсколько часовъ во снѣ. Незадолго до солнечнаго заката стайками, до 8 штукъ въ каждой, они прилетали на озеро. Благодаря хорошо устроенной засадѣ, я имѣлъ возможность наблюдать этихъ осторожныхъ птицъ вблизи. Летѣли кулики обыкновенно высоко и спускались кругами съ бурною быстротою, при чемъ слышался своеобразный жужжащій шумъ отъ ихъ горизонтально распростертыхъ крыльевъ. Описавъ послѣдній кругъ надъ самою поверхностью озера, улиты усаживались либо на берегъ, либо прямо на воду, по ея мелкости. Тутъ они принимались ловить рыбу, погружая въ воду голову и шею до туловища. Иногда же охотились совмѣстно другъ съ другомъ, выстраиваясь въ одинъ рядъ такимъ образомъ, что одинъ становился позади другого и немного въ сторону. Подровнявшись, они бѣжали впередъ, пригнувши книзу вытянутыя впередъ шейки и опустивши въ воду свои приподнятые кверху клювы. Рыбка, ускользнувши отъ переднихъ, непременно попадалась одному изъ заднихъ. Послѣ выстрѣла улиты съ пронзительнымъ крикомъ: „крю... крю... крю“ снимались, улетали иногда версты за полторы, не переставая кричать, но вскорѣ снова прилетали и тѣмъ скорѣе, чѣмъ позднѣе было время. Въ сумерки и по ночамъ они видятъ очень плохо и полагаются почти исключительно на свой дѣйствительно удивительно тонкій слухъ. Нѣсколько разъ, пользуясь временнымъ отсутствіемъ птицъ послѣ выстрѣла, я перебирался, для большаго удобства, изъ засадки прямо на берегъ озера противъ потухавшей зари или противъ восходившей луны. Прилетавшіе кулики не обращали на меня ровнехонько никакого вниманія, но при малѣйшемъ шорохѣ принимались кричать или улетали. Стрѣлятъ большею частью на удачу: либо на крикъ, либо на тѣнь, либо приблизительно, по расчету. Тѣмъ большее удовольствіе испытывалъ я, когда съ разсвѣтомъ, по окончаніи охоты, находилъ убитую дичь“.

Осенніе экземпляры улитовъ чрезвычайно жирны и, несмотря на исключительно рыбную пищу куликовъ въ это время, ихъ мясо сочно и очень вкусно. Какъ слѣдуетъ изъ сдѣланнаго описанія образа жизни улитовъ, охота за ними очень трудна и, если оставить въ сторонѣ охоту съ собакою, когда птенцы еще малы и родители, завидѣвъ собаку, не только не летятъ отъ нея, но нападаютъ на нее, улитовъ можно бить или изъ засады, какъ сейчасъ описано, или почти случайно. Вслѣдствіе этого, несмотря на относительно малую величину птицы, при охотѣ на нее приходится употреблять дробь крупныхъ номеровъ: 5-ый, 4-ый и даже крупнѣе.

32. Травникъ.

Totanus calidris, L.

Табл. 34.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 30б.

Болѣе распростр. названія: *травникъ, красноножка.*

Мѣстныя названія: *куседриха* (у поморовъ); *зукъ* (Екатеринб. у.); *польская семениха* (въ Павдѣ); *красноногий куликъ* (Сарпа); *красноножка, травникъ* (С.-Петербур. губ.); *красноножка* (Казанск. губ.).

Польск. — *brodzicc krwaowodzioby, bekas czerwononóg, londzik krwaowodziób.* — Лапл. — *buvadak, tchoavtscho.* — Фин. — *runajalka-rikla.* — Эст. *rohi tüll.* — Зырян. *чолча.*

Травникъ такъ близокъ по своимъ привычкамъ и періодическимъ явленіямъ съ уже описанными веретенникомъ и поручейникомъ, изъ которыхъ первый во многихъ мѣстахъ является его неразлучнымъ спутникомъ, что на этой сторонѣ его описанія совершенно нечего останавливаться.

Что касается географическаго распространенія, то оно также опредѣляется до крайности просто. Сѣверная граница гнѣздовой области травника въ Лапландіи идетъ по берегу Ледовитаго океана, затѣмъ слѣдуетъ берегомъ Бѣлаго моря, а начиная отсюда спускается все южнѣе и южнѣе, достигая на Уралѣ приблизительно 58° с. ш. Къ югу отъ этой границы травникъ гнѣздится во всей Европ. Россіи и на Кавказѣ, являясь относительно рѣдкимъ въ центральной Россіи, спорадичнымъ въ южной и очень обыкновеннымъ въ области чернозема восточной части страны.

Г. Вильконскій сообщаетъ интересный фактъ, что подъ Батумомъ осенній пролетъ травника происходитъ въ два пріема: съ послѣдней четверти іюня до конца августа и, послѣ большого перерыва, въ среднихъ числахъ ноября.

33. Щеголь.

Totanus fuscus, L.

Табл. 35.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 308.

Болѣе распростр. названія: *щеголь, большая красноножка.*

Мѣстныя названія: *щеголь* (Петерб. губ. и др.); *большая красноножка* (Поволжье); *полевской птышоокъ* (Павда); *куведриха* (у поморовъ); *черный зуекъ* (въ Сибири).

Польск. — *brodziec sniady, bekas brudnik, londzik rudy.*—Фин.—*musta-tiutti, mustavikla*; лапланд. въ Муоніо—*rivikt, eircastak*;—въ Утсѣки—*tschappis-tschavtschu*; въ Остѣ-Финмаркенѣ — *tschappis-tshoavtscho.*—Эст. *tinvit.*—Латыш.—*tilbite.*

Распространеніе щеголя, равно какъ и періодическія явленіе въ его жизни далеко не могутъ считаться выясненными для нашей страны. Какъ гнѣздящаяся птица, онъ принадлежитъ сѣверной половинѣ Россіи, спорадично спускаясь довольно далеко къ югу въ области, прилежащей къ Уральскому хребту. Онъ несомнѣнно гнѣздится въ Лапландіи, но повидимому не доходитъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы до берега Ледовитаго океана, хотя въ августѣ появляется здѣсь. Въ Финляндіи гнѣздится кое-гдѣ по озерамъ внутри страны и наблюдается на пролетѣ въ береговой зонѣ. Обыкновененъ лѣтомъ подъ Архангельскомъ; но какъ далеко идетъ на югъ въ области Сѣверной Двины, мы не знаемъ, хотя можно думать, что щеголь распространенъ здѣсь болѣе или менѣе повсемѣстно. Въ области Печоры несомнѣнно гнѣздится въ тундрѣ и вѣроятно спорадически по болотамъ лѣсной области рѣки. Спорадически гнѣздящаяся птица Пермской губ. и сѣверо-восточной части Оренбургской, но въ Уфимской и въ большей части Оренбургской не гнѣздится, хотя холостые бродятъ здѣсь въ небольшомъ количествѣ въ теченіе всего лѣта. Въ небольшомъ количествѣ пролетаетъ по Эмбѣ, въ большемъ по р. Уралу. Что касается Поволжья, то щеголь гнѣздится въ Казанской губ., но не гнѣздится южнѣе. Изрѣдка гнѣздится въ Московской и быть-можетъ въ Тульской и Новгородской. Лѣтомъ найденъ въ Воронежской и Харьковской губ.,

но вѣроятно холостые. Въ губ. Петербургской, Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ, въ области Днѣпра, Дона и во всей южной Россіи—только на пролетѣ. Что касается Кавказа, то щеголь бываетъ здѣсь на пролетѣ по Кубани, Тереку, подъ Ленкоранью, изрѣдка внутри страны и крайне рѣдко подъ Батумомъ.

По времени весенняго и осенняго пролета въ средней Россіи щеголь сходенъ съ турухтаномъ, слѣдовательно весною является однимъ изъ поздно прилетающихъ куликовъ. Однако, Браунеръ приводитъ находеніе щеголя въ Крыму уже въ концѣ марта, изъ чего можно предполагать, что эта птица на весеннемъ пролетѣ рано прибываетъ на Черноморское побережье, но довольно долго остается тамъ, прежде чѣмъ пускается въ дальнѣйшій путь.

34. Улитъ длиннохвостый.

Totanus bartrami, Wils.

Табл. 36.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 311.

Всѣ свѣдѣнія объ этой сѣверо-американской птицѣ, не разъ залетавшей въ западную Европу и однажды найденной у насъ, сводятся къ показанію покойнаго К. О. Кесслера, сообщившаго слѣдующее. Въ маѣ 1862 года одинъ охотникъ изъ крестьянъ, постоянно приносившій Кесслеру убитыхъ имъ рѣдкихъ птицъ, разсказалъ ему слѣдующій случай: на берегу Днѣпра встрѣтилась ему птица, которую онъ первоначально принялъ было за крячку (Sterna), хотя она и отличалась отъ всѣхъ другихъ крячкѣвъ голосомъ; но когда она сѣла, то онъ тотчасъ убѣдился, что то былъ куликъ, такой, однако, какой никогда прежде ему не попадался. Ноги у него были высокія, носъ длинный, спина рябая, очень красивая, брюхо бѣлое; но всего поразительнѣе у него былъ хвостъ, очень длинный, почти какъ у сороки. „Описаніе это,—прибавляетъ Кесслеръ,—въ особенности послѣдній, чрезвычайно характерный признакъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ вида, къ которому принадлежалъ куликъ: то могъ только быть *Actitis Bartrami Wilson*...“ Хотя въ опредѣленіи размѣровъ хвоста несомнѣнно преувеличеніе, тѣмъ не менѣе въ сдѣланномъ охотникомъ описаніи нельзя не узнать названнаго вида.

35. Плавунчикъ круглоносый.

Phalaropus hyperboreus, L.

Табл. 37.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. 1, стр. 313.

Болѣе распростран. названіе: *плавунчикъ*.

Мѣстныя названія: *плавунчикъ*, *поплавокъ* (С.-Петербург. губ.); *сметаникъ* (иногда, въ Павлѣ).

Финск. въ Муonio—*vesipääskyne*, въ сѣв. Лапл.—*vesitiäinen*, *peukolourää*, *kaitanokka vesipääskynen*, *vesisipi*.— Лапл.—*pargutsch*, *tshatschbar-gus*, *svapalas*.

Широко распространенное мнѣніе, что плавунчикъ представляет собою кругополярный видъ, гнѣздящійся преимущественно въ полосѣ тундръ, за предѣлами лѣсной растительности, такъ далеко къ сѣверу, какъ идетъ земля, должно быть измѣнено, п. ч. въ Россіи отдѣльныя колоніи этой птицы гнѣздятся къ югу до 50° с. ш.

Начиная съ Лапландіи, мы видимъ, что плавунчикъ гнѣздится здѣсь къ югу до 67° с. ш., но въ губ. Вазской, Куопіоской, Тавастгусской, С.-Михельской и на Аландскихъ о-вахъ бываетъ только на пролетѣ, равно какъ и въ Петербургской губ. Въ Прибалтійскомъ краѣ плавунчикъ гнѣздится въ Мапаль-Викѣ и вѣроятно на побережьи Эстляндіи, гдѣ молодая птицы встрѣчаются съ начала до половины августа; точно также найдены подъ Ригой и на о. Бабитъ. Что же касается пролета, то нормально плавунчикъ не посѣщаетъ на пролетѣ Прибалтійскихъ губ. и потому вѣроятно, что птицы, гнѣздящіяся въ Финляндіи, прилетаютъ сюда и улетаютъ отсюда побережьемъ Швеціи и Норвегіи. Въ области Сѣв. Двины плавунчикъ гнѣздится подъ Архангельскомъ; далѣе на сѣверъ и на востокъ—на Колгуевѣ, гдѣ очень обыкновененъ, на Вайгачѣ, Долгомъ о-вѣ, Новой Землѣ, въ нижне-печорской тундрѣ и въ небольшомъ числѣ въ Пермской губ.; въ послѣдней мѣстности для гнѣздовья выбираетъ лавды, т.е. прибрежныя трясины озеръ. Въ губ. Уфимской, Казанской, Симбирской и Саратовской плавунчикъ несомнѣнно бываетъ лѣтомъ, но гнѣздя-

ицяся ли это птицы или бродячія—остается нерѣшеннымъ; вѣроятнѣе однако послѣднее. За то въ Оренбургской губ. плавунчикъ гнѣздится въ достаточномъ количествѣ вездѣ, гдѣ только есть болѣе или менѣе значительные сырые солонцы съ соляными озерами и болотами. Въ центральной Россіи плавунчикъ найденъ гнѣздящимся въ Московской губ., но въ небольшомъ числѣ. Затѣмъ, что касается остальной средней и южной Россіи, то здѣсь плавунчикъ найденъ во многихъ мѣстахъ на осеннемъ пролетѣ и неправильно встрѣчается на весеннемъ, за исключеніемъ Астраханской губ., гдѣ на весеннемъ пролетѣ обыкновененъ.

Относительно Кавказа мы опредѣленно знаемъ, что плавунчикъ бываетъ здѣсь на пролетѣ и бродячія особи во второй половинѣ лѣта. Но мнѣніе Богданова и Радде о гнѣздованіи плавунчика на Кавказѣ совершенно ошибочно и основано только на раннемъ появленіи бродячихъ особей.

Весною плавунчики прилетаютъ на сѣверное побережье Чернаго моря въ мартѣ. Подъ Ленкоранью пролетъ происходитъ съ начала апрѣля по май. Подъ Оренбургомъ плавунчикъ появляется во второй половинѣ апрѣля, валовой пролетъ въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ слѣдующаго. Въ средней Россіи время пролета плавунчика—послѣдняя треть апрѣля. Судя по времени гнѣздованья, едва ли эта птичка ранѣе второй половины мая прилетаетъ въ область нижней Печоры. Наконецъ, что касается Лапландіи, то весеннее возвращеніе плавунчиковъ запаздываетъ здѣсь повидимому еще болѣе.

На осеннемъ пролетѣ первыя пролетныя показываются въ средней и даже южной Россіи уже съ конца іюля, но собственно пролетъ происходитъ во второй половинѣ августа и заканчивается въ первой половинѣ сентября. Въ это время плавунчики держатся стайками по 3, 4 и до 15 штукъ, около прѣсныхъ и соленыхъ озеръ, прудовъ, рѣчныхъ заливовъ и даже небольшихъ лужъ. Совершенно безбоязненно подпускаютъ они къ себѣ человека на очень близкое разстояніе, не переставая плавать и нырять для добыванія корма, который состоитъ изъ маленькихъ водяныхъ жучковъ, червячковъ и другихъ мелкихъ водяныхъ животныхъ. Нѣкоторыя птички позволяютъ подойти къ нимъ чуть-что не въ упоръ.

36. Плавунчикъ плосконосый.

Phalaropus fulicarius, L.

Табл. 38.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I. стр. 318.

Мѣстные названія: Финск.—*leveänokka-vesipääskynen*, *vesisipi*.

Плосконосый плавунчикъ принадлежитъ крайнему сѣверу и въ Европ. Россіи, кромѣ одного случая, гнѣздованья этого вида на материкѣ не наблюдалось. Эта птичка не гнѣздится даже на Кольскомъ полу-овѣ, гдѣ появляется на осеннемъ пролетѣ на Варангеръ-фіордѣ въ августѣ въ лѣтнемъ перѣ и октябрѣ и ноябрѣ въ зимнемъ. Въ качествѣ случайно залетной птицы встрѣчена въ Юландской губ. Во всей западной и центральной Россіи этотъ видъ не наблюдался. Въ области Бѣлаго моря плосконосый плавунчикъ не наблюдался, но Трэворъ-Батти видѣлъ парочку этихъ птичекъ 4 іюня на Колгуевѣ, гдѣ, быть можетъ, описываемый плавунчикъ гнѣздится. Страннымъ образомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о распространеніи плосконосаго плавунчика на Новой Землѣ, не нашли его и на нижней Печорѣ ¹⁾. Л. П. Сабанѣевъ предполагаетъ, что видѣлъ этихъ куличковъ на пролетѣ въ Пермской губ., весною 1869 г. на берегу оз. Малаго-Аллака, въ Тибуцкой дачѣ. Тѣмъ болѣе поразительна вслѣдствіе всего этого выпавшая на долю Н. А. Заруднаго находка гнѣздящихся плосконосыхъ плавунчиковъ въ Оренбургскомъ краѣ, хотя по всей вѣроятности это были случайно гнѣздившіяся парочки. „Въ концѣ іюня 1883 г.—пишетъ онъ,—встрѣтилъ я на Бишъ-Копинскихъ сорахъ трехъ плосконосыхъ плавунчиковъ и одинъ выводокъ (три птицы) молодыхъ, не умѣвшихъ еще летать. Изъ стариковъ парочка была супругами, а третій—холостой самецъ. Въ концѣ іюля того же года видѣлъ я стайку этихъ птицъ (13 экз.) на Соръ-Кулѣ. Гнѣздится ли плосконосый плавунчикъ нормально или случайно—это покажутъ будущія изслѣдова-

¹⁾ Хотя недавно онъ найденъ гнѣздящимся подь Голчихой на Енисеѣ.

нія. Киргизамъ онъ неизвѣстенъ почти совсѣмъ. Около Оренбурга я видѣлъ его только разъ—именно 14 сентября 1882 г. на берегу Урала“.

Нордманну передавали, что этотъ плавунчикъ иногда бываетъ въ южной Россіи, что, однако, никѣмъ не подтверждено въ теченіе болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ.

Таковы скудныя свѣдѣнія о распространеніи у насъ этой красивой птички.

37. Кроншнепъ большой.

Numenius arquatus, L.

Табл. 39.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 321.

Болѣе распростран. названія: *кроншнепъ, степной куликъ.*

Мѣстные названія: *котрусъ* (по Палласу, гдѣ?); *большой* или *болотный зуй* (Вятск. губ.); *польскій куликъ* (въ Богословск. Уралѣ); *фируль* (Пермск. у. и Павда); *степной куликъ, степнякъ* (Оренбург., Самар. губ.); *большой куликъ* (Саратов. губ.); *горный куликъ* (Астрахан. губ.); *кривоносый куликъ* (Ярослав. губ.); *куликъ* (Новгород. губ.); *кульонъ* (Херсон. губ.); *новій* (по Днѣстру).

Польск.—*kulig wielki, bekas krzywodziób, kulig ugorowy*.—Лапл.—*gusgastak, gusch-kastak*.—Фин.—*iso kuovi*.—Эст.—*kõvilaja*.—Латыш.—*klūkis, klūtīnsch*.

Тат.—*комаралъ; кюмаадзе*.—Киргиз.—*джалкани*.—Башк.—*кюшльдѣ; барабин. забанъ куликъ*.—Монг.—*тодохользи*.—Ост.—*ханпъ*.—Тунг.—*динтжакунгъ; ламут. — тоувичъ*.—Кор.—*чепѣйя*.—Камч.—*тууикъ; шѣуцу; сааклуцъ*.

Распространеніе кроншнеповъ мы рассмотримъ отдѣльно для каждаго вида, что касается образа жизни, а тѣмъ болѣе охоты, то всѣ три вида удобнѣе соединить въ одномъ общемъ очеркѣ.

Распространеніе большого кроншнепа является весьма обширнымъ. Какъ гнѣздящаяся птица, онъ не поднимается такъ далеко на сѣверъ какъ средній кроншнепъ, зато распространень отъ извѣстной сѣверной границы по всей странѣ. Въ Лапландіи онъ гнѣздится къ сѣверу до 66°30 и около Варангеръ-фіорда, куда проникаетъ изъ Скандинавіи. Далѣе на востокъ очень обыкновененъ въ устьѣ Сѣверной Двины, но очевидно не доходитъ до тундръ, ни до Канинской, ни тѣмъ болѣе до ниже-печорской. Сѣверная граница его въ восточной Россіи лежитъ вѣроятно въ южной части Архангельской и въ сѣверной Пермской губ., такъ какъ онъ обыкновененъ въ Вятской, въ большей части Пермской и въ Тобольской. Къ сожалѣнію, Л. П. Сабанѣевъ не далъ точныхъ указаній относительно распространенія большого кроншнепа въ предѣлахъ Пермской губ., ограничившись замѣчаніемъ, что по до-

линамъ рѣкъ онъ проникаетъ далеко на сѣверъ, встрѣчаясь еще подъ Богословскомъ, и становится болѣе обыкновеннымъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хребта. Отсюда къ югу большой кроншнепъ гнѣздится во всей странѣ, выбирая для своего жительства весьма различныя мѣста, но въ западной части южной Россіи, повидному, спорадиченъ. Гнѣздится также въ степяхъ сѣвернаго Кавказа, отлетая отсюда на зиму, какъ и изъ другихъ частей страны. Въ Закавказьѣ отчасти зимуетъ.

38. Кроншнепъ малый. *Numenius tenuirostris*, Vieill.

Табл. 40.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 326.

Болѣе распростр. названіе: *малый кроншнепъ*.

Мѣстныя названія: Киргиз.—*кечекентай-джалкаши*.

Свѣдѣнія о распространѣніи у насъ малаго кроншнепа довольно значительно расширились за послѣдніе годы, тѣмъ не менѣе еще далеко то время, когда можно будетъ точно намѣтить границы распространѣнія этого вида въ Европ. Россіи. Малый кроншнепъ принадлежитъ только южной полосѣ страны, слѣдовательно важно было бы опредѣлить его сѣверную границу какъ гнѣздящейся и бродячей птицы.

Начиная съ запада, такъ какъ описываемая птица можетъ считаться преимущественно средиземноморскою, мы видимъ, что онъ еще Нордманномъ былъ найденъ въ Херсонскихъ степяхъ. Едва ли можно сомнѣваться, что малый кроншнепъ распространенъ во всей Таврической губ., по степнымъ мѣстамъ; однако пока онъ найденъ здѣсь только въ Тамакѣ и Днѣпровскомъ уѣздѣ. Въ Харьковской губ. малый кроншнепъ является неправильною, преимущественно осеннею, пролетною птицею и если гнѣздится, то развѣ только въ уу. Купянскомъ или Старобѣльскомъ. Далѣе на востокъ эта птица найдена въ ставропольскихъ степяхъ и въ степяхъ оренбургскихъ, гдѣ поднимается къ сѣверу до Челябинскаго и Шадринскаго уу., являясь, однако, рѣдкимъ видомъ и абсолютно, и относительно большаго кроншнепа. На пролетѣ найденъ подъ Астраханью и подъ Батумомъ, но были ли это случайно или нормально пролетныя особи намъ неизвѣстно, и вообще мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія о пролетныхъ путяхъ малаго кроншнепа.

39. Кроншнепъ средній.

Numenius phaeopus, L.

Табл. 41.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 327.

Болѣе распростран. названіе: *кроншнепъ*.

Мѣстныя названія: *фируль* (Пермск. у., Павда); *кровоносый куликъ* (Ярослав. губ.); *куликъ* (Харьков. губ.); *трескунъ* (Петерб. губ.); *кроншнепъ малый* (Казанская и др.).

Польск.—*kulig mniejszy, kulig kulon, bekas slotnik*.—Финск.—*pieni kuovi*, въ Муоніо—*kuovi*, въ Куусамо—*aho-kuovi*.—Лапланд.—*gusgastak, gusch kastak, guschgastak, kielat-stjaitne, kuschastak*.—Эст.—*kükitaaja*—Латыш.—*kulleinis, kullainis, leetuwaains*.

Самоѣд.—*арки-сіерркъ*.—Киргиз.—*кечкентай-джалкаши*.

Средній кроншнепъ распространенъ у насъ не такъ широко, какъ большой, но идетъ съвернѣе его. Опредѣляя его гнѣздовую область въ общихъ чертахъ, мы должны сказать, что онъ принадлежитъ съверной и восточной части страны, и не гнѣздится въ большей части ея юго-западной половины, но какъ пролетная птица извѣстенъ повсюду.

Переходя къ подробностямъ, мы видимъ, что на Кольскомъ полуостровѣ средній кроншнепъ гнѣздится въ поясѣ ивняковъ альпійской области, почти на границѣ вѣчныхъ снѣговъ. По окончаніи гнѣздованья птица оставляетъ мѣста гнѣздовья и придерживается преимущественно двухъ станцій: или болѣе сухихъ болотъ, поросшихъ голубицей, или морскихъ побережій. Въ Финляндіи распространенъ повсемѣстно, но въ зависимости отъ характера мѣстности численность его значительно измѣняется; впрочемъ, онъ можетъ считаться очень обыкновеннымъ почти во всей области. Затѣмъ, средній кроншнепъ гнѣздится во всей области Сѣв. Двины, въ нижне-печорскихъ тундрахъ и найденъ даже на Колгуевѣ. Въ Вятской и Пермской губ. это также широко распространенная птица, идущая далѣе на востокъ въ Тобольскую губ. Въ Казанской, Уфимской и Оренбургской губ. къ югу до теченія р. Урала средній кроншнепъ гнѣздится вмѣстѣ съ большимъ, кое-гдѣ, какъ въ Уфимской губ., въ одномъ съ нимъ количествѣ, но

большею частью уступая ему въ числѣ. Къ югу отъ р. Урала гнѣздование этой птицы принимаетъ случайный характеръ. Въ центральной Россіи этотъ видъ гнѣздится спорадично отъ Волги къ югу до Воронежской и Кіевской губ. включительно. Однако едва ли можно считать доказаннымъ гнѣздование средняго кроншнепа въ Псковской губ., т. к. ни въ Петербургской, ни въ Новгородской, ни въ Прибалтійскихъ губ. онъ положительно не гнѣздится. Въ Польшѣ, въ южной Россіи, за указанными предѣлами, на Кавказѣ и въ Закавказьѣ средній кроншнепъ бываетъ только на пролетѣ.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ КРОНШНЕПОВЪ И ОХОТА ЗА НИМИ.

I.

Въ связи съ разницею въ географическомъ распространеніи, три вида кроншнеповъ разнятся и по станціямъ, ими населяемымъ: въ самыхъ разнообразныхъ станціяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, живетъ наиболѣе широко распространенный большой кроншнепъ, тогда какъ два другіе вида гораздо прихотливѣе въ выборѣ мѣста. Большой кроншнепъ селится и въ степи, и въ сухихъ долинахъ, около соляныхъ лимановъ, и на травянистыхъ лугахъ, чередующихся съ лѣсами, и въ долинахъ рѣкъ, и по обширнымъ болотамъ, и въ лѣсныхъ курстарникахъ. Средній является преимущественно обитателемъ болотъ, хотя во многихъ мѣстахъ живетъ вмѣстѣ съ большимъ. Наконецъ, малый держится въ степи и притомъ въ такихъ ея участкахъ, которые лишены высокой растительности.

Время прилета хорошо извѣстно преимущественно для большого кроншнепа. На сѣверный берегъ Чернаго моря онъ прилетаетъ уже въ первой трети или половинѣ марта, со второй четверти марта наблюдается подъ Батумомъ и въ мартѣ же пролетаетъ берегомъ Каспійскаго моря. Въ Харьковской губ. одиночные кроншнепы попадаются уже съ первыхъ чиселъ марта, но въ большемъ числѣ показываются они въ концѣ второй части этого мѣсяца, а валовой пролетъ происходитъ обыкновенно въ послѣдней трети марта; послѣдніе пролетные попадаются до конца первой трети апрѣля. Въ Оренбургскомъ краѣ первые кроншнепы показываются большею частью въ разныя числа послѣдней трети марта, валовой пролетъ обыкновенно происходитъ въ первой трети апрѣля и въ началѣ второй, иногда же запаздываетъ и переходитъ на среднія и даже послѣднія числа апрѣля. Въ Уфимской губ. кроншнепы появляются съ начала апрѣля, и лишь нѣсколькими днями позднѣе долетаютъ до Вятской губ. Въ центральной Россіи, именно въ Московской губ., кроншнепы прилетаютъ во второй половинѣ апрѣля, когда снѣгъ уже посойдетъ. Въ западной полосѣ Россіи, именно въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и Петербургской, кроншнепъ появляется иногда уже съ начала второй трети апрѣля, въ большемъ же количествѣ прилетаетъ въ послѣдней трети этого мѣсяца. Нако-

нецъ, въ Лапландію описываемая птица возвращается только въ маѣ, притомъ въ довольно разныя числа. Средній кроншнепъ летитъ приблизительно въ одно время съ большимъ и часто даже вмѣстѣ съ нимъ.

Что касается малаго, то въ Таврической губ. онъ появляется съ начала марта. Въ Ставропольскія степи кроншнепы прилетаютъ во второй половинѣ марта. Въ Оренбургской губ. время прилета не прослѣжено, но можно думать, что оно приходится на конецъ апрѣля и начало мая.

Относительно общей картины весенняго пролета кроншнеповъ мы имѣемъ первыя свѣдѣнія еще отъ С. Т. Аксакова. „Сначала,—говоритъ онъ,—летятъ большими стаями очень высоко, такъ что ихъ не видно, а слышенъ только особенный, звучный крикъ, который, однако, не такъ протяженъ, какъ въ то время, когда они займутъ свои постоянныя лѣтнія квартиры—зеленая степи. Вскорѣ послѣ своего ранняго пролета, начнутъ попадаться кроншнепы по вспаханымъ полямъ, по оттаявшему прошлогоднему жнивью, по берегамъ весеннихъ лужъ, прудовъ, озеръ и даже плоскимъ берегамъ рѣкъ, разлившимся по низменнымъ мѣстамъ. Рѣдко попадались они мнѣ станичками, и почти всегда попарно или въ одиночку. Для всякаго охотника пріятно встрѣтить въ это время и убить кроншнепа: онъ бываетъ тогда сторожекъ, сытъ и довольно рѣдокъ; къ тому же весеннее появленіе и шатанье ихъ продолжается весьма недолго: какъ скоро оттаютъ и провянутъ степи,—кроншнепы уже тамъ. Я даже полагаю, что встрѣчаемые весной по рѣкамъ, озерамъ и прудамъ, степные кулики—всѣ пролетныя, еще не долетѣвшіе до своего настоящаго мѣстопробыванія; а коренныя жилицы степей прямо опускаются на степи: они тоже въ свою очередь были пролетными и шатались вездѣ, пока не долетѣли до своихъ выводныхъ мѣстъ. Я убѣждаюсь въ справедливости этого предположенія тѣмъ, что почти всегда, объѣзжая весной разливы рѣкъ по долинамъ и болотамъ, встрѣчалъ тамъ кроншнеповъ, которые кричали еще пролетнымъ крикомъ или голосомъ, не столь протяжнымъ и одноколѣннымъ; а поднявшись въ гору и подавшись въ степь, на версту или менѣе, сейчасъ находилъ степныхъ куликовъ, которые, очевидно, уже начали тамъ хозяйничать, бились около однихъ и тѣхъ же мѣстъ и кричали по-лѣтнему: звонко заливались, когда летѣли кверху, и брали другое трелевое колѣно, звуки котораго гуще и тише, когда опускались и садились на землю“. Къ этому можно прибавить только то, что ускользнуло отъ вниманія Аксакова, а именно, что первые кроншнепы появляются одиночныя, часто присоединяющіеся къ другимъ птицамъ, напр. чибисамъ или улитамъ. Показывающіяся позднѣе стайки бываютъ то немногочисленны, штукъ до 20, рѣже 30, то исключительно велики, иногда до 200 штукъ въ одной стаѣ. На лету держатся кучей или косою шеренгой, иногда на значительной высотѣ, иногда на средней, и далеко не всегда слѣдуютъ по направленію рѣкъ.

Прилетѣвъ въ свои родныя мѣста, кроншнепы очень быстро

разбиваются на пары и, вслѣдствіе довольно поздняго прилета, уже спустя очень немного времени приступаютъ къ гнѣздованію. Гдѣ бы ни гнѣздилися кроншнепъ, даже среди мохового болота, онъ всегда выбираетъ для гнѣзда сухое мѣсто; вмѣстѣ съ тѣмъ, поселяясь въ болотѣ, онъ всегда требуетъ для себя близости пашни и чистой воды. Парочки кроншнеповъ очень осторожны, если только опасность не угрожаетъ яйцамъ или дѣтямъ, и самецъ заботливо стережетъ самку, охраняя ее отъ опасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ часто развлекаетъ ее своими играми, что неправильно называется многими охотниками токомъ. Тока у кроншнеповъ никакого нѣтъ, такъ какъ въ играхъ не происходитъ состязанія самцовъ из-за обладанія самкой, и только случайно къ играющему самцу можетъ подлетѣть другой холостой самецъ, что неминуемо ведетъ къ дракѣ. Вотъ какъ описываетъ г. Разевигъ эти игры кроншнепа, называя ихъ токованіемъ: „Токують кроншнепы какъ вечернею, такъ и утреннею зарею, говоритъ онъ. Собственно же токованье состоитъ въ слѣдующемъ: самка стоитъ или медленно, граціозно, расхаживаетъ по паровому полю, а самецъ летаетъ довольно высоко надъ нею, на кругахъ, и издаетъ весьма мелодичнымъ голосомъ своимъ звуки, похожіе на гуудъ-гууудъ, гуудъ-гууудъ, или, вѣрнѣе, на англійское wood-woood, и слѣдующіе одинъ за другимъ довольно часто, прерываемые небольшими интервалами. Сдѣлавъ нѣсколько такихъ круговъ, самецъ дѣлаетъ изящный изворотъ на воздухѣ, и безъ малѣйшаго движенія крыльевъ, какъ бы скользя по наклонному пути, быстро спускается къ самкѣ. Опускаясь, онъ особенно нѣжно протягиваетъ свое „wood-woood“, и чѣмъ ниже онъ спускается, тѣмъ нѣжнѣе, протяжнѣе становятся звуки эти, и наконецъ переходятъ въ какую-то весьма мелодичную вибрацію, и самецъ опускается шагахъ въ десяти около самки. Спустившись на землю, онъ быстро, нѣсколько бѣгомъ и описывая дугу, съ распушеннымъ хвостомъ и крыльями, подбѣгаетъ къ самкѣ и спаривается съ нею.

„Это токованіе и спариваніе повторяется нѣсколько разъ въ одну зорю.

„Иногда появляется соперникъ (что, кажется, бываетъ только тогда, когда число самцовъ больше чѣмъ самокъ, или когда самка какимъ-нибудь образомъ погибнетъ и самецъ вынужденъ будетъ прискивать себѣ новую подругу), и тогда идиллія нарушается ожесточеннымъ поединкомъ. Драка начинается на воздухѣ: самцы налетаютъ другъ на друга, сиѣпляются и, наконецъ, клубкомъ спускаются на землю; здѣсь-то и происходитъ настоящая рѣшающая участь того или другого бойца схватка. Самцы, съ распушенными хвостами и немного оттопыренными крыльями, то подбѣгая другъ къ другу, то напирая на противника, то отскакивая и избѣгая удара его и, наконецъ, подпрыгивая, въ родѣ пѣтушиного, наносятъ другъ другу удары (клювомъ ли или же ногами, я не могъ разглядѣть даже въ бинокль, такъ какъ кроншнепы строги и близко не подпускаютъ; но, кажется, и тѣмъ, и

другимъ), такъ что перья сыпятся, пока болѣе сильный или опытный боецъ не побьетъ своего противника, и тотъ, сперва бѣгомъ, а потомъ летомъ, не спасется отъ преслѣдующаго его соперника. Побѣдитель, издавая особенные отъ обыкновеннаго звуки, возвращается къ своей самкѣ, которая все это время играла довольно пассивную роль. Нѣсколько паръ кроншнеповъ токують иногда на небольшомъ, относительно, пространствѣ; но нѣсколькихъ самцовъ, токующихъ на одномъ мѣстѣ, на одной, напримѣръ, полосѣ парового поля, мнѣ видѣть не приходилось“.

Игра кроншнеповъ-самцовъ заканчивается въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ началѣ мая, по крайней мѣрѣ въ средней Россіи, т.е. одновременно съ устройствомъ гнѣзда и кладкою яицъ. Тамъ, гдѣ птицы немногочисленны, онѣ селятся отдѣльными парами и каждая пара ревниво охраняетъ свои владѣнія; тамъ же, гдѣ кроншнеповъ много, они селятся обществами, иногда паръ до пятидесяти вмѣстѣ, и тогда всѣ члены колоніи одинаково охраняютъ свое поселеніе, весьма напоминая своими повадками веретенниковъ.

Самецъ отдѣльно гнѣздящейся пары обыкновенно выбираетъ какое-нибудь возвышеніе, откуда осматриваетъ окрестности, предупреждая своимъ мелодичнымъ крикомъ самку о всякой угрожающей опасности. Завидитъ ли онъ человѣка, собаку, хищную птицу, ворону, сейчасъ же съ крикомъ начинаетъ носиться въ воздухѣ и успокоится не прежде, чѣмъ неприятель удалится. Тогда кроншнепъ опять занимаетъ свой наблюдательный постъ, но даже успокоившись и принявшись за кормежку, не оставляетъ своей обычной осторожности, забывая ее только въ томъ случаѣ, если опасность непосредственно угрожаетъ гнѣзду или дѣтямъ.

Нѣсколько иначе ведутъ себя кроншнепы, живущіе обществами. „Степные кулики въ степяхъ то же, что болотные кулики въ болотахъ, — говоритъ С. Т. Аксаковъ:—такъ же далеко встрѣчаютъ человѣка, собаку, даже всякое животное, приближающееся къ ихъ гнѣздамъ или дѣтямъ, такъ же сначала налетаютъ близко на охотника, вьются надъ нимъ и садятся кругомъ, стараясь отвести его въ противоположную сторону; но все это дѣлаютъ они съ меньшею горячностью и большею осторожностью. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ степные кулики отдаляются и становятся сторожки. Впрочемъ, въ степяхъ, не слыхавшихъ ружейнаго выстрѣла, первый натискъ кроншнеповъ, особенно на ѣдущаго охотника съ собакою, бываетъ очень смѣлъ. Въ молодости случалось мнѣ много ѣздить по степнымъ дорогамъ Оренбургской и Симбирской губерній, и цѣлыя стаи степныхъ куликовъ, налетающихъ со всѣхъ сторонъ, бывало преслѣдовали меня десятки верстъ, смѣняясь вновь прилетающими, свѣжими кроншнепами, по мѣрѣ удаленія моего отъ гнѣздъ однихъ и приближенія къ другимъ. Весь воздухъ наполнялся ихъ звонкими, заливыми трелями: одни вились надъ лошадьми, другіе опускались около дороги на землю и бѣжали съ неимовернымъ проворствомъ, третьи садились по вѣхамъ

(должно замѣтить, что степные кулики очень охотно садятся на сучья сухихъ деревьевъ или на высокіе пни). Гораздо болѣе смѣлости и горячности къ дѣтямъ показываютъ кроншнепы малаго рода, средніе—осторожнѣе, а большіе даже съ перваго раза никогда не налетаютъ слишкомъ близко на человѣка, развѣ какъ-нибудь нечаянно: они сейчасъ удалятся на безопасное разстояніе и начнутъ летать кругомъ, испуская свои хриплыя, какъ будто скрипящія, короткія трели“.

Переселившись въ свои гнѣздовыя мѣста, кроншнепы принимаются за устройство гнѣздъ. Независимо отъ характера мѣстности, гнѣздо описываемой птицы до крайности просто, представляя собою небольшую ямку, выстланную сухой травой, иногда съ нѣкоторой примѣсью мха. Полная кладка состоитъ изъ четырехъ яицъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются кладки только изъ трехъ. Яйца большого кроншнепа всегда грушевидныя, хотя одни круглѣе, другія длиннѣе. Длина ихъ варьируетъ отъ 2,8 до 2,45 д., ширина отъ 1,95 до 1,75 д. Окраска измѣняется отъ свѣтло-зеленоватой съ мелкими темно-желтовато-бурыми поверхностными и фіолетово-бурыми глубокими пятнами и точками до темной оливково-бурой, густо покрытой темными желто-бурыми пятнами, особенно многочисленными на широкомъ концѣ. Иногда пестрины равномерно покрываютъ поверхность яйца, иногда образуютъ неправильную зону на его тупомъ концѣ. У средняго кроншнепа яйца меньше, отъ 2,5 до 2,2 д. длины и отъ 1,75 до 1,6 д. ширины, но по окраскѣ очень походятъ на яйца большого, съ тою разницею, что нѣкоторыя изъ поверхностныхъ пестринъ болѣе красно-бураго цвѣта, а глубокія сѣрыѣ. Наконецъ, малый кроншнепъ кладетъ, какъ говорятъ, иногда не 4, а 5 яицъ, рѣдко 3, около 2 д. длины, 1,6 ширины, бѣлаго или желтоватаго основнаго цвѣта съ неправильными пятнами и точками бураго и сѣраго цвѣта. Яйца лежатъ въ гнѣздѣ остріями другъ къ другу и, благодаря своей окраскѣ, чрезвычайно походятъ на окружающую ихъ обстановку. Самецъ и самка поочередно сидятъ на яйцахъ, но самка сидитъ болѣе продолжительное время, тогда какъ самецъ является преимущественно сторожемъ. Предупрежденная имъ объ опасности, самка никогда не взлетаетъ прямо съ гнѣзда, а отбѣгаетъ на нѣсколько десятковъ шаговъ и лишь послѣ этого поднимается на воздухъ. Этимъ и объясняется, что, отличая зная участокъ, гдѣ гнѣздится пара кроншнеповъ, надо потерять много времени на отыскиваніе гнѣзда, если только не поможетъ случай. Лишь въ томъ случаѣ, когда самецъ не замѣтитъ во-время опасности и удастся на очень близкое разстояніе подойти къ гнѣзду, самка взлетаетъ прямо, указывая то мѣсто, гдѣ оставила яйца. Кромѣ того замѣчено, что самка тѣмъ неохотнѣе поднимается съ гнѣзда, чѣмъ болѣе насижины яйца. Если недавно насиженные яйца взять изъ гнѣзда, птица обыкновенно несется вторично; если же она потеряла сильно насиженные яйца, въ такомъ случаѣ кладка не повторяется. Въ разныхъ мѣстахъ яйца кроншнеповъ гибнутъ отъ весьма различныхъ причинъ. Въ средней и сѣверной Россіи причиной гибели часто

являются весенніе разливы, отъ дождя или поздняго выпаденія снѣга, въ юго-восточной—степные пожары. „Бѣда для кроншнеповъ,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—ранняя, теплая и сухая весна! Они скоро совьютъ гнѣзда и сядутъ на яйца, и въ это время застигають ихъ степные пожары или палы. Если весна поздняя и мокрая, то огонь не можетъ распространяться вездѣ, не уходитъ далеко въ глубь степей, и птица бываетъ спасена; но въ раннюю, сухую весну, потокъ пламени обхватываетъ огромное пространство степей и губитъ не только всѣ гнѣзда и яйца, но нерѣдко и самихъ птицъ... Когда огненный ураганъ пронесется, земля остынетъ и перестанетъ дымиться, уцѣлѣвшіе кроншнепы, иногда далеко отогнанные разливомъ огня, сейчасъ возвращаются къ своимъ гнѣздамъ, и если найдутъ ихъ сгорѣвшими, то немедленно завиваютъ новыя, какъ можно ближе къ старымъ и непремѣнно на мѣстахъ или мѣстечкахъ, уцѣлѣвшихъ отъ огня. Несомнѣнная истина, что на горѣломъ мѣстѣ никакая птица гнѣзда не вьетъ; иногда это можетъ показаться несправедливымъ, потому что птица живетъ и выводится, очевидно, на паленыхъ степяхъ; но я, внимательнымъ изысканіемъ, убѣдился, что гнѣздо всегда свивается на мѣстѣ *не паленомъ*, хотя бы оно было величиною въ сажень, даже менѣе, и обгорѣло со всѣхъ сторонъ. Когда вырастаетъ трава, то, при поверхностномъ обзорѣнці, нельзя замѣтить, гдѣ горѣло и гдѣ нѣтъ; но, разогнувъ свѣжую зеленую траву, около самаго гнѣзда, вы всегда найдете прошлогоднюю, сухую траву, чего на горѣломъ мѣстѣ нѣтъ и быть не можетъ, въ чемъ убѣдиться не трудно. Если же палы случатся поздно (что иногда бываетъ), и у степныхъ куликовъ пропадутъ яйца, уже насипенныя, или они сами обожгутся какъ-нибудь, во время пожара, особенно въ ночное время, то кулики другихъ гнѣздъ не заводятъ и остаются на этотъ годъ холостыми, продолжая колотиться около тѣхъ мѣстъ, гдѣ погорѣли ихъ гнѣзда. Мнѣ случалось находить и убивать такихъ холостыхъ кроншнеповъ; они всегда жирнѣе тѣхъ, у которыхъ есть дѣти; у иныхъ я даже находилъ слегка опаленныя перья“. Кромѣ этихъ общихъ причинъ гибели кроншнепныхъ яицъ, уничтожаютъ ихъ лунцы, совы, даже вороны, и кой-какіе звѣрки.

Насиживаніе продолжается три недѣли, но число птенцовъ каждаго выводка рѣдко бываетъ четыре, такъ какъ одно или два яйца въ кладкѣ часто оказываются болтунами. по крайней мѣрѣ въ средней и сѣверной Россіи ¹⁾. Птенчики могутъ бѣгать и отлично прятаться уже спустя нѣсколько часовъ по выключеніи изъ яйца, но первое время сами кормиться не могутъ. Отецъ съ матерью одинаково заботятся о дѣтяхъ, забывая личную безопасность, охраняють ихъ отъ нападенія врага и снабжаютъ обильнымъ кормомъ, который состоитъ изъ насекомыхъ и ихъ личинокъ, червей, слизняковъ и т. п. Иногда къ этому

¹⁾ Относительно степной полосы Аксаковъ говоритъ какъ разъ противное, т.-е. что тамъ болтуны у кроншнеповъ рѣдки.

примѣшиваются сѣмена разныхъ травъ и хлѣбныя зерна. Куличата одѣты сѣрвато-желтымъ пухомъ, съ темноватыми крапинками, высоки на ногахъ и первое время чрезвычайно неуклюжи.

Время вывода птенцовъ у кроншнеповъ, въ зависимости отъ разныхъ причинъ, иногда бываетъ весьма продолжительно, такъ что въ одномъ мѣстѣ въ одно и то же время можно найти совсѣмъ маленькихъ птенцовъ и довольно взрослыхъ молодыхъ. Однако, можно указать слѣдующіе сроки для этого: въ Оренбургскомъ краѣ—въ первой половинѣ мая, въ южно-русскихъ степяхъ—въ первой трети этого мѣсяца, въ центральныхъ губерніяхъ—въ его послѣдней трети, въ Прибалтійскихъ—въ началѣ іюня, въ Лапландіи, вѣроятно, около половины послѣдняго мѣсяца. Когда дѣти подрастутъ и имъ станетъ труднѣе прятаться въ низкой травѣ, отецъ съ матерью переводятъ ихъ или въ долинки, гдѣ трава выше и гуще, или въ мѣста поросшія мелкимъ степнымъ кустарникомъ. Въ средней Россіи, гдѣ кроншнепы гнѣздятся въ моховыхъ и даже лѣсныхъ болотахъ, семьи этихъ птицъ, когда птенцы подрастутъ, перебираются на паровыя поля и потомъ на пашни. Старыя птицы не вылетаютъ отъ большихъ дѣтей навстрѣчу опасности и потому найти семьи кроншнеповъ въ это время крайне трудно. Молодые поднимаются на крылья приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія и одновременно съ этимъ выводки начинаютъ сходиться по нѣсколько мѣстѣ, образуя стайки, которыми и держатся до отлета. Смотря по мѣстности, эти стайки появляются съ половины іюня до начала іюля.

По всѣмъ своимъ привычкамъ и повадкамъ кроншнепъ настоящій куликъ; пребываніе въ открытыхъ степныхъ мѣстахъ, которыя для большого кроншнепа, какъ и для малаго, должны считаться кореннымъ мѣстопробываніемъ, сказалось на немъ только въ томъ, что онъ отлично бѣгаетъ. Вытянувъ шею и наклонивъ немного голову, съ удивительной быстротой скрывается онъ въ высокой травѣ, оставляя по себѣ въ видѣ слѣда волнующуюся полоску, и не менѣе полагается на быстроту своихъ ногъ, чѣмъ на быстрый полетъ. Какъ выше замѣчено, кроншнепы всегда селятся вблизи воды и любятъ подолгу оставаться на берегахъ прудовъ, озеръ или рѣкъ, какъ для отдыха, такъ и для купанья. С. Т. Аксаковъ описываетъ курьезный способъ, которымъ пьетъ кроншнепъ; но приводя это описаніе, я долженъ замѣтить, что многократно видѣлъ, какъ кроншнепъ пьетъ совершенно обыкновеннымъ образомъ, лишь быстро поднимая голову послѣ того какъ наберетъ воды въ клювъ. Вотъ слова Аксакова: „кроншнепъ, зачерпнувъ носомъ воды, проворно оборачиваетъ голову и носъ нижнею стороноюй кверху, чѣмъ и удерживаетъ въ немъ воду, какъ въ вогнутомъ сосудѣ; еще проворнѣе заворачиваетъ онъ назадъ голову и носъ, въ томъ же обращенномъ положеніи, поддѣвываетъ подъ ногу (для чего одну ногу подгибаетъ), потомъ быстро вытягиваетъ вверхъ голову и спускаетъ воду въ горло..... операція довольно мудреная, которую кроншнепъ выполняетъ очень ловко и легко“.—Голосъ кроншнепа весьма свое-

образенъ и хотя въ общемъ сходенъ у всѣхъ трехъ видовъ, однако въ частности различается настолько, что опытное ухо сразу различитъ какой кроншнепъ кричитъ. У большого кроншнепа голосъ хриплый и крикъ короткій, похожій на слоги *кир-ли*, откуда вѣроятно, звукоподражательно, произошло французское и англійское названіе кроншнепа; у малаго голосъ чистый и пронзительный, до нѣкоторой степени напоминающій звонъ колокольчика; у средняго крикъ похожъ на крикъ малаго, но голосъ гуще и не такъ протяженъ. Удивительно мелодично звенитъ этотъ крикъ надъ оголяющимися полями, вѣстникомъ наступившей весны, возбуждая въ охотникѣ дремавшія въ теченіе зимы желанія и надежды... Съ половины іюня или съ начала іюля собравшіеся въ стайки кроншнепы начинаютъ вести бродячую жизнь и въ степи къ ихъ обыкновенному корму въ это время примѣшиваются даже маленькія ящерицы и молодые водяные ужи. „Днемъ улетаютъ кроншнепа на кормежку въ степи и луга, — говоритъ Н. А. Зарудный въ своемъ описаніи ихъ образа жизни въ это время, — въ жаркіе часы являясь для водопоя на отмели рѣкъ и озеръ, на илистые обнаженные берега лимановъ и на другія мелкія воды. Тутъ они, утоливъ жажду, отдыхаютъ стоя на одной ногѣ или лежа на брюхѣ, или расхаживаютъ и ловятъ различныхъ водяныхъ насѣкомыхъ. Если ихъ здѣсь ничѣмъ не потревожатъ, они въ случаѣ кормности мѣста остаются на немъ иногда до утра. На Бишгъ-Кошшскіе соры и на мелководный соленый Менись-куль, точно также, какъ и на другія озера, прилетали на водопой и въ особенности на ночлегъ ственные кулики двухъ-трехъ-сотенными стаями ¹⁾. Гулъ, подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, слышался отъ ихъ сильнаго полета. Быстрыми кругами спускались огромные кулики, налетая одинъ на другого и задѣвая другъ друга своими длинными клювами и крыльями. Усѣвшись по мѣстамъ, они принимаются издавать глухіе, густые звуки до чрезвычайности разнообразныя по интонаціи. Голоса молодыхъ сразу выдаются своею хрипlostью, а, вообще говоря, никогда не отличаются звонкостью старыхъ. Послѣ выстрѣла они приходили въ невообразимый переполохъ: съ визгливыми криками, съ шумомъ и съ гамомъ поднимались, стучаясь одинъ объ другого, спотыкаясь, взлетая и падая обратно. То перегоняя другъ друга, то отставая, поднимаясь выше и спускаясь, метаясь изъ стороны въ сторону, они быстро улетали прочь, но вскорѣ, если дѣло происходило вечеромъ или ночью, являлись на старое мѣсто и доставляли намъ новую добычу. По десяти куликовъ убивали мы иной разъ на зарядъ. Въ продолженіе цѣлаго іюля кроншнепа, какъ молодые такъ и старики держатся въ кормныхъ мѣстностяхъ, такихъ, каковы вышеупомянутыя, и становятся необычайно жирны. Съ долинъ Плека и Урала стаи кроншнеповъ уже со второй трети іюля начинаютъ откочевывать на югъ, такъ что въ концѣ этого

1) Ничего подобнаго нѣтъ ни въ сѣверной, ни въ средней Россіи, гдѣ кроншнепы гнѣздятся въ далеко меньшемъ числѣ, чѣмъ въ степяхъ юго-восточной части страны.

мѣсяца они встрѣчаются тамъ несравненно рѣже. Въ это же время цѣлыми массами они наблюдаются по южнымъ соленнымъ озерамъ, какъ напр. Соръ-куль. Въ послѣднихъ числахъ юля 1883 г. на этомъ послѣднемъ мы нашли ихъ многими сотнями въ сообществѣ пѣганокъ, камнешарокъ, ходулочниковъ, песчанокъ и другихъ тишичныхъ представителей соленыхъ водъ.—Въ сѣверной половинѣ Россіи оба кроншнепа, и большой и средній, любятъ посѣщать въ концѣ лѣта пространства, поросшія голубицей. Относительно Прибалтійскихъ губерній Руссовъ указываетъ, что и гнѣздящійся тамъ большой кроншнепъ и пролетный средній особенно охотно держатся морского берега, гдѣ есть поросшія голубицей площади.

Намъ остается сказать о времени осеняго отлета и пролета кроншнеповъ.

Въ Петербургской губ. пролетъ длится со второй половины юля до конца августа, когда исчезаютъ послѣднія особи. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ пролетъ также наблюдается въ теченіе послѣдней трети юля и первой половины августа, но запоздавшія особи наблюдаются здѣсь еще въ сентябрѣ. Въ центральныхъ губерніяхъ кроншнепы мѣстами исчезаютъ уже въ половинѣ юля — мѣстные, откочевывающіе въ болѣе кормныя мѣста; пролетные же попадаютъ до половины августа, но въ небольшомъ числѣ, такъ что трудно составить ясное представленіе о пролетѣ у насъ этой птицы. Въ Харьковской губ. откочевавшія съ сѣвера птицы попадаютъ съ начала послѣдней трети юля; пролетъ молодыхъ бываетъ главнымъ образомъ въ послѣдней трети августа; тянется пролетъ иногда до половины сентября. На пролетѣ держатся то небольшими стайками, то болѣе значительными, штукъ до 40; одинокіе присоединяются къ стаямъ чибисовъ и вмѣстѣ съ ними бродятъ по болотамъ, берегамъ озеръ, по песчанымъ берегамъ рѣкъ, по степямъ, проѣзжимъ дорогамъ и на пахотѣ. Въ Крыму большіе кроншнепы держатся до октября, малые до половины этого мѣсяца. Впрочемъ, малый кроншнепъ повидимому вообще отлетаетъ позднѣе, такъ какъ и въ Харьковской губ. держится до конца сентября.

Переходя въ восточную Россію, мы видимъ, что въ Казанской губ. пролетъ происходитъ въ августѣ и первой трети сентября. Изъ Уфимской губерніи кроншнепы улетаютъ не позднѣе половины августа. Въ Оренбургской отлетъ начинается съ начала юля, достигаетъ наибольшей силы во второй половинѣ этого мѣсяца и въ началѣ августа и заканчивается не позднѣе первой трети сентября.

На Кавказѣ осенній пролетъ очень обилень подъ Батумомъ, начиная съ половины юля; наибольшей силы пролетъ достигаетъ въ серединѣ августа, а къ концу этого мѣсяца ослабѣваетъ, хотя отдѣльныя особи попадаютъ даже до послѣдней трети ноября. Въ августѣ, во время штормовъ и передъ ними, стонъ стоитъ по цѣлымъ ночамъ отъ крика кроншнеповъ, перелетъ которыхъ затихаетъ обыкновенно только передъ разсвѣтомъ. Къ сожалѣнію мы ничего не знаемъ о

пролетѣ кроншнеповъ вдоль Каспійскаго побережья Кавказа, гдѣ, подь Ленкоранью, эти птицы остаются въ небольшомъ числѣ зимовать, чего не наблюдается на Черноморскомъ берегу.

Зимою кроншнепы, собравшись въ небольшія стайки, охотно держатся по морскимъ берегамъ, съ замѣчательною правильностью являясь на обнажающихся съ отливомъ отмеляхъ. Первогоднія птицы не гнѣздятся и потому остаются въ мѣстахъ зимовокъ.

II.

Едва ли можно говорить, что въ средней Россіи существуетъ правильная охота за кроншнепами: птица слишкомъ рѣдка здѣсь для того, чтобы охотиться только за нею. Но именно рѣдкость и трудность добыванія кроншнепа дѣлаеть его у насъ завидной добычей во всякое время года.

Въ степяхъ дѣло другое: мѣстами кроншнепы тамъ настолько обыкновенны, что охотники дорожатъ ими только весной и осенью, когда эти птицы или очень рѣдки, или особенно вкусны, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ отъ охотника для своего добыванія много терпѣнія и ловкости.

С. Т. Аксаковъ настолько хорошо описалъ наиболѣе распространенные способы охоты за кроншнепами, что самое лучшее привести цѣликомъ его описаніе, дополнивъ тѣмъ, чего въ немъ не достаеть.

„Стрѣльба кроншнеповъ весьма различна и по своей добычливости, и по достоинству добычи: степные кулики весной, *пролетные*, еще не разбившіеся на пары, или, по крайней мѣрѣ, не начавшіе вить гнѣздъ, бываютъ довольно сыты, вкусны и, что всего важнѣе, рѣдки. Конечно, въ числѣ разной пролетной дичи слышишь и видишь пролетающія стаи кроншнеповъ, но за дальностью разстоянія стрѣлять ихъ невозможно. Потомъ начнешь встрѣчать ихъ изрѣдка, также вмѣстѣ съ другою дичью, по грязнымъ берегамъ прудовъ, весеннихъ лужъ и разлившихся рѣкъ; но подѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла бываетъ очень трудно; во-первыхъ, потому, что они сторожки, а во-вторыхъ, потому, что другая мелкая дичь, взлетывая безпрестанно отъ вашего приближенія, пугаетъ и увлекаетъ своимъ примѣромъ кроншнеповъ: подкрасться же изъ-за чего-нибудь, или даже подползти—невозможно потому, что мѣста почти всегда бываютъ открытыя и гладкія. Однимъ словомъ, весенній пролетный степной куликъ—дорогая добыча для охотника. Въ степи, на мѣстахъ своего постоянного жительства, они также сначала довольно сторожки. Конечно, они скоро дѣлаются смирнѣе, но уже разбившись на пары, принявшись за витье гнѣздъ и похуѣвъ съ невѣроятною скоростью. Въ послѣдствіи времени, когда кроншнепы сядутъ на яйца или выведутъ молодыхъ, можно добывать ихъ гораздо больше, а въ мѣстахъ нестрѣлянныхъ

не трудно убивать ихъ во множествѣ, но въ это время, еще болѣе пухдалые, сухіе и черствые на вкусъ, они потеряютъ свою цѣну, особенно степняки третьяго, малаго рода. Вся эта стрѣльба производится съ начала весны съ подъѣзда по сидячимъ и, всего чаще, по бѣгущимъ кроншнепамъ, а потомъ—въ летъ, когда, при первомъ появленіи охотника, кулики отъ гнѣздъ стануть налетать и виться около него“.

Охота эта въ общемъ далеко не такъ добычлива, какъ можно бы думать. Причина этого заключается какъ въ томъ, что кроншнепы послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ держатся довольно далеко отъ охотника, такъ и въ томъ, что трудно опредѣлить съ точностью то разстояніе, на которомъ находится птица. Кроншнепъ довольно крѣпокъ къ ружью, особенно большой, а потому, употребляя для стрѣльбы дробь мельче № 3, очень мало шансовъ убить птицу даже находящуюся въ предѣлахъ выстрѣла; употребляя же крупную дробь, труднѣе попасть въ добычу. Что же касается опредѣленія разстоянія, то отъ круговыхъ движеній кроншнепа, центромъ которыхъ служитъ охотникъ, при постоянномъ измѣненіи длины радіусовъ, описываемыхъ птицею круговъ и при неожиданно крутыхъ поворотахъ на лету, даже опытный глазъ утомляется и опредѣляетъ разстояніе совершенно невѣрно. Я считаю все-таки за лучшее не вертѣться слѣдомъ за летающимъ кроншнепомъ, а останавливаться на немъ глазами чрезъ извѣстные промежутки времени: и птица при этомъ летаетъ ровнѣе, и легче опредѣлить разстояніе по общему впечатлѣнію, производимому ея размѣрами. Дробь во всякомъ случаѣ слѣдуетъ употреблять самыхъ крупныхъ №№, и тогда при достаточномъ хладнокровіи можно почти навѣрное разсчитывать на удачу.

Собака при такой охотѣ на мой взглядъ скорѣе вредна, чѣмъ полезна: если кроншнеповъ много, въ такомъ случаѣ они выются и надъ собакой, и надъ охотникомъ, и послѣдній скорѣе лишается необходимаго хладнокровія; если же ихъ мало и они стануть виться надъ собакой, отводя ее отъ гнѣзда, стрѣлять не приходится изъ опасенія задѣть собаку.

„Когда молодые кроншнепы поднимутся и начнутъ летать выводками, по полямъ, продолжаетъ Аксаковъ, а потомъ и стаями по берегамъ прудовъ или озеръ,—стрѣльба ихъ получаетъ опять высокую цѣну, потому что ихъ трудно отыскивать и еще труднѣе подъѣзжать къ нимъ, ибо они бывають очень сторожки и послѣ перваго выстрѣла улетають на другія, отдаленныя мѣста. Къ отлету своему старые кроншнепы до того разжирѣють, что вся хлупъ покрывается саломъ, даже молодые бывають довольно жирны. Вотъ пора, въ которую дорого и лестно добыванье кроншнеповъ; но, къ сожалѣнію, добыча бываетъ незначительна и случайна; собственно охоты за кроншнепами въ это время уже нѣтъ. Если и наткнешься какъ-нибудь нечаянно, объѣзжая берега пруда, озера или рѣчного плеса, на большую станицу степныхъ куликовъ, то хорошо, если удастся и одинъ разъ

въ нихъ выстрѣлить; надобно, чтобы мѣста были очень обширны и привольны и чтобы стая кроншнеповъ пересѣла на другой берегъ или другое мѣсто послѣ вашего выстрѣла, а не улетѣла совсѣмъ. Вышибить изъ стаи однимъ или двумя выстрѣлами нѣсколько штукъ— можно только въ томъ случаѣ, если мѣстность позволитъ подкрасться изъ-за чего-нибудь къ бродящей стаѣ, или если она налетитъ на охотника, который имѣлъ возможность пританься въ кусту, въ рывинѣ, въ овражкѣ, въ камышѣ, или просто на землѣ; но для этого нужно, чтобы охотникъ зналъ заранѣе, когда прилетаютъ кроншнепы и на какомъ любимомъ мѣстѣ садятся, чтобы онъ дождался ихъ, или увидѣлъ, по крайней мѣрѣ, издали летящую стаю. У меня былъ въ сосѣдствѣ, верстахъ въ двадцати, такой прудъ, на который кроншнепы прилетали передъ своимъ отлетомъ осенью, ежедневно въ полдень; этотъ прилетъ повторялся постоянно каждый годъ въ психодѣ іюля или въ началѣ августа, и продолжался недѣли двѣ. По счастью именно вдоль того самого берега, плоскаго и открытаго, на который обыкновенно садилась вся стая, тянулся старый, полусгнившій плетень, нѣкогда окружавшій коноплянникъ, болѣе десяти лѣтъ оставленный; плетень обросталъ всегда высокою травой и мнѣ ловко было въ ней прятаться. Около полдня садился я въ свое скрытое убѣжище и ожидалъ прилета кроншнеповъ. Плавно и беззаботно налетала на меня огромнѣйшая станица степныхъ куликовъ всѣхъ трехъ породъ; не только шумъ,—вѣтеръ слышалъ я отъ ихъ тяжелаго полета; надо мною неслась темная туча, вся составленная изъ длинныхъ крыльевъ, ногъ, шей и кривыхъ носовъ... Въ первый разъ я такъ оторопѣлъ, что пропустилъ стаю, и выстрѣлили уже въ догонку въ одного отставашаго кулика и поранилъ его въ крыло. Впослѣдствіи я былъ спокоинѣе и цѣлилъ или въ самого большого кроншнепа, или въ то мѣсто, гдѣ гуще слеталась стая, не подпуская ее къ себѣ слишкомъ близко, или пропуская; выстрѣлить слишкомъ въ близкомъ разстояніи — значитъ убить и нерѣдко разорвать только одного кулика. Иногда я допускалъ ихъ садиться и стрѣлялъ по сидячимъ, и мнѣ случалось вышибать однимъ зарядомъ по три и по четыре кроншнепа. Испуганная стая, взволновавшись, съ шумомъ улетала, но, сдѣлавъ кругъ и не видя нигдѣ присутствія человѣка, возвращалась назадъ и нерѣдко вновь опускалась на прежнее мѣсто, единственно потому, что я не выходилъ изъ своего убѣжища *и не подбиралъ* убитыхъ или подстрѣленныхъ кроншнеповъ; послѣднее обстоятельство очень важно, потому что къ раненой птицѣ почти всегда опустится стая. Вторичный выстрѣлъ доставлялъ мнѣ новую добычу, и кроншнепы улетали окончательно до слѣдующаго дня. Впрочемъ, я никогда не пріѣзжалъ два дня сряду, а всегда черезъ день или два, и всегда находилъ ихъ до самаго отлета, который никогда не случался позже 17 августа“.

Совѣтуютъ охотиться за кроншнепами, пользуясь естественнымъ или искусственнымъ прикрытіемъ, и весною, похоже на то, какъ охотятся за дрофами, т.-е. двигая передъ собою елочки, которыя совер-

шенно скрываютъ охотника. Однако, на болотѣ или даже на лугу, размокшемъ отъ таящаго снѣга, передвигаться съ такимъ прикрытіемъ крайне неудобно, и къ тому же при такой охотѣ, какъ и при всякой другой охотѣ изъ засады, утрачивается значительная часть доставляемаго ею удовольствія.

Промышленники добываютъ кроншнеповъ, подзывая на свистъ, но эта птица нигдѣ не можетъ считаться имѣющимъ значеніе предметомъ промысла, хотя по величинѣ и вкусу занимаетъ видное мѣсто среди дичи. Любопытно, что кроншнепы, гнѣздящіеся въ степяхъ, гораздо крупнѣе сѣверныхъ особей того же вида, что особенно замѣчается на большомъ кроншнепѣ. Благодаря этому осеннихъ пролетныхъ съ сѣвера можно узнать даже съ перваго взгляда по ихъ общей величинѣ и отчасти по размѣрамъ клюва.

40. Куликъ-сорока.

Naematopus ostralegus, Briss.

Табл. 42.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 331.

Болѣе распростран. названія: *куликъ-сорока, кривокъ.*

Мѣстныя названія: *морская сорока, кривокъ, кривецъ* (Петербург. губ. и у поморовъ); *клипъ* (Вятск. губ.); *большой тытушокъ* (Пермск. губ.); *пестрый, камекій куликъ* (Златоустъ); *морская сорока*, у линейцевъ — *рычной, тый куликъ* (Оренбург. губ.); *сорочий, сорока, сорочана, камекій куликъ* (Поволжье); *морской кривокъ, красноногий куликъ* (Астрах.); *кривокъ, морская сорока* (Сарпа); *кривокъ* (Харьковъ); *дикая курица* (на Каспій).

Польск.—*ostrzygojad, o. ezerwononogi, srokaty*.—Финск.—*rantaharraka*, въ Русск. Лапл.—*kivi-pivi*.—Лапл.—*sagan, tsagan*.—Эст.—*mere arakas, mere litis*.—Тат.—*су-таукъ*, въ Сибири—*тильбисъ*.—Вогул. и остяк.—*калекъ, у Нарыма—каль-и*.

Куликъ-сорока распространень у насъ какъ по морскому побережью, такъ и по рѣкамъ, вслѣдствіе чего проникаетъ въ глубь страны и вовсе не является такой исключительно приморской птицей, какъ въ западной Европѣ. Можно принять три области распространенія кулика-сороки въ Европ. Россіи.

Первая обнимаетъ собою береговую полосу Кольскаго полуострова и побережье Бѣлаго моря съ прилежащими островами на востокъ до Архангельска; затѣмъ, всю береговую зону Финляндіи и Прибалтійскаго края. Здѣсь куликъ-сорока почти не заходитъ внутрь страны и является такимъ же приморскимъ жителемъ, какъ въ западной Европѣ, что совершенно просто объясняется тѣмъ, что побережья Кольскаго полуострова, Финляндіи и Прибалтійскаго края прямо переходятъ въ Атлантическое побережье западной Европы. Вторую область составляетъ побережье Чернаго и Азовскаго морей и впадающія въ эти моря рѣки въ ихъ нижнемъ и отчасти среднемъ теченіи. Здѣсь куликъ-сорока является приморско-рѣчною птицею, т. к. гнѣздится по Днѣпру вверхъ до Кіева, по Дону до Битюга и быть можетъ даже по болѣе мелкимъ рѣкамъ Днѣпровскаго и Донскаго бассейновъ. На-

конецъ, третья область преимущественно рѣчная, такъ какъ охватываетъ бассейны Волги, Камы и Урала и лишь часть побережья Каспійскаго моря. Распространеніе кулика-сороки здѣсь очень широко и птица гнѣздится не только по большимъ рѣкамъ, но даже по ихъ незначительнымъ притокамъ.

По Волгѣ куликъ-сорока распространенъ до Тверской губ., откуда проникаетъ и въ Вологодскую; по Камѣ съ ея притоками, Бѣлой и Вяткой, птица мѣстами вовсе нерѣдка и проникла отсюда даже на Печору, гдѣ идетъ вереть на 20 сѣвернѣе полярнаго круга, но не встрѣчается въ дельтѣ рѣки. Съ Камы, Волги и Урала куликъ-сорока распространился также по озерамъ восточной части Пермской губ. Изъ правыхъ притоковъ Волги куликъ-сорока болѣе обыкновененъ на Окѣ. Кромѣ того, какъ бродячая птица, куликъ-сорока встрѣчается въ Польшѣ и въ меньшемъ количествѣ въ центральной Россіи. Въ небольшомъ числѣ гнѣздится на Кавказѣ, въ подходящихъ мѣстахъ Каспійскаго и Черноморскаго побережій и кой-гдѣ внутри страны, наприм. на Гокчайскомъ озерѣ.

Прилетъ куликовъ-сорокъ происходитъ рано. На южныхъ окраинахъ страны они появляются уже во второй половинѣ марта. Въ Прибалтійскомъ краѣ и Петербургской губ. пролетаютъ въ апрѣлѣ и маѣ, изъ чего можно заключить, что здѣсь пролетаютъ, хотя отчасти, особи, гнѣздящіяся около Бѣлаго моря. По Днѣпру и Дону кулики-сороки занимаютъ свои гнѣздовые мѣста не позднѣе начала апрѣля. Въ восточной области гнѣздовья время весенняго пролета кулика-сороки опредѣляется слѣдующими данными: первые одиночные экземпляры подъ Оренбургомъ показываются иногда уже въ самыхъ послѣднихъ числахъ второй трети марта; валовой пролетъ иногда уже въ концѣ этого мѣсяца, чаще въ первой трети апрѣля. Въ Уфимской губ. первые кулики этого вида появляются около конца марта и вѣроятно заканчивается пролетъ ихъ не позднѣе половины апрѣля. Въ апрѣлѣ же прилетаютъ кулики-сороки въ Вятскую губ.

Что касается осенняго отлета, то въ Казанской губ. пролетъ начинается съ начала августа и длится до сентября. Въ Оренбургской губ. движеніе описываемой птицы на югъ наблюдается съ послѣднихъ чиселъ второй трети іюля, и въ послѣдней трети этого мѣсяца и въ первой половинѣ августа пролетаетъ главная масса куликовъ-сорокъ; заканчивается пролетъ въ концѣ сентября или началѣ октября. Относительно Черноморской области свѣдѣній о времени осенняго пролета кулика-сороки нѣтъ. Въ Петербургской губ. осенній пролетъ длится съ начала августа до начала сентября. Въ Прибалтійскомъ краѣ осенью описываемый куликъ пролетаетъ въ сентябрѣ.

На Кольскій полуостровъ куликъ-сорока вѣроятно прилетаетъ весною Норвежскимъ побережьемъ, поздно вслѣдствіе длины пролетнаго пути, чѣмъ можно объяснить и позднее гнѣздованье здѣсь птицы. Осеннее движеніе должно идти въ обратномъ направленіи, т.-е. съ востока на западъ.

41. Шилоклювка.

Himantopus avocetta, Bris.

Табл. 43.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 337.

Болѣе распротр. названіе: *шилоклювка*.

Мѣстныя названія: *морской куликъ* (на Каспій); *чеботарь* (Астраханск.).
Польск.—*szablodziob*.—Киргиз.—*кара-ала-калке*, иногда *ала-киикъ*.

Шилоклювка принадлежитъ морскому побережью, берегамъ соленыхъ озеръ, соленымъ грязямъ, и уже поэтому не можетъ быть у насъ широко распространенною птицею. И дѣйствительно, она водится только по берегамъ Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей, заходя къ сѣверу отсюда лишь настолько, насколько это позволяетъ распространеніе перечисленныхъ станцій.

Что касается Каспійскаго бассейна, то по Эмбѣ шилоклювка поднимается къ сѣверу до устья Аты-Джаксы. Въ области р. Урала рѣдка по нижнему теченію р. Плека и по Кара-Хобдѣ, въ большемъ числѣ гнѣздится на берегахъ Тузь-куля, довольно постоянно встрѣчается на Менись-кулѣ и очень часто на Соръ-кулѣ. Пзрѣдка залетаетъ до Оренбурга. Западнѣе еще встрѣчается на озерахъ въ верховьяхъ р. Утвы. Между Ураломъ и Волгою еще нерѣдка по болотистымъ заливамъ Камыши-Самарскихъ озеръ. На Сарпѣ не многочисленна, но гнѣздится по соленымъ озерамъ. Къ сѣверу залетаетъ до Симбирской губ.—Переходя въ бассейнъ Чернаго моря, надо сказать, что шилоклювка обыкновенна по соленымъ озерамъ степной части Крыма и вообще всего сѣвернаго побережья моря, но какъ далеко она проникаетъ отсюда въ качествѣ гнѣздящейся птицы внутрь страны, мы не знаемъ. Какъ залетная извѣстна для Харьковской (здѣсь, впрочемъ, можетъ быть гнѣздится), Кіевской, Подольской, Тульской, Московской, для Польши и для Прибалтійскаго края. На Кавказѣ шилоклювка распространена очень широко, во множествѣ встрѣчаясь по морскимъ берегамъ, всюду, гдѣ есть подходящія мѣста. Найдена и на озерахъ степной части сѣвернаго Кавказа и въ Закавказьѣ, гдѣ по рѣкамъ заходитъ, опять-таки смотря по мѣстности, далеко въ глубь страны. Встрѣчается и на Гокчайскомъ озерѣ. Подъ Ленкоранью шилоклювка въ небольшомъ количествѣ зимуетъ, но въ другихъ мѣстахъ Россіи на зиму не остается.

42. Ходулочникъ.

Himantopus melanopterus, Meyer.

Табл. 44.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 340.

Болѣе распростр. названіе: *ходулочникъ*.

Мѣстныя названія: *морской, домоной куликъ* (на Каспійск. м.); *пожарный* (подъ Астраханью); *солдатка* (въ Закавказь).

Польск.—*szczydłak szarnoskrzydły cienkopióg*. —Калмыц. — *юхо*. —Киргиз. — *улькунъ-аякъ-баль-джикши*.

Распространеніе этого вида очень близко къ тому, что намъ извѣстно относительно шилоклювки, но ходулочникъ не въ такой степени держится чистой соленой воды и чаще встрѣчается по лиманамъ лишь съ солоноватою водою.

Начиная съ восточной Россіи, мы видимъ, что въ области р. Урала ходулочникъ гнѣздится къ сѣверу быть-можетъ до верховьевъ р. Утвы и залетаетъ къ сѣверу до Оренбурга и Орска. Въ Астраханской губ. обыкновененъ по озерамъ Киргизскихъ степей, но нѣсколько рѣже встрѣчается въ дельтѣ Волги. Однако по долинтѣ этой рѣки на гнѣздовья идетъ до Сарепты, гдѣ все еще довольно обыкновененъ, и отсюда отъ времени до времени заходитъ къ Камышину и даже до Сызрани. Гнѣздится также по всему побережью Чернаго моря, залетая отсюда въ губ. Кіевскую, Харьковскую и Воронежскую. На Кавказѣ ходулочникъ весьма обыкновененъ не только по берегу Чернаго и Каспійскаго морей, но также по Кубани, Кумѣ, Тереку и по степнымъ озерамъ какъ сѣвернаго Кавказа, такъ и Закавказья.

Подъ Батумомъ весенній пролетъ этой птицы очень обилень, начинается въ первыхъ числахъ апрѣля и тянется до второй трети мая. Осенній пролетъ значительно бѣднѣе и наблюдался въ послѣднихъ числахъ іюля. Однако, несомнѣнно, онъ гораздо продолжительнѣе, такъ какъ въ первыхъ числахъ послѣдней трети іюля въ Оренбургскомъ краѣ наблюдаются и перелетывающіе молодые и еще пуховые птенцы. На Каспійскомъ побережьѣ ходулочникъ зимуетъ, начиная съ Баку и далѣе къ югу.

43. Тиркушка луговая.

Glareola pratincola, L.

Табл. 45

и

44. Тиркушка степная.

Glareola melanoptera, Nordm.

Табл. 46.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 344.

Болѣе распростр. названія: *тиркушка, луговая ласточка, красноустикъ.*

Мѣстныя названія: *тиркушка, луговая ласточки, степная ласточка, степной стрижеъ, чернобровка* (въ южной и восточной Россіи и юго-западной Сибиріи); *степная мартышка, степной куличекъ, морекая ласточка* (Оренбургск. кр.); *нора подбивать* (?) (на Саргѣ); *трицикъ, стриженъ* (малоросс.); *красноустикъ* (Сам. губ.); *деригвостъ* (въ западной части Херсонской губ.); *кирикъ, киризъ* (въ Херсонск. у.).

Польск.—*żwirowiec obrożny*.—Киргиз. *чикитокъ-бакъ*.

Что касается географическаго распространенія тиркушекъ, то я позволю себѣ привести съ дополненіями и измѣненіями то, что писалъ объ этомъ пять лѣтъ тому назадъ:

„Распространеніе у насъ луговой тиркушки не обширно. Начиная отъ Дуная, она является преобладающею формою изъ двухъ описываемыхъ видовъ на востокъ до степной полосы, лежащей между Днѣстромъ и Бугомъ, а на востокъ отсюда является спорадичной и рѣдкою, такъ что въ большей части южной и во всей юго-восточной Россіи количество луговой тиркушки буквально ничтожно сравнительно съ количествомъ степной“. Однако находженіе А. П. Семеновымъ луговой тиркушки въ Рязанской губ. дѣлаетъ вѣроятнымъ, что этотъ видъ изрѣдка и спорадично гнѣздится даже въ южной части средней

Россіи¹⁾. „Еще далѣе въ Туркестанскомъ и Закаспійскомъ краѣ луговая тиркушка становится опять обыкновенной.

„Что касается степной тиркушки, то она является однимъ изъ типичныхъ представителей фауны черноземной полосы. Хотя въ Добруджѣ она встрѣчается вмѣстѣ съ луговой тиркушкой, но съ переходомъ за Бугъ является страшно преобладающей въ числѣ, сравнительно со своимъ собратомъ, и положительно наводняетъ собою наши степи, случайно появляясь къ юго-востоку до Инда. Сообщу нѣкоторыя подробности о распространеніи этого столь характернаго для нашихъ степей вида. По свидѣтельству А. А. Браунера, въ восточной части Херсонской губ. встрѣчается только степная тиркушка. Свѣдѣнія о тиркушкахъ Крыма неясны; но тотъ же Браунеръ нашелъ въ степяхъ Крыма гнѣздящуюся только степную. По Кесслеру, она находится лѣтомъ во множествѣ въ степныхъ мѣстахъ Полтавской губ., особенно въ уѣздахъ Хорольскомъ, Константиноградскомъ и Роменскомъ, также въ Конотопскомъ у. Черниговской губ., по-одиночкѣ встрѣчается на Бѣлоцерковскихъ степяхъ Кіевской губ., а осенью иногда и въ окрестностяхъ самого Кіева. Въ началѣ августа 1851 года несмѣтное количество степныхъ тиркушекъ, многія сотни тысячъ, покрыли поля кругомъ Кіева, но оставались тутъ лишь нѣсколько дней и потомъ опять исчезли. Вѣроятно, этотъ видъ случайно залетаетъ въ Польшу. Обыкновенная гнѣздящаяся птица Харьковской губ., сравнительно рѣдкая въ Воронежской, но въ средней Россіи поднимается къ сѣверу до Спасскаго у. Рязанской губ. По правую сторону Волги степная тиркушка поднимается къ сѣверу до южной части Самарской луки, но съ переходомъ на востокъ за Волгу сѣверный предѣлъ распространения этой птицы нужно подвинуть почти до границъ юго-восточной части Казанской губ. и до Камы и Бѣлой въ Уфимской губ. Въ Астраханскихъ степяхъ это обыкновенная птица. Въ бассейнѣ р. Урала Сѣверцовъ наблюдалъ только этотъ видъ. По словамъ Н. А. Заруднаго, очень обыкновенная птица Оренбургскаго края. Въ наибольшемъ количествѣ попадаетъ въ степяхъ и степныхъ дугахъ по Плеку, Хобдѣ и Утвѣ. Вверхъ отъ Плецкаго городка по Уралу она встрѣчается далеко рѣже, становясь въ окрестностяхъ Орска снова обыкновенною птицей. Вверхъ отъ Орска степная тиркушка идетъ до Верхнеуральска, встрѣчаясь очень часто только до Спасской. Около Троицка принадлежитъ къ обыкновеннымъ птицамъ. Что касается Кавказа, то здѣсь степная тиркушка довольно обыкновенна въ Ставропольской губ. На пролетѣ будто бы пролетаетъ подъ Тифлисомъ и черезъ Гокчайское озеро, но не бываетъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ пролетаетъ луговая тиркушка.“ Подъ Батумомъ

¹⁾ Возможно, впрочемъ, что въ странѣ, гдѣ гнѣзятся оба вида тиркушекъ, между ними существуетъ такое же отношеніе, какъ между кобчикомъ и степной пустельгой, т.е. въ разные годы въ одной и той же мѣстности преобладающимъ является то тотъ, то другой.

луговая тиркушка очень обыкновенна на весеннемъ пролетѣ и рѣже встрѣчается на осеннемъ, тогда какъ степная наблюдается здѣсь въ значительномъ количествѣ только на осеннемъ пролетѣ.

Тиркушка представляетъ собою настоящую степную птицу, которая селится въ степи, степеобразныхъ долинахъ рѣкъ, на солонцеватыхъ луговинахъ и въ другихъ открытыхъ мѣстахъ, каковы, наприм., полосы проса, льна, кукурузы и баштаны. При этомъ предпочтеніе всегда отдается такимъ мѣстамъ, гдѣ имѣются пруды и озерки, такъ какъ хотя тиркушки не поселяются въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ водою, тѣмъ не менѣе нуждаются въ ней для питья и правильно прилетаютъ въ полдень на водопой. Холмистый характеръ мѣстности нисколько не мѣшаетъ тиркушкамъ, но присутствіе кустарныхъ зарослей всегда избѣгается ими. Ненапуганныя птицы не боятся присутствія человѣка и ихъ всегда можно встрѣтить на вытоптанныхъ скотомъ выгонахъ, по широкимъ степнымъ дорогамъ и т. д.

Въ Херсонской губ. тиркушки прилетаютъ съ конца марта до половины апрѣля; въ мартѣ же, но чаще въ апрѣлѣ, онѣ прилетаютъ въ степи сѣвернаго Кавказа, съ середины первой трети апрѣля и до конца второй наблюдается прилетъ тиркушекъ въ Харьковской губ., но подъ Оренбургомъ эти птички появляются гораздо позднѣе—не ранѣе послѣднихъ чиселъ апрѣля, и обыкновенно даже въ первыхъ числахъ мая. На пролетѣ чаще держатся стайками въ 10—30 штукъ, иногда сотенными стаями. Летятъ днемъ, безъ особеннаго порядка, издавая постоянно свой характерный крикъ, при этомъ, по словамъ Н. А. Заруднаго, „хлопаютъ крыльями и по временамъ, широко раздвинувъ ихъ и не двигая ими, ровно и спокойно плывутъ въ воздухѣ. Также сильно сгибаютъ шейку, которая оттопыривается снизу бросающимся въ глаза горбикомъ. Въ разные часы дня онѣ спускаются тѣмъ же парящимъ полетомъ на кормежки и водопой. Ночуютъ чаще всего на сухой степи и передъ сномъ выбѣгаютъ на дороги, гдѣ ловятъ различныхъ насѣкомыхъ, выходящихъ сюда изъ травы.—Въ очень жаркіе дни тиркушки проводятъ полдень у воды. Высота, на которой летятъ эти птички, находится въ прямой зависимости отъ того, сыты онѣ или нѣтъ; чѣмъ голоднѣе онѣ, тѣмъ ниже летятъ, такъ какъ тутъ больше добычи, и наоборотъ. Нѣкоторыя стаи поднимаются такъ высоко, что совершенно ускользаютъ отъ глаза“.

Возвратившись на родину, тиркушки занимаютъ свои гнѣздовыя мѣста и поселяются въ нихъ колоніями, хотя гнѣзда никогда не располагаются въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Такъ какъ у пролетныхъ самочекъ часто можно найти совершенно готовыя къ снесенію яйца, то очевидно, что спариваніе происходитъ еще на пролетѣ. Гнѣздо устраивается передъ кладкой перваго яйца, для чего птичка вырываетъ лапками плоскую ямочку и иногда слегка выстилаетъ ее сухими былинками. Кладка яицъ начинается съ начала мая какъ въ Херсонской, такъ и въ Харьковской губ.; въ Оренбургской кладка вмѣстѣ съ болѣе позднимъ прилетомъ также запаздываетъ:

такимъ образомъ въ Харьковской губ. птенцы вылупляются съ середины мая и до конца этого мѣсяца, въ Оренбургской—большую частію въ началѣ іюня. Число яицъ полной кладки 4 или 5. Они овальной формы, при чемъ одинъ конецъ лишь едва острѣе другого, и одѣты матовой, нѣжной скорлупой. Основной фонъ то болѣе желтоватый, то болѣе красноватый. По этому фону густо разбросаны небольшія пятна двоякаго рода: глубокія свѣтло-сѣро-фіолетовыя и поверхностныя цвѣта темной сепи. Длина яицъ колеблется отъ 1,35 до 1,1 д., поперечникъ отъ 1 д. до 0,9 д. Вотъ что говоритъ г. Браунеръ объ образѣ жизни тиркушекъ въ это время: „Такъ какъ кладка яицъ происходитъ въ началѣ мая, а высидываніе бываетъ въ половинѣ этого мѣсяца, т.-е. уже въ жаркое время, при чемъ яйца лежатъ почти на голой землѣ (вдобавокъ и черноземной), то тиркушки не слишкомъ много сидятъ на яйцахъ въ теченіе дня, особенно въ жару. Около полудня одна за одной летятъ эти птицы къ пруду. „Кирліікъ“, „кирліікъ“!—раздается отрывистый, гармоничный ихъ крикъ и, согнувъ крылья, тиркушки тихо начинаютъ спускаться съ вышины; вдругъ пронеслись надъ прудомъ, сдѣлали нѣсколько поворотовъ и сѣли у самой воды. Помахивая своимъ виллообразнымъ хвостомъ, онѣ опускаютъ клювы въ воду и за каждымъ глоткомъ, какъ куры, откидываютъ головки назадъ. Нѣкоторыя залѣзли въ прудъ и купаются. Снова налетѣло нѣсколько штукъ и садятся рядомъ съ первыми, тѣснятъ ихъ и никакъ не умѣстятся, точно на этомъ только мѣстѣ и могутъ напиться. Утолившія жажду тихо слетѣли и низко полетѣли надъ землей“. По словамъ Н. А. Заруднаго, „тиркушки усердно сидятъ на яйцахъ только вечеромъ, ночью и утромъ, день же цѣлыми часами проводятъ на охотѣ въ окрестностяхъ гнѣздовья и даже улетаютъ въ жаркое время на водопой, оставляя у гнѣздъ нѣсколькихъ птицъ въ качествѣ сторожей, которыхъ затѣмъ смѣняютъ. На всякую хищную птицу, попавшуюся вблизи поселенія, тиркушки бросаются съ громкими криками цѣлою толпой и гонятъ ее далеко за его предѣлы. При появленіи человѣка онѣ хлопчутъ отвести его: съ криками летаютъ вокругъ, съ криками бѣгаютъ около, спотыкаясь на каждомъ шагу, ложатся на брюхо, безпомощно хлопаютъ крыльями по землѣ, нѣкоторыя буквально ползутъ, волоча за собой крылья; другія стараются показать, что не могутъ подняться на воздухъ, подпрыгиваютъ, взлетаютъ и снова падаютъ на ноги; третьи садятся прямо на землю и дѣлаютъ видъ, что насидываютъ яйца. Всѣми этими эволюціями птицы рѣшительно сбиваютъ съ толку человѣка и, если съ нимъ нѣтъ хорошо дрессированной для зоологическихъ цѣлей собаки, онъ только съ большимъ трудомъ можетъ найти гнѣзда. Жесточайшихъ враговъ тиркушка имѣетъ въ лицѣ волка и свирѣпаго степного разбойника—корсака. Тиркушки плохо видятъ ночью и не только не могутъ отвести ихъ прочь, но даже сами дѣлаются ихъ жертвами. Много разъ на ночныхъ стоянкахъ въ степи я слыхалъ сначала вой волка и лай корсака, вышедшихъ на промыселъ, а потомъ черезъ нѣсколько времени боязливые крики

испуганныхъ непрощеннымъ посѣщеніемъ тиркушекъ. На водопоѣ онѣ не только утоляютъ жажду, но и купаются, хлопая по водѣ крыльями и подергивая изъ стороны въ сторону своими хвостиками“.

Птенцы начинаютъ порхать недѣли черезъ двѣ-три по выводѣ, и какъ въ періодъ ихъ выкармливанія, такъ и позднѣе тиркушки отличаются особенною дѣятельностью. Несмотря на свои небольшие размѣры, кормятся эти птички крупными насѣкомыми: саранчой, кузнечиками, навозными и другими жуками, и такъ какъ въ степи къ концу лѣта кормъ сокращается, тиркушки стадаются, образуя иногда стаи до 5.000 особей, при чемъ каждая стая выбираетъ мѣстомъ своего жительства степи около озеръ и другихъ водоемовъ, гдѣ могутъ найти болѣе обильную добычу. Во время этой кочевой жизни съ особенной ясностью сказывается чисто-внѣшнее, біологическое сходство тиркушекъ съ крачками: весь тонкій складъ тѣла, вильчатый хвостъ, длинныя, острия крылья, даже манера летать удивительно напоминаютъ собою крачекъ вообще и черную или бѣлокрылую въ частности. Съ другой стороны, тиркушки часто охотятся, летая надъ самою землею и рѣя, подобно ласточкамъ.

А. А. Браунеръ даетъ слѣдующее вѣрное описаніе образа жизни тиркушекъ въ Херсонскихъ степяхъ въ концѣ лѣта: „Въ началѣ августа прилетаютъ въ наши степи громадныя табуны тиркушъ; они располагаются на большихъ пастбищахъ (толокахъ); особенно ихъ много держится на толокахъ у рѣки или большихъ прудовъ. Большая стая (изъ нѣсколькихъ тысячъ штукъ) разсыпается по толокѣ въ поискахъ за пищей: нныя бѣгаютъ, другія подлетываютъ стайкой и снова разбѣгаются, а нѣкоторыя спокойно сидятъ.—Онѣ вообще смиренны; не напуганныя подпускаютъ къ себѣ очень близко, особенно при подъѣздѣ къ нимъ на повозкѣ. Если же къ ихъ табуны примѣшались ржанки (*Charadrius morinellus*), то онѣ гораздо осторожнѣе, такъ какъ срываются вслѣдъ за ржанками. Когда же между ними находятся пшголицы (*Vanellus cristatus*), то тиркуши дѣлаются еще болѣе сторожкими; чуть съ крикомъ сорвется пшголица, какъ ужъ мгновенно поднимается весь табунъ. Вообще тиркуши совершенно подчиняются пшголицамъ и любятъ держаться вмѣстѣ съ ними. Рано утромъ и особенно подъ вечеръ стаи тиркушъ отправляются на скошенные поля и сѣнокосы. Разбросавшись на версту и болѣе, летитъ громадный табунъ въ разсыпную: тиркуши то стелются надъ самою землею, оборачиваются, то взлетаютъ наверхъ, вскидываются и снова летятъ въ прямомъ направленіи. По всей степи раздаются ихъ мелодичныя крики: „киргикъ“, „киргикъ!“ Наступили сумерки, а летъ все продолжается. Уже стемнѣло. Приляжешь, бывало, къ землѣ и видишь, какъ на свѣтломъ фонѣ неба, у самой земли, летятъ тиркуши и ловятъ насѣкомыхъ. Вообще онѣ охотнѣе всего кормятся по утрамъ и вечерамъ, а въ полдень любятъ быть около воды, вблизи которой и остаются на отдыхъ. Часто, напившись воды, онѣ слетаютъ цѣлою стайей и начинаютъ описывать круги, поднимаясь все выше и выше и медленно

отлетая отъ своего привала. За нѣсколько верстъ видны эти кружащіяся столбы“. Дополненіемъ къ этому очерку можетъ служить слѣдующее описаніе повадокъ тиркушъ у водооя, составленное г. Шершеневичемъ: „Живя подъ-рядъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ вакацій въ нѣмецкой колоніи, въ 20 верстахъ отъ Одессы,—говоритъ онъ,—возлѣ двухъ громаднѣйшихъ выгоновъ, о величинѣ которыхъ въ средней Россіи не могутъ имѣть и понятія, и которые возможны только въ нашихъ необозримыхъ степяхъ, я очень часто охотился за дерихвостами (тиркушами), которые тамъ, безъ всякаго преувеличенія, толклись цѣлыми десятками тысячъ. Я обыкновенно располагалъ свою охоту такъ, чтобы къ полудню добраться до небольшого пруда, лежащаго въ маленькой балочкѣ на другомъ концѣ выгона. Прийдя къ пруду и напившись, я садился отдохнуть, ожидая дерихвостовъ. Вотъ прилетѣлъ одинъ, быстро напился и сѣлъ недалеко отъ воды, за нимъ другой, третій и вскорѣ цѣлыя массы птицъ отовсюду начинаютъ слетаться, наполняя воздухъ своимъ крикомъ. Каждый прилетаетъ какъ будто совершенно самостоятельно и только общее каждому желаніе напиться заставляеть ихъ собираться въ одномъ мѣстѣ; по крайней мѣрѣ той дружной солидарности, которая существуетъ въ стадахъ другихъ птицъ, я здѣсь не замѣчалъ. Рѣдко которые садятся у воды, при чемъ обыкновенно купаются, большинство же пьетъ, зачерпывая воду на лету, и оттого возлѣ васъ, если вы смиренно сидите, образуется цѣлое вавилонское столпотвореніе: массы птицъ перелетаютъ черезъ голову, шныряютъ у ногъ, толкутся на берегу, не обращая никакого вниманія на васъ, такъ что отъ этого постоянного мельканія по воздуху тысячъ птицъ у васъ начинается кружиться голова. Каждый напившійся смиренно садится недалеко отъ пруда и, приблизительно черезъ полчаса, когда всѣ, повидимому, утолили жажду, окрестности пруда чернѣютъ отъ птицъ. Тогда начинается отлетъ... Посидѣвъ тихо нѣсколько минутъ, часть птицъ вдругъ съ крикомъ срывается и, отлетѣвъ нѣсколько сотъ шаговъ, начинаетъ подниматься спирально вверхъ и въ сторону отъ пруда; черезъ нѣсколько мгновеній къ нимъ присоединяется еще часть изъ оставшихся, потомъ еще, такъ что вскорѣ около васъ не остается ни одной птицы. На воздухѣ онѣ непрерывно кричатъ, при чемъ перемѣшиваются между собою такъ, что скоро вся масса раздѣляется на двѣ части, которыя продолжаютъ подниматься спирально все выше и выше *vis-à-vis* другъ друга, сохраняя съ двухъ сторонъ между собою промежутокъ, такъ что все стадо имѣетъ видъ низкаго цилиндра, разрѣзаннаго вдоль, и этотъ разрѣзъ, при постоянномъ вращеніи птицъ, мелькаетъ передъ глазами: стадо поднимается все выше вверхъ и въ сторону и скоро исчезаетъ изъ глазъ“. Спустившись затѣмъ на степь для кормежки, тиркушки охотно садятся на дороги и здѣсь подпускаютъ экипажъ или лошадь часто на разстояніе трехъ, четырехъ шаговъ; при дальнѣйшемъ приближеніи или отбѣгаютъ въ сторону или, подобно жаворонкамъ и подорожникамъ, убѣгаютъ впередъ по дорогѣ.

Отлетъ изъ Оренбургскаго края начинается въ концѣ іюля, окончательно исчезаютъ отсюда птички въ концѣ августа. Изъ Херсонской губ. отлетаютъ въ сентябрѣ. Запаздывая съ отлетомъ, тиркушки становятся весьма жирны, но большую часть своего времени пребывания у насъ бываютъ болѣе или менѣе худы, хотя и при этомъ мясо ихъ нѣжно и вкусно.

При той безбоязненности, которую тиркушки обнаруживаютъ по отношенію къ человѣку, охота за ними болшею частью не представляетъ трудности. Если охотиться у водопоя, то стоить только не спѣша проходить по занятому тиркушками выгону и добыча будетъ обильная. При выстрѣлѣ тиркушки не снимаются всей стаей, а только ближайшія къ мѣсту выстрѣла взлетаютъ и начинаютъ кружиться, чтобы вскорѣ опуститься опять. Такимъ образомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, всегда будешь встрѣчать непуганныхъ тиркушекъ, и это дастъ возможность безъ особаго труда добыть ихъ въ значительномъ количествѣ. Если же охотиться тамъ, гдѣ тиркушекъ не особенно много, и въ такое время дня, когда онѣ кормятся, то надо послѣдовать совѣту С. Т. Аксакова, который говоритъ слѣдующее: „Я становился обыкновенно на срединѣ той десятины или того мѣста, около котораго вьются красноустики (тиркуши), бралъ съ собой даже собаку, разумѣется вѣжливую, и они налетали на меня иногда довольно въ мѣру; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, красноустики перемѣщались понемногу на другую десятину или загонъ, и я подвигался за ними, преслѣдуя ихъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока они не оставляли меня совсѣмъ и не улетали изъ виду вонъ. Стрѣлять ихъ довольно трудно, потому что они летаютъ не близко, вьются не надъ человѣкомъ, а около него, и стелются по землѣ, именно какъ ласточки, отъ чего, особенно въ сѣрый день, цѣль не видна, и для охотника, сколько-нибудь близорукаго, стрѣльба становится трудною; притомъ и летаютъ они очень быстро“.

45. Бѣгунокъ. *Cursorius gallicus*, Gm.

Табл. 47.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 352.

Какъ ни отрывочны свѣдѣнія о распространеніи у насъ бѣгунка, однако, повидимому, они сходятся въ томъ, что эта птица прежде встрѣчалась чаще, чѣмъ теперь. Нордманнъ сообщалъ въ сороковыхъ годахъ, что нѣсколько экземпляровъ этого вида были убиты въ Екатеринославской губ., но съ тѣхъ поръ ни для Крыма, ни для Херсонской и вообще Таврической губ. нѣтъ никакихъ данныхъ, указывающихъ на залетъ сюда бѣгунка. Н. Я. Динникъ въ 1886 г. сообщилъ, что онъ встрѣчалъ прежде бѣгунковъ въ степяхъ недалеко отъ Ставрополя, гдѣ теперь вовсе не замѣчается этихъ птицъ. По всей вѣроятности, бѣгунокъ чаще залетаетъ въ Закавказье, но отсутствіе систематическихъ наблюденій надъ птицами этого края лишаетъ насъ возможности привести нашему мнѣнію фактическое основаніе. Намъ извѣстно только, что тотъ же Нордманнъ встрѣтилъ въ маѣ 1836 г. стаііку бѣгунковъ, штукъ 6—8, на равнинѣ близъ крѣпости Пицунди въ Абхазіи и Менетріэ находилъ этихъ птицъ въ апрѣлѣ и маѣ въ солонцовыхъ степяхъ между Баку и Сальянами. Въ области Каспійскаго моря, на его восточномъ берегу, бѣгунокъ былъ замѣченъ Н. А. Сѣверцовымъ въ степи у Кендерликскаго залива.

46. Пиголица бѣлохвостая.

Vanellus leucurus, Licht.

Табл. 48.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 357.

Мѣстные названія: Киргиз.—*тарчакъ-улькукъ-аякъ*.

Бѣлохвостая пиголица распространена у насъ въ юго-восточномъ углу, гдѣ найдена подъ Сарептой, на Плекѣ и на Кара-Хобдѣ, изъ чего слѣдуетъ, что сѣвѣрною границей распространенія у насъ этой птицы можно считать среднее теченіе р. Урала и западной—нижнее теченіе Волги. Однако нѣтъ рѣшительно никакихъ доказательствъ, что бѣлохвостая пиголица гнѣздится здѣсь, такъ какъ большинство найденныхъ птицъ этого вида были самцы, рѣдко самки и только подъ Сарептой добыта была пара—самецъ и самка.

Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе характеръ мѣстности юго-восточной Россіи и то, что бѣлохвостая пиголица въ качествѣ гнѣздящейся птицы является характернымъ видомъ Арало-Каспійской низины, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что отдѣльныя парочки этихъ пиголицъ гнѣздятся гдѣ-либо въ пустынныхъ степяхъ по теченію Эмбы и между Эмбой и Ураломъ.

47. Кречетка.

Vanellus gregarius, Pall.

Табл. 49.

Мензбирь, Птицы Россіи, т. I, стр. 360.

Болѣе распростр. названія: *кречетка, степная пшголица.*

Мѣстныя названія: *дикая пшголица, пыжикъ, кептушка* (Поволжье); *кречетка, степная пшголица* (Самарская, Оренбургская губ.); *степной куликъ, конка* (южная Россія); *крякушка* (Сарпа).

Киргиз.—*тариакъ*.—Калмыц.—*тюркюметъ*.

Начиная отъ Зайсана на востокъ, кречетка принадлежитъ въ качествѣ гнѣздящейся птицы всѣмъ степямъ южной Сибири къ сѣверу до южной границы Тобольской губ., Туркестану и восточной половинѣ степной полосы Европ. Россіи. Теперь я опредѣленнѣе, чѣмъ прежде, могу утверждать, что кречетка нормально не гнѣздится далеко на западъ отъ Волги. У насъ нѣтъ данныхъ, что она гнѣздится въ степяхъ сѣвернаго Кавказа, хотя бываетъ здѣсь на пролетѣ; не нашелъ ее въ Харьковской губ. Н. Н. Сомовъ, почему отмѣченное Н. А. Заруднымъ гнѣздованье одной пары въ Валковскомъ у. на границѣ съ Полтавской должно быть признано случайнымъ; повидному, также случайно гнѣздованье кречетки въ Полтавской губ., о чемъ, впрочемъ, Зарудный выражается глухо; не найдена, наконецъ, она гнѣздящеюся ни въ Таврической, ни въ Херсонской губ., что я предполагалъ ранѣе, основываясь на показаніяхъ Заруднаго и Нордманна. Въ восточной Россіи кречетка въ Пермской губ. поднимается къ сѣверу до 56 $\frac{1}{2}$ ⁰ с. ш., но гнѣздится только въ юго-восточной части губерніи, начиная съ границы Шадринскаго у. и оз. Чебакуля. Случайно гнѣздится въ Уфимской губ. еще около 55⁰ с. ш., изъ чего слѣдуетъ, что указанная Эверсманомъ сѣверная граница этого вида между Уральскимъ хребтомъ и Волгой—54⁰ с. ш.—должна быть подвинута къ сѣверу. Къ югу отсюда, въ степяхъ Самарской и Оренбургской губ., Урало-казачьихъ владѣній и Астраханской губ., она можетъ

считаться обыкновенной птицей, за исключеніемъ низовьевъ р. Урала и устья Волги, гдѣ не гнѣздится. По Сартѣ это еще обыкновенная гнѣздящаяся птица, но едва ли идетъ далеко западнѣе. М. Н. Богдановъ встрѣтилъ двѣ пары кречетокъ 30 іюня 1870 г. недалеко отъ с. Гусенки, на перевалѣ между Иловлей и Медвѣдицей, изъ чего слѣдуетъ, что быть можетъ кречетка гнѣздится и въ Саратовской губ. Какъ залетная, доходитъ даже до Польши (наблюдалась въ 20 верстахъ отъ Люблина).

Что касается прилета и отлета кречетокъ, то, по Нордманну, кречетка 50 лѣтъ тому назадъ уже въ мартѣ показывалась большими стадами на побережьи Чернаго моря, оставалась тамъ до мая, но на пары не разбивалась. Теперь ничего подобнаго не наблюдается. А. А. Браунеръ, несмотря на самые тщательные поиски, не нашелъ ее ни въ Херсонской, ни въ Таврической губ., и изъ послѣдней видѣлъ только единственный экземпляръ въ коллекціи Ф. Э. Фальцъ-Фейна, добытый весной въ Днѣпровскомъ у. изъ стайки пеголицъ, среди которыхъ было нѣсколько кречетокъ. Въ коллекціи Шатилова также имѣется только одинъ экземпляръ, добытый въ Тамакѣ. Замѣчательно, что подъ Батумомъ весной кречетка вовсе не наблюдалась, въ Ставропольскихъ степяхъ въ это время очень рѣдка. Изъ всего этого придется, пожалуй, заключить, что кречетка со времени наблюденій Нордманна измѣнила направленіе своего весенняго пролета и тамъ, гдѣ прежде пролетала въ большомъ количествѣ, теперь появляется только рѣдко и случайно. Также незначителенъ весенній пролетъ и подъ Ленкоранью, что объясняетъ намъ, почему кречетка очень рѣдка въ устьяхъ Волги даже на пролетѣ. Напротивъ, въ низовьяхъ Урала пролетъ и весенній и осенній обильнѣе и болѣе приближается къ среднему пролету. Мнѣ кажется, на основаніи сказаннаго, мы вправѣ предположить, что кречетки прилетаютъ въ юго-восточную Россію черезъ Туркестанъ, съ индійскихъ зимовокъ, и кто знаетъ, не усиливающаяся ли культура сѣверо-восточной Африки объясняетъ намъ прекращеніе весенняго пролета кречетокъ черезъ сѣверное побережье Чернаго моря.

Кречетка является типичной жительницей степей, и распашка послѣднихъ должна губительно вліять на распространеніе этой красивой птицы. По манерѣ держать себя, кречетка представляетъ нѣчто среднее между чибисомъ и зуйками. С. Т. Аксаковъ, отличавшійся удивительнымъ умѣньемъ схватывать характерныя особенности птицъ, говоритъ, сравнивая кречетку съ чибисомъ, слѣдующее: „Она такъ же проворно бѣгаетъ, такія же имѣетъ круглыя крылья и такой же, какъ у чибиса, *особенный* полетъ. Издали, видя, какъ она рѣдко машетъ крыльями и перевертывается на лету вверхъ брюхомъ, ее рѣшительно можно принять за болотную пеголицу“. Бремъ, напротивъ, ставитъ ее ближе къ зуйкамъ. Н. А. Зарудный, давшій намъ до сихъ поръ наилучшее описаніе образа жизни и повадокъ этой птицы, сравниваетъ ее, подобно Аксакову, съ чибисомъ, но говоритъ, что она

все-таки во многомъ отличается отъ послѣдняго. Прежде всего, какъ жительница мѣстъ менѣе тревожимыхъ человѣкомъ, кречетка довѣрчивѣе члбиса и въ то же время смѣлѣе его. Вслѣдствіе этого на первый взглядъ можетъ показаться, что она глупѣе своего собрата, но это невѣрно и большее знакомство съ нею доказываетъ только то, что она менѣе искушена въ житейской опытности отъ болѣе рѣдкихъ сношеній съ человѣкомъ. Если же кречетки испытываютъ съ его стороны преслѣдованіе, онѣ становятся гораздо осторожнѣе и легко выучиваются держаться на приличномъ разстояніи. Одно свое названіе — „кречетка“ — описываемая птица получила за свой крикъ: *кречь, кречь, кречь...*, который она безпрестанно издаетъ, нападая на человѣка или отводя его отъ гнѣзда. „Пыжикомъ“ ее зовутъ, конечно, за манеру стоять распутившись, съ втянутой шейкой.

Любимое мѣстопребываніе кречетки составляютъ глинисто-черноземныя холмистыя степи, не густо поросшія ковылемъ, а съ довольно скудной растительностью, съ разбросанными тамъ и сямъ глинистыми голыми площадками или по крайней мѣрѣ мало травянистыми полянами, съ прорѣзывающей степь рѣкой или хотя бы озеромъ. Степей ровныхъ, однообразно покрытыхъ высокимъ густымъ ковылемъ, кречетка положительно избѣгаетъ и далѣе ихъ окраинъ не идетъ. Она не любитъ такихъ мѣстъ, откуда не можетъ наблюдать за окрестностями, хотя ее нельзя назвать особенно осторожной птицей, и потому держится на указанныхъ полянахъ и до брачнаго періода, и въ теченіе его.

Кречетки возвращаются въ юго-восточную Россію довольно поздно: уже давно стаятъ снѣгъ съ болѣе возвышенныхъ мѣстъ степи, тамъ и сямъ пробилась молодая травка, пахнуло настоящею весной и только тогда появляются первые особи этихъ птицъ, т.-е. не раньше апрѣля. Затѣмъ ихъ прибываетъ все болѣе и болѣе, но заканчивается прилетъ только въ началѣ мая.

Такимъ образомъ кречетки по возвращеніи на родину находятъ свои гнѣздовые мѣста уже болѣе или менѣе годными для того, чтобы прямо съ прилета поселиться въ нихъ, и потому бродячей жизни по разнымъ станціямъ у нихъ не наблюдается. Гнѣздятся кречетки до известной степени колоніально, и вотъ какъ описываетъ Н. А. Зарудный ихъ образъ жизни въ брачный періодъ: „Почти тотчасъ же, какъ водворятся прилетныя стаи кречетокъ на своихъ гнѣздовыхъ участкахъ, — говоритъ онъ, — (въ каждомъ рѣдко болѣе двадцати паръ), холостыя птицы приступаютъ къ любовнымъ походамъ. На опушкѣ чистой полянки, среди ковылей, становятся самочки, самцы же передъ ними, парами или тройками, затѣваютъ другъ съ другомъ драки, безпрестанно издавая свои скрипящіе крики. Они таскаютъ одинъ другого за чубъ, подпрыгиваютъ фута на два отъ земли и бьются на прыжкѣ крыльями, ногами и клювами. По временамъ они расходятся, сильно распушивъ свое опереніе, вслѣдствіе чего кажутся гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ходятъ кругомъ другъ за другомъ и снова съ

прежнимъ ожесточеніемъ бросаются въ драку. То та, то другая самочка, между тѣмъ, снимается съ мѣста турнира и съ 2—5 самцами въ арьергардѣ носится низко надъ степью, качаясь изъ стороны въ сторону. Это — побѣдители тока. Какъ только сядетъ ихъ дама, они принимаются ходить вокругъ нея и при встрѣчахъ снова сражаются. Побѣжденные возвращаются на токовище, а главный рыцарь празднуетъ свою побѣду, вступая въ супружество. Онъ поступаетъ вполне по-рыцарски: аргусомъ охраняетъ жену, въ то же самое время ищетъ предлога побывать на току, подраться опять и, если можно, увлечь еще одну даму, которой, однако, насколько я успѣлъ замѣтить, не задумывается послѣ своего торжества предоставить полную волю. День-другой продолжаются эти поединки. Птицы разбиваются на пары, самцы забываютъ вражду и успокоиваются. Подъ кустомъ ковыля вырываютъ самочки плоскія ямочки, грубо выстилаютъ ихъ прошлогодними стебельками и несутъ четыре (рѣдко пять) яйца. Самецъ, хотя и держится у гнѣзда, но однако, повидимому, не раздѣляетъ заботы по насиживанію, которое продолжается со дня кладки перваго яйца въ промежутокѣ времени отъ двухъ съ половиною и до трехъ недѣль. Первые яйца я находилъ въ среднихъ числахъ мая. Когда выведутся птенцы, кречетки водятъ ихъ по степи, гдѣ кормятъ ихъ кобылками и разными жуками (наприм. *Fentiria sibirica*, которую другія птицы если и ѣдятъ, то съ большимъ отвращеніемъ). Тутъ часто соединяются онѣ съ выводками тиркушекъ и живутъ съ ними совместно, дружно нападая на разнаго рода хищниковъ, показавшихся у кочевья. Человѣка они замѣчаютъ уже издали и всячески стараются его отвести. Низко надъ землею, легкимъ, колеблющимся полетомъ несутся онѣ ему навстрѣчу одна за другой, непуская подъ тактъ крыловымъ взмахамъ отрывистые, скрипящіе звуки. Въ нѣсколькихъ футахъ отъ лица, каждая изъ нихъ взмываетъ со страшною скоростью вверхъ, машетъ тамъ быстро крыльями, поворачивается и, дѣлая полукругъ, постепенно понижающійся концомъ къ землѣ, снова устремляется въ бѣшеномъ порывѣ на предметъ своей ненависти. Такъ было въ большинствѣ случаевъ, потому что сравнительно рѣдко кречетка бросается на человѣка сразу. Какъ только молодая птица поднимется на крылья, кречетки соединяются въ стаю, содержащія рѣдко до 400 экземпляровъ, и начинаютъ вести общественный образъ жизни. Онѣ перелетаютъ изъ одной мѣстности въ другую, поднимаясь часто на такую высоту, что кажутся не больше улита красноножки, появляются тамъ, гдѣ прежде не встрѣчались, и пропадаютъ изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ видѣлись въ большомъ числѣ. Въ жаръ летятъ на водопой, гдѣ проводятъ, подобно тиркушкамъ, цѣлые часы. Однако въ водѣ онѣ нуждаются менѣе, чѣмъ тѣ, такъ что нерѣдко въ жаркую пору дня цѣлой стаей отдыхаютъ или сидятъ гдѣ-нибудь на степи, лежа на брюхѣ или стоя на одной лапкѣ, сильно распыжившись и подобравши свои шейки“.

Къ этому прекрасному очерку остается прибавить лишь немно-

гое. Завидѣвъ челоуѣка, кречетка прежде всего выпрямляется, внимательно вematривается въ предметъ своего безпокойства и затѣмъ пускается бѣжать. Бѣжить она чрезвычайно быстро, такъ что догнать ее очень трудно; если же она видитъ, что преслѣдованіе продолжается, то взлетаетъ и сильными взмахами крыльевъ, не поднимаясь высоко въ воздухъ, молча улетаетъ на довольно большое разстояніе, чтобы, спустившись на землю, снова занять обсервационный пунктъ. Яйца кречетки больше и вздутѣе яицъ чибиса, 1,95—1,65 длины, 1,35—1,25 ширины. Основной цвѣтъ ихъ или зеленоватый, или глинисто-охристый, и по немъ болѣе или менѣе густо разбросаны красно-бурая и черно-бурая поверхностныя пятна, разныхъ размѣровъ, иногда перемѣшанныя съ такого же цвѣта изогнутыми короткими, но толстыми червеобразными пестринами, иногда болѣе или менѣе замѣщающія ими. Между поверхностными видны глубокія сѣрая мелкія пятна и точки.

Осенній отлетъ кречетокъ изъ Оренбургскаго края начинается со второй половины іюля и заканчивается въ началѣ сентября. Чѣмъ долѣе остаются кречетки на своей родинѣ, тѣмъ онѣ становятся жирнѣе и вкуснѣе. Какъ выше указано, на осеннемъ пролетѣ кречетки слѣдуютъ другой дорогой, нежели на весеннемъ. Такъ, въ концѣ лѣта и въ первой половинѣ осени онѣ вовсе не рѣдки въ Ставропольскихъ степяхъ. Подъ Батумомъ на осеннемъ пролетѣ очень обильны съ 4-го по 12-е сентября, одиночными же экземплярами встрѣчаются и въ октябрѣ, и даже въ половинѣ ноября. Въ сентябрѣ кречетки тянутъ днемъ вдоль морского берега, низко надъ землею, небольшими стаиками, штукъ по 5—12. Куда дѣваются эти стаи, что весною ихъ не наблюдали за послѣднія десятилѣтія въ области Чернаго моря? Поголовное истребленіе ихъ признать трудно, и потому остается допустить или то, что кречетки летятъ весною со своихъ африканско-анатолийскихъ зимовокъ прямо на востокъ и поворачиваютъ на сѣверъ, обгибая Каспійское море, или же то, что онѣ пролетаютъ черезъ наши черноморскія степи очень высоко, оставаясь незамѣченными. Но надо признать, что все эти объясненія совершенно гадательны, и, пока не будетъ сдѣлано дальнѣйшихъ наблюденій надъ весеннимъ пролетомъ кречетокъ въ Малой Азій, мы не подойдемъ къ рѣшенію вопроса.

Что касается охоты за кречетками, то въ этомъ случаѣ приходится практиковать обычные приемы за степной дичью: можно стрѣлять и съ подъѣзда, и съ подхода, но никогда не слѣдуетъ ѣхать или идти прямо на птицу, которая при этомъ сразу настораживается. Такъ какъ кречетки быстро понимаютъ опасность, происходящую отъ выстрѣловъ, то добычливой охоты на нихъ никогда не бываетъ. Къ тому же, въ поздней осени, мясо ихъ сухо и не особенно вкусно.

48. Чибись.

Vanellus cristatus, Meyer.

Табл. 50.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 365.

Болѣе распростран. названія: *чибись*, *пиголица*.

Мѣстныя названія: *чибись*, *пиголица*, *пшалка* (б. или м. повсемѣстно); кромѣ того: *вшивикъ* (Оренбург.); *вшивица* (Пермск. у.); *татарская воронница* (Вятск.); *чибись* (Рязанск.); *луовка* (Тверск., Петербург. губ.); *нивикушъ* (Гдовск. у.); *чайка*, *луовица*, *луовка* (Харьков.).

Польск. — *czajka*. — Ижмуд. — *petre*. — Финн. — *töyhtöluuyppä*. — Эст. — *kiwit*. — Латыш. — *kihuite*, *sammelis*, *sehmalis*. — Татар. — *такарбыкъ*. — Башк. *соркоошъ*. — Зырян. — *саричъ-гача*. — Вет. — *куакатунъ*. — Калм. — *тааракъ*. — Монг. *лабдагалзы*. — Гур. — *уриць-квали*. — Якут. — *хонобарыто*. — Тунгуз. — *бирвитто*.

Съ огромнымъ распространіемъ, встрѣчающійся почти повсемѣстно, чибись не составляетъ для охотника желанной добычи. Многіе стрѣляютъ его даже только въ такихъ случаяхъ, когда нѣтъ ничего лучшаго, а между тѣмъ по величинѣ, вкусу мяса и иногда даже по трудности добыванія чибись нисколько не уступаетъ многимъ охотничьимъ птицамъ, что отмѣчалъ еще С. Т. Аксаковъ. Сѣверная граница распространенія чибиса въ Европ. Россіи опредѣляется такимъ образомъ: въ Финляндіи она проходитъ около 61°35', далѣе на востокъ чибись, повидимому, нормально распространенъ въ области Двины до Устюга, но случайно залетаетъ и далѣе къ сѣверу, до Архангельска. Въ Вятской губ. это еще широко распространенная птица, вѣроятно не ограничивающаяся названной губ., а заходящая и въ Вологодскую. Въ Пермской его, повидимому, нѣтъ въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ страны. Къ югу отсюда чибись является гнѣздящеюся птицей всей страны, при чемъ въ южныхъ степяхъ рано появляется весной и поздно отлетаетъ отсюда осенью, что, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ зимовками въ Закавказьѣ. Чибись появляется въ губ. Херсонской и Ставропольской иногда уже въ концѣ февраля, чаще же въ началѣ марта. Въ Харьковской, по наблюденіямъ Н. Н. Сомова, появляясь

такъ рано и часто не находя никакой пищи, чибисы нерѣдко принуждены откочевывать обратно въ болѣе благоприятныя мѣста. Такъ, наприм., въ 1888 году немногія особи прилетѣли сюда 9 марта, при глубочайшемъ снѣгѣ, и послѣ полудня поспѣшно отлетѣли къ югу. Вновь появились передовые послѣ 10 марта. Въ теченіе первой трети марта прилетаютъ чибиса въ губ. Кіевскую, а въ серединѣ этого мѣсяца появляются на широтѣ Чернигова-Оренбурга. Это поступательное движеніе, преимущественно долинами рѣкъ, продолжается весьма равномерно и далѣе. Такъ, во второй половинѣ марта прилетаютъ чибиса въ центральныя губерніи, въ Казанскую и Уфимскую. Въ концѣ этого мѣсяца появляются въ Вятской. Зато, что касается Польши, Прибалтійскихъ и Петербургской губ., то время появленія здѣсь чибисовъ ясно указываетъ на то, что они прилетаютъ сюда изъ западной и отчасти южной Европы: въ Польшѣ чибиса появляются иногда въ концѣ первой трети февраля, иногда же запаздываютъ и прилетаютъ на недѣлю, на двѣ, а то и на цѣлый мѣсяць позднеѣ; въ Прибалтійскихъ прилетѣть происходитъ во второй половинѣ марта, въ Петербургской въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Эти сроки указываютъ для разныхъ частей Россіи собственно начало пролета; длится же пролетъ довольно долго, такъ что, наприм., въ Харьковской губ. обыкновенно прилетѣть и пролетѣть начинаются въ послѣднихъ числахъ февраля или въ первыхъ числахъ марта, наибольшей силы достигаетъ пролетѣть до середины этого мѣсяца, заканчивается въ концѣ его второй или началѣ послѣдней трети, иногда даже въ первыхъ числахъ апрѣля. Въ Оренбургскомъ краѣ чибиса появляются какъ только начнутъ обнаруживаться проталины по степямъ, обыкновенно въ среднихъ числахъ марта, въ наибольшемъ же количествѣ пролетаютъ лишь въ первой трети апрѣля, и т. д.

На пролетѣ чибиса держатся стаями разной численности, иногда штукъ до 30 въ каждой, иногда гораздо болѣе многочисленными, тянущими чаще всего на средней высотѣ, т.-е. на такой, на какую можетъ хватить ружейный выстрѣлъ. Только при противномъ вѣтрѣ, смотря по его силѣ, чибиса спускаются все ниже и ниже, такъ какъ чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ менѣе сила вѣтра вслѣдствіе тренія воздуха о поверхность почвы. При большихъ перелетахъ чибиса летятъ очень поспѣшно, вытянутой поперекъ группой, производя своимъ крыльями характерный шумъ, по которому ихъ можно узнать даже не видя. По ночамъ перелеты прекращаются, возобновляясь рано утромъ и продолжаясь въ разные часы дня.

Вслѣдствіе ранняго начала прилета чибисовъ, первыя особи ихъ не могутъ быть разборчивыми въ выборѣ мѣста: снѣга въ это время еще такъ много, что имъ приходится довольствоваться большею частью тѣми немногими проталинами, которыя успѣваютъ образоваться на болѣе пригрѣваемыхъ солнцемъ возвышенныхъ мѣстахъ полей. Въ южной Россіи чибиса предпочитаютъ луга и болота, въ степной части сѣвернаго Кавказа останавливаются на болѣе или менѣе зали-

тыхъ водою мѣстахъ, покрытыхъ старымъ камышомъ, осокою и чаканомъ, выбирая здѣсь болѣе чистыя мѣста, покрытыя иломъ, грязью или тиною. Какъ скоро въ средней Россіи снѣга станутъ меньше, появятся мокрая луговина и травянистыя болотистыя площадки, съ разбросанными тамъ и сямъ рѣдкими кустиками, будущія гнѣздовыя мѣста чибисовъ, послѣдніе не замедлятъ перебраться сюда. „Въ это время,—какъ я писалъ раньше,—уже издалека можно видѣть чибисовъ, прогуливающихся по берегу весеннихъ лужъ и потѣшно вытягивающихъ шею и вообще настораживающихся, когда имъ бросится въ глаза что-либо вкусное, или, напротивъ, птица вдругъ испугается чего-либо. Напрасно было бы стараться подойти къ чибису, когда онъ отлично видитъ кругомъ себя на громадное разстояніе. И всегда осторожная, птица слетаетъ теперь далеко внѣ выстрѣла и начинаетъ носиться по воздуху своимъ характернымъ полетомъ. При длинныхъ и широкихъ крыльяхъ чибисъ летящій и чибисъ сидящій или бѣгающій по землѣ кажутся двумя разными птицами,—настолько въ одномъ положеніи онъ какъ-то кругль и широкъ, и въ другомъ—тонокъ. На полетѣ чибисъ рѣдко машетъ крыльями, но зато съ удивительною легкостью поворачивается, иногда даже перевертывается въ воздухѣ, издавая свой характерный крикъ, который походитъ на *тши-вит* или *тши-вит-вит*“.

Судя по всему, на югѣ чибиса гораздо менѣе времени остаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не гнѣздятся, нежели въ средней, а тѣмъ болѣе въ сѣверной Россіи, что объясняется болѣе быстрымъ наступленіемъ на югѣ полной весны. Но долго ли, коротко ли ихъ пребываніе на такихъ временныхъ становищахъ, они при первой возможности оставляютъ ихъ и, разбившись на пары, переселяются въ гнѣздовыя мѣста. Чѣмъ обширнѣе площадь, гдѣ могутъ гнѣздиться чибиса, тѣмъ въ большемъ количествѣ они поселяются здѣсь. Такимъ образомъ, получается родъ колоніальнаго гнѣздованія, но каждая парочка имѣетъ здѣсь свой опредѣленный районъ, который охраняется ею очень тщательно. Въ то же самое время самцы начинаютъ развлекать своихъ самокъ воздушными играми, продѣлывая въ воздухѣ весьма замысловатыя упражненія. Обыкновенно играющій самецъ быстро поднимается надъ землею по круто наклонной линіи на нѣсколько десятковъ футовъ, затѣмъ стремительно бросается внизъ и, описывая глубоко волнистую линію, летитъ то переворачиваясь съ боку на бокъ, то перекувыркиваясь, чтобы послѣ этого снова подняться въ воздухъ и снова продѣлать то же самое. Нерѣдко два или болѣе самцовъ играютъ вмѣстѣ, разнообразя игры погоней другъ за другомъ, и, обыкновенно, какъ въ одиночку играющіе, такъ и собирающіеся по нѣсколько вмѣстѣ все время издаютъ свой хорошо знакомый крикъ, только съ разными модуляциями и гораздо нѣжнѣе, чѣмъ обыкновенно. Если мѣстность неблагоприятна по своимъ условіямъ, въ такомъ случаѣ чибиса гнѣздятся отдѣльными парами, поселяясь около прудовъ и сажалокъ, иногда очень близко отъ человѣческаго жилья, что, однако, не мѣшаетъ птицѣ до крайности остере-

гаться человѣка. Самецъ чибиса можетъ назваться очень нѣжнымъ отцомъ семейства и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, начиная съ самыхъ первыхъ шаговъ семейной жизни, направляя свои заботы не только на то, чтобы предотвратить опасность, угрожающую самкѣ, но и на то, чтобы помочь ей высидѣть яйца и воспитать дѣтей. Гнѣздо свое чибиса помѣщаютъ въ очень различныхъ мѣстахъ: то на кочкѣ, то прямо среди травы, какъ въ луговыхъ мѣстахъ, то на какомъ-нибудь болѣе сухомъ мѣстѣ въ болотной травѣ, то среди осоки или въ старомъ камышѣ, на болотѣ же. Устройство гнѣзда очень просто: чаще всего это не болѣе какъ неглубокая ямка, слегка устланная травой, рѣже—подобіе гнѣзда, свѣтаго изъ болѣе толстыхъ сухихъ травянистыхъ стеблей, которые къ неглубокому лоточку становятся тоньше и нѣжнѣе. Сюда самка кладетъ свои обыкновенно четыре яйца (иногда ихъ бываетъ 3, иногда 5) и затѣмъ высиживаетъ ихъ поочередно съ самцомъ. Время кладки весьма различно въ разныхъ мѣстахъ, но вообще можно сказать, что яйца чибисовъ можно находить уже спустя три-четыре недѣли послѣ прилета. Въ Ставропольской губ., какъ пишетъ Н. Я. Динникъ, чибисъ начинаетъ класть яйца въ концѣ марта или началѣ апрѣля; первыхъ чибисятъ можно находить здѣсь уже въ концѣ первой трети апрѣля; въ видѣ исключенія кладка запаздываетъ до послѣдней трети этого мѣсяца. Въ губ. Харьковской полныя ненасиженныя кладки попадаютъ обыкновенно около середины апрѣля, тогда какъ начало кладки часто происходитъ въ началѣ этого мѣсяца, а иногда даже и раньше, такъ что въ первой половинѣ мая иногда уже попадаютъ хорошо летающіе и самостоятельные птенцы, хотя обыкновенно послѣднихъ можно здѣсь видѣть въ концѣ второй трети мая или въ началѣ іюня. Въ Оренбургскомъ краѣ первыя яйца можно найти въ благопріятные годы уже въ послѣднихъ числахъ второй трети апрѣля, летающихъ молодыхъ около половины іюня или въ концѣ этого мѣсяца. Въ Московской губерніи чибисъ часто несетъ яйца уже въ началѣ апрѣля, но такъ какъ далеко нерѣдко холода вновь наступаютъ, то и яйца чибисовъ въ раннихъ кладкахъ замерзаютъ. Потерявши первую кладку, чибисъ снова несетъ яйца, но обыкновенно ихъ бываетъ не четыре, а три. Пуховыхъ птенцовъ въ подмосковныхъ губерніяхъ можно находить еще во второй трети мая.

Что касается яицъ, то сравнительно съ величиною птицы они велики, имѣя отъ 2 до 1,75 д. длины и отъ 1,4 до 1,28 д. ширины. Форма ихъ вообще грушевидная, но одни длиннѣе, другія округлѣе. Окраска также весьма измѣнчива: основной фонъ то глинисто-бурый, то свѣтло-охристый, то оливковый, въ рѣдкихъ случаяхъ блѣдно-зеленый; по немъ разбросаны черно-бурья поверхностныя и темно-сѣрая глубокія пятна и точки, но первыя могутъ быть то мелки и немногочисленны, то велики и до того слиты между собою, что закрываютъ основной фонъ; на нѣкоторыхъ яйцахъ они могутъ образовывать даже правильный широкій поясъ вокругъ тупого конца.

Родители очень привязаны къ яйцамъ и особенно къ дѣтямъ и, завидѣвъ приближеніе человѣка, уже издалика вылетаютъ ему навстрѣчу и, не заботясь о личной безопасности, начинаютъ кружиться около него, чтобы отвести отъ дѣтей. Послѣдніе съ первыхъ дней своей жизни слѣдуютъ за родителями въ поискахъ за кормомъ и быстро выучиваются прятаться. Но въ этомъ для нихъ нѣтъ даже особенной надобности, такъ какъ чибисята въ пуху окрашены до такой степени сходно съ окружающими предметами, что найти ихъ совершенно невозможно, если родители не укажутъ мѣста, гдѣ они спрятаны, своимъ излишнимъ безпокойствомъ. Любятъ въ это время чибисы уходить съ дѣтьми на окраины озимыхъ хлѣбовъ, въ густо заросшія паровыя поля или наконецъ въ луга, при чемъ самецъ продолжаетъ раздѣлять съ самкой семейныя заботы. Только иногда самцы колоній, собравшись стадомъ, отобьются на нѣсколько часовъ отъ своихъ семей, чтобы полетать гдѣ-нибудь по лугу, около рѣки или озера, вѣроятно, въ цѣляхъ кормежки.

Когда чибисята подрастутъ, что бываетъ, смотря по широтѣ мѣста, либо въ концѣ іюня и даже началѣ іюля, какъ въ подмосковныхъ губерніяхъ, либо гораздо раньше, какъ на югѣ, чибиса начинаютъ кочевать и тогда встрѣчаются семьями по берегамъ прудовъ, рѣкъ, по скошеннымъ лугамъ и пр. Еще позднѣе семьи собираются въ стайки или стаи, смотря по количеству гнѣздящихся чибисовъ для данной мѣстности, и такія стайки начинаютъ кочевать въ еще большихъ раіонахъ. Въ средней Россіи чибиса хотя повсемѣстны, но не многочисленны, и потому рѣдко удается видѣть ихъ стаи болѣе, чѣмъ въ нѣсколько десятковъ штукъ; напротивъ, въ юго-восточной и южной Россіи стаи чибисовъ достигаютъ огромныхъ размѣровъ, состоя изъ нѣсколькихъ сотъ особей. Въ то же самое время, т. е. въ половинѣ іюля, старыя птицы линяютъ. Весь іюль и половину августа чибиса проводятъ въ кочевкахъ, уходя въ степи на цѣлыя версты отъ воды, къ которой, однако, возвращаются въ полдень и къ ночи. Въ это время кормъ ихъ состоитъ преимущественно изъ кузнечиковъ и мелкихъ жесткокрылыхъ, но кромѣ нихъ чибиса ѣдятъ также и другихъ насекомыхъ, червей, слизняковъ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся крайне осторожны и потому другія птицы какъ въ это время, такъ и позднѣе охотно держатся вмѣстѣ съ чибисами, по опыту зная, что послѣдніе издалика замѣтятъ врага и предупредятъ всѣхъ своихъ безпокойными криками.

Такъ какъ образъ жизни чибисовъ въ концѣ лѣта въ средней Россіи, откуда эти птицы улетаютъ уже въ августѣ, не представляетъ ничего такого, что заслуживало бы особеннаго вниманія, остановимся на ихъ пребываніи въ нашей степной полосѣ, при чемъ приведемъ слова такого опытнаго наблюдателя, какъ Н. Н. Сомовъ (Харьковская губернія):

„Съ конца августа,—говоритъ онъ,—а иногда и раньше, чибиса, держась большими стаями, постепенно удлиняютъ свои кочевки, при

чемъ довольно долго задерживаются въ кормныхъ мѣстахъ, по лугамъ, болотамъ и около озеръ. Здѣсь они питаются, какъ и во время вывода птенцовъ, червями, мелкими слизнями и личинками. Въ степяхъ и на поляхъ они держатся осенью въ большомъ числѣ только въ томъ случаѣ, если засуха не убила всякую жизнь; въ дождливую же, сырую осень они часто попадаютъ по мокрымъ дорожнымъ колеямъ и лужамъ.

„Съ конца августа, обыкновенно же съ начала сентября, наблюдаются отлетъ и пролетъ; наибольшей силы пролетъ достигаетъ въ концѣ второй трети этого мѣсяца и, постепенно ослабѣвая, длится до половины послѣдней трети октября, но тутъ уже попадаютъ больше одиночныя молодыя птицы. На пролетѣ держатся стаями то большей, то меньшей величины; летятъ то довольно густой стаей, то вытянувшись въ шеренгу или изогнутой линіей, то на средней высотѣ, то низко и рѣдко очень высоко. Пролетъ приходилось наблюдать днемъ, преимущественно же въ утренніе часы. Нѣкоторыя партіи придерживаются направленія рѣчныхъ долинъ, другія же летятъ по прямому направленію. Передъ заходомъ солнца собираются по лугамъ и около болотъ и разсаживаются на ночлегъ вразсыпную, какъ это замѣтилъ Н. А. Зарудный въ Оренбургскомъ краѣ“.

Затѣмъ, остается сказать о времени отлета чибисовъ изъ разныхъ частей Россіи. Изъ Вятской губ. чибиса отлетаютъ въ августѣ и въ концѣ этого же мѣсяца улетаютъ главныя массы чибисовъ изъ Казанской и Уфимской губ. Въ Оренбургскомъ краѣ самый сильный осенній пролетъ происходитъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября; оканчивается пролетъ въ концѣ послѣдняго мѣсяца. По нижнему теченію р. Урала одиночныя особи встрѣчаются еще въ началѣ октября. Изъ подмосковныхъ губ. чибиса улетаютъ въ августѣ, въ области средняго теченія Днѣпра держатся до конца октября, въ Херсонской губ. до начала ноября и даже до заморозковъ. Что касается западной окраины, то въ Петербургской и Прибалтійскихъ губерніяхъ отлетъ происходитъ въ концѣ іюля. Изъ Польши мѣстныя птицы улетаютъ даже въ половинѣ іюля, но позднѣе, въ сентябрѣ, по словамъ Тачановскаго, здѣсь опять наблюдается пролетъ чибисовъ, что странно, такъ какъ трудно объяснить, откуда они могутъ быть. Вѣрнѣе, что Тачановскій смѣшалъ кочевки съ отлетомъ и пролетомъ. Наконецъ, чибиса тысячами пролетаютъ черезъ степи сѣвернаго Кавказа, начиная съ первыхъ чиселъ сентября и кончая второй половиной ноября.

Какъ выше упомянуто, чибисъ зимуетъ въ Закавказьѣ. Подъ Батумомъ онъ появляется уже со второй трети іюля, вѣроятно, откочевывая сюда отчасти изъ степной полосы, и остается здѣсь до послѣднихъ чиселъ апрѣля. Держится большими стаями по кукурузнымъ полямъ и у береговъ озеръ и настолько остороженъ, что никогда не подпускаетъ на выстрѣлъ.

Объ охотѣ на чибисовъ многого сказать нечего. Съ прилета, равно какъ и въ концѣ лѣта эти птицы очень строги и подоити къ

нимъ на выстрѣль можно, только подкравшись какъ-нибудь, пользуясь свойствами мѣстности. Въ періодъ гнѣздованія чибисъ самъ налетаетъ на охотника, но, не говоря уже о томъ, что въ это время не должна быть охота, не изъ-за чего и стрѣлять птицу, когда она худа, и, слѣдовательно, крайне невкусна. Весною же и осенью дѣло другое: въ позднюю осень разжирѣвшіе чибиса нисколько не уступаютъ во вкусѣ своего мяса даже лучшимъ куликамъ. Соображаясь съ величиною птицы, для нея достаточно № 9 дроби, благодаря же ея сторожкости надо употреблять даже очень крупные номера, чтобы добыть, наприим., только-что прилетѣвшаго чибиса или выбить одного-другого изъ осенней стаи.

49. Зукъ морской.

Charadrius cantianus, Lath.

Табл. 51.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 372.

Болѣе распростран. названіе: *зукъ морской*.

Эта милостивая птичка распространена у насъ преимущественно на югѣ: она принадлежитъ всей береговой области Чернаго и Каспійскаго морей, вмѣстѣ съ относящимися сюда лиманами и солеными озерами, и, благодаря обилію послѣднихъ, сравнительно широко распространена въ Киргизскихъ степяхъ. Въ приморскихъ областяхъ морской зуекъ очень обыкновененъ, и отсюда залетаетъ отъ времени до времени въ губ. Кіевскую и Харьковскую. Возможно, что въ видѣ исключенія залетаетъ со шведско-датскаго побережья въ окрестности Петербурга; но показаніе Генке, будто морской зуекъ встрѣчается на Бѣломъ морѣ, совершенно невѣроятно.

Описываемый видъ не зимуетъ у насъ даже въ Закавказьѣ, хотя остается очень долго—съ марта по ноябрь.

50. Зуюкъ каспійскій. *Charadrius asiaticus*, Pall.

Табл. 52.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 374.
Болѣе распростран. названіе: *зуюкъ каспійскій*.

Мнѣ нечего прибавить къ ранѣе сообщенымъ мною свѣдѣніямъ о распространеніи этого зуйка, и потому я вынужденъ привести ихъ дословно:

„Каспійскій зуюкъ, какъ гнѣздящаяся птица, распространенъ только около Каспійскаго моря, отъ устьевъ Волги на востокъ черезъ нижнее теченіе рр. Урала и Эмбы по восточному берегу Каспійскаго моря и отсюда къ Аральскому морю, по соленымъ озерамъ Туркестанскаго края, къ югу до Аму-Дарьи. Подъ Астраханью бываетъ только какъ случайно залетная птица; такъ, весною 1871 г. Генке убилъ пару этихъ зуйковъ, летѣвшую въ стаѣ пролетныхъ тиркушекъ. Около Гурьева живетъ постоянно. Сѣверцовымъ наблюдался въ урочищѣ Псень-Берды, у нижняго теченія Эмбы. Зарудный нашелъ каспійскаго зуйка въ окрестностяхъ Косъ-Куля у р. Псембая, въ урочищѣ Бишь-Томакъ и на Шлекѣ, въ урочищѣ Кара-Тугай; но подъ Оренбургомъ не встрѣчалъ его даже на пролетѣ. При спорадичности распространенія описываемая птица не ежегодно гнѣздится въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и потому встрѣчается рѣдко и случайно даже въ той области, гдѣ живетъ постоянно. На пролетѣ наблюдалась въ большомъ количествѣ подъ Ленкоранью, случайно въ устьѣ Терека и на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря. Однажды весною была добыта подъ Одессою. Отъ южнаго берега Каспійскаго моря пролетные пути каспійскаго зуйка пересѣкаютъ Аравію и идутъ въ Африку, въ область верхняго Нила, начиная откуда куличекъ зимуетъ въ южной половинѣ материка“.

51. Зукъ малый.

Charadrius minor, Meyer et Wolf.

Табл. 53.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 378.

Болѣе распростр. названія: *зукъ, зуекъ малый.*

Мѣстныя названія: *зукъ-галетушникъ, чернозобикъ, песочникъ.*

Польск.—*siewka rzeczna, dźdźownik rzeczny.*—Финск.—*tyllikurmista.*

Изъ всѣхъ встрѣчающихся въ Россіи зуйковъ малый имѣетъ самое широкое распространеніе, принадлежа почти всей странѣ. Въ Финляндіи онъ поднимается къ сѣверу до 63°45' с. ш. Въ области Бѣлаго моря наблюдался въ Кандалакшѣ и нормально въ устьѣ Двины. Какъ очень рѣдкая птица найденъ на нижней Печорѣ. Въ Пермской губ. его сѣверную границу составляетъ 60° с. ш. На югъ отъ этой въ общихъ чертахъ опредѣленной сѣверной границы малый зуекъ идетъ по всей странѣ, по большимъ и малымъ рѣкамъ съ песчаными берегами. На Кавказѣ поднимается до 3.000' н. у. м. и въ небольшомъ числѣ, быть можетъ, даже остается здѣсь на зиму.

Любимыя мѣстопробыванія этой птички составляютъ обширныя песчанья и каменистыя отмели по теченію рѣкъ и рѣчекъ, особенно прорѣзанныя мелкими протоками; но иногда ее можно встрѣтить на песчаныхъ дюнахъ и далеко отъ воды. Во время весенняго пролета зуекъ менѣе разборчивъ въ выборѣ мѣста и держится какъ около рѣчекъ, такъ и около лужъ, по лугамъ, образовавшимся отъ тающаго снѣга. Зуйки прилетаютъ въ южную Россію рано: на сѣверный берегъ Чернаго моря и въ губ. Ставропольскую уже во второй половинѣ или въ послѣдней трети марта. Но дальнѣйшее движеніе птички на сѣверъ обыкновенно задерживается, и какъ въ Кіевской, такъ и Харьковской губ. ея пролетъ наблюдается во второй трети апрѣля, иногда позднѣе, и только въ очень рѣдкіе годы раньше. Подъ Оренбургомъ пролетъ начинается въ первой трети апрѣля; въ Уфимской губ. первые зуйки были замѣчены только въ послѣдней трети этого мѣсяца и несомнѣнно

пролетные наблюдались еще въ первыхъ числахъ мая. На пролетѣ эти птички держатся стайками до 10 и даже до 20 штукъ, и летятъ обыкновенно днемъ очень низко, ночью же, напротивъ, высоко. Выждавъ, когда начнутъ оголяться песчанья отмели—мѣста ихъ будущихъ гнѣздовій, птички сваливаютъ къ рѣкамъ и рѣчкамъ, разбиваются на пары и каждая пара поселяется на довольно большомъ разстояніи отъ другихъ. Тогда же самцы начинаютъ, подобно многимъ другимъ куликамъ, играть или, какъ не совѣмъ вѣрно выражаются обыкновенно, токовать около самокъ. Для этого каждый самецъ утромъ и вечеромъ издаетъ родъ пѣсни, часто взлетаетъ и носится вокругъ самки своеобразнымъ, колеблющимся полетомъ, напоминающимъ полетъ крачекъ. Гнѣздо располагается всегда поблизости отъ воды и представляетъ собою простую ямку въ пескѣ или среди камешковъ, куда, безъ всякой подстилки, кладутся четыре, рѣдко пять яицъ кладки. Въ южной Россіи кладка оканчивается уже въ половинѣ мая, въ средней полосѣ полныя кладки можно находить не ранѣе первыхъ чиселъ іюня. Длина грушевидныхъ яицъ отъ 1,2 до 1,15 д., поперечникъ отъ 0,9 до 0,85 д. До снесенія скорлупа яйца бирюзово-голубая съ черно-бурыми пятнышками и точками. Затѣмъ этотъ основной цвѣтъ быстро измѣняется въ зеленовато-песочный и, наконецъ, въ чисто-песочный, по которому разбросаны черно- и свѣтло-бурая крапинки, пятнышки и каракульки, съ болѣе глубокими сѣрыми пятнышками. Днемъ самка часто оставляетъ гнѣздо, т. к. найти яйца зуйка, когда они приобрѣли окончательную окраску, въ ихъ естественной обстановкѣ можно только случайно; но ночью сидитъ крѣпко. Летающіе птенцы въ наибольшемъ количествѣ появляются въ южной Россіи съ конца іюня и въ началѣ іюля, въ средней и восточной приблизительно на 3—4 недѣли позднѣе. Зуйки, благодаря своей окраскѣ, превосходно защищены отъ взоровъ своихъ враговъ, и надо долго прислушиваться къ приятному, нѣсколько заунывному писку куличка, пока удастся замѣтить самую птичку. Птенцы зуйковъ совершенно незамѣтны, благодаря своей пестрой окраскѣ, что, однако, не мѣшаетъ родителямъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобъ отвести непріятеля отъ гнѣзда. Для этого они бѣгутъ въ сторону, съ приподнятой задней частью тѣла, потомъ припадаютъ грудкой къ землѣ, хлопаютъ крылышками, рожатся и т. д.

По своему характеру малый звукъ очень покойная птичка. Обыкновенно онъ бѣгаетъ около самой воды, въ поискахъ за кормомъ, то вдругъ останавливается какъ вкопанный, то слетаетъ и несется низко надъ землей или водой, чтобы перебраться на другое мѣсто. Пищу зуйки составляютъ черви, личинки, мелкія ракушки, жучки—все это онъ вылавливаетъ у воды или даже заходя въ воду. Когда птенцы подрастутъ, зуйки держатся семьями, а затѣмъ къ отлету стадаются, хотя вовсе не рѣдкость встрѣтить одиночныхъ особей и въ это время. Кромѣ того, на пролетѣ встрѣчаются и съ разными улитками и съ другими зуйками. вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ нѣрѣдко можно встрѣтить осенью около лужъ по размокшимъ лугамъ. Въ средней Россіи отлетъ

зуйковъ начинается съ половины августа, а въ началѣ сентября уже оканчивается. Въ южной пролетъ длится вообще до половины сентября. По словамъ Н. Н. Сомова, „летятъ довольно тѣсными стайками въ 10—15 шт., а иногда въ одиночку; держатся низко и тянутся по рѣчнымъ долинамъ: нерѣдко, слѣдуя изгибамъ рѣки, проносятся надъ самой водой. На пролетѣ замѣчалъ я ихъ рано утромъ и слышалъ ихъ голосъ по ночамъ, но въ это время они летятъ, какъ и весной, довольно высоко.—Злѣйшимъ врагомъ зуйковъ является осенью соколъ-дербникъ, весьма ловко хватяющій одинокихъ зуйковъ; но птички эти хорошо знаютъ своего врага и почти всегда носятся надъ рѣкою густою кучею, такъ что хищнику не всегда удается эта охота“.

Охоты за зуйками собственно нѣтъ: ихъ стрѣляютъ или попутно, или на охотѣ за другими куличками.

52. Зукъ галстушникъ.

Charadrius hiaticula, L.

Табл. 54.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 381.

Болѣе распростр. названіе: *зукъ галстушникъ*.

Мѣстныя названія: *зукъ-галстушникъ, чернозобикъ, песочникъ.*

Польск.—*siewka obroźna, dźdźownik obroźny, siwka pieszek.*—Фин.—*tyllikurmitsa, tyllikkä, tylli.*—Лапланд.—*hovidak, ruwidak.*—Эст.—*krans kal', liva trull.*—Лат.—*duhdeewinsch, lauka tabtinsch.*

Въ противоположность малому зуіку, галстушникъ является жителемъ морского побережья и песчаныхъ береговъ большихъ рѣкъ. Отсюда его относительная рѣдкость внутри страны, тогда какъ въ береговой зонѣ онъ повсюду нерѣдокъ. Начиная съ сѣвера, мы видимъ, что онъ гнѣздится по морскому побережью всего Кольскаго полуострова, равно какъ и по берегамъ озеръ въ области березы. Точно такъ же широко распространень по берегамъ и островамъ Бѣлаго моря, на Колгуевѣ и встрѣчается по нижнему теченію Сѣверной Двины. Къ востоку отсюда галстушникъ найденъ въ области нижней Печоры и мѣстами даже обыкновененъ на Новой Землѣ. Идя въ глубь материка, мы видимъ, что этотъ видъ въ лѣсной области Уральскаго хребта не поднимается сѣвернѣе 60° с. ш., но зато по всему среднему и нижнему теченію Волги, а также въ Оренбургскомъ краѣ это гнѣздящаяся и по Волгѣ даже нерѣдкая птичка. Трудно сказать, гдѣ лежатъ предѣлы гнѣздовой области галстушника на Волгѣ: одни наблюдатели считаютъ его еще гнѣздящимся въ Казанской губ., другіе находили его здѣсь только на пролетѣ. Во всякомъ случаѣ, по верхней Волгѣ съ ея притоками галстушникъ найденъ несомнѣнно только на пролетѣ. Въ западной Россіи галстушникъ гнѣздится во всей Финляндіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ центральныхъ частей ея, въ береговой области Финскаго залива и Балтійскаго моря и по большимъ рѣкамъ Польши. Что касается области Днѣпра, то возможно, что галстушникъ кое-гдѣ гнѣздится по этой рѣкѣ, но въ Харьковской

губ. это положительно отчасти кочующая, отчасти пролетная, но никакъ не гнѣздящаяся птичка. По сѣверному побережью Чернаго моря, вмѣстѣ съ Крымомъ, найденъ только на пролетѣ. На Кавказѣ галстушникъ гнѣздится въ небольшомъ количествѣ, поднимаясь до высоты 6.300' н. у. м.

Кромѣ указанныхъ рѣкъ, галстушникъ на пролетѣ встрѣчается по всѣмъ большимъ пролетнымъ путямъ страны.

Мы опишемъ образъ жизни галстушника, поскольку онъ отличается отъ образа жизни малаго зуйка.—Галстушникъ можетъ быть названъ общественной и внѣ періода гнѣздованья очень осторожной птицей. Любимыя мѣста его жительства песчаные берега и отмели рѣкъ, озеръ и особенно моря, тамъ, гдѣ песчаный берегъ изрѣзанъ проливами и заливами, отчего образуются многочисленныя островки. Здѣсь наилучшія условія добыванія корма и здѣсь-то можно съ наибольшею легкостью наблюдать куличка. Галстушникъ очень дѣятельная птица. Добывая кормъ, онъ суетится около самой воды, то бѣгая вдоль ея урѣза, въ преслѣдованіи какого-нибудь насѣкомаго, то забираясь въ самую воду, то шагъ за шагомъ слѣдуя за убѣгающей волной. Но особенно любопытно, когда волна идетъ на берегъ и птичка, съ поразительной быстротой перебирая ножками, пускается на утекъ отъ догоняющей ее волны. Если бѣгство не удается, куличекъ поднимается на крылья и пролетаетъ нѣкоторое разстояніе. Часто къ компаніи галстушниковъ присоединяются другіе кулички, и вся эта дѣятельная ватага отъ времени до времени описываетъ въ воздухѣ прихотливыя движенія или быстро перемѣщается съ одного островка на другой. Въ нашихъ мѣстахъ галстушникъ даже не особенно остороженъ по отношенію къ человѣку и, вѣрный своимъ привычкамъ, пробуетъ сначала убѣжать отъ непрошеннаго посѣтителя, только съ крайнею неохотой улетающа, если преслѣдованіе не прекращается. На лету, подобно другимъ куличкамъ, держится низко надъ водою или землею. Пищу галстушника составляютъ червячки, насѣкомыя и ихъ личинки, слизняки и т. п.

Весною галстушникъ прилетаетъ на сѣверный берегъ Чернаго моря въ апрѣлѣ и быстро пролетаетъ далѣе. Въ Харьковской губ. пролетныя замѣчены только парами или въ одиночку, въ Оренбургскомъ краѣ преимущественно также въ одиночку, но иногда и небольшими стайками. Пролетъ всюду идетъ сравнительно быстро и въ половинѣ мая галстушникъ уже достигаетъ полосы тундры, хотя послѣднія пролетныя особи исчезаютъ изъ средней и восточной Россіи только въ первой трети и даже въ половинѣ этого мѣсяца. Зато, въ противоположность дружному пролету, гнѣздовой періодъ продолжается у галстушника очень долго, вслѣдствіе разновременной кладки яицъ. Описываемый куличокъ любитъ гнѣздиться близко отъ воды и собственно гнѣзда не устраиваетъ, а откладываетъ яйца или въ ямку въ песокъ, или среди камней; всегда нѣсколько парочекъ гнѣздятся въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, и такимъ образомъ получается

родъ гнѣздовой колоніи. Въ это время самцы распѣвають своеобразную пѣсенку, которая въ сущности состоитъ изъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ призывныхъ криковъ, только съ разнообразной модуляціей. Родители сидятъ на яйцахъ очень крѣпко, зная, что хорошо защищены своей окраской; если же птичка думаетъ, что ея положеніе становится опаснымъ, быстро оставляетъ гнѣздо, и тогда найти яйца почти невозможно,—до того велико сходство между ними и окружающею обстановкой. Каждая кладка содержитъ четыре яйца. Форма ихъ грушевидная, размѣры отъ 1,55 до 1,3 д. въ длину и отъ 1,05 до 0,98 въ поперечникѣ. Основной цвѣтъ бѣловато- или блѣдно-охристый и по этому фону разбросаны поверхностныя черновато-бурыя и глубокія темно-сѣрыя пестринки. Въ заботахъ о дѣтяхъ галстушникъ не отличается отъ малаго зуйка.

Когда птенцы подрастутъ и поднимутся на крылья, старики начинаютъ вести кочевую жизнь. Въ это преимущественно время галстушники и становятся предметомъ добыванія, хотя опять-таки, подобно всѣмъ мелкимъ куличкамъ, играютъ въ этомъ отношеніи совершенно второстепенную роль. Первыхъ кочевыхъ галстушниковъ, т.-е. стариковъ раннихъ кладокъ, въ средней Россіи можно наблюдать уже съ разныхъ чиселъ іюля, но очень возможно, что между ними не мало и холостыхъ особей. Собственно осенній пролетъ начинается въ средней Россіи со второй половины августа и оканчивается въ началѣ сентября, въ южной длится съ конца второй трети августа до начала послѣдней трети сентября. Послѣдними пролетаютъ молодья особи. На осеннемъ пролетѣ можно наблюдать галстушниковъ и въ одиночку, и группами, и небольшими стаіками въ 10—12 штукъ. Любимыя мѣста остановокъ и въ это время—песчаные берега озеръ, но кромѣ того кулички встрѣчаются на размокшихъ лугахъ, по дождевымъ лужамъ и даже по колеямъ, наполненнымъ водою.

53. Сивка глупая. *Charadrius morinellus*, L.

Табл. 55.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 385.

Болѣе распростр. названіе: *сивка глупая*.

Мѣстныя названія: *краснобрюхая семендуха* (Турух. кр.); *кокошники* (въ Павдѣ); *тѣтушокъ* (подъ Екатеринб.); *куликъ* (Астрах.); *сивка, сѣрка, хрустанъ* (Херсон. губ.).

Польск.—*mornel, szajka mornel*.—Фин.—*keräjäkurmistä, keräjälintu*.—Латл.—*lafhol, lajol, lahul, lafhul*.

Глупая сивка или хрустанъ, какъ ее зовутъ въ Херсонской губ., въ качествѣ гнѣздящейся птицы принадлежитъ у насъ тундрѣ и Киргизскимъ степямъ. На Кольскомъ полуо-вѣ она гнѣздится въ тундрѣ и на такихъ горахъ внутри страны, которыя своими вершинами заходятъ въ область тундры, вообще къ югу до 67° с. ш. Затѣмъ гнѣздится въ устьѣ Сѣверной Двины, въ Канинской тундрѣ, на о. Колгуевѣ, въ области нижней Печоры къ югу до 62° с. ш. и на о. Вайгачѣ. По Уральскому хребту быть можетъ гнѣздится къ югу до Павды. Что касается Киргизскихъ степей, то здѣсь глупая сивка найдена гнѣздящеюся отъ Волги на западѣ приблизительно до р. Ори на востокѣ, но, судя по всему, гнѣздится здѣсь въ небольшомъ числѣ и не вездѣ постоянно. Наконецъ, одна гнѣздящаяся пара была найдена на рифѣ о-ва Котлина, но это, вѣроятно, случайное гнѣздованье.

Переходя теперь къ опредѣленію пролетныхъ путей глупой сивки, мы видимъ, что наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи крайне недостаточны. Она найдена на пролетѣ почти во всей береговой зонѣ Финляндіи и въ нѣкоторыхъ ея центральныхъ частяхъ, въ области Сѣверной Двины, въ небольшомъ количествѣ въ губ. Петербургской, прибалтійскихъ и Польшѣ. Въ центральной Россіи глупая ржанка до сихъ поръ не можетъ считаться нормально-пролетною птицею. По Днѣпру и въ губ. Харьковской также очень рѣдка, но въ Херсонской губ. и въ Крыму на пролетѣ прямо многочисленна. Въ восточной

Россіи пролетная птица губ. Пермской, Уфимской, Казанской и всего средняго и нижняго Поволжья. Если не допустить, что глупая сивка всегда пролетаетъ черезъ центральную Россію высоко ночью,—на что, конечно, нѣтъ основанія,—тогда самое вѣроятное объясненіе загадочной многочисленности этой птички на черноморскомъ побережьѣ будетъ состоять въ томъ, что осенью часть ржанокъ съ Волги, отъ впаденія въ нее Камы, летитъ на ю.-з., къ нижнему теченію Дона и отсюда на черноморское побережье, тогда какъ другая часть, а также и гнѣздящаяся въ Оренбургскомъ краѣ и западно-сибирскихъ тундрахъ летятъ къ берегу Каспійскаго моря. Отсюда большинство летитъ на зимовки въ Африку, меньшинство же остается зимовать въ Закавказьѣ.

Такъ какъ глупая ржанка является у насъ предметомъ охоты только во время пролета, я не стану описывать ея образа жизни на родинѣ, отсылая желающихъ познакомиться съ этимъ къ моему прежнему труду.

Весною эта красивая птица появляется на берегахъ Чернаго моря уже въ мартѣ, даже, вѣроятно, въ началѣ этого мѣсяца, и остается здѣсь до конца апрѣля, а то и до начала мая. Въ восточной Россіи пролетъ происходитъ позднѣе, только во второй половинѣ апрѣля, и это, безъ сомнѣнія, обусловливается климатическими различіями той и другой мѣстности. По словамъ г. Сѣницкаго, въ Крыму эта ржанка на пролетѣ громадными стаями носится недѣли двѣ по степямъ и лугамъ, и, повидимому, также обыкновенна она на пролетѣ въ губ. Херсонской, тогда какъ въ восточной Россіи наблюдается только небольшими стайками. На осеннемъ пролетѣ описываемый видъ начинаетъ встрѣчаться въ южной Россіи уже съ первой трети августа и остается до ноября. Откуда прилетаетъ такъ рано глупая ржанка въ Херсонскую губ. осенью, совершенно неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что наблюденія надъ временемъ пролета ея въ восточной Россіи не даютъ въ этомъ случаѣ никакого объясненія. Такъ, подъ Оренбургомъ она пролетаетъ въ концѣ августа и въ первой половинѣ сентября. Съ половины августа до половины сентября наблюдалась въ низовьяхъ рр. Урала и Эмбы. Поэтому, чтобы подтвердить или опровергнуть выше сдѣланныя предположенія о пролетѣ глупой ржанки осенью съ Волги на Донъ и далѣе на побережье Чернаго моря, было бы очень желательно произвести наблюденія по направленію этого предполагаемаго пути.

На пролетѣ глупая ржанка лишь крайне рѣдко встрѣчается по берегамъ рѣкъ и озеръ, ея любимое и даже почти исключительное мѣстопробываніе составляютъ луга и степи, и даже на поля эта птица опускается очень рѣдко. Въ степяхъ обширные, часто до десятка верстъ въ діаметрѣ, выгоны съ твердой, почти голой или поросшей только крохотной травкой, почвой въ такой степени привлекаютъ къ себѣ ржанокъ, что они собираются тамъ прямо несмѣтными стаями. Обыкновенными ихъ компаньонами являются здѣсь тиркушки, привлекаемые сюда, какъ и ржанки, обиліемъ насѣкомыхъ. При приближе-

ни къ такому мѣсту уже издали слышенъ протяжный, меланхолическій свистъ ржанокъ, издаваемый ими только на лету, а затѣмъ, на болѣе близкомъ разстояніи, можно видѣть и всю суетливую массу птицъ, занятыхъ добываніемъ корма. Однако прямо подойти къ нимъ на выстрѣлъ нечего и думать: какъ всѣ стайныя птицы, ржанки очень осторожны и лучше всего подѣзжать къ нимъ въ повозкѣ или, при охотѣ вдвоемъ, одному спрятаться въ удобномъ мѣстѣ, а другому осторожно нагонять ихъ на спрятавшагося. Если ни то, ни другое не примѣнимо, а приходится подходить одному, тогда обязательно идти не прямо на стадо, а такъ, какъ будто идешь мимо его. Въ такомъ случаѣ ржанки, подпустивъ шаговъ на 100—80, сначала снимаются и летятъ прочь, а потомъ направляются прямо на охотника и, подлетѣвъ къ нему шаговъ на 40, круто поворачиваютъ въ бокъ. Моментъ поворота, когда стадо скучится, и есть самый удобный для стрѣльбы, и спокойный, не горячій охотникъ можетъ такимъ образомъ сразу добыть нѣсколько штукъ этихъ вкусныхъ птицъ.

Въ тундрахъ, гдѣ гнѣздятся ржанки, за ними охотятся почти исключительно тѣ немногіе спортсмены-иностранцы, которые отъ времени до времени посѣщаютъ наши сѣверныя окраины или ради охоты, или ради собиранія естественно-историческихъ коллекцій.

54. Сивка морская, тулесъ. *Charadrius helveticus*, Briss.

Табл. 56.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 390.

Болѣе распростран. названія: *морская сивка, тулесъ.*

Мѣстные названія: *морская сивка* (Петерб. губ.); *тундреная семендуга* (Турухан. край); *сивка* (Астрахан.); *кокошникъ* (Павда); *болотная сивка* (Пермск. губ.).

Польск.—*siewnica*.—Фин.—*rantakurmista*.—Эст.—*plüi*.—Самоѣд.—*тулесъ*.—Остяцк.—*лоними*.

До сихъ поръ мы знаемъ очень немного мѣстъ, гдѣ гнѣздится эта ржанка. Вообще ее считаютъ кругополярною птицей, но изъ этого не слѣдуетъ, что она гнѣздится на далекомъ сѣверѣ кольцомъ вокругъ полюса: здѣсь она доподлинно гнѣздится въ Канинской тундрѣ, въ долинѣ нижней Печоры, на Таймырскомъ полуо-вѣ, въ Аляскѣ, на отмеляхъ Андерсоновой рѣки и на Мельвилевомъ полуо-вѣ. Показанія многихъ авторовъ о томъ, будто тулесъ гнѣздится въ Пермской, Вятской и Вологодской губ., слишкомъ поспѣшны, такъ какъ основаны только на нахожденіи этихъ птицъ въ перечисленныхъ мѣстахъ лѣтомъ. Но холостыя особи разныхъ видовъ птицъ, гнѣздящихся далеко на сѣверѣ, вообще нерѣдко встрѣчаются лѣтомъ далеко къ югу отъ гнѣздовой области, ведя бродячую жизнь. Отдѣльныя особи тулеса были находимы поздною весною и въ началѣ лѣта даже въ южной Россіи, но это по всей вѣроятности уже большыя особи, отставшія на пролетѣ. Зато, если тулесъ гнѣздится лишь колоніями въ области тундры, на пролетѣ эта птица встрѣчается у насъ въ очень многихъ частяхъ страны. Въ Лапландіи и Финляндіи тулесъ не можетъ считаться правильно пролетной птицей. Но отъ Архангельска къ Финскому заливу, на побережьѣ Балтійскаго моря, по озерамъ Новгородской и Псковской губ. и по большимъ рѣчнымъ пролетнымъ путямъ средней и южной Россіи эта ржанка пролетаетъ нормально, хотя нигдѣ не можетъ назваться многочисленной. Въ восточной Россіи тулесъ

пролетаетъ долинами Камы, Волги и Урала къ Каспійскому морю, гдѣ слѣдуетъ его западнымъ побережьемъ на зимовки въ сѣверо-восточную Африку. Немногія остаются, впрочемъ, зимовать въ Закавказьѣ.

Свѣдѣнія о времени появленія тулеса весною на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря весьма неопредѣленны; послѣдніе же изслѣдователи Крыма, г.г. Браунеръ и Сѣницкий, даже совсѣмъ не наблюдали здѣсь этой птицы. Однако, судя по наблюденіямъ Н. Н. Сомова въ Харьковской губ., гдѣ тулесъ замѣчается съ половины марта и попадаетъ еще въ первыхъ числахъ апрѣля, эта ржанка должна очень рано прилетать на сѣверный берегъ Чернаго моря. На закавказскомъ побережьѣ Каспійскаго моря тулесъ пролетаетъ въ самыхъ первыхъ числахъ апрѣля и, въ связи съ столь позднимъ пролетомъ, летитъ быстро, такъ что въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца пролетаетъ подъ Оренбургомъ. Весенній пролетъ тулеса въ центральной Россіи извѣстенъ очень мало. Въ Прибалтійскомъ краѣ описываемая птица пролетаетъ съ начала до половины мая, держась преимущественно берега моря и внутри страны встрѣчаясь только по большимъ озерамъ. Около половины мая наблюдается подъ Петербургомъ.

Осенній пролетъ тулеса въ средней Россіи происходитъ въ августѣ и оканчивается въ сентябрѣ, въ южной длится съ послѣдней трети августа по октябрь. Такъ какъ по мѣстонахожденію и образу жизни эта ржанка на пролетѣ почти не отличается отъ слѣдующаго, лучше извѣстнаго вида, мы не будемъ говорить о ней отдѣльно съ этой стороны.

55. Сивка, ржанка.
Charadrius pluvialis, L.

Табл. 57.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 39б.

Болѣе распростран. названія: *сивка, ржанка, „озимья куры“.*

Мѣстные названія: *семенуха, семенушка* (у помор.); *полевой тьтушокъ* (Олонек.); *сивка, полевая сивка* (Петер.); *полевой рябокъ* (Новгор.); *свицы* (Пермск. губ.); *варианцы* (Павда); *сивка* (Перм. у.); *сивокъ, ржанка* (малоросс.); *ржанка* (Поволжье); *полевой курагтанчикъ* (Оренбург. кр.); *тьтушокъ* (на Енисеѣ).

Польск.—*siwka, sieyka mysl.*—Жмуд.—*tilvikas.*—Фин.—*tunturikurmista, kapustarinta, peltokana, tilleri.*—Лапл.—*bitschus, pitschus, bizhiutzh, luhti, piljas.*—Эст.—*rüt, rütaja;*—въ Лифл.—*odra lind, odra pü, soo pü.*—Латыш.—*tahrtinsch, sehjas putnis.*—Краснояр.—*тарту.*

Сивка гораздо шире распространена въ Европ. Россіи даже въ качествѣ гнѣздящейся птицы, нежели предыдущій видъ; на пролетѣ же это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и притомъ очень многочисленныхъ птицъ всей страны. Этимъ объясняется какъ то, что за ней существуетъ правильная охота, такъ и то, что по отношенію къ ней собрано много біологическихъ наблюденій.

Въ тундрахъ сивка гнѣздится повсемѣстно, отъ Кольскаго полуова до тундръ по нижней Печорѣ, заходя также на оо. Колгуевъ и Вайгачъ. Къ югу отъ этой полосы сивка гнѣздится въ Финляндіи къ югу до 62° с. ш., но въ южной части края бываетъ только на пролетѣ, хотя, начиная съ Петербургской губ., гнѣздится спорадично и въ Новгородской, и въ Прибалтійскомъ краѣ, и, быть можетъ, еще гнѣздится теперь и несомнѣнно гнѣздилась прежде въ губ. Ковенской и кое-гдѣ въ Польшѣ. Весьма возможно, что по Сѣв. Двинѣ гнѣздится въ подходящихъ мѣстахъ къ югу до юго-западныхъ частей Вологодской губ. Въ Пермской, быть можетъ, гнѣздится до Каслинскаго у. и мѣстами, какъ, наприм., въ Богословскомъ округѣ, даже обыкновенна. Въ западной полосѣ Россіи на пролетѣ это всюду обыкновенная птица.

Изъ сѣверо-восточной Россіи ржанки летятъ по Камѣ и Волгѣ отчасти на Каспійское море, преимущественно же съ нижней Волги сворачиваютъ на Азовское и Черное море, гдѣ соединяются съ бѣломорскими и западно-русскими ржанками, которыя слѣдуютъ Окою, верхнимъ теченіемъ Волги, долинами Днѣпра и Дона. Небольшое число ржанокъ остается даже зимовать на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Что же касается пролетныхъ по рр. Уралу и Эмбѣ изъ Сибири и по Волгѣ изъ сѣверо-восточной Россіи на Каспійское море, то изъ нихъ очень многія остаются зимовать въ Закавказьи и на Персидскомъ побережьи.

Вотъ что я писалъ ранѣе объ образѣ жизни ржанки:

„Въ мартѣ мѣсяцѣ къ ржанкамъ, зимовавшимъ въ Новороссійскомъ краѣ, присоединяются пролетныя съ средиземноморскихъ зимовокъ и птицы начинаютъ подвигаться къ сѣверу. Иногда это движеніе начинается въ концѣ марта, иногда въ началѣ апрѣля и въ зависимости отъ этого стоитъ время пролета по Днѣпру и по Дону. Обыкновенно въ центральную Россію ржанки прилетаютъ въ первой половинѣ апрѣля, но иногда появляются и раньше, уже въ концѣ марта; длится пролетъ до начала мая. Въ Польшѣ весенній пролетъ начинается обыкновенно въ концѣ марта и длится весь апрѣль. Въ Прибалтійскомъ краѣ ржанки прилетаютъ не позднѣе начала апрѣля, равно какъ и въ Петербургской губ. Что же касается Лапландіи, то здѣсь время прилета ржанки представляетъ весьма большія колебанія, и въ нѣкоторые годы птицы появляются раньше 10-го, въ другіе въ самомъ концѣ мая. Относительно восточной Россіи мы знаемъ, что ржанки пролетаютъ съ Каспійскаго моря въ область Печоры въ теченіе апрѣля, и первая ржанка была добыта Зибомомъ и Броуномъ подъ Усть-Цыльмой только 5 мая.

„На весеннемъ пролетѣ ржанки летятъ быстро, останавливаясь только для кормежки и необходимаго отдыха. Въ ясный апрѣльскій день огромныя стаи ихъ вьются такъ высоко, что даже не всегда можно разглядѣть ихъ простымъ глазомъ; но зато очень хорошо слышишь ихъ пискъ, состоящій изъ двухъ короткихъ нотъ, одна повыше, другая пониже. Многочисленность кричащихъ птицъ дѣлаетъ то, что крикъ слышится безпрестанно и сливается въ одинъ пріятный для уха мотивъ. Но вотъ настало время отдыха, и вся стая, безпрестанно кружась, то свиваясь въ густое облако, то развываясь широкою пеленой, какъ говоритъ Аксаковъ, начинаетъ „дѣлать свои круги все ниже и ниже и, спустясь уже близко къ землѣ, вдругъ съ шумомъ покрываетъ цѣлую десятину; ни одной секунды не оставаясь въ покоѣ, озимыя куры проворно разбѣгаются во всѣ стороны. Мгновенно поверхность занимаемаго ими мѣста представится вамъ движущеюся, живою; въ глазахъ зарябитъ, если долго смотришь на эту волнующуюся пестроту!“ Въ дождливые, ненастные дни ржанки гораздо смиреннѣе: летятъ низко, а сѣвши на отдыхъ, менѣе бѣгаютъ по мокрой пашнѣ и даже иногда сидятъ на одномъ мѣстѣ, собравшись въ кучу. Когда

гнѣздовья мѣста, наконецъ, достигнуты, стаи разбиваются, хотя обыкновенно отдѣльные пары гнѣздятся въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Любимое мѣсто гнѣздовья ржанки—волнистая тундра, изрѣзанная рѣчками, берега которыхъ покрыты тощими сѣверными кустарниками. Здѣсь первая птица, встрѣчающая путешественника,—обыкновенная ржанка, которая съ крикомъ подлетаетъ почти къ самому человѣку, затѣмъ поворачиваетъ и уносится вдаль, чтобы черезъ нѣсколько минутъ продѣлать то же самое. И безпокойный крикъ и зовъ похожи на соответствующіе крики тулеса.

„Гнѣздо ржанки представляетъ собою довольно глубокою ямку, высланую мхомъ и другими растительными веществами, на которыя птица кладетъ свои яйца. Полное число ихъ въ кладкѣ четыре. Основной цвѣтъ варьируетъ отъ блѣдно-бураго до густо-бураго, иногда съ оливковыми оттѣнками, и по немъ разбросаны красно-бурая и черно-бурая поверхностныя и рѣдкія сѣроватыя глубокія пестрины. Самыя крупныя пятна покрываютъ обыкновенно тупой конецъ яйца и иногда нѣкоторыя изъ нихъ сливаются между собою, такъ что занимаютъ очень большое пространство. Иногда, напротивъ, пестрины очень мелки. Длина яицъ отъ 2,2 до 1,95 д., поперечникъ отъ 1,5 до 1,31; обыкновенно они нѣсколько крупнѣе чибисовыхъ. Самецъ и самка принимаютъ, повидимому, одинаковое участіе въ высиживаніи, и если человѣкъ приближается къ гнѣзду, то пускаются на разныя хитрости, чтобъ отвести его отъ гнѣзда и приманить за собою. Только-что выклюнувшіеся птенцы могутъ превосходно прятаться, благодаря своей окраскѣ. Родители держатъ ихъ при себѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, но передъ отлетомъ расстаются, и тогда начинается стаденіе ржанокъ. Въ Лапландіи ржанки гнѣздятся въ первой половинѣ іюня, какъ и въ нижне-печорской тундрѣ. Въ Прибалтійскомъ краѣ яйца находятся уже въ концѣ мая.

„Весьма любопытно появленіе ржанокъ въ Оренбургскомъ краѣ. Иногда онѣ остаются здѣсь на нѣсколько недѣль въ теченіе мая и потомъ пропадаютъ, иногда появляются съ первыхъ чиселъ второй трети іюля; и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ большомъ количествѣ. Бродятъ ли это несовсѣмъ взрослыя особи, или же почему-либо оставшіеся холостыми, рѣшить трудно; вѣроятнѣе же всего, что въ іюлѣ появляются стада старыхъ птицъ, которыя уже успѣли воспитать своихъ птенцовъ.

„На осеннемъ пролетѣ ржанки летятъ не быстро и останавливаются надолго. Старыя птицы обыкновенно появляются первыми; затѣмъ смѣшанныя стада изъ старыхъ и молодыхъ прибываютъ нѣсколько позднѣе, иногда на цѣлый мѣсяцъ и болѣе. Изъ тундры отлетъ начинается въ іюлѣ и оканчивается къ сентябрю. Въ губ. Петербургской и прибалтійскихъ ржанки пролетаютъ въ августѣ и въ сентябрѣ. Въ Польшѣ осенній пролетъ длится съ іюля по ноябрь, а иногда ржанокъ можно встрѣтить и въ декабрѣ. Въ октябрѣ же и ноябрѣ ржанки еще держатся въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ отдѣль-

няя особи и маленькія стайки остаются даже на зиму. Въ восточной Россіи пролетъ ржанокъ длится съ іюля до конца сентября и даже до октября. Къ сожалѣнію, мы не можемъ указать съ точностью, когда оканчивается пролетъ на Камѣ, когда ржанки пролетаютъ среднее Поволжье и долго ли остаются на сѣверномъ берегу Каспійскаго моря. Въ Закавказьѣ, гдѣ ржанка зимуетъ отъ уровня моря до 6.500, надъ нимъ, эта птица появляется въ ноябрѣ и остается до апрѣля“.

Превосходное картинное описаніе охоты на ржанокъ намъ оставилъ С. Т. Аксаковъ. „Съ появленіемъ озимыхъ куръ, — пишетъ онъ, — начинается горячая, хлопотливая, бывало, очень любимая мною стрѣльба этой дичи. Жадность и горячность увеличивались отъ мысли, что пребываніе озимыхъ куръ ненадежно, и что, можетъ быть, завтра или послѣзавтра онѣ и совсѣмъ пропадутъ. Съ подхода стрѣлять нельзя: сивки, не подпуская въ мѣру, на инуть по - одиночкѣ перелетывать съ мѣста на мѣсто, да и бѣгутъ такъ проворно, что не поспѣешь за ними. Съ подъѣзда онѣ смириѣе и подпускаютъ ближе, хотя и тутъ тѣ же отчасти неудобства, то-есть безпрестанное бѣганье и взлетыванье. Рѣдко случалось мнѣ убивать болѣе трехъ штукъ однимъ зарядомъ; но не должно жадничать и выжидать, покуда сбѣжитъ стая плотнѣе. Надобно принять за правило: какъ скоро подъѣдешь въ мѣру, то стрѣлять въ ближайшихъ; цѣля всегда въ одну, по большей части убьешь пару и даже изрѣдка трехъ. Желая убить больше однимъ зарядомъ, — измучишь себя и лошадей, и убьешь несравненно меньше, потому что угонишь далеко и безпрестаннымъ преслѣдованіемъ напугаешь озимыхъ куръ гораздо скорѣе, чѣмъ рѣдкими выстрѣлами. Обыкновенно послѣ каждаго выстрѣла поднимается вся стая, и, сдѣлавъ невысоко кругъ или два, опять садится. Такимъ образомъ на одномъ полѣ иногда удастся подъѣхать и выстрѣлить нѣсколько разъ, потому что сивки, налетавшись прежде въ вышинѣ и опустясь на землю, уже неохотно поднимаются вверхъ, а только перелетываютъ съ мѣста на мѣсто. Одинъ разъ нечаянно сдѣлавъ я открытіе, что сивка вьется довольно низко надъ подстрѣленными своими товарищами, что, впрочемъ, замѣчается и въ другихъ птицахъ. Вотъ какъ это было: выстрѣливъ въ стаю озимыхъ куръ и взявъ двухъ убитыхъ, я слѣдилъ полетъ остальной стаи, которая начала подниматься довольно высоко: вдругъ одна сивка пошла книзу на отлетъ (вѣроятно, она ослабѣла отъ полученной раны) и упала или сѣла не близко; въ одно мгновеніе вся стая быстро опустилась и начала кружиться надъ этимъ мѣстомъ очень низко; я немедленно поскакалъ туда и нашелъ подстрѣленную сивку, которая не имѣла силъ подняться, а только ползала, потому что одна нога была переломлена: стая поднялась выше. Я сейчасъ отослать дрожки и лошадей прочь, а самъ легъ недалеко отъ подстрѣленной птицы; стая сивокъ стала опускаться и налетѣла на меня довольно близко: однимъ выстрѣломъ я убилъ пять штукъ, послѣ чего остальные перелетѣли на другое поле. Потомъ я уже много разъ пользовался этимъ средствомъ съ успѣхомъ.—Самое выгодное время

стрѣлять озимыхъ куръ — дождливые, ненастные дни; тогда онѣ гораздо смиреннѣе: мало вьются вверху, менѣе бѣгаютъ по мокрой пашнѣ и даже иногда сидятъ на одномъ мѣстѣ, собравшись въ кучу. — Вообще, сивка довольно сильная и крѣпкая къ ружью дичь, и потому дробь надобно употреблять не мельче 6-го или 7-го номера. Впрочемъ, все зависитъ отъ разстоянія. Мнѣ случалось стрѣлять ихъ бекасникомъ въ ненастную погоду и крупною дробью въ ведро, когда онѣ вьются вверху. Сивки никогда не бываютъ жирны, но зато и не бываютъ худы, а всегда сыты. Мясо ихъ очень сочно и вкусно“.

Прибавлю къ этому, что подѣзжать къ сивкамъ можно не въ повозкѣ, а верхомъ, что иногда представляетъ несомнѣнныя преимущества. Найдя стаю этихъ птицъ, надо слѣзть съ лошади и подходить къ нимъ кругами, постепенно скрадывая разстояніе и укрываясь за лошадью.

56. Авдотка.

Oedicnemus crepitans, Temm.

Табл. 58.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 403.

Болѣе распростран. названія: *авдотка, лежень*.

Мѣстные названія: *авдотка* (въ Астрахан. губ. и вообще въ южной Россіи); *шайтанъ-куликъ* (въ Крыму); *бууровый куликъ, лазунъ, савичъ* (у астрахан. охотн.); *головастикъ, пучеглазъ* (у Уральск. казак.); *лежень* (Гавричск., Херсонск.); *скыриунъ* (Староб. у. Харьк.).

Польск.—*kulon*.

Весьма замѣчательно, что всюду, гдѣ водится эта птица, она награждена чрезвычайно характерными названіями либо за извѣстныя особенности своего внѣшняго вида, либо за нѣкоторыя повадки. Такъ, названія: *лазунъ, головастикъ, пучеглазъ*—хорошо передаютъ большую голову и свѣтлые, какъ бы выпяченные глаза этого кулика; *бууровый куликъ*, очевидно, происходитъ отъ характера мѣстности, гдѣ живетъ этотъ видъ; *лежень*—указываетъ на манеру прятаться, прижавшись къ землѣ, и т. д. Но, несмотря на это, авдотка не можетъ у насъ считаться ни очень широко распространенной, ни хорошо извѣстной птицей.

Любимое мѣстопробываніе авдотки—обширныя, бугристыя, песчанья площади съ разбросанными по нимъ зарослями ивняка или вообще островками лѣсовъ и высокими кустиками рѣдкой травы. Но, кромѣ этого, встрѣчается и на глинистыхъ равнинахъ, покрытыхъ тамарискомъ или саксауломъ, и даже на обширныхъ полянахъ среди камышей, какъ это наблюдается въ Закаспійскомъ краѣ. Такой характеръ мѣстности вполне опредѣляетъ собою распространеніе у насъ авдотки: ея область захватываетъ отчасти западную, отчасти южную Россію, гдѣ имѣются болѣе или менѣе обширныя дюнные пески, достаточно удаленные отъ жилья человѣка; въ центральныхъ же частяхъ страны эта птица не появляется даже случайно. Перечисляя мѣста, гдѣ найдена авдотка, мы видимъ, что на западѣ она можетъ назваться обыкновенной птицей Польши. Отсюда до средняго теченія Днѣпра,

судя по характеру мѣстности, авдотка не можетъ встрѣчаться иначе какъ случайно, залетая во время перелетовъ. Въ степной же полосѣ, по Днѣстру, Днѣпру и Дону, авдотка, безъ сомнѣнія, водится тамъ, гдѣ есть для нея подходящія мѣста. Къ сожалѣнію эта обширная площадь изслѣдована еще очень недостаточно съ орнитологической стороны и потому неудивительно, что мы можемъ указать лишь немного мѣстъ, гдѣ авдотка найдена здѣсь гнѣздящеюся. По свидѣтельству Браунера, она даже многочисленна по пескамъ на лѣвой сторонѣ низовья Днѣпра, гнѣздится на побережьи Сиваша и въ степяхъ Крыма. По словамъ Сомова, гнѣздится въ бугристыхъ пескахъ южной и восточной части Харьковскій губ. Отдѣльныя находки описываемой птицы извѣстны какъ для губерній бывшаго Кіевского учебнаго округа (Подольская, Волынская, Кіевская, Черниговская и Полтавская губ.), такъ и для Воронежской губ., но по нимъ рѣшительно нельзя составить понятія, насколько часто или рѣдко и гдѣ именно встрѣчается здѣсь авдотка. На востокъ отъ Воронежской губ. авдотка по Волгѣ въ небольшомъ числѣ встрѣчается въ окрестностяхъ Сарепты, очень обыкновенная гнѣздящаяся птица на песчаныхъ буграхъ въ окрестностяхъ Астрахани. Вверхъ по Волгѣ случайно залетаетъ до Казанской губ. Между Волгой и Ураломъ это спорадичная, но несомнѣнно широко распространенная птица. Въ области р. Урала авдотка распространена къ сѣверу довольно далеко, именно на западъ отъ рѣки сѣверная граница распространенія авдотки, какъ гнѣздящейся птицы, проходитъ между стан. Бударинской и Мергеневской; къ востоку отъ Урала нормально гнѣздится въ верховьяхъ Утвы, но залетаетъ къ сѣверу до впаденія Плека въ Уралъ. Кромѣ того авдотка встрѣчена по Эмбѣ и близъ Каспійскаго моря. Переходя къ Кавказу, мы видимъ, что авдотка встрѣчается около Ставрополя, очень обыкновенна въ ногайскихъ степяхъ и встрѣчена неоднократно на Терекѣ (лѣтомъ), особенно въ дельтѣ его (осенью). Въ Закавказьѣ авдотка предпочтительно держится по глинистымъ степямъ и дюнамъ прибрежной полосы, поднимаясь не выше 3.000' н. у. м., но гнѣздится также и внутри страны, по степямъ, поросшимъ полынью, и среди пустынныхъ песчаныхъ площадей.

Весною авдотка прилетаетъ къ намъ въ концѣ марта или началѣ апрѣля, осенью отлетаетъ въ октябрѣ. На перелетахъ держится стаиками, но, возвратившись на родину, разбивается на пары и сначала парами, позднѣе выводками держится почти все лѣто. По характеру своему авдотка чрезвычайно осторожна и обыкновенно выбираетъ такія мѣста, гдѣ ее не могутъ застигнуть врасплохъ. Для этой цѣли песчаные бугры на дюнахъ представляютъ собою самые удобные наблюдательные посты и потому авдотки очень охотно селятся на нихъ. Въ случаѣ приближенія врага, птица или ложится плашмя на землю и, благодаря своей окраскѣ, становится незамѣтной, или пускается бѣгомъ на утекъ. Бѣгаетъ авдотка превосходно и потому чаще всего безъ особаго труда скрывается изъ глазъ наблюдателя. Къ этому

надо прибавить, что авдотка является преимущественно ночной птицей. Днем она лишь рѣдко можетъ быть застигнута на кормежкѣ, такъ какъ большую часть времени проводитъ, притаившись подъ какимъ-либо кустикомъ; ночью же, особенно лунной, крикъ ея раздается очень часто, свидѣтельствуя о дѣятельной жизни этой крайне осторожной обитательницы открытыхъ пространствъ. Вечеромъ авдотки всегда отправляются на водопой и этимъ какъ бы открывается ихъ ночная жизнь, когда они выходятъ на кормежку. Кормится эта птица какъ насѣкомыми, такъ и разными подходящими позвоночными: лягушатами, ящерицами, полевыми мышами и пр.; но преимущественный, а иногда и исключительный ея кормъ составляютъ насѣкомыя.

Гнѣздо авдотки представляетъ собою просто неглубокую ямку, бѣдно выстланную растительными веществами, и содержитъ отъ 2 до 4 яицъ. Иногда даже и такой ямки не бываетъ и яйца прямо кладутся на голую землю. Длина яицъ отъ 2,2 до 2 д., поперечникъ отъ 1,6 до 1,49. Основной цвѣтъ ихъ блѣдно-буроватый или бѣловато-охристый и по этому фону разбросаны поверхностныя бурья и глубокія лиловатыя или сѣрыя пестрины. Интенсивность поверхностныхъ пестринъ бываетъ то меньше, то больше; по формѣ это или пятна и точки, или изогнутыя полосы. Чаще всего семьи состоятъ изъ 3 молодыхъ птицъ и стариковъ. Въ первой трети іюля птенцы вырастаютъ уже настолько, что свободно летаютъ съ родителями на очень дальнія разстоянія. Самецъ и самка одинаково участвуютъ въ высиживаніи и ревностно охраняютъ птенчиковъ, стараясь отвести непріятеля отъ того мѣста, гдѣ они прячутся.

Охота за авдоткой очень трудна, благодаря осторожности этой птицы. Даже днемъ авдотка обыкновенно успѣваетъ замѣтить охотника гораздо прежде, чѣмъ онъ замѣтитъ ее, и, быстро снявшись съ мѣста и пролетѣвъ нѣкоторое разстояніе, затѣмъ бѣгомъ скрывается за песчаными буграми. Поэтому удобнѣе поджидать ихъ близъ воды, куда они летаютъ пить передъ вечеромъ. Тогда онѣ летятъ невысоко и сравнительно легко могутъ попасть подъ выстрѣлъ; но въ случаѣ промаха птицы улетають далеко и совершенно напрасно пытаются добыть ихъ послѣ первой неудачи.

III.

ПАСТУШКОВЫЯ.

57. Журавль малый, красавка.

Grus virgo, L.

Табл. 59.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 411.

Болѣе распростран. названія: *малый журавль, красавка.*

Мѣстные названія: *маленькій журавль* или *буровой* (Астрахан.); *малый, заморскій журавль, красавка* (на Сарпѣ).

Крым.-тат.—*бададъ-турна*.—Киргиз.—*каскараке-турна* или *каракале*.—Монг.—*хоррхироръ-тоетерю*.

Въ отличіе отъ обыкновеннаго журавля малый журавль, или красавка, является вовсе не широко распространенною у насъ птицею. Говоря вообще, онъ принадлежитъ южной, степной полосѣ, но и здѣсь встрѣчается далеко не повсемѣстно. Такъ, онъ обыкновененъ въ степяхъ Крыма и около Перекопа, но уже рѣдокъ въ губ. Херсонской, хотя въ качествѣ гнѣздящейся птицы поднимается къ сѣверу до южныхъ частей губ. Кіевской и Харьковской, а какъ залетная птица доходитъ до Черниговской и даже Смоленской. Затѣмъ малый журавль очень обыкновененъ въ степяхъ сѣвернаго Кавказа, едва ли уменьшаясь замѣтно въ числѣ къ сѣверу до Сарепты, и наконецъ гнѣздится въ небольшомъ числѣ въ Киргизскихъ степяхъ, останавливаясь въ своемъ распространеніи къ сѣверу не доходя верстъ 15 до Оренбурга. Такимъ образомъ, въ бассейнѣ Чернаго моря сѣверная граница гнѣздовой области малаго журавля опредѣляется приблизительно 49⁰ с. ш., въ бассейнѣ Каспійскаго—50⁰. Однако этой птицы въ качествѣ гнѣздящейся совсѣмъ нѣтъ въ песчаныхъ пустыняхъ Арало-Каспійской низменности, которыя тянутся на западъ черезъ нижнее теченье Урала и устье Волги къ сѣверу-западному побережью Каспійскаго моря. Въ Закавказьѣ малый журавль довольно обыкновененъ, поднимаясь въ вертикальномъ распространеніи до 6.300'.

Красавка является характернымъ жителемъ степи и во многихъ частяхъ своей гнѣздовой области уменьшается въ числѣ прямо въ зависимости отъ распашки и все возрастающаго заселенія степи. Въ

извѣстной степени это тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что описываемый видъ легко приручается и тогда живетъ въ большой дружбѣ съ человѣкомъ. Но, видно, дикое животное отлично знаетъ, какъ вести себя по отношенію къ послѣднему: является человѣкъ преслѣдователемъ,—отъ него спасаются; является охранителемъ,—ему платятъ привязанностью. При такомъ условіи весьма возможно, что при нѣкоторомъ стараніи съ нашей стороны мы могли бы сохранить и притомъ въ непосредственной къ себѣ близости большую часть степныхъ птицъ, уменьшающихся въ числѣ отъ измѣненія первоначальнаго вида страны. Но для такого дѣла у насъ въ характерѣ нѣтъ никакихъ задатковъ и мы довольствуемся тѣмъ, что предаемся безплоднымъ сожалѣніямъ, ожидая какого-то сверхъестественнаго вмѣшательства для измѣненія современнаго положенія вещей. Въ Англии, послѣ наступившаго исчезновенія глухаря, эту птицу опять сумѣли развести въ такомъ количествѣ, что она снова стала предметомъ охоты, а между тѣмъ глухарь очень прихотливъ въ выборѣ мѣста и вовсе не годится для прирученія.

Въ основу описанія образа жизни журавля-красавки я кладу наблюденія Нордманна въ его собственномъ изложеніи:

„Журавль-красавка, — говоритъ онъ, — является перелетною птицей въ южной Россіи; онъ прилетаетъ туда въ первой половинѣ марта, улетаетъ большими стаями на югъ въ половинѣ сентября. Во время своихъ путешествій эти стаи поднимаются очень высоко и держатся, такъ же какъ обыкновенные журавли, въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Особи стаи отъ времени до времени мѣняются между собою мѣстами и часто издають трубные звуки, въ родѣ *кroаау-кroаау*. Нерѣдко эти несущіеся высоко въ воздухѣ крики служатъ единственнымъ указаніемъ на присутствіе странниковъ, пролетающихъ на недостигаемой для глаза высотѣ. Самая большая изъ видѣнныхъ мною стай содержала отъ двухсотъ до трехсотъ особей. Движенія крыльевъ совершенно такія же, какъ у обыкновеннаго журавля: то это медленные и равномерные взмахи, то вся стая плыветъ въ воздухѣ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія крыльями. Достигнувъ цѣли своего путешествія, стаи держатся нѣкоторое время вмѣстѣ, и даже послѣ того, какъ птицы разобьются на пары, онѣ соединяются по утрамъ и вечерамъ, особенно въ сумерки, чтобы развлекаться прыжками и танцами. Для этого онѣ выбираютъ въ степи подходящее мѣсто, чаще всего плоскій берегъ рѣки, какъ, напр., Салгира въ Крыму, и здѣсь располагаются въ кругъ или въ два и даже нѣсколько рядовъ и начинаютъ свои игры и необыкновенные танцы, не мало изумляющіе наблюдателя. Птицы танцуютъ и скачутъ другъ вокругъ друга, потѣшно присѣдая,

вытягивая шею, приподнимая перья ошейника и полураспуская крылья; другія въ то же время перегоняются взапуски и, добѣжавъ до конечнаго пункта, возвращаются на прежнее мѣсто, послѣ чего медленно прохаживаются съ важнымъ видомъ. Вся остальная компанія привѣтствуетъ ихъ повторными криками, наклоненіемъ головы и другимъ способомъ, на что танцоры отвѣчаютъ въ свою очередь. Продѣлавъ все это въ теченіе нѣкотораго времени, они поднимаются на воздухъ и, медленно паря, описываютъ круги, подобно обыкновенному журавлю и бѣлому аисту. Спустя нѣсколько недѣль эти сборища прекращаются и, начиная отсюда, въ степи постоянно можно видѣть, самцовъ и самокъ, прогуливающихъ парочками.

„Взятый молодымъ, этотъ журавль приручается еще легче обыкновеннаго; онъ вовсе не думаетъ улетѣть и крикомъ зоветъ къ себѣ пролетающихъ мимо товарищей, которые приближаются, какъ только слышатъ его *кряау*. Я могъ убѣдиться въ неотразимомъ вліяніи этого крика на дикихъ журавлей тѣмъ, что ручныя особи, спрятанныя на ночь въ бесѣдкѣ изъ зелени, своими призывными криками постоянно заставляли спускаться изъ недостигаемой выси многочисленныя пролетныя стаи этихъ птицъ, сѣя въ нихъ замѣшательство и безпорядокъ. Чаще всего я наблюдалъ это въ лунныя ночи. Птицы, привлеченныя голосомъ собратьевъ, цѣлые часы кружились надъ садомъ, издавая постоянные крики; онѣ были совершенно сбиты съ дороги и кончали тѣмъ, что разсѣивались во всѣхъ направленіяхъ. Чтобы прекратить это бѣдствіе, я заперъ птицъ въ подвалъ подъ моимъ домомъ, но результаты этой мѣры вовсе не соответствовали моимъ ожиданіямъ; напротивъ, своды только усиливали звучность ихъ криковъ, которые, неожиданно нарушая тишину ночи, сразу останавливали крикливыя стаи этихъ птицъ и будоражили весь домъ.

„Всѣ качества ручныхъ обыкновенныхъ журавлей являются, можно сказать, еще сильнѣе выраженными у журавля-красавки, значительно превосходящаго перваго своей красотой. Поэтому его часто содержатъ въ помѣстьяхъ и даже городахъ Новороссіи. Эта птица не менѣе осторожна, чѣмъ большой видъ, но такъ какъ ее рѣдко преслѣдуютъ, къ ней иногда удается подойти на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Наибольшую осторожность малыи журавль проявляетъ около своего гнѣзда. Науманнъ говоритъ, что эти птицы гнѣздятся *въ болотахъ* или около воды; но у насъ этого не наблюдается: ихъ гнѣзда всегда находятъ въ пустынныхъ и уединенныхъ мѣстахъ степи, прямо на землѣ, сдѣланными изъ нѣсколькихъ вѣточекъ и сухихъ стебельковъ травы. Яйца, въ числѣ двухъ, нѣсколько болѣе гусиныхъ, грязнаго сѣро-зеленаго цвѣта, съ красновато-бурыми крапинами и пятнами. Воспитанныя въ неволѣ, эти птицы легко размножаются. Еще нѣсколько словъ о мѣстахъ пребыванія журавлей-красавокъ: хотя они и посѣщаютъ берега крымскихъ озеръ и лимановъ, ихъ никогда не видятъ на обширныхъ болотистыхъ площадяхъ; впрочемъ, въ Крыму не много настоящихъ болотъ. Самыя любимыя мѣста этихъ птицъ—степи

ныя равнины, доставляющія имъ въ изобиліи насѣкомыхъ, грызуновъ, ящерицъ и змѣй. На большихъ дорогахъ я часто видѣлъ, какъ они искали въ пометѣ разнаго вида жуковъ. Въ ручномъ состояніи эта птица легко уживается во всякихъ условіяхъ и скоро приобретаетъ извѣстную власть надъ другими обитателями птичника“.

Къ этому прекрасному очерку надо добавить только нѣкоторыя подробности о брачной жизни описываемыхъ журавлей. Прежде всего, скажемъ, что и у насъ красавка гнѣздится вовсе не исключительно въ степи; такъ, по свидѣтельству Браунера, онъ гнѣздится въ плавняхъ рѣкъ Херсонской губ. Но для самага гнѣзда всегда и вездѣ выбирается сухое мѣсто, хотя близость водопоя для журавлей необходима. Высиживаетъ преимущественно самка, но когда послѣдняя кормится, самецъ охотно замѣняетъ ее, тогда какъ обыкновенно беретъ на себя роль только ея охранителя. При этомъ онъ помѣщается обыкновенно на какомъ-либо пригоркѣ, откуда можно далеко наблюдать за окрестностями гнѣзда, и какъ только имъ замѣчено что-либо подозрительное, онъ сейчасъ же особымъ крикомъ предупреждаетъ самку объ опасности. Тогда самка немедленно поднимается съ гнѣзда и спокойно, стараясь не возбудить вниманія врага, отходить въ сторону къ самцу. Лишь удалившись на довольно большое разстояніе отъ гнѣзда, обѣ птицы улетаютъ прочь, отлично зная, что найти гнѣздо на ровной, повсюду одинаковой, покрытой травой степи почти невозможно. Дѣйствительно, надо изумительную остроту зрѣнія степного жителя, который, замѣтивъ то мѣсто, откуда сошла самка, отправляется туда разыскивать гнѣздо, чтобы поиски не пропали даромъ. Если къ гнѣзду приближается такой хищникъ, съ которымъ журавли рассчитываютъ справиться, будь это степной орелъ, цапля, лисица и т. п., они храбро нападаютъ на него для защиты дѣтей или яицъ. Птенцы могутъ слѣдовать за родителями почти сейчасъ же какъ обсохнутъ, и начиная отсюда и до того времени, когда журавлята подрастутъ, эти птицы держатся семьями. Позднѣе семьи стадаются, собираясь все въ большія и большія стаи, которыя и улетаютъ на зимовку. Но стаденіе не прекращается и на зимовкѣ, гдѣ журавли-красавки собираются положительно тысячными стаями, проводя большую часть времени по берегамъ и отмелямъ рѣкъ.

По словамъ г. Арендта, вскормленные въ неволѣ журавли-красавки, по достиженіи совершеннаго возраста, на второмъ или третьемъ году, легко выводятъ дѣтей, если въ саду или на дворѣ имъ отведено открытое, но спокойное мѣсто. Самка снесла такимъ образомъ у г. Арендта пару яицъ и выходила вышедшихъ изъ нихъ журавлятъ, о которыхъ заботилась съ большой нѣжностью. Самецъ же, пока самка сидѣла на гнѣздѣ, все время стерегъ ее и отгонялъ всѣхъ, кто къ ней приближался. Чтобы ихъ не беспокоить, кормъ и воду ставили имъ на большомъ разстояніи.

58. Журавль сѣрый. *Grus cinerea*, Bechst.

Табл. 60.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 416.

Болѣе распростран. названіе: журавль.

Мѣстныя названія: журавль (повсемѣстно); самка мѣстами — журка; журавель (малоросс.).

Польск.—*żorała*. — Фин.—*kurki*. — Лапланд.—*guorga, kuorga*. — Эст.—*kurg*. — Лат.—*dshrwē, klwizens*. — Татар.—*турна*. — Бухар.—*кэрэки*. — Персид.—*торнъ*. — Якут.—*турруя*. — Киргиз.—*усакъ*. — Мордов.—*курои*. — Вотяц.—*тури*. — Вогул.—*шемель-тариъ*. — Остяц.—*пытти-торъ*, у Сургута—*пытти-куртъ*, у васюган.—*таръкъ*, у Нарыма — *зэс-хара*. — Пермьц.—*тури*. — Самоѣд.—*сетъ-хара*. — Калмыцк.—*толерунъ*. — Монгол.—*хара-тогерию*. — Бурият.—*бахоръ*. — Тунгуз.—*карафъ*. — Ламут.—*карафъ*. — Юкагир.—*корчонъ*. — Камчад.—*круахъ-тавыдъ*.

Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что журавль является у насъ наилучше извѣстной птицей. Желанный вѣстникъ весны, онъ приноситъ съ собою первую вѣрную вѣсть о дѣйствительномъ концѣ зимы и потому-то курлыканье проносящихся высоко въ воздухъ журавлиныхъ стай съ такою радостью улавливается нашимъ ухомъ. Такой извѣстности птицы способствуютъ многія обстоятельства. Съ одной стороны журавль распространенъ очень широко; съ другой, какъ птица крупная, онъ уже тѣмъ самымъ обращаетъ на себя вниманіе болѣе многихъ другихъ; въ-третьихъ, журавль несмотря на свойственную ему осторожность, вовсе не стремится скрыться отъ человѣка; наконецъ, крикливость журавлей на полетѣ и ихъ красивый, звучный и громкій голосъ— все это способствуетъ широкой популярности журавля.

Распространеніе журавля можетъ быть указано съ большою легкостью. Сѣвернымъ предѣломъ гнѣздовой области этой птицы служить 68° с. ш. и только въ видѣ исключенія журавль доходитъ до 69°. Къ югу отсюда онъ распространенъ у насъ во всей странѣ, конечно, въ зависимости отъ развитія подходящихъ станцій, и на Кавказѣ по до-

линамъ поднимается до 6.500' н. у. м., хотя вообще можетъ почестъся птицею низменностей.

Зато станціи журавля довольно разнообразны и на этомъ надо остановиться подробнѣе. У сѣвернаго предѣла своего распространенія журавль гнѣздится исключительно въ болотахъ и здѣсь же держится выводками до отлета. Въ области тайги къ лѣснымъ болотамъ присоединяются долины рѣкъ и окранныя поля, почему эту птицу въ сѣверной Россіи и считаютъ лѣсною. Тамъ, гдѣ среди лѣсовъ разстилаются обширныя моховыя болота, журавль предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ; но если таковыхъ не имѣется, онъ гнѣздится и около родника, будетъ ли это на вырубѣ или на опушкѣ, и по болотистымъ низинамъ около озера, особенно если поблизости есть луга или поля, куда аккуратно отправляется зорями на кормежку. Если болото поросло мелколѣсьемъ, это нисколько не мѣшаетъ описываемой птицѣ. Таковы мѣста гнѣздовья журавля въ Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Костромской и другихъ губерніяхъ, къ югу приблизительно до верхняго теченія Волги, равно какъ и во всемъ Прибалтійскомъ краѣ, съ прилегающей лѣсною областью по истокамъ Волги и Днѣпра. вмѣстѣ съ приближеніемъ къ южной границѣ лѣсной области и въ полосѣ островныхъ лѣсовъ журавль селится по болотамъ какъ лѣснымъ, такъ и открытымъ и, повидимому, тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ обширнѣе болото, что, наприм., наблюдается въ Уфимской губ. Еще южнѣе, уже на границѣ области островныхъ лѣсовъ и степи, журавль для гнѣздовья все еще выбираетъ по возможности самыя недоступныя мѣста среди большихъ и невысохающихъ болотъ, но также селится около старицъ и по травянистымъ лиманамъ, и даже по мокрымъ ольховымъ срубамъ съ густою болотною растительностью (губ. Харьковская, Воронежская). Въ заволжскихъ губерніяхъ журавль гнѣздится на пахатныхъ поляхъ, хотя для гнѣзда и здѣсь выбираетъ мѣсто, нетронутое сохою, наприм. сурчину, по камышистымъ берегамъ рѣчекъ и, гдѣ есть, опять-таки по болотистымъ низменностямъ. Но вообще можно сказать, что въ степной полосѣ журавль довольствуется гораздо менѣе удобными мѣстами для своего гнѣздовья, чѣмъ на сѣверѣ, и даже небольшія озера съ камышистыми берегами охотно избираются имъ для устройства его незащитаго гнѣзда.

Если ужъ такъ разнообразны мѣста жительства журавля въ теченіе гнѣздового періода, то само собою разумѣется, что они еще разнообразнѣе въ другія времена года. Однако, надо сказать, что всѣмъ остальнымъ мѣстонахожденіямъ онъ предпочитаетъ пахатныя поля, гдѣ ему и безопасно, и кормно. Осенью онъ охотно кормится на зеленяхъ, лѣтомъ выбираетъ такія поля, гдѣ растительность не достаточно высока, чтобы закрыть его и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣшать наблюденію надъ окружающимъ.

По манерѣ держать себя журавль является очень степенной птицею, и когда онъ спокойно расхаживаетъ или стоитъ на мѣстѣ,

зорко обозрѣвая окрестности, его видѣнности никакъ нельзя отказать въ красотѣ. Обыкновенный шагъ журавля широкій, рѣдкій и весьма разбѣренный; но если птица спѣшитъ присоединиться къ своимъ товарищамъ, она обыкновенно пробѣгаетъ небольшія разстоянія, дѣлая огромные шаги, при чемъ вытягиваетъ свою длинную шею и придаетъ нѣсколько горизонтальное положеніе туловищу. Чтобы подняться на крылья, журавль вытягиваетъ голову и шею впередъ, ноги отбрасываетъ назадъ и поднимается въ общемъ гораздо быстрѣе большинства птицъ одной съ нимъ величины. Затѣмъ широкими взмахами крыльевъ онъ начинаетъ описывать круги и спиралью поднимается обыкновенно на огромную высоту. Полетъ журавля очень красивъ и трудно представить себѣ болѣе интересную картину, нежели стадо журавлей, которые забавляются воздушными играми, описывая самые разнообразныя круги, то поднимаясь, то опускаясь, то равномерно разбѣгая воздухъ своими широкими крыльями, то паря почти безъ движенія ими. Но зато журавлю совершенно не идутъ рѣзкія и быстрыя движенія, и когда онъ начнетъ присѣдаться, кланяться, прыгать съ распушенными крыльями, или особенно нѣжно ухаживать за самкой, тогда онъ очень смѣшонъ. Подобныя выходки у журавля вовсе не рѣдки, въ чемъ безъ труда можно убѣдиться, наблюдая прирученныхъ птицъ. Но въ наибольшей степени онѣ проявляются весной, въ брачный періодъ, когда самцы ухаживаютъ за самками и устраиваютъ между собою такія же состязанія, какъ журавли-красавки, только въ меньшихъ размѣрахъ.

Журавль очень остороженъ и сообразителенъ, а потому застать его врасплохъ удастся до крайности рѣдко. Мало того, что онъ не пропуститъ безъ вниманія даже далеко идущаго человѣка, большею частью онъ безошибочно угадаетъ, когда человѣкъ угрожаетъ ему опасностью и когда нѣтъ. Стадо журавлей, расположившись на кормежку или на отдыхъ, всегда выставляетъ часовыхъ, которые очень заботливо охраняютъ своихъ товарищей. Въ часовые назначаются только старыя птицы, и когда одна сильно утомится, ее замѣняетъ другая. При этомъ чѣмъ многочисленнѣе стая, тѣмъ осторожнѣе журавли и тѣмъ невозможнѣе къ нимъ подкрасться. Само собою разумѣется, что молодыя птицы при этомъ легко научаются отъ старыхъ осторожности и по ихъ манерѣ держать себя даже молодыя по второму году почти не отличаются отъ старыхъ. Когда опасность замѣчена, или покажется что-нибудь подозрительное, сторожа сейчасъ же предупреждаютъ остальныхъ членовъ стада особымъ крикомъ, и какъ бы ни были голодны журавли, они сейчасъ же перестаютъ кормиться, готовые подняться при слѣдующемъ предупрежденіи. Спящее стадо просыпается очень быстро и также готовится сняться съ мѣста, но такъ какъ журавли птицы дневныя, ночная тревога всегда приводитъ ихъ въ нѣкоторое смятеніе.

Уже изъ сказаннаго видно, что журавль—птица общественная, но это опредѣленіе можно даже усилить. На пролетахъ, какъ и во-

обще въ брачнаго періода, журавли собираются сотенными и даже тысячными стадами и при наблюдении за летящими журавлями можно безъ труда замѣтить тотъ образцовый порядокъ, въ которомъ летятъ эти птицы. Стая журавлей обыкновенно летитъ клиномъ, или т. наз. *журавлинымъ ключомъ*, изображеніе котораго дано при описании журавля-красавки. Если стая очень велика, она разбивается на большое число мелкихъ, по нѣскольکو десятковъ штукъ журавлей въ каждой, и всѣ такія стада летятъ въ небольшомъ разстояніи другъ за другомъ и соединяются въ одно на отдыхъ. Передовая птица каждаго клина устаетъ легче другихъ и, пролетѣвъ нѣкоторое разстояніе, постепенно отстаеетъ, чтобы занять мѣсто въ арріергардѣ, тогда какъ передовой становится та, которая была второю. Если болѣе молодые или болѣе слабые члены клина также устаютъ, изъ нихъ часто образуется дополнительныи клинъ, который летитъ медленнѣе и догоняетъ главную колонну на стоянкѣ. Но если какой-либо членъ клина случайно уклонился въ сторону, онъ обыкновенно изо всей силы старается занять мѣсто послѣднимъ въ длинномъ рядѣ, тогда какъ весь клинъ продолжаетъ двигаться въ замѣчательномъ порядкѣ, быстро перестроившись отъ маленькаго нарушенія первоначальнаго расположенія. Собираясь отдохнуть, журавли начинаютъ кружиться надъ предварительно намѣченнымъ мѣстомъ и не прежде спускаются на землю, какъ убѣдятся, что имъ ничто не угрожаетъ. Во время этихъ рекогносцировокъ журавли обнаруживаютъ удивительное терпѣніе и то спускаются совсѣмъ низко, какъ бы готовые сѣсть, то опять поднимаются на недосыгаемую высоту, десятки разъ пролетая надъ однимъ и тѣмъ же мѣстомъ. Впрочемъ, винтообразное движеніе журавлиной стаи не всегда указываетъ на то, что она готовится сѣсть: иногда журавли кружатся, паря, повидимому, для отдыха, иногда съ тѣмъ, чтобы подняться на извѣстную высоту, такъ какъ при перелетѣ, отъ утомленія, стая постепенно опускается ниже и ниже.

Журавль—птица дневная и ночь обыкновенно отдыхаетъ; но во время перелетовъ журавлиная стаи не только летятъ ночью, но даже снимаются ночью съ мѣста. Часто тамъ, гдѣ днемъ были сотни журавлей, на утро нѣтъ ни одного, а иногда и обратно: тамъ, гдѣ ихъ не было съ вечера, они появляются утромъ. Наконецъ, можно прямымъ наблюдениемъ убѣдиться, что журавли останавливаются на отдыхъ во всякое время дня и ночи, вѣроятно смотря по степени своего утомленія и въ зависимости отъ характера мѣстности. Днемъ журавли летятъ обыкновенно очень высоко, ночью, напротивъ, низко и при этомъ относительно нерѣдки случаи, когда эти птицы сбиваются съ дороги. Потерявъ почему-либо направленіе, въ которомъ должна летѣть, журавлиная стая приходитъ въ полное смятеніе и нерѣдко даже совершенно разбивается. Лишь съ большою потерей времени удается ея членамъ пристать къ другимъ стаямъ или, снова собравшись, летѣть далѣе.

Голосъ журавля чрезвычайно звучный, громкій и пріятный. Когда

стая этихъ птицъ несется высоко въ воздухѣ, при постоянной перекличкѣ ея членовъ, т. наз. *курлыканье* журавлей раздается совершенно какъ отдаленный трубный звукъ. Но въ разныхъ случаяхъ голосъ журавля довольно разнообразенъ. Обезпокоенная чѣмъ-нибудь птица издаетъ отрывочное и не особенно громкое *кру*; простое удивленіе передается слѣдующими другъ за другомъ съ довольно большими перерывами *куррь*; отвѣчая на ласку или требуя корма, журавль издаетъ довольно рѣзкіе звуки—*киръ*, *киръ*; разсерженный, часто и громко повторяетъ *куррр* или *киррр* и т. д.

Журавль вообще довольно неразборчивъ на ѣду, но все-таки скорѣе можетъ назваться растительной птицей. Онъ очень охотно ѣстъ всякія хлѣбныя зерна и большой любитель гороха. Однако, благодаря своей прожорливости, при недостаткѣ въ хлѣбныхъ зернахъ, глотаетъ рѣшительно все, что ни попало: всякія ягоды, сѣмена разныхъ травъ, мелкихъ насѣкомыхъ, земляныхъ червей, лягушекъ, ящерицъ, мышей, маленькихъ сусликовъ, птенцовъ птицъ и змѣй. „Къ послѣднимъ, по словамъ Аксакова, журавль имѣетъ особенный аппетитъ. Если попадется слишкомъ длинная змѣя, *жельзница* или *мѣдяница*, то онъ раклюетъ ее носомъ на нѣсколько частей и проглотитъ; небольшихъ змѣй и ужей глотаетъ цѣликомъ, напередъ нѣсколько разъ подбросивъ ужа или змѣю очень высоко вверхъ; то же дѣлаетъ журавль съ ящерицами и лягушками; вѣроятно онъ хочетъ (инстинктивно) прежде ихъ убить, а потомъ съѣсть. Я не раздѣляю мнѣнія нѣкоторыхъ охотниковъ,—прибавляетъ Аксаковъ,—что онъ играетъ, бросая вверхъ свою добычу; но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что его желудокъ перевариваетъ такую пищу безвредно“. Само собою разумѣется, что въ разные мѣсяцы пища журавля измѣняется довольно сильно. Такъ, въ началѣ лѣта журавль съ птенцами кормится преимущественно лягушками, насѣкомыми, слизняками, звѣрушками и вообще животнымъ кормомъ; когда же начинаютъ поспѣвать овесъ, гречиха, горохъ и пр., журавли изъ болотъ и луговъ перебираются на поля и становятся преимущественно зерноядными. Въ неволѣ журавль охотно ѣстъ какъ хлѣбъ и зерна, такъ и рубленое мясо.

Вода для журавля необходима: пьетъ онъ много и часто и въ теченіе сутокъ не одинъ разъ отправляется на водопой тамъ, гдѣ нѣтъ воды на самыхъ мѣстахъ кормежки.

Журавль очень сильная и ловкая птица, а потому раненый журавль можетъ быть очень опаснымъ даже для человѣка. Сначала подстрѣленный журавль старается спастись бѣгствомъ и, помогая себѣ движеніемъ крыльевъ или крыла, если одно попорчено выстрѣломъ, бѣжитъ очень шибко. Если же ему не удастся уйти, въ такомъ случаѣ онъ бросается на спину и начинаетъ такъ энергично обороняться клювомъ и ногами, что взятыя его нѣтъ возможности. При этомъ собака или охотникъ, неосторожно приблизившіеся къ раненому журавлю, часто бывають жестоко изранены, а иногда платятся даже потерей глаза. Слабо раненый журавль можетъ наносить очень сильные удары

также своими крыльями, а Н. А. Зарудный рассказываетъ, что журавль изъ обороняющагося становится иногда даже нападающимъ. „Два охотника, говоритъ онъ, подстрѣлили журавля съ подѣзда, и оставивъ ружья въ повозкѣ, въ сопровожденіи собаки кинулись поднимать раненаго. Тотъ пустился на утекъ, потомъ сразу обернулся и ударами клюва обратилъ въ бѣгство собаку, затѣмъ бросился на людей и, ловко маневрируя, сталъ колотить ихъ клювомъ и здоровымъ крыломъ. Тѣ побѣжали къ повозкѣ за ружьями, но журавль не оставалъ, и когда одинъ изъ нихъ, споткнувшись объ корягу, упалъ, принялся бить его въ голову, безпрестанно отскакивая и не даваясь ему въ руки“. Вообще журавль при крайней осторожности вовсе не трусливъ и около гнѣзда храбро вступаетъ въ бой даже съ крупными орлами.

На этомъ мы можемъ закончить съ общей характеристикой птицы. Дальнѣйшія подробности выяснятся при описаніи ея образа жизни и поведенія въ разныя времена года.

Журавль возвращается на свою родину нѣсколько ранѣе кра-савки, а именно: на сѣверный берегъ Чернаго моря, въ степи сѣвернаго Кавказа и на сѣверный берегъ Каспія—уже въ началѣ и не позднѣе какъ въ половинѣ марта. Немного позже, именно около 20-го марта, возвращаются журавли въ западную часть Россіи, отъ Бессарабіи на югъ до прибалтійскихъ губерній на сѣверѣ, прилетая сюда, очевидно, съ другихъ, болѣе западныхъ зимовокъ, нежели тѣ, которые прилетаютъ въ наши степи. Впрочемъ, это имѣетъ себѣ и прямое подтвержденіе въ наблюденіяхъ еще Наумана, который съ большимъ вниманіемъ отнесся къ тому факту, что въ Германіи журавли пролетаютъ осенью не съ сѣвера на югъ, а совершенно правильно съ востока на западъ, тогда какъ весною направленіе ихъ пролета идетъ не съ юга на сѣверъ, а съ запада на востокъ. Такимъ образомъ въ южную Россію прилетаютъ журавли съ зимовокъ въ сѣверо-восточной Африкѣ, въ западную—съ зимовокъ изъ западныхъ частей Средиземноморскаго бассейна. Эти двѣ группы и въ дальнѣйшемъ разселеніи почти не смѣшиваются между собою. Западные расселяются постепенно въ Польшѣ, въ области истоковъ и верхняго теченія Днѣпра, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Финляндіи и Лапландіи, заходя на востокъ до Бѣлаго моря. Время ихъ пролета въ разныхъ частяхъ этой области, по сдѣланнымъ мною вычисленіямъ, опредѣляется приблизительно слѣдующими числами: на прямой, соединяющей Рижскій заливъ черезъ Смоленскъ съ Орломъ, журавли пролетаютъ около 1-го апрѣля; около того-же числа того же мѣсяца журавли являются въ юго-западной Финляндіи, около Ладожскаго оз. и Вологды; въ половинѣ апрѣля въ средней Финляндіи и въ Обонежскомъ краѣ, наконецъ, въ самыхъ послѣднихъ числахъ апрѣля или даже въ началѣ мая журавли прилетаютъ въ Лапландію. Что касается другой группы журавлей, то ихъ разселеніе въ Европ. Россіи идетъ по главнымъ пролетнымъ путямъ южной, центральной и восточной части страны, т.-е. отчасти по Днѣпру

и, преимущественно, по Дону, Волгѣ и Камѣ, откуда птицы постепенно переходятъ и на второстепенные притоки этихъ рѣкъ. Въ Крыму журавли пролетаютъ, начиная съ конца первой трети марта. Въ Харьковской губ. пролетъ журавля въ наибольшемъ числѣ происходитъ въ послѣдней трети марта, первыя—передовыя группы показываются съ начала марта, запоздавшія стайки еще можно иногда наблюдать въ первой трети апрѣля. Около перваго апрѣля журавли появляются въ области Самарской луки, въ половинѣ этого мѣсяца—въ Пермской губ., около мая—въ области верхней Печоры.

Журавль возвращается на свою родину стаями, но онѣ никогда не бываютъ такъ многочисленны, какъ у красавки, хотя надо помнить, что стая и журавлиный клинъ—два дѣла разныхъ, и одна стая, особенно многочисленная, летитъ разбившись на нѣсколько клиньевъ. Чаще всего въ клину можно насчитать отъ 10—15 до 50 штукъ. Обыкновенно стаи летятъ, держась прямого направленія; но если журавли замѣтятъ на своемъ пути большое болото или озеро, они часто сворачиваютъ въ его сторону, долго кружатся надъ нимъ и уже потомъ летятъ далѣе. Любопытно, что журавли вовсе нерѣдко летятъ на свою родину, когда имъ тамъ еще совершенно негдѣ найтн себѣ пріюта, и въ такихъ случаяхъ бываютъ вынуждены возвращаться назадъ, при чемъ летятъ всегда въ томъ же направленіи, какъ осенью. Прилетѣвъ же, наконецъ, на родину, журавлиныя стаи разбиваются на пары тѣмъ скорѣе, чѣмъ сѣвернѣе лежитъ мѣсто, и послѣднія прежде всего дѣлаютъ попытку занять прошлогоднее гнѣздовье. Въ благоприятныхъ случаяхъ журавли годъ изъ году, цѣлый десятокъ лѣтъ, могутъ гнѣздиться на одномъ и томъ же болотѣ, и успѣваютъ отлично изучить все сосѣднее съ нимъ населеніе, отлично зная, откуда имъ можно ждать опасности. Спокойно поглядываетъ журавль на домашній скотъ, пастуха и подпaska, на проѣзжающія вдалькѣ телѣги и сохи, нисколько не думая скрываться отъ нихъ, но сразу замѣчаетъ появленіе новаго человѣка и удваиваетъ свою осторожность.

Выше мною перечислены гнѣздовыя станціи журавля. Гдѣ бы онъ ни гнѣзвился, онъ по возможности забирается въ малодоступныя мѣста; но и на сравнительно небольшомъ болотѣ найти гнѣздо журавля все нелегко. Можно утвердительно сказать, что на томъ или другомъ болотѣ журавль гнѣздится, такъ какъ самца, а то самца и самку на немъ видятъ каждодневно, но разыскать самое гнѣздо удается только съ большимъ трудомъ,—такъ искусно подходятъ къ нему и сходятъ съ него птицы, ничѣмъ въ своихъ повадкахъ не останавливая на себѣ особаго вниманія. Тамъ, гдѣ журавлей много, они иногда устраиваютъ при началѣ брачнаго сезона такія же игры, какъ красавки, но иногда дѣло обходится и безъ этого. Самецъ и самка очень привязаны другъ къ другу, любятъ ласкаться, издавая особые нѣжные звуки. Устройство гнѣзда, насиживанье яицъ, выводъ, и выхаживанье дѣтей—во всемъ этомъ одинаково участвуютъ и самецъ и самка.

Гнѣздо устраивается очень просто: чаще всего на сухомъ мѣ-

стечкѣ, наприм. на кочкѣ среди трясины, наваливается куча хворостинъ, тростника и другихъ болотныхъ травъ, съ небольшимъ углубленіемъ, выстланнымъ болѣе нѣжнымъ растительнымъ матеріаломъ, посерединѣ; иногда для гнѣзда выбирается небольшое углубленіе на кочкѣ, выложенное травой, въ рѣдкихъ случаяхъ постройка бываетъ сложнѣе и основаніе складывается изъ болѣе грубаго матеріала, а вершина изъ болѣе мягкихъ травъ и листьевъ. Въ степяхъ и на поляхъ степной полосы гнѣздо журавля обыкновенно помѣщается на небольшомъ, поросшемъ кустиками возвышеніи, представляетъ собою неглубокую, слегка устланную сухою травой, ямку. Въ каждомъ гнѣздѣ обыкновенно два, въ очень рѣдкихъ случаяхъ три яйца. Величиною они съ гусинья, очень удлинены, со вздутымъ, закругленнымъ тупымъ концомъ и заостреннымъ другимъ. Плотная, слабо-блестящая скорлупа измѣняется по цвѣту отъ буровато-до зеленовато-глинистаго и испещрена поверхностными бурыми и глубокими блѣдно-бурими и сѣроватыми пятнами и пятнышками. Расположеніе пятенъ чрезвычайно измѣнчиво, но чаще они бываютъ расположены равномерно, и такія яйца, гдѣ пятна образуютъ зону на тупомъ концѣ, сравнительно рѣдки. Насиживание преимущественно выпадаетъ на долю самки, такъ какъ самецъ замѣняетъ ее лишь время отъ времени, но ревниво охраняетъ отъ всякой опасности. Къ яйцамъ журавля мало привязаны и обыкновенно не обнаруживаютъ большого безпокойства за ихъ судьбу, въ случаѣ если къ гнѣзду подходятъ, ограничиваясь только попыткою скрыть гнѣздо. Для этого самка не прямо сходитъ съ гнѣзда, а сначала уходитъ отъ него, пригнувшись и прячась между порослью, и только отойдя на нѣкоторое разстояніе, поднимается такъ, какъ будто только что сошла съ гнѣзда. Также замѣчено, что журавли возвращаются на слѣдующій годъ и къ тому гнѣзду, откуда у нихъ были взяты яйца или даже дѣти, хотя къ дѣтямъ они привязаны болѣе, чѣмъ къ яйцамъ.

Слѣдующія числа могутъ дать понятіе о времени вывода дѣтей у журавля въ разныхъ частяхъ страны. Въ Харьковской губ. яйца откладываются въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, а въ концѣ іюня и началѣ іюля уже можно встрѣтить летающихъ птенцовъ. Въ средней Россіи яйца можно находить въ началѣ мая, выклеваются птенцы въ концѣ этого мѣсяца. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ яйца также находятъ въ началѣ мая, но, можетъ быть, раннія кладки падаютъ и на конецъ апрѣля, какъ это бываетъ въ Петербургской губ., гдѣ большинство, по всей вѣроятности, гнѣздится все-таки позднѣе. Наконецъ, у сѣвернаго предѣла распространенія журавля гнѣздовой періодъ наступаетъ недѣли на три, на четыре позднѣе, чѣмъ въ средней Россіи. Когда журавлята выведутся, родители не долго остаются съ ними у гнѣзда, а перебираются или къ лѣснымъ опушкамъ, въ мелколѣсье, кусты и т. п., или въ поросшіе кустиками луга, или, наконецъ, въ несжатый хлѣбъ. Позднѣе, когда птенцы подрастутъ и окрѣпнутъ, кочевки журавлей принимаютъ все большіе и большіе

размѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныя семьи начинаютъ стадиться, кладя основаніе осеннимъ стаямъ. Смотри по широтѣ мѣста, стаденіе начинается или въ началѣ августа, или позднѣе, при чемъ изъ степной полосы многія стада поднимаются, вѣроятно, вслѣдствіе лѣтнихъ засухъ, временно на сѣверъ. Но большинство стай кочуетъ тамъ же, гдѣ гнѣздились, и благодаря, съ одной стороны, размѣрамъ птицъ, съ другой, ихъ количеству, наносятъ большой вредъ хлѣбнымъ полямъ и посѣвамъ. Это само собою станетъ понятнымъ, если напомнить, что журавли въ это время нерѣдко собираются по нѣскольکو сотъ птицъ вмѣстѣ. Иногда цѣлый десятокъ десятинь покрытъ ими и въ такомъ случаѣ полосы овса или гречихи до того вытаптываются, что не всегда даже стоитъ ихъ убирать. А засѣянное, но не забороненное на ночь поле журавли могутъ такъ обчистить, что нѣкоторыя десятины приходится даже пересѣвать. Какъ выше упомянуто, особенно охочи журавли до гороха; но и просо, и гречиха страдаютъ отъ ихъ хищническихъ набѣговъ едва ли въ меньшей степени, и только на сѣверѣ, гдѣ журавль волей-неволей кормится по обширнымъ, поросшимъ клюквою, болотамъ, онъ можетъ похвастаться вполне безвреднымъ.

Линька журавлей наступаетъ въ іюнѣ, а къ срединѣ іюля самцы уже успѣваютъ перемѣнить не только всѣ маховыя и рулевыя, но также и часть мелкаго оперенія. Заканчивается линька въ концѣ іюля.

Во второй половинѣ августа или въ началѣ сентября, журавли, собравшись, начинаютъ мало-по-малу покидать сѣверную полосу своей гнѣздовой области. Въ противность тому, что наблюдается весною, теперь они летятъ медленно, съ большими остановками, и не только не избѣгаютъ большихъ рѣкъ, но даже любятъ останавливаться здѣсь на отмеляхъ. Въ ненастную погоду журавли летятъ тяжело и низко, въ хорошую—поднимаются необычайно высоко. Что-то особенно поэтичное представляютъ собою ясные, осенніе дни, когда въ чистомъ воздухѣ несется паутина и гдѣ-то высоко-высоко, такъ что не схватить глазомъ, раздается гармоничное курлыканье журавлиной стаи. Эти голоса перекликающихся птицъ, пустившихся въ дальній походъ, безошибочно говорятъ вамъ, что лѣто прошло и за чудными днями начала осени стоитъ длинный рядъ безгранично однообразныхъ сѣренькихъ деньковъ поздней осени...

Но птицъ гонитъ не ненастье, а безкормица, и тамъ, гдѣ онѣ могутъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени промыслить себѣ растительный кормъ, онѣ и остаются дольше. Такъ, въ Польшѣ журавли остаются до октября и даже до ноября, въ южной Россіи нормально—до половины октября. Но въ южной части Крыма и въ Закавказьѣ отдѣльныя особи и маленькія стайки зимуютъ.

Журавль не имѣетъ большого значенія, какъ предметъ охоты. Многіе охотники относятся къ нему положительно съ пренебреженіемъ и, собственно говоря, трудно понять почему. Правда, журавля надо перехитрить, чтобы добыть, или подкрасться къ нему незамѣтно, что многіе охотники не считаютъ за охоту. Но не то ли же самое и

охота на дрофъ, и на стрепетовъ, а между тѣмъ за этими птицами каждый идетъ охотно. Поэтому, можетъ - быть, будетъ вѣрнѣе признать, что не любятъ охоты за журавлями потому, что журавль такъ остороженъ, что добыть его еще труднѣе, чѣмъ дрофу. Подойти къ журавлю нечего и думать, какъ нечего думать заѣздить его круговымъ заѣздомъ. Скорѣе можно просто подѣхать, держа мимо журавлей, и то въ томъ случаѣ, когда птица одна или въ парѣ. Поэтому, единственно, что можно рекомендовать, это—или подкрасться къ нимъ изъ-за кустовъ, копенъ хлѣба, стоговъ сѣна и пр., или же, узнавъ предварительно, куда летаютъ журавли на кормежку, на водопой и т. д., устроить засаду въ томъ мѣстѣ, черезъ которое они обыкновенно пролетаютъ. Такъ какъ ночью журавли обыкновенно спятъ, то можно подѣзжать къ нимъ въ лунныя ночи, но это не такъ легко, какъ кажется, вслѣдствіе бдительности ихъ часовыхъ. Пускай все спятъ, выстроившись въ одинъ-два ряда и заложивъ голову подъ крылья, часовые не спятъ и при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ будятъ товарищей своимъ зычнымъ крикомъ.

Если позволяетъ мѣстность, можно охотиться за журавлями нагономъ, т.-е. охотнику незамѣтно скрыться подъ какимъ-либо прикрытіемъ, а его товарищу или лошадямъ осторожно подгонять къ нему журавлей.

Такъ какъ журавль очень крѣпокъ на рану, дробь надо употреблять самую крупную, или даже мелкую картечь. И при этомъ птица не всегда падаетъ съ перваго выстрѣла.

Мясо взрослыхъ журавлей черство и сухо, хотя все-таки довольно вкусно, молодыя же птицы положительно очень вкусны.

Журавля у насъ любятъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считаютъ даже грѣхомъ убивать этихъ птицъ. Поэтому многіе держатъ ручныхъ журавлей, которые могутъ доставить большое удовольствіе своей смышленостью и привязанностью. Приручается эта птица, взятая птенцомъ, очень легко, но во время перелетовъ дикихъ журавлей ручные часто заражаются примѣромъ своихъ собратьевъ, и если не принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобъ они не могли улетѣть, пускаются вмѣстѣ съ ними въ далекое путешествіе. Само собою разумѣется, что серьезныхъ мотивовъ приручать обыкновенныхъ журавлей нѣтъ: эта птица очень обыкновенна и при ея широкомъ распространеніи ничто не угрожаетъ ей продолжительному существованію.

59. Стерхъ.

Grus leucogeranus, Pall.

Табл. 61.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 422.

Болѣе распротр. названіе: *стерхъ*.

Мѣстныя названія: *бѣлый журавль, стерхъ, стрехъ, стерехъ* (Киргиз. степи и Астрахан. губ.). Въ разныхъ мѣстахъ, ошибочно,—*апсть*.

У каз. тат.—*кюолокъ*.—Башк.—*акъ-туриа* (бѣлый журавль). Киргиз.-татар.—*сынъ-коруу*.—Якут.—*каталлекъ*.—Пермяц.—*ылнитъ*.—Зырян.—*воилъ*.—Вогул.—*уйкенъ-тариэхъ*.—Остяцк.—*навиторъ*.—У Сургута—*неви-каертъ*.—У Нарыма—*чалъ-кара, кума, наитарахъ*.—На р. Кетн—*ныртол-кора*.—Калмыц.—*зентъ*.—Бурят.—*зианъ-тогерю*.—Тунгуз. (у Хатанги)—*гаша*.—Ламут.—*кидокъ*.—Самоѣд.—*ибнай-хара*.

Стерхъ у насъ считается величайшей рѣдкостью и я даже не знаю такихъ охотниковъ, которымъ бы удавалось стрѣлять по этой птицѣ. А между тѣмъ, во всѣхъ большихъ зоологическихъ садахъ Западной Европы можно видѣть по двѣ, по три штуки этихъ красивыхъ птицъ и въ Антверпенскомъ парочка стерховъ даже устроила гнѣздо и отложила яйца, только послѣднія, къ сожалѣнію, оказались болтунами. Причина этого состоитъ въ томъ, что стерховъ доставляютъ въ заграничныя зоологическіе сады не изъ Россіи, которой принадлежитъ большая часть его гнѣздовой области, а изъ Индіи, гдѣ эта птица зимуетъ.

Область распространенія стерховъ, какъ гнѣздящейся птицы, очень обширна, охватывая собою большую часть Сибири, Манчжурію, сѣверную Монголію и часть Туркестанскаго края. Изъ Киргизскихъ степей и Западной Сибири стерхъ проникаетъ и въ восточную Россію, гдѣ изрѣдка бываетъ на Камѣ (быть можетъ, даже гнѣздится гнѣ-нибудь въ Пермской губ) и въ Уфимской губ., и нормально въ юго-восточномъ углу страны. Въ послѣдней мѣстности стерхъ пролетаетъ черезъ устья Урала и Волги, поднимаясь къ сѣверу до Сарепты и Оренбурга, но въ большемъ числѣ встрѣчаясь только подъ Астраханью, гдѣ иногда на стоянкахъ образуетъ стада до 300 штукъ. Въ устьяхъ Урала даже гнѣздится, хотя едва ли постоянно. Нордманнъ

сообщилъ въ свое время, что стерхъ ежегодно встрѣчается на пролетѣ въ Екатеринославской губ., и это весьма возможно, т. к. Денфордъ нашелъ стерха въ большомъ числѣ зимующимъ по озерамъ Малой Азіи. Для насъ интересны зимовки стерха на юго-западномъ и южномъ берегу Каспійскаго моря.

Благодаря чрезвычайной осторожности стерха наблюденія надъ его образомъ жизни крайне скудны; тѣмъ не менѣе мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что въ существенныхъ чертахъ стерхъ биологически сходенъ съ другими нашими журавлями. Мѣстомъ жительства эта птица выбираетъ обширныя болотистыя площади, поросшія камышомъ, куда почти невозможно проникнуть. Къ тому же, благодаря своему громадному росту (стерхъ больше обыкновеннаго журавля), стерхъ можетъ далеко наблюдать за всеѣмъ происходящимъ въ окрестностяхъ и почти нигдѣ никогда не попадаетъ захваченнымъ врасплохъ. Возвратившись на родину стаями большихъ или меньшихъ размѣровъ, стерхи разбиваются на пары, но еще до того устраиваютъ такія же игры, какъ обыкновенные журавли. Гнѣздо, повидимому, всегда устраивается въ камышахъ, а не по травянистымъ болотамъ, какъ говорилъ г. Назаровъ. Самецъ и самка нѣжно привязаны другъ къ другу, поочередно насиживаютъ яйца и поочередно же стерегутъ другъ друга, при чемъ тотъ, который замѣтилъ опасность, крикомъ предупреждаетъ о ней другого. Голось стерха громкій, но очень мелодичный, гораздо мелодичнѣе обыкновеннаго журавлинаго, и Палласъ очень удачно называетъ его „лебединымъ“. Число яицъ въ кладкѣ, сколько извѣстно, всегда два. Они величиною съ гусиные, заострены на одномъ концѣ, зеленовато-сѣраго основнаго цвѣта съ свѣтло-буроватыми пятнами. Пока птенцы подрастутъ, стерхи держатся въ своихъ болотныхъ крѣпяхъ, затѣмъ же стадаются и начинаютъ понемногу кочевать, отправляясь на кормежки въ степи и даже на поля. Вода для нихъ, повидимому, также необходима, какъ и для обыкновеннаго журавля и потому чаще всего ихъ можно видѣть тамъ, гдѣ по степи разбросаны озера. Палласъ говоритъ, что стерхъ кормится рыбой, что, конечно, не только возможно, но и вѣроятно; тѣмъ не менѣе онъ употребляетъ въ пищу столь же разнообразныя вещества, какъ простой журавль, и даже, по всей вѣроятности, благодаря своей силѣ и величинѣ, является большимъ хищникомъ. Продолжительность жизни стерховъ, надо думать, очень велика, такъ какъ птица только на 3-мъ—4-мъ году своей жизни пріобрѣтаетъ настоящій взрослый нарядъ съ яркой окраской ногъ, клюва и голыхъ лицевыхъ частей.

Судя потому, что пролетныхъ стерховъ наблюдаютъ почти исключительно во время остановокъ, а не на лету, эти птицы, вѣроятно, летятъ очень высоко и не такъ крикливы, какъ сѣрые журавли, иначе ихъ нельзя было бы не замѣтить.

Бьютъ стерховъ совершенно случайно, т. к. благодаря осторожности птицы подѣздъ къ нимъ немислимъ; скорѣе уже можно подползти, если стерхи очень заняты добываніемъ лягушекъ и рыбокъ.

60. Джекъ, вихляй.

Otis macqueeni, Gray.

Табл. 62.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 430.

Болѣе распротр. названія: *дрохва красотка, джекъ.*

Мѣстныя названія: *вилюнъ, бьунъ, вилляй, вертай* (у уральск. казак.); *цвѣтной дудакъ* (у астраханск. охотн.).

Киргизск.—*джикъ.*

Эта замѣчательно красивая птица является типичнымъ представителемъ песчаныхъ и глинистыхъ равнинъ Арало-Каспійской низменности и проникаетъ въ Европ. Россію и на Кавказъ ровно постольку, поскольку проникаютъ къ намъ пустыни. Такимъ образомъ вихляй распространень и даже гнѣздится по Эмбѣ, въ южной половинѣ Уралоказачьихъ владѣній, встрѣчается у нижняго теченія Волги, какъ въ Киргизскихъ, такъ и въ Калмыцкихъ степяхъ, и случайно доходитъ на западъ до Харьковской губ., гдѣ найденъ гг. Селастенниковымъ и Сомовымъ. На Кавказѣ добытъ въ Эриванской губ. и, можно думать, встрѣчается въ подходящихъ мѣстахъ всего Закавказья, куда проникаетъ изъ тѣхъ же Арало-Каспійскихъ низменностей, только огибая Каспійское море съ юга.

Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ образѣ жизни вихляя очень отрывочны. Полынная степь съ ея волнистымъ рельефомъ и барханные пески составляютъ излюбленные мѣста жительства вихляя, гдѣ эта птица можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отлично скрываться благодаря окраскѣ своего оперенія. Надо, однако, сказать, что вихляй вовсе не такъ остороженъ, какъ обыкновенная дрофа, и къ нему можно безъ труда подѣхать на выстрѣлъ, т. к. птица обыкновенно довольствуется тѣмъ, что ложится подъ кустъ полыни и только настоящее преслѣдованіе заставляеть ее покинуть свое убѣжище. При этомъ вихляй не убѣгаетъ совсѣмъ изъ того мѣста, гдѣ былъ поднятъ, а бѣгаетъ вокругъ него зигзагами, описывая большіе круги. Домашняго скота эти птицы не боятся и иногда пасутся даже вмѣстѣ съ баранами.

Вихляй прилетаетъ на свою родину, въ Киргизскія степи, небольшими стайками или въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля. Мы ничего не знаемъ о поведеніи этихъ птицъ передъ тѣмъ какъ онѣ разобьются на пары, а между тѣмъ, зная привычки многихъ африканскихъ дрофъ, можно думать, что вихляй токуетъ и притомъ совершенно отлично отъ обыкновенной дрофы. Когда самки садятся на гнѣзда, самцы оставляютъ ихъ и начинаютъ вести кочевую жизнь, по одиночкѣ или стайками удаляясь на большое разстояніе отъ мѣстъ гнѣздовья. Вѣроятно, самки совѣмъ не устраиваютъ гнѣзда, а откладываютъ яйца въ неглубокую ямку на землѣ, подъ прикрытіемъ какого-либо кустика. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступаютъ африканскія дрофы-красотки. Кладка состоитъ изъ двухъ-трехъ яицъ оливково-бураго или землисто-бураго основного цвѣта съ темно-бурыми поверхностными пятнами и точками, и темно-бурыми, и темно-сѣрыми глубокими. Длина яицъ 2,55 д., ширина 1,85 д. Нѣкоторое представленіе о времени гнѣздованія и вывода дѣтей можно составить по сѣдующимъ числовымъ даннымъ. Гнѣздо съ еще, можетъ быть, неоконченной кладкой (въ немъ было 2 яйца) было найдено въ Кизыль-Кумахъ 31 марта, а 23 апрѣля тамъ же былъ пойманъ пуховой птенецъ. Но у залива Карабугазъ пуховой птенецъ былъ найденъ лишь 25 мая, изъ чего слѣдуетъ, что близъ сѣверной границы своего распространенія вихляй гнѣздится по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ позднѣе, чѣмъ въ центрѣ Арало-Каспійской страны. Когда птенцы подрастутъ, самки съ ними присоединяются къ самцамъ и эти табуны держатся, не разбиваясь, а, напротивъ, увеличиваясь въ числѣ, до самаго отлета. Послѣдній начинается съ первой половины сентября и въ наибольшемъ количествѣ идетъ по восточному берегу Каспійскаго моря.

Вотъ какъ Н. Н. Сомовъ описываетъ интересную находку дрофы-вихляя въ Харьковской губ.: „Мнѣ лично,—говоритъ онъ,—она попала всего однажды, а именно 12. VII. 90 г., по дорогѣ изъ с. Веселаго на с. Боровское, въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. По этой дорогѣ, особенно ближе къ послѣднему селу, разстилаются на лѣвомъ берегу р. Донца обширнѣйшіе дюнные пески. Среди такихъ песковъ, между высокими буграми, частью зеренѣлаго и кое-гдѣ заросшаго шелюгой, частью сыпучаго песка, встрѣтился намъ, т.-е. мнѣ и моему препаратору, старый самецъ этого вида. Птица быстро шагала въ одной изъ котловинокъ, покрытой довольно свѣжею травкой. Завидя шагахъ въ 200 нашъ экипажъ, она ускорила шагъ, перешедшій въ бѣгъ, быстро поднялась на воздухъ и скоро скрылась за высокими песчаными холмами, покрытыми въ болѣе отдаленныхъ частяхъ большими зарослями *Salix acutifolia*“.

Правильной охоты за этой дрофой нѣтъ, главнымъ образомъ влѣдствіе того, что она рѣдко и даже случайно появляется у насъ въ охотничьихъ районахъ. Но тѣмъ болѣе цѣнить эту птицу всѣ тѣ, кому отъ времени до времени удастся поохотиться за ней.

61. Стрепетъ.

Otis tetrah, L.

Табл. 63.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 434.

Болѣе распростран. названіе: *стрепетъ*.

Мѣстныя названія: *стрепетъ* (болѣе или менѣе повсемѣстно); *степной тетеревъ* (иногда у оренбургск. и уральск. казаковъ); *мугарь* (въ южной полосѣ Саратовской губ.); *трясучка* (Урало-казач. влад.); *хохотва*, *хохитва* (Малоросс.); *степная курица* (южн. Россія); *нэрковь* (у крест. Херсонск. губ.).

Калмыцк.—*билъ* или *мугоръ-яманъ*.—Киргизск.—*тэжилекусъ*.—Татарск. (казанск.)—*биселекъ*.—Тат. (крымск.)—*биселэкъ*.

I.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ И ОБРАЗЪ ЖИЗНИ СТРЕПЕТА.

Современное и прежнее распространеніе стрепета въ Россіи.—Мѣстонахожденія.—Общая характеристика птицы.—Весенній прилетъ.—Токованіе.—Лѣтній образъ жизни.—Стаденіе и отлетъ.

Вмѣстѣ съ нѣкоторыми видами жаворонковъ, дрофой и журавлемъ-красавцемъ, стрепетъ принадлежитъ къ числу типичнѣйшихъ представителей степной дичи, и по мѣрѣ того, какъ степи распаиваются, съ одной стороны сокращается область распространенія стрепета, съ другой—птица уменьшается въ числѣ тамъ, гдѣ продолжаетъ жить. Надо сказать, что область гнѣздовья стрепета никогда не совпадала съ областью его лѣтняго распространенія: молодые самцы, которые правильно не спариваются съ самками, и старые, почему-либо не спарившіеся, покидаютъ семейныхъ стрепетовъ, когда оканчивается періодъ токованія, образуютъ небольшія стайки и, кочуя, появляются далеко къ сѣверу за предѣлами гнѣздовой области вида. Понятно, что эти кочевки имѣютъ мѣсто теперь точно такъ же, какъ имѣли его прежде, но чѣмъ далѣе отступаетъ къ югу сѣверный предѣлъ гнѣздовой области стрепета, тѣмъ менѣе къ сѣверу можетъ подаваться эта птица даже во время кочевокъ, и потому сѣверный предѣлъ распространенія стрепета теперь, говоря вообще, лежитъ южнѣе,

чѣмъ прежде. Прежде, т.-е. въ сороковыхъ годахъ, эта граница шла слѣдующимъ образомъ.

На протяженіи отъ юго-западныхъ отроговъ Уральскаго хребта до Тульской губ. включительно, стрепеть въ большомъ количествѣ встрѣчался къ сѣверу до 54⁰ с. ш., но отъ Тульской губ. къ западу граница быстро понижалась къ югу, такъ что спускалась отсюда почти прямо къ Кіеву, и далѣе на западъ шла приблизительно уже по 50-й параллели. Теперь столь обширное распространеніе стрепета сохранилось только въ воспоминаніи. Правда, въ восточной Россіи онъ, такъ же какъ и прежде, идетъ гораздо далѣе къ сѣверу, чѣмъ на западѣ, но въ общемъ отступилъ къ югу и тамъ и здѣсь. Пока стрепеть еще очень обыкновененъ въ слѣдующихъ частяхъ страны: въ степяхъ всего сѣвернаго Кавказа, въ губ.: Таврической, Херсонской, Екатеринославской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Землѣ Войска Донскаго, отчасти въ губ.: Воронежской, Саратовской, Астраханской, Самарской, въ Урало-казачьихъ владѣніяхъ и въ губ. Оренбургской. Однако и здѣсь онъ отчасти выбитъ въ окрестностяхъ большихъ городовъ, отчасти отступилъ отсюда. Такъ, это относится даже къ окрестностямъ Симферополя, гдѣ прежде стрепета водились совѣмъ близъ города, тогда какъ теперь надо ѣхать за ними въ степь на разстояніе нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Въ Кіевской губ. стрепеть прежде залеталъ до Кіева и въ небольшомъ количествѣ гнѣзвился въ ея южной половинѣ; теперь же сталъ вообще очень рѣдокъ и гнѣздится въ видѣ исключенія только въ ея самыхъ южныхъ частяхъ, наприм., Уманьскомъ уѣздѣ. Въ Харьковской губ. стрепеть вообще рѣже въ западной, чѣмъ въ восточной половинѣ. Въ Курскую несомнѣнно залетаетъ, но гнѣздится ли въ ней теперь, не могу сказать. Прежде эта птица залетала и въ Орловскую губ. и даже въ Ефремовскій уѣздъ Тульской губ. Правда, залетала она туда не ежегодно и не всегда въ одинаковомъ количествѣ, но что ея было здѣсь достаточно въ сороковыхъ годахъ, это доказывается тѣмъ, что сюда специально ѣздили на стрепетиную охоту. Впрочемъ, и тогда стрепеть не гнѣзвился здѣсь. Значительно уменьшился стрепеть въ числѣ и въ Воронежской губ., гдѣ прежде собирался передъ отлетомъ тысячными стадами. Въ Рязанской губ. стрепеть едва ли когда гнѣзвился даже въ ея южныхъ уѣздахъ, но во всякомъ случаѣ встрѣчался тамъ болѣе или менѣе регулярно, тогда какъ теперь посѣщаетъ эту мѣстность очень рѣдко и случайно. Въ Спасскомъ у. онъ исчезъ въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Въ Симбирской губ. стрепеть въ семидесятихъ годахъ доходилъ къ сѣверу до Буинскаго у. и, судя по тому, что изрѣдка залетаетъ до сихъ поръ въ Чистопольскій у. Казанской губ., можно думать, что въ области Волги эта птица не особенно далеко отступила къ югу. Впрочемъ, какъ далеко къ сѣверу распространенъ стрепеть въ Самарской губ.—неизвѣстно. Въ Уфимской губ. стрепета встрѣчаются въ бѣдныхъ лѣсомъ частяхъ Белебеевскаго и Стерлитамакскаго уу., гдѣ прежде встрѣчались гораздо чаще и правильнѣе, но

за послѣднія 15—20 лѣтъ появляются въ большомъ количествѣ далеко не каждый годъ и въ нѣкоторые годы не бываютъ совсѣмъ. Отдѣльные экземпляры стрепетовъ залетаютъ очень далеко на сѣверъ и были добываемы въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ, губ. Петербургской, Тверской, Московской, Ярославской, Нижегородской и др., въ Финляндіи и даже подъ Архангельскомъ. Что касается Кавказа, то и на сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ стрепеть поднимается до 2.000'—3.000' н. у. м., но не по долинамъ рѣкъ, а тамъ, гдѣ есть возвышенныя степи. Наконецъ, въ Закавказьѣ стрепеть нормально зимуетъ въ большомъ количествѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества остается кое-гдѣ на зиму только въ видѣ исключенія.

Любимое мѣстопробываніе стрепета—настоящая степь, съ густою высокою травою, степь поросшая ковылемъ, или, гдѣ нѣтъ дѣвственныхъ степей, давно не паханныя, поросшія пыреемъ и даже ковылемъ земли, по возможности удаленныя отъ жилищъ человѣка. Воздѣланныя поля стрепеть крайне рѣдко выбираетъ для своего жительства, луга, хотя бы и очень обширные, еще рѣже, въ видѣ исключенія. Зато пасущійся по степнымъ участкамъ скотъ нисколько не мѣшаетъ стрепету и онъ отлично уживается какъ съ рогатымъ скотомъ, такъ и съ овцами. Эта почти полная неспособность птицы приспособляться къ измѣняющимся жизненнымъ условіямъ и вліяетъ роковымъ образомъ на ея существованіе: вмѣстѣ съ уничтоженіемъ степей и степеподобныхъ площадей исчезнетъ болѣе или менѣе и стрепеть.

По своему характеру стрепеть долженъ быть причисленъ къ однѣмъ изъ самыхъ осторожныхъ птицъ, но конечно въ такихъ уголкахъ, гдѣ его не преслѣдуютъ, онъ не обнаруживаетъ такой чрезвычайной осторожности и можетъ даже дать поводъ къ ошибочному заключенію о его чрезвычайной довѣрчивости. Въ обширныхъ самарскихъ степяхъ, во времена С. Т. Аксакова, стрепета позволяли свободно наблюдать себя при проѣздѣ по степямъ и полевымъ дорогамъ, куда охотно выходятъ на кормежку. Аксаковъ рассказываетъ, что ненапуганный стрепеть сначала бѣжитъ впереди лошадей, прямо по дорогѣ, если же „проѣзжіи ѣдетъ тихо, то стрепеть, наскучивъ долгимъ бѣгомъ и не желая вѣроятно отдалиться отъ прежняго своего мѣста, сворачиваетъ въ сторону, для чего надобно ему, не безъ труда, перелѣзть черезъ глубокія колена, отбѣгаетъ нѣсколько сажень и приляжетъ въ траву до тѣхъ поръ, пока не проѣдетъ мимо телѣга или кибитка. Лежа съ вытянутой шеей, онъ поднимаетъ отъ времени до времени свою черноватую головку, и, видя, что проѣзжіи спокойно удаляется, возвращается опять на дорогу, и побѣжитъ по ней уже назадъ. Если же повозка ѣдетъ скоро, и стрепеть видитъ, что его догоняютъ, онъ поднимается и, отлетѣвъ нѣсколько сажень, а иногда и шаговъ, садится на землю и черезъ нѣсколько времени также возвращается на дорогу“. Теперь такіе довѣрчивые стрепета перевелись или встрѣчаются гдѣ-нибудь въ мало посѣщаемыхъ уголкахъ Киргизскихъ степей. Вообще же, чтобы подѣхать къ стрепету даже на

выстрѣль, надо прибѣгать къ цѣлому ряду уловокъ и зачастую даже это не ведетъ ни къ чему.

Стрепетъ летаетъ превосходно и совершенно непохоже на свою тяжеловѣсную родственницу дрофу. Вспугнутый, онъ поднимается съ земли очень быстро, точно срываясь съ мѣста, и затѣмъ также быстро летитъ впередъ, такъ часто махая крыльями, что даже движенія ихъ незамѣтно. На нѣкоторомъ разстояніи временно можетъ даже казаться, что стрепетъ не летитъ, а только трепещется на одномъ мѣстѣ, главнымъ образомъ потому, что его полетъ всегда прямой. При этомъ птица производитъ своими крыльями особый далеко слышный дребезжащій свистъ. Голосъ стрепета очень трудно передать на бумагѣ. Аксаковъ и Зибомъ передаютъ его сходно,—первый какъ *пржи*, второй какъ *сперржъ*. Другіе находятъ сходство въ крикѣ стрепета съ звуками *тррли*. Мнѣ онъ кажется болѣе подходящимъ на сухой отрывистый *трэкъ*. На самомъ же дѣлѣ тому, кто не слыхалъ крика стрепета, это звукоподражаніе даетъ о немъ очень слабое представленіе. Голосъ стрепета не особенно сильный и къ тому же глухой, и выслушать его крикъ весною среди безчисленныхъ звуковъ зеленой степи можно только съ большою привычкою. Кромѣ того, всегда очень трудно опредѣлить мѣсто, откуда раздается этотъ крикъ, хотя бы стрепетъ стоялъ на мѣстѣ; если же птица при этомъ перебѣгаетъ въ травѣ, въ такомъ случаѣ почти невозможно опредѣлить съ точностью, гдѣ онъ кричитъ. На взлетѣ стрепетъ издаетъ особый крикъ, напоминающій нѣсколько хохотъ, откуда одно изъ мѣстныхъ названій „хохотва“. Пища стрепета весьма разнообразна и состоитъ какъ изъ растительныхъ веществъ, такъ и изъ насѣкомыхъ. Онъ охотно ѣстъ и разныя хлѣбныя зерна, и молодую травку, и зеленые ростки хлѣбныхъ растеній, съ одной стороны, и насѣкомыхъ, какъ взрослыхъ, такъ и въ разныхъ стадіяхъ развитія, съ другой. Поэтому въ разное время года стрепетъ совершаетъ правильныя экскурсіи то въ хлѣбныя поля, то на перелогі, т.-е. на запущенныя, отдыхающія поля, то на толоки или выгоны. Въ концѣ лѣта стрепетъ положительно предпочитаетъ яровыя жнивья, пары и зелени степямъ и перелогамъ, но осенью, передъ отлетомъ, окончательно перебирается въ степи. Въ это же время стрепета правильно прилетаютъ на водопой къ степнымъ водоемамъ и при этомъ нерѣдко собираютъ здѣсь по пескамъ мелкихъ ракушекъ и крупныя песчинки. Обыкновенное время кормежки—утро и вечеръ, по крайней мѣрѣ въ жаркіе мѣсяцы, такъ какъ въ самую жаркую пору дня стрепетъ для отдыха залегаетъ въ тѣни степныхъ кустиковъ. Когда же жаркіе дни минуютъ, стрепета въ полдень не ложатся, а либо перелетываютъ по степи, либо кормятся; слѣдовательно, въ это время они кормятся, можно сказать, весь день и опредѣленнаго времени отдыха, кромѣ ночи, у нихъ нѣтъ. Въ жаркіе полдни стрепетъ дѣлается лѣнивымъ и тяжелымъ на подъемъ и на этомъ даже основанъ одинъ изъ видовъ охоты за стрепетамі, очень утомительный благодаря жарѣ, но зато весьма добычливый.

Стрепета прилетаютъ къ намъ весною небольшими стаями и парами. Летятъ, кажется, обыкновенно не высоко и въ стаяхъ не тѣсно. Съ прилета останавливаются въ открытыхъ степяхъ, чаще тамъ, гдѣ старая трава была выжжена и вмѣсто нея пробилась нѣжная новая, и первое время держатся стайками же.

Весьма любопытно, что существуетъ очень тѣсная связь между этой стайной жизнью и частичной весенней линькой самцовъ. До начала марта самцы сохраняютъ свой скромный зимній нарядъ, не отличающійся отъ наряда самокъ, въ первой же половинѣ марта у нихъ начинаютъ развиваться перья брачнаго наряда, именно: сначала появляются черныя перья шеи, потомъ пріобрѣтается пепельная окраска боковъ головы и, наконецъ, послѣдними—бѣлые ошейники. Все эти украшенія достигаютъ своего полного развитія въ половинѣ апрѣля и въ это же время шея самцовъ раздувается отъ развитія богатыхъ кровеносными сосудами особыхъ губчатыхъ подкожныхъ массъ, однородныхъ съ соответствующими образованиями у дрофъ, хотя и не столь развитыхъ. Въ Крымъ стрепета прилетаютъ въ концѣ марта, въ Ставропольскія степи въ половинѣ или въ концѣ этого же мѣсяца, и очевидно далеко еще не надѣвъ брачнаго наряда. Но сѣвернѣе, наприм., въ Харьковскую губ., они прилетаютъ въ концѣ первой трети апрѣля, т.-е. когда развитіе у самцовъ брачнаго наряда близится къ концу. Поэтому въ южной полосѣ своей гнѣздовой области стрепета съ прилета дольше ведутъ стайную жизнь, нежели сѣвернѣе, гдѣ скорѣе разбиваются на пары. Когда брачныя перья самцовъ развились, стайки стрепетовъ разбиваются и самцы начинаютъ токовать. Для этого каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ небольшой бугорокъ или просто площадку и здѣсь, оттопыривъ перья ошейника и распутивъ хвостъ вѣромъ, съ нѣсколькими опущенными крыльями или просто ходитъ взадъ и впередъ, или подпрыгиваетъ довольно высоко на одномъ мѣстѣ, издавая постоянно свой особенный крикъ. Если поблизости одного токующаго самца нѣтъ другихъ, въ такомъ случаѣ токъ течетъ, ничѣмъ ненарушаемый; если же недалеко отъ одного токующаго стрепета есть другіе, тогда, слышавъ вызывающій крикъ своего собрата, они быстро устремляются къ нему и между ними завязываются драки. Такъ проходитъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ самки сначала вовсе не подходятъ къ токующимъ самцамъ, а потомъ мало-по-малу приближаются къ нимъ на самое близкое разстояніе. Чѣмъ ближе подходятъ самки, тѣмъ азартнѣе токутъ стрепета и крикъ ихъ раздается въ это время не только утромъ и вечеромъ, но даже ночью. Судя по валяющимся на такъ называемыхъ „точкахъ“ перьямъ, драки между самцами бываютъ довольно жесточенныя, но и одинъ стрепетъ токуетъ очень страстно, о чемъ можно судить по его напряженнымъ нелѣпымъ позамъ и судорожному толченію на одномъ мѣстѣ.

Послѣ того какъ самецъ спарится съ самою, соперники оставляютъ его, а новобрачныя приступаютъ къ устройству гнѣзда. Въ

это время самец все свободное отъ семейныхъ обязанностей время держится близъ гнѣзда, продолжая выкрикивать свой зовъ и довольно воинственно распутивъ ошейникъ, но его забота теперь—охранить самку и ничего болѣе. Гнѣздо располагается въ кустарныхъ заросляхъ березы, бобовника и дикой вишни, и представляетъ собою небольшое углубленіе, хорошо скрытое растительностью.

Существуютъ указанія, что гнѣздо устраиваетъ одинъ самецъ, для чего будто бы выбиваетъ ногами углубленіе въ почвѣ, обрызгиваетъ его своими экскрементами и затѣмъ устилаетъ прошлогодней травой. Однако яицъ онъ не насиживаетъ, предоставляя это всецѣло заботамъ самки, хотя позднѣе помогаетъ ей въ воспитаніи дѣтей. За исключеніемъ Крыма, гдѣ насиженные кладки можно находить уже въ концѣ апрѣля, время кладки яицъ нормально приходится на первую половину мая; но такъ какъ яйца стрепетовъ часто уничтожаются или пасущимся скотомъ, или пастухами, то птицы откладываютъ ихъ вторично и потому стрепетинныя яйца можно находить до начала іюня. Число яицъ кладки колеблется, повидимому, въ очень большихъ предѣлахъ. Нормально кладка содержитъ 3—4 яйца, но иногда ихъ бываетъ 5 и даже до 7, а С. Т. Аксаковъ сообщаетъ о находкѣ гнѣзда стрепета, въ которомъ было 9 яицъ. Весьма возможно, что старыя самки несутъ яицъ вообще больше, чѣмъ молодыя; затѣмъ, вѣдъ всякаго сомнѣнія, на количество яицъ оказываетъ вліяніе общій ходъ тока, т.-е. чѣмъ дружнѣе онъ идетъ, тѣмъ правильнѣе несутся самки. Однако, все это не объясняетъ такого большого количества кладки яицъ, какое нашель Аксаковъ, и является возможнымъ предположеніе, что здѣсь какъ-либо случайно въ одно гнѣздо были отложены яйца двухъ самокъ. Яйца стрепета походятъ на яйца дрофы, но гораздо меньше. Основной цвѣтъ ихъ варьируетъ отъ болѣе темнаго оливково-зеленаго до оливково-бураго, и на нѣкоторыхъ яйцахъ на этомъ фонѣ совсѣмъ нѣтъ пестринъ, на большинствѣ же яицъ по немъ разбросаны неясныя крупныя и мелкія красновато-бурыя пестрины, которыя то собраны въ большемъ количествѣ на широкомъ концѣ яйца, то на узкомъ, то отчасти сливаются между собою. Поверхность яицъ блестящая, пористость выражена слабо. Длина колеблется отъ 2,15 до 1,93 д., поперечникъ отъ 1,6 до 1,5 д. Самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, такъ что иногда даже позволяетъ наступить на себя, и благодаря этому самки, сидящія на яйцахъ второй кладки, нерѣдко даже погибають отъ кося и косилокъ, такъ какъ ни приближеніе косцовъ, ни шумъ косилки не заставляють птицу слетѣть съ гнѣзда.

Тока у стрепетовъ продолжаются до конца мая и могутъ затянуться даже до начала іюня, хотя чѣмъ позднѣе, тѣмъ меньше токующихъ самцовъ можно найти въ степи. Когда же и послѣднія, почему-либо запоздавшія съ кладками, самки сядутъ на яйца, самцы совершенно перестаютъ токовать и тѣ изъ нихъ, которые имѣють самокъ, держатся въ это время съ выводками, а холостые соединяются станичками и начинаютъ кочевать, уходя далеко за предѣлы гнѣздовой области.

Птенцы выводятся, смотря по широтѣ мѣста, съ начала мая до конца іюня и, пока они малы, стрепетовъ особенно мало видно, такъ какъ выводки въ это время таятся въ высокой травѣ и густыхъ степныхъ заросляхъ. Самка горячо привязана къ дѣтямъ и въ случаѣ неожиданной встрѣчи съ человѣкомъ прибѣгаетъ къ разнымъ хитростямъ, чтобы отвлечь его вниманіе отъ выводка. Для этого она притворяется больной, съ громкимъ крикомъ бросается въ сторону, падаетъ на землю, бьется на одномъ мѣстѣ и продѣлываетъ все это съ такимъ совершенствомъ, что рѣдко кто устоитъ отъ соблазна пуститься слѣдомъ за нею. А между тѣмъ самецъ съ выводкомъ успѣваетъ уйти поглубже въ заросли и здѣсь молодые, прилегли къ землѣ съ вытянутыми шейками, лежатъ такъ крѣпко, что можно развѣ нечаянно поднять такой выводокъ, почти наступивши на кого-либо изъ птенцовъ, или же найти стрепетовъ при помощи собаки. Спустя мѣсяць послѣ вывода, птенцы стрепетовъ бываютъ ростомъ немного болѣе куропатки, а мѣсяца черезъ $1\frac{1}{2}$ —2 выравниваются почти со старыхъ. Одновременно съ этимъ, самцы, какъ бы сознавая свою бесполезность, покидаютъ самокъ съ дѣтьми и на нѣсколько недѣль забираются въ самыя глухія мѣста степи, гдѣ и сбрасываютъ свой брачный нарядъ, послѣ чего не отличаются отъ самокъ. Это происходитъ съ іюня по начало августа.

Молодые стрепета съ самками первое время держатся въ окрестности своихъ бывшихъ гнѣздъ и не отходятъ отъ нихъ далеко. Потомъ районъ ихъ дневныхъ походовъ все болѣе и болѣе расширяется, но отдѣльные выводки продолжаютъ держаться особняками и до августа не собираются въ стаи вмѣстѣ съ другими. Только въ августѣ отдѣльные выводки сходятся между собою, кладя начало осеннимъ стаямъ стрепетовъ, къ которымъ присоединяются позднѣе и перелинявшіе самцы. Размѣры стай колеблются въ зависимости отъ общаго количества стрепетовъ въ мѣстности. При этомъ они переселяются въ мѣста болѣе влажныя, или, по крайней мѣрѣ, отыскиваютъ некошенныя участки степи и здѣсь въ жару прячутся подъ кустиками солодника, ковыля и бобовника. Но для кормежки выбираютъ мѣста открытыя и очень любятъ уже описанные въ статьѣ о тиркушѣ „толоки“. Еще позднѣе стрепета любятъ кормиться по свѣже-вспаханымъ полямъ и такъ какъ въ это время зеленой травки очень мало, ихъ кочевки нерѣдко складываются въ зависимости отъ того, гдѣ прошли дожди и гдѣ слѣдовательно, появились новые всходы. Въ прежнее время стрепета передъ отлетомъ собирались огромными стадами. Въ пятидесятыхъ годахъ Н. А. Сѣверцовъ наблюдалъ тысячныя стада стрепетовъ въ степяхъ Воронежской губ., о чемъ теперь тамъ нѣтъ и помина. Но южнѣе, въ Ставропольскихъ степяхъ, да отчасти и въ Крымскихъ, такія стада еще сохранились, указывая, что по крайней мѣрѣ здѣсь стрепетъ находитъ для себя необходимые просторъ и покой.

Вся осень проходитъ для стрепетовъ въ кочевкахъ, и сначала благодаря обилію насѣкомыхъ на толокахъ, а потомъ благодаря зеле-

нямъ, они становятся къ отлету довольно сытыми, хотя жирными никогда не бываютъ. Когда погода измѣнится и станетъ холодноватой и ненастной, стрепета кормятся только по утрамъ и вечерамъ, на остальное время дня забираясь въ степной бурьянъ, или въ залежи, заросшія высокою полынью, лебедой и козлецомъ.

Отлетъ начинается съ первой трети сентября, но замѣтнымъ становится лишь позднѣе. Во всякомъ случаѣ изъ мѣстъ, ближе лежащихъ къ сѣверной границѣ распространенія стрепета, эти птицы исчезаютъ никакъ не позднѣе первыхъ чиселъ октября. Въ губ. Харьковской отлетъ тянется до конца октября, а отдѣльныя особи могутъ встрѣтиться здѣсь и позднѣе. Въ Крыму стрепета пропадаютъ раньше или позднѣе, не только въ зависимости отъ состоянія погоды, но и отъ состоянія растительности лѣтомъ, такъ что теплая осень послѣ жаркаго безкормнаго лѣта обыкновенно такъ же бѣдна стрепетами, какъ и самая неблагоприятная осень. Если же кормъ есть, въ такомъ случаѣ стрепета держатся въ Крыму до заморозковъ или даже до выпаденія сплошного снѣга, иногда приблизительно до половины декабря. То же самое относится и къ степямъ сѣвернаго Кавказа, откуда однако нормально стрепета улетаютъ нѣсколько раньше, нежели изъ Крыма, хотя отдѣльныя особи остаются здѣсь даже зимовать, чего въ Крыму не наблюдалось.

На осеннемъ пролетѣ стрепета держатся небольшими стайками, на которыя, повидимому, разбиваются даже огромныя осеннія стада этихъ птицъ. Летятъ низко, иногда беспорядочной стаей, иногда шеренгой, чаще прямо черезъ степь, въ сухую осень придерживаясь направленія рѣчныхъ долинъ.

II.

ДОБЫВАНІЕ СТРЕПЕТОВЪ.

Весенняя охота на токахъ. — Лѣтняя охота за выводками. — Охота съ подѣзда, съ подхода съ собакой. — Охота круговымъ заѣздомъ и нагономъ (осенняя). — Нѣсколько словъ о прирученіи стрепета.

Охота на стрепетовъ производится, говоря вообще, почти все время, пока эти птицы остаются у насъ, съ прилета и до отлета; но въ разныхъ мѣстахъ охота производится преимущественно въ то или другое время, наприм. или весною на токахъ, или осенью съ заѣзда, тогда какъ лѣтомъ за стрепетами не охотятся. Причина этого кроется въ мѣстныхъ условіяхъ: нѣкоторыя степныя мѣста очень удобны для весенней охоты, но непригодны для лѣтней и осенней; другія, наоборотъ, представляютъ всѣ удобства для охоты осенью и мало пригодны весною. Наименѣе распространена лѣтняя охота, можетъ быть самая легкая, но чрезвычайно неудобная потому, что охотиться приходится въ самые жаркіе часы дня.

Начинать охоту за стрепетами можно съ того времени, какъ прилетныя стайки разобьются и самцы начнутъ токовать. Но сначала стрепета токують вяло и легко срываются съ токовища, отчего охота за ними и утомительна, и добычлива. Производится она, конечно, съ подъѣзда, но и при этомъ стрепеть до крайности остороженъ, и когда вы подъѣхали къ нему уже настолько, что остается сдѣлать всего 5—10 шаговъ и можно стрѣлять, онъ стремительно взлетаетъ и пересаживается недалеко. Эта манера птицы и дѣлаетъ охоту добычливой. Стрепеть пересаживается такъ близко, что рѣдкій охотникъ оставитъ его въ покоѣ и отправится искать другого; большинство начнетъ снова подъѣзжать къ пересѣвшей птицѣ и опять съ тѣмъ же результатомъ, т.-е. стрепеть подпускаетъ почти въ мѣру и затѣмъ пересаживается. Такую продѣлку онъ можетъ повторить неограниченное число разъ, не улетая далеко отъ токовища, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измучаетъ охотника.

Но вотъ наступили теплые весенніе дни, когда на ожившей степи со всею силой затоковали стрепета, уже успѣвшіе и попривыкнуть къ токовищу, и выбрать самокъ, и теперь-то начинается за ними настоящая охота. Въ степяхъ Таврической губерніи это приходится на конецъ апрѣля, когда трава подымется настолько, что можетъ совершенно скрывать залегшаго стрепета,—обстоятельство не мало способствующее тому, что птица крѣпче держится на излюбленномъ мѣстечкѣ. Вотъ какъ описываетъ эту охоту г. Зотовъ, передающій въ своемъ описаніи и извѣстный мѣстный колоритъ:

„Лучшее время дня для этой охоты,—говоритъ онъ,—тихое, безвѣтряное и не очень раннее утро,—между 7—8 часами. Раньше этого стрепета хоть и токують зарко, но не всегда даютъ себя съѣхать, а позднѣе, къ полудню, токують слабѣе и попадаются рѣже, затаиваясь въ травѣ между остатками прошлогодняго бурьяна и ковыля. Къ вечеру, за часъ до захода солнца, токованье опять усиливается, но, за быстро наступающими сумерками, бываетъ непродолжительно.

„Тонкій слухъ и острое зрѣніе особенно помогаютъ въ этой охотѣ, и легкіе, послушные вожжамъ, нестомчивые кони, и знающій свое дѣло возница обезпечивають ея успѣхъ. Если мѣста прошлогоднихъ токовъ вамъ извѣстны и если они не перепаханы, то вы просто начинаете ихъ объѣздить; въ противномъ же случаѣ, для отысканія новыхъ мѣстъ, ѣдете въ такія, гдѣ по изумрудной зелени, охватившей всю степь, разбросаны островками не сплошные прошлогодніе, не вытравленные скотомъ и не скошенные бурьяны, полынь или ковыль. У окраинъ этихъ порѣдѣвшихъ за зиму бурьяновъ и въблизи заброшенныхъ полевыхъ дорогъ больше всего околачивають токующіе стрепета. Вы ѣдете цѣлиною шагомъ и внимательно вслушиваетесь. Изъ поднебесья сыплется звучнымъ дождемъ тысячеголосная пѣсня жаворонковъ; кругомъ васъ повсюду тоже звучатъ и звенятъ другія тысячи голосовъ проснувшейся степи. Мудрено въ этомъ морѣ звуковъ различить далекое цырканье токующаго стре-

пета, но опытное ухо его различаетъ, точно угадываетъ. Вотъ раздалось это желанное црръ... Пауза. Вотъ оно, кажется, опять повторилось, но уже не тамъ, а совѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Надо опредѣлить направленіе звука, а неумолкающіе жаворонки такъ и сыплоть свою дробь, а назойливые сверчки трещать съ такою яростью, точно стараются перекрычать и жаворонковъ, и другъ друга, и все живущее.

„Наконецъ вамъ удастся уловить этотъ звукъ и вы зорко вглядываетесь въ ту часть степи, откуда онъ донесся, и привычный глазъ скоро отличаетъ, едва замѣтную для всякаго другого, черную точку; она то скроется, то опять зачеркнетъ на томъ же мѣстѣ. Это стрепеть, закидывая на спину свою раздувшуюся отъ прилива страсти бархатно-черную шею, выкрикиваетъ свою несложную любовную пѣсню. Торопиться нечего, онъ не улетитъ,—но не теряйте его изъ виду и направляйтесь сначала прямо къ нему, и, когда подѣдете шаговъ на 150 полной рысью, не укорачивая и не прибавляя ходу, начинайте объѣздъ вокругъ съуживающагося къ центру спиралью, слѣва направо. По мѣрѣ вашего приближенія, стрепеть васъ оглядываетъ, не переставая топтаться на мѣстѣ и цыркать, затѣмъ умолкаетъ и, если трава вокругъ тока довольно густа, то залегаетъ тутъ же, а если токъ уже крѣпко утопанъ, то, пригнувшись къ землѣ, перебѣгаетъ немного далѣе и такъ плотно прилегаетъ къ землѣ, что даже точно замѣтивъ мѣсто, вы никомъ образомъ не можете его разглядѣть. Если стрепеть залегъ сразу, то сильно сокращайте кругъ,—онъ не слетитъ, пока вы не остановитесь, хотя бы вы приблизились на 5 шаговъ. Но такъ близко подѣзжать незачѣмъ, достаточно подѣхать шаговъ на 25 и быстро выскочить изъ экипажа. Одновременно съ вами вскакиваетъ и стрепеть,—не взлетаетъ, а именно вскакиваетъ—однимъ сильнымъ толчкомъ своихъ крѣпкихъ пружинныхъ ногъ, вскидываясь сразу, безъ замѣтнаго взмаха крыльевъ, на высоту 2—3 сажень отъ земли и затѣмъ уже, съ особеннымъ короткимъ кудактаньемъ и свистомъ крыльевъ, переворачиваясь съ боку на бокъ, направляется въ даль, но даль эта послѣ выстрѣла даже не на вскидку, а съ нѣкоторой потяжкой, оказывается не далѣе 50 шаговъ,—такъ обманчивъ его полетъ, какъ и очень быстрымъ отъ чрезвычайно частыхъ взмаховъ его круглыхъ, выпуклыхъ крыльевъ.

„Но не всякій стрепеть даетъ себя объѣхать съ перваго раза. Потому ли, что его застали не на настоящемъ току, или мѣсто этого тока очень открыто, или же потому, что онъ еще не разоковался и не вошелъ въ настоящій азартъ, онъ часто, при приближеніи охотничьихъ дрогъ или брички шаговъ на 60, пригнувъ шею къ землѣ, начинаетъ быстро бѣжать, мелькая своей сѣрой спиной между бурьянами, или же отлетитъ шаговъ 30—40 и опять побѣжитъ. Но не смущайтесь этимъ, не теряйте его изъ виду, а главное—не останавливайтесь ни на минуту, и продолжайте ѣхать стороной, пока онъ, добравшись до густой травы, не ляжетъ. Тогда, не измѣняя аллюра, начинайте объѣздъ тѣмъ же порядкомъ. Часто такой сторожкій стре-

петь подпускаетъ только по третьему разу. Но если онъ не далъ себя съѣхать два-три раза кряду, то беритесь за винтовку или бросьте совѣмъ и отправляйтесь искать другого, пока онъ не распугалъ и остальныхъ сосѣднихъ токовиковъ, которые, замѣтивъ близко пролетающаго соперника, устремляются къ нему, чтобы отогнать его подалеже отъ собственного тока или отъ затаившейся вблизи самки.

„Въ тихую и теплую погоду эта охота бываетъ очень удачна, стрѣлять приходится почти каждаго, и притомъ почти навѣрняка, не далѣе 40—50 шаговъ, и такъ какъ птица эта очень чувствительна къ ранѣ, то дробь для праваго ствола № 7, а для лѣваго № 5 совершенно достаточна, и не одна пара красивыхъ пѣтуховъ попадаетъ въ вашу брочку.

„Зато въ холодный и вѣтряный день вы порядкомъ изморите лошадей, прежде чѣмъ убьете 2—3 стрепетовъ, и заряжать ружье уже слѣдуетъ №№ 5 мъ и 3-мъ, такъ какъ близко съѣхать даетъ себя развѣ какой-нибудь неопытный юнецъ, и стрѣлять приходится шаговъ на 60, на 70, быстро вскакивая съ брочки, какъ только онъ пересталъ токовать. Въ это время пулей стрѣлять неудобно, благодаря тому же досадному вѣтру.

„Съ окончаніемъ тока самцы дѣлаются сторожкими и не подпускаютъ ни на стойку, ни на выстрѣлъ, и затѣмъ куда-то исчезаютъ, забываясь вѣроятно въ густые бурьяны или хлѣба для замѣны своего щегольского весенняго костюма болѣе скромнымъ лѣтнимъ перомъ“.

Къ этому описанію надо прибавить, что для мало опытнаго охотника можно посовѣтовать при охотѣ за токующими стрепетами брать собаку и пользоваться особымъ способомъ опредѣленія того мѣста, гдѣ токуетъ птица. Дѣло въ томъ, что крикъ стрепета довольно обманчивъ и всегда кажется будто онъ раздается очень близко, тогда какъ на самомъ дѣлѣ птица находится на очень большомъ разстояніи. При однообразіи степи и довольно высокой травѣ, скрывающей птицу, идти прямо на голосъ стрепета неопытному охотнику просто не стоитъ, такъ какъ онъ навѣрное не попадетъ на настоящее мѣсто. Поэтому лучше поступать такъ: замѣтивъ приблизительно то мѣсто, откуда раздается крикъ, надо идти въ этомъ направленіи, минуя предполагаемое мѣсто, гдѣ находится стрепеть, шаговъ на 60—70, и затѣмъ, остановившись, подождать, пока крикъ повторится. Изъ сопоставленія двухъ наблюденій уже гораздо вѣроятнѣе попасть на мѣсто тока; если же охотникъ не увѣренъ, что онъ и на этотъ разъ попадетъ на токъ, въ такомъ случаѣ онъ можетъ еще разъ обойти подозрѣваемое мѣсто и тогда дѣйствовать почти навѣрняка. При высокой травѣ стрепеть очень неохотно взлетаетъ и потому хорошая собака можетъ быть очень полезна при такой охотѣ. Замѣтивъ то мѣсто, гдѣ кричалъ стрепеть, надо взять собаку къ ногѣ и идти прямо туда, отъ времени до времени слегка сворачивая въ сторону и описывая дугу, чтобы нѣсколько обмануть бдительность птицы. Наконецъ, „шагахъ въ тридцати пускаешь собаку впередъ, по возможности противъ

вѣтра; она живо причуиваетъ весенняго стрепета. Какъ только собака потянула, смотришь зорко кругомъ; онъ тутъ совсѣмъ близко и вспорхнетъ такъ сильно, что нужно обладать крѣпкими нервами, чтобы не пропуделять по стрепету. Нерѣдко случается, что собака пройдетъ дальше, будто мимо намѣченнаго тока,—тутъ слѣдуетъ остановиться и выждать, ибо собака не обманывается, а только повѣряетъ свой чухъ: не успѣетъ она сдѣлать полукруга въ обратномъ направленіи, какъ стрепеть, шагахъ въ десяти, пяти отъ васъ, а иногда чуть что не зацѣпивъ ягдташъ, бѣшено взрывается въ воздухъ“ (Старовъ, *Природа и Охота*, май 1884, стр. 5).

При этой охотѣ очень мѣшаетъ, если стрепеть токуетъ совсѣмъ близко отъ самки: въ такомъ случаѣ, если самецъ срывается съ мѣста, то часто вспугиваетъ и самку, а за улетающей самкой поднимаются и другіе вблизи токовавшіе стрепета, послѣ чего огромная сравнительно площадь на время лишается стрепетовъ и надо перебираться въ другое мѣсто. Если же выстрѣлить и промахнуться по самцу, который только самъ пересядетъ, въ такомъ случаѣ черезъ день-два можно опять возвратиться на то же самое токовище и опять наййти на немъ временно потревоженнаго, но возвратившагося стрепета.

Мѣстами, напр. въ Ставропольской губ., промышленники добываютъ стрепетовъ, ставя на точкахъ мотики (петли). При этомъ они иногда поступаютъ такъ: „снимаютъ съ убитаго стрепета шкурку и натягиваютъ ее на деревяшку, представляющую слабое подобіе стрепета; вмѣсто ногъ въ нее вставляютъ палку, на которой чучело свободно вращается. Эту палку вбиваютъ въ землю на точкѣ и вокругъ нея ставятъ мотики. Самецъ-стрепеть, замѣтивъ на точкѣ соперника, бросается на него, но сбить его не можетъ, такъ какъ онъ свободно вращается на своей деревянной ножкѣ. Это приводитъ стрепета въ ярость и онъ продолжаетъ свои нападенія до тѣхъ поръ, пока не упадетъ ногою или головою въ петлю“. (Динникъ.)

Какъ выше замѣчено, охота на стрепетовъ прекращается со времени окончанія токовъ и до тѣхъ поръ, пока поднимутся молодые, когда, слѣдовательно, начнется охота за выводками. Смотри по географическому положенію мѣста, эта охота начинается съ разныхъ чиселъ іюля и длится до конца августа, когда стрепета начинаютъ стадиться и когда за ними начинается осенняя охота. Если при этомъ охота производится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде была охота на токахъ, въ такомъ случаѣ она не представляетъ трудности со стороны разысканія стрепетовъ. „То мѣсто степи,—говоритъ г. Старовъ,—откуда, по вашему наблюденію, несло больше криковъ весеннихъ стрепетовъ, будетъ изобиловать и молодыми. Стрепетинные выводки держатся въ очень густой полыни. Чѣмъ меньше они, тѣмъ крѣпче прячутся и тѣмъ труднѣе охота. Молодыхъ, съ поршка ростомъ, чрезвычайно трудно поднять изъ густой травы,—они больше надѣются на свои ноги, чѣмъ на крылышки, и зачастую совсѣмъ уходятъ изъ-подъ собаки, особенно съ горячимъ понскомъ. Бѣгутъ мо-

людые отъ мѣста спуга очень шибко и по радіусамъ отъ него, а потому, попавши на такой выводокъ, нужно идти съ собакой по концентрическимъ кругамъ, увеличивая ихъ сразу шаговъ на сорокъ. Матка стрепетинная поднимается всегда первая. Летитъ она, повидному, плохо и продѣлываетъ все тѣ штуки, что тетерка или фазанка. Разница въ томъ только, что, отлетѣвъ недалеко, если вамъ удалось остановить собаку отъ преслѣдованія, она вамъ опять встрѣтится на какомъ-нибудь кругу, такъ какъ не успѣетъ и присѣсть, какъ снова бѣжитъ на мѣсто подъема молодыхъ, не обращая на васъ особаго вниманія. Случалось и такъ, что ѣдешь въ дрожжахъ по степи, и вдругъ сбоку, шагахъ въ пятидесяти, тамъ, гдѣ собака ваша и не искала, поднимается стрепетъ и, недалеко перемѣстившись, садится; это вѣрный признакъ того, что вы съ дрожками наѣхали на выводокъ: старая успѣла отбѣжать въ противную сторону отъ молодыхъ и взлетѣла, чтобы вѣрнѣе обмануть, отвлечь васъ отъ выводка. Остановите тутъ дрожки и навѣрно найдете выводокъ.

„На одномъ и томъ же клочкѣ степи мнѣ удавалось поднимать выводки ростомъ съ поршка, а рядомъ почти съ матку. Если молодые крупнѣе, чѣмъ въ полматки или сравнялись съ нею, то выводки держатся уже не въ густой травѣ, а предпочитаютъ рѣдкую и очень любятъ возвышенныя мѣста, т.-е. держатся по краямъ лощинъ на насыпяхъ прежняго заглошаго арыка, по отлогимъ буграмъ. Рѣдко такой выводокъ весь поднимается за маткой,—улетяютъ за нею дватри, а остальные спасаются бѣгствомъ во все стороны и затѣмъ, порядочно отбѣжавши, такъ крѣпко залегаютъ, что чуть не топчешь ихъ сапогомъ. Вотъ тутъ и любуешься мертвою стойкой собаки. Зачастую при этомъ случается, что, при подъемѣ стрепета, собака чуть-что не ловитъ его. По взлету старки я узнаю, оставила ли она за собою выводокъ или нѣтъ. Яловка или самецъ при взлетѣ выпускаютъ дребезжащій звукъ со свистомъ, матка же вылетаетъ съ глухимъ хохотомъ; звуки эти очень похожи, если произносить быстро: го, го, гогого“.

Когда стрепета подрастутъ, они часто держатся не такъ близко другъ отъ друга, какъ въ то время, когда были маленькими, и потому охота на нихъ нѣсколько мѣняетъ свой характеръ. Собака здѣсь нужна, чтобъ отыскать стрепетовъ, а затѣмъ охотникъ долженъ стараться собрать ихъ вмѣстѣ, что не представляетъ особаго труда, такъ какъ молодые стрепета вовсе не стремятся къ самостоятельности и, вспугнутые, обыкновенно летятъ другъ къ другу. Охота эта очень хорошо описана г. Островидовымъ, и потому я приведу здѣсь его слова:

„Лѣтомъ, — говоритъ онъ, — охотятся на стрепетовъ съ іюля до двадцатыхъ чиселъ августа, когда стрепета еще не собрались въ стаи, а держатся выводками отъ 4 до 7 шт., считая въ томъ числѣ и старыхъ—самца и самку. Въ это время я охочусь на нихъ съ собакою; впрочемъ, она тутъ нужна только когда подѣзжаешь къ мѣ-

стамъ, гдѣ любятъ держаться стрепета, т.-е. къ ковылямъ и другимъ травамъ вблизи хлѣбныхъ посѣвовъ; тутъ я пускаю собаку отыскивать если не стадичку, то хоть одиночку-стрепета, котораго не стрѣляю, когда онъ снимется, а только замѣчаю мѣсто, куда онъ перемѣстится, и подъѣзжаю къ нему; если при этомъ другихъ стрепетовъ не видно, то я этого стрепета опять не стрѣляю, пока онъ не подсядетъ къ стайкѣ, что должно случиться непременно. Завидя же стайку штукъ въ 4—7, я объѣзжаю ее одинъ, много два раза. Стайка подпускаетъ къ себѣ охотника на дрожкахъ на разстояніи шаговъ 40 и обыкновенно залегаетъ тутъ же; здѣсь уже отнюдь не слѣдуетъ пускать собаку, даже если и не видать стрепетовъ, а замѣтивъ мѣсто ихъ лежки, съ котораго они не уходятъ, не останавливая лошади, ѣдущей какъ бы мимо нихъ, надо слѣзть незамѣтно съ дрожекъ и идти прямо на нихъ; обыкновенно не успеешь пройти больше пяти шаговъ, какъ они, замѣтя, что охотникъ сошелъ съ лошади, неуклюже взлетаютъ; въ это время, не торопясь, можно всегда успѣть выстрѣлить по нимъ два раза.

„Такимъ образомъ приходится иногда раза три объѣхать одну и ту же стайку, особенно если при первомъ выстрѣлѣ пришлось убить старыхъ.

„Стрепета, улетѣвшіе изъ стрѣляной стайки, непременно подсаживаются къ другому стадичку, если только въ этой мѣстности есть стрепета; только такія стадички объѣзжать бываетъ много труднѣе, потому что если въ вновь объѣзжаемой стайкѣ есть хотя одинъ стрепетъ изъ стрѣляной (а чѣмъ больше ихъ, тѣмъ, конечно, хуже), то онъ ни за что не ложится, несмотря на то, что другіе всѣ полягутъ. Поэтому, только-что начнешь заѣзжать кругомъ, какъ бывшія въ перепалкѣ особи, стоя на мѣстѣ и слѣдя очень строго за движеніями охотника, иногда всходя даже на бугорокъ, если таковой попадется, немедленно снимаются, а за ними летитъ если не вся стайка, то большая часть ея. Но оставшіеся на мѣстѣ не радуютъ охотника, потому что подъѣхать къ нимъ и убить можно только при громадномъ запасѣ терпѣнія. Если вы вздумаете тотчасъ послѣ взлета первыхъ стрепетовъ хоть немного повернуть лошадь, съ намѣреніемъ заѣхать къ нимъ поближе, — они немедленно улетають внѣ выстрѣла вслѣдъ за первыми. Если же вы желаете удачи, то послѣ взлета первыхъ стрепетовъ нужно ѣхать, удаляясь отъ дичи, и лучше совсѣмъ скрыться отъ нея: чѣмъ больше пройдетъ времени послѣ выстрѣла, тѣмъ больше она успокоится и тѣмъ вѣрнѣе можно рассчитывать, что она подпуститъ на выстрѣлъ. Зато ужъ послѣ этого выстрѣла они улетають далеко, если имъ не удастся присоединиться къ ранѣе улетѣвшимъ товарищамъ, и ужъ тогда къ нимъ лучше не подступаться.

„Во всякомъ случаѣ, если есть стрепета, то лучше не слѣдить за тѣмъ, куда перемѣстились особи, улетѣвшія изъ стрѣлянаго стадичка, и не терять времени надъ объѣздомъ стаи, къ которой онѣ присоединились, — гораздо полезнѣе пустить снова собаку и найти но-

вый, не путанный выводокъ, къ которому подѣзжать можно смѣло, съ надеждой на удачу“.

Къ этому же времени относится возбудившая было большія пренія охота на стрепетовъ съ подхода. Г. Бочарниковъ первый сообщилъ, что въ ставропольскихъ степяхъ можно охотиться, подходя къ стрепетамъ, которые залегаютъ въ жару и подпускаютъ къ себѣ охотника на самое близкое разстояніе. Это сообщеніе было встрѣчено большимъ недоувѣріемъ, но позднѣе нашло себѣ подтвержденія, и теперь мы несомнѣнно знаемъ, что въ іюлѣ и августѣ за стрепетами можно охотиться просто съ подхода. Необходимымъ условіемъ успѣшности такой охоты является то, чтобы она производилась въ самое жаркое время дня, отъ 12 до 4 часовъ пополудни. Ни раньше, ни позднѣе стрепеть не подпуститъ къ себѣ пѣшаго человѣка даже на 100 шаговъ. Къ полудню же сытыя птицы ложатся за кустиками травы и отъ жара лежатъ такъ крѣпко, что отлично выдерживаютъ стойку собаки и подпускаютъ охотника чуть-что не въ упоръ. Даже выстрѣлы мало тревожатъ залегшихъ птицъ и на небольшой площади можно добыть нѣсколько стрепетовъ. При этомъ надо соблюдать только одно условіе, а именно: стрѣлять возможно мѣтко, чтобы не было подранковъ, такъ какъ раненые стрепета пугаютъ своими движеніями залегшихъ поблизости, и послѣдніе скрываются, не подпуская охотника. Равнымъ образомъ не слѣдуетъ спѣшить брать убитую птицу, а надо идти за ней съ заряженнымъ ружьемъ, потому что при этомъ часто поднимаешь новаго стрепета, котораго при поспѣшности легко пропустить. Однако эта охота имѣетъ одну весьма существенную отрицательную сторону: страшная жара разбиваетъ охотника и даже, при нѣкоторой горячности и неосторожности съ его стороны, дѣло можетъ кончиться солнечнымъ ударомъ.

Осенью, когда стрепета начинаютъ стадиться, охота за ними измѣняется. Въ стаѣ стрепеть чрезвычайно остороженъ и потому добыть его можно или круговымъ заѣздомъ или, что еще лучше, нагономъ, и при всякой такой охотѣ собака не только не нужна, но даже прямо является помѣхой, если горяча, и охотникъ не можетъ принудить ее идти сзади, почти подъ самымъ экипажемъ. „Въ это время стайные стрепета выбиваются изъ ковыля и другихъ высокихъ травъ на скошенный ковыль, — говоритъ г. Островидовъ, — на жнивья хлѣбовъ, а иногда и въ скошенные луга, почему ихъ видно издали. Подѣзжать къ такимъ стаямъ очень трудно: въ первый разъ непуганная стая подпуститъ еще иногда шаговъ на 90, но ужъ послѣ выстрѣла и думать нечего даже о томъ, чтобы она подпустила охотника на 150 шаговъ. 150, да даже и 90 шаговъ, для обыкновенныхъ двухствольныхъ ружей 12-го калибра, заряженныхъ дробью, составляютъ дистанцію весьма почтенную. Поэтому я обыкновенно старался разбить стаю на нѣсколько мелкихъ или отбить отъ главной стаи одну небольшую стайку; однимъ словомъ, разбить ихъ или отбить часть, по-моему, необходимо. Сдѣлать это тоже нелегко; извѣздить прихо-

дится тоже порядочно. Я, стараясь разбить стаю, стрѣляю иногда и въ 150 шаг., но не ради того, чтобы убить, а ради того только, чтобы сбить стаю съ толку; иногда это мнѣ удается, такъ что послѣ одного-двухъ шальныхъ выстрѣловъ часть стрепетовъ отбивается отъ стаи, но случается, что только даромъ пропадаютъ заряды. Когда стая разбита, то къ отбившимся отъ нея стрепетамъ все-таки не слѣдуетъ подъѣзжать тотчасъ же: гораздо лучше переждать и дать имъ успокоиться“.

Если же заѣздъ не удается, тогда единственнымъ средствомъ добыть стрепета — прибѣгнуть къ нагону. Для этого, проѣзжая мимо достаточно высокаго кустика, чтобы онъ могъ скрыть человека, надо незамѣтно для стрепетовъ свалиться съ дрогъ и залечь, а кучеръ долженъ захватить такъ, чтобы спугнутые стрепета полетѣли прямо къ засадѣ. Лежать надо терпѣливо и изъ любопытства не поднимать головы, такъ какъ стрепеть легко можетъ замѣтить подозрительный предметъ и тогда стая улетитъ въ другую сторону. Смотрѣть нечего и потому, что свистъ крыльевъ летящихъ стрепетовъ слышенъ отлично, и пропустить ихъ нельзя. Такъ какъ при этомъ стрѣлять приходится въ летъ и чаще всего въ кучу, то это почти единственная охота на стрепетовъ, когда можно однимъ зарядомъ выбить сразу нѣсколько штукъ.

Описанные способы охоты на стрепета сами собою говорятъ, что стрепеть не можетъ быть предметомъ промысла. Большая потеря времени, большой рискъ, умѣнье разнообразить приемы съ цѣлью подобраться къ добычѣ, все это не на руку промышленнику. Къ тому же при очень большой удачѣ, охотясь съ хорошей собакой за молодыми стрепетами или въ нагонъ осенью, рѣдко удается добыть штукъ десять этихъ птицъ, а это промышленнику не на руку. Поэтому послѣдніе бьютъ стрепетовъ только случайно или добываютъ, какъ выше сказано, на точкахъ. Но и этимъ способомъ много стрепетовъ не добудешь. Въ зависимости отъ этого цѣна на этихъ птицъ также совершенно случайная.

Серьезныхъ опытовъ прирученія стрепетовъ не дѣлали, но, пойманные птенцами и выкормленные въ неволѣ эти птицы легко становятся ручными, узнаютъ хозяина или вообще того, кто ихъ кормитъ, и совсѣмъ не обнаруживаютъ страха передъ людьми. Весьма возможно, что они способны размножаться въ неволѣ, а въ такомъ случаѣ въ прирученіи мы имѣли бы хорошее средство для сохранения стрепета при постоянно разрастающемся населеніи степи; однако, чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ, надо поставить опыты въ большемъ размѣрѣ, и не довольствоваться случайными наблюденіями.

62. Дрофа.

Otis tarda, L.

Табл. 64.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 441.

Болѣе распростран. названіе: *дрофа*.

Мѣстныя названія: *дрофа*, *драва*, *дрова*, *дровичъ* (малоросс.); *дудакъ* (южная и восточн. Россія).

Польск. — *drop*. — Латыш. — *sibga*. — Татар. — *свадакъ*. — Киргиз. — *дува-дакъ*. — Монг. — *тодалъ*, *тоадукъ*. — Тунг. — *тодокъ*.

Гурійск. — *арелли индоури* (дикая индѣйка). — Грузин. — *савати*.

I.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНІЕ.

Дрофа, такъ же какъ и стрепеть, является однимъ изъ лучшихъ представителей степной фауны, но благодаря своему уму и осторожности умѣетъ найтн себѣ вѣрное убѣжище даже въ хорошо воздѣланныхъ мѣстностяхъ и потому не такъ спѣшно отступаетъ передъ вторженіемъ человѣка въ ея коренную область. Особенно благоприятствуетъ сохраненію дрофы ея гнѣздованіе въ озимыхъ хлѣбахъ. Птица опытомъ познала, что, гнѣздясь здѣсь, она имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточный запасъ времени, чтобы вывести дѣтей, и съ этихъ поръ преслѣдованія человѣка утратили для нея по крайней мѣрѣ половину своего значенія. Но кромѣ преслѣдованій человѣка, дрофѣ приходится примѣняться и къ другимъ условіямъ. У сѣвернаго предѣла ея области распространенія, тамъ гдѣ лѣса разбросаны островами среди поля, идетъ постоянная борьба между лѣсной и травянистой растительностью и, если ихъ предоставить самимъ себѣ, побѣдителемъ въ этой борьбѣ является лѣсная растительность. Отвоевывая себѣ новые участки въ открытой мѣстности, лѣсъ въ то же время оттѣсняетъ дрофу постепенно все далѣе и далѣе къ югу и

очень можетъ быть, что безъ вмѣшательства человѣка давно бы проникъ въ степную область гораздо дальше, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Но человѣкъ, истребляя лѣса, является защитникомъ развитія открытыхъ пространствъ, и косвенно, пожалуй, защитникомъ дрофы: передъ вторженіемъ лѣса въ ея область эта птица должна бы отступать безповоротно, но съ человѣкомъ она сумѣла ужиться и пока хищническое истребленіе лѣса будетъ имѣть мѣсто въ средней Россіи, едва ли замѣтно отодвинется къ югу сѣверная граница распространія описываемой птицы.

Начиная съ востока, мы видимъ, что за Ураломъ дрофа поднимается къ сѣверу до Троицка и Верхнеуральска, т.-е. до 54° с. ш. Въ Оренбургскомъ краѣ Эвереманнъ принимаетъ за сѣверный предѣлъ распространія дрофы также 54°, но, повидимому, теперь дрофа отступила здѣсь далѣе къ югу, такъ какъ П. П. Сушкинъ совсѣмъ не встрѣтилъ дрофы въ Уфимской губ. и убѣдился, что изъ мѣстныхъ жителей, какъ русскихъ, такъ и башкиръ, многіе знаютъ ее только по наслышкѣ. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, дрофа изрѣдка, не каждый годъ, встрѣчается небольшими стайками или отдѣльными экземплярами кое-гдѣ въ безлѣсныхъ частяхъ Стерлитамакскаго и Белебеевского уѣздовъ. Къ югу отсюда, т.-е. въ нынѣшней Оренбургской губ., дрофа гнѣздится въ еще довольно большомъ количествѣ, хотя за послѣднія десятилѣтія несомнѣнно уменьшилась здѣсь въ числѣ, особенно по сравненію со степями къ югу отъ средняго теченія р. Урала. Въ Самарской губ., какъ и Симбирской дрофа распространена очень широко и изрѣдка гнѣздится даже въ южныхъ уѣздахъ Казанской и Нижегородской губ., гдѣ однако гораздо обыкновеннѣе въ качествѣ кочующей птицы. По словамъ М. Д. Рузскаго, гнѣзда дрофы были найдены въ Цивильскомъ, Тетюшскомъ и Спасскомъ уѣздахъ, въ мѣстахъ же кочевокъ дрофы показываются преимущественно осенью, въ теченіе августа и первой половины сентября, а потомъ исчезаютъ. Что касается Рязанской губ., то прежде дрофа гнѣздилась здѣсь въ Спасскомъ у., гдѣ теперь не гнѣздится, и вѣроятно гнѣздится еще теперь въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ, на водораздѣлѣ бассейновъ Оки и Дона, гдѣ рѣдкое населеніе не можетъ мѣшать гнѣздованію этихъ птицъ, а характеръ мѣстности представляетъ этому всѣ удобства. Первые дрофы появляются здѣсь въ послѣдней трети іюня выводками, къ которымъ уже присоединились самцы, исчезаютъ отсюда обыкновенно къ концу сентября, иногда остаются до 20-хъ чиселъ октября. Въ Тульской губ. дрофа распространена въ ея южной безлѣсной полосѣ, гдѣ бываетъ временами болѣе или менѣе обыкновенна въ качествѣ кочующей птицы и изрѣдка гнѣздится. Въ Крапивенскомъ, Новосильскомъ и Чернскомъ уѣздахъ дрофы держатся все лѣто, начиная съ весны, въ другихъ появляются въ концѣ лѣта, во время кочевокъ, но прежде несомнѣнно гнѣздились въ Ефремовскомъ у., гдѣ были находимы яйца этой птицы. Отсюда сѣверная граница распространія дрофы круто спускается въ

юго-западномъ направленіи къ Черниговской губ., гдѣ поворачиваетъ прямо на западъ, пересѣкая Нѣжинскій у. Въ Волынской и Подольской губ. дрофа очень обыкновенна въ подходящихъ мѣстахъ, западнѣе является отчасти кочующей, отчасти гнѣздящейся въ Польшѣ. Здѣсь она гнѣздится на обширныхъ равнинахъ около Ловича и Блонн въ Варшавской губ., между Вышгородомъ и Цѣхановымъ въ Плонской губ., въ окрестностяхъ Мендзыржеца и Чемерникъ въ Сѣдлецкой губ., на югѣ Люблинской и мѣстами въ Калишской губ. Къ югу отъ перечисленныхъ мѣстъ дрофа распространена во всей южной Россіи, гдѣ находитъ себѣ подходящія станціи, и не только является гнѣздящейся птицей, но и зимующей. Въ степяхъ по теченію р. Урала дрофы зимуютъ въ очень небольшомъ количествѣ и притомъ только въ малоснѣжныя зимы. Въ Астраханской губ. нѣкоторая часть дрофъ остается ежегодно зимовать въ южныхъ предѣлахъ губерніи, въ теплыя же зимы онѣ встрѣчаются всю зиму даже подъ Сарептой.

Въ Землѣ Войска Донского и въ губ. Харьковской часть дрофъ тоже зимуетъ, но только въ благоприятныя зимы и преимущественно въ южныхъ частяхъ этой области. Еще западнѣе и южнѣе, въ губ. Херсонской, Таврической и Ставропольской, количество зимующихъ дрофъ становится еще больше, такъ что здѣсь о дрофѣ можно уже съ полнымъ правомъ говорить какъ отчасти объ осѣдлой птицѣ. Такимъ образомъ дрофа въ своемъ распространеніи по временамъ года представляетъ собою прѣвосходный примѣръ зависимости птицы не столько отъ прямого вліянія холода, сколько отъ косвеннаго, сказывающагося въ недостаткѣ корма, и еще отъ обилія снѣга. Прямые наблюденія показываютъ, что дрофа очень вынослива къ холоду и, если можетъ достать себѣ кормъ, даже въ морозныя дни ограничивается только кочевками. Но болѣе или менѣе толстый снѣговой покровъ лишаетъ птицу возможности добыть себѣ кормъ и достаточно, чтобы снѣгъ не стаивая пролежалъ нѣсколько дней, чтобы дрофы отлетѣли далеко.

Подобно стрепету, дрофа залетаетъ далеко къ сѣверу за предѣлы своей области распространенія, но съ ней это бываетъ рѣже, чѣмъ со стрепетомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она не залетаетъ такъ далеко. До сихъ поръ въ качествѣ случайно залетной была найдена въ губ. Московской, Курляндской, Петербургской и въ южной части Финляндіи.

Наконецъ, чтобы покончить съ географическимъ распространеніемъ этой птицы, остается сказать, что она въ большомъ количествѣ гнѣздится и зимуетъ въ Закавказьѣ. Въ вертикальномъ распространеніи поднимается выше 6000' н. у. м.

II.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ.

Общая характеристика птицы.—Весенній образъ жизни.—Токованіе.—Гнѣздованіе.—Жизнь выводковъ.—Лѣтнія и осеннія кочевки.—Зимній образъ жизни.—Прирученіе.

Несмотря на свои большіе размѣры, дрофа рѣдко производитъ впечатлѣніе тяжелой, мало подвижной птицы. Во всей ея наружности есть что-то, сразу позволяющее угадать ея осторожность, смѣтливость и связанную съ этимъ способность къ быстрымъ перемѣнамъ мѣста. Зато каждый, знающій дрофу, согласится, что самцы, особенно старые, по манерѣ держать себя кажутся весьма важными и преисполненными внутренняго достоинства, тогда какъ самки очень милостивы и въ выраженіи ихъ глазъ, въ поворотѣ головы, и въ особенной нервности движеній у нихъ сквозитъ какая-то робость. Походка ненапуганной дрофы чрезвычайно степенна, хотя обезпеченная птица становится суетливой и въ большомъ замѣшательствѣ можетъ буквально метаться, при боязни быть захваченной.

Осторожность дрофы сказывается въ каждомъ ея движеніи. Отдыхаетъ ли она, кормится ли, идетъ ли на водопой и т. д., она отлично помнитъ, что у нея есть врагъ, который вездѣ подстерегаетъ ее, и потому-то даже повидимому беззаботно пасущіяся дрофы постоянно осматриваютъ окрестность и настораживаются, какъ только замѣтятъ что-либо мало-мальски подозрительное. Спитъ дрофа или спрятавшись въ траву, хлѣбъ, бурьянъ и т. п., или довѣривъ попеченіе о своей безопасности своимъ товарищамъ. Какъ птица исключительно дневная, дрофа обыкновенно ночуетъ тамъ, гдѣ ее засталъ вечеръ, но раннимъ утромъ она оставляетъ мѣсто ночевки и уходитъ отсюда иногда довольно далеко. Бѣгаетъ дрофа превосходно и, прежде чѣмъ взлетѣть, обыкновенно пробѣгаетъ нѣкоторое разстояніе; но можетъ взлетѣть и безъ разбѣга, съ шумомъ поднимаясь вверхъ столбомъ, чѣмъ немало смущаетъ и даже пугаетъ неопытныхъ охотниковъ, которымъ доведется неожиданно наткнуться на отдыхающую дрофу. Летаетъ эта птица очень быстро, хотя рѣдко машетъ крыльями, производя ими въ то же время большой шумъ. Высоко подниматься не любитъ и летитъ обыкновенно плавно, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, или совсѣмъ противъ вѣтра или такъ, чтобы вѣтеръ былъ нѣсколько сбоку, въ полвѣтра, какъ говорятъ охотники. При этомъ на перелетахъ чрезвычайно постоянно держится разъ выбраннаго направленія и не уклоняется отъ него, хотя бы ей здѣсь не разъ устраивали засады. Въ жаркую и сухую погоду любитъ, подобно курамъ, рыться и валяться въ пыли, конечно съ цѣлью избавиться отъ докучливыхъ паразитовъ. При этомъ то вертится на брюхѣ, то ложится на бокъ, отгребая пыль ногами, то поднимаетъ ее однимъ или обоими крыльями.

Дрофа безусловно общественная птица. За исключеніемъ времени

вывода дѣтей, когда дрофы живутъ семьями, даже безъ самцовъ, держащихся особнякомъ, они очень любятъ общество себѣ подобныхъ и бываетъ время, когда собираются сотенными и даже тысячными стадами. Надо самому видѣть степь, покрытую такимъ множествомъ птицъ, чтобы понять ея своеобразный колоритъ, почувствовать ея безграничный просторъ. Куда хватаетъ глазъ, стелется слегка волнистая равнина, усыпанная дрофами, между которыми кое-гдѣ виднѣются стада барановъ. То тамъ, то здѣсь поднимаются немногія птицы, пролетаютъ, равномерно махая своими широкими крыльями, небольшое пространство и опускаются, выбравъ новыхъ компаньоновъ. Сходятся птицы другъ съ другомъ чрезвычайно легко, хотя особенно тѣсной связи между членами стады незамѣтно, и нѣкоторые изъ нихъ, повидному, безъ всякихъ причинъ оставляютъ своихъ товарищей, перелетая на новое пастбище.

Дрофа подаетъ голосъ рѣдко; самка только въ случаѣ тревоги, самецъ или въ видѣ предупрежденія объ опасности, или какъ выраженіе недовольства. Передать на бумагѣ этотъ короткій гортанный и далеко не громкій звукъ очень трудно (нѣкоторые сравниваютъ его съ отдаленнымъ воемъ вѣтра); съ непривычки не сразу даже догадаешься, что это кричитъ дрофа, а что касается опредѣленія того мѣста, откуда исходитъ звукъ, то чаще всего кажется, что онъ раздается гораздо дальше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Всѣмъ этимъ, конечно, объясняется, что обыкновенно дрофу считаютъ очень молчаливою птицею: съ одной стороны, ее рѣдко слышатъ вообще, съ другой—не различаютъ ея своеобразнаго голоса. Молодая кричать не похоже на старыхъ. По словамъ Арендта, издаваемые ими звуки очень походятъ на звуки дудки или такъ называемаго глинянаго соловья, на которыхъ играютъ дѣти. Чѣмъ меньше дрофенокъ, тѣмъ болѣе замѣтны въ звукѣ трели, какъ бы конецъ дудки былъ погруженъ въ воду, или въ соловья налита была вода; съ дальнѣйшимъ возрастомъ звуки дѣлаются чище и вовсе безъ трелей, каждый звукъ продолжается 1—2 секунды.

Дрофа кормится весьма разнообразными веществами. Сѣмена различныхъ злаковъ, листья степныхъ кустарниковъ и травъ, всевозможные кузнечики и другія наѣкомыя, гусеницы бабочекъ, только не волосистыя,—все это поѣдается дрофою. Кромѣ того, она ѣсть молодыхъ ящерицъ, лягушекъ, мышей и даже пуховыхъ птенцовъ мелкихъ птицъ, наприм. жаворонковъ. Осенью дрофа преимущественно питается зелеными листками хлѣбныхъ всходовъ и дикихъ злаковъ, но кромѣ того подбираетъ на поляхъ осыпавшіяся хлѣбныя зерна. Вода для дрофы необходима, и тамъ, гдѣ нѣтъ прѣсной, наприм. въ Киргизскихъ степяхъ, она летаетъ даже на солоноватыхъ водахъ.

Что касается станцій, то дрофа въ этомъ отношеніи вовсе не отличается той исключительностью, которая характеризуетъ стрепета. Единственно, что для нея необходимо, это—открытыя площади; но будутъ ли онѣ воздѣланными полями или степью, для дрофы это без-

различно. Этимъ и объясняется, что тогда какъ дрофа все еще довольно обыкновенна въ западной Европѣ, гдѣ степей нѣтъ и помину, стрепеть тамъ до крайности рѣдко. Конечно, кореннымъ мѣстоначоженіемъ дрофы является степь и потому ставропольскія, таврическія, херсонскія и оренбургскія степи представляютъ собою наименѣе измѣненную первоначальную станцію этой птицы. Здѣсь мѣстами ей еще совсѣмъ нѣтъ надобности бросать свои первоначальныя привычки, такъ какъ человѣкъ не вынуждаетъ ее къ тому ни прямо, ни косвенно, и она спокойно размножается въ нетронутой степи теперь, какъ размножалась, быть можетъ, тысячулѣтія раньше. Въ Оренбургскомъ краѣ любимыя мѣста гнѣздовья дрофы составляютъ холмистыя, безлѣсныя, ковыльскія степи, какъ черноземныя, такъ и глинистыя. Въ послѣднихъ онѣ гнѣздятся по балкамъ, гдѣ ковыль гораздо гуще, чѣмъ на сухой жаркой равнинѣ, и гдѣ кромѣ него имѣются еще другія травянистыя растенія. Въ ставропольскихъ степяхъ дрофа гнѣздится точно такъ же на мѣстахъ, не тронутыхъ плугомъ, и даже обыкновенно вдали отъ полей, гораздо рѣже вблизи хлѣбныхъ полей, на такъ называемыхъ облогахъ. Въ Таврической и Херсонской губ. дрофа гнѣздится какъ въ травѣ или подъ кустикомъ ковыля въ степи, такъ и въ озимыхъ хлѣбахъ. Въ Харьковской и Воронежской губ. преимущественнымъ мѣстомъ гнѣздовья дрофы служатъ засѣянные поля и въ нетронутыхъ степяхъ эти птицы гнѣздятся уже рѣдко, около склоновъ балокъ и кустовъ. Еще сѣвернѣе, за отсутствіемъ степей, дрофа становится совершенно полевой птицей. Такимъ образомъ, подвигаясь съ юга на сѣверъ, можно видѣть, какъ дрофа изъ исключительно степной птицы становится настоящей жительницей пахатныхъ полей.

Дрофа на югѣ зимуетъ такъ часто и въ такомъ большомъ количествѣ, что можно сказать, она нормально зимуетъ и только при исключительно неблагоприятныхъ условіяхъ улетаетъ отсюда. Поэтому начинать описаніе годичнаго цикла періодическихъ явленій въ ея жизни приходится не съ рѣзко обозначеннаго у перелетныхъ птицъ весенняго пролета, а съ окончанія зимнихъ кочевокъ. Обозначить точно время возвращенія дрофы весною въ ея гнѣздовыя мѣста нѣтъ возможности: все зависитъ отъ того, насколько суровы морозы и какъ много снѣга выпало за зиму. Чѣмъ теплѣе и, главное, чѣмъ малоснѣжнѣе зима, тѣмъ раньше появляются дрофы тамъ, откуда онѣ исчезали, хотя бы на нѣкоторое время. Въ Херсонской и Ставропольской губ. кочевки оканчиваются или дрофы возвращаются въ свои родныя мѣста уже во второй половинѣ марта, но сначала держатся большими стадами, какъ держались зимою. Только, когда зазеленѣетъ степь, т.-е. въ концѣ марта, или, что чаще, въ началѣ апрѣля большія стада разбиваются на мелкія стайки, а вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается для самцовъ и ихъ спокойная жизнь.

Въ сѣверную полосу своей гнѣздовой области, откуда дрофы на зиму правильно улетаютъ, онѣ возвращаются или стайками, или парами едва ли ранѣе апрѣля, такъ какъ пока снѣгъ не сойдетъ хотя

съ пригорковъ и южныхъ склоновъ, имъ рѣшительно нечѣмъ здѣсь кормиться, а разгрести занастѣвшіи весенніи снѣгъ нѣтъ силы. По мѣрѣ того, какъ новыя и повыя пары или стайки возвращаются на родину, дрофы собираются все въ большія и большія стада и, наконецъ, послѣднія достигаютъ очень большихъ размѣровъ. Такъ птицы держатся недѣли двѣ-три, а потомъ, какъ и на югѣ, стада разбиваются окончательно на мелкія стайки. Съ прилета дрофы кормятся свѣжей зеленью озимыхъ хлѣбовъ или пробивающеюся травкой и при скудости корма бываютъ довольно худы. Однако, какъ только начнетъ пригрѣвать весеннее солнце, зазеленѣетъ степь или пахатное поле, самцы довольно быстро принимаются за свои ухаживанья за самками.

Наружный видъ самца весною весьма измѣняется. Во-первыхъ, на шеѣ у него развиваются особые наросты изъ богатой кровеносными сосудами губчатой и отчасти жировой ткани, отчего шея становится очень толстой и сама по себѣ безобразитъ птицу. Во-вторыхъ, самецъ имѣетъ обыкновеніе оттопыривать перья и, распустивъ вѣтромъ поднятый хвостъ и опустивъ крылья, съ откинутой назадъ головой и шеей принимаетъ приблизительно такія же позы, какія принимаетъ въ возбужденномъ состояніи индюкъ. Иногда птица до того топорщится, что голова и шея совершенно уходятъ между поднятыми плечевыми перьями, тогда какъ хвостъ откидывается далеко впередъ. Въ такомъ видѣ самецъ то подходитъ къ самкѣ, то отходитъ отъ нея, то прохаживается вокругъ нея бокомъ. Мѣстомъ для такихъ эволюцій выбирается или пригорокъ, или, за немѣніемъ такового, хотя нѣсколько возвышенная и во всякомъ случаѣ открытая, чистая площадка. Если самецъ начинаетъ токовать (иначе невозможно назвать эти своеобразные приемы) одинъ, безъ самки, послѣдняя довольно быстро подлетаетъ къ нему. Во всякомъ случаѣ никѣмъ не замѣчено, чтобы самецъ разыскивать самку и, повидимому, его щеголянье нелѣпыми на нашъ взглядъ позами всегда увѣнчивается успѣхомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ токованье одного самца всегда вызываетъ соперничество со стороны другихъ, которые, подлетѣвъ къ своему токующему товарищу, сначала становятся въ тѣ же позы, что и онъ, а затѣмъ, съ приближеніемъ самки или самокъ, начинаютъ ссориться другъ съ другомъ и затѣвать драки. Между старыми и равными по силѣ противниками эти драки бываютъ очень ожесточенны. Птицы, нападая одна на другую, пускаютъ въ ходъ клювы, ноги, крылья, то таская другъ друга за шею, то съ яростью сталкиваясь грудью. Говорятъ, что сильный дрофичъ можетъ даже на-смерть забить болѣе слабаго противника, если тотъ не успѣшитъ скрыться, признавъ себя побѣжденнымъ. Въ то же самое время расходившіеся самцы совершенно забываютъ свою обычную осторожность и во время драки къ нимъ ничего не стоитъ подойти на самый близкій ружейный выстрѣлъ, хотя просто токующей дрофичъ никогда не забываетъ о хитростяхъ своего злѣйшаго врага. Спариванье происходитъ около тока, и первоначально, вѣроятно, каждый самецъ спаривается съ разными самками. Но спустя нѣкоторое время

при самцѣ остается обыкновенно одна самка, которая гдѣ-нибудь недалеко и устраиваетъ свое гнѣздо, безъ всякаго участія самца. Токованіе длится недѣли 2—3, послѣ чего самцы мало-по-малу опять сходятся другъ съ другомъ и, совершенно забывъ о самкахъ и дѣтяхъ, ведутъ кочевую жизнь небольшими стаіками, соединяющимися съ выводками только въ концѣ лѣта или въ началѣ осени. Такъ же бродятъ и стайки холостыхъ самокъ, всегда отдѣльно отъ самцовъ. Откуда берутся такія самки—рѣшить не трудно: съ одной стороны, молодья, съ другой—почему-либо утратившія яйца первой кладки и не имѣвшія возможности отложить вторья.

Такимъ образомъ дрофы имѣютъ настоящіе тока и держатся какъ большинство токующихъ птицъ. Пока самки выводятъ и воспитываютъ дѣтей, самцы въ кочевкахъ уходятъ далеко за предѣлы гнѣздовой области. Зато самка является очень нѣжной матерью. Въ ставропольскихъ степяхъ кладка яицъ происходитъ уже во второй половинѣ апрѣля, въ оренбургскихъ и херсонскихъ нѣсколько позднѣе—въ началѣ мая; въ Харьковской губ. ненасиженные яйца попадаютъ съ середины апрѣля до начала іюня, обыкновенно въ первой половинѣ мая; въ Кіевской съ половины мая до начала іюня и т. д. Начало іюня вообще можно признать крайнимъ срокомъ для гнѣздованья дрофы, не столько по краткости остающагося для воспитанія дѣтей времени, сколько по мѣстнымъ условіямъ: уборка хлѣба все равно не дастъ птицѣ возможности вывести дѣтей, если она сядетъ на гнѣздо позднѣе. Гнѣздо помѣщается или въ степной цѣлинѣ или въ озимыхъ хлѣбахъ; въ первомъ случаѣ оно располагается подъ кустикомъ ковыля или какимъ другимъ подобнымъ же прикрытіемъ; рѣдко среди зарослей чилиги и бобовника. Гнѣздо представляетъ собою просто ямку съ примятой травой или безъ нея. Полное число яицъ кладки варьируетъ отъ 2 до 4 и въ видѣ исключенія даже до 5—6; однако за нормальное число можно принять три. По формѣ они довольно разнообразны: то шаровидныя, то удлинненно-эллиптическія, то съ сильно закругленными, то съ довольно острыми концами. Длина яицъ отъ 3,2 до 2,7 д., поперечникъ отъ 2,4 до 2,15 д. Основной цвѣтъ варьируетъ отъ оливково-зеленаго до блѣдно-глинистаго, при чемъ очень часто встрѣчаются то оливково-бурая, то буровато-сѣрая яйца, и по этому фону разбросаны красновато-бурая поверхностныя пятна и точки и многочисленныя сѣроватыя глубокія. Иногда пестрины такъ блѣдны, что почти незамѣтны и яйцо кажется одноцвѣтнымъ. Поверхность скорлупы слегка шероховата и обыкновенно лишь слабо блестяща, но нѣкоторыя яйца сравнительно очень блестящи.

Самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, такъ что почти всегда подпускаетъ къ себѣ на 5—10 шаговъ, и иногда позволяетъ почти наступить на себя; но разъ спугнутая съ гнѣзда, бросаетъ яйца и не возвращается къ нимъ. Дрофята выводятся, конечно, въ разное время, въ зависимости отъ времени кладки, но большинство въ южной полосѣ въ концѣ мая, нѣсколько сѣвернѣе—въ разныхъ числахъ іюня.

Птенцы сначала совершенно беспомощны и, если бы не крайняя заботливость о них матери, едва ли бы хоть один из них спасся от многочисленных врагов. Но мать привязана к ним до самопожертвования, и бывали случаи, что дрофа даже нападала на человека, которому удалось поймать дрофенка. Обыкновенно дрофа не остается с дѣтми у гнѣзда, а переводит ихъ въ другое мѣсто, выбирая не бурьяны, не высокіи хлѣбъ, а либо низкіе хлѣба, либо травянистыя площади, поросшія лишь невысокой травой. Въ такихъ условіяхъ дрофята отлично прячутся, matka же благодаря своей величинѣ можетъ на большое разстояніе наблюдать окрестности. Замѣтивъ что-либо подозрительное, она прежде всего прячетъ дѣтей, которыя залегаютъ, прижавшись къ землѣ съ вытянутыми по ней шейками. Этотъ маневръ дрофята выучиваются продѣлывать очень быстро, но сначала онъ имъ часто бываетъ во вредъ, такъ какъ залегшіи дрофенокъ лежитъ, не смотря на приближеніе человека, до того крѣпко, что его нерѣдко можно взять руками. Когда дрофята спрятаны, matka ложится сама и также прячется съ совершенствомъ; но даже въ такомъ положеніи она не перестаетъ наблюдать за своимъ врагомъ, и если тотъ хорошо замѣтилъ мѣсто, гдѣ спрятались птицы, и идетъ прямо на нихъ, matka, подпустивъ его къ себѣ шаговъ на 15, быстро вскакиваетъ и, притворяясь раненой или больной, прихрамывая, припадая къ землѣ, тяжело хлопая однимъ крыломъ, употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы отвести человека за собой. Если ея уловки увѣнчались успѣхомъ и она сумѣла отвести непріятеля отъ дѣтей, въ такомъ случаѣ она быстро поднимается и улетаетъ. Если же самка убита, переловить дрофятъ ничего не стоитъ, такъ какъ все время, пока мать старается отвести непріятеля отъ нихъ, они лежатъ совершенно неподвижно. Поразительно, до чего хорошо прячутся дрофы и взрослые дрофята на совершенно ровномъ мѣстѣ, среди невысокой травы. Если охотникъ по неопытности не замѣтилъ хорошо мѣста, гдѣ залегли птицы, онъ непремѣнно броситъ ихъ искать, такъ какъ, проискавъ ихъ долгое время понапрасну, усумнится, наконецъ, въ томъ, что тутъ дѣйствительно есть дрофы и скорѣе признаетъ, что онѣ какъ-нибудь незамѣтно улетѣли. Дѣти остаются при матери мѣсяца два, т. е. до конца іюля или до половины августа, когда уже могутъ хорошо летать. При этомъ отдѣльные выводки все-таки продолжаютъ держаться каждый самъ по себѣ, но самка уже болѣе довѣряетъ дѣтямъ въ умѣнныя прятаться и потому уходитъ съ ними какъ въ высокіе хлѣба, такъ и въ бурьянъ, конечно ненадолго.

Суточная жизнь такихъ выводковъ очень проста. Ночь они проводятъ на открытыхъ мѣстахъ, а утромъ, приблизительно одновременно съ восходомъ солнца, просыпаются и летятъ кормиться, иногда на нѣсколько верстъ отъ мѣста ночлега. Кормиться любятъ по сѣнокосамъ, по свѣжевспаханымъ полямъ, по жнивьямъ, по льнянымъ полямъ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ находятъ обильную пищу и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобно ходить. Такъ, то щипля травку, то ловя на-

сѣкомыхъ, дрофы проводятъ время часовъ до 9—10, а затѣмъ отправляются на отдыхъ, для чего охотно забираются въ кукурузу и просо, или выбираютъ открытыя площадки съ рѣдкими кустиками ковыля, бобовника, солодника и другихъ растеній. Найдя подходящее мѣсто, каждая дрофа разгребаетъ землю и ложится. Разинувъ ротъ и раскинувъ крылья, птица лежитъ такъ въ теченіе всего жаркаго времени дня и по лѣни подпускаетъ къ себѣ не только коннаго, но и пѣшаго очень близко. Когда жаръ сойдетъ, дрофы поднимаются и снова отправляются на кормежку, по пути посѣтивъ какой-либо водоемъ. Еще недостаточно окрѣпшіе дрофяты не летятъ далеко, если даже улетаетъ matka; обыкновенно, пролетѣвъ небольшое разстояніе, они спѣшатъ опуститься и залечь по своему обыкновенію. Но позднѣе, когда они окрѣпнутъ, они быстро перенимаютъ приемы старыхъ птицъ для того, чтобы избавиться отъ угрожающей опасности. Въ августѣ выводки начинаютъ соединяться и другъ съ другомъ и со стайками самцовъ, которые постепенно опять прикочевываютъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ гнѣздились ихъ самки. Сначала стаи бываютъ небольшія, но чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ больше сходятся вмѣстѣ дрофѣ. Въ это время года онѣ, какъ и весной, являются почти исключительно растительноядными, такъ какъ кормятся травкой, зелеными и т. п., почти не употребляя ни насѣкомыхъ, ни тѣмъ болѣе другихъ животныхъ. Въ хорошую погоду стая дрофѣ день изо дня кочуетъ въ извѣстномъ районѣ, ведя свою однообразную суточную жизнь съ правильнымъ чередованіемъ періодовъ кормленія и отдыха. Но въ дурную погоду дрофы дѣлаются гораздо смиреннѣе и при дождѣ стараются оставаться на одномъ мѣстѣ, по возможности выпрямившись и сжавшись, чтобы предохранить отъ намочанія пухъ. Однако при продолжительномъ дождѣ это нисколько не помогаетъ и намочшая и отяжелѣвшая птица совершенно не можетъ летѣть. Еще безвыходнѣе положеніе дрофѣ въ позднюю осень, когда начнутся заморозки: вымокшія птицы даже при слабomъ морозѣ обмерзаютъ и тяжелѣютъ до такой степени, что ихъ можно загонять куда угодно, какъ стадо. Только когда на солнцѣ ледъ растаетъ и перья высохнутъ, птицы опять пріобрѣтаютъ способность летать. Однако въ такое положеніе дрофы попадаютъ сравнительно часто на югѣ, гдѣ онѣ зимуютъ; въ сѣверной полосѣ своей области распространенія онѣ долго не остаются и отлетаютъ отсюда уже въ сентябрѣ или самое позднее въ началѣ октября.

Что касается осеннихъ перелетовъ, то они такъ хорошо описаны для Ставропольской губ. Н. Я. Динникомъ, что позволю себѣ прежде всего дословно привести его описаніе. „Дукакъ встрѣчается на Кавказѣ,—говоритъ онъ,—круглый годъ. На зиму онъ не отлетаетъ отсюда въ болѣе теплыя страны, но совершаетъ кочевки съ одного мѣста на другое. Эти кочевки вызываются недостаткомъ корма и, главнымъ образомъ, снѣгами, выпадающими въ той или другой мѣстности. Послѣ перваго снѣга, выпавшаго одновременно на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ, начинается самый сильный перелетъ, при чемъ

дудаки летятъ по преимуществу отъ с. къ ю. Этотъ перелетъ продолжается дня 3—4, а иногда и болѣе, т.-е. съ недѣлю; въ это время можно видѣть огромныя стаи дудаковъ, летящихъ однѣ за другими. Летятъ они всегда днемъ и, какъ утверждаютъ всѣ охотники, ночью сидятъ гдѣ-нибудь на одномъ мѣстѣ. Когда снѣга покроютъ еще болѣе обширныя пространства, то дудаки покидаютъ равнины и отыскиваютъ гористыя мѣста, пересѣченныя балками, оврагами и косогорами, съ которыхъ снѣгъ сдувается вѣтромъ. Въ это время они появляются и на солонцахъ, гдѣ вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ снѣгъ стаиваетъ гораздо скорѣе. Дудаки безъ разбора летятъ черезъ села и города, притомъ иногда держатся почти у самой земли, иногда же поднимаются на значительную высоту. Даже черезъ города они летятъ часто такъ низко, что ихъ можно убивать крупной дробью. Рѣдко они летятъ одинъ за другимъ, гораздо чаще растянутой неправильной линіей. Перелеты начинаются часто съ первыхъ чиселъ ноября, а иногда даже и въ октябрѣ, до выпаденія снѣговъ; въ это время дудаки ищутъ равнины, засѣянныя озимымъ хлѣбомъ, такъ какъ ищутся въ эту пору главнымъ образомъ молодыми всходами хлѣбовъ. Нерѣдко въ октябрѣ и ноябрѣ вдругъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ появляются огромныя стада дудаковъ, вся степь бываетъ усеяна ими. Они остаются на мѣстѣ иногда съ недѣлю, иногда же очень недолго; поэтому случается, что тамъ, гдѣ въ одинъ день было ихъ множество, на другой—не встрѣтишь ни одного. Въ это время они собираются стадами штукъ по 100 или 150 и слетаются по преимуществу на тѣ мѣста, гдѣ шли дожди и поля замѣтно позеленѣли.—Черезъ нѣкоторыя мѣста, напр. с. Терновку (недалеко отъ Ставрополя) при началѣ зимы бываетъ сильный пролетъ дрофъ. Замѣчательно постоянство, которое обнаруживаютъ дрофы при своихъ перелетахъ: гдѣ пролетѣло одно или два стада, туда навѣрно полетитъ еще множество ихъ, нерѣдко несмотря даже на выстрѣлы охотниковъ. Когда идетъ снѣгъ, дудаки не летятъ, тоже и въ туманъ; самый сильный пролетъ ихъ бываетъ въ ясные солнечные дни. Летятъ они противъ вѣтра или подъ угломъ къ нему (охотники говорятъ „въ полвѣтра“). Надъ селомъ Терновкой дрофы всегда держатся юго-восточнаго направленія, даже тогда, когда дуетъ сѣверо-восточный или сѣверный вѣтеръ; въ послѣднемъ случаѣ они летятъ съ такой большой быстротою, что стрѣлять ихъ весьма трудно, такъ какъ въ нѣсколько секундъ они улетають за предѣлы выстрѣла“.

Большая часть дрофъ, улетающихъ осенью изъ средней и даже южной Россіи, дѣлаетъ свои остановки отчасти въ степяхъ сѣвернаго Кавказа, отчасти Крыма. Въ зависимости отъ погоды и, главное, количества снѣга дрофы въ Крыму то подаются на сѣверъ, то отступаютъ къ югу, но, вообще говоря, чѣмъ ближе къ серединѣ зимы, тѣмъ въ большемъ количествѣ скопляются въ южной части полуострова. Многія стада улетають отсюда на малоазійскій берегъ даже безъ особенно серьезныхъ причинъ, такъ какъ дрофа летаетъ отлично

и при своей силѣ безъ труда перелетаетъ черезъ море. Если же холода держатся постоянно и снѣга много, въ такомъ случаѣ большинство дрофѣ оставляютъ Крымъ, если только этому не препятствуетъ густой туманъ на морѣ. Любопытно, что дрофа до извѣстной степени связана въ своемъ зимнемъ пребываніи въ Крыму съ домашнимъ скотомъ. По словамъ г. Арендта, „въ строгую продолжительную зиму съ глубокими снѣгами, степные хозяева, чтобы спасти отъ гибели и отъ угона въ море разный домашній скотъ, держать его въ загонахъ на сухомъ кормѣ: тогда въ полѣ травы, въ особенности кочки, выдающіяся надъ уровнемъ степной почвы и образуемая кустами ковыля, не разгребаются изъ-подъ снѣга, глубоко ихъ покрывающаго, ногами непасущихся животныхъ, доколѣ не уймется буранъ; если это продолжится слишкомъ долго, то дрофы не имѣютъ силъ добраться до поверхности этихъ кочекъ, чтобы питаться сокрытыми между сухими стеблями ковыля зелеными во всю зиму листками, составляющими здѣсь, вмѣстѣ съ приземистою *Festuca ovina*, главнѣйшій зимній подножный кормъ овецъ и лошадей. Дрофы, весьма исхудалыя, летятъ на югъ; многія отъ усталости не въ силахъ продолжать полетъ, и издыхаютъ тамъ, гдѣ спускаются; другихъ же, если замѣтятъ, ловятъ или просто берутъ руками“. Не имѣя возможности улетѣть, ослабѣвъ отъ безкормицы, дрофы околачиваются около проѣзжихъ дорогъ, деревенскихъ околицъ, около сѣноваловъ и гумень, добывая кормъ даже въ конскомъ и скотскомъ пометѣ. Мясо такихъ проголодавшихся дрофѣ, конечно, никуда не годно, но крымскіе поселяне все-таки нещадно избиваютъ несчастныхъ птицъ на пухъ и перья.

Для меня не ясно, при какихъ условіяхъ дрофы зимою изъ степей Крыма перебираются на южный берегъ, но я не думаю, чтобы это зависѣло только отъ суровости зимы; вѣроятно при этомъ извѣстное значеніе имѣетъ и направленіе вѣтра. Какъ бы то ни было, въ нѣкоторыя суровыя зимы дрофы въ огромномъ количествѣ появляются на южномъ берегу и ихъ немало гибнетъ здѣсь какъ отъ безкормицы, такъ и отъ рукъ мѣстныхъ жителей.

Улетѣвшія на зиму за море дрофы возвращаются въ Крымъ уже въ февралѣ и затѣмъ количество этихъ птицъ продолжаетъ увеличиваться, пока не пройдутъ на сѣверъ обитательницы средней и южной Россіи, или, другими словами, пока не останутся только мѣстныя птицы. Въ особенно большомъ количествѣ дрофы держатся въ степяхъ у Перекопа. Но и вообще дрофа еще очень обыкновенная птица во всей южной Россіи, не въ одномъ Крыму, хотя именно въ Крыму количество ея очень уменьшилось сравнительно съ сороковыми годами. Впрочемъ, на количество дрофѣ влияют даже совершенно побочныя обстоятельства. Такъ, послѣ Крымской войны, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа запущенныхъ полей и степей, дрофы очень размножились и, по словамъ г. Химоны, у Тарханъ-Кута въ то время можно было найти на небольшомъ кругу 15—20 дрофиныхъ и стрепетинныхъ гнѣздъ.

Дрофа довольно легко приручается. Поиманные въ гололедицу даже взрослые птицы, если не умирають отъ истощенія, а выживаютъ, будучи подкормлены сырымъ мясомъ, приручаются такъ же легко, какъ и вскормленные молодыми. По словамъ Арендта, „оправившись и освоившись съ домашнею жизнью, онѣ уже не нуждаются въ животномъ кормѣ, ѣдятъ хлѣбъ, просо, овощи, особенно траву, и почти все, что ни попало, преимущественно растительную пищу“. Тотъ же Арендтъ рассказываетъ о воспитаніи принесенныхъ къ нему дрофятъ величиною съ курицу. Сначала они не брали корма ни съ земли, ни съ рукъ, такъ что приходилось насильно всовывать имъ пищу въ ротъ; кормили ихъ кусками сырого мяса и только отчасти творогомъ, кашей и хлѣбомъ. Однако они весьма скоро свыклись съ новой жизнью и съ полной довѣрчивостью не только брали кормъ изъ рукъ и пили воду, но ловко подхватывали на лету бросаемые имъ куски сырого мяса и хлѣба. Сырое мясо животныхъ, равно какъ искрошенные внутренности ихъ необходимы для удачнаго выкармливанія дрофятъ, которые и на свободѣ вырастають на животномъ кормѣ, состоящемъ изъ насѣкомыхъ, какъ такихъ, которыхъ они ловятъ сами, такъ и такихъ, которыхъ имъ ловить мать. Голодные дрофята сами напоминають о себѣ жалобнымъ, но не громкимъ отрывистымъ звукомъ.

Выросшіе въ неволѣ дрофята отлично уживаются на птичьемъ дворѣ и съ этой стороны, какъ и по ихъ неприхотливости въ кормѣ, содержать ихъ вовсе не трудно. Но во время перелетовъ дикихъ дрофъ домашнія обыкновенно присоединяются къ нимъ, если противъ этого не принято никакихъ мѣръ. Кромѣ того, воспитанные въ неволѣ дрофы въ концѣ-концовъ все-таки ухитряются куда-то пропадать въ большинствѣ случаевъ. Такъ какъ иногда дрофы несутся въ неволѣ, можно думать, что эту птицу можно бы окончательно сдѣлать домашней. Но нѣкоторые основательно указываютъ, что дрофа несетъ такъ мало яицъ, что это всегда должно служить препятствіемъ къ ея успѣшному разведенію. А по количеству и качеству мяса дрофа вполне заслуживаетъ одомашниванія, такъ какъ ея мясо гораздо вкуснѣе стрепетинаго и, если приготовлено особымъ образомъ, послѣ того, какъ нѣсколько полежало, составляетъ прямо лакомое блюдо.

III.

ОХОТА НА ДРОФЪ.

Весенняя охота.—На токующихъ самцовъ.—Охота за выводками съ собакой и съ подѣздомъ.— Охота съ хисткомъ.— Охота нагономъ.— Охота изъ засады.— Загонъ обмерзшихъ дрофъ.

По своимъ размѣрамъ, вкусу мяса и трудности добыванія дрофа является одной изъ наиболѣе высоко цѣнимыхъ охотничьихъ птицъ. Хотя большинство охотниковъ преувеличиваетъ вѣсь дрофы, говоря,

что она вѣситъ съ пудъ, но старые самцы иногда дѣйствительно вѣсятъ съ пудъ и даже до 1 п. 5 ф. Средній вѣсъ самцовъ колеблется лѣтомъ между 18 и 28 ф., самокъ между 10 и 20; осенью же самцы въ среднемъ увеличиваются въ вѣсѣ фунта на 4, самки фунта на 3.

Охота на дрофъ производится почти круглый годъ, но промышленники добываютъ дрофъ преимущественно поздней осенью, когда начинаются заморозки и дождливые дни чередуются съ морозными. Съ прилета или точнѣе послѣ окончанія зимней кочевой жизни дрофы бываютъ очень строги и добыть ихъ въ это время почти невозможно иначе какъ случайно, или при стрѣльбѣ изъ винтовки. Уже за нѣсколько сотъ сажень поднимаются дрофы, замѣтивъ охотника, и улетають такъ далеко, что подѣзжать къ нимъ снова нѣтъ никакой возможности. Однако, по мѣрѣ того, какъ степи зеленѣють, дрофы все болѣе и болѣе отвыкають отъ своей подвижной зимней жизни и, хотя держатся стадами на возвышенныхъ мѣстахъ, ихъ все-таки становится возможнымъ добыть съ подѣзда. Нѣкоторые охотники практикують и весною охоту съ нагона, но оба эти способа охоты возможны весною только въ степной полосѣ, а не по пашнямъ, гдѣ размокшая почва и всходы озимыхъ хлѣбовъ никакъ не благопріятствуютъ такой охотѣ. Оба эти способа мы опишемъ позднѣе, теперь же остановимся на настоящей весенней охотѣ за токующими самцами.

Какъ уже сказано при описаніи образа жизни дрофы, къ токующимъ самцамъ подѣзжать не трудно. Обѣзжая птицу лишь съ нѣкоторыми мѣрами предосторожности, можно навѣрное подѣзжать къ птицѣ на выстрѣль, а въ случаѣ если два или болѣе самцовъ состязаются и ссорятся другъ съ другомъ, къ нимъ можно и подойти. Надо только имѣть въ виду, что мясо дрофы весною не вкусно и чѣмъ позднѣе добывается птица въ это время года, тѣмъ оно тверже и суше. Къ тому же особенно невкусна, благодаря своимъ наростамъ, шея и, какъ говорятъ, непріятный вкусъ распространяется отсюда и на тушу. Поэтому у добытыхъ весною дрофичей шею вообще бросаютъ, а многіе не ѣдятъ и тушу. При такомъ условіи охота за токующими самцами утрачиваетъ всякій смыслъ; и ее слѣдовало бы совсѣмъ оставить. Но охотничья жадность никогда не устоитъ противъ соблазна добыть такую рѣдкую добычу, если къ этому нѣтъ внѣшней помѣхи.

Во многихъ мѣстахъ охотятся даже за сидящими на гнѣздахъ самками, подойти къ которымъ тоже не составляетъ трудности, если только замѣчено мѣсто гнѣзда. Къ счастью для дрофъ, найтти ихъ на гнѣздѣ дѣло трудное, а разыскивать правильно съ собакой настоящіе охотники все-таки не стануть, предоставляя это промышленникамъ.

Такимъ образомъ, очевидно, что весенняя охота на дрофъ, по крайней мѣрѣ за предѣлами настоящихъ степей, не имѣетъ значенія. Но какъ только выводки поднимутся и матки начнутъ кочевать съ дѣтьми, начинается и настоящая охота, сначала съ собакой за выводками, а потомъ и съ подѣзда.

Охота съ собакой начинается съ первыхъ чиселъ іюля или нѣсколько ранѣе, смотря по мѣсту, и сама по себѣ очень легка. Вся трудность ея заключается въ томъ, чтобы замѣтить самку, когда она пасется съ дѣтми, такъ какъ этому мѣшаетъ высокая трава, изъ-за которой еще небольшихъ дрофятъ не видно, самка же, замѣтивъ человѣка, ложится на землю и тоже пропадаетъ, такимъ образомъ, изъ глазъ охотника. Если мѣсто, гдѣ залегла самка, замѣчено, въ такомъ случаѣ можно перебрать весь выводокъ. Дрофята лежатъ такъ крѣпко, что поднимаются лишь тогда, когда на нихъ почти наступятъ. Поэтому безъ собаки очень легко пройти мимо дрофенка, съ собакой же, когда птица поднимается отъ охотника на самомъ близкомъ разстояніи и притомъ на совершенно открытомъ мѣстѣ, стрѣльба не представляетъ никакой трудности.

Впрочемъ, надо помнить, что matka при этомъ сплошь да рядомъ старается отвести охотника отъ дѣтей и, притворясь больной или раненой, понемногу уходитъ въ противоположную отъ нихъ сторону. Погнавшись за нею, почти всегда упустишь и ее и дрофятъ, которыхъ уже потомъ не найдешь. Къ тому же и дрофята иногда не поднимаются даже изъ-подъ собаки, а бѣгутъ зигзагами, такъ что стрѣлять ихъ почти невозможно. Единственная возможность заставить ихъ взлетѣть, это стать впереди собаки, чтобы дрофенокъ оказался между охотникомъ и собакой; тогда, видя передъ собою охотника, сзади собаку, дрофенокъ не бросается въ сторону, а поднимается на воздухъ и неловко летитъ, чтобы въ случаѣ неудачнаго выстрѣла черезъ 20—30 шаговъ спуститься въ траву и тогда бѣжать въ сторону.

Позднѣе, когда дрофята подрастутъ, можно охотиться и безъ собаки, которую къ тому же жалко морить въ знойный день въ безводной степи. Но для успѣшности охоты надо принимать нѣкоторыя особыя мѣры. Лучше всего выѣзжать на такую охоту съ вечера и на утренней зарѣ быть уже тамъ, гдѣ есть дрофы. Въ это время онѣ кормятся по открытымъ мѣстамъ и потому ихъ легче замѣтить, чѣмъ позднѣе, когда приходится искать болѣе или менѣе на удачу. Когда солнце поднимется нѣсколько выше и обсушитъ росу, дрофы идутъ въ сосѣдніе съ мѣстами кормежки хлѣба и здѣсь ложатся на все жаркое время дня на отдыхъ. Тогда-то собственно за ними и надо начинать охоту, такъ какъ онѣ лежатъ крѣпко и подпускаютъ не только въ мѣру, но и совсѣмъ близко. Если охотники выѣхали компаніей, захватили съ собою боченокъ воды, который обыкновенно прячутъ въ такихъ случаяхъ въ сѣнѣ, тогда, конечно, можно брать съ собою и собаку, которая опять-таки значительно облегчитъ разыскиваніе дрофъ. Безъ собаки же иногда можно пропустить очень крупныхъ дрофъ и, чтобы познакомить читателя съ трудностями этой охоты, позволю себѣ привести слѣдующее описаніе ея, сдѣланное г. Шершеневичемъ. „Вонъ далеко передъ вами, по ту сторону небольшого холмика,—говоритъ онъ,—важно расхаживаютъ дрофы. Подойти невозможно: мѣстность совершенно открыта, однако чѣмъ чортъ не шутитъ? И вы на

всякій случай вкладываете въ ружье патронъ съ четырьмя нолями, а въ головѣ ронтея масса плановъ охоты и глаза зорко осматриваютъ мѣстность, отыскивая удобный подходъ; его нѣтъ; мѣстность ровная и, какъ на зло, немного подъ гору. Нечего дѣлать!... Пойду въ сторону, будто не вижу ихъ, а потомъ потихоньку стану приближаться съ боку, авось подпустятъ! Опустивъ ружье и принявъ самый невинный видъ человѣка, вышедшаго подышать свѣжимъ воздухомъ, вы, искоса поглядывая на дрофъ, идете немного стороною; дрофы расхаживаютъ, клюютъ что-то, инья лежатъ, только одна стоитъ и смотритъ на васъ—вѣрно самка или сторожевой самецъ; доберусь до холмика, а оттуда пойду параллельно стаду, черезъ это поле—размышляете вы; проходитъ нѣсколько минутъ; вотъ и холмикъ, но до дрофъ еще далеко; вы осторожно обходите его, чтобы не быть ужъ слишкомъ нахально на виду у стада и идете параллельно ему, слегка забирая къ дрофамъ; разстояніе все уменьшается, ваша физиономія и вся фигура принимаютъ все болѣе невинный видъ; вы даже начинаете насвистывать что-то, стараясь не шевелить руками и придать ходьбѣ какъ можно болѣе равномерности; глаза съ большимъ интересомъ разсматриваютъ срѣзанные колосья, попадающіеся подъ ноги, и вся фигура отъ сапогъ до ружья принимаетъ дѣтски невинный видъ, дышитъ такою кротостью, что даже тѣ, кому сокровенная человѣка вѣдать надлежитъ, даже тѣ не усумнились бы въ вашей благонамѣренности. Въ головѣ неотвязно вертится вопросъ: подпустятъ или не подпустятъ? Вотъ уже около ста шаговъ; сердце усиленно заколотило тревогу; можно было бы уже отсюда стрѣлять, но если сидятъ, то отчего же не подойти еще. Разсѣянный взглядъ, совершенно случайно брошенный на дрофъ, даетъ вамъ знать, что дрофы перестали ѣсть и всѣ стоятъ, напряженно смотря на васъ. Что жъ, пусть слетаютъ, бормочете вы, отсюда я и въ летъ отлично ударю! Наконецъ, остается какихъ-нибудь шестьдесятъ шаговъ; ну, теперь нечего бояться, пусть дѣлаютъ, что хотятъ! Вы смѣло подымаете голову... гдѣ же дрофы? Вы всматриваетесь въ то мѣсто, гдѣ онѣ только что были—совершенно гладко, ничего нѣтъ! Можетъ быть, онѣ слетѣли въ то время, когда я старался не смотрѣть на нихъ,—мелькаетъ у васъ въ головѣ. взоръ жадно охватываетъ горизонтъ; кругомъ не видно ничего летящаго. Да я вѣдь только что смотрѣлъ на нихъ передъ этимъ и, наконецъ, слышалъ бы, если бы онѣ слетѣли!.. куда же онѣ дѣлись? Не провалились же сквозь землю! Если вы знакомы съ этимъ исчезновеніемъ, то смѣло идете туда, зная, что дрофы залегли, т.-е., не желая взлетѣть, плотно прижались къ землѣ, вытянувъ по ней шею; тогда дрофы подпускаютъ охотника вплоть къ себѣ, такъ что нужно вытпывать ихъ. Удивительно, до какой степени дрофы умѣютъ прятаться, пользуясь сходствомъ своего оперенія съ окружающею почвой; вы бродите по травѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ спрятались дрофы, всматриваетесь и ничего не видите. Разбираетъ досада... вѣроятно, я ошибся, онѣ залегли дальше; не можетъ же быть, чтобы въ такой травѣ не было

ихъ видно! тутъ и табачницу свою найдешь, не то что дрофу! Идете дальше: ищите-ищите—нѣтъ, какъ нѣтъ. Возвращаетесь назадъ, вдругъ, буквально изъ-подъ ногъ, изъ того мѣста, гдѣ вы, кажется, только что были, съ шумомъ, сдѣлавъ нѣсколько полупрыжковъ, вылетаетъ дрофа... Дрофа, видя, что вы ее ищите, лежитъ совершенно смирно, какъ мертвая, и только когда вы уже совершенно наткнулись на нее, когда ваша нога подымается, чтобы наступить ей на спину, тогда только, чувствуя невозможность долге скрываться, она рѣшается взлетѣть“.

Надо, впрочемъ, сказать, что такъ бываетъ только съ еще непу-ганными дрофами, такъ какъ знакомыя съ ружьемъ и охотничьими хитростями никогда не подпустятъ къ себѣ на выстрѣлъ, а слетятъ задолго до приближенія на такое разстояніе. Съ другой стороны, въ жару дрофы лежатъ крѣпче, чѣмъ въ другое время дня, и ложатся скорѣе.

На этой охотѣ за молодыми дрофами нѣтъ надобности употреб-лять особенно крупные номера дроби; дѣломъ эта птица не такъ крѣпка на рану, какъ осенью, и дробь № 5 совершенно достаточна. Но другое дѣло осенью, когда опереніе дрофъ становится плотнѣе и сама птица крѣпче: тутъ уже надобно брать или самые крупные но-мера дроби, или даже картечь, тѣмъ болѣе, что стрѣлять чаще всего приходится издалека.

Когда молодыя подрастутъ и къ выводкамъ присоединятся самцы, когда, иными словами, дрофы начнутъ понемногу стадиться, начинается охота съ подѣзда и охота нагономъ, которыя только кой-гдѣ практи-куются весною.

Охота съ подѣзда состоитъ въ томъ, что запрягаютъ дроги ло-шадьми, или лучше, волами и, замѣтивъ дрофъ, начинаютъ прибли-жаться къ нимъ, держа отнюдь не прямо на птицъ, а въ сторону, такъ, чтобы сначала разстояніе между дрогами и дрофами было нѣсколько сотъ шаговъ. Ъхать надо потихоньку, а не рысью, и проѣхавъ дрофъ, незамѣтно повернуть такъ, чтобы ѣхать опять мимо нихъ, но уже на меньшемъ разстояніи. Лучше всего описывать вокругъ дрофъ круги, діаметръ которыхъ постепенно и весьма незамѣтно сокращается. При этомъ отнюдь не надо спѣшить приближаться къ дрофамъ, такъ какъ поспѣшность почти всегда ведетъ къ неудачѣ. Если дрофы кормятся и стоятъ приблизительно на мѣстѣ или идутъ потихоньку, подѣздъ смѣло можно продолжать; если же онѣ пошли скорѣе, останавливаясь по временамъ, это ясно указываетъ, что онѣ обезпокоены и могутъ подняться. Въ такомъ случаѣ лучше описать вокругъ птицъ еще одинъ или два круга, чтобы нѣсколько обмануть ихъ бдительность. При этомъ, находясь уже на разстояніи выстрѣла, надо стараться выждать время для прицѣла тогда, когда вѣтеръ отъ охотника на дрофъ, такъ какъ дрофы почти всегда поднимаются противъ вѣтра и дадутъ, слѣдова-тельно, лучшую цѣль.

Надо также имѣть въ виду, что подѣздъ можетъ привести къ

двумъ результатамъ: или дрофы захотятъ сняться, или, напротивъ, залягутъ. Чѣмъ больше дрофъ, да еще старыхъ, тѣмъ онѣ осторожнѣе и тѣмъ меньше шансовъ, что онѣ подпустятъ къ себѣ на выстрѣлъ даже при совершенно правильномъ подъѣздѣ. Если же дрофъ немного такъ, напр., если ихъ двѣ-три, подъѣздъ чаще удается. Тутъ, подѣхавъ на выстрѣлъ, надо быстро сойти съ дрогъ и идти прямо на дрофъ, чтобы стрѣлять ихъ на подъемѣ. Въ случаѣ, если дрофы залегли, надо, подѣхавши къ нимъ на 80—100 шаговъ, также быстро сойти съ повозки и идти прямо на птицъ, чтобы выиграть нѣкоторое разстояніе. Иногда залегшія дрофы подпускаютъ шаговъ на 50, слѣдовательно есть полная возможность стрѣлять по нимъ на подъемѣ и затѣмъ въ летъ. Жаркое время дня и неопытность молодыхъ птицъ значительно облегчаютъ и этотъ способъ охоты. Но такъ какъ осенью даже молодія дрофы отлично научаются осторожности отъ старыхъ, то лучше всего охотиться на нихъ нагономъ. Это спеціальній способъ охоты на дрофъ, требующій хорошаго знанія привычекъ птицы и большой сметливости, чтобы примѣниться къ мѣстнымъ условіямъ; но зато этотъ способъ даетъ наилучшіе результаты, если его умѣло примѣняютъ. Какъ и при охотѣ съ подъѣзда, надо поставить себѣ за правило, ничѣмъ не обращать на себя вниманія птицъ: ни одеждой, ни движеніями. Надо держаться какъ можно проще, не присматриваться къ птицамъ, не показывать въ ихъ сторону, а ѣхать такъ, какъ будто ихъ и не существуетъ. Затѣмъ, подробности этой охоты такъ хорошо описаны г. Еремнымъ, что мнѣ остается только привести его слова.

„Сущность этой охоты заключается въ томъ, что одинъ изъ охотниковъ—„залегальщикъ“ (стрѣлокъ) ложится гдѣ-либо въ травѣ среди степи, а другой—„нагонщикъ“ нагоняетъ на него пасущихся вдали дудаковъ. Охота съ нагона начинается съ первыхъ чиселъ сентября, когда жары спадаютъ, сдѣлаются менѣе ощутительны и менѣе продолжительны, и дудаки начнутъ понемногу стадиться. Выѣзжать на охоту нужно съ утра, чтобы имѣть въ распоряженіи цѣлый день. Дудаки видны издали: привычный и зоркій глазъ отличаетъ ихъ массивныя туловища версты за три и болѣе, а шерсть ихъ, выставленная изъ высокой травы, за версту. Какъ только охотникъ замѣтитъ дудаковъ, то тотчасъ же долженъ брать такое направленіе, какое при данныхъ обстоятельствахъ должно казаться дудакамъ всего менѣе подозрительнымъ: нужно сворачивать въ сторону и именно въ ту, которая не требуетъ того, чтобы голова лошади была хотя на одну секунду обращена къ птицамъ; повернувъ, нужно ѣхать наискось, стараясь все болѣе и болѣе отдаляться. Если же стадо было замѣчено среди волнистой мѣстности и охотники въ данный моментъ находятся въ ложбинѣ, то необходимо тотчасъ же выѣхать на ближайшій гребень (вершину) волны и ѣхать вдоль его, стараясь быть всегда въ виду дудаковъ, и точно такъ, какъ и въ первомъ случаѣ, отдаляться отъ нихъ. Въ это время охотники должны сдѣлать нѣсколько наблюденій какъ

относительно индивидуальнаго характера замѣченной птицы, такъ и относительно характера мѣстности, въ которой имъ приходится дѣйствовать. Наблюдения эти весьма важны и существенны, а потому охотники должны относиться къ этому дѣлу крайне серьезно и обдуманно. Прежде всего нужно рѣшить касательно замѣченной птицы, была ли она въ дѣлѣ или нѣтъ, т.-е. пугана ли она или не пугана, и если окажется, что была, то это покажетъ, что съ дудаками необходима крайняя осторожность и самое деликатное обхожденіе. Очень можетъ быть даже, что при особенно неблагоприятныхъ условіяхъ для подъѣзда охотникъ сочтетъ тогда за лучшее не терять даромъ времени и труда, а оставитъ птицу въ покоѣ. Если же птица окажется ненуганою, то въ „ухаживаніи за нею“, т.-е. при подъѣздѣ къ ней, можетъ быть до известной степени допущена нѣкоторая вольность. Напуганные дудаки, при видѣ человѣка, еще издали (за версту, за двѣ) какъ-то нервно бросаются въ стороны, стаи быстро смѣшиваются между собою, скучиваются и, если птицы паслись, то перестаютъ ѣсть и какъ-то порывисто вертятъ головками по направленію охотника. (То же самое замѣчается и среди дудаковъ непуганныхъ, если только человѣкъ какъ-нибудь внезапно покажется вблизи ихъ; напуганные же при этомъ, какъ угорѣлыя, тотчасъ бросаются въ разныя стороны и поднимаются.) Чаще всего, остановившись на мѣстѣ, грудью къ охотнику, они такъ и замираютъ, и стоятъ, какъ вкопанные. Такихъ дудаковъ уже не нагоняешь: при заѣздахъ они въ большинствѣ случаевъ не трогаются съ мѣста, но чуть приблизишься къ нимъ или сдѣлаешь какое-нибудь неловкое движеніе, какъ они поднимаются и обыкновенно летятъ далеко.

„Не то замѣчается, если дудаки не напуганы. При видѣ человѣка они, если онъ далеко, мало обращаютъ на него вниманія и спокойно расхаживаютъ по степи, съ опущенными внизъ головами (если паслись), и только изрѣдка поглядываютъ на охотника и по сторонамъ. Хотя при постепенномъ, медленномъ приближеніи человѣка между ними и замѣчается нѣкоторое движеніе и они часто посматриваютъ на охотника, но все это продѣлывается ими спокойно, безъ видимаго опасенія. Всего важнѣе то, что такіе дудаки обыкновенно при видѣ охотника сразу начинаютъ спокойно удаляться отъ него, „идутъ въ ходъ“, что служитъ первымъ и почти несомнѣннымъ признакомъ удачной охоты. Конечно, на дѣлѣ, хотя и рѣдко, случается, что идутъ въ ходъ дудаки, по которымъ уже пришлось стрѣлять самому (болѣе двухъ разъ одну и ту же стаю дудаковъ мнѣ не приходилось нагонять, да и то очень рѣдко), но нагнать такихъ дудаковъ чрезвычайно трудно.

„Теперь скажу нѣсколько словъ о значеніи мѣстности для охоты. Умѣнье выбрать мѣстность и способность ориентироваться важны какъ для стрѣлка, такъ и для нагоняльщика. Стрѣлокъ долженъ выбирать мѣсто для залеганія по возможности въ высокой травѣ, гдѣ бы легко можно было укрыться, притомъ мѣсто по возможности близкое къ дудакамъ, или же такое, съ котораго можно было бы подползти неза-

мѣтно для птицъ. Вотъ собственно и все, что нужно стрѣлку, но гораздо сложнѣе и важнѣе вопросъ для нагоняющаго. Можно сказать, что для стрѣлка выборъ мѣста дѣло почти второстепенное, но для нагоняющаго оно настолько важно, что отъ удачнаго выбора его положительно зависитъ весь исходъ дѣла. Вотъ почему этотъ весьма важный вопросъ долженъ рѣшаться самымъ обстоятельнымъ образомъ. Быстрота и степень цѣлесообразности этого рѣшенія зависятъ, конечно, только отъ практики и врожденныхъ способностей. Что именно въ данномъ случаѣ и при такихъ-то обстоятельствахъ нужно предпринять, объяснить весьма трудно, но во всякомъ случаѣ, если нельзя сказать всего, то все-таки можно сказать кое-что.

„Прежде всего нагоняющій долженъ обратить вниманіе на направленіе вѣтра: дудаки лучше всего идутъ (исключая черезчуръ ужъ сильнаго вѣтра или бури, когда дудаки совсѣмъ не идутъ) и поднимаются на вѣтеръ. Затѣмъ большое значеніе имѣетъ характеръ самой мѣстности.

„Самая удобная мѣстность для охоты или совершенно гладкая степь, или же хотя и волнистая, но съ длинными, пологими и невысокими волнами; въ послѣднемъ случаѣ нужно „мѣтить“—гнать дудаковъ на ближайшій наивысшій гребень (вершину) бугра, гдѣ, конечно, предварительно долженъ залечь стрѣлокъ. Дудаки весьма охотно поднимаются на вершину такихъ бугровъ, хотя никогда, или почти никогда, не спускаются внизъ. При этомъ такой гонъ долженъ непременно производиться противъ вѣтра; если же этого почему-либо нельзя сдѣлать, то нужно ихъ сначала, какъ говорится, „сбить съ позиціи“, а потомъ дать имъ желаемое направленіе. Кромѣ того нагоняющій долженъ непременно всегда помнить, что нагонять можно только при непремѣнномъ условіи—всегда быть у нихъ на виду, а потому мѣстность для заѣзда должна быть по возможности ровною и открытою. Если вы застанете дудаковъ среди равнины или среди невысокихъ, пологихъ холмовъ, то съ этой стороны успѣхъ почти обезпеченъ. Не рѣдко, однако, дудаковъ приходится находить среди очень бугристой мѣстности. Тутъ уже нечего и думать о нагонѣ и самое лучшее, что можно сдѣлать, это—спугнуть, „сбить съ позиціи“, въ надеждѣ, что они пересядутъ на болѣе удобное мѣсто. Дѣло въ томъ, что дудаки съ вершины бугра не пойдутъ въ логъ и если съ перваго же раза застать ихъ на вершинѣ, то они при заѣздѣ тутъ и остаются; если же ихъ застать на скатѣ или у подошвы холма, то они сразу же поднимаются на вершину и тутъ остаются. Кромѣ того, нагонять дудаковъ въ очень бугристой мѣстности неудобно потому, что въ такомъ случаѣ приходится то скрываться отъ птицъ, то опять имъ показываться, а этого онѣ очень не любятъ, да оно и понятно: скрывшіеся отъ нихъ, тѣмъ самымъ даешь имъ поводъ думать, что противъ нихъ что-то такое умышляется. Очень часто случается, что при первомъ же исчезновеніи дудаки снимаются или же сразу останавливаются, если шли, и стоятъ на мѣстѣ какъ вкопанные. Ужъ этимъ однимъ всей

охотѣ кладется конецъ. Но бываетъ и такъ, что мѣсто очень удобно для нагона, но никуда не годится для заѣзда, и—наоборотъ. Напримеръ, если дудаки ходятъ по ровной мѣстности, а нагонять ихъ приходится, хотя тоже по ровной, но перерѣзанной балками, оврагами (ериками) и т. д., или же обратно: мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ удобно для заѣзда, но дудакамъ приходится идти или по вѣтру, или же старыми пашнями, бурьянистой травой, черезъ дороги и т. п. Наконецъ дудаки совсѣмъ не идутъ черезъ черныя пашни и черезъ высокій бурьянъ.

„Все мною сказанное, какъ о характерѣ птицы, такъ равно и о мѣстности, удобной для охоты, ясно показываетъ насколько должна быть интересна, серьезна, трудна и малодобычлива эта охота,—что и оправдывается на дѣлѣ.

„Теперь естественно является вопросъ, что долженъ дѣлать охотникъ, въ случаѣ если онъ застанетъ дудаковъ на неудобномъ мѣстѣ? По-моему, въ такомъ случаѣ можно поступить двояко: или же оставить ихъ въ покоѣ, надѣясь найти другихъ дудаковъ въ болѣе удобныхъ мѣстахъ, или же постараться „сбить ихъ съ позиціи“—пріемъ примѣнимый только когда дудаковъ мало, пріемъ чрезвычайно хлопотливый, утомительный, требующій для своего успѣха необыкновенно много терпѣнія, а главное сноровки и умѣнія. Собственно „сбить съ позиціи“ значитъ, въ буквальномъ смыслѣ, заставить дудаковъ тронуться съ мѣста—пѣшкомъ ли, летомъ ли, но такъ, чтобы дудаки не подозрѣвали бы въ этомъ никакого коварнаго замысла, чтобы они снялись добровольно и непринужденно. Для достиженія этой цѣли необходимо поступать такимъ образомъ. Прежде всего дѣлается заѣздъ, на разстояніи версты или полуторы, не болѣе какъ по дугѣ въ $\frac{1}{8}$ круга ¹⁾ (если считать за центръ дудаковъ, а дроги за одну изъ точекъ на окружности круга); объѣзжаютъ дудаковъ не болѣе 2-хъ разъ, затѣмъ постепенно, свободно свертываютъ въ противоположную сторону и начинаютъ удаляться не прямо, а нѣсколько наискось, и отъѣхавши на довольно порядочное разстояніе, версты за 2, останавливаются и распрягаютъ лошадь. При этомъ можно даже немножко вздремнуть. Послѣ такихъ маневровъ дудаки нерѣдко идутъ въ ходъ пѣшкомъ, даже по крутоволнистой мѣстности, и встрѣчая на пути крутой спускъ—или останавливаются, или же снимаются. Но если случится, что дудаки не желаютъ гулять, а упорно остаются на мѣстѣ, то охотникъ, простоявъ съ часъ, запрягаетъ лошадь и ѣдетъ обратно, стараясь придерживать того же направленія; сдѣлавъ опять двукратный заѣздъ, не болѣе какъ на $\frac{1}{8}$ круга, охотникъ останавливается, снова распрягаетъ лошадь, а самъ начинаетъ дѣлать какую-либо обычную въ степи работу: косить траву, класть сѣно на дроги, складывать траву въ кучи и т. д. Такіе пріемы, примѣненные по возможности на близкомъ

¹⁾ Чѣмъ короче круга, тѣмъ болѣе подозрительными становятся для дудаковъ охотники. Больше $\frac{1}{8}$ заѣзда дѣлать не стоитъ, чтобы не терять понапрасну времени.

разстояніи (саженъ на 300—500), въ большинствѣ случаевъ оказываются дѣйствительными. Если же и это ихъ „не беретъ“, то въ такомъ случаѣ остается только одно—подѣхать къ нимъ бокомъ, наискось—еще ближе и заняться той же работой. Въ послѣднемъ случаѣ дудаки не подпускаютъ болѣе какъ на 100—200 саженъ, рѣдко ближе, а снимаются и принявъ васъ, если только удачно разыграна роль, за мирнаго посѣтителя степей, удаляются безъ всякихъ заднихъ мыслей,—занимаютъ часто хорошія, удобныя мѣста и превосходно нагоняются, чего не случается, если имъ было замѣчено что-либо подозрительное.

„Предположимъ теперь, что дудаки „ходки“ и застигнуты на удобномъ мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ нужно сейчасъ же нагонять ихъ. Прежде всего уговариваются, въ какомъ мѣстѣ долженъ залечь стрѣлокъ и туда и направляютъ дроги. Стрѣлокъ же, съ того самаго момента, какъ дудаки будутъ замѣчены, непременно долженъ лежать въ дрогахъ или спрятаться за своего товарища, такимъ образомъ, чтобы дудаки все время слѣдованія дрогъ видѣли бы только одного нагонщика. Въ избранномъ мѣстѣ стрѣлокъ быстро и ловко спускается на землю, конечно, съ ружьемъ; нагоняющій же, не останавливаясь, ѣдетъ дальше. Этотъ маневръ стрѣлка требуетъ нѣкоторой сноровки, въ противномъ случаѣ часто приходится запутываться въ дрогахъ и попадать подъ колеса.

„Свалившись съ дрогъ, стрѣлокъ, смотря по обстоятельствамъ, или остается на мѣстѣ, или же подходитъ къ мѣсту назначенія согнувшись, что называется, въ три погібели, или же, какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, подползаетъ врасстяжку, распластавшись, прильнувъ къ землѣ. Эта послѣдняя процедура должна быть продѣлана крайне осторожно, въ особенности когда приходится подбираться на виду у дудаковъ. Добравшись до мѣста, стрѣлокъ, сообразивъ вѣроятное направленіе, которое должны принять дудаки (о чемъ предварительно сговаривается съ нагоняющимъ), кладетъ ружье въ этомъ направленіи и поджидаетъ птицъ.

„Нагоняющій же тѣмъ временемъ заѣзжаетъ въ противоположную сторону, такъ чтобы птицы находились между имъ и стрѣлкомъ. Съ этою цѣлью, на разстояніи около версты, онъ дѣлаетъ заѣзды, не болѣе какъ въ $\frac{1}{8}$ круга; если дудаки идутъ по желаемому направленію, то онъ не измѣняетъ разъ избраннаго пути, если же дудаки уклоняются, напимѣръ, вправо, онъ долженъ взять нѣсколько правѣе; если же влѣво,—то лѣвѣе.

„Здѣсь я долженъ замѣтить, что заставить дудаковъ принять желаемое направленіе очень трудно и въ большинствѣ случаевъ это не вполне удается, точно такъ же какъ часто не оправдываются расчеты стрѣлка, что дудаки именно пойдутъ на дуло ружья. Только опытный нагонщикъ можетъ заставить дудаковъ держаться приблизительно желаемого направленія; всѣ же недостатки, могущіе произойти отъ этого уклоненія, должны быть исправляемы самимъ стрѣлкомъ. Тутъ уже нагоняющій не причемъ: его дѣло подогнать птицъ приблизи-

тельно къ тому мѣсту, гдѣ залегъ стрѣлокъ, а ужъ ежели дудаки возьмутъ нѣсколько влѣво или вправо, или, какъ нерѣдко случается, вбокъ или даже взадъ, а стрѣлокъ не переложитъ своевременно ружье, въ надлежащемъ направленіи, то онъ и останется не при чемъ. Въ виду дудаковъ уже нельзя дѣлать ни малѣйшаго движенія, чтобы они не снялись, и въ такомъ случаѣ остается только одно—ждать, чтобы они подошли какъ можно ближе, и быстро вскакивая, выстрѣлить въ нихъ. Это удается однако очень рѣдко, потому что дудаки, подойдя шаговъ на 60—50, обыкновенно уже замѣчаютъ неподвижно лежащій предметъ и или поднимаются, или же обходятъ его стороной. Вотъ почему стрѣлокъ съ самаго начала заѣзда необходимо долженъ слѣдить за движеніями нагоняющаго и по этимъ движеніямъ, не видя дудаковъ, судить, какое они принимаютъ направленіе ¹⁾; затѣмъ, когда уже предполагается, что дудаки недалеко, онъ, возможно осторожно, высматриваетъ ихъ и, сообразуясь съ направленіемъ, ими принятымъ, заблаговременно перемѣняетъ свою позу или даже мѣсто, такъ чтобы встрѣтить дудаковъ прямо на дуло. Какъ только они приблизятся шаговъ на 50—60 и даже 70, онъ стрѣляетъ. Здѣсь кетати замѣчу, что высматриваніе стрѣлкомъ какъ нагоняющаго, такъ, тѣмъ болѣе, дудаковъ, весьма затруднительно, особенно въ невысокой травѣ, напри- мѣръ въ ковылѣ, растущемъ только на дѣвственной степи, гдѣ всего чаще и приходится нагонять дудаковъ. Про новичка и говорить нечего: съ нимъ бываетъ всегда одно изъ двухъ, смотря по тому, будетъ ли онъ выглядывать или ужъ черезчуръ смѣрно лежать; или дудаки замѣчаютъ его сначала заѣзда и не идутъ на него, а поближе такъ снимаются,—или же они проходятъ мимо стрѣлка и ему, къ величайшему стыду, приходится подниматься только по приѣздѣ нагоняющаго. Къ этому можно добавить, что стрѣлокъ на мѣстѣ залеганія долженъ предварительно вырвать всѣ высокія толстостебельныя травы, впереди себя. Это необходимо для того, чтобы въ случаѣ, если понадобится передвинуть ружье вправо или влѣво, то это можно было бы сдѣлать, не поднимая ружья и не задѣвая травы, т.-е. не заставляя ее нагибаться. Всего удобнѣе нагонять дудаковъ летомъ, но для этого необходимо имѣть особое умѣнье, или даже больше того—особаго рода талантливость.

„Многіе, быть можетъ, подумаютъ, что чѣмъ больше стадо дудаковъ, тѣмъ лучше; но мнѣніе это будетъ совершенно невѣрно. Всего удобнѣе нагонять небольшіе табунки (5—20), встрѣчающіеся въ степи совершенно самостоятельно. Но нѣтъ ничего хуже, какъ встрѣтить

¹⁾ Если случится, что самая мѣстность не позволяетъ стрѣлку слѣдить за нагоняющимъ, или для этого надо слишкомъ высоко поднимать голову, то стрѣлку остается только слѣдить за направленіемъ полета степныхъ жаворонковъ, спугиваемыхъ какъ нагоняющимъ, такъ и дудаками; въ большинствѣ случаевъ жаворонки летятъ напрямикъ, и слѣдовательно, при вѣрномъ направленіи дудаковъ, пролетаютъ надъ головой стрѣлка. При такихъ условіяхъ нагоняющій долженъ дѣлать по возможности короткіе заѣзды, не болѣе какъ въ $\frac{1}{16}$ круга.

громадную массу дудаковъ и притомъ раскинувшихся по степи. Тутъ уже нечего и думать о нагонѣ, по очень простой причинѣ: нельзя сдѣлать заѣзда, ибо по пути всегда приходится встрѣчать дудаковъ, которые, перемѣщаясь, пугаютъ другихъ. Если же начать нагонъ при такихъ условіяхъ, то только и будешь видѣть, какъ однѣ стайки снимаются, другія садятся.

„Итакъ, общая картина охоты съ нагона слѣдующая: нагоняющіи ѣздятъ взадъ и впередъ среди степи, по дугѣ круга, вдали отъ дудаковъ; дудаки мѣрнымъ шагомъ спокойно удаляются отъ него; стрѣлокъ же подползаетъ къ нимъ и вообще приспособляется такимъ образомъ, чтобы стая пришла прямо на дуло, и подпустивъ ее къ себѣ шаговъ на 50—60, стрѣляетъ“.

Нѣкоторые совѣтуютъ, чтобы при охотѣ нагономъ охотниковъ было нѣсколько человѣкъ, такъ какъ они могутъ залечь вокругъ дрофѣ и послѣднія на кого-нибудь изъ нихъ да наткнутся. Однако противъ этого достаточно выставить то, что трудно и даже невозможно спустить съ дрогъ нѣсколько человѣкъ такъ, чтобы дрофы этого не замѣтили. А заподозривъ засаду, онѣ ждать не станутъ. Какъ и при большинствѣ охотъ, здѣсь дѣло не въ количествѣ охотниковъ, а въ качествѣ каждаго изъ нихъ. Равнымъ образомъ загонять дрофѣ двумя дрогами или повозками, которыя ѣздятъ по отрѣзкамъ круговъ навстрѣчу другъ другу, дѣло также очень сложное и, пожалуй, болѣе вредное, чѣмъ полезное, т. к. найти хорошаго нагонщика трудно, а двухъ тѣмъ труднѣе, и тотъ, который похуже, будетъ только портить другому.

Казакъ охотятся на дрофѣ, подходя къ нимъ между двумя лошадыми, что требуетъ большой ловкости и терпѣнья, такъ какъ при этомъ надо держаться такъ, чтобы не высовываться изъ-за лошади. Въ другомъ родѣ охота, практикуемая крестьянами нашихъ южныхъ губерній и состоящая въ слѣдующемъ: повозка обтыкается бурьяномъ, при чемъ остаются только нѣсколько маленькихъ окошекъ для наблюдений, мужикъ ложится въ нее, такъ что его совершенно не видно и, снарядившись такимъ образомъ, отправляется въ степь, на приученныхъ къ этой охотѣ волахъ. Найдя дрофѣ, охотникъ направляетъ воловъ куда ему нужно словами, такъ какъ волы отлично понимаютъ его, и какъ только подѣдетъ на близкое разстояніе къ птицамъ, быстро вскакиваетъ. Волы, зная, что это означаетъ, сразу останавливаются и охотникъ можетъ почти навѣрняка стрѣлять въ свою добычу.

На томъ же самомъ принципѣ основана охота, которую называютъ охотой съ подкатомъ, охотой съ тачкой, охотой съ хисткомъ, перекасти-поле и, можетъ быть, еще какъ-нибудь иначе. *Хистокъ* есть не что иное, какъ небольшая деревянная ось на маленькихъ деревянныхъ же колесочкахъ; къ оси приделана ручка, а въ просверленные въ ней дыры воткнуты какія-нибудь густовѣтвистыя растенія: нехворощъ, перекасти-поле или просто бурьянъ. Замѣтивъ дрофѣ и забравъ съ собою хистокъ, охотникъ высматриваетъ, куда идутъ дрофы, и

скрывшись за хвостомъ, начинаетъ подползать къ нимъ навстрѣчу. Видя кустъ, дрофы не обращаютъ на него большого вниманія, но дѣло охотника ползти какъ можно осторожноѣе и не показываться изъ засады зоркому сторожу стада. Добравшись до послѣдняго шаговъ на 60—70, охотникъ останавливается, просовываетъ ружье между кустиками травы и ждетъ, когда дрофы скучатся, чтобы можно было сразу свалить нѣсколькихъ. Охота эта крайне трудна и можетъ продлиться часы, а то и цѣлый день. Дрофы при своей осторожности пугаются всякаго пустяка и совершенно побочное обстоятельство можетъ спугнуть птицъ, когда охотникъ подползъ уже почти на выстрѣлъ. Тогда опять начинай сначала, да къ тому же пересѣвшія дрофы становятся еще осторожнѣе. Однако, терпѣніе промышленника совершенно безгранично и рѣдко случается, что онъ не имѣетъ успѣха въ своей охотѣ.

Осенью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дрофы на перелетахъ до того постоянно держатся одного и того же направленія, что этимъ съ удобствомъ можно пользоваться для устройства засады, т. к. обыкновенно птицы летятъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Къ тому же въ другое время осторожныя птицы какъ-то мало обращаютъ вниманія на стрѣльбу изъ засады на перелетахъ и потому такая охота можетъ производиться довольно постоянно въ теченіе нѣкотораго времени.

Все послѣдніе способы охоты имѣютъ чисто промысловое значеніе и рѣдко практикуются настоящими охотниками. Однако особенно выгодно для промышленниковъ просто загонять дрофъ, когда послѣ дождя ударитъ морозъ и обмерзшія птицы не могутъ летѣть. Тутъ любой мальчишка съ хворостинной можетъ загнать цѣлое стадо дрофъ, которыхъ бьютъ или на мясо, или при крайней худобѣ птицы, на пухъ и перья.

Эти загоны надо безусловно воспретить административными мѣрами, такъ какъ птицы прежде всего истребляются въ большемъ количествѣ, чѣмъ это нужно, а во-вторыхъ при извѣстныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ могутъ повести къ огромному уменьшенію численности дрофъ въ очень обширномъ районѣ. Г. Благовѣщенскій довольно удачно рисуетъ зимнее истребленіе отошавшихъ и утомленныхъ до безсилія дрофъ въ Крымскихъ степяхъ („Природа и Охота“, 1896, IV), но нисколько не меньше истребляется ихъ такъ же безцѣльно и тѣмъ же способомъ загона во всѣхъ южныхъ степяхъ.

Цѣна на дрофу колеблется отъ 75 к. до 1 р. 50 к., смотря по величинѣ птицы и по времени года. Зимой же цѣна на дрофъ совершенно падаетъ, такъ какъ, во-первыхъ, птицъ добываютъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ нужно, во-вторыхъ торговцы не охотно берутъ ихъ потому, что трудно отличить дохлую птицу отъ рѣзаної, а въ-третьихъ большая часть добытыхъ въ это время дрофъ такъ худы, что мясо ихъ утрачиваетъ весь свой вкусъ.

63. Лысуха.

Fulica atra, L.

Табл. 65.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 449.

Болѣе распростран. названія: *лысуха, лыска.*

Мѣстныя названія: *лысуха, лыска, лысушка, лысена, лысана* (не приуроч. къ опредѣл. мѣстамъ); *кашкалдакъ, чиновникъ* (Астрахан.); *лысап, черная шаара* (Пермск.).

Польск.—*łyska.*—Латыш.—*lauzis, mirra, pape.*—Фин.—*nokikana.*

Татар.—*кашкалакъ, кашка - урджакъ.*—Сибир. — *чома.*—Монг.—*халзінъ-гарона.*—Калмыц.—*хара-алсынъ.*

Лысуха принадлежитъ большей части Европ. Россіи, такъ какъ сѣверная граница распространенія этой птицы идетъ слѣдующимъ образомъ. Въ Финляндіи она гнѣздится къ сѣверу до 61°30', но въ качествѣ залетной птицы встрѣчается еще дальше. Въ области Сѣв. Двины она не разъ добывалась подъ Архангельскомъ, но врядъ ли гнѣздится здѣсь. Далѣе на востокъ сѣверная граница распространенія лысухи постепенно спускается къ югу и на Камѣ проходитъ уже между 58°—59° с. ш., на Уралѣ около 57°, въ Западной Сибири не поднимается выше 55° с. ш. Количество лысухъ, гнѣздящихся въ той или другой части страны къ югу отъ проведенной границы, зависитъ уже отъ мѣстныхъ условій, но, вообще говоря, этихъ птицъ въ южной полосѣ болѣе, чѣмъ въ сѣверной. На Кавказѣ лысуха въ вертикальномъ распространеніи поднимается до 7000' н. у. м., и въ Закавказьѣ даже зимуетъ.

Близость зимовокъ лысухи отъ ея гнѣздовой области (значительная часть этихъ птицъ зимуетъ въ области Средиземнаго моря), обуславливаетъ собою ея раннее возвращеніе къ намъ. На сѣверномъ Кавказѣ она прилетаетъ уже въ первой половинѣ марта и улетаетъ отсюда на зиму лишь въ ноябрѣ. Въ Новороссійскомъ краѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, прилетаетъ въ концѣ марта, отлетаетъ

назадъ съ конца сентября; но такъ какъ въ Харьковской губ. прилетъ лысухъ наблюдается съ половины до конца марта, главнымъ образомъ въ началѣ послѣдней трети этого мѣсяца, то и въ губ. Херсонской первая прилетаютъ, вѣроятно, ранѣе отмѣченнаго срока. Улетаютъ изъ Харьковской губ. лысухи начиная съ середины сентября, послѣднія попадаютъ до половины октября, изрѣдка до конца этого мѣсяца. Въ юго-восточной Россіи лысухи прилетаютъ позднѣе, именно подъ Оренбургомъ показываются съ начала послѣдней трети апрѣля, улетаютъ массою въ сентябрѣ, но отдѣльныя особи встрѣчаются еще и въ октябрѣ. Относительно центральной Россіи у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о времени прилета и отлета лысухъ. Въ Польшѣ прилетъ начинается въ мартѣ, отлетъ — въ сентябрѣ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ лысуха прилетаетъ съ конца марта до половины апрѣля, улетаетъ отсюда въ сентябрѣ и октябрѣ.

Медленно текуція и особенно стоячія воды, каковы пруды, озера, мельничные пруды, мелководные заливы рѣкъ и т. п., густо заросшія въ береговой зонѣ камышами, кугой и другими растеніями, составляютъ любимыя мѣста жительства лысухи, которая, въ свою очередь, является столь постоянной обитательницей такихъ мѣстъ, что ихъ даже трудно представить себѣ безъ лысухъ. Описываемая птица очень осторожна, но если опытъ показалъ ей, что человѣка бояться нечего, тогда она безбоязненно подпускаетъ къ себѣ на довольно близкое разстояніе. Въ такомъ случаѣ ничего не стоитъ цѣлыми часами наблюдать этихъ птицъ, когда онѣ семьями или парочками предаются своему обычному времяпрепровожденію. Лысуха плаваетъ превосходно, но при этомъ какъ бы дергается, смѣшно покачивая взадъ и впередъ головой и хвостомъ. Застигнутая врасплохъ или вообще чѣмъ-нибудь испуганная, взлетаетъ и спѣшитъ уйти полубѣгомъ, полуплетомъ, волоча по водѣ лапы и съ шумомъ хлопая крыльями, отчего летитъ, окруженная брызгами. Разлетѣвшись и поднявшись выше обыкновеннаго, можетъ летѣть очень быстро. Иногда въ испугѣ ныряетъ и проплываетъ подъ водою большія пространства до какого-либо укромнаго мѣстечка, гдѣ высовываетъ наружу только носъ, тогда какъ все тѣло остается подъ водою. Если негдѣ спрятаться такимъ образомъ, ныряетъ и остается нѣкоторое время подъ водою, держась лапами за подводныя растенія, сучья и т. д. Ныряетъ хорошо даже въ мелководныхъ бассейнахъ, но въ такомъ случаѣ недалеко. По землѣ лысуха ходитъ гораздо лучше, чѣмъ это можно было бы ожидать при ея устройствѣ лапъ, а застигнутая на землѣ даже очень быстро добѣгаетъ до воды. Голосъ лысухи напоминаетъ собою хныканье.

Кормъ лысухи составляютъ весьма разнообразныя предметы: водяныя насекомыя, корешки и побѣги водяныхъ растеній, тина, рыбешка, головастики, все это охотно поѣдается ею; на берегу ѣтъ червячковъ, улитокъ, траву и при случаѣ даже зерна, но за кормомъ никуда не летаетъ, промышляя его или на водѣ, или на самомъ бе-

регу. Сытая лысуха спитъ или плавая, или забираясь подъ какое-нибудь прикрытіе на берегу. По своимъ повадкамъ лысуха очень общественная птица, и тамъ, гдѣ удалось замѣтить одну, навѣрное можно найти и другихъ. На обширныхъ же озерахъ, съ густыми камышистыми зарослями, между которыми остаются площади чистой воды, лысухи живутъ буквально сотнями.

Мѣстомъ для устройства гнѣзда выбираютъ обыкновенно тихіе, скрытые заливы озеръ и мельничныхъ прудовъ. Самое гнѣздо чаще всего помѣщается на неглубокой водѣ, иногда бываетъ совершенно пловучимъ, еще рѣже устраивается на берегу. Вышина гнѣзда въ зависимости отъ этого измѣняется очень значительно, бывая иногда болѣе аршина. Самая постройка очень грубая, въ основаніи сложенная изъ старыхъ листьевъ камыша, осоки и другихъ растений, въ болѣе поверхностныхъ частяхъ изъ того же, но болѣе нѣжнаго матеріала. Лотокъ иногда выстилается широкими листьями камыша, чаще обмазывается пометомъ птицы и уже на эту обмазку накладывается постелюга изъ перьевъ и пуха, надерганныхъ птицею изъ своей хлупи. Пловучія гнѣзда укрѣпляются на стебляхъ камыша или устраиваются прямо на плавающихъ кучахъ прошлогодняго камыша, куги и т. п. Съ той стороны, съ которой птица всходитъ на гнѣздо и сходитъ съ него, оно обыкновенно бываетъ нѣсколько обмято.

Періодъ, въ теченіе котораго лыски несутъ яйца, очень продолжителенъ, т. к. масса яицъ гибнетъ отъ болотныхъ дуней и другихъ хищниковъ, вслѣдствіе чего въ южной Россіи ненасиженные яйца лысокъ можно находить съ конца апрѣля до іюня. Къ устройству гнѣзда лыска приступаетъ не прямо съ прилета, а спустя нѣкоторое время, когда вода спадетъ и обогрѣется, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробьется и молодая растительность, защищающая птицу. Число яицъ кладки колеблется отъ 6 до 15. Скорлупа ихъ довольно плотная, мелкопористая, но въ свѣжемъ состояніи почти безъ блеска. Размѣры колеблются отъ 2,2 до 2,08 д. въ длину и отъ 1,55 до 1,05 д. въ поперечникѣ. Основной цвѣтъ свѣтлый, сѣро-песочный или глинисто-бѣловатый, очень похожій на цвѣтъ сухого тростника, и по немъ довольно равномерно распредѣлены черновато-бурая поверхностныя и болѣе рѣдкія фіолетово-сѣрыя глубокія пятнышки и точки. Насиживаютъ яйца оба родителя, но ни тотъ, ни другой не отличаются къ нимъ сильной привязанностью. Птенцы слѣдуютъ за стариками очень скоро послѣ того какъ выклюнутся и въ самое короткое время выучиваются прятаться между травой, нырять и т. д. Линька старыхъ самцовъ происходитъ съ середины іюля, при чемъ они сразу теряютъ всѣ свои маховыя и совершенно утрачиваютъ способность летать.

На пролетѣ лысухи держатся парами и небольшими стайками, которыя тянутъ рѣчными долинами вечеромъ и ночью. Летятъ невысоко, часто издавая свой своеобразный крикъ.

Мясо лысухи не вкусно и потому у насъ почти не охотятся за этой птицею.

64. Водяная курочка.

Gallinula chloropus, L.

Табл. 66.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 453.

Болѣе распростран. названія: *камышница, водяная или болотная курица.*

Мѣстныя названія: *камышевка, камышевая курица* (Астраханск.); *водяная курица* (Оренбург.); *камышница, болотная или водяная курица* (Петербург.); *чертова курица* (по Палласу, вѣроятно на Уралѣ).

Польск. — *kokoszka wodna, kurka wodna, kokoszka zielononoga*. — Лат. — *kuhrpis, ohrtannisch*. — Фин. — *liejukana*.

Водяная курочка распространена у насъ довольно широко, но благодаря своему скрытному образу жизни рѣдко попадаетъ на глаза и потому, съ одной стороны, у насъ мало оригинальныхъ наблюдений надъ ея образомъ жизни въ разныхъ частяхъ Россіи, съ другой — совершенно ложное убѣжденіе, что она встрѣчается только въ немногихъ мѣстахъ страны. Сѣверную границу распространенія водяной курочки можно опредѣлить только въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ Финляндіи эта птица гнѣздится лишь мѣстами въ южной части страны, не сѣвернѣе 60°30'; изрѣдка встрѣчается въ губ. Петербургской и юго-западной части Вологодской; въ небольшомъ количествѣ водится въ заволжской части Казанской губ. и вѣроятно, еще гнѣздится въ южныхъ уѣздахъ Пермской губ. Къ югу отсюда распространена въ качествѣ гнѣздящейся птицы во всей странѣ, но обыкновенна только тамъ, гдѣ для нея имѣются подходящія мѣстонахожденія. На Кавказѣ гнѣздится до 6000' н. у. м., оставаясь въ Закавказьѣ даже на зиму.

Водяная курочка во многихъ отношеніяхъ сходна съ лысухой, но гораздо осторожнѣе ея. Вотъ какъ описываетъ образъ жизни этой красивой птицы Н. Н. Сомовъ, по своимъ наблюдениямъ надъ нею въ Харьковской губ. „Зеленоногая камышница, — говоритъ онъ, — одна

изъ очень обыкновенныхъ нашихъ лѣтнихъ гнѣздящихся и дважды пролетныхъ птицъ, въ численности только немногимъ уступающая лысухѣ. Обитаетъ она главнымъ образомъ по густымъ тростникамъ, осокамъ и другимъ болотнымъ травамъ, около большихъ болотъ съ довольно глубокими водными мѣстами, около озеръ, прудовъ и рѣчныхъ заливовъ, но живетъ и на болотистыхъ камышистыхъ берегахъ степныхъ рѣчекъ. Здѣсь она почти невылазно живетъ въ самыхъ трупобахъ и, только чувствуя полную безопасность, выходитъ на заросшія кувшинками воды или выплываетъ на болѣе широкія, свободныя отъ растительности, водныя пространства. Когда подрастаютъ молодыя птицы, удается иногда застать врасплохъ цѣлую семью, и тогда всѣ, кто ныряя, кто бѣгомъ, спасаются въ заросли.

„Прилетѣть одиночныхъ или въ небольшомъ числѣ происходитъ въ послѣднихъ числахъ марта, обыкновенно же въ первой трети апрѣля появляются главныя массы; запоздавшія показываются до начала послѣдней трети апрѣля. На пролетѣ держатся по одиночкѣ или очень разсѣянной группой; летятъ ночью и невысоко; днемъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, путешествуютъ по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, постепенно подвигаясь къ сѣверу и по дорогѣ хватая различныхъ насекомыхъ, слизняковъ и личинокъ. Нѣсколько разъ приходилось наблюдать такихъ путешествующихъ камышницъ. Многія птицы летятъ очень низко. Одинъ взрослый самецъ, который по какой-то причинѣ плохо леталъ, очевидно, путешествовалъ пѣшкомъ и былъ пойманъ въ самомъ г. Харьковѣ, подъ Харьковскимъ мостомъ (23. IV. 92).

„Гнѣзда располагаются въ малодоступныхъ мѣстахъ. Единственное найденное мною, къ сожалѣнію уже покинутое, гнѣздо помѣщалось на примятой молодой ольховой поросли около небольшого пня и однимъ бокомъ выдвигалось немного надъ водою. Сплетено оно было довольно грубо изъ сухихъ широкихъ листьевъ тростника и высушенныхъ стеблей камыша и выложено внутри болѣе тонкими листьями и метелками перваго растенія.

„Числа яицъ полной кладки я не знаю, но встрѣчалъ выводки состоявшіе изъ 6—8 птенцовъ. Начало кладки бываетъ, повидимому, не раньше послѣдней трети мая; 18. VI. 92 найдено два уже треснувшихъ яйца, а 20. VI—3 такихъ же яйца и 3 птенчика, плававшихъ около гнѣзда. Яйца имѣютъ скорлупу почти совѣтъ матовую (или съ ничтожнымъ блескомъ), свѣтло-песочнаго цвѣта съ очень небольшимъ числомъ основныхъ буровато-сѣрыхъ пятенъ; верхнія пятнышки и крапинки темно-красно-бурого цвѣта распределены по всему яйцу, но около тупого конца ихъ больше, а также и величина ихъ значительнѣе“. Размѣръ яицъ отъ 1,9 до 1,55 д. длины и отъ 1,3 до 1,15 д. въ поперечникѣ.

„Въ концѣ іюня — продолжаетъ г. Сомовъ, — попадались мнѣ птенцы, у которыхъ еще не совѣтъ развиты очины маховыхъ перьевъ, и нерѣдко въ началѣ августа старыя птицы еще водятъ молодыхъ. Крикъ самцовъ, послѣ нѣкотораго перерыва, когда ихъ слы-

шишь нѣсколько рѣже, вновь раздается во второй половинѣ іюня и въ первой половинѣ іюля. Самцы кричатъ не только бѣгая въ заросляхъ, но и летая взадъ и впередъ по вечерамъ, послѣ наступленія темноты, и ночью; при этомъ они летаютъ обыкновенно не высоко, иногда же приходится слышать ихъ голосъ, раздающійся съ довольно значительной высоты.

„Линька стариковъ происходитъ съ начала или съ половины іюля, но идетъ она медленно, и въ это время камышницы усиленно скрываются въ недоступныхъ крѣпяхъ. Въ концѣ іюля 1889 года попала мнѣ одна старая птица въ періодѣ сильной линьки и съ полнымъ отсутствіемъ маховыхъ перьевъ; точно такъ же линяющій самецъ, т.-е. потерявшій сразу все маховыя, убитъ мною 3. VIII. 93 г.

„Пищу этой птицы составляютъ всевозможныя водныя и наземныя насѣкомыя, ихъ личинки и мелкія мягкотѣля. Ловля насѣкомыхъ происходитъ не только на землѣ и въ водѣ, но и на камышинахъ и кустахъ. Одна птица, гоняясь по топкой грязи, поймала какое-то пролетающее крупное двукрылое, сдѣлавъ при этомъ значительный прыжокъ вверхъ.

„Отлетъ и пролетъ бываетъ въ наибольшемъ разгарѣ въ послѣдней трети сентября, хотя замѣтная убыль происходитъ уже въ срединѣ этого мѣсяца; въ концѣ сентября пролетъ уже ослабѣваетъ, и послѣднія, больше одиночныя, камышницы попадаютъ у насъ до конца первой трети октября“.

То обстоятельство, что водяная курочка рѣдко попадаетъ на глаза и еще рѣже дѣлается добычей охотника, дѣлаетъ то, что послѣдніе очень дорожатъ ею. Но правильной охоты за нею быть не можетъ. Эти птицы, говоря словами С. Т. Аксакова, „почти всегда держатся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ни охотнику ходить, ни собакѣ отыскать дичь невозможно; собакѣ приходится не только вязнуть по горло, но даже плавать. Если случится застать болотную курицу на мѣстѣ проходимомъ, то она сейчасъ уйдетъ въ непроходимое; застрѣлить ее, какъ дупеля или коростеля, изъ-подъ собаки, величайшая рѣдкость; скорѣе можно убить, увидавъ случайно, когда она выплываетъ изъ камыша или осоки, чтобы перебраться на другую сторону болотнаго озерка, прудового материка или залива, къ чему иногда ее можно принудить посредствомъ собаки, а самому съ ружьемъ подстеречь на переправѣ. Но для этого надобно знать, что болотная курица именно тутъ скрывается“.

65. Султанская курица.

Porphyrion poliocephalus, Lath.

Табл. 67.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 458.

Болѣе распростр. названіе: *султанская курица*.

Мѣстные названія: *синій кашкалдакъ* (Астрахан.).

Эта замѣчательно красивая птица гнѣздится, повидимому, въ устьяхъ Волги, гдѣ добывалась нѣсколько разъ въ разное время года, и встрѣчается въ качествѣ залетной птицы, или по крайней мѣрѣ встрѣчалась прежде, въ устьѣ р. Урала. Показаніе Палласа о нахожденіи султанской курицы въ устьѣ р. Терека и Нордманна — въ устьѣ р. Кубани никѣмъ не подтверждено, но первое не содержитъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ возможно, что султанская курица живетъ въ подходящихъ мѣстахъ по всему побережью Каспійскаго моря. Хотя подъ Астраханью одинъ экземпляръ былъ добытъ 17 ноября, однако здѣсь описываемая птица ни въ какомъ случаѣ не зимуетъ.

Свѣдѣнія объ образѣ жизни этой птицы очень скудны. Вотъ что я сообщилъ объ этомъ ранѣе по наблюденіямъ Гмелина подъ Сальянами и Радде подъ Ленкоранью.

„Здѣсь султанскія куры живутъ въ обширныхъ, поросшихъ камышомъ болотахъ и внѣ времени гнѣздованья ведутъ общественную жизнь, собираясь въ стан до 150 экземпляровъ. По своимъ повадкамъ эта птица значительно походитъ на лысухъ, но ведетъ гораздо болѣе скрытую жизнь, почти не выходя изъ густыхъ камышей. Бѣгаетъ превосходно, вытянувъ шею и дѣлая шаги болѣе фута, но летаетъ плохо, низко и по прямому направленію. И на ходѣ и въ покойномъ положеніи султанская курица часто подергиваетъ своимъ поднятымъ кверху хвостикомъ. Потревоженная, иногда забирается на ветлы, чтобы осмотрѣться и опредѣлить, откуда грозитъ опасность. Въ мартѣ

мѣсяцѣ, а иногда и въ апрѣлѣ, султанскія куры устраиваютъ въ камышовыхъ заросляхъ свои гнѣзда. Самка кладетъ 3—4 яйца, которыя и насиживаетъ поочередно съ самцомъ въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль. Длина яицъ 2,12 д., поперечникъ 1,5 д.; они удлинненно-овальной формы съ шероховатою скорлупой и свѣтлымъ зеленовато-охристымъ основнымъ цвѣтомъ; по этому фону равномерно, но не густо, разбросаны свѣтло-бурыя пятна то неправильной, то округлой формы“.

66. Коростель.

Crex pratensis.

Табл. 68.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 461.

Болѣе распростран. названія: *коростель, дергачъ.*

Мѣстные названія: *коростель, дергачъ, дергунъ* (во многихъ мѣстахъ); *кречекъ* (Гдовскій у.); *коростель, дергачъ, дергачъ* (Малоросс.).

Польск.—*chróciel, kiecak.*—Эст.—*rukki räk; roja räk.*—Лат.—*greese, greennis.*—Финск.—*ruisräikkä.*

Башк.-татар.—*тартай.*—Кирг.—*качи.*—Мордов.—*терганъ.*—Вотяцк.—*кваадчъ.*

Коростель можетъ считаться распространеннымъ по всей странѣ. Въ Финляндіи онъ даже гнѣздится подь 65° с. ш., а въ качествѣ залетной птицы заходитъ до 68°. Въ области Бѣлаго моря встрѣчается лѣтомъ подь Архангельскомъ, хотя и въ небольшомъ числѣ. На Уралѣ прослѣженъ до 60° с. ш. (Петропавловскъ), но, быть можетъ, встрѣчается еще и по Лозьвѣ. Само собою разумѣется, въ лѣсной области эта птица распространена спорадично и вообще рѣдка. Даже въ сѣверныхъ частяхъ центральной Россіи коростель отнюдь не многочисленъ. Но зато въ южной половинѣ Россіи это чрезвычайно обыкновенная птица, крикъ которой невольно вспоминаешь каждый разъ, какъ представляешь себѣ луговые площади нашихъ болѣе южныхъ губерній. На Кавказѣ коростель поднимается въ вертикальномъ распространѣніи до 7000' н. у. м., но не зимуетъ даже въ Закавказьѣ.

Любимыя мѣста жительства коростеля составляютъ сырые луга, съ густою и высокою травою, болота среди луговъ, окруженныя осокою, ситникомъ и кустарниками, наконецъ огороды и даже заглохшіе сады по долинамъ ручьевъ. Но здѣсь птица держится во время гнѣздового періода, позднѣе же самки съ молодыми часто переселяются въ сосѣднія хлѣбныя поля, особенно гречи и проса, и даже на опушки и поляны лѣсовъ (въ лѣсной области). Коростель прилетаетъ поздно,

по не должно думать, что хорошо знакомый крикъ коростеля служить указаніемъ на время прилета птицы: она появляется на роднѣ еще тогда, когда зелени почти нѣтъ, и бываетъ вынуждена держаться первое время либо на болотистыхъ мѣстахъ, гдѣ остаются прошлогодніе камышъ, осока и другія растенія, гдѣ и раньше пробивается свѣжая зелень; либо въ кустарникахъ, мелколѣсьѣ или на опушкѣ лѣса, гдѣ коростель часто прячется между корнями деревьевъ. Только спустя нѣкоторое время, когда трава поднимется настолько, что въ состояніи закрыть птицу, коростели переселяются въ свои гнѣздовыя мѣста и тогда же раздается ихъ первый крикъ.

Коростель ведетъ очень скрытный образъ жизни, благодаря своей манерѣ бѣгать и не взлетать иначе, какъ при крайней необходимости. Бѣгаетъ и прячется между травой и кустиками онъ превосходно, летаетъ же довольно плохо, и, пролетѣвъ небольшое разстояніе, спѣшитъ опять упасть въ траву. Правда, иногда удается поднять коростеля, когда, повидимому, ничто не могло заставить птицу измѣнить своей привычкѣ, но это очень рѣдкіе случаи и охотникамъ хорошо извѣстно, какъ утомляетъ молодую, неопытную собаку преслѣдованіе коростеля. Только что собака сдѣлаетъ стойку, какъ пріостановившаяся было на нѣсколько секундъ птица опять пускается бѣгать, и когда собака бросится, наконецъ, чтобы схватить ее, она уже успѣваетъ уйти за добрый десятокъ сажень. Снова начинается преслѣдованіе, снова стойка и опять бѣгство коростеля, что повторяется обыкновенно до тѣхъ поръ, пока разгоряченная собака не начнетъ просто бросаться слѣдомъ за птицей, чѣмъ и заставляетъ ее подняться. Наибольшую извѣстность коростель приобрѣлъ благодаря своему крику, напоминающему какіе-то скрипящіе звуки въ родѣ *дергъ, дергъ*, которые птица выкрикиваетъ по два раза подъ рядъ, дѣлая между сосѣдними парами звуковъ болѣе замѣтную паузу. Чаше всего эти крики слышатся по зарямъ и ночью, но въ разгаръ брачной поры ихъ нерѣдко слышать и днемъ. Въ сущности это призывный крикъ самца къ самкѣ, нѣчто въ родѣ пѣсни токующаго тетерева, но хотя коростели не разбиваются на пары и самецъ не принимаетъ никакого участія въ воспитаніи дѣтей, настоящаго токованія, т.е. состязанія самцовъ изъ-за обладанія самками, у нихъ не бываетъ. Опредѣлить мѣсто, гдѣ кричитъ коростель, очень трудно, такъ какъ звуки раздаются то очень громко, то очень слабо, какъ будто птица постоянно то приближается, то удаляется, или какъ будто кричатъ нѣсколько коростелей. Причина этого заключается въ томъ, что коростель кричитъ совершенно изступленно, вытягивая шею, дергаясь впередъ всѣмъ тѣломъ и постоянно повертываясь на одномъ мѣстѣ въ разныя стороны. Понятно, что если коростель кричитъ, повернувшись въ противную наблюдателю сторону, крикъ его значительно теряетъ въ звучности и силѣ; если же, напротивъ, кричитъ въ сторону наблюдателя, тогда крикъ раздается очень громко. Къ тому же, прокричавъ десятокъ разъ, птица начинаетъ бѣгать взадъ и впередъ, точно разыскивая что-то, а отбѣжавъ на не-

большое разстояніе, опять начинаетъ кричать. Кормится коростель слизняками, личинками, насѣкомыми, червяками и разными растительными веществами. Послѣ того какъ заботы о дѣтяхъ кончаются, главный пищевой матеріалъ для коростеля составляютъ хлѣбныя зерна и сѣмена травъ.

Въ южную Россію коростели прилетаютъ въ половинѣ или послѣдней трети апрѣля, въ центральную—въ концѣ апрѣля или началѣ мая, въ сѣверную—въ первой половинѣ мая. Летятъ ночью, либо отдѣльными особями, либо разбитыми стаіками и, насколько можно судить по крику, довольно высоко. Въ южной Россіи въ первой половинѣ мая, въ центральной нѣсколько позднѣе самцы кричатъ уже очень азартно, что служитъ яснымъ указаніемъ на то, что самки принимаются за постройку гнѣздъ. Такъ какъ крикъ самцовъ можно слышать еще во второй половинѣ іюля, это уже само по себѣ указываетъ на то, что коростели могутъ гнѣздиться два раза въ лѣто; но послѣднее подтверждается также и прямыми наблюденіями, хотя, конечно, не изъ чего не слѣдуетъ, что каждая самка всегда гнѣздится два раза въ лѣто. Напротивъ, у многихъ яйца или птенцы гибнутъ отъ разныхъ обстоятельствъ и въ такомъ случаѣ вторая кладка является вынужденной. Это же объясняетъ и то, что въ сущности яйца коростелей можно находить все лѣто, такъ какъ пуховые птенцы первой кладки встрѣчаются уже въ маѣ или іюнѣ, а второй только въ первой трети августа. Гнѣздо свое коростель устраиваетъ въ кустахъ, между корнями, и свиваетъ его очень аккуратно изъ сухихъ стебельковъ травы, выстилая лоточекъ очень тонкими стебельками злаковъ. Полная кладка содержитъ отъ 8 до 12 яицъ, длиною отъ 1,5 до 1,36 д., въ поперечникѣ отъ 1,1 до 1,02 д. Основной цвѣтъ ихъ измѣняется отъ блѣдно-глинистаго до голубовато-бѣлаго, съ разбросанными по немъ поверхностными красновато-бурыми пятнышками и точками и глубокими лиловатыми. Обыкновенно онѣ не очень многочисленны и равномерно покрываютъ собою всю поверхность.

Вскорѣ послѣ вывода дѣтей самка уводитъ ихъ въ луга или поля и остается съ ними, пока они не подрастутъ, послѣ чего приступаетъ ко второй кладкѣ. Выкормивъ дѣтей послѣдней, самка оставляетъ ихъ, молодыя въ свою очередь разбиваются и съ этой поры начинается одиночная кочевая жизнь, которая длится до отлета. Съ середины или съ конца іюля обыкновенно начинается линька стариковъ, иногда же линька запаздываетъ, такъ что во второй половинѣ августа птицы мѣняють только маховыя перья и, вѣроятно, даже улетають не вполне перелинявшими. Отлетъ изъ Средней Россіи начинается въ августѣ и заканчивается въ сентябрѣ. Изъ южной большинство отлетаетъ въ теченіе сентября, нѣкоторыя особи остаются до октября. Въ видѣ исключенія въ Оренбургской губ. такія запоздавшія были находимы даже въ первыхъ числахъ ноября. На пролетѣ коростели попадаются по такимъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно не встрѣчаются, наприм. по срубамъ большихъ лѣсовъ и на лѣсныхъ полянахъ вдали отъ воды.

Отдѣльной охоты за коростелями нѣтъ, но никто не откажется поохотиться за ними при случаѣ. Благодаря плохому полету коростеля, стрѣлять его не трудно, да къ тому же коростель на рану не крѣпокъ и для него достаточно бекасника. Но, несмотря на это, убить коростеля трудно, потому что трудно заставить его взлетѣть. Только хорошая собака съ верхнимъ чутьемъ не станетъ путаться въ слѣдахъ коростеля, а прямо поведетъ къ птицѣ и тѣмъ самымъ заставить ее подняться. Затѣмъ, никогда не слѣдуетъ спѣшить стрѣлять, потому что коростель поднимается близко отъ охотника и при поспѣшности въ стрѣльбѣ можно совершенно разбить птицу зарядомъ или, что еще досаднѣе, промахнуться по ней. Нѣсколько труднѣе стрѣлять въ кустахъ, такъ какъ коростель, будучи поднятъ, пользуется первымъ же случаемъ, чтобы опять юркнуть въ кустъ. Въ результатѣ много коростелей никогда не убьешь и это-то, безъ сомнѣнія, заставляетъ охотниковъ дорожить коростелемъ, какъ дичью, хотя, правда, мясо его очень вкусно, особенно осенью.

67. Курочка малая.

Porzana parva, Scop.

Табл. 69 и 70.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 466.

Малая курочка распространена, вѣроятно, во всей южной и средней Россіи, но что касается послѣдней, то свѣдѣнія о ней очень отрывочны. Начиная съ запада, мы видимъ, что малая курочка гнѣздится въ прибалтійскихъ губерніяхъ къ сѣверу до Мацаль-Вика (59° с. ш.). гнѣздится въ Польшѣ, въ губ. Волынской, Кіевской, Воронежской, Харьковской, Херсонской, Таврической, на сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ, въ губ. Астраханской, Оренбургской, южной части Пермской и въ Казанской. Въ центральной Россіи найдена въ губ. Тульской и Рязанской, изъ чего можно думать, что сѣверная граница распространенія этой птички идетъ приблизительно отъ 59° с. ш. на западѣ къ 57° с. ш. на востокѣ.

Малая курочка изрѣдка прилетаетъ въ южную Россію въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта, чаще же въ первой трети апрѣля, въ видѣ исключенія самая ранняя особь прилетаетъ въ началѣ послѣдней трети марта, тогда какъ запоздалая видна на пролетѣ во второй половинѣ апрѣля. Время прилета въ западной и восточной части страны неизвѣстно, но едва ли ранѣе второй половины апрѣля можетъ появиться здѣсь малая курочка. Мѣстомъ жительства эта птичка избираетъ болота, особенно около тальниковъ и ольховыхъ рощъ, болотистые луга съ зарослями тальника, тростника и съ озерами, а также болѣе значительныя озера съ чистою водою по срединѣ, но обильно поросшія по окраинамъ камышемъ и съ разбросанными тамъ и сямъ кочками. Если, вдобавокъ, кувшинки раскинули на такихъ озерахъ свои листья, курочка имѣетъ все для нея необходимое, такъ какъ, ничѣмъ не обезпеченная, она охотно выходитъ на чистыя мѣста и либо плаваетъ здѣсь, либо бѣгаетъ по листьямъ кувшинокъ, въ случаѣ же опасности забивается подъ камыши и прячется здѣсь такъ, что найти

ее почти невозможно. Призывный крикъ описываемой птички состоитъ изъ часто слѣдующихъ другъ за другомъ „кикъ-кикъ-кикъ“. Для добыванія корма, который состоитъ изъ червячковъ, насѣкомыхъ и небольшого количества растительныхъ веществъ, птичка часто ныряетъ. Летаеть же крайне неохотно и только въ случаѣ полной необходимости.

Свое гнѣздышко курочка помѣщаетъ или на иловучихъ массахъ срѣзаннаго тростника, или на болотистой почвѣ среди камыша и тростника. По сравненію съ величиной птички гнѣздо довольно велико и представляетъ собою неособенно прочную постройку изъ разныхъ водяныхъ растений. Въ періодъ кладки яицъ, въ концѣ мая, позднимъ вечеромъ часто можно слышать брачный призывъ самца, похожій на звуки *вюиттъ-кворръ*. Число яицъ кладки 7 или 8. Длина ихъ измѣняется отъ 1,3 до 1,2 д., поперечникъ отъ 0,9 до 0,85 д. Основной цвѣтъ жетовато-бурый и по немъ разбросаны не очень ясныя черно-бурья и въ небольшомъ числѣ болѣе свѣтлыя просто темно-бурья пестрины. Въ послѣдней трети іюня въ южной Россіи удается встрѣчать уже порхающихъ птенцовъ, которые становятся вполне самостоятельными въ августѣ; однако чаще поршки попадаютъ въ первой половинѣ іюля, а благодаря тому, что яйца малой курочки часто гибнутъ отъ луней, нерѣдкость встрѣтить пуховыхъ птенчиковъ и въ концѣ іюля. Главная забота о воспитаніи дѣтей падаетъ на самку, но самецъ держится обыкновенно недалеко отъ семьи и въ случаѣ опасности помогаетъ самкѣ отводить врага.

Осенній пролетъ и отлетъ курочекъ въ южной Россіи происходитъ около половины сентября, лишь очень рѣдко отдѣльныя особи остаются до конца этого мѣсяца и даже до октября.

Малую курочку бьютъ случайно. Главная трудность добыванія этой птички состоитъ въ томъ, что ее обыкновенно приходится стрѣлять на очень близкомъ разстояніи, что влечетъ за собой либо то, что птичка бываетъ совершенно разбита зарядомъ, либо промахъ.

68. Курочка крошка.

Porzana bailloni, Vieill.

Табл. 71.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 469.

Надо думать, что эта птичка распространена во всей южной полосѣ Россіи, до того обширно ея распространеніе въ Европѣ, Азій и даже Африкѣ. А между тѣмъ наши свѣдѣнія о ней совершенно ничтожны. Пока она найдена у насъ въ Крыму, губ. Харьковской, Оренбургской и Уфимской, и съ достовѣрностью — нигдѣ больше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже Харьковскую и Уфимскую губ. едва ли можно считать входящими въ районъ нормальной области распространенія у насъ описываемаго вида, до того рѣдка тамъ курочка крошка. По образу жизни эта птичка такъ сходна съ предыдущимъ видомъ, что останавливаться на ней съ этой стороны не для чего, тѣмъ болѣе, что оригинальныхъ наблюденій надъ ней у насъ не имѣется.

69. Погонышь.

Porzana maruetta, Leach.

Табл. 72.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 471.

Болѣе распростран. названія: *погонышь, болотный коростель.*

Мѣстныя названія: *курочка, болотная курочка, болотный коростель, коростелекъ, погонышь, пастуль* (болѣе или менѣе повсемѣстно); *обыкновенная водяная курочка* (Оренбург.); *погонышь, водяная курочка* (Харьков.).

Польск.—*kurka wodna, kurka*—Эстл.—*wee—wi'*—Фин.—*kaislarääkkä*.

Погонышь распространень у насъ несомнѣнно шире близкихъ къ нему болѣе мелкихъ видовъ. Въ Финляндіи онъ гнѣздится къ сѣверу до 63°51', въ области Сѣверной Двины до Архангельска, но отсюда сѣверная граница его распространенія быстро понижается и на Уралѣ доходитъ приблизительно только до 61° с. ш. Отсюда къ югу распространень по всей странѣ, съ Кавказомъ и Закавказьемъ, но въ Крыму и на Кавказѣ гнѣздится не въ такомъ количествѣ, какъ въ собственно южной Россіи, тогда какъ на пролетѣ очень обыкновененъ. Отдѣльныя особи встрѣчаются въ Крыму даже зимою.

Подобно своимъ собратьямъ, погонышь держится въ густыхъ заросляхъ камыша, палочника, ситника и другихъ растений по рѣчнымъ заливамъ, озерамъ и прудамъ, и здѣсь прячется съ такой ловкостью, что на глаза попадаетъ только случайно или когда его наблюдаютъ изъ засады. При этомъ можно убѣдиться, что по вечерамъ птичка сама охотно выходитъ на окраину своихъ зарослей, и здѣсь съ ловкостью перебѣгаетъ по широкимъ листьямъ кувшинокъ, въ поискѣ за кормомъ. Но если птичка замѣтитъ, что за ней слѣдятъ, она сейчасъ же уходитъ въ свои трущобы, при чемъ съ удивительной ловкостью перебѣгаетъ по тинѣ, перелѣзаетъ черезъ сучья или пролѣзаетъ подъ ними, вплавъ и ныряя переправляется черезъ глубокую воду, однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, пользуется въ своемъ бѣгствѣ всѣми возможными способами передвиженія, кромѣ

полета. Летаетъ погоньшъ плохо, опуская задъ, свѣшивая ноги и часто махая крыльями. Застигнутый врасплохъ на какой-нибудь луговинѣ и будучи вынужденъ летѣть, совершенно теряется и часто ограничивается тѣмъ, что прижимается къ землѣ. Однако, присутствіе погоньша можно безъ труда опредѣлить, не выдавши птицу, по ея своеобразному свисту. За этотъ чистый, отрывистый, короткій и частый свистъ погоньшъ и получилъ названіе „пастуха“.

О времени прилета погоньша мы знаемъ слѣдующее. Въ Крымъ эта птичка прилетаетъ между 24 марта и 7 апрѣлемъ, при чемъ всегда сразу появляется въ большомъ количествѣ. Прилетаютъ ночью и потому тамъ, гдѣ наканунѣ еще не было ни одного погоньша, на утро ихъ сразу находятъ десятками, особенно, если ночь была вѣтреная и дождливая. Въ Харьковской губ. пролетъ наблюдается съ самаго конца марта до конца апрѣля, главная же масса птицъ пролетаетъ въ первой трети и въ срединѣ этого мѣсяца. Въ среднюю Россію погоньши прилетаютъ во второй половинѣ или въ концѣ апрѣля, въ сѣверную полосу своей гнѣздовой области только въ началѣ мая. На пролетѣ, какъ и позднѣе, погоньши держатся въ одиночку или слѣдуютъ разсѣянной группой, всегда невысоко. Когда погоньшъ возвращается на свою родину, здѣсь еще такъ голо, что птичкѣ съ трудомъ удается прятаться, даже при ея ловкости; поэтому проходитъ довольно много времени, прежде чѣмъ погоньшъ приступаетъ къ гнѣздовитію, и даже въ южной части Кіевской губ. первыя яйца погоньша находятъ только около 10 мая. Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ средней Россіи, ненасиженные яйца встрѣчаются въ половинѣ іюня. Мѣстомъ для гнѣзда выбирается трудно доступная топь, самое же гнѣздо располагается или между поломанными тростинками, или на кочкѣ и устраивается изъ листьевъ камыша, осоки и другихъ водяныхъ растеній, складываемыхъ въ довольно большую, сравнительно съ величиною птицы, кучку, на вершинѣ которой помѣщается лоточекъ. Число яицъ кладки бываетъ отъ 8 до 12; въ видѣ исключенія даже до 16. Если птица потеряла первую кладку, наприм., вслѣдствіе преслѣдованія болотнаго луня, она несется вторично, чѣмъ и объясняется нахожденіе яицъ погоньша даже въ теченіе первой трети іюля. Основной цвѣтъ яицъ измѣняется отъ глинистаго до блѣдно-зеленоватаго, съ разбросанными по немъ поверхностными бурыми пятнышками и точками и глубокими лиловато-сѣрыми. Длина яицъ колеблется отъ 1,4 до 1,2 д., поперечникъ отъ 1,0 до 0,9 д. Самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, воспитываетъ дѣтей въ тѣхъ же заросляхъ, гдѣ устраиваетъ свое гнѣздо, но подробностей о семейной жизни выводковъ мы не знаемъ. Кормятся погоньши преимущественно слизняками, наѣдомыми и ихъ личинками, ловко обирая ихъ со стеблей, или запуская клювъ въ болотную почву.

Осенній отлетъ погоньшей изъ сѣверной Россіи происходитъ въ августѣ. Въ августѣ же, но преимущественно въ сентябрѣ, отлетаютъ погоньши изъ средней Россіи. Въ южной осенній пролетъ и отлетъ длятся съ начала сентября до половины октября.

70. Пастушокъ.

Rallus aquaticus, Briss.

Табл. 73.

Мензбиръ, Птицы Россіи, т. I, стр. 474.

Болѣе распростран. названія: *пастушокъ, водяной пастушокъ.*

Мѣстные названія: *пастухъ, пастушокъ, конюхъ* (южн. Россія); *по-голышиъ, пастушокъ* (Харьковск. губ.); *красноногая водяная курочка* (Оренбург.).

Польск.—*wodnik.*—Фин.—*rantakana.*

Сѣверная граница распространенія у насъ пастушка начинается на западѣ подъ 60° с. ш. въ Петербургской губ. и постепенно спускается къ югу, по мѣрѣ удаленія на востокъ, такъ что на Уралѣ лежитъ уже только подъ 54° с. ш. Самыя сѣверныя губерніи, гдѣ эта птица найдена по всей вѣроятности гнѣздящейся, Петербургская, Казанская и Уфимская. Благодаря скрытному образу жизни пастушка, его очень трудно найтти и этимъ объясняется крайняя отрывочность нашихъ свѣдѣній о распространеніи и образѣ жизни этой птицы. Въ Крыму, губ. Стравропольской и Астраханской и въ Закавказьѣ пастушокъ найденъ на пролетѣ и зимою, но, повидимому, не гнѣздится здѣсь, хотя отдѣльныя особи были находимы въ Крыму и лѣтомъ.

Пастушокъ выбираетъ мѣстомъ своего жительства самыя недоступныя тростниковыя крѣпи, осоковыя болота, рѣчные плесы съ густымъ тростникомъ и, наконецъ, болотистые луга съ озерцами и густой растительностью. Здѣсь птица съ ловкостью мыши шныряетъ между тростниковыми и другими стеблями, преслѣдуя насѣкомыхъ или разыскивая слизняковъ, и если никто ее не беспокоитъ, выбѣгаетъ на короткое время даже на чистую воду, на листья кувшинокъ. По характеру своему это очень дѣятельная, но одиноко живущая птица, которая не собирается въ стайки даже на пролетѣ. Вся суточная забота пастушка направлена на розыскъ корма и прятанье отъ болотнаго луня и болотной совы. Крикъ пастушка двоякаго рода: вес-

ной самецъ издаетъ особый свистъ, за который, подобно погоньшу, его и зовутъ у насъ пастушкомъ, въ другое время голосъ его походить на мелодичный звукъ „крикъ“.

Пастушки начинаютъ прилетать въ южную Россію не ранѣе 25 марта, въ среднюю только въ концѣ апрѣля. Усиленный свистъ пастушковъ слышенъ въ южной Россіи съ половины апрѣля до конца первой трети мая, въ средней преимущественно въ маѣ. Въ это время самчки очень возбуждены, разыскиваютъ другъ друга на свистъ и вѣроятно дерутся изъ-за обладанія самками. Гнѣздо устраивается въ непролазной чащѣ камыша и ольховыхъ зарослей и представляетъ собою довольно искусно свитую постройку изъ камышевыхъ, осоковыхъ стеблей и листьевъ и другого растительнаго матеріала. Помѣщается оно или на низко стелящихся вѣтвяхъ ольхи или на кучѣ прошлогодняго камыша. Съ половины мая по іюнь включительно, смотря по широтѣ мѣста, въ гнѣздахъ пастушковъ находятъ ненасиженные яйца. Полная кладка обыкновенно состоитъ изъ 6—8 яицъ, но иногда число ихъ возрастаетъ до 11. Длина ихъ отъ 1,5 до 1,28 д., поперечникъ отъ 1,09 до 0,98 д. Основной цвѣтъ яицъ измѣняется отъ блѣдно-охристаго до рыжегато-бѣлаго, и по немъ разбросаны поверхностныя красновато-бурыя и глубокия фіолетово-сѣрыя пятнышки, которыя обыкновенно гуще собраны на тупомъ концѣ. Никакихъ подробностей относительно воспитанія молодыхъ не имѣется, но, повидимому, оно всецѣло падаетъ на самку.

Отлетъ пастушковъ начинается еще въ августѣ, но особенно сильный пролетъ въ южной Россіи замѣчается съ начала сентября по начало послѣдней трети октября. При этомъ ихъ часто наблюдаютъ въ травѣ на мокрыхъ лугахъ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ иногда можно вспугнуть довольно много этихъ птицъ, но въ настоящія стаи они никогда не собираются даже въ это время. Большинство птицъ летитъ ночью, но если мѣстность благоприятствуетъ, пастушки пускаются въ путь уже съ вечера, перебираясь въ извѣстномъ направленіи бѣгомъ черезъ камыши и трясины.

Охота за пастушкомъ носить такой же случайный и неопредѣленный характеръ, какъ охота за всѣми болотными курочками.

Membr, M.
Rossi i Ka

59.82 (47)

AMNH LIBRARY

100106487

AMERICAN MUSEUM OF NATURAL HISTORY